ГЕНРИХ КУНОВ

(11.04.1862 — 26.08.1936)

БОРЬБА КЛАССОВ и ПАРТИЙ
в ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОД, ПРЕДИСЛОВИЕ и ДОПОЛНЕНИЯ *И.СТЕПАНОВА*[#]

ТРЕТЬЕ, ВНОВЬ ПЕРЕСМОТРЕННОЕ, ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА * 1923 * ПЕТРОГРАД

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

В нашей библиотеке размещена работа Г.Кунова «Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции» http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71864548.htm Рекомендуемые тематически связанные материалы указаны нами после содержания каждой главы.

СОДЕРЖАНИЕ

К первому русскому изданию. И.Степанов
Ко второму русскому изданию. И.Степанов
Предисловие автора к первому немецкому изданию
Предисловие автора ко второму немецкому изданию

Введение

Глава первая. **Экономические и классовые противоречия к началу революции**
1. Классовое расслоение духовенства
2. Придворное дворянство и половники
3. "Дворянство мантии"
4. Феодальное дворянство
5. Отношение дворянской палаты к вопросу о конституции
6. Буржуазное чиновничество
7. Финансовая и торговая буржуазия
8. Мануфактурная промышленность и ее развитие
9. Требования средних слоев деловой буржуазии
10. Крупные мастера и мелкие мастера-работники
11. Цеховые стремления среди подмастерьев
12. Положение парижских промышленных рабочих
13. Парижская полупролетарская интеллигенция
14. Господская прислуга
15. Обнищание крестьянства
16. Французская буржуазия 1789 г. в свете ее наказов

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции
Е.Лебедева. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства
З.Иванова. Дискуссии о французском дворянстве
Л.Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции
Л.Пименова. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе "века Просвещения" (по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)
Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры франц. дворянства XVIII в.
Агония французского абсолютизма / В коллективной монографии "Французское Просвещение и Революция". Ч.1, "Эпоха и Люди". Глава 1
Экономическая ситуация во Франции в отчетах Толозана, Неккера и Ролана (при Старом порядке)
Э.-Ж.Сийес. Что такое третье сословие?
"Круглый стол": Французская революция XVIII в. и буржуазия
А.Ревякин. Французская революция и буржуазия
Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка
А.Адо. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г.
А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг.
А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм (конец старого порядка — середина XIX в.)
С.Лотте. "Республиканское сословие": из истории французского предпролетариата XVIII в.
С.Лотте. Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции
С.Лотте. Рабочий вопрос в Лионе накануне революции (По поводу одного конкурса, объявленного аббатом Рейналем)
Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.
Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции
К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции
Доклад *Ле Шапелье* и декрет относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии
М.Домнич. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь

[#] **Иван Иванович Скворцов-Степанов,** настоящая фамилия — **Скворцов**, литературный псевдоним — **И.Степанов** (8.03.1870, Богородский уезд, Московская губерния — 8.10.1928, Сочи). Сочинения, опубл. в сети:
Скворцов-Степанов И.И. Капитал и газеты. «Вестник труда», № 2 (1909)
http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/SKVORTSOV.HTM
Скворцов-Степанов И.И. Мысли о религии. Госполитиздат, 1959
http://paredox.narod.ru/sov-sst.html

Глава вторая. **Партии и партийная пресса в 1789 году**
1. Газетная литература в мае 1789 года
2. Вопрос о порядке голосования и "третье сословие"
3. Париж перед взятием Бастилии
4. Взятие Бастилии
5. Еженедельник "Парижские революции"
6. Контр-революционные тревоги
7. Крестьянское восстание в провинции
8. Историческая легенда о 4-м августа
9. Парламентский торг из-за привилегий
10. Санкционирование 4 августа
11. Городское управление и парижская буржуазия
12. Безработица и стачки в Париже
13. Пале-Рояль
14. "Друг Народа" Марата
15. Октябрьские бури в Париже
16. Поход парижского городского управления против революционной прессы
17. Военное положение против "зачинщиков и подстрекателей"
18. Господин Бриссо и парижский Комитет Общественной Безопасности
19. Борьба за конституцию в Национальном Собрании
20 Парижская пресса в конце 1789 года

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г. (подборка документов)
«Два четырнадцатых июля»: письма, воспоминания, свидетельства
НАЦИОНАЛЬНОЕ (УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ) СОБРАНИЕ: АВГУСТ 1789 г. (подборка документов)
Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года / Реферат *Г.С.Чертковой*
А.Адо. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г.
Готье де Боза. Письма в связи с событиями августа 1789 г.
Бертран Барер. Письмо жителям Вьезака в связи с отменой феодальных прав
«Ночь чудес» - для дураков?.. (дискуссия)
Готье де Боза. Письма в связи с событиями 5-6 октября 1789 г.
Камилл Демулен. Из письма отцу в октябре 1789 г.
А.Лассер. Участие женщин в французской революции. Главы о событиях 5-6 октября 1789 г.
Ю.Попов. Публицисты Великой Французской революции
В.Сергиенко. Конституционные монархисты - эмигранты времен Французской революции

Глава третья. **Либеральная буржуазия и крестьяне**
1. Закон о коммунальном управлении
2. Постановления, не получившие законной силы
3. Новые крестьянские бунты
4. Феодалы из буржуазии
5. Исключительные законы против крестьян
6. Сохранение феодальных прав
7. Господское право и крестьяне, право
8. Закон 3 мая 1790 года о выкупе феодальных повинностей
9. Аграрные законы 18 декабря 1790 года и 7 июня 1791 года
10. Конец феодального права
11. Борьба за общинные земли
12. Возвращение общинных земель деревням

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг.
Аграрное законодательство Учредительного Собрания (подборка документов)
Аграрное законодательство Законодательного Собрания (подборка документов)
А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм (конец старого порядка — середина XIX в.)

Глава четвертая. **Буржуазия и рабочие**
1. Стачки и хлеб
2. Парижские мастерские для безработных
3. Как Национальное Собрание борется с безработицей
4. Против права коалиций
5. Проявления классовой борьбы
6. Расширение избирательного права
7. Жирондисты и продовольственная нужда
8. Якобинский закон 28 июня 1793 года об организации обеспечения

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

С.Лотте. Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции
Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.
Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции
К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции
Доклад *Ле Шапелье* и декрет относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) (подборка документов)

Глава пятая. **Роялистско-клерикальные и аристократическо-конституционные группы в 1789—1792 годах**
1. Антуан Ривароль
2. "Деяния апостолов"
3. "Друг короля" аббата Руайю
4. "Французский Меркурий"

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

В.Дорошевич о журналистах Великой французской революции - в публикации *С.Букчина*
К.Раткевич. Газеты Великой французской революции
Материалы о Ривароле: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rivr

Глава шестая. **Либеральная пресса**
1. Либерализм и избирательный ценз
2. "Парижский журнал" и "Национальная газета"
3. "Курьер Прованса" Мирабо
4. Мирабо и июльские дни 1789 года
5. Борьба за права человека
6. Страх перед народом

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :
Ю.Попов. Публицисты Великой Французской революции
К.Раткевич. Газеты Великой французской революции
Материалы о Мирабо: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#mirab

Глава седьмая. **Жирондистская пресса**
1. Жирондисты, как представители деловой буржуазии
2. Жан Пьер Бриссо
3. Жирондистская пресса в эпоху Конституанты
4. Возникновение революционных войн
5. Борьба жирондистов против "ультра-революционеров"
6. Налоговая политика жирондистов
7. Борьба за максимум

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :
дискуссия и подборка материалов о жирондистах: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm
А.Гордон. Падение жирондистов
А.Гордон. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.
Конституция 1793 года: альтернативные проекты и прения
С.Блуменау. Колло д'Эрбуа и начало федералистского восстания
Т.Черноверская. Разговор на разных языках: Сен-Жюст и борьба Горы и Жиронды
Э.Гусейнов. Жиронда в период Законодательного собрания
Э.Гусейнов. Жиронда и перспективные проблемы изучения Великой французской революции
Материалы о Бриссо: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#brst
К.Раткевич. Газеты Великой французской революции

Глава восьмая. **Дантонисты и их пресса**
1. Камиль Демулен как журналист и политик
2. "Французские и брабантские революции"
3. Камиль Демулен и "бриссотинцы"
4. "Старый Кордельер"

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :
К.Раткевич. Газеты Великой французской революции
Ю.Попов. Камилл Демулен
В.Чистяков. К.Демулен – публицист
Материалы о Демулене: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem

Глава девятая. **Политико-теоретический ежегодник якобинцев**
1. Буржуазия в парижской городской думе
2. Учреждение для краснобайства
3. Монархические тенденции
4. Нанси
5. Лафайет и парижская национальная гвардия
6. Аграрный закон
7. Предприниматели и наемные рабочие
8. Во время второго Национального Собрания
9. Во время Конвента

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :
А.Тырсенко. Фельяны
ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС (подборка документов)
Н.Владимирова. Якобинский клуб в дни вареннского кризиса лета 1791 г.
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)

Глава десятая. **"Друг Народа" Марата**
1. Политическая философия и политика Марата
2. Начало борьбы "Друга Народа"
3. "Друг Народа" как защитник мелких ремесленников и наемных рабочих
4. Два летучих листка
5. "Слабоголовый" на троне Бурбонов
6. Накануне и после 10 августа 1792 года
7. "Журнал Французской республики"
8. Против продовольственных спекулянтов

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) (подборка документов)
«ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»: весна-осень 1792 г. (подборка документов)
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)
Все материалы о Марате, его сочинения и письма: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat

Глава одиннадцатая. **Гебер и его "Отец Дюшен"**
1. Парижский интеллигентный пролетариат
2. Жак Рене Гебер
3. Воспитание и религия
4. Антикоммунистические тенденции "Отца Дюшена"
5. Санкюлоты и монополии

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)
М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины
Д.Ростиславлев. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры. О некоторых особенностях газеты Ж.-Р.Эбера «Пер Дюшен»
В.Ревуненков. Гибель эбертистов
Эбертисты: Жан Жорес vs Морис Славин (дискуссия)
Материалы об Эбере: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#duch
Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады Мирабо, Талейрана, Кондорсе, Лавуазье и др. / перевод и вступит.статья О.Е.Сыркиной, под ред. А.П.Пинкевича

Глава двенадцатая. **Пять лет партийной борьбы**
1. Либеральная буржуазия у власти
2. Политика промышленных интересов
3. Расколы среди якобинцев
4. Мелко-буржуазное большинство в парижском городском совете
5. Парижская мелкая буржуазия и католическая церковь
6. Класс и партия

тематически связанные материалы,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов)
Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры
С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба
Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.
А.Олар и *Ж.Жорес* о Конституции 1793 (подборка материалов)
Конституция 1793 года: альтернативные проекты и прения
Н.Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны
М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины
Ц.Фридлянд. Классовая борьба в июне-июле 1793 г.
Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.
Я.Захер. Движение «бешеных»
Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация
Парижская коммуна в борьбе с религией и церковью: сборник документов
А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802
А.Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции
А.Олар. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции
Ф.Маутнер. Атеизм в эпоху Великой французской революции
Я.Захер. Великая французская революция и церковь
М.Домнич. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь

Приложение (ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ 1776-1794 гг.)

Работы общего характера по истории Великой французской революции,
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm :

С.Лотте. Великая французская революция (М.: гос. социально-экономическое изд-во. 1933)
А.Матьез. Французская революция (В 3 тт. Пер. с франц. К.Цидербаума, С.Лосева. М., 1928-1930. Переиздано: Р-н-Д, Феникс. 1995)
А.Олар. Политическая история Французской революции (в библиотеке Crusoe http://on-island.net/History/)

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Великая революционная борьба наших дней вызывает повышенный интерес к первой французской революции, предтече и прообразу революций новейшего времени.

В русской литературе имеется достаточно работ о великой французской революции, оригинальных и переводных, посвященных изображению как ее общего хода, так и отдельных сторон предреволюционной и революционной эпох.

И тем не менее новая работа, принадлежащая перу Генриха Кунова, займет место, оставшееся до сих пор незаполненным не только в русской, но и в несравненно более богатой иностранной литературе.

Кунов прошел через школу марксизма. И уже это одно изощряет его взгляд к таким сторонам исторического прошлого, которые буржуазными историками обходились молчанием и должны были обходиться молчанием.

Они не видели того до чрезвычайности сложного расслоения французского общества, которое придало французской революции ее несравненный размах, ее поразительную глубину и ее захватывающий драматизм.

Но они чувствовали, что уже в эту эпоху нарождались те самые классовые противоречия, которые, достигнув зрелости в современном обществе, должны будут найти исход для себя в социальной революции, более решительной и глубокой, чем все перевороты, которые переживало до сих пор человечество. И, чувствуя это, они, обращаясь к французской революции, не только изучали ее, но и вели борьбу против грядущей революции, несравненно более глубокой, чем все предыдущие революции, так как она принесла с собою не передвижку власти

в пределах собственников, а полное отрицание и феодальной, и капиталистической собственности.

Прошлая история человечества оставила нам в наследие не только орудия принуждения: тюрьмы, суды, полицию и казарменную постоянную армию, которые буржуазия противопоставляет рабочему классу. Прошлая история человечества, обработанная историками господствующих классов, оставила многочисленные мифы и легенды, которые затемняют остроту взгляда и спутывают представления об условиях, в которых развертывается и будет развертываться революционная борьба современности.

К числу таких легенд принадлежит ходячее представление о революционности французской буржуазии конца XVIII века, об ее решительной борьбе против старого строя, о роли передового борца, сыгранной ею в эту эпоху.

Эта легенда давала видимость исторической обоснованности всем оппортунистам, всем соглашателям на Западе и в особенности в России. Еще в эпоху нашей первой революции (1905 года) меньшевистская литература дала истории Франции использование, которое в прославлении героического периода французской буржуазии шло дальше, чем шли буржуазные историки, все же ограниченные в своем творчестве действительною историей. И еще в наши дни обычная схема рассуждений этой литературы такова: наша революция должна устранить помехи развитию буржуазного общества. Следовательно, наша буржуазия, подобно французской, заинтересована в совершении и завершении переворота. А потому, если революционная демократия не оттолкнет буржуазию своею «бестактностью» и «эксцессами», если она не будет выходить из рамок объективно осуществимого,—из рамок того самого, в осуществлении чего заинтересована буржуазия,—эта демократия может итти рука об руку с буржуазией до конца революции. И так как революция приведет буржуазию к власти, то буржуазия с самого начала должна стать у власти, и лучше всего было бы, если бы демократия предоставила ей одной исполнить свою историческую миссию. Единственно разумное и целесообразное, что остается на долю демократии, это—осторожно, вежливо и деликатно буржуазию «подталкивать».

Книга Кунова способна положить конец этой легенде и ее

русскому использованию. Уже тот очерк предреволюционной Франции, который дан в выходящем сейчас первом выпуске [1]), показывает, насколько сложен был действительный общественный строй Франции по сравнению с только что изложенными историческими домыслами. А когда Кунов перейдет к изображению революционных событий, то окажется, что двигателем революции была революционная демократия: «низы» городского и деревенского населения. Напротив, буржуазия в своей массе, за исключением некоторых малочисленных групп, повернулась спиной к революции не «на второй», а «в первый» же ее день. Да и эти группы были отнюдь не двигателями, а могильщиками развертывающейся демократической революции: их умеренный либерализм должен был убить революцию, исторически он не имел много значения. Даже эти группы были не революционными борцами, а соглашателями, которые, пользуясь революционной борьбой демократии, хотели только соучастия в старой власти, но отнюдь не ее решительного уничтожения. Торг с старою властью, а не борьба, решительная ненависть к действительно революционным борцам, а не готовность к союзу с ними, починочки и поправочки в старом, а не его ниспровержение, — такова была позиция этих групп буржуазии.

Уже из этого видно, какою современной книгой становится книга Кунова в наши дни, когда мы едва изжили период разных «коалиционных министерств», «демократических совещаний» и «предпарламентов», потопленных пустопорожним красноречием социал-патриотов, социал-соглашателей: социалистов-революционеров и меньшевиков.

Книга Кунова натолкнет современного читателя на ряд неожиданных сопоставлений. Попытку буржуазии и соглашателей окопаться в Учредительном Собрании и в органах местного самоуправления, ненависть их к революционной столице, курс Керенского по отношению к армии и т. д.,—все это переживала и революционная Франция.

О том, что дает Кунов по сравнению с другими работами, посвященными тому же предмету, читатель отчасти может судить

---

[1]) Первое русское издание книги было разбито на выпуски. Первый выпуск, к которому дано это предисловие, составился только из глав первой и второй.

по моей брошюре: «Марат и его борьба с контр-революцией», в основу которой положен отдел из книги Кунова [1]).

В немецкой с.-д. литературе Кунов уже давно известен, как видный теоретик. Начиная с 90-х годов, он дал несколько любопытных исследований по истории первобытной культуры. Из них в особенности следует отметить «Организации родства у австралийских негров» и «Социальный строй государства Инков» (Перу). Первая из этих работ встретила высокую оценку и у буржуазных ученых. Она дала толчок теории «организаций по возрастам» Шурца, что последний признавал более или менее открыто. Из статей Кунова на русский язык были переведены «Социальные основы патриархата», в которой Кунов дал все то методологически интересное, что впоследствии как новинку повторил Гроссе в «Формах семьи и в формах хозяйства». Наконец, к области же первобытной культуры относятся «Возникновение религии и веры в бога»,—сборник переработанных статей, часть которых лет 5—6 тому назад была напечатана в журнале «Neue Zeit», и чрезвычайно ценная для понимания социальных источников библии брошюра: «Теологическая или этнологическая история религии?» [2]).

В настоящее время имя Кунова само по себе не может служить рекомендацией его работы. Кунов—один из крайних правых шейдемановцев, германских социал-патриотов. В сентябре 1917 года центральный комитет шейдемановцев устранил Каутского от редактирования с.-д. теоретического журнала «Neue Zeit», который Каутским был создан и за 35 лет превращен в лучший теоретический орган марксизма. Каутский, занявший по отношению к войне позицию правого центра, при всей его умеренности оказался слишком левым для шейдемановцев и был заменен Куновым.

Однако, социал-патриотизм теперешнего Кунова нисколько не уменьшает ценности его книги, появившейся почти 10 лет тому

[1]) В настоящее время эта брошюра, составившаяся из статей, напечатанных в „Известиях Московского Совета Раб. Деп." за апрель—май 1917 г да, выдержала несколько русских изданий, а также выпущена в польском переводе.

[2]) Первая из этих работ издана по-русски в моем переводе и выдержала уже три издания, вторая изложена мною в книге „Происхождение нашего бога".

назад, как оппортунизм теперешнего Каутского не уничтожает значения целого ряда работ, написанных прежним Каутским. Более того: в обоих случаях прежние работы часто дают материал для критики той позиции, которую заняли в настоящее время Кунов на крайнем правом фланге, Каутский—в центре германской социал-демократии [1]).

В большинстве случаев мы даем перевод Кунова. Но так как его книга предполагает наличность у читателя предварительного знакомства с общим ходом революции, то местами мы сделали небольшие вставки, благодаря которым книга будет доступна и для читателя, не обладающего таким общим знакомством. Мы стремились к тому, чтобы читатель, приступающий к изучению предмета впервые по книге Кунова, не встретил особенных затруднений.

Для читателей, которые хотели бы ближе заняться историей французской революции, укажем, что довольно популярные изложения ее общего хода даны в книгах В. Блоса (германский с.-д.), Карно, Минье и Гейсера. Не имеет особенного значения, какую из этих книг читатель возьмет для начала, хотя первая все же предпочтительнее остальных. Из больших общих работ по истории французской революции наибольший интерес представляет книга Олара, буржуазного республиканца-демократа, выделяющегося по своей объективности.

Для знакомства с общественным строем предреволюционной Франции и для понимания движущих сил революции до сих пор сохраняет свою ценность небольшая книжка Каутского: «Противоречия классовых интересов во Франции 1789 г.», хотя со времени первого ее издания (с которого она переведена на русский язык) прошло больше четверти века. Для тех, кто хотел бы расширить свое знакомство с дореволюционным строем, все еще можно рекомендовать старинную работу Токвиля: «Старый порядок и революция», хотя скоро будет три четверти века от ее написания. Из обширных работ по тому же предмету особенного внимания заслуживает книга М. М. Ковалевского: «Происхождение современной демократии», т. I (и в этом томе можно ограничиться частью первой). Однако обширные размеры

[1]) В позднейшее время Каутский передвинулся еще больше вправо и воссоединился с шейдемановцами.

книги, в особенности разросшейся начиная со 2-го издания, и излишняя перегруженность ее фактическим материалом, иногда несколько разбросанным, представляют немалые затруднения для читателя, не располагающего достаточным временем.

В качестве первоначального введения, которое способно пробудить интерес к предмету и в то же время подготовить к пониманию революционных событий, можно указать на беллетристическое произведение: Эркман-Шатриан, «История крестьянина» (главным образом первая половина этого романа).

В этом перечне указаны исключительно книги, имеющиеся в русском переводе.

И. Степанов.

Январь 1917 года.

КО ВТОРОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

В то время, когда печатались на русском языке выпуски книги Кунова, он пользовался известностью по преимуществу как социал-патриот. Это не помешало литературной критике и читателям по достоинству оценить его работу. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что она признана теперь необходимым пособием для углубленного понимания великой французской революции. Об этом свидетельствует между прочим и то обстоятельство, что, несмотря на очень крупный тираж, каждый выпуск исчезал из продажи через $1\frac{1}{2}$—2 месяца.

Новое русское издание пересмотрено и переработано по второму немецкому изданию. В первом русском издании две первых главы в интересах большей популярности были подвергнуты некоторым изменениям. Впервые приступая к изданию книги Кунова, я опасался, что массовый читатель, натолкнувшись на затруднения в первом выпуске, пройдет мимо этой замечательной работы в целом.

В настоящее время такая опасность отпадает. Поэтому в новом издании полностью восстановлен действительный текст Кунова. Все дополнения переводчика, внесенные в последний, выделены и набраны более мелким шрифтом. Местами они очень значительные. На зато они дают достаточно ясное представление о тех событиях, которые Кунов предполагает известными читателям.

Конечно, в 1912 году, когда Кунов выпускал новое издание своей книги, он не мог знать, что через два года сделается социал-патриотом и что через пять-шесть лет две дополнительные главы (третья и четвертая) второго издания приобретут величайший интерес для России: дадут неожиданное историческое оправдание тактике коммунистов (большевиков).

Восьмимесячный период политического господства соглашателей был для российской революции столь же бесплодным в социальном отношении, как четырехлетнее политическое преобладание соглашателей в великой французской революции. Только видя упорное нежелание двора итти на какие бы то ни было уступки, французские соглашатели открывали, что без поддержки масс у них нет реальной опоры против сил реакции, и приступали к феодальным отношениям, но не для того, чтобы их уничтожить, а для того, чтобы обеспечить выкуп за большинство феодальных прав. Для рабочего же класса того времени, или, точнее, для «предпролетариата», у различных оттенков и направлений либерализма революционной эпохи, до жирондистов включительно, вообще оставались только воспрещение стачек, союзов и собраний, лишение избирательных прав да военное положение.

Только с того времени, когда одержало победу радикальное якобинство, опиравшееся на действительно революционные народные массы Парижа и других городов, наступила эпоха действительно революционных крестьянских и рабочих реформ. Французская буржуазия эпохи буржуазной революции оказалась неспособной разрешить объективные задачи этой революции. Только устранив ее главарей из Конвента и только подавив сопротивление областей, в которых Жиронда и ее контр-революционные сторонники, до откровенных феодалов включительно, находили поддержку, якобинцы устранили препятствия революционным реформам, объективно возможным и необходимым для той эпохи.

Как бы ни сложилась в ближайшее время международная обстановка, одно несомненно: будущий историк станет рассматривать период политического преобладания коммунистов-большевиков под таким же углом зрения, как Кунов рассматривает эпоху, открывшуюся победою якобинцев. На новой ступени экономического и политического развития, в совершенно иную историческую эпоху, рабоче-крестьянская власть, опирающаяся на современный пролетариат и на массовое крестьянство, уже успела сыграть такую же роль, какую в конце XVIII века во Франции сыграли радикальные якобинцы, опиравшиеся на революционную мелкую буржуазию.

Но историческая эпоха теперь, действительно, совершенно

иная, и вся международная обстановка другая. Торговый капитал подготовил уничтожение только одной из форм эксплоатации, феодальной эксплоатации. Да и то подготовил не в равной мере в разных странах. Поэтому, достигнув наивысшего подъема в 1793 году и найдя в соседних странах отголоски в виде половинчатой крестьянской реформы, французская революция, а вместе с нею и мировая революция, быстро стала клониться к упадку.

Промышленный капитал широко вскопал, глубоко революционизировал во всем мире все общественные отношения. Не война выдвинула на очередь социалистическую революцию: она, до крайности обострив все противоречия, присущие капитализму, только ярко раскрыла и широко пропагандировала всю неизбежность, непредотвратимость и всяческую необходимость социалистического переворота. И, чем больше обнаруживают господствующие классы свою неспособность положить конец истребительной бойне, вызванной ими самими, чем больше угрожают они всему человечеству варварством, одичанием, обескровлением, искалечением и обнищанием от продления этой бойни, тем неотступнее становится эта пропаганда.

Таким образом «якобинский период» российской революции—не заключительный и не высший, а всего лишь начальный пункт мировой революции.

Нашему поколению еще многое предстоит пережить,—и много еще придется ему действовать. Нам еще много раз потребуется твердая рука, направляемая ясной, понимающей головой.

Книга Кунова, с ее дополнительными главами, способна придать нам больше ясности и понимания.

И. Степанов.

Сентябрь 1918 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ.

Не о литературной стороне французской периодической печати в эпоху великой революции идет дело в следующих главах, а о политическом характере этой печати, об отношении более важных партийных газет к конституционным, юридическим и экономическим вопросам и о тех различных интересах, которыми определялась позиция этих газет. В исторических описаниях политической деятельности отдельных партий того времени нет недостатка. Но тщетно мы искали бы ответа на вопрос, какие слои населения были представлены отдельными партиями и какие противоречия политических воззрений толкали их на борьбу между собою. Цеховые историки по большей части не видят для того никаких иных оснований, кроме честолюбия и властолюбия партийных вождей. Предлагаемая работа стремится восполнить этот пробел: она вскрывает те противоречия интересов, которые к началу революции разделяли различные слои населения, и показывает в дальнейшем, с какой необходимостью эти противоречия вели к мощным столкновениям интересов; притом, где только это оказалось возможным, политические воззрения и мотивы различных партий выражены собственными словами газет этих партий.

Материал, который для этого дает газетная литература 1789—94 годов, настолько богат, что мне было бы легко вместо одной цитаты, которою я обычно ограничиваюсь, характеризуя известные воззрения, привести четыре, пять или шесть цитат из той же газеты или из других, но того же самого партийного направления. Благодаря этому доказательность, конечно, повысилась бы, но, с другой стороны, такое умножение цитат оказалось бы утомительным для большинства читателей, и, далее, из одного тома тогда получилась бы трехтомная или четырехтомная работа для профессиональных ученых, а не книга для тех кругов, которых я преимущественно имею в виду в качестве читателей: политиков и интеллигентных рабочих.

По этой же причине я привожу имя автора и название его работы только в тех случаях, когда даю дословные цитаты. Постоянно приводить в подстрочных примечаниях в подтверждение моих собственных взглядов цитаты из источников,—это я считаю не только за пустое хвастовство начитанностью, но и совершенно бесцельным: такая ссылка на старые источники не дает никакой гарантии основательности собственного изучения,—это достаточно доказал Ипполит Тэн своей работой о «Происхождении современной Франции». Тот факт, что в каком-нибудь прежнем сочинении или историческом документе значится то же самое, что утверждает автор,—дает ли это какое-нибудь доказательство правильности его утверждения? Это не доказывает даже и того, что авторы цитируемых работ придерживались одинаковых воззрений со ссылающимся на них: ведь часто бывает,—и в особенности относится это к мемуарам,—что цитируемое место находит в предыдущих или позднейших замечаниях известное ограничение, расширение или поправку, и таким образом отдельное место далеко не точно воспроизводит наблюдения или взгляды соответствующих авторов. Но если даже заявления известного источника переданы точно, это, разумеется, еще не значит, что они правильны: показания автора нашего источника говорят нам только о том, в каком виде представлялись ему и понимались им излагаемые события, а не как они происходили в действительности. В особенности это относится, конечно, к таким сообщениям, в которых автор не ограничивается простым рассказом о виденном, а вплетает собственные соображения и суждения, преследует своим изображением определенную цель и имеет в виду определенных лиц с партийно предвзятыми мнениями. Но и в тех случаях, когда соответствующие авторы без определенных посторонних намерений просто передают виденное и пережитое ими самими, их рассказ имеет лишь условную ценность: важно, в какой мере заинтересован автор в описываемых событиях, насколько способен он к широким наблюдениям и к правильному изложению виденного и под каким углом зрения он привык наблюдать. И в настоящее время мы видим, как одно и то же политическое происшествие совершенно различно описывается

участниками в зависимости от их политической точки зрения, от их наблюдательности, их симпатий и антипатий. Точно так же и очевидцы революционных событий 1789—94 годов часто противоречат друг другу в важнейших вещах, по большей части даже несравненно больше, чем теперь противоречат сообщения политических антиподов: революционная борьба не на живот, а на смерть довела страсти до белого каления, и стекла партийных очков, в зависимости от партийного положения, делаясь выпуклыми или вогнутыми, искривлялись все больше.

Выборка из таких сообщений по рецепту Тэна, т.-е. в зависимости от того, подходит ли это к собственному пониманию и способно ли подкрепить собственные тезисы, дает, разумеется, совершенно ложную картину исторической действительности. Чтобы такая выборка не была бесцельной, необходимо сопоставить противоречия и исследовать, какое влияние на различные рассказы оказал субъективизм авторов: следовательно, необходимо предпринять тщательную критику источников. Но такая обстоятельная критика источников уместна в специальных исторических работах, а не в книге, которая обращается не к специалистам-ученым, а к более широкому кругу читателей. Поэтому я отказался от дешевого удовольствия на каждом шагу цитировать источники. Только в трех местах, чтобы демонстрировать, как поверхностны Генрих фон-Зибель, Ипполит Тэн и Жюль Кларети, когда они выдвигают свои утверждения, я постарался показать, на каких чисто субъективных гипотезах основаны эти утверждения.

Генрих Кунов.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Второе издание предлагаемой книги является под новым названием: «Партии великой французской революции и их пресса». Некоторые рецензенты первого издания отмечали, что название: «Революционная журналистика во Франции 1789—94 годов», не совсем подходящее, поскольку в этой книге трактуется не только французская периодическая печать той эпохи, но и политические партии и борьба между ними. Я не мог оспаривать правильности этого замечания, а так как во второе издание внесены две новых главы, которые подробно обрисовывают борьбу интересов, разыгравшуюся за первое пятилетие революции между либеральной крупной буржуазией, крестьянами и рабочими, то я соответственно изменил название книги.

В этих вновь присоединенных главах я останавливаюсь главным образом на трех исторических легендах, которые в течение почти столетия один историк революции повторяет вслед за другим, и которые в течение этого времени приобрели значение своего рода исторических догм:

1) Будто бы постановлениями 4-го (точнее: 6—11-го) августа 1789 года устранена наибольшая или важнейшая часть старых французских феодальных прав.

2) Будто бы либеральным законодательством первого и второго Национальных Собраний создано новое крестьянское сословие во Франции.

3) Будто этим же либеральным законодательством значительно облегчен жребий рабочих.

Насколько много было оснований за этими легендами, пусть решает сам читатель, познакомившись с содержанием третьей и четвертой главы. Я был бы очень обязан моим критикам, если бы они показали, что какие-нибудь части в этом изложении

неправильны. Но я не могу признать порочащим меня упрек одного из рецензентов первого издания, что я разрушаю все красивые иллюзии: на мой взгляд, задача историка вовсе не в том, чтобы щадить красивые иллюзии и в соответствии с этим почтительно укреплять старые исторические легенды, а в том, чтобы быть правдивым, хотя бы голая правда и показалась грубой для чувствительных душ.

В остальных главах книги ничего не изменено, только исправлены некоторые мелкие опечатки.

Генрих Кунов.

Фриденау, близ Берлина, сентябрь 1912 года.

Введение.

Ни одно историческое событие новейшего времени не нашло такого большого количества исследователей, как величественная революционная драма Франции в конце XVIII века. Историки всех стран приложили свои силы к разработке колоссального материала. Со времен краха первой наполеоновской империи, на-ряду с описаниями общего хода великого народного движения появились бесчисленные монографии об отдельных сторонах и событиях великой революции: о парламентских прениях, о заседаниях революционных клубов, о состоянии церкви, нравов, хозяйства, права, о полиции той эпохи, о походах революционных армий и т. д. А к этим специальным исследованиям присоединяется все еще растущий поток мемуаров: необозримое множество автобиографий, воспоминаний, дневников, записей путешественников, сборников писем и т. д.,—столь колоссальный материал, что добрссовестная обработка его уже теперь превышает силы отдельного историка, хотя бы он всю свою жизнь посвятил этому делу.

Несмотря на такое богатство материалов, крупные общие изложения хода революции оставляют желать очень многого, в особенности, если посмотреть на них с точки зрения материалистического понимания истории. Главный их недостаток, вопреки обычному представлению, не в том, что суждения о политических событиях и политических деятелях часто расходятся самым резким образом. Последствия французской революционной драмы оказали столь сильное влияние на всю политическую жизнь прошлого века, что такие историки, как, например, Карлейль и Луи Блан, Мишле и Зибель, Тьер и Тэн, благодаря различиям своей политической индивидуальности, совершенно естественно пришли к чрезвычайно далеко расходящимся политическим выводам. Несравненно су-

щественнее тот недостаток, что историки просто игнорируют целые стороны революционного процесса развития, притом как раз очень важные стороны. Авторы видят по большей части лишь поверхностные волны революции. Революция сводится для них почти исключительно к парламентской борьбе и партийным интригам, к народным восстаниям и битвам революционных армий. Вулканические массы, клокочущие в глубине, замечаются ими лишь постольку, поскольку раздражение этих масс время от времени прорывается в уличных демонстрациях, процессиях и восстаниях.

Находим ли мы, например, в крупных исторических работах о французской революции ближайшие данные об экономическом состоянии Франции перед 1789 годом,—т.-е. не только об ее финансах, но и об экономическом положении различных промысловых групп, в особенности крестьянства и парижских ремесленников, как цеховых, так и внецеховых? Находим ли мы в этих работах ближайшие данные об экономических противоречиях между Парижем, с одной стороны, и торговыми городами юга и юго-запада—с другой? Находим ли в них хотя бы до некоторой степени отчетливое описание экономической и налоговой политики революционных правительств и ее влияния на различные классы? Конечно, обо всем этом имеются некоторые специальные исследования, но для крупных исторических работ эти вопросы почти вовсе не существуют. Но ведь невозможно понять великую классовую борьбу конца XVIII века, не зная ее экономической подоплеки. Конечно, после 1824 г., когда Минье выпустил свою «Историю французской революции», почти общим местом для всех историков сделалось то положение, что французская революция представляла в существенном борьбу за власть дворянства и духовенства, с одной стороны, и «третьего сословия», буржуазии,—с другой. Однако с таким схематическим пониманием недалеко уйдешь даже в том случае, если по примеру некоторых новейших историков начнешь разделять «третье сословие» на состоятельную буржуазию, нашедшую свое представительство в жирондистах, и на широкую якобинскую массу. Уже с первых своих политических выступлений «третье сословие» представляло не что-либо единое и однородное, а конгломерат различных экономических групп

с многообразно расходящимися интересами. И чем более сламывалось сопротивление дворянства и связанного с ним высшего духовенства, тем резче выступали противоречия интересов внутри самого «третьего сословия».

Историки великой французской революции почти вовсе не замечают этого классового расслоения «третьего сословия» и лежащей в его основе экономической структуры. Мне известна только одна специальная работа, которая делает шаг вперед в этом направлении: *Карл Каутский*—«Противоречия классовых интересов в 1789 году» (новое нем. издание называется: «Die Klassengegensätze in der französischen Revolution»). С работой Артура Клейншмидта: «Die drei Stände in Frankreich», нечего считаться, вследствие ее поверхностности, а «Etat de la France en 1789» Эд. Буато, «Histoire des Classes ouvrières en France» Э. Левассера, «Economie rurale de France» Л. Лаверня и еще некоторые тому подобные работы можно признать лишь сборниками материалов, притом только для определенной, тесно ограниченной области хозяйства того времени. В итоге и для новейших исследователей революционной эпохи борьба между различными партиями: жирондистами, дантонистами, робеспьеристами, маратистами, гебертистами и т. д., представляется не следствием определенных классовых группировок и созданных ими противоречий интересов, а порождением личного соперничества и честолюбия.

Неудовлетворительное состояние исторической литературы отчасти обусловливается тесной связью современной исторической эпохи с революционной эпохой. Классовая борьба во французском обществе конца XVIII века во многих отношениях—предтеча, в известном смысле, можно сказать,—введение к социальной борьбе современности. При такой связи обеих эпох, буржуазный историк с самого начала приступает к делу с предвзятой точки зрения, и с этой точки зрения рассматривает борьбу партий революционной эпохи. В зависимости от собственного отношения историка к современной социальной борьбе, все политические требования французских революционных партий, идущие дальше его собственных требований, представляются ему преувеличением определенных принципов, излишеством, если только не прямо «безумством» народных страстей, подгоняемых грубыми ин-

стинктами. От такой оценки радикальных стремлений, как ненормальности, как «болезненного проявления народной фантазии», с самого начала до известной степени застрахован исследователь, поставивший себе задачу: раскрыть причинную связь стремлений революционных низших слоев народа с их жизненным положением, с условиями их общественного бытия. Раскрыв эту связь, исследователь тем самым уже приходит к историческому признанию этих стремлений.

После этого совершенно естественно и понятно, что в крупнейших либеральных и консервативных работах по истории французской революционной эпохи почти совершенно отсутствует изучение классовых противоречий в самом «третьем сословии», и что для большинства этих историков революционная драма превращается в чисто парламентскую игру интриг и борьбы, а собственно народ только по временам появляется на политической арене, как восставшая чернь, как толпа, послушно откликающаяся на призывы, исходящие от якобинских парламентских командиров.

Второй недостаток лежит в таком использовании богатой литературы мемуаров, которое часто совершенно лишено психологического понимания. Мемуары исторического лица, описывающего его участие в политической борьбе, по существу представляют ценность лишь для характеристики самого автора, но не для характеристики других лиц и, в особенности, его политических противников. В большинстве случаев мемуары являются не чем иным, как подкрашенной автобиографией: автор изображает себя не таким, каков он в действительности, а таким, каким он хотел бы представляться потомкам, и, в лучшем случае, если он старается избежать всякой ретушевки, фальшь которой он сам чувствует,—таким, каким он сам воображает себя. Но еще меньше можно положиться на его суждения о других, в особенности о противниках. Даже в том случае, если совершенно отсутствуют преднамеренные искажения, суждения всегда показывают только одно: в каком виде представлялось описываемое лицо автору в соответствии с собственным характером последнего, а не каков был в действительности описываемый; потому-то так часто бывает, что одно и

то же лицо в различных мемуарах,—если оставить в стороне некоторые внешние черты, особенно бросающиеся в глаза, получает совершенно неодинаковую оценку. Но историки нередко без всякой серьезной критики пользуются такими суждениями для того, чтобы скомпановать свои так-называемые характеристики. Нечто грандиозное в этой области дали Карлейль и еще больше Тэн. Даже несомненнейшие сплетни дамских революционных салонов являются в глазах Тэна полноценными документами, которыми он не только беззаботно пользуется для своих характеристик, но еще и дополняет их всевозможными собственными добавлениями, когда он считает это целесообразным.

Однако, причина того, что историки революции ограничиваются описанием парламентской борьбы, законодательными актами и декретами, деятельностью политических клубов и народными восстаниями, лежит не исключительно в их исторических и политических взглядах: она, по меньшей мере, хотя бы отчасти, заключается в серьезных трудностях, с которыми сопряжено получение материала для углубления в ту собственно революционную работу, которую народ развертывал под поверхностью парламентской жизни. Для первого рода исторических работ готов чрезвычайно богатый материал, отчасти уже сведенный в огромные сборники и имеющийся в большинстве крупнейших национальных и университетских библиотек. Напротив, для истории революционных народных и партийных течений в годы 1789—1794 все еще приходится с большими трудностями отовсюду собирать необходимые материалы. Многое еще скрыто в архивах или имеется только в больших парижских библиотеках и в Британском музее.

К числу таких в высокой степени ценных материалов принадлежит прежде всего колоссальная литература газет и памфлетов революционной эпохи. Даже наиболее выдающиеся историки лишь в малой мере использовали этот материал, да и они по большей части постольку, поскольку его воспроизводят сорокатомная «Парламентская история французской революции» Ру и Бюше и двухтомная «История журналов и журналистов французской революции» Леонарда Галуа. Но какой бы признательности ни заслуживала работа Галуа, она

недостаточна: в своем изложении автор стремится преимущественно дать представление о философском и идейном содержании тогдашней газетной литературы и, дальше, о даровитости и стиле, следовательно, о литературном облике наиболее выдающихся журналистов. Напротив, для истории великой революции в нашем смысле наиболее важны декларации, в особенности характерные для различия между партиями и их деятельностью и для противоречий между классами.

Революционная печать в целом дает чрезвычайно поучительный материал для понимания процесса брожения в народе и различных направлений, по которым шел этот процесс. Революционная жизнь бьет из этой литературы несравненно сильнее и с большей непосредственностью, чем из парламентских прений. Дело не только в том, что тон здесь отличается большею свежестью и решительностью: несмотря на всю фразеологию свободы, противоположность мнений и действительные движущие мотивы партийных групп пробиваются в газетной литературе с несравненно большею непосредственностью. Соотношение парламентских прений и бурного газетного водоворота такое же, как соотношение отстоявшегося экстракта и охваченной процессом брожения смеси.

Во французском Национальном Собрании очень скоро стала царить известная риторическая искусственность, известная условная рутина. Так как ораторы должны были сообразоваться с парламентскими условностями, то их речи нередко представляются поверхностными и шаблонными. Если сравнить газетные статьи партийных вождей, которые одновременно были депутатами и журналистами, с их парламентскими речами, то нельзя будет отделаться от впечатления, что их ораторские выступления по своему внутреннему содержанию всегда много ниже их журнальной деятельности. Вместо изображений положения, которые часто были глубокими, вместо учета политического момента, вместо соображений о противоречиях различных политических сил и интересов, вместо всего, что находишь в газетах,—в парламентских речах, мы почти всегда встречаем только патетические ссылки на всевозможные принципы свободы, под которыми каждый понимал разное.

Совершенно особую ценность представляет эта газетная литература для теории классовой борьбы: ее можно было бы

назвать как бы сборником исторических материалов к теории классовой борьбы. Конечно, в другие революционные эпохи человеческой истории тоже сталкивались противоречия различных интересов и тоже находили разрешение в кровавой борьбе. Но ни по общему историческому значению, ни по остроте партийной борьбы никакая другая революционная драма не может итти в сравнение с великой борьбой классов, разыгравшейся во Франции конца XVIII столетия. И между тем как прежние революции совершались при общественном расслоении, которое в настоящее время в огромной мере оставлено далеко позади, великая французская революция врезалась в нашу историческую эпоху. В известном смысле это—ворота, ведущие к современности. Классовая борьба, разыгравшаяся во французском обществе конца XVIII века, и в настоящее время не представляется чем-то окончательно решенным: напротив, возросшая и усиленная новыми осложнениями интересов, после той эпохи, она выиграла в своей остроте.

Теория классовой борьбы Маркса в известном смысле есть не что иное, как теоретический осадок того изучения революционных движений и в совершенно исключительной мере—классовой борьбы во Франции конца XVIII века, которым Маркс занимался вместе с Энгельсом. Основные элементы своей теории классовой борьбы оба теоретика, если не исключительно, то в самой существенной части нашли именно в этой борьбе. и в примыкающих к ней столкновениях между буржуазией и земледельческой аристократией.

Величайший интерес представляет поэтому изучение партийной борьбы, разыгравшейся в великой французской революции. Оно иллюстрирует историческими событиями и делает как бы наглядным содержание понятия «классовая борьба». Если воспользоваться опытом французской революции, многие из возникающих снова и снова истолкований понятия «класс» придется тотчас отбросить, как явно ошибочные. Таков, например, взгляд, что к одному и тому же классу принадлежат все, находящиеся в одинаковом материальном положении, т.-е. все, получающие доходы одинаковой величины.

Равенство доходов отнюдь не обусловливает одинаковых классовых воззрений и одинаковых политических интересов. Так, например, во французской революции главными опорами радикальной демократии Парижа были рабочие мануфактур, мелкие ремесленные мастера и парижская полупролетарская интеллигенция. Напротив, ремесленные подмастерья, к началу революции еще сохранившие свои организации в виде братств, по политической активности и демократизму воззрений далеко уступали этим слоям, хотя их экономическое положение было нисколько не лучше, даже значительно хуже этих слоев. Армия же мужской прислуги,—прямо-таки принадлежала к числу самых злостных реакционеров. По своей реакционности прислуга часто превосходила даже своих дворян-господ. Точно так же мы открываем, что молодежь, занятая в банках и крупных купеческих конторах, в 1793—1794 годах по своей контр-революционности много превосходила мелкую деловую буржуазию, хотя по доходам первая группа далеко уступала второй; эта молодежь с начала контр-революции дала главную массу так называемой «золотой молодежи». И вот, если исследовать такие явления, то окажется, что позиция, занимаемая тем или иным лицом в классовой борьбе, определяется не размерами дохода, а прежде всего особыми условиями труда и существования, теми жизненными отношениями ко всей экономике, которые складываются у данного лица.

Конечно, очень многое из газетной литературы революционной эпохи представляется теперь пустой болтовней, еще более незначительной и ничтожной, чем многое из того, что наполняет теперешние газеты. Однако легко представить себе общее значение той массы материала, которая заключается в революционных газетах. Для этого стоит только вообразить себе, что через сотню лет какой-нибудь историк, приступив к изучению современного социалистического движения в Германии, ограничится знакомством с отчетами о заседаниях рейхстага да с крупнейшими научными социалистическими произведениями, а все наши журналы, газеты и брошюрочную литературу оставит в стороне. Он едва ли поймет доподлинную сущность борьбы в социал-демократической партии. Он уразумеет ее лишь после того, как посмотрит, каким

образом пресса социалистической партии трактовала и разрабатывала выдвигавшиеся с каждым новым днем вопросы.

Колоссальный материал, который дает газетная литература революционных 1789—1794 годов для характеристики исторических событий того времени, в предлагаемой работе можно было использовать лишь в сравнительно небольшой мере: иначе она разрослась бы в несколько толстых томов. Обычно я привожу только такие выписки, которые, как мне кажется, способны содействовать более ясному пониманию классового характера различных партий и его связи с возникавшими политическими течениями. При этом я стремился, не утомляя длинными, в несколько страниц, цитатами, взять из газетных статей только такие места, которые дают в известном смысле самую суть основных идей. Однако по соображениям о размере работы, отношение партий к некоторым важным вопросам пришлось оставить без рассмотрения. Например, совершенно не пришлось упомянуть об отношении жирондистов и радикальных якобинцев к вопросам воспитания, и даже отношения различных партий к налоговому и аграрному вопросам можно было коснуться лишь очень бегло. Источники настолько богаты, что всякий, кто хочет обработать их в книге на 14—15 листах (в действительности книга в первом издании составляла более 20 листов, а во втором разрослась до 25 листов. *И. С.*), почти на каждом шагу подавляется материалом и, чтобы не утратить перспективы, должен решительно отбрасывать многое, что хотелось бы включить в работу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Экономические и классовые противоречия к началу революции.

Классовое расслоение духовенства —Придворное дворянство и арендаторы-крестьяне (половники).—„Дворянство мантии".—Феодальное дворянство.—Отношение дворянской палаты к вопросу о конституции.— Буржуазная бюрократия.—Финансовая и торговая буржуазия.— Мануфактурная промышленность и ее развитие.—Требования средних слоев деловой буржуазии.—Крупные мастера и мелкие мастера-работники.—Цеховые стремления среди подмастерьев.—Положение парижских промышленных рабочих.—Парижская полупролетарская интеллигенция.— Господская прислуга.—Нищенское экономическое положение крестьян.—Французская буржуазия 1789 года в свете ее наказов.

После торжественной процессии в понедельник 4 мая 1789 года бессодержательной тронной речью были открыты в Версале Генеральные Штаты, т.-е. собрание представителей: 1) от дворянства, 2) от духовенства и 3) от так называемого «третьего сословия». 5-го мая в «salle des menus» (зале для придворных торжеств), приспособленном для заседаний, начались совещания третьего сословия. Начался спор по вопросу, будет ли каждое сословие заседать и выносить решения отдельно, или же все они составят общее собрание, и решения будут приниматься по большинству голосов, а не по большинству сословий. Для каждого из трех сословий вопрос представлял одинаково великую важность. Если бы голосования производились по сословиям, перевес был бы обеспечен для двух первых привилегированных сословий, дворянства и духовенства. Напротив, если бы голосование было поголовным, большинство получили бы представители «третьего сословия», так как им принадлежал численный перевес над двумя остальными сословиями. Они, если бы держались сплоченно,

могли бы провести свои требования,—впрочем, если бы только этому не воспрепятствовало право короля утверждать постановления.

Следовательно, вопрос о порядке голосования был в то же время вопросом, дворянству или же «третьему сословию» будет принадлежать главная роль в Генеральных Штатах. По крайней мере третье сословие так именно и понимало этот вопрос. Оно еще не видало противоречий, которые скрывались в его собственных недрах, и точно так же не замечало той трещины, которая раскалывала ряды двух привилегированных сословий. От политически неизощренного взгляда вождей третьего сословия совершенно укрывались, прикрытые сословностью, те противоречия, которые существовали между старинной аристократией и придворным, и служилым дворянством, между высшим духовенством и деревенскими аббатами из крестьян. Нотабли являлись в их глазах, независимо от их экономического положения, приверженцами двора, или же, если их проницательность на несколько ступеней возвышалась над таким плоским пониманием, двор представлялся просто организацией господства дворянства.

В последний раз перед тем Генеральные Штаты были созваны в 1615 году. Конечно, третье сословие чувствовало, что с того времени французское государство совершенно изменилось, и что само третье сословие занимает в нем совершенно иное положение. Выражение Сийеса, что третье сословие могло бы сделаться «всем», большинство истолковывало таким образом, что третьему сословию по праву подобало бы быть всем. Но в большинстве случаев очень неясно представляли себе, каким способом эта цель будет достигнута. «Следует только воззвать о помощи к разуму, и в век просвещения он станет управлять нами», заявил первый делегат от третьего сословия Парижа, Жан Сильван Бальи. Никто не предчувствовал, что старая Франция лежит при последнем издыхании, и что тот новый порядок, для установления которого, казалось, достаточно только воззвать к разуму, в действительности появится в мир среди мучительных предсмертных конвульсий и еще более мучительных мук родов.

Безмятежные грезы сиявшего солнцем 4-го мая! А между

тем некоторые из депутатов, участвовавших в длинной процессии, направлявшейся в этот день в церковь св. Людовика в Версале, через несколько лет должны были закончить свою жизнь на гильотине. Слишком далеко зашли старческая слабость и немощи старого строя. Слишком велики были выросшие в недрах старого общественного строя непримиримые противоречия: новая Франция не могла появиться на свет безболезненно. Скоро представителям третьего сословия пришлось убедиться, что различия интересов существуют не только между буржуазией, дворянством и духовенством: что в составляющей его широкой массе тоже развились экономические противоречия, которые по своей остроте во многих случаях превосходят многовековую распрю между старыми сословиями и теперь, развязанные бурно развертывающейся революцией, потребуют для себя разрешения—не доводами от разума, а в насильственной кровавой борьбе классов.

Понимание этих классовых противоречий, существовавших уже к началу революции, но пока еще связанных, и уразумение их экономической подоплеки—первое необходимое условие понимания хода революции и прежде всего боевых лозунгов и приемов аргументации революционной печати.

---

1. Классовое расслоение духовного сословия.

Несмотря на те иерархические путы, которыми охватывалось духовенство, и благодаря которым оно представлялось тесно сплоченным классом, в действительности оно не было однородной сословной группой с одинаковыми стремлениями. Между крупными архиепископами, епископами и настоятелями соборов, из которых некоторые, как, напр., страсбургский архиепископ кардинал Роган, получали от своих должностей и бенифиций миллионные ежегодные доходы, и между бедными деревенскими священниками в горных областях, весь доход которых вместе со всеми дополнительными получениями по должности часто не достигал 800 ливров (300 руб.) в год, зияла глубокая пропасть, и

притом не только по общему укладу жизни. Весь характер воззрений и мышления был тоже различный. Высшее и низшее духовенство рекрутировалось из совершенно различных сословных слоев: высшее духовенство—почти исключительно из сыновей высшего влиятельного дворянства, а ряды низшего сельского и городского духовенства пополнялись по большей части сыновьями мелких крестьян и горожан из мелких городов. Еще незадолго до революции положение низшего духовенства было несколько лучше. Как раз в последние десятилетия перед революцией его доходы были урезаны таким способом, что значительная часть десятин, дававших по оценке Неккера свыше 90 миллионов франков и доставшихся раньше приходам, была передана капитулам и дворянским учреждениям. Эта урезка доходов тем более раздражала приходское духовенство, что доходы особо покровительствуемых капитулов и аббатств лишь отчасти доставались церкви, так как король, пользуясь своим правом замещать должности, значительную часть этих мест роздал светским командорам-дворянам, все обязанности которых сводились к эпизодическому исполнению функций представительства. Кроме того, в некоторых областях, особенно в центральных провинциях, доходы от десятин уменьшались вследствие того, что от возделывания тех полевых растений, на которых тяготела десятина, крестьяне часто переходили к возделыванию других видов растений или к скотоводству, в особенности же к разведению гусей.

Поэтому в наказах, которые выборщики давали депутатам, отправляемым в Генеральные Штаты, в «cahiers de doléances» духовенства, поскольку низшее приходское духовенство оказало влияние на их составление, в большинстве случаев встречается требование, чтобы десятины от монастырей были опять возвращены приходам, и чтобы приходам же опять были переданы церковные доходы, если они с самого начала не были предназначены для дворянских капитулов и конгрегаций. Закон должен заново определить,—так требовали приходские священники,—от возделывания каких полевых плодов следует уплачивать десятину, и в то же время они требовали, чтобы десятина

взималась и с нови, т.-е. с вновь культивируемых, до того времени пустовавших земель. Кроме того, они хотели, чтобы и за духовенством не-дворянского происхождения было признано право на замещение высших духовных должностей. Необходимо создать комиссию для испытания и предложения кандидатов, которая вела бы кандидатские списки и при освобождении высших мест предлагала бы королю подходящих духовных лиц для их назначения на должность.

Как следует уже из этих требований, жалобы и домогательства низшего духовенства были продиктованы самыми односторонними материальными интересами. В действительности не было бы ничего ошибочнее, как предполагать, что бедные приходские священники, которых духовенство отправило депутатами в Генеральные Штаты, придерживались либеральных воззрений и в своих церковно-канонических воззрениях обнаруживали более широкий кругозор, чем представители высшего духовенства. Наоборот, как в настоящее время высшее духовенство, получившее светское образование, умеет более считаться с духом времени и терпимее относится к результатам научных исследований, чем сельский священник, более или менее омужичившийся в глуши захолустного прихода, так и в наказах, выражающих желание высшего французского духовенства, мы сплошь встречаемся с более свободными воззрениями, чем в наказах низшего духовенства. Так, напр., наказы из Труа, Меца, Манта и Мелана, составленные под влиянием низшего духовенства, содержат требование ограничения свободы печати и расширения цензуры. Без разрешения духовно-цензурного комитета, говорят они, не должно печататься ни одно сочинение о религии и нравственности. Далее выдвинуто требование, чтобы в целях сохранения авторитета святой апостольской римско-католической церкви протестанты были подвергнуты еще большему ограничению свободы. Духовенство Труа требует, напр., чтобы эдикт 1787 года был пересмотрен, а вице-графство парижское желает, чтобы он был изменен в согласии с теми принципами, о которых духовенство заявило в 1788 году; напротив, духовенство Меца в своем смирении возвышается даже до требования прямой отмены этого эдикта. Еще дальше пошло духовенство Руана. Оно требует, чтобы не-католикам вообще воспретили публично совершать богослужения, чтобы не допускались смешанные браки, и чтобы дети еретиков были окрещены в католичество. Во многих наказах содержится, кроме того, требование, чтобы по воскресеньям трактиры не открывались до захода солнца, чтобы в эти дни были воспрещены танцы и музыка, театры ограничены, уличные музыканты, игроки и паяцы не устраивали своих представлений.

Но как бы далеко ни расходились интересы духовенства, поскольку речь шла о доходах и должностях, почти все наказы сходились в одном пункте: необходимо охранять достоинство духовного звания, поддерживать его авторитет, ограждать его права и привилегии. Правда, бóльшая часть наказов заявляет о готовности духовного сословия «из любви к отечеству» нести вместе с другими сословиями свою часть государственных тягостей, провинциальных и коммунальных налогов. Однако все господа духовные признают при этом необходимым условием, чтобы духовенству было гарантировано право самообложения: духовенству следует предоставить как раскладку по его усмотрению причитающейся суммы налогов между своими членами, так и производство оценки налогоспособности церковных владений. Кроме того, духовенство, как само собой разумеется, должно получить вознаграждение за свою готовность к жертвам. В наказах выдвинуты следующие бесстыдные домогательства вознаграждения: уничтожение всех существующих надбавок к налогам, ложившихся только на духовенство; освобождение от различных мелких местных налогов; освобождение от налогов, взимавшихся до того времени при переходе собственности, когда церковь приобретала новые имения в порядке купли или перехода во владение «мертвой руки»; сохранение и увеличение десятин; наконец, создание особого фонда для погашения всех долгов, лежавших на духовенстве (по вычислениям Неккера, эти долги составляли в 1789 году до 125 милл. ливров). Духовенство же парижского вице-графства, так то просто требует: перевести все эти долги на государство, объявить их национальным долгом.

2. Придворное дворянство и половники.

Много более сложным было расхождение интересов внутри дворянства. С основания абсолютной монархии Франциском I, но в особенности с правления Людовика XIV, значительная часть старого дворянского сословия в придворной службе нашла вознаграждение за утрату своей прежней феодальной самостоятельности; как оба предшественника Людовика XVI Капета, так и он сам, при своей любви к роскоши, по возможности содействовали этому стремлению. Мало-по-малу было создано такое огромное количество придворных должностей, что только на жалованье высшим и низшим служащим королевского дворцового управления затрачивалось в годы перед взрывом великой революции более 40 миллионов ливров: почти десятая доля всех тогдашних государственных доходов Франции. Другая часть дворянства нашла для себя место в высшем государственном управлении и на военной службе. При Людовике XV и Людовике XVI офицерские места все с большею исключительностью предоставлялись членам старинных дворянских фамилий. Наконец, в 1781 году королевский эдикт декретировал, что офицером может сделаться только тот, кто в состоянии указать по меньшей мере четырех дворян-предков по мужской линии.

Большинство членов этого придворного и служилого дворянства, которые все были освобождены от гнета государственных налогов, воинской повинности и от солдатских постоев и обычно уплачивали лишь изменяющийся в зависимости от состоятельности поголовный налог, имело поместья; но решительный перевес над доходами от землевладения принадлежал доходам от государственной службы. Поэтому они стремились прежде всего к тому, чтобы увеличить получения от своих должностей, сохранить за королевскою властью право замещать старые и создавать новые должности, с которыми были связаны исключительно обязанности представительства, и к тому, чтобы обеспечить за своими сотоварищами по сословию, т.-е. за ближними и дальними родственниками, «почетные привилегии и права»

ИРЗ Ч.Н.Р. 5 (5)

(«privilèges et droits honorifiques»), т.-е. исключительное право на высшие должности при дворе, в государственном управлении, в армии, а также на высшие церковные должности и на доходы от богатых светских бенефиций.

Эти дворяне лишь в редких случаях вели собственное хозяйство в своих владениях: служба заставляла их жить в Париже или в крупнейших городах провинции. Часто они оставляли за собою только собственную усадьбу и леса, чтобы летом отдохнуть от кипучей общественной жизни Парижа, а осенью использовать свое исключительное право охоты. Остальные земли они сдавали в аренду.

В центральной и южной Франции эти земли обычно разбивались на мелкие парцеллы в 10—15 гектаров (гектар — немного менее десятины) и передавались в аренду мелким съемщикам-крестьянам по обычной системе половничества: арендатор получал от поместья семена, орудия, иногда несколько голов рогатого скота и должен был зато отдать помещику половину урожая натурой. Напротив, на севере, особенно в Нормандии, Иль-де-Франсе, в Пикардии и Фландрии, преобладала система денежной аренды по английскому образцу. Земля сдавалась там в аренду более крупными участками, на более продолжительный срок, чем в центральных провинциях, где срок аренды не превышал немногих годов, и арендная плата была ниже, чем на юге. Но зато на арендатора ложился риск неурожая. При всяких обстоятельствах он должен был уплатить условленную сумму, независимо от того, скудный или богатый был урожай, между тем как на юге доля помещика в виде продуктов изменялась в зависимости от урожая.

Ведение хозяйства в господском имении и осуществление сеньериальных прав в таких случаях передавалось администраторам, которые в известные сроки отчитывались перед господами, если только последние не предпочитали передавать и проверку отчетов какому-нибудь нотариусу из деревни или из соседнего городишка. Бывало и так, что богатые придворные дворяне Парижа шли еще дальше в своем отвращении ко всем делам и хлопотам, связанным с землевладением. Они целиком предоставляли управляющим все заведывание поместьем и требовали от них ежегодно

только определенной денежной суммы; натуральные сборы с половников они в то же время продавали городским хлеботорговцам и спекулянтам на целые годы по наперед определенным ценам. В таком случае откупщики всеми правдами и неправдами старались выжать из крестьянина максимальное количество продуктов.

Таким образом значительная часть этого придворного и служилого дворянства была мало заинтересована в сохранении старинной барщины. Значительную ценность для них представляло монопольное право охоты. Некоторые другие сеньериальные права: напр., право суда над крестьянами и право осуществлять полицейскую власть, представляли для дворянства, проживавшего при дворе, скорее обременительную повинность, чем приятную привилегию. Осуществление этих прав дворяне вынуждены были возлагать на судейских служащих, главным образом на нотариусов, и должны были их за это оплачивать,—если только не предоставляли своим заместителям-судьям вознаграждать себя посредством вымогательства чрезмерных судебных пошлин или посредством взяточничества.

Да и общий экономический строй земледелия во многих отношениях был таков, что у придворного и служилого дворянства, если оно еще держалось старых традиций и хотело само управлять своей земельной собственностью, исчезала охота к организации собственного производства, и, напротив, возрастало предпочтение к доходам от должностей при дворе и в государственном управлении, как более обеспеченным и удобным. Так, напр., в центральных провинциях урожай хлебов даже в хорошие годы составлял всего сам-шесть, а в неурожайные часто опускался до сам-четыре и сам-три. Половина урожая за аренду земли—это, вообще говоря, очень высокая плата. Но она давала феодалу очень небольшое количество продуктов с большого пространства земли, сданной в аренду. Да и это количество арендатор всякими способами старался урезать, утаивая часть урожая, по возможности сокращая возделывание тех хлебов, от которых он должен был уплачивать половину. Вместо того он возделывал другие растения или обращался к скотоводству, а в центральной и южной Франции—к разведению гусей, которое не требовало значительных денежных средств. Зерновое хозяйство забрасывалось, на полях, предназначенных собственно под пшеницу, паслись гуси. Кое-где крестьяне, как сообщают, переходили даже от трехполья к двухполью, чтобы расширить выпасы для гусей. В результате помещики были в постоянных спорах с крестьянами.

Но и после того, как помещик угрозами и насилием получал от крестьян-арендаторов причитающиеся ему продукты, его ожидали новые хлопоты: где и как их продать. Было время, когда помещик еще сам хозяйничал в своих имениях, устраивал большие пиры и охотничьи пикники и в этом находил свое главное удовольствие; тогда громадная доля натуральных поборов с крестьян потреблялась в самом поместье. На продажу оставалось немного. Теперь он приезжал в свои замки только на время; везти натуральные сборы к месту службы стоило и можно было только в редких случаях. Значит, все надо было продавать. Правда, хлебные заставы между отдельными провинциями, установленные Кольбером, министром Людовика XIV, при Людовике XVI были опять уничтожены; но зато хлеботорговцы повсюду объединились в сильные корпорации, которые с течением времени купили для себя, выторговали и захватили всевозможные важные рыночные привилегии.

Помещик ни в каком случае не мог отправить хлеб на любой хлебный рынок. Право хлеботорговли принадлежало только определенным торговым пунктам, да и в них торговать хлебом разрешалось только в определенные дни и часы. Значит, помещик очень часто должен был везти хлеб на рынок за много миль. Но и там нередко не удавалось продать хлеб. Почти на каждом рынке монополистом, если не юридически, то во всяком случае фактически, была местная гильдия хлеботорговцев. Хлеботорговцы таких мест по большей части были совершенно в руках оптовых торговцев, объединявшихся в мощные гильдии,—были в их руках хотя бы уже по одной той причине, что зачастую они были задолжены оптовым торговцам, а по тогдашнему долговому праву кредитор мог не только отобрать у должников все товары и торговый инвентарь, но, если бы от

распродажи этого не была выручена вся сумма долга, и самих должников засадить в долговую тюрьму.

Таким образом помещик был вынужден в большинстве случаев продавать хлеб гильдиям хлеботорговцев и соглашаться на цены, которые даст гильдия, хотя бы эти цены стояли весьма значительно ниже рыночных. К тому же, если должность мешала ему самому производить продажу и ему приходилось доверить это дело администратору или нотариусу, те обманывали его еще более жестоким образом.

После этого нет ничего удивительного, если значительная часть этого высшего придворного и служилого дворянства не придавала сколько-нибудь серьезного значения своим сеньериальным правам, если в некоторых из этих прав,—напр., в праве чинить суд и осуществлять полицейскую власть,—она видела тягостную обузу, и если она ничего не имела против отмены барщины за выкуп и против превращения натуральной аренды в денежную аренду. Торговые привилегии гильдий хлеботорговцев и виноторговцев вызывали у этих дворян несравненно большее возмущение, чем даже теперь вызывают у наших восточно-эльбских деревенских юнкеров биржевая хлебная торговля и тактика соглашений между скотопромышленниками. Но тем выше ценили они свои так называемые почетные привилегии: исключительное право на замещение высших и доходнейших должностей при дворе, в армии и в управлении. В увеличении числа таких должностей и в повышении причитающихся по ним окладов они видели требование всеобщего блага. Чтобы посодействовать со своей стороны этому благу и чтобы увеличить государственные доходы, они отчасти склонны были бы пойти даже на отказ от некоторых налоговых изъятий и привилегий, существовавших для них; но, разумеется, отказались бы от них лишь при том условии, если бы их самоотречение было вознаграждено тем или иным способом, напр., созданием особого государственного фонда на дворянские нужды и ограничением церковных десятин.

3. „Дворянство мантии".

К этому высшему придворному и служилому дворянству, вышедшему из рядов родовой аристократии, примыкало так называемое «дворянство мантии» (noblesse de robe,—так члены его назывались по костюму, который они надевали при исполнении должности). Многочисленные придворные и государственные, а равно и многие судейские должности,—в общей сложности до 4.000, напр., должность министра, члена государственного совета и парламента, члена счетной палаты, главного королевского провинциального управления, податных судов и т. д.,—давали занимавшим их личное, а иногда и наследственное дворянство. Подавляющая часть этих дворян выходила из буржуазной среды и не имела никакой или почти никакой земельной собственности. Следовательно, феодальные и сеньериальные права не представляли для них никакой ценности. Но им часто удавалось службою приобрести крупные состояния; поэтому высокую важность получали для них податные привилегии и освобождение от воинской повинности. В особенности же ценными в глазах этих чиновников являлись наследственность занимаемых ими должностей и замещение их куплею, так как это давало их наследникам возможность получить доходные места. Эти дворяне отстаивали также сохранение высоких пошлин, взимавшихся многими учреждениями, особенно большинством судебных учреждений. Высшее придворное и служилое дворянство взирало на них свысока, как на низкорожденных, и не допускало их в свою общественную среду. В свою очередь дворяне-чиновники всегда были в более или менее резкой оппозиции родовому дворянству. В замещении сыновьями старой родовой аристократии всех наилучше оплачиваемых должностей при дворе, в армии и в церкви они видели нарушение законнейших притязаний своего собственного сословия. При всем том хозяйничанье клик нигде еще не развилось в такой мере, как в их собственных рядах.

Большая часть этого чиновного дворянства требовала «конституции». По обычному праву, установившемуся в до-рево-

люционной Франции, судебное управление стояло вне контроля короля и его министров. Королевская власть не имела никакого влияния на замещение высших судебных должностей,—например, должностей в стоявших во главе судебной иерархии пятнадцати парламентах и счетных палатах. Ей не было предоставлено также вмешиваться в делопроизводство этих учреждений и так или иначе исправлять их решения и полицейско-судебные распоряжения. По установившемуся праву, все эти палаты были совершенно самостоятельны, и потому назывались верховными палатами («cours souveraines»). Но на практике королевская власть много раз позволяла себе вмешиваться в эти старинные правовые отношения. Какие бы грубые упущения ни совершали члены палат, король не мог их сместить; но правительство нашло выход в том, что оно отправляло судей в ссылку, отменяло по формально-правовым соображениям неудобные решения, переносило дела к себе, передавало их в особые комиссии, создаваемые королевскими указами, и, наконец, на случай неприятных для него решений парламентов учредило особую кассационную инстанцию, своего рода сенат. Председателем этого учреждения (conseil des partis) был канцлер Франции.

Это правительственное вмешательство в судебное дело иногда было весьма кстати с точки зрения интересов населения, потому что уголовное и гражданское судопроизводство в до-революционной Франции страдало от бесконечно большей продажности, чем какая бы то ни была другая отрасль управления, не исключая дворцового и финансового ведомства. Среди служащих высших судебных учреждений царили самое мелкое тщеславие, самый ограниченный кастовый дух и самая отвратительная продажность. Но достойные члены этих судов оценивали случаи правительственного вмешательства, конечно, не с точки зрения общего блага, а, единственно, с той точки зрения, в какой мере это вмешательство суживало их самостоятельность и нарушало их собственные интересы. Они стояли поэтому за такую «конституцию», которая гарантировала бы высоким трибуналам их «суверенитет», оградила бы их от вмешательства короля и совета министров, дала бы полную независимость членам судов и исключила бы всякую возможность обжалования решений и распоряжений суверенных учреждений. В самую же первую очередь члены пятнадцати высоких парламентов требовали, чтобы «конституция» укрепила полномочие парламентов, оспариваемое правительством: всякий королевский указ подвергать своему рассмотрению и, если бы парламенты нашли, что он противоречит общему благу или существующим законам,—отказывать во внесении его в парламентский регистр и таким образом признавать указом, не имеющим законной силы. Но, разумеется, конституция, которой требовали эти господа, не должна была итти настолько далеко, чтобы внести существенные перемены в порядок судопроизводства, нарушить привилегии членов суда, посягнуть на их право продавать свои места или передавать наследникам и получать крупные доходы от дополнительных пошлин.

4. Феодальное дворянство.

Резкую противоположность этим чиновникам представляла старая феодальная аристократия, сохранившаяся во многих отсталых частях Франции, как, например, в Бретани, Лангедоке, Гиени, Анжуа и южной Гаскони. Здесь феодальный строй средневековья был сравнительно наиболее законсервирован. Помещик-дворянин часто еще жил в замке своих отцов, окруженный своими крестьянами,—грубый, не затронутый роскошью парижской жизни, по всему своему быту недалекий от крупного богатого крестьянина, величайшее удовольствие находивший в устройстве веселых пирушек. В собственном хозяйстве потреблялась большая часть продуктов, получавшихся от имения и вассалов. На продажу шли только избытки. Выручки от их продажи обычно было вполне достаточно на приобретение тех промышленных изделий, которые не производились в собственном хозяйстве. Следовательно, отсутствовали побуждения к чрезмерному увеличению поборов с крестьян. Крестьяне послушно отбывали исстари наложенные на них барщины и оброки и покорно взирали на своего «сеньера», как на богом дарованного господина. А сеньер нередко выступал в роли благосклонного покровителя и защитника и давал отпор надменным королевским чиновникам. Иногда он

помогал крестьянам при продаже хлеба и скота, если сами они не могли с этим поладить, а при разных несчастных случаях не отказывал в совете и содействии.

Эти феодалы строго отстаивали свои старинные сеньериальные права и привилегии: на них основывались не только их доходы, но и сила и положение, которое они занимали в своей округе. Напротив, их глубоко возмущали пышность королевского двора и армия высоко оплачиваемых королевских чиновников. Чем сильнее увеличивалась эта армия, тем больше податей и налогов требовало правительство. Пусть феодалы освобождались от большинства налогов: растущий налоговой гнет вел к истощению деревни, к обесценению земли, к тому, что крестьяне часто не могли выполнить своих феодальных повинностей. И пусть бы еще часть собираемых средств затрачивалась на полезные вещи в тех округах, где они были собраны: на постройку дорог, устройство каналов и т. д. В действительности все средства рекою текли в Версаль и Париж, где они пожирались армией государственных паразитов, совершенно бесполезных с точки зрения феодала, и проматывались на безумную роскошь.

Но, быть может, еще большее негодование, чем гнет налогов и расточительность двора, вызывала в старо-феодальных сеньерах деятельность королевских чиновников, в особенности интендантов, которые в провинциях были поставлены во главе управления. Действуя именем короля в старых герцогствах и графствах, они все более суживали права провинциальных сословий, т.-е. представительства дворянства, духовенства и городских магистратов. Этим ежегодно собиравшимся провинциальным сословиям, которые в 1789 г. еще сохранялись в Бретани и Дофине, в Беарнии, Бургундии, Лангедоке, Артуа и в графстве Камбре (в теперешнем Северном департаменте), между тем как в других частях Франции они были заменены податными депутациями, назначаемыми королем, некогда принадлежали очень широкие полномочия. В большинстве случаев им принадлежало не только право вотирования налогов и отказа в них,—им принадлежало также право по собственному усмотрению раскладывать эти налоги между населением провинции, взимать их тем или иным способом и удерживать известную долю

сборов на местные нужды. Кроме того, им отчасти принадлежало почти неограниченное право контроля за всеми общественно-административными учреждениями. Благодаря порядку обсуждения и голосования, благодаря частым разногласиям между епископами и представителями городов, решающая роль в провинциальных сословиях в большинстве случаев принадлежала феодальному дворянству.

Однако со времен Франциска I королевские чиновники начали все более отнимать прежние права у провинциальных сословий или всевозможными контр-мерами суживать их значение. Это не нравилось феодалам. Еще решительнее, чем «дворянство мантии», они требовали конституции. Но конституции в своем особенном смысле: закрепленного законом ограничения дворцовых расходов, общегосударственного представительства от сословий для уменьшения накидок к налогам и для контроля за финансовым управлением, восстановления старых провинциальных сословий с их привилегиями, ограничения полномочий высших королевских чиновников, создания особого фонда для провинций на постройку дорог, регулирование рек, ограничения прав торговых корпораций в городах. Напротив, эта часть дворянства крепко держалась за свои сеньериальные права, за барщины, за почетные права, по большей части и за налоговые изъятия.

5. Отношение дворянской палаты к вопросу о конституции.

В наказах депутатам дворянства ярко отразились различия интересов внутри дворянства, но это различие интересов и взглядов нашло выражение и в тех отдельных совещаниях, которые до своего соединения с представителями третьего сословия устраивала дворянская часть, «chambre de la noblesse», дворянская палата Генеральных Штатов, открытых 4 мая 1789 г. К сожалению, даже из крупнейших буржуазных исторических работ мы ничего не узнаем об этих заседаниях, представляющих такой высокий интерес для суждения о дворянской политике, между тем как те же работы сообщают о таких фразах буржуазных депутатов, которые имеют второстепенное значение. Поэтому я дам краткий, сжатый отчет о дискуссии, которая началась в связи с предложе-

нием, внесенным 22 и 23 мая 1789 года графом Антрегом и герцогом Мортмаром: дворянская палата должна решить, согласно ли дворянство отказаться от своих материальных привилегий (см. отчет о собрании у C. F. Beaulieu, «Essais historiques sur les causes et les effects de la Révolution de France», том 1, книга 2-я, стр. 127. Paris 1801).

В дискуссии представители дворянства от графства Нижний Лимузен заявили, что их избиратели дали им наказ не участвовать ни в каких голосованиях, пока особым конституционным документом не будут регулированы и установлены пункты, которые на их взгляд относятся к конституции. Если бы этот вопрос был решен, они высказались бы за то, чтобы все старые налоговые надбавки были устранены и заменены единым налогом, ставки которого сообразуются с платежеспособностью.

Граф д'Одик, депутат дворянства от Монтрей-сюр-Мер (Пикардия), а также маркиз де-Зассене и господин Бюрио де-Варенн, делегированный бальяжем Шалон-сюр-Саон (Бургундия), заявили, что их доверители готовы отказаться от своих налоговых привилегий, но лишь при том условии, если конституционные вопросы будут урегулированы. Так же высказался и маркиз де-Бриньи, представитель дворянства от бальяжа Алансон (Нормандия), однако с тем добавлением, что безусловно необходимо сохранить разделение на три сословия и почетные права дворянства.

Маркиз Мортмар, граф де-Три и президент де-Фрондевиль от имени дворянства бальяжа Руанского (Нормандия) заявили, что они получили наказ высказаться за жертвы, необходимые для государственного блага, но что, пока не обеспечена конституция, они не могут голосовать за отмену каких бы то ни было привилегий дворянства. Напротив, представители дворянства от бальяжа Кан (Нормандия) заявили о своей готовности отказаться от своих «денежных» привилегий на том условии, если из поступлений от налогов для их округа будет образован компенсационный фонд, который ежегодно должен давать 1.200 ливров дохода.

Представители дворянства от герцогства Гиень заявили, что они не могут согласиться ни на какие, хотя бы самые ничтожные уступки относительно дворянских привилегий, пока не будет создана конституция, исследованы злоупотребления королевских управлений, и пока относительно последнего пункта правительство не гарантирует проведение различных улучшений и изменений.

Герцог де-Кайлю, представитель бальяжа Сен-Флур (Овернь), граф де-Кюлан, маркиз Сен-Симон, депутат дворянства от графства Ангуннуа протестовали против всякой урезки привилегий дворянства. Точно так же представители сенешальства Нерак (Гиень) и герцогства Альбре (Гасконь) выступили против постановки столь «общего» вопроса, как отмена материальных привилегий. Барон де-Жернон от имени дворянства из бальяжа Шалон-на-Марне (Шампань) также заявил, что он будет требовать сохранения «всех материальных привилегий» дворянства. Пока не создана конституция, совершенно бесцельны все разговоры о привилегиях.

Герцог де-Вилькье от имени дворянства Булоннуа (Артуа) уверял, что дворянство не против отказа от привилегий, но лишь на условии, что будут сохранены особые свободы графства, что король уничтожит злоупотребления, введенные его предшественниками (имеется в виду ограничение провинциального самоуправления), будет гарантирована личная свобода и собственность и регулярно станут созывать Генеральные Штаты.

Граф де-Пардье, депутат дворянства от Сен-Кентена (Пикардия), заявляет, что нечего говорить об отмене привилегий, пока не обеспечено сохранение почетных прав дворянства. Напротив, представители дворянства от бальяжа Дижон (Бургундия) сделали заявление, что их доверители готовы отказаться от своих налоговых привилегий, как только будет решен вопрос о конституции.

Виконт де-Кастр, представитель дворянства из герцогства Пуату, протестует против всяких уступок, а представители сенешальств Каркасона, Тулуза и Кастр (Лангедок) отказываются обсуждать такой «преждевременный и несвоевременный вопрос». В противоположность этому маркиз де-Сен-Морис заявляет, что дворянство Монпелье (юго-восточный Лангедок) выскажется за уступки, но может согласиться на них лишь по упразднении существующих провинциальных сосло-

вий Лангедока и по замене их свободной конституцией, действительно основанной на представительстве (т.-е. по восстановлении старых феодально-сословных прав).

Из отношения дворянских представителей к вопросу об уничтожении дворянских налоговых привилегий, если принять во внимание экономические отношения представляемых ими областей, вытекает следующее: наименее противилось отказу от своих налоговых привилегий дворянство тех провинций предреволюционной Франции,—Нормандии, Пикардии и графства Артуа,—которые в сельско-хозяйственном отношении дальше всего ушли вперед; дворянство находилось здесь в сравнительно хорошем положении и в большинстве случаев получало надежные доходы не только от своих владений, но также и от занимаемых им государственных должностей. Но зато оно требует сохранения своих так называемых почетных привилегий и конституционных гарантий своего положения. Упорнее держится за свои налоговые привилегии дворянство Гиени, Гаскони и Лангедока, т.-е. тех областей, в которых еще сохраняется средневеково-феодальный экономический строй. Однако и оно было готово отказаться от некоторых из своих налоговых свобод, если конституция, за которую оно выступает еще энергичнее, чем северо-французское дворянство, уничтожит так называемое злоупотребление королевского дворцового и государственного управления и восстановит старые сословные собрания отдельных герцогств и графства, следовательно, опять отдаст управление провинциями дворянству и аристократическому духовенству. Упорнее всего отстаивало свои материальные привилегии дворянство тех провинций, где разложение феодального хозяйства зашло уже очень далеко, но переход к капиталистическому хозяйству еще не наметился, следовательно, где система испольной аренды уже привела к отчаянному обнищанию крестьян и сопровождалась в то же время постоянным сокращением доходов сеньеров.

6. Буржуазное чиновничество.

В качестве промежуточного звена между чиновничьей аристократией и собственно буржуазией стояли многочисленные

высшие чиновники буржуазного происхождения. Они занимали места частью в государственном управлении, частью на городской службе и при судебных учреждениях. К ним примыкали также адвокаты, допускаемые в высшие судебные установления, прокуроры, правительственные нотариусы. Только некоторые из должностей в парламентах, счетных палатах и т. д.,—президентов и советников этих учреждений,—давали занимавшим эти места наследственное или личное дворянство. Остальная и наибольшая часть чиновников составляла высший слой буржуазного чиновничества. К нему примыкали, составляя второй слой, многочисленные знающие законы служащие. Они-то собственно и несли на себе всю работу: на чиновниках-дворянах, которые стояли во главе отдельных административных ведомств и судебных учреждений, часто лежали только обязанности представительства и надзора за подчиненными им чиновниками. Сами же они часто были неспособны к самостоятельному ведению дел уже потому, что бóльшая их часть не получила никакого юридического образования, хотя на них нередко возлагались судейские обязанности. Так, например, мы видим, что должности бальифов (председателей высших учреждений в бальяжах и сенешальствах) перед революцией сплошь замещались дворянами, которые для руководства судебными делами пользовались юристами буржуазного происхождения, так называемыми «Lieutenants de robe».

Следовательно, часть этих чиновников действительно несла целесообразный труд,—как и среди высших административных чиновников-дворян мы встречаем отдельных должностных лиц, которым, как, например, королевским интендантам (управляющим провинциями), если они не хотели запускать дел, приходилось справляться с значительным количеством работ. Поэтому такие должности не передавались по наследству и не подлежали продаже: здесь были необходимы способные люди, от которых требовались не только функции представительства. И тем не менее в большинстве работ о дореволюционной Франции деятельность этого буржуазного чиновничества оценивается преувеличенно высоко. Среди должностей, замещавшихся лицами буржуазного происхождения, особенно в судебном и финансовом ведомствах (Неккер по-

лагал, что число чиновников, занятых только в управлении по взиманию поземельного налога и в таможенном ведомстве, составляло до 250.000), было много совершенно ничем не оправдываемых или таких, которые требовали ничтожной работы: там, где было бы вполне достаточно одного работника, назначалось полдюжины чиновников. Очень многие из этих должностей, большинство которых передавалось по наследству и перепродавалось, создавались только для того, чтобы доставить двору новые источники средств. В частности, два ближайших предшественника Людовика Капета XVI, чтобы добыть новые средства на свой блестящий двор, создали сотни тысяч подобных бесцельных должностей и выручили от их продажи огромные суммы. Так, Людовик XIV за последние 14 лет своего управления ежегодно выручал от продажи вновь создаваемых должностей до 40 миллионов ливров; в 1715 г., когда он умер, общая выручка от должностей, проданных им и его предшественниками, определялась цифрою больше $1^1/_4$ миллиарда ливров.

В нравственном отношении это высшее буржуазное чиновничество стояло нисколько не выше, чем чиновники-аристократы, занимавшие синекуры с высокими окладами. Напротив, по части взяточничества и обманов оно шло несравненно дальше, чем дворяне-чиновники. Причина не в том, что высшее правящее дворянство само по себе было честнее, чем буржуазное чиновничество, а единственно в том, что у него не было случая к постоянным обманам и подлогам. Дворянин просто получал свое жалованье, исполнял обязанности представительства, если без этого нельзя было обойтись, и больше ни о чем не заботился.

Чиновники из буржуазии, которые сами или отцы которых уплачивали за свою должность иногда значительные суммы, открывали, что не так-то легко обеспечить для себя высокие доходы: часто они не получали никакого определенного жалованья, или же их оклад был столь низкий, что совсем не давал возможности вести привычную жизнь. Даже у высших судебных чиновников, а также у многих чиновников податного и финансового ведомства только в редких случаях были постоянные оклады. Их доходы колебались в зависимости от числа судебных дней и заседаний, от произведенных ими

расследований, от составленных ими отчетов и т. д. Уже такой способ вознаграждения приводил к тому, что чиновники устраивали ни к чему ненужные заседания и составляли бесполезные отчеты. Но, несмотря на то, доходов от подобных работ все же иногда нехватало для жизни, соответствующей привычкам сословия. Чиновникам приходилось измышлять побочные доходы. И они создавали такие доходы, дав необычайное развитие старинной системе пошлин. За все, что ни делали они по своей должности, судящаяся публика должна была давать особую плату. Это открывало широкий простор для подкупов: к желаниям того, кто кроме обычных пошлин приносил еще особую «благодарность», чиновник проявлял особенное внимание.

По своим политическим воззрениям этот слой буржуазных чиновников приближался к низшим чиновникам-дворянам. Но, в противоположность последним, они не пользовались никакими привилегиями и налоговыми изъятиями и решительно их осуждали. Далее, чтобы уменьшить ложившееся и на них бремя налогов, они требовали сокращения многочисленных синекур при дворе и в церкви, которые стоили огромных расходов. Значит, чиновники этой категории по большей части были убежденными «друзьями конституции». Они требовали ограничения конституцией королевского расточительства, отмены привилегий дворянства и высшего духовенства, упразднения феодальных прав и допущения образованных граждан, т.-е. лиц их собственного сословия, до высших государственных должностей. Конечно, с их точки зрения, только «образованная» буржуазия по праву могла домогаться участия в законодательстве и представительства в Генеральных Штатах, в провинциальных собраниях сословий и в муниципалитетах. Широкая масса рядовых граждан подлежала полному устранению от всех государственных и общественных дел уже по одной той причине, что они ничего не понимали в этих делах и, внеся в них свои «страсти», угрожали бы устойчивости управления.

Эта порода «друзей конституции» не хотела и слышать о такой реформе судебного дела, которая устранила бы куплю и наследственность должностей, пошлины, ограни-

чила бы количество бесполезных должностей и поставила бы под действительный контроль все эти судебные, счетные и административные палаты, которые до сих пор работали большею частью всецело по своему собственному усмотрению. Они полагали, что за деньги, уплаченные ими или их отцами за должность, передающуюся по наследству, они приобрели не только священное право извлекать из купленной должности средства на существование, приличествующие их сословию, но и передать эту должность своим детям для дальнейшего использования. Упразднение наследственности и перепродажи должностей без соответствующего вознаграждения было бы в их глазах постыдным покушением на благоприобретенные права, между тем как по их же воззрениям феодальные права основывались исключительно на узурпации.

Рядом с этим чиновничеством стояли, очень близкие к нему по духу и политическим воззрениям, члены магистратов в крупнейших городах. Многие из мест меров, городских прокуроров, городских секретарей, городских советников и т. д., раньше замещались по выборам богатейшими горожанами; но потом в целях пополнения королевской кассы они были превращены в должности, замещаемые по купле и по наследству. Чтобы возвысить их привлекательность, некоторые должности давали занимающим их дворянское звание и таким образом нередко превращались в наследственную собственность определенных городских патрицианских фамилий. Почти все члены магистратов находились в более или менее близких родственных отношениях между собою и по отношению к массе горожан составляли тесно сплоченную клику. Поэтому 25 ноября 1789 г., когда Национальное Собрание приступило к выработке Положения о местном управлении, одним из первых его шагов было проведение в законодательном порядке выборности всех высших муниципальных чиновников. Правда, в выборах могли участвовать только «активные граждане». Реакционное большинство Национального Собрания не хотело дать избирательного права городским массам. Далее, Национальное Собрание постановило, что недопустима одновременная муни-

ципальная служба отца с сыном, тестя с зятем, братьев и двоюродных братьев, дяди с племянником.

Ученые, достигшие высоких должностей и почета: члены Французской Академии, Академии Наук, Академии Надписей, руководители королевских научных учреждений могут быть причислены к этому высшему буржуазному чиновничеству. Подвергаясь влияниям французской просветительной литературы и английской государственной философской литературы, они обнаруживали в некоторых своих политических взглядах демократический уклон. Однако политическое господство низших слоев граждан в такой же мере противоречило бы их конституционным планам, как и планам высшего чиновничества. По их воззрениям, только образованные и прежде всего, конечно, люди с высшим академическим образованием имели право участвовать в законодательной деятельности.

7. Финансовая и торговая буржуазия.

Еще реакционнее, чем эти буржуазные слои, были верхушки деловой буржуазии: финансисты, банкиры и откупщики налогов [1]), а также члены крупных привилегированных торговых и мореходных компаний, сосредоточивавшие в своих руках почти всю внешнюю торговлю с колониями и заморскими странами, равно как и пайщики торговых монопольных компаний, напр., хлеботорговых и виноторговческих гильдий.

Пользуясь финансовой и налоговой системой государства, рыночными и торговыми привилегиями, почти все члены этого слоя буржуазии сколотили крупные богатства и получали огромные доходы. Поэтому, согласно их взглядам, не было никаких оснований добиваться перемен в существующем положении государственного хозяйства. С какой стати стали бы, напр., финансисты требовать уничтожения всех дворянских привилегий? Ведь часть дворянства была кру-

[1]) Государство отдавало налоги на откуп финансистам. В 1789 году было 44 таких генеральных откупщика, которые взимание налогов в отдельных округах в свою очередь передавали откупщикам.

гом в долгах перед ними и уплачивала им высокие ростовщические проценты. Правда, высшее придворное дворянство отличалось надменностью и часто осыпало выскочек-финансистов насмешками; но, с другой стороны, около этого дворянства можно было зарабатывать хорошие деньги. Уничтожение феодальных повинностей могло бы разорить часть этих дворян и таким образом повлекло бы к денежным потерям для их кредиторов. С другой стороны, в последние десятилетия перед революцией некоторые из этих финансистов сами приобрели крупные земельные имения: отчасти вынужденно,—чтобы не потерять капиталов, ссуженных дворянам, прежним собственникам этих имений, но отчасти и с той целью, чтобы разыгрывать из себя феодалов и найти доступ в круги высшей аристократии.

Точно также было бы не в их интересах, если бы коренная реформа налогового дела положила конец системе отдачи налогов на откуп, или если бы податные присутствия, недоступные подкупу, затруднили для них разные способы выколачивания налогов. Реформа, которая воспрепятствовала бы заключению новых займов, для их патриотического сознания представлялась бы тоже опасной: ведь всякий заем знаменовал для них чрезвычайно прибыльную операцию. Конечно, в росте государственных долгов была и своя оборотная сторона: как бы дело не дошло до государственного банкротства. Следовало установить известное равенство между государственными приходами и расходами. Но этого можно было бы достигнуть таким способом, что в так называемом конституционном порядке были бы урезаны налоговые привилегии дворянства и сокращены расходы двора. В чем-нибудь большем не было никакой необходимости!

На той же точке зрения стояли члены крупных торговых компаний и монополистических корпораций. Да и почему бы, напр., хлеботорговцы, объединившиеся в мощные гильдии, стали бы протестовать против господствующей системы привилегий? Их рыночные привилегии позволяли им принуждать землевладельцев-дворян к продаже хлеба по самым низким ценам и потом сбывать его по ростовщическим ценам мелким торговцам, которые находились в

полной их власти. Некоторые историки, в том числе господин фон-Зибель, пытались оспаривать, что возмущение против хлебных спекулянтов, охватившее в 1789 г. широкие народные массы, имело серьезные основания. Но эти возражения имеют еще меньшую ценность, чем в том случае, если бы по истечении сотни лет американские историки начали уверять, будто все толки о взвинчивании цен американскими трестами начала XX века—сущая бессмыслица. Достаточно хотя бегло познакомиться с наказами третьего сословия, с их жалобами на махинации «покровительствуемых и привилегированных торговых компаний», и будет понятно, как основательны были эти жалобы бедного населения на хлебных ростовщиков. Никакая другая отрасль торговли, как эта, вследствие своей особой организации, не облегчала до такой степени взвинчивания цен. Во-первых, в большей части Франции хлеботорговля была целиком захвачена богатыми хлеботорговческими гильдиями, которые, получив исключительные привилегии на рынке, совершенно монополизировали его, и, во-вторых, уже в тогдашней Франции хлебная торговля превратилась в биржевую торговлю, хотя и в зачаточной степени. В определенные рыночные дни, по большей части только раз в неделю, на важнейших рынках округа появлялись сами крупные хлеботорговцы или их агенты и обыкновенно привозили несколько возов таких сортов хлеба, на сбыт которых наверняка можно было рассчитывать, от других же сортов они захватывали с собой только образцы. Здесь же на определенных местах стоянки уже оказывались мелкие торговцы, имевшие дела в данном городе или в окрестностях, и в несколько часов вся торговая операция заканчивалась. Если оптовые торговцы привозили с собою требуемые сорта в необходимом количестве, мелкие торговцы тут же получали купленный ими товар. В противном случае товар, соответствующий предъявленным образцам, сдавался в один из ближайших или позднейших рыночных дней. Вне этих рыночных часов оптовые торговцы не принимали ни устных, ни письменных заказов.

Благодаря такому строю торговли оптовые торговцы имели возможность удерживать высокие цены. У них была пол-

ная возможность соглашения перед открытием рынка. Напротив, мелкому торговцу приходилось платить, что от него потребуют. Если он не давал запрошенной цены, оптовые торговцы просто уезжали со своими возами, и он до ближайшего рынка оставался без товара: помимо оптовика, он нигде не мог бы достать хлеба. Часто бывало, что мелкие торговцы не осмеливались возражать против требований оптовиков: или потому, что в большинстве кредитовались у них, или же из страха, что раздраженные оптовики в отместку не приедут в ближайший рыночный день на строптивый рынок. А в таком случае данная местность почти неизбежно оказывалась без муки и без хлеба.

8. Мануфактурная промышленность и ее развитие.

Итак, члены привилегированных торговых корпораций очень немногое хотели бы изменить в экономическом строе дореволюционной Франции. Напротив, промышленники, владельцы мануфактур, требовали отмены рыночных привилегий, затруднявших их сбыт, уничтожения внутренних таможен, октруа (городских налогов, взимавшихся с ввозимых в город товаров), цеховых ограничений, а также упразднения многосложных предписаний, касавшихся производства, равно как и уничтожения надзора за предприятиями со стороны королевских инспекторов.

Чтобы содействовать промышленному развитию Франции, Кольбер, министр финансов при Людовике XIV, выдавал мануфактурам грамоты, которыми они ставились вне ремесленных цехов и таким образом освобождались от всех цеховых предписаний, стесняющих производство. Чтобы увеличить вывоз промышленных произведений из Франции и сократить ввоз, он, кроме того, издавал всевозможные сложные регламенты относительно способов фабрикации, характера применяемых при этом сырых материалов, упаковки и т. д. Эти предписания основывались на внимательном изучении мануфактурной промышленности по Рейну, в Англии и Северной Италии; поэтому они, в связи с охранительной политикой Кольбера, в значительной мере содействовали развитию французской промышленности. Общая

стоимость ежегодно производимых промышленных произведений (без товаров, производимых чисто ремесленным способом), определявшаяся в последние годы Кольбера в 200 миллионов ливров, в годы перед революцией исчислялась почти в 1 миллиард ливров (Tolosan, «Mém. sur le commerce de la France», для 1788 года определяет ее в 931 миллион франков).

Но те самые предписания регламентов, которые при возникновении мануфактурной промышленности часто оказывались полезными, теперь, ко времени революции, уже совсем не годились для мощно развившейся промышленности, которая все решительнее переходила в крупную машинную промышленность. В последние десятилетия перед революцией одно техническое изобретение следовало за другим. Старинные инструменты и деревянные машины для ручной работы заменялись сложными машинами из железа. Вместе с тем изменялись приемы работы, изменялся также и вкус потребителей. Старые регламенты с этим не согласовались. Они обращались в помеху техническим усовершенствованиям и переходу к новым способам фабрикации. И однако целая армия инспекторов требовала их соблюдения и вмешивалась во все мелочи производства. Вот почему в целом ряде наказов третьего сословия встречается энергичное требование: уничтожить регламенты относительно мануфактур, упразднить мануфактурных инспекторов.

Но пусть некоторые фабриканты хотели бы изменить многое в старом строе с его цеховыми ограничениями, его продажными судами и его налоговым гнетом,—бóльшая часть их и слушать не хотела о таком изменении государственной формы, которое обеспечило бы низшим или хотя бы средним слоям народа решающее влияние в государственном и муниципальном управлении. Уже тогда развернулись глубокие классовые противоречия между промышленниками и их рабочими, которые выходили по большей части из разрядов ремесленных подмастерьев и из среды тех ремесленников, которые стояли вне цеховой организации. Уже в первые месяцы 1789 года, когда вследствие неурожая цены продовольственных продуктов постоянно шли в гору, в некоторых городах промышленные рабочие

потребовали повышения заработной платы, а когда получили решительный отказ, начали громить фабрики и машины. Особенно крупные беспорядки произошли 27 и 28 апреля 1789 года в парижском предместье Сент-Антуан. Здесь был некий г. Ревельон, который из простого печатника (набойщика) обоев превратился в богатого собственника большой мануфактуры обоев почти с четырьмя сотнями рабочих. Он отказался удовлетворить требование части рабочих о повышении заработной платы и, как рассказывали на улице Сент-Антуан, заявил в одном избирательном собрании по улице Сен-Маргерит, что для рабочего за глаза достаточно 15 су (на теперешние деньги около 35 коп.) в день. В ответ на это рабочие бросили работу и 27-го апреля собрались перед магазином Ревельона, подкрепленные толпой любопытных, готовых принять участие в беспорядках. Городская стража попыталась разогнать толпу, но тщетно. Толпа встретила стражу свистом. Вечером комендант Парижа отправил сюда отряд французской гвардии, который силою очистил улицу. Но на следующее утро опять собралась толпа и кирпичами и камнями, выдранными из мостовой, начала бомбардировать здание, вторглась в дом Ревельонов и произвела там полный разгром. Вызванные гвардейцы только прикладами могли проложить себе дорогу через толпу. Несколько раз они стреляли и шли на нее в штыки. Здесь пало более 200 человек. И все же толпа отступала лишь на короткое время, а потом возвращалась опять, пока, наконец, к ночи не пришли канониры швейцарской гвардии и не начали перед глазами толпы заряжать пушки картечью. Только тогда толпа рассеялась.

Такие выступления рабочих, подгоняемых голодом, вызывали в предпринимателях подозрительность и делали их восприимчивыми к тому воззрению, что необходимо сохранить сильную государственную и муниципальную власть. К тому же значительная часть тогдашних промышленников,—и особенно парижских промышленников,—производила предметы роскоши: шелковые материи, бархатные ленты, шелковые чулки, золотые галуны, пряжки, кружева, тонкие сорта мыла, парфюмерные товары, пудру и т. д. Перед революцией стоимость ежегодно производимой пудры, напр.,

составляла, как некоторые определяют, не менее 24 миллионов ливров. Наибольшая часть этих товаров потреблялась дворянством и богатыми семьями финансистов и чиновников. Если бы их лишили доходов, то наступил бы конец сбыту перечисленных фабрикатов, а вместе с тем и высоким барышам промышленников. Правда, в 1789 году эти соображения еще не оказывали решающего влияния на политическую позицию промышленников. Но когда с развитием революции придворная жизнь начала все более и более сокращаться, когда стали исчезать аристократические салоны, и сбыт промышленных произведений приостановился, тогда парижская промышленность, производившая предметы роскоши, сделалась одной из опор реакции. То, что впоследствии называлось «золотой молодежью», имело своих предшественников в так называемых «мюскаденах» (щеголях, франтах, пахнущих мускусом) 1793 — 1794 годов: сыновьях парижских фабрикантов, выступавших с сыновьями банкиров и богатых торговых монополистов.

Несравненно революционнее, чем парижские промышленники, были промышленники в северных областях Франции, а также в промышленных и торговых городах по Роне и на Лионском заливе. Большинство из них позже примкнуло к жирондистской партии (партии Гадэ-Бриссо-Ролан-Фоше). Это будет понятно, если мы ближе познакомимся с экономическими отношениями в названных областях. К началу французской революции Париж был мелко-буржуазным городом. Правда, он развился в центральный денежный рынок Франции, в его предместьях возникла немаловажная по тогдашней мерке промышленность, производящая предметы роскоши. Но настоящая крупная промышленность, работавшая для массового потребления и для вывоза, существовала в Нормандии, Пикардии, Артуа и в Лионе.

Фабрикация полотна, батиста и кисеи, дававшая в последние годы перед революцией товаров более, чем на 200 милл. франков в год, сосредоточивалась главным образом в Артуа и Пикардии, особенно в Сен-Кентене; хлопчатобумажная промышленность—в Нормандии и Пикардии, преимущественно в Руане с окрестностями, производство бархата—в Амьене. Фабрикация более тонких сукон рас-

пространилась главным образом во Фландрии и в области Арденн. Главным центром ее были Седан и окрестности, где по данным Левассера (E. Levasseur, Histoire des classes ouvrières en France, I т., стр. 8) в 1788 году было уже до 10.000 рабочих-суконщиков, далее Эльбеф (в Нормандии) и Аббевиль на Сомме (северная Пикардия); простые сукна производил Лангедок. Главным торговым центром, через который более дешевые сорта в значительном количестве вывозились в области по Средиземному морю, был Каркасон. Шерстопрядильная и шерстоткацкая промышленность развилась в Пикардии, Фландрии и Нормандии. Центром шелкового производства был Лион. В 1780—1785 годах в нем находило себе работу уже до 30.000 человек (мастера, рабочие, работницы и дети). Вязаные товары изготовлялись преимущественно в Пикардии, Лионе и Ниме (департамент Гард), ковры во Фландрии, Бове (Уаза) и Обюссоне; главными центрами железной и стальной промышленности были Руссильон (Северные Пиренеи), Франш-Конте, область Арденн, Эльзас и Бургундия,—стоимость ежегодного производства железной промышленности Буатто (Etat de la France en 1789) определяет приблизительно в 100 милл. франков, стальной—в 7 милл. франков.

У этой вновь возникшей крупной промышленности жизненные интересы во многих отношениях были совершенно иные, чем у парижской промышленности, производившей предметы роскоши. Последняя работала почти исключительно на парижский рынок, притом преимущественно на двор, богатых аристократов, финансистов, государственных и придворных чиновников, а также на приезжавших в Париж иностранцев. Следовательно, она была сильно заинтересована в том, чтобы удержать эти платежеспособные элементы в Париже и не разогнать их революционными мерами. Напротив, крупным провинциальным промышленникам по большей части не приходилось считаться с такими соображениями: они находили сбыт главным образом у состоятельного или даже малосостоятельного среднего сословия. Отдельные отрасли промышленности, как, напр., производство батиста, кисеи, сукна, шелковых товаров, бархата и ковров, уже вывозили значительное количество своих изделий

в Англию, Северную Бельгию, в государства Западной Германии, в Голландию и на западное побережье Средиземного моря. Несравненно важнее, чем сохранение потребителей-дворян, было для этого слоя провинциальных фабрикантов улучшение положения среднего сословия, устранение всех промышленных предписаний, которые препятствовали приспособлению промышленного производства к изменяющимся потребностям внутреннего рынка и заграничных областей сбыта. Столь же большую важность для них представляли: свобода торговли, т.-е. уничтожение всех цеховых и торговых привилегий, затруднявших отыскание новых рынков, понижение государственных налогов,—следовательно, ограничение расточительности двора и уменьшение армии чиновников, исполнявших только обязанности представительства, обуздание страсти центрального королевского правительства к изданию новых и новых предписаний, вносивших неустойчивость в существование промышленности,—увеличение самостоятельности провинций и общин,—коротко говоря: больше простора для того, чтобы фабриканты и крупные торговцы могли проявить свое влияние в своих округах.

Совершенно естественно таким образом, что этих промышленников мы видим впоследствии приверженцами жирондистской партии, и что в ней они принадлежат преимущественно к тому направлению, которое стремится уничтожить перевес Парижа над провинциями; и столь же естественно, что к началу 1792 года это направление требует войны против Австрии: «чтобы восстановить политическое равновесие в Европе» и дать свободные французские учреждения угнетенным народам на Рейне. В этих кругах с полной уверенностью рассчитывали на то, что такое расширение политического влияния Франции поведет к расширению области сбыта для ее промышленности и создаст новые торговые связи, обещающие крупные барыши.

9. Требования средних слоев деловой буржуазии.

Среди крупных и мелких торговцев, не пользовавшихся привилегиями, в высшем слое ремесленников, в рядах ли-

бералных профессий, связанных с этими промысловыми группами, особенно в среднем и низшем слое адвокатуры, мы нередко тоже встречаем революционные элементы, которые энергично выступают против господствующей системы. Это будет понятно, если принять во внимание, что этот слой, не допускаемый к участию в государственном, а зачастую и в городском управлении, на каждом шагу должен был чувствовать, как стесняется его промысел существованием внутренних пошлин, акцизами, торговыми монополиями, рыночными и цеховыми привилегиями; далее, этому же слою приходилось нести непомерное бремя налогов, вызываемых расточительностью двора. К этому присоединялось еще то обстоятельство, что этот слой и его сыновья почти абсолютно не допускались ни до каких более важных государственных должностей, и что они видели свое полное бесправие перед высокомерием дворянства и произволом высшего чиновничества: благодаря безграничной продажности судов, они большею частью лишены были всякой возможности отстоять свое право.

Далее, как раз деловая буржуазия значительную долю своего свободного капитала, не находившего применения в предприятиях, вкладывала в бумаги государственных займов. Количество процентных бумаг, в которые было бы возможно вкладывать капитал, было тогда очень ограниченное. Сделавшись состоятельным, гражданин приобретал на деньги, излишние для его предприятия, дома, пожизненные ренты или облигации государственных займов. Для рассматриваемых сейчас кругов это был наиболее обычный способ помещения капитала. Таким образом, значительная часть состоятельных граждан превратилась в кредиторов государства. Как кредиторы, они были сильно заинтересованы в том, чтобы предупредить государственное банкротство, о котором уже все говорили, ограничить расточительность двора и государственного управления, повысить государственные доходы, распространив обложение на дворянство и духовенство.

Но, разумеется, по отдельным вопросам интересы этих слоев чрезвычайно далеко расходились и превращались в противоположные интересы. Конечно, торговцы, в особенности крупные торговцы, стремились к расширению своего сбыта и являлись решительными противниками торговых и рыночных привилегий; они были пламенными сторонниками свободной конкуренции. Но они ничего не имели против взвинчивания цен искусственным ограничением предложения на рынках и ярмарках. Поэтому они и слышать ничего не хотели о таксах на необходимые средства существования, т.-е. об установлении городским управлением рыночных цен на важнейшие продовольственные продукты.

10. Крупные мастера и мелкие мастера-работники.

Собственно ремесленное сословие отнюдь не хотело, чтобы его местные рынки были переполнены местными и привозными мануфактурными изделиями. Оно считало совершенно необходимым ограничение предложения взиманием внутренних пошлин и акцизов и ограничение торговой прибыли установлением такс. Но даже между отдельными группами этого сословия мы наблюдаем некоторые противоречия. По либеральным описаниям экономического строя Франции накануне революции, ремесленные цехи в городах были монопольными учреждениями, а все цеховые мастера изображаются как зажиточные обеспеченные горожане, для которых цеховые уставы гарантировали если и не прямо крупные, то все же вполне достаточные доходы. Это совершенно неверно. В действительности,—по крайней мере, в крупнейших городах,—капитализм уже давно вторгся в область ремесла. Несмотря на цеховое устройство, которое формально продолжало существовать, на-ряду с мелкими мастерами, у которых был только о д и н подмастерье, часто только один ученик, или которые работали как одиночки без всяких подмастерьев и учеников, появился слой богатых крупных мастеров, получивших в тогдашней периодической печати название «предпринимателей» и «мастеров-купцов» (entrepreneurs и maîtres-marchands). Они вели свое дело на коммерческих основаниях и нередко получали доход в 15—20 раз больше, чем мелкие мастера-одиночки. В некоторых производствах, напр., в мебельном, портновском, золотых и серебряных дел, шорном, шелкоткацком, бархатном и т. д., эти капиталистиче-

ские ремесленные мастера держали в собственной мастерской 6, 8, 10 и более подмастерьев и кроме того заставляли работать на себя некоторое количество мелких мастеров, которым они обыкновенно выдавали сырой материал, отчасти или вполне подготовленный для окончательной переработки. В определенный срок мелкий мастер, работающий на такое предприятие и называемый «работником-мастером» (maître-ouvrier), приходил к крупному мастеру за работой, получал заказы и материалы, необходимые для их выполнения, делал в собственной мастерской заказанные товары и потом доставлял их заказчику,—конечно, по ценам, оставлявшим бóльшую прибыль крупному мастеру.

Одним из таких ремесленных предпринимателей был столяр Морис Дюпле, живший на улице Онорэ,—он сам на вывеске именовал себя предпринимателем-столяром (entrepreneur en menuiserie); у этого Дюпле впоследствии жил Робеспьер. Дюпле со своим столярным делом пошел настолько далеко, что постепенно скупил несколько домов и получал от них ежегодный доход до 15.000 ливров, что по теперешней стоимости денег составило бы до 15.000 рублей (довоенных). И однако он не был наиболее богатым предпринимателем в своей отрасли производства.

Возможно, что в некоторых мелких городах Франции в 1789 г. еще сохранялись старинные цеховые отношения. Но в Париже, где вторжению капиталистического способа производства в сферу ремесла содействовал спрос на предметы роскоши со стороны двора и придворного дворянства, старое цеховое устройство было фактически совершенно разрушено. На одной стороне здесь стояли богатые капиталистические мастера, у которых были собственные магазины, которые были поставщиками двора, богатого дворянства и крупнейших финансистов и получали доходы, не уступавшие доходам президента какого-нибудь парламента или трибунала. Рядом с ними мы находим слой более или менее зажиточных ремесленников («artisans»), работавших на солидных буржуазных потребителей; а еще ниже—широкий слой мелких мастеров, из которых бóльшая часть получала главный свой заработок от работы на капиталистического крупного мастера и только в редких случаях работала непосредственно на потребителей своего городского района. Этот слой можно сравнить с современными рабочими домашней промышленности в отраслях, требующих известной выучки и подготовки.

К этим мелким цеховым мастерам примыкали ремесленники, стоящие вне цехов. Так как цеховые уставы воспрещали им заниматься своим мастерством в большинстве городских районов, то они поселялись в lieux privilégiés, т.-е. в пригородах, лежащих дальше полосы запрета—заповедной мили, и в городских кварталах, на которые не распространялось действие цеховых предписаний, и вели здесь дело самостоятельно. В Париже было несколько таких кварталов. Особенным предпочтением среди них пользовались Кур дю-Тампль и еще больше—Сент-Антуан. Но все эти ремесленники жили в тяжелых условиях. Ведь и в современных рабочих кварталах и фабричных пригородах можно найти состоятельных ремесленников и торговцев, которые не поменяются с некоторыми владельцами магазинов и мастерских в самых богатых частях города; так и перед революцией некоторые внецеховые ремесленники находились в лучшем материальном положении, чем мелкие цеховые мастера в таможенной черте Парижа. Однако наибольшая часть этих внецеховых ремесленников перебивалась только с великим трудом, кое-как, таким способом, что они выполняли наиболее плохо оплачиваемые работы на беднейших потребителей в пригородах и, кроме того, у себя на дому работали на капиталистических мастеров. А если внецеховым ремесленникам пригородов запрещалось выставлять и продавать свои товары во внутреннем городе, то, работая по заказу жителей и магазинов внутренних городских кварталов, они должны были, переходя таможенную черту города, уплачивать городские сборы, поскольку их товары были обложены таковыми.

11. Цеховые стремления среди подмастерьев.

Брешь, проложенная в отношениях старого ремесла возникающим капиталистическим способом производства, имела своим последствием перемену в положении подмастерьев.

Для богатых мастеров, у которых работало значительное количество подмастерьев, было бы слишком тягостной обузой давать подмастерьям пищу и жилище и таким образом принимать их как бы в собственную семью. В связи с стремлением подмастерьев освободиться от надзора мастера, уже к половине XVIII столетия все шире распространяется обычай,—по крайней мере, в Париже,—выдавать подмастерьям поденную или понедельную плату, и уже делом самих подмастерьев было устроиться с жилищем и пищей. Из тех конфликтов, которые у парижских подмастерьев возникали с мастерами в августе и сентябре 1789 года, ясно видно, что в Париже обычным правилом для подмастерьев сделалось жить вне дома их мастеров; так было даже у портных и парикмахеров. Повидимому, только в некоторых отраслях производства продовольственных продуктов, напр., у мясников и пекарей, квартирование подмастерьев у мастера оставалось еще распространенным явлением. В одной и той же отрасли производства размеры заработной платы в большинстве случаев были неодинаковы и изменялись в зависимости от того, работал ли подмастерье уже несколько лет или же лишь недавно закончил выучку. В большинстве ремесленных отраслей Парижа заработная плата без стола и квартиры составляла 20—30 су (1—1½ руб.) в день, только в исключительных случаях особенно искусные подмастерья зарабатывали 30—35 су.

В своем большинстве утратившие надежду сделаться когда-либо самостоятельными мастерами, подмастерья представляли массу, ожесточенную существующим государственным строем и склонную к волнениям. Конечно, большинство из них очень мало интересовалось великими принципами революции. У многих еще тлела надежда современем получить звание мастера: посредством купли (грамоты на звание мастера часто продавались), брака или при помощи влиятельных покровителей. Но даже и те, кто окончательно похоронил такие мечтания, в своем большинстве, несмотря на явное разложение цехового строя, находились еще под властью цеховых воззрений. Последним давало опору существование старинных товариществ подмастерьев (compagnonnages), этих сохранившихся от средних веков братств, в которых подмастерье находил помощь в случаях нужды и болезни. Чем сильнее возникающий капитализм расшатывал старинные формы ремесла, тем упорнее держались братства за старинные цеховые обычаи.

Цеховые корпорации мастеров были наделены всяческими привилегиями; напротив, подмастерьям закон строжайшим образом воспрещал организовывать и поддерживать товарищества, братства и всякие другие союзы. Но подмастерья не считались с такими мудрыми распоряжениями,—последнее предреволюционное предписание этого рода было издано 12 декабря 1781 года. Если надзор за ними усиливался, они устраивали тайные собрания по ночам. Когда наступала более мягкая полоса, их организации делались более или менее открытыми. Закон не давал им почти никакой защиты против произвола мастеров, и потому, если они не хотели попасть прямо в рабское положение, им во что бы то ни стало приходилось поддерживать свои союзы борьбы.

Подмастерья в своей массе отнюдь не требовали полного уничтожения всех цеховых предписаний. Они не хотели отмены цеховых ограничений, не хотели уничтожения тех предписаний, которые одну отрасль промышленности охраняли от конкуренции других: они хотели упразднить только те пункты уставов, которые ставили помехи приобретению звания мастера и свободе выбирать место жительства. Знаменательно, что после взятия Бастилии (14 июля 1789 года), когда парижские подмастерья начали забастовку, чтобы добиться повышения заработной платы, они выдвинули и всевозможные чисто цеховые требования. Так, подмастерья-портные, собравшись 16 августа 1789 года на лугу перед Лувром, отправили депутацию в городскую думу и поручили своим делегатам требовать: пусть портным, продающим свои изделия в разнос, воспретят производство и продажу новой одежды.

12. Положение парижских промышленных рабочих.

Рабочие мануфактур смотрели на дело иначе. Бо́льшая их часть порвала со всеми старыми отношениями. Они видели, что, когда они встречаются с предпринимателем, у

них нет никаких прав. С «хозяином», с патроном их уже не связывали какие-либо патриархальные отношения, все же еще существовавшие в некоторых отраслях мелкого и среднего цехового ремесла между подмастерьем и мастером, который работал на-ряду с ним. Но труд в мануфактурах был в большинстве случаев напряженнее, рабочее время продолжительнее,—рабочий день в 14—15 часов не представлял никакой редкости, а заработная плата не выше, чем в ремесле. В среднем она составляла всего 25—30 су в день: сумма, совершенно недостаточная для существования, тем более, что, в противоположность подмастерьям, мануфактурные рабочие обыкновенно были женатые люди, следовательно, должны были кормить на свой жалкий заработок жену и детей. Что такое значили эти 25—30 су при высоких парижских ценах на продовольственные продукты? Даже в лучшие времена перед революцией фунт плохого хлеба стоил 3 су. Значит, тогдашний парижский рабочий затрачивал на фунт хлеба почти девятую долю своего заработка, между тем как современный затрачивает приблизительно всего тридцатую часть. А хлеб тогда в еще большей мере, чем теперь, представлял главный предмет питания. Картофеля в Париже до революции еще не знали, как и большинства других овощей, потребляемых в настоящее время в хозяйстве рабочего. Меню рабочего было по большей части такое: утром мучная болтушка со свиным салом, к ней хлебные сухари, в полдень опять похлебка из муки, гороха или чечевицы с кусочком сала или мяса и сушеным хлебом или же овощи, посыпанные поджаренной мукою, сало и хлеб; вечером опять похлебка из муки или овощей или хлебные сухари с растопленным свиным салом и потом иногда несколько творогу. Значит, утром, в полдень и вечером—хлеб и мука. Даже при самом скудном столе семья, состоящая из 4 лиц: отца, матери и двух детей, потребляла в день по меньшей мере 3 фунта хлеба и полфунта муки, что даже при хороших урожаях стоило в общей сложности 11 су, т.-е. почти половина заработка. Но при неурожаях, как было, напр., в июне и июле 1789 года, цена хлеба в Париже поднималась до 5 су за фунт. Значит, на то же количество муки и хлеба рабочему приходилось издержать 18 су.

А так как он зарабатывал всего 25 су, то на прочие потребности его семьи, включая и плату за квартиру, оставалось только 7 су (около 13 коп.) в день.

Уже этот простой подсчет показывает, насколько тяжело отражалось на существовании рабочего всякое вздорожание хлеба. Притом за неурожаями почти всегда следовал упадок промышленности и торговли, увольнение рабочих и безработица. В мае 1789 года, когда в Версале открылись Генеральные Штаты, в целом ряде мануфактур в пригородах Сент-Антуан, Сен-Мартэн, Сен-Марсель, Сен-Дени и Тампль ворота были совсем заколочены, а на других число рабочих уменьшено на половину или на треть. Более десятка тысяч рабочих, до того времени находивших работу в мануфактурах, были выброшены на улицу и голодали.

13. Парижская полупролетарская интеллигенция.

В революционной борьбе, развернувшейся в Париже в позднейшее время, «пришельцы» играли не менее значительную роль, чем фабричные рабочие. Как центр французской жизни, Париж привлекал большое количество людей, потерпевших крушение, деклассированных, бежавших от узкой жизни в мелких городках Франции или впавших в нищету вследствие безработицы. Даже в хорошие годы многие тысячи ежегодно приходили в Париж в поисках за работой и заработком. Великий неурожай 1788 г. и последовавшая за ним суровая зима во много раз увеличили этот прилив. Из всех частей Франции в поисках за пристанищем потянулись в Париж безработные: мелкие ремесленные мастера, подмастерья, случайные внецеховые рабочие городов, мелкие крестьяне,—но вместе с тем и многочисленные представители интеллигентного пролетариата: адвокаты и врачи, которым не было хода в мелких провинциальных городах, буржуазные литераторы, чиновники, учащиеся, художники и т. д. Эта пестрая толпа искала себе прибежища в конторе адвоката, нотариуса или в городском управлении, сотрудничала во вновь возникавших газетах, поступала в театральные билетеры или статисты, в разносчики революционной литературы, домогалась какого-нибудь другого за-

работка. После взятия Бастилии начался в особенности сильный прилив интеллигентов к Парижу, которых привлекала сюда революционная атмосфера. Лустало, редактор парижского еженедельного журнала «Révolutions de Paris» («Парижские революции»), который вел среди этих элементов энергичную революционную пропаганду, уже в августе 1789 года определял общую цифру пришельцев в сорок тысяч человек. У них не было собственной квартиры, селились они в комнатах, в мансардах, снимаемых ими у парижских рабочих, мелких лавочников и ремесленников; постоянных занятий, не говоря уже о каком-либо собственном предприятии, у них не было. Поэтому, согласно тогдашним законам, они не считались имеющими место жительства в Париже и в местном управлении не имели тех прав, какими обладали местные жители. Лустало писал в своем журнале:

«В Париже живет 40.000 не-парижан, которые селятся в комнатах с мебелью, не считаются местными жителями и однако являются гражданами. Так как они не принадлежат к парижской коммуне, то им не предоставлено права участвовать в делах этой коммуны. Но так как в районах часто говорят о вопросах, касающихся не только коммун, но и всей Франции, то пришельцы незаметно объединились в свой особый район; этот район—Пале-Рояль. Пале-Рояль чествовал первых солдат-патриотов и обратился к ним от имени отечества; Пале-Рояль первый призвал к оружию. Во всяком крупном городе постоянно найдется место, где собираются люди, не имеющие работы, и куда, окончив свой труд, приходят потолковать другие, чтобы узнать новости. Бывает, конечно, что здесь, на-ряду с хорошими мыслями, будут высказаны и дурные или опасные; но зато последние здесь же скорее всего натолкнутся на возражение. Здесь позволяют себе подвергать критике все действия общественных властей; но ведь в том-то и заключается свобода мнения, представляющая столь же высокую ценность, как свобода печати».

Парижский интеллигентный пролетариат оказал величайшее влияние на развитие революции. Он составлял как бы передаточное звено между низшими слоями народа и революционной литературой.

Даже в Париже, центре тогдашней французской образованности, огромная часть ремесленников, подмастерьев и рабочих не умела читать или по крайней мере не умела настолько, чтобы разобраться в газете или политической статье. И если либеральные историки сообщают, будто «Друг Народа» Марата или «Революции во Франции и Брабанте» Демулена нашли широкий круг читателей среди низших слоев народа в парижских предместьях, то это утверждение просто-таки курьезно. Это настолько же нелепо, как если бы через 100 лет историки начали утверждать, будто в 1907 году мекленбургские батраки с жаром читали теоретические статьи социал-демократического еженедельного журнала «Neue Zeit». Мелкие мастера и рабочие Парижа большей частью не понимали того академического французского языка, на котором писались только что названные газеты. Даже «Друг Народа» Марата был доступен лишь наиболее интеллигентной части мелких ремесленных мастеров и подмастерьев, и только газета Гебера «Père Duchesne» («Отец Дюшен») проникла в глубокую толщу парижского народа.

При таких обстоятельствах переселявшиеся в Париж интеллигентные пролетарии оказались полезными агитаторами. Горожанам, у которых они жили, они читали революционные сочинения и объясняли им прочитанное. В кабачках и кафе они растолковывали содержание только что вышедших новых газет и завязывали политические разговоры с присутствующими. В особенности много выходило из рядов этого интеллигентного пролетариата ораторов, которые с начала революции держали страстные речи в парке Пале-Рояля во всякое время дня и ночи.

Слой деклассированных интеллигентов многое сделал для просвещения широких масс парижского народа, хотя его деятельность, вероятно, не может равняться с деятельностью пролетарской интеллигенции в современной России. Но, с другой стороны, этот же слой в некоторых отношениях и повредил развитию революции. У многих из этих интеллигентных скитальцев был литературный и ораторский талант, но слишком часто не было твердости убеждений. Притом, вводя мелких мастеров и рабочих в область политики, эти

интеллигенты вместе с тем приносили очень добрую доз от своей академически-рационалистической идеологии, кот рая заставляла их судить о современности по образцам антич ного мира. Только очень малая часть этого интеллигентног пролетариата обнаруживала некоторое понимание экономиче ского положения и жизненных потребностей мелких ремеслен ников и рабочих. Они упорно оставались радикально-либе ральными доктринерами. Знаменательно для духовного скла да этих элементов то обстоятельство, что вышедшие из н рядов политические вожди, поскольку они, как, напр., Ге бер, возвысились над либерально-рационалистическим док тринерством, пришли не к тем или иным социалистиче ским воззрениям, а к буржуазно-индивидуалистическом анархизму.

14. Господская прислуга.

В резкой противоположности к этому слою стоит домаш няя прислуга, которая в Париже во всяком случае соста вляла значительную часть населения: держать многочислен ный штат прислуги—этого требовали приличия от всяког хорошего дома. И не только двор был битком набит при слугой разного рода, даже малосостоятельный дворянин, фи нансист и крупный купец, если они не хотели прослыт людьми, которые не умеют жить, должны были держат изрядное количество слуг: дворецких, камердинеров, лакеев поваров, конюхов, кучеров, берейторов и т. д. И хотя при дворное дворянство и богатая буржуазия относились к ни с великим пренебрежением, слуги по своей реакционност в общем далеко превосходили своих господ. Это будет по нятно, если рассмотреть, как повлияла революция на поло жение этого слоя населения. По своему жизненному уровн эта прислуга значительно возвышалась над рабочими и да же над мелкими мастерами, а работа от них обыкновенно требовалась самая ничтожная. Многие вели чисто паразитическое существование. Когда же богатое дворянство и крупная буржуазия эмигрировали из Франции, огромная часть прислуги лишилась своих покойных мест. А так как у них не было необходимых способностей и возможности

взяться за какую-нибудь другую профессию, то их ожидала самая горькая нищета. Это переполняло их бешеной ненавистью против революции, и роялисты вполне использовали такое настроение. Уже в начале 1790 года агенты роялистов начали массами распространять в Париже среди бывшей прислуги листки и брошюры, в которых слуги назывались господами («messieurs») и указывалось на ухудшение их положения вследствие эмиграции хозяев. Скоро эта прислуга оказалась в рядах самых озлобленных реакционеров. Эти элементы были слишком недисциплинированы и слишком трусливы для того, чтобы вести правильную борьбу против рабочих и мелкой буржуазии. Они ограничивались тем, что давали толпу для роялистских демонстраций, а позже, когда «золотая молодежь» начала свои бесчинства, оказывали ей всяческое содействие.

15. Обнищание крестьянства.

Взять ли уровень жизни, взять ли распространение образования,—крестьяне стояли в самом низу общества. Зажиточное свободное крестьянское сословие сохранилось только в Эльзасе да в части тогдашней северной Франции, именно во Фландрии и северной Бретани, а потом в бывших испанских областях, на севере Пиренеев. В большинстве центральных и южных областей мы встречаем только обнищавших мелких крестьян. Их участки, раздробленные вследствие разделов между наследниками, по большей части составляли лишь несколько гектаров (гектар—несколько меньше десятины. *И. С.*). При отсталости земледелия такой участок недостаточен для прокормления семьи. И это тем более, что мелкий крестьянин, не говоря уже об огромных косвенных налогах, падавших на предметы потребления, одних только государственных и церковных налогов (поземельный налог, подушная подать, десятина, двадцатая доля) и местных сборов должен был уплачивать столько, что платежи часто составляли 40—60% его чистого дохода.

Из всей возделываемой деревенской земли приблизительно одна треть находилась в руках таких свободных крестьян, добрых две трети принадлежали крупным землевла-

дельцам, большей частью феодалам-дворянам. Но в окрестностях городов иногда значительные площади земли принадлежали городам, а также разбогатевшим финансистам и торговцам. Все эти землевладельцы, как показано выше, вели собственно хозяйство лишь на небольшой части принадлежавшей им земли. Обыкновенно она разбивалась на участки, которые сдавались в аренду мелким арендаторам-крестьянам. Лучше всего положение арендаторов было в северных областях Франции—в Нормандии, Артуа, Пикардии, Иль-де-Франсе, Фландрии и т. д. В этих областях сдаваемые в аренду участки по большей части были довольно велики, обычно в 30—60 гектаров; арендная плата по английской системе уплачивалась наперед определенными по величине денежными взносами и была сравнительно низкая. Арендатор в большинстве случаев располагал некоторым капиталом и мог повышать земледельческую технику, а потому урожайность на этих землях по тогдашним понятиям была довольно высокая. В средние годы с гектара получалось 14—16 центнеров (42—48 пудов с десятины. *И. С.*) пшеницы. А так как из прибрежных областей нередко можно было вывозить пшеницу в Англию, то цены хлеба здесь стояли выше, чем в центральных областях Франции. Таким образом в этих северных областях положение многих арендаторов было хорошее. И даже положение парцеллярных крестьян (парцелла—мелкий земельный участок, получившийся в результате величайшего раздробления земельной собственности. *И. С.*), вообще говоря, было там лучше, чем на юге Франции: летом они нередко находили работу у крупных арендаторов частью за денежную, частью за натуральную заработную плату, а зимой и весной ткали у себя на дому шерстяные материи и полотно на промышленных предпринимателей соседних городов.

Однако в большинстве областей, приблизительно в трех четвертях, в ту эпоху господствующей системой была испольная аренда. Арендатор-крестьянин получал от помещика участок земли, обычно в 15—16 гектаров, а также семена, орудия и скот (чаще всего одну или даже две коровы, несколько овец или коз) и должен был отдать землевладельцу половину всего урожая в качестве арендной платы и вознаграждения за полученные им семена и инвентарь. Следовательно, номинально арендная плата была высокая. В действительности в тех областях, где господствовала денежная аренда, положение землевладельцев было более выгодное: земельное дворянство центральных провинций с завистью смотрело на доходы, извлекаемые дворянством северных провинций из своей земельной собственности. Арендная плата на севере была сравнительно невысокая, но землевладельцы получали ее наличными деньгами в определенные сроки и в твердо определенном размере, следовательно, они могли наперед учесть размеры дохода. Напротив, помещик в центре и на юге кое-что получал только в годы хорошего урожая, в плохие годы он получал мало или не получал ничего. А если он изгонял арендаторов-половников со своей земли, они часто отплачивали ему разрушением своей избы и порчей полученных от землевладельца орудий. Да по отношению и к тем арендаторам, которые сменяли изгнанных, землевладелец был совершенно в таком же положении. И даже в урожайные годы он часто не получал того, на что имел право. Крестьяне-испольщики (половники) старались всеми средствами урезать его половину: забрасывали хлебопашество, расширяли разведение коз и гусей, противозаконно пользовались для выпаса частью земли, предназначенной для возделывания хлеба, или возделывали такие растения, с которых они не были обязаны отдавать половину. Буржуазные историки впадают в преувеличение, когда они всю вину за обнищание крестьян сваливают на систему испольной аренды, жадность феодалов и сеньериальные повинности. Еще больше, чем все эти тягости, давили крестьян дорожные повинности, подводно-конная повинность, выполнявшаяся по требованию военных и гражданских властей, солдатские постои и в особенности высокие налоги на потребление и косвенные налоги: даже для беднейшего половника, который почти умирал с голоду, они часто составляли 50—60 франков. И эти налоги с беспощадной суровостью выбивались сборщиками, которые обычно вознаграждались известной долей собранного. Чтобы достать необходимые для этого деньги, в областях с нату-

ральным хозяйством половнику приходилось продавать значительную долю своих продуктов. Но для крестьянина, если поблизости не было города, такая продажа представляла очень трудное дело. Дороги были плохие, нападения грабителей представляли обычное явление. Кроме того, городские рынки были стеснены самыми разнообразными рыночными привилегиями и предписаниями. Как уже сказано выше, хлебная торговля часто находилась в руках привилегированных хлеботорговческих гильдий; но и там, где этого не было, крестьянину предоставлялось продавать хлеб только по определенным рыночным дням, в определенный час и лишь по уплате акциза и высоких сборов за место на рынке. Это заставляло его продавать хлеб скупщикам, высылаемым крупными хлеботорговцами; скупщики же, конечно, бессовестно надували крестьянина, который большею частью не умел ни читать, ни писать.

Если бы французское земледелие стояло тогда на таком же уровне развития, как современное, испольщики, несмотря на высокую арендную плату и высокие налоги, пожалуй, сводили бы концы с концами. Но доходность земледелия была приблизительно такая же низкая, как в современной центральной европейской России. Как русский крестьянин не может существовать от участка в 12—16 гектаров и требует земли, так и французский испольщик не мог существовать от заарендованного им участка, между тем как в настоящее время такой же площадью довольствуется в Германии хозяйство зажиточного крестьянина. Это понятно. В Германии за последние десять лет урожай составлял на гектар в среднем выводе свыше 32 центнеров для пшеницы и 39 центнеров для ржи. Напротив, в центральных областях дореволюционной Франции даже при хорошем урожае получалось в среднем всего 9—10 центнеров с гектара. Если мы предположим, что крестьянин-половник, арендуя участок в 12 гектаров, на целой половине его сеял пшеницу, то даже в самые урожайные годы его сбор пшеницы составил бы не более 60 центнеров. Так как половину приходилось отдавать землевладельцу, то у крестьянина оставалось 30 центнеров. Если даже несколько гектаров засевалось еще ячменем и крестьянская семья ела грубый ячменный хлеб, что было тогда дело обыкновенное, все же она должна была потребить пшеницы не менее 10—14 центнеров: вследствие грубых способов размола, из центнера зерна выходило в среднем не более 50—55 фунтов муки. Значит, за вычетом необходимого количества на удовлетворение собственных потребностей и на церковную десятину, оставалось для продажи всего 12 центнеров пшеницы. В годы хорошего урожая рыночная цена пшеницы в Париже составляла в среднем 8—9 франков за центнер. Однако крестьянин в своей деревне получал от скупщика лишь немного более половины этой цены,—следовательно, за свои 12 центнеров какие-нибудь 60—65 франков: сумма, которой иногда едва лишь хватало на уплату высоких податей и налогов, что принуждало крестьянина извлекать дополнительную сумму из своего жалкого скотоводства. На существование оставалось у него даже в лучшие годы до чрезвычайности мало, а в неурожайные годы он голодал, если только тиф не уносил его и его семью.

Нетрудно вообразить, что представлял при таких обстоятельствах крестьянин и половник. В рассказах тогдашних путешественников и в описаниях страны он изображается как полуодичавшее, тупоумное существо, которое помногу дней кряду не умывалось и не причесывалось и носило заскорузлый от грязи балахон до тех пор, пока он не разлезался весь в лохмотья. Наивысшее удовольствие находил он в том, чтобы лентяйничать, а в большие церковные праздники вознаграждал себя за все прошлые лишения непомерным обжорством. Читать и писать могли лишь немногие мелкие крестьяне и половники. Вообще лишь один из двенадцати среди деревенского населения мог читать; но даже из тех, кто научился этому искусству, большинство могло с трудом разбирать по складам лишь молитвенник.

16. Французская буржуазия 1789 г. в свете ее наказов.

В наказах, в тех инструкциях, которые буржуазные избиратели дали своим депутатам в Генеральные Штаты перед их отъездом в Версаль, за малыми исключениями нашли себе выражение требования только верхнего слоя третьего сословия. Низшие классы почти сплошь были устранены

от выборов: избирательное право принадлежало только тем, кто имел оседлость в избирательном округе, собственное жилье, тот или иной титул по должности, постоянные занятия, грамоту на звание мастера, или кто мог предъявить квитанцию об уплате прямых налогов не менее 6 франков в год. Притом избиратели не прямо выбирали своих депутатов, а сначала избирали окружных выборщиков, которые затем составляли собрание выборщиков, после предварительного обсуждения назначали комиссию для выработки наказа и потом выбирали из своей среды депутатов. Следовательно, наказы составлялись не собственно избирателями, а избранными из их среды выборщиками, по большей части состоятельными гражданами, а они в свою очередь обыкновенно выбирали в комиссию опытных адвокатов, судейских чиновников, ученых или купцов, которые в наказах обращали особенное внимание, конечно, на свои собственные требования. Только в немногих наказах звучит голос низших революционных слоев,—напр., в наказах Лиона и «Парижа вне городских стен» (Paris extra muros), т.-е. парижских пригородов и предместий, расположенных в пределах заповедной мили.

Обстоятельствам, при которых составлялись наказы, соответствуют и их тенденции. Генеральные Штаты в том виде, как они всегда созывались, попросту признаются представительством нации. Нет даже требования, чтобы они созывались ежегодно. Считается вполне достаточным, если их будут созывать через промежутки в 3, 4 или 5 лет. Однако некоторые наказы содержат требование, чтобы для заведывания делами был создан комитет или особая комиссия, которая в промежуточное время до ближайшего созыва Генеральных Штатов в важных случаях давала бы предварительное решение вопросов, не терпящих отлагательства, и в случае необходимости созывала бы экстренные собрания Генеральных Штатов. Точно так же наказы попросту принимают избирательное право в Генеральные Штаты в том виде, как оно существовало. Ни один из наказов буржуазии, насколько я знаю, не требует всеобщего, прямого и равного избирательного права. Напротив, некоторые наказы прямо требуют, чтобы избирательное право предоставлялось только тем, у кого есть известная земельная собственность, кто является деревенским землевладельцем или домовладельцем или уплачивает ежегодно государственный прямой налог определенной величины. Часто выставляется также требование, чтобы избиратели были разделены на определенные разряды (курии) по своим профессиям, и притом таким образом, чтобы высшим слоям буржуазии было обеспечено решающее влияние на законодательство.

О «доподлинной буржуазности» свидетельствуют также требования, касающиеся сословного строя. Правда, различные наказы требуют, чтобы наследственное дворянство подверглось сокращению и постепенной отмене; но зато они требуют, чтобы буржуазия чаще, чем было до того времени, вознаграждалась личным дворянством за таланты и заслуги; и чаще, чем было до того времени, следует давать представителям буржуазии ордена. В особенности падкими до орденов оказались почтенные граждане из Ля-Рошели. В своих наказах они энергично настаивают перед своими представителями, чтобы те добивались орденов и для чиновников буржуазного происхождения.

Далее, часто встречается требование упорядочения судебного дела,—большею частью по английским образцам,—требование созыва провинциальных сословий, уничтожения наследственности должностей в городском управлении, избрания главных должностных лиц в городах состоятельными гражданами, ограничения и постепенной отмены феодальных привилегий и десятин (парижские пригороды требуют, напр., чтобы они были сокращены до третьей доли по сравнению с существующей величиной), установления свободы торговли, уничтожения рыночных привилегий, торговых монополий и внутренних пошлин, уменьшения акцизов, отмены государственного контроля над мануфактурами, уничтожения королевского права ставить солдат на постой, обычно также требование единой системы меры и веса, ограничения расходов государственного управления и двора, соразмерности государственных доходов и расходов, погашения государственных долгов.

Таковы главные требования наказов третьего сословия,—

почти сплошь чисто-буржуазные требования. Редко приходят на память интересы низших слоев народа. Эти интересы не существуют для авторов наказов. Напротив, во многих наказах говорится о неприкосновенности собственности, и буржуазное право собственности называется первым из всех естественных прав,—таким правом, которое не терпит посягательства и стоит выше всех прав, приобретенных в ходе исторического развития.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Партии и партийная пресса в 1789 году.

Газетная литература в мае 1789 года.—Вопрос о порядке голосования и „третье сословие".—Париж перед взятием Бастилии.—Взятие Бастилии. — Еженедельник „Парижские Революции". — Контр-революционные тревоги.—Крестьянское восстание в провинции.—Историческая легенда о 4-м августе.—Парламентский торг из-за привилегий.—Санкционирование 4-го августа.—Городское управление и парижская буржуазия.—Безработица и стачки в Париже.—Пале-Рояль.—„Друг Народа" Марата.—Октябрьские бури в Париже.—Поход парижского городского управления против революционной прессы.—Военное положение против „зачинщиков" и „подстрекателей".—Господин Бриссо и парижский комитет общественной безопасности.—Борьба за конституцию в Национальном Собрании.—Парижская пресса в конце 1789 года.

До открытия Генеральных Штатов в 1789 году политическая печать Франции оставалась еще более скудной, чем даже в Германии того времени. Некоторое политическое значение имели только «Gazette de France» («Французская Газета»), старейшая из французских газет, основанная еще в 1631 г. французским врачом Т. Ренодо и признанная накануне революции официальным органом королевского двора; далее, «Mercure de France» («Французский Меркурий») и, наконец, «Journal de Paris» («Парижский Журнал»). Было и еще несколько газеток, как, напр., «Journal ecclésiastique» («Церковный Журнал»), издававшийся аббатом Баррюэлем, и «Nouvelles ecclésiastiques» («Церковные Новости»), но это были или богословско-философские специальные издания, или же издания с чисто художественно-литературными задачами.

Только созыв и заседания Генеральных Штатов вызвали спрос на политическую литературу. Всякий, кто умел читать, и даже мелкий парижский мещанин, который до того

времени интересовался лишь местными происшествиями в своем околотке, стал теперь требовать сообщений о заседаниях Генеральных Штатов, собравшихся в Версале, и о поставленных на обсуждение вопросах. Неудержимая и все растущая тяга к чтению охватывала парижское население и оттуда перекидывалась в крупнейшие провинциальные города. Парижские книгопродавцы и политики сумели использовать в своих интересах эту жажду чтения. Они с жаром начали открывать газеты. Повсюду возникали новые газеты и газетки с заманчивыми названиями; некоторые из них в несколько недель достигали значительного тиража. Почти ежедневно появлялись новые газеты: число газет, основанных в одном Париже с мая до конца 1789 года, составило более 150. Правда, очень многие из них были крошечные еженедельные листки в малую, восьмую или даже двенадцатую долю листа, плохо отпечатанные,—газеты, которые более приближаются к маленьким листкам и проповедям, в настоящее время издаваемым некоторыми религиозными обществами, чем к нашим современным ежедневным газетам.

1. Газетная литература в мае 1789 года.

Газетный дождь открыл Ж. П. Бриссо де-Уорвиль, который уже в 1784 г. основал в Париже небольшой литературный журнал: «Journal de Lycée de Londres». Уже в половине апреля 1789 года он опубликовал проспект журнала «Le Patriote Français» («Французский Патриот»), в заголовке которого стоял эпиграф: «Свободная газета, это—часовой, бессменно стоящий на страже народных интересов». В проспекте он обещал всем французам «давать за малую плату поучение в необременяющей форме». Однако Бриссо не сразу удалось осуществить этот план. Цензура запретила проспект и дальнейшее издание таких возбуждающих листков. Бриссо на время отложил издание.

Однако подобные цензурные меры не могли удержать политиков от приготовлений к приближающемуся открытию Генеральных Штатов. «Парижский Журнал» перешел в другие руки. С 1-го мая его начали редактировать либеральный публицист Мари Жан Антуан Карита, маркиз

Кондорсе и Доминик Жозеф Гара Онорэ Габриель Рикетти, граф де-Мирабо, избранный первым депутатом от третьего сословия города Э, 2-го мая выпустил первый номер своего журнала «Etats-Généraux» («Генеральные Штаты»), который, по его словам, должен был вести «борьбу за конституцию, свободу, отечество и правду». Однако уже за номером, вышедшим 5-го мая, последовало закрытие газеты. В этом номере Мирабо подверг критике речь, произнесенную министром финансов Неккером при открытии Генеральных Штатов. Он высказал порицание Неккеру за то, что тот, остановившись на финансовом положении, умолчал о «неотчуждаемом священном праве Генеральных Штатов вотировать налоги» и оставил без ответа вопрос, будут ли происходить поголовные голосования в одном общем собрании или же в раздельных по-сословно собраниях. «Мы надеемся,—говорится в статье,—что министр финансов, наконец, увидит, что уже не остается времени лавировать, что невозможно долее противодействовать потоку общественного мнения: или надо предоставить, чтобы оно несло нас, или же мы неизбежно утонем; увидит, что миновало царство интриг и шарлатанства: или он раздавит своими ногами все происки, если сохранит верность своим принципам, или же он падет, если удалится от этих принципов. Сильный своей неслыханной популярностью, он может опасаться лишь одного: собственной измены своему делу. В том положении, в котором теперь находится государство, оно ожидает от него не только неистощимого терпения, но также и неуклонной твердости».

Конечно, критика была резкая, но в ней не было ничего лично оскорбительного. Однако Неккер в своем самомнении не выносил и такой благожелательной критики.

Но не такой человек был Мирабо, чтобы его легко было заставить отказаться от своих планов. Он просто изменил название газеты и уже 10 мая выпустил «Lettres du Comte de Mirabeau à ses commettants» («Письма графа Мирабо к его избирателям»). В первом же номере он жестоко обрушился на закрытие его первой газеты. «Итак, пред лицом народных представителей,—писал он,—дерзают издавать подобные королевские декреты, которыми нарушаются свя-

щеннейшие права. 25 миллионов голосов требуют свободы печати. Народ, да и сам король желают общей работы всех способностей. Что же означает это министерское запрещение? Министерство, надменное своей популярностью, безбоязненно дерзает наложить печать молчания на мысль, оказать содействие лжи и считать контрабандою распространение правды».

Резкое выступление Мирабо привело к тому результату, что он нашел поддержку у парижской буржуазии. В пятницу 8 мая на собрании выборщиков третьего сословия Парижа, которое все еще занималось составлением наказов для парижских депутатов, адвокат Тарже поставил на обсуждение вопрос о закрытии журнала графа Мирабо. Всеми голосами против академика Мармонтеля собрание приняло резолюцию, в которой оно протестовало против закрытия, «ибо,— как сказано в мотивировочной части,—запрещение нарушает свободу печати, которой требует вся Франция, и нарушает в такое время, когда вся нация, обратив взоры на своих представителей, должна знать обо всех суждениях великого Собрания, поставившего вопрос об ее правах и ее будущем».

При таких обстоятельствах правительство признало за наилучшее не раздражать больше общества повторными запрещениями,—тем более, что 6 мая ле-Оде уже приступил к изданию нового «Journal des Etats-Généraux» («Журнал Генеральных Штатов»). Как возвестил генеральный директор книготорговли, король разрешил периодическим изданиям печатать отчеты о прениях Генеральных Штатов, но без каких бы то ни было комментариев. Никто не считался с этой оговоркой. С промежутками в 5, 6, 8 дней Мирабо выпустил 16 номеров своих «Писем» и, когда оказалось, что существование газеты обеспечено, вновь изменил ее название и стал издавать ее как «Courrier de Provence» («Курьер Прованса»).

2. Вопрос о порядке голосования и „третье сословие".

Тотчас же по открытии Генеральных Штатов началась борьба по вопросу, о том, станут ли три сословия: дворянство, духовенство и буржуазия, собираться раздельно,

и будут ли голосования посословными или же поголовными. Сначала эта борьба угнетающим образом подействовала на массу городской буржуазии и парализовала ее энергию. Вероятный исход столкновения большинству представлялся совершенно неясным. Поэтому после того, как появилась парламентская газета ле-Оде, политики и журналисты, стремившиеся к основанию новых газет, на время заняли выжидательное положение. Осмелились робко выступить лишь немногие незначительные газетки, не оказавшие влияния на ход французской революции.

Но вот борьба получила оборот, благоприятный для третьего сословия: часть беднейшего приходского духовенства отделилась от высшего клира, и 17 июня 1789 г. по предложению Сийеса собрание буржуазных депутатов объявило себя под названием «Национального Собрания» представительством всей французской нации. С этого момента стремление основывать новые газеты опять охватило выдающихся политиков. Уже 19 июня, т.-е. через два дня после того, как конституировалось Национальное Собрание, Баррер де-Виеза, депутат от графства Бигорр, впоследствии игравший выдающуюся роль в революции, как председатель Конвента и член Комитета Общественного Спасения, начал издавать свой «Point du Jour» («Восход»),—газету, которая за месяцы июнь—октябрь 1789 года приобретает известное значение потому, что она дает наиболее верные отчеты о заседаниях Национального Собрания. Уже в своей газете Баррер проявляет таланты протоколиста, которые впоследствии обнаружил в Конвенте и как докладчик Комитета Общественного Спасения. Он умеет искусно выделить существенное от второстепенного, в кратких чертах обрисовать положение и настроения и, не расширяя отчетов до чрезмерности, воспроизвести из прений самое главное. Обычно отчеты составляют около восьми страниц в восьмую долю листа, и только отчеты об особо важных заседаниях доходят до 12—16 страниц.

26 июня его примеру последовал Дюлор со своими «Evangelistes du Jour» («Евангелисты Дня»), но этой газеты вышло всего 16 номеров. Бриссо де-Уорвиль в свою очередь нашел, что теперь пришло время осуществить проект издания боль-

шой ежедневной либерально-демократической газеты. 28 июня появился первый нумер его «Французского Патриота», скоро превратившийся в главную газету той радикальной буржуазии, которая позже нашла свое парламентское представительство в жирондистской партии. И уже через 8 дней последовало основание еще одной жирондистской газеты, которая впоследствии сыграла значительную роль в борьбе между жирондистами и якобинцами: ежедневного «Courrier de Paris à Versailles et de Versailles à Paris» («Курьер из Парижа в Версаль и из Версаля в Париж»); потом она получила название «Courrier des Départements» («Курьер Департаментов»). Ее издавал Антуан Жозеф Горсас.

За решением третьего сословия от 17 июня последовало королевское повеление закрыть зал заседаний Национального Собрания. Но это привело лишь к тому, что депутаты собрались в другом помещении, в городском манеже для игры в мяч, а затем в приходской церкви св. Людовика.

По предложению Мунье и Бальи, депутаты дали торжественную клятву «впредь не расходиться и собираться повсюду, где лишь позволят обстоятельства, до тех пор, пока не будет создана и утверждена на прочных основаниях конституция королевства». К представителям третьего сословия перешли 149 депутатов от духовенства. 23 июня в заседание явился Людовик XVI и закончил свою длинную и запутанную речь приказанием немедленно разойтись и с завтрашнего дня возобновить посословные заседания. Присоединившиеся к Собранию представители духовенства и дворянства подчинились королевскому приказу, но депутаты третьего сословия продолжали заседание. Прибыл обер-церемониймейстер и повторил приказание короля. В ответ Мирабо заявил своим громовым голосом: «Мы собрались здесь по воле народа и уступим только силе штыков. Передайте это вашему государю». По предложению Барнава Собрание объявило, что члены его пользуются личной неприкосновенностью, и всякий, кто решится нарушить их неприкосновенность, будет объявлен лишенным чести, изменником перед народом и уголовным преступником.

Настроение парижского населения и войск было таково, что правительство, встретив решительный отпор, растерялось и не решилось пустить вооруженную силу против Собрания. Когда

королю доложили, что Собрание не подчинилось его приказанию, он, как рассказывают, воскликнул: «Ну, чорт с ними. Пусть остаются!»

Двор и дворянство пошли на уступки. Духовенство в лице своего большинства уже 17 июня присоединилось к третьему сословию. 25 июня меньшинство дворянства, в числе 47 человек, в свою очередь явилось в заседание и устами своего маршала Клермон-Тоннера заявило о своей готовности соединиться с третьим сословием. 27 июня остальные представители дворянства и духовенства со своими председателями во главе увидали себя вынужденными тоже присоединиться к собранию третьего сословия.

Буря восторгов охватила буржуазные слои Франции. Цель, за которую представители третьего сословия боролись в течение семи последних недель, была достигнута! Все меры, какими дворянство и двор хотели воспрепятствовать соединению сословий, вместо того ускорили это соединение. Аристократия потерпела поражение. Обеспечено поголовное голосование, а вместе с тем гарантировано большинство за представительством третьего сословия. Наступает новая эра. Следует уповать, что у французского народа скоро будет с в о я конституция. Пусть дворянство и высшее духовенство продолжают свои интриги: во всех важных вопросах у депутатов третьего сословия в союзе с либеральным приходским духовенством и с либерально-конституционной частью дворянства будет большинство голосов.

Таковы мысли, которые нашли себе выражение не только в заявлениях тогдашней печати, но и во всех письмах и мемуарах того времени. Соединение в одном собрании представлялось французской буржуазии осуществлением давнишних надежд. И даже те люди, которые до того времени скептически относились к последствиям созыва Генеральных Штатов и потому не участвовали в выборе депутатов, хотя имели избирательные права, теперь были захвачены всеобщим ликованием. Никогда еще Национальное Собрание не пользовалось таким широким доверием всего буржуазного населения вплоть до пролетарских слоев, как в последние дни июня 1789 г. Мужество и твердость всегда производят импонирующее впечатление. Уже 26 июня явилась к Национальному Собранию не только де-

путация от парижских выборщиков, но и депутация от массового собрания в Пале-Рояле,—излюбленном месте тогдашних собраний всех радикальных, революционных элементов,—и выразила депутатам третьего сословия восхищение и благодарность «парижского народа».

Несомненно, прибытие большинства дворянства и высшего духовенства в общий зал заседаний знаменовало крупную победу буржуазии; однако у этой победы не было надежного базиса. Только восстание парижских пригородов 13 и 14 июля дало прочную опору зданию конституции.

Дворянство и духовенство присоединились к буржуазным депутатам исключительно потому, что двор своими интригами сам загнал себя в тупик. 23 июня попытка все повернуть назад, использовав королевскую власть, окончилась неудачей: к третьему сословию присоединилось большинство низшего духовенства и так называемое либеральное крыло дворянства. Если бы при таких обстоятельствах большинство дворянства и высшего духовенства устранилось от дальнейших заседаний, это означало бы, что они предоставляют элементам, составившим Национальное Собрание, возможность осуществлять свои политические требования. В самом деле, можно было предвидеть, что, усиленное присоединением части духовенства и дворянства, третье сословие еще увереннее, чем то было 17 июня, почувствует в себе представительство нации и постарается разрешить вопрос о конституции в своем смысле. Следовательно, если бы двор попрежнему сопротивлялся соединению сословий в одно собрание, перед ним было только одно из двух: или оставить поле сражения за третьим сословием, или же разогнать Национальное Собрание силой оружия. Но при сложившихся обстоятельствах последнее означало бы всеобщее восстание городских масс. В таком положении двор и руководимое им министерство решили рекомендовать той части дворянства и духовенства, которая кичилась своими привилегиями, формально присоединиться к Национальному Собранию; но при этом отнюдь не следовало отказываться от уже усвоенной принципиальной точки зрения,—значит, следовало требовать безусловного подчинения королевским

заявлениям от 23 июня, которыми совместные заседания всех трех сословий допускались только в случаях, касающихся общих дел, а по всем вопросам, относящимся к особым интересам дворянства и духовенства, им предоставлялось устраивать отдельные совещания. Следуя этой тактике,—так думали при дворе,—удастся помешать ходу законодательных работ, пока не наступит удобный момент для разгона Национального Собрания и для того, чтобы привести в исполнение угрозу, высказанную королем 23 июня: он один, без Генеральных Штатов, позаботится о счастье «своих» народов.

Вот почему в послании от 26 июня, которым король предлагал президентам дворянства и духовенства соединиться с третьим сословием, он демонстративно ссылался на свое заявление от 23 июня, и вот почему оба президента, вступив в Национальное Собрание, объясняли уступчивость привилегированных сословий исключительно «любовью и почтением к королю» и своей преданностью общему благу.

Следовательно, для большинства дворянства и для примыкавшего к нему высшего духовенства присоединение к третьему сословию было лишь выполнением тактического шахматного хода, предписанного двором. Знаменательно, что уже на первом совместном заседании кардинал Ларошфуко, вождь высшего духовенства, с большой дипломатической ловкостью пытался захватить руководство Национальным Собранием, и что 29 июня на общем совещании президентов трех сословий была сделана попытка заставить Бальи отказаться от председательствования в Национальном Собрании в пользу герцога Люксембургского. Когда это не удалось, на следующий день депутаты двух первых сословий, присоединившиеся 27 июня, демонстративно не явились к началу прений и только тогда, когда заседание уже открылось, вызывающе, со своими обоими президентами во главе, разом вошли в зал заседаний.

Однако все эти мелкие уколы и выходки не заставили третье сословие пойти навстречу дворянским и клерикальным требованиям и желаниям. Поэтому 2 июля высшее духовенство задумало пустить в ход более сильные средства.

Кардинал Ларошфуко взял слово и от имени духовенства размежевался с точкой зрения третьего сословия.

«Милостивые государи,—говорил он,—я должен заявить вам, что, когда мы, члены духовного сословия, до того времени остававшиеся в палате своего сословия, пришли в общий зал трех сословий, мы сделали это с следующей оговоркой:

«Согласно королевской декларации от 23 июня и посланию ко мне от его величества от 27 июня, члены духовного сословия решили соединиться в одном зале с депутатами дворянства и третьего сословия для того, чтобы, соответственно королевской декларации, обсуждать здесь вопросы общего блага, не нарушая тем самым права собираться и совещаться отдельно, предоставленного духовенству конституцией. От этого права они не могут и не хотят отказаться в текущей сессии Генеральных Штатов, оно прямо предоставлено им статьями 8-й и 9-й королевской декларации».

4-го июля со стороны дворянства последовал еще более резкий протест. Но все эти попытки не привели к желанному результату: не заставили третье сословие так или иначе формально признать сословные привилегии дворянства и духовенства. Игра, которую вели оба привилегированные сословия, сама по себе была задумана очень искусно, но исполнители главных ролей выступали слишком надменно и грубо. Они только раздували ненависть депутатов буржуазии против придворных аристократов и выводили из нейтралитета даже духовенство, и без того тянувшее к третьему сословию. Уже 2 июля, когда кардинал Ларошфуко прочитал свое заявление, это духовенство выступило на стороне третьего сословия: архиепископ виенский, его вождь, коротко заявил, что протест кардинала отнюдь не выражает мнения всего духовенства,—он был выработан меньшинством в отсутствие большинства духовенства.

Третье сословие искусно использовало это заявление: оно заставило подавляющее большинство Собрания признать, что Собрание не имеет оснований считаться с документом, прочитанным кардиналом Ларошфуко, так как он является

исключительно выражением частного мнения отдельных лиц.

После этого часть дворянства и духовенства попыталась действовать посредством политической обструкции,— они игнорировали назначаемые заседания. Но и так они ничего не достигли. Национальное Собрание просто объявило, что депутаты, не желающие участвовать в заседаниях, считаются «отсутствующими» и в то же время постановило, что это отсутствие не нарушает силы постановлений, принятых Национальным Собранием. Все демонстрации дворянства привели только к тому результату, что третье сословие с удвоенной энергией принялось за выработку оснований конституции. Уже 7 июля была избрана комиссия из 30 членов для выработки проекта конституции.

3. Париж перед взятием Бастилии.

План двора потерпел крушение. Что же теперь? Ждать ли, что Национальное Собрание еще дальше пойдет в ограничении прав короля, или же распустить его королевским декретом и апеллировать к стране с обещанием, что король,—так как Генеральные Штаты попусту расточали время на внутренние распри,—согласно своему посланию от 23 июня, сам осчастливит свои народы и будет видеть в себе единственного «истинного представителя нации»? Двор высказался за второе решение. Однако возникли разногласия на тот счет, перенести ли сначала заседание Собрания в какой-нибудь маленький консервативный город и там вынудить от депутатов согласие на финансовые планы министерства, или же немедленно распустить Собрание. Непосредственно за 17 июня, когда третье сословие объявило себя Национальным Собранием, двор постепенно стянул к Парижу значительную вооруженную силу, до 30.000 человек. Это были полки, составленные преимущественно из навербованных иностранцев. Они враждебно относились к народу; офицеры-дворяне могли положиться на их подчинение. Еще более увеличить численность этих войск представлялось двору первым и самым правильным делом.

Перед обществом сосредоточение войск оправдывалось тем, что они должны служить для предотвращения беспорядков в столице и для защиты зажиточных горожан от черни из пригородов. Действительно, голод заставлял пролетарское население предпринимать самые отчаянные попытки для того, чтобы добыть себе пропитание. Почти ежедневно перед пекарнями разыгрывались бурные сцены. Нападения на повозки с продовольственными продуктами, вторжения, грабежи становились все чаще. Нужда дошла до крайних границ. Цена плохого пшеничного хлеба уже в конце июня повысилась до 5 су за фунт, даже ячменный хлеб стоил 4 су,—непосильная цена для десятков тысяч, потому что большинство фабрик и крупные мастерские были закрыты или до чрезвычайности сократили число рабочих. Положение подмастерьев было немногим лучше. В большинстве промыслов, прежде всего в строительном, тоже царила безработица. В 1787—1788 годах в Париже производились многочисленные строительные работы, и усиленная строительная деятельность привлекла из провинции большие массы строительных ремесленников. Суровая зима 1788—1789 года заставила приостановить строительные работы на несколько месяцев. Перенося самые тяжелые лишения, голодали подмастерья-каменщики и столяры в течение суровых зимних месяцев, уверенно рассчитывая, что весной 1789 года строительная деятельность возобновится с прежнею силой. Однако скоро обнаружилось, что они ошиблись в расчетах. Новых построек почти вовсе не предпринималось, и даже постройки, начатые в предыдущем году, во многих случаях так и были оставлены незаконченными. В виду экономического кризиса, вызванного прошлогодним неурожаем, а также вследствие политического брожения, ни у кого из предпринимателей не было охоты начинать рискованные коммерческие дела. А так как во время кризисов развал одной отрасли неудержимо распространяется на другие, с ней связанные, то почти совершенно остановилось движение судов по Сене и Марне. Судоходству сначала помешала затяжная суровая зима, а затем, когда реки вскрылись, оказалось, что грузов нет: перевозка продовольственных продуктов и сырых материалов в Париж прекратилась. На пристанях и местах погрузки стояли сотни рабочих с изможденными голодом лицами и мучительно ждали случая заработать несколько су при нагрузке или разгрузке какой-нибудь барки.

Чтобы помочь в нужде, городское управление давало легкие ремесленные работы в работных домах и богадельнях некоторой части более слабых рабочих и кроме того организовало земляные работы, преимущественно на Монмартре, для 10—12 тысяч более сильных рабочих. Однако и эти работы едва избавляли занятых ими и членов их семьи от голода: в работных домах заработная плата составляла всего 12—15 су в день, и даже на земляных работах взрослые рабочие получали только 20 су,—не настолько мало, чтобы умереть с голоду, но и не настолько много, чтобы на это можно было существовать. Выше уже упоминалось, что фунт хорошего белого хлеба стоил 5 су,—следовательно, на 4-фунтовой хлеб уходил весь дневной заработок. Но ведь на всех этих городских работах только третья или четвертая доля безработных находила для себя занятия. Подавляющая масса голодала, голодала изо дня в день, пока отчаяние не подталкивало ее к нападениям на магазины с продовольственными припасами или к вторжениям в дачные дома в окрестностях Парижа. Между тем армия безработных все более возрастала; когда с апрелем пришла более теплая погода, из голодающих сельских областей в Париж началось настоящее переселение народов: полуголодных крестьян и рабочих. После того как зимой крестьяне съедали последние остатки скудной жатвы и все, что было хотя бы до некоторой степени съедобным, они, подгоняемые голодом, пытались достать пропитание такими способами, как разгром господских житниц и амбаров и охота за дичью в помещичьих лесах. Когда иссякали и эти источники, они с мешком за плечами и палкой в руке пускались в путь на Париж. Огромными толпами, часто в сотни человек, приходили в Париж с женами и детьми эти люди, в конец истощенные голодом, оборванные и ободранные,—отчаявшиеся жертвы французских непорядков, готовые на все, только бы достать заработок и прочитание.

В либеральных исторических работах с большим красно-

речием рассказывается, как напряженно следил народ парижских пригородов за прениями в Национальном Собрании и с каким воодушевлением схватился он за оружие, чтобы 12 июля, после отставки Неккера, выступить за свою свободу. Читать это очень приятно, и действует это на некоторых читателей очень возвышающе, но, к сожалению, исторически такое изображение неверно. Не энтузиазм к свободе, а скорее всего голод гнал массы на борьбу. Если даже зажиточные парижские граждане, обладавшие избирательными правами, приняли лишь чрезвычайно слабое участие в избрании выборщиков в Генеральные Штаты, то мелкие ремесленники и рабочие, не имевшие избирательных прав, и совсем не интересовались всеми этими происшествиями. Слово конституция для них, тщетно боровшихся с горькой нуждой, имело совсем расплывчатое значение. Их требованием было: работы и хлеба! [1]). Только в июне начинается для них так называемое политическое пробуждение: полупролетарская интеллигенция старается привлечь их к делу революции, вразумляя их в собраниях и кабачках, что вина за всеобщую нужду ложится прежде всего на расточительность двора и интриги правительства, мешающие Генеральным Штатам дать народу «хорошую» конституцию. Во всем правительстве, говорили эти интеллигенты, у нуждающегося только один друг, который честно стоит за интересы народа, это— Неккер.

Пусть внешним толчком для восстания 12—14 июля послужила отставка Неккера и нападение королевско-немецкого драгунского полка на толпы демонстрантов: даже и в эти дни главной причиной вмешательства масс из пригородов в борьбу был недостаток продовольственных средств. Во время волнений в ночь с 12 на 13 июля и в два следующих дня нападение масс направлялось

[1]) Их ненависть направлялась прежде всего на богатых фабрикантов и крупных мастеров, которые закрыли свои предприятия или использовали массовое предложение рабочей силы для понижения заработной платы, а также на городское и районные управления, которые организовали общественные работы для помощи безработным в слишком недостаточном количестве и позорно их оплачивали.

прежде всего против бюро по взиманию акцизных сборов, против пекарен и виноторговцев. Нападение на монастырь лазаристов было продиктовано тем же мотивом: всем было известно, что лазаристы припрятали чудовищные массы зерна, муки и вина. В то время как Париж голодал, преподобные отцы устроили у себя такие запасы, что после того, как вторгшиеся массы утолили свой голод, на рынок было вывезено отсюда еще 52 воза зерна и муки.

И как раз в дни 12—14 июля Париж был в тисках голода. Даже по ценам в 5 су за фунт нельзя было достать ни белого, ни серого хлеба (серый—из смеси пшеничной с ячменной или ржаной мукой), хотя не только у благочестивых лазаристов, но и у многих крупных хлеботорговцев, как обнаружилось после восстания, были на складах большие количества хлеба. Это могло бы показаться делом чистой случайности, если бы не было установлено, что в ряде городов, расположенных близ Парижа, в это самое время лежали немалые количества зерна, подготовленные ко ввозу в Париж, и что, напр., в Версале тогда же белый хлеб был в изобилии.

До сих пор остается невыясненным, из каких причин вытекал этот недостаток хлеба в Париже в течение нескольких дней. Не хотели ли крупные хлебные спекулянты, пользуясь своими привилегиями, еще больше взвинтить цены? Или, как впоследствии утверждали приверженцы двора, деньги герцогов Орлеанских были пущены в ход с той целью, чтобы, прекратив подвоз хлеба, толкнуть голодающий народ пригородов к восстанию? Или же, как в ближайшие дни после взятия Бастилии уверяли некоторые революционные агитаторы Пале-Рояля, двор приложил к игре свою руку, чтобы натравить беднейшее население на буржуазию и потом выступить в роли ее спасителя? С уверенностью нельзя ответить на эти вопросы. Одно несомненно; голод в несравненно большей мере, чем стремление к свободе, толкал массы к восстанию.

4. Взятие Бастилии.

Под угрозой голодных бунтов, избранная Национальным Собранием продовольственная комиссия (Comité des subsistan-

ces) во вторник 7 июля 1789 года увидала, наконец, себя вынужденной представить Национальному Собранию свои предположения по борьбе с голодом. Она предлагала:

1) Открыть всенародный добровольный сбор и отправлять поступающие суммы властям в нуждающиеся области.

2) Уполномочить провинциальные собрания, а также департаменты и городские управления, под гарантией нации и под контролем Национального Собрания, производить такие денежные расходы, которые окажутся совершенно неотложными.

3) Всем провинциям, в которых урожай еще не собран или не мог быть собран, разрешить взимание особого поголовного налога в 10—20 су для смягчения нужды.

4) С наивозможной быстротой принять меры к уничтожению всех привилегий и внутренних пошлин, препятствующих торговле продовольственными продуктами, и представить эти меры на одобрение короля; далее, до октября 1790 года совершенно воспретить вывоз зерна и муки из Франции.

Конечно, меры, предложенные комиссией, не в силах были предотвратить голод, но во всяком случае они могли бы смягчить нужду в некоторых областях. Однако для подавляющего большинства Национального Собрания эти предложения шли слишком далеко, в особенности предложение взимать с состоятельных особый поголовный налог в пользу голодающего населения. Согласно отчету «Восхода» («Point du Jour»), первым взял слово один орлеанистский аббат и прочитал длинную лекцию о вредоносности затруднений, создаваемых для хлеботорговли распоряжениями провинциальных властей и существованием разных привилегий; но в заключение он рекомендовал ограничиться добровольным денежным сбором, ибо в налоге всегда имеется нечто «вынужденное». Еще меньше склонности принять предложения комиссии обнаружил конституционный граф Лалли-Толендаль. Что же касается общественного сбора пожертвований, полагал граф, этот способ слишком ненадежен и даст слишком малые суммы, потребует слишком много времени, да и не соответствует достоинству Национального Собрания. Такой же способ

добывания средств, как поголовный налог, опасен, потому что он знаменовал бы лишь новое обременение для чарода. Но вот введение свободы хлеботорговли, временное воспрещение вывоза хлеба и т. д., это—такие меры, о которых можно бы поговорить. И потом он с дипломатической ловкостью постарался использовать прения для укрепления королевской власти. Он заявил, что в этом вопросе правительство заслуживает полного доверия; поэтому самое целесообразное было бы обратиться к королю, который лучше видит все в своем государстве, и ходатайствовать, чтобы он поручил своим министрам изучить дело и потом сообщить Собранию, какие мероприятия «следует считать необходимыми». Затем Собрание должно воспретить до октября 1790 года вывоз зерна и муки, а также устранить препятствия, противодействующие свободному передвижению хлеба внутри государства, и «с величайшею почтительностью» ходатайствовать перед королем об утверждении этого постановления.

Но с этим не согласились многие члены Национального Собрания. Они полагали, что таким способом Национальное Собрание само ограничило бы свои собственные права, прежде чем разрешен вопрос о конституции. Поэтому Буш предложил возвратить предложения в комиссию и просить ее об изыскании других мер помощи. А Мунье, генеральный секретарь провинциального собрания в Дофине, находил, что общественный сбор пожертвований на голодающих совершенно бесцелен, и что нельзя налагать на граждан никаких новых сборов и новых налогов и нельзя также без дальнейших околичностей вторгаться в существующие законы о хлеботорговле. Ошибочным представляется ему и предложение Лалли-Толендаля ходатайствовать о согласии короля на воспрещение вывоза: это согласие—очень деликатный предмет, один из важнейших вопросов будущей конституции. Ходатайствовать теперь об утверждении королем постановления Собрания, это значит предвосхищать вопрос, разрешение которого должна дать только конституция, и наперед давать ему определенное истолкование. Поэтому он предлагал просто возвратить предложения в комиссию. К этому взгляду присоединился и адвокат Тарже,

представитель парижской буржуазии. В конце концов предложения, действительно, были возвращены в продовольственную комиссию, что было равносильно отсрочке вопроса на неопределенное время.

Если принять во внимание тогдашнее прямо ужасное положение беднейшего населения, то нельзя не признать, что в прениях с чрезвычайной ясностью проявился буржуазный инстинкт Национального Собрания. Пусть каждый день сотни людей умирали от голода: тем не менее совершенно недопустимо дальнейшее обременение зажиточных буржуа поголовным налогом, хотя бы он составлял всего 10 су на душу, или 2 франка на семью из четырех душ.

А тут еще заседание закончилось эпилогом-фарсом. Как в повседневной жизни за трагическими событиями часто следует фарс, так и это заседание Национального Собрания закончилось смешною комедией. Вызванная тогдашним президентом Собрания архиепископом виенским, перед решеткой Собрания явилась депутация от выборщиков Парижа и устами своего главы аббата Бертолье заявила в напыщенной и фразистой речи, что Париж снова совершенно спокоен. Одиннадцать солдат королевской гвардии, которые приняли участие в революционном собрании в Пале-Рояле, были за это заключены в тюрьму, но 30 июня освобождены толпой народа, и потом великим милосердием и снисходительностью его величества избавлены от наказания. Мир опять воцарился в стенах Парижа. Сборища и скопища совершенно прекратились и т. д.

И всего через несколько дней после того восстание бушевало на парижских улицах.

Двор спешно готовился к тому, чтобы разделаться с Национальным Собранием. В столицу было уже стянуто до 30.000 войск, преимущественно из иностранцев, навербованных за границей, так как на французов-солдат правительство не могло положиться. С границ было призвано еще до 20.000 войск. Собрание в Версале было отрезано от Парижа армией чужеземных наемников с многочисленными орудиями. Военные приготовления явно направлялись против него. 8-го и 9-го июля Собрание через особую депутацию потребовало от короля отозвания войск. Так как двор считал приготовления законченными, то король с

издевательством ответил, что раз присутствие войск тревожит Собрание, то его можно перевести в Суассон или Нуайон: выслать из Парижа, как в случаях столкновений делали с парламентами.

Теперь двор хотел дать решительный урок Национальному Собранию и тем, кто стал бы его поддерживать. В распоряжении двора были огромные по тому времени вооруженные силы, у его противников ничего не было. Двор сознательно вел дело к тому, чтобы вызвать восстание: он рассчитывал, быстро подавив его, совершенно обезвредить Национальное Собрание.

11-го июня министерство Неккера получило отставку и было заменено министерством самых непримиримых реакционеров и аристократов, которые в борьбе с начинающимся движением были готовы итти до конца.

Национальное Собрание объявило, что удаленные министры уносят с собой его уважение и его сожаление, что «министры, а затем также все гражданские и военные агенты власти ответственны за все акты, нарушающие права нации и декреты этого Собрания», подтвердило свои постановления от 17, 20 и 23 июня и снова потребовало удаления войск.

Но это были бы бессильные бумажные постановления, если бы не оказалось реальной опоры, которая придала им силу.

Как всегда бывает в таких случаях, разыгралось вовсе не то, на что рассчитывали люди, подготовлявшие события. В борьбу в таких случаях вступают силы, на которые они не рассчитывали, которых не предвидели и которые опрокидывают все хитроумные планы.

При описанном состоянии низов парижского населения, в особенности населения предместий и пригородов, достаточно было небольшого толчка, чтобы оно пришло в неудержимое движение. Изголодавшиеся и измученные массы грозно зашевелились. Парк Пале-Рояля переполнился жадными слушателями, перед которыми выступали один оратор за другим. Герцог Орлеанский, отпрыск королевской фамилии, несомненно, мечтавший о том, чтобы занять место Людовика XVI, приложил свою руку к развертывающейся игре. Он приказал широко открыть ворота Пале-Рояля для народных собраний. Его сторонники не раз в ближайшие дни устраивали демонстрации, в которых выступали с его бюстом при криках: «Да здравствует герцог Орлеанский».

Настроение народных собраний в Пале-Рояле скоро определилось. Молодой адвокат Камиль Демулен указал направление, в котором следует действовать. Он сказал: «Граждане! нельзя

терять ни одного мгновения. Отставка Неккера, это—набат, раздавшийся с Лувра, это—призыв к Варфоломеевской ночи. Еще в этот вечер нахлынут с Марсова поля немецкие и швейцарские батальоны, чтобы истребить нас. Одно спасение осталось нам теперь: к оружию, граждане, к оружию!»

В эти дни еще не раздавалось ни одного возгласа против монархии. Требовались еще многочисленные политические уроки для того, чтобы массы порвали с королевскою властью. В некоторых местах толпы шествовали с бюстами Неккера и герцога Орлеанского и заставляли встречавшихся обнажать перед ними головы. Одна из процессий направилась к статуе Людовика XV. Здесь верноподданническая демонстрация встретилась с королевским полком немецких драгун. Князь де-Ламбек, командир полка, приказал ему с обнаженным оружием броситься на безоружных демонстрантов. Многие были изрублены или смяты копытами лошадей. С криками: «К оружию!» толпа рассеялась в разные стороны. Кое-кому удалось достать некоторое вооружение у оружейных мастеров и торговцев.

Не на все войска двор полагался в равной степени. Ненадежной считалась королевская гвардия: после освобождения народом нескольких гвардейцев, арестованных за то, что они были на собрании в Пале-Рояле, она явно склонялась на сторону народа, а потому ее заперли в казармах и приставили к ней стражу из немецких наемных солдат. Услышав шум схватки, гвардейцы вырвались из казарм и пошли, не обращая внимания на приказания своих офицеров. Столкнувшись с немецкими драгунами, гвардейцы дали по ним залп. Много драгун пало на месте, остальные бежали.

Эти события разыгрались 12 июля. В этот день они не имели дальнейшего продолжения. Де-Безенваль, который должен был, действительно, вести войска с Марсова поля на Париж для усмирения народа и мятежных гвардейцев, увидал, что от этого намерения следует отказаться: солдаты явно не хотели выступать против гвардии. В этот день народ сжег бюро по взиманию акцизов и заставы, на которых взимали сборы (октруа) со ввозимых в город продовольственных продуктов.

На следующий день двор, ожидая прибытия надежных войск, не предпринимал решительных действий, а народ тщетно разыскивал оружие. Знающие люди систематически обманывали его: направляли туда, где, как им было доподлинно известно, нет никакого оружия. Кому-то пришла в голову мысль вооружить народ пиками. Кузнецы заработали с изумительной быстротой, и в один день было готово 50.000 пик.

14 июля, как и в предыдущие дни, опять раздался набат, и снова начались поиски оружия. На этот раз они были успешнее. В подвалах Дома Инвалидов было найдено до 30.000 ружей, много сабель и несколько пушек. Толпа увеличилась огромными массами, явившимися из пригородов Сент-Антуан и Сен-Марс под предводительством пивовара Сантерра. Но куда направить вооруженные силы?

Мрачная Бастилия была крепостью, находившейся внутри города и по тогдашним условиям представлявшей серьезную опору для правительственных войск: восемь укрепленных башен, высотой до 15 саж., соединенных стеною толщиной до 4 арш. и окруженных рвом до $3^1/_2$ саж. глубины, через который в крепость можно было проникнуть только по подъемным мостам. Но та же Бастилия была символом безграничного произвола, царившего в старой Франции: она служила местом заточения политических преступников, которые сажались сюда без всякого следствия и суда, на основании королевских приказов, и, раз посаженные, иногда не зная никакой вины за собой, кроме оскорбления какого-либо аристократа или архиепископа, оставались в ней до самой смерти. Вот на эту-то тюрьму-крепость и направилась прежде всего ярость восставших.

Гарнизон крепости был небольшой,—не более 125 человек швейцарцев и инвалидов. Осаждающим удалось подрубить цепи самого большого подъемного моста. Но, перейдя по нему, они уперлись в ворота и крепкие стены. Их стрельба не причиняла ни малейшего вреда осажденным. По приказу Делоне, коменданта Бастилии, из бойниц был открыт сильный ружейный и орудийный огонь по густой толпе, окружившей Бастилию. Площадь перед Бастилией покрылась убитыми и ранеными. Залп картечи прогнал осаждавших через ров.

Четыре часа длилась битва—кровопролитная, но безуспешная для осаждавших. Наконец, наступил поворот: на помощь народу явилась королевская гвардия со своими орудиями. Наведя их на стены Бастилии, гвардейцы открыли сильный огонь. Битва продолжалась еще несколько времени и стоила некоторых жертв осажденным и громадных жертв для осаждающих. Но гарнизон, видя, с какой решительностью выступила против него гвардия, и тщетно ожидая подкреплений, потерял мужество и потребовал от коменданта, чтобы крепость сдалась. Освобождено было 7 политических «преступников», из них два сошли с ума от продолжительного заключения.

Военные приготовления народа в Париже и в особенности в

пригородах продолжались: все ждали, что войска с Марсова поля начнут наступление. Набат гудел над Парижем. С лихорадочной поспешностью повсюду вырывали камни из мостовой и строили баррикады, подготовляли дома к долговременной обороне, ковали пики, лили пули, отыскивали необходимые материалы.

Но взятие Бастилии и ненадежность войск уже успели произвести надлежащее впечатление при дворе. Узнав, наконец, о действительном положении в городе, Людовик XVI воскликнул: «да ведь это—настоящий бунт!»—«Нет,—ответил ему герцог де-Лианкур, это—революция!»

Планы одновременного ночного (на 15 июля) нападения войск на Париж разом в семи пунктах были оставлены. Вместо того король решил внешне примириться с Национальным Собранием. Ночью на 15 июля он явился в Собрание в сопровождении только двух своих братьев. Собрание встретило его мрачным молчанием. Но достаточно было королю заявить, что он стоит заодно с нацией, достаточно было сказать: «Представители народа моего, я вверяю себя вам»,—и монархические чувства Собрания прорвались с бурною силой. Возвращение Неккера окончательно примирило Собрание с королем. Оно начало принимать энергичные меры, чтобы заставить парижский народ возвратиться по домам и чтобы не дать восстанию перекинуться в провинцию.

16-го июля народ до основания разрушил Бастилию.

Восстановлением порядка в Париже занялись Бальи, избранный мером (городским головой), и генерал Лафайет, ставший во главе гражданского ополчения (национальной гвардии).

5. Еженедельник „Парижские Революции".

Революционное брожение, предшествовавшее взятию Бастилии, вызвало к жизни значительное количество новых газет. Революционный водоворот захватил некоторые новые слои, до того времени стоявшие совсем далеко от политического движения. Все набрасывались на газетные сообщения о ходе событий. Издатели и политики охотно шли навстречу такой любознательности. 12 июля явились «Annales de la Révolution» («Летописи революции»), издаваемые Баяром, и в тот же день появился «Journal politique national» («Журнал национальной политики»), издаваемый аббатом Сабатье-

де-Кастром, первый монархически-аристократический журнал, начавший беспощадную борьбу против все выше вздымавшейся волны революции. Политико-сатирические обозрения, составляемые Антуаном Риваролем, членом Берлинской академии, скоро завоевали для журнала обширный круг читателей среди реакционных партий.

Несравненно большее значение получило появление «Révolutions de Paris» («Парижские революции»),—еженедельника в 48—64 страниц, в восьмую долю листа, издаваемого богатым книготорговцем Луи Прюдомом и редактируемого адвокатами Элизэ Лустало и Турноном. Он велся в стиле больших английских газет и скоро приобрел такое влияние, что в противовес ему аристократы основали свою собственную газету: «Journal du Journal de Prudhomme». В «Парижских революциях» парижская демократия получила свою газету, притом такую, какою она могла гордиться. В последующие бурные годы она не только с величайшей последовательностью отстаивала строго демократические принципы, но и обнаруживала по сравнению с другими газетами острое понимание исторического положения. Эпиграфом газеты было: «Les grands ne nous paroissent grands, que parce que nous sommes à genoux... Levons nous!» («Великие только потому кажутся нам великими, что мы стоим на коленях. Поднимемся!»). Уже тот общий характер, какой газета придавала своим парламентским отчетам, представлял разрыв с существующими воззрениями. Все обращали свои взоры на Национальное Собрание, как путеводную звезду к новой жизни, и возникавшие до того времени политические газеты заполнялись почти исключительно отчетами о дебатах Собрания и рассуждениями об его постановлениях. И вот возникает еженедельная газета, которая возвещает тот взгляд, что сила революции—в низших демократических слоях парижского населения. Парижские революции, это—в то же время французские революции. Значение Национального Собрания по существу заключается только в том, что оно санкционирует и отольет в юридические формулы то, чего добьется революционное народное движение.

В связи с этим указанный еженедельник обычно посвящал отчетам о Национальном Собрании всего 6—8 страниц, а еже-

недельный обзор общего политического положения и в частности парижских событий по большей части составлял 12—16 страниц. Кроме того, мы находим в газете статьи об успехах революционного движения в провинции, сообщения о выдающихся народных собраниях в Париже и вне Парижа и о контр-революционной работе аристократов, критику парижского городского управления и антидемократических постановлений Национального Собрания, описания положения в Париже и в провинции и, наконец, теоретические статьи по юридическим и экономическим вопросам.

В настоящее время, когда мы, после уроков ста лет парламентаризма, оглядываемся назад, на ход развития французской революции, воззрения «Парижских революций» представляются нам чем-то самоочевидным. Но в то время, когда французское Национальное Собрание в борьбе с королевскою властью только что завоевало решающее положение в государстве, когда оно заставило короля или двор возвратить Неккера, когда весь французский народ взирал на Национальное Собрание, как на залог всего своего будущего,—в это время тот взгляд, что ход революционного движения зависит главным образом от действия народных масс Парижа, стоял в полном противоречии с национальными воззрениями и сам по себе представлял революционное дело. В противоположность парламентской формалистике, он выдвигал на первый план право масс на активные выступления.

6. Контр-революционные тревоги.

Уже ближайшие недели за взятием Бастилии показали, насколько правилен был этот взгляд «Парижских Революций» на роль парламента. Подавляющее монархически-конституционное большинство Национального Собрания с очень смешанными чувствами следило за событиями, развертывавшимися в Париже 13 и 14 июля. Сообщения о восстании парижских пригородов вызвали в Собрании не радость, а трусливую тревогу. Для большинства народных избранников это самочинное вмешательство народа в спор между двором и народным представительством, воспоследовавшее помимо представителей нации, этот быстрый переход к силе оружия,

вопреки всем государственно-правовым теориям,—все это для большинства народных избранников являлось не только нарушением их прав, как представителей нации, но и мрачной угрозой для будущего. К чему все парламентские дебаты, все конституционные законы, если парижский народ дерзко решил апеллировать к силе оружия и без всяких околичностей разодрать тот договор, который Национальное Собрание хотело заключить с королевской властью? Но, с другой стороны, невозможно обойтись и без активной силы парижского народа, самое существование Национального Собрания связано с этим самым народом. Ведь с 10 июля, со времени надменного ответа короля на верноподданническое обращение Собрания, почти никто больше не сомневался, что двор задумал удар против народного представительства, и что если бы народ не устоял в борьбе, двор осуществил бы свою волю. Таким образом, в эти дни Национальное Собрание чувствовало себя как бы между Сциллой и Харибдой: положение, которое ясно выразилось 13 июля в речи графа Вирье.

«У меня нет недоверия к мужеству Национального Собрания,—говорил он.—Не только военными приготовлениями парализуются наши действия. Я знаю, что мы идем между двумя подводными скалами: между ненавистью наших врагов и яростью народа. Поэтому мы должны руководиться единственно нашими принципами. Со всех сторон рвутся узы доверия; анархия грозно поднимает свою руку, пролилась кровь. Наши сограждане пролили ее в последнюю ночь. Или мы станем молчать, как соучастники?».

Наконец, когда борьба миновала, и король обещал возвратить Неккера, словно гора свалилась с плеч депутатов. В рядах умеренных конституционалистов, равно как и в массе либеральных групп возникает стремление воспрепятствовать повторению таких взрывов народной энергии, укрепить достигнутое и создать плотину против «эксцессов черни».

«Впредь,—пишет в своих мемуарах граф Лалли-Толендаль, один из главных вождей аристократически-конституционной группы,—свободе уже не угрожало никаких иных опасностей, кроме планов подстрекателей и кроме опасностей анархии. Национальное Собрание сделалось всесильным; ему следовало остерегаться только злоупотребления своей силой. Оно

могло потерять эту власть или, что еще хуже, сделать ее ненавистной, если бы оно показало, что эта власть—единодержавная и верховная. Но оно увеличило бы ее, оно вызвало бы уважение к ней и возвысило бы ее престиж, если бы само оно ее умерило. Оно должно установить связь с королевскою властью; оно должно регулировать последнюю, но в то же время и поддерживать. Оно должно вспомнить ту бесспорную истину «Общественного договора», что народу можно дать конституцию лишь при соблюдении того важнейшего условия, если он живет в изобилии и мире: ту истину, что правительства, созидаемые в бурные времена, разрушают государство».

Однако не все конституционалисты с одинаковым оптимизмом отвечали на вопрос, удастся ли спокойно осуществлять новый государственный строй. Бальи, прежний президент Национального Собрания, только что назначенный мэром (городским головой) Парижа, 17 июля перед парижскими выборщиками обратился к королю с речью. Рассказав об этом в своих «Записках очевидца революции», он продолжает:

«Спокойствие и порядок,—это легко сказать. Но все эти неожиданные, все эти возбуждающие события,—указывают ли они на новый порядок вещей? Но эти граждане, шаги которых с угрожающим лязгом поднимались над главой короля; этот король, которого победивший народ как бы запряг в триумфальную колесницу завоеванной свободы; эта чернь, с оружием в руках, постоянно готовая разыграть сцены террора и увековечить состояние анархии,—позволяет ли все это надеяться на времена спокойствия?».

7. Крестьянское восстание в провинции.

Бальи был прав. Борьба пошла дальше. Парижские события нашли отголосок в провинции. Уже со времен выборов среди деревенского населения шло брожение. То здесь, то там собирались толпы голодающих крестьян и нападали на господские амбары и скотные дворы. Теперь парижские события послужили для крестьян сигналом к восстанию. Как буря пронесся мятеж по лицу Франции. Повсюду запылали дворянские замки, особенно в восточных областях королевства: в

Эльзасе, Франш-Конте, Бургундии, Дофине, Божоле и Оверни. Восставшие крестьяне часто соединялись здесь в огромные толпы, которые шли из деревни в деревню, предавали огню господские усадьбы, нападали даже на мелкие города и учиняли поджоги. Первые столбы пожаров поднялись на севере Франш-Конте, где крестьяне в особенности были задавлены налогами и феодальными повинностями. 16 июля был разграблен замок в Санси, 18 июля наступила очередь замков в Люре, Молане и Битене. Все обширнее становились толпы крестьян,—одно огромное скопище предприняло даже нападение на город Везуль и, несмотря на сопротивление гражданского ополчения, взяло его.

Пожалуй, еще хуже обстояло дело в Бургундии. Занятые грабежом крестьяне соединились в мелкие боевые скопища, которые давали настоящие сражения гражданам и разосланным повсюду воинским отрядам. Так было, например, при Корматене, где в сражении 29 июля пало 20 крестьян, и в Клюни, где, как рассказывают, пало даже свыше 100 крестьян. В течение приблизительно двух недель в северо-западной части Бургундии было захвачено и сожжено не менее 72 замков и господских усадеб, пока, наконец, соединившаяся гражданская гвардия города Макона и окрестных более мелких городов не разбила главного скопища крестьян. После этого в Маконе был показан пример, т.-е. без всякого упорядоченного судебного разбора 20 крестьян, взятых в плен, немедленно были казнены.

В Эльзасе, Оверни и Дофине тоже повсюду начинались бунты. Огромные толпы крестьян переходили с места на место, грабили амбары и сжигали постройки в поместьях, пока, наконец, провинциальные и городские управления не принимали энергичных мер: рассеивали толпы крестьян и попросту расстреливали или казнили захваченных, не соблюдая никаких узаконенных форм. В Дофине представитель власти, в сопровождении королевского прокурора, заседателей и секретарей, под охраной сильного эскорта из швейцарской и гражданской гвардии, а также корпуса жандармов, переезжал из одного округа в другой, приказывал повсюду хватать обвиняемых в грабежах и подозрительных крестьян и без всякого промедления на месте производил над ними суд

и расправу: приемы, жертвой которых пали, конечно, и многие невиновные.

Перечислять отдельные примеры борьбы, грабежей и завоеваний этих крестьянских скопищ так же не входит в нашу задачу, как описывать жестокости, учиненные и нападающими крестьянами против феодальных господ, защищавших свои земли, и гражданскими гвардейцами против крестьян, попавших им в руки. Во всяком случае история этой крестьянской войны в корень разрушает либеральную легенду, будто в 1789 году французская революция держалась в рамках так называемой умеренности и только при господстве якобинского террора приняла «зверские формы». В действительности вся эпоха красного террора отнюдь не представляла противоположности хотя бы растерзанию крестьянами господ де-Барра или их пыткам над рыцарем де-Амбри.

Известия об этих восстаниях вызвали в Париже, с одной стороны, величайшую панику, но, с другой, в радикально-буржуазных кругах—известное чувство удовлетворения: ведь выступление крестьян, как быстро поняли более проницательные люди, знаменовало уничтожение существовавших до того времени феодальных прав, низвержение одной из наиболее сильных опор господства дворянского сословия. Как бы неудобны ни были для вождей либерализма дикие сцены, разыгравшиеся в восточных провинциях, они ничего не имели против изгнания дворян из их владений и против уничтожения старинных феодальных документов.

8. Историческая легенда о 4 августа.

Особая комиссия, избранная Национальным Собранием 3-го августа, решила, наконец, что нельзя дальше игнорировать умножающиеся известия о крестьянском восстании в провинции. Исполнявший обязанности секретаря этой комиссии депутат Соломон сделал доклад. Он кратко описал восстание в провинции и, в согласии с комиссией, по старому рецепту Национального Собрания: разрешать все возникающие затруднения возвещением хороших принципов, предложил заявить,

что Национальное Собрание неустанно работает над тем, чтобы дать государству конституцию, и потому не может теперь отложить своих работ и обратиться к частным вопросам, как бы настоятельны они ни были. Поэтому ничем невозможно оправдать отказ крестьян от платежа налогов и исполнения обязательств, пока Национальное Собрание не вынесло своего решения по этим вопросам. А потому Собрание с болью в душе взирает на смуту, вырастающую в деревне, и т. д.

Однако эта Соломонова мудрость произвела самое малое впечатление на Национальное Собрание. Некоторые ораторы указали, что подобное заявление способно достигнуть лишь одного результата: усилить раздражение крестьян. Другие ораторы требовали, чтобы в заявлении было высказано осуждение феодальных повинностей, а третьи ораторы, чтобы право собственности было объявлено основным устоем конституции и т. д. Наконец, была избрана редакционная комиссия, составленная из графа Клермон-Тоннера, секретаря Генеральных Штатов Мунье и аббата Грегуара; ей поручили представить к ближайшему вечернему заседанию Собрания проект декларации.

Уже избрание этих членов в комиссию показывает, что подавляющее большинство депутатов рассчитывало ограничиться выражением осуждения восставшим крестьянам, прикрыв его несколькими словами благоволения. И, действительно, проект, представленный редакционной комиссией в вечернем заседания 4 августа, соответствовал этим ожиданиям. В нем говорится:

«Принимая во внимание, что Национальное Собрание занято единственно тем, чтобы построить счастье народа на основе свободной конституции, и что вспыхнувшие во многих провинциях беспорядки и насилия, внося возбуждение в умы и грубо нарушая священные права собственности и личной безопасности, способны только помешать работам Национального Собрания и оказать содействие преступным замыслам врагов народного блага, Собрание заявляет, что существующие в настоящее время старые законы должны исполняться до тех пор, пока национальные власти их не отменят или не подвергнут изменению. Поэтому, каковы бы ни были повинности, следует уплачивать их до тех пор, пока Националь-

ное Собрание не урегулирует их тем или иным способом».

В заключение говорится:

«Это заявление должно быть разослано во все провинции; следует предложить священникам, чтобы они довели его до сведения членов своего прихода и предложили соблюдать его».

При тогдашних условиях Национальное Собрание едва ли могло принять более глупую меру, чем рассылка этого заявления по восставших округам: такие фразы должны были вызвать самое крайнее раздражение среди голодающих и бунтующих крестьян. Однако, после того как это заявление было прочитано парижским депутатом Тарже, состоятельным адвокатом, его готова была принять, казалось, не только подавляющая часть дворянства и духовенства, но и правое крыло третьего сословия. Но здесь виконт де-Ноэль и герцог де-Эгильон, внеся свои предложения, придали делу совсем другой оборот.

После вечернего заседания 3 августа несколько радикальных депутатов третьего сословия, принадлежавших к так называемому бретонскому клубу, собрались вместе с некоторыми либеральными дворянами, чтобы договориться о своем отношении к крестьянским беспорядкам в провинции и к проектированному заявлению. После доклада герцога де-Эгильона,—богатого дворянина, которому одни только феодальные права приносили больше 100.000 франков в год, — было решено высказаться за уничтожение феодальных прав, но лишь под тем условием, чтобы сеньеры получили от крестьян или общин надлежащее вознаграждение, или выкуп. Герцогу было предложено тотчас по прочтении заявления, составленного редакционной комиссией, внести соответствующее предложение.

Но прежде, чем герцог успел внести свое предложение, попросил слова либеральный виконт де-Ноэль, стремившийся к популярности и обо всем осведомленный: он не хотел упустить случая возвысить свою популярность в буржуазных кругах. Возмущение крестьян, сказал он, можно успокоить только одним способом: ясно сказав, что все необходимые расходы будут покрыты всеми гражданами государства, соразмерно их доходам. Он предложил внести в заявление следующие слова: «Все государственные налоги подлежат равномерной раскладке между всеми. Феодальные права могут быть выкуплены общинами за деньги или же подлежат урегулированию таким способом, чтобы в основу исчислений была положена справедливая оценка, т.-е. доходность обычного года, следовательно, средняя величина из доходов за десятилетие. Точно также все платежи помещикам, в чем бы они ни заключались: в деньгах, птице, хлебе или предметах питания, в соответствии с средним размером этих платежей за последнее десятилетие, могут быть выкуплены владельцами земельных участков или обрабатывающими их, а также зависимыми от помещиков крестьянами. Напротив, все барщины, права мертвой руки (т.-е. церковная земельная собственность) и другие личные повинности отменяются без всякого выкупа».

После того как граф де-Ноэль упредил в главном, дошел черед до нетерпеливо ждавшего герцога де-Эгильона. После длинного исследования о феодальных повинностях и о их противоречии просвещению века, он подошел к выводу: «Я не сомневаюсь, что владельцы феодальных прав готовы добровольно принести их в жертву справедливости, однако они не могут просто отречься от них, без вознаграждения за их права владения».

После этого герцог внес длинное предложение, которое в существенном совпадало с внесенным графом де-Ноэлем.

В буржуазных исторических работах и даже во многих демократических эти предложения возвеличиваются как доказательство готовности дворянства к жертвам, и ночь 4 августа восхваляется, как историческое свидетельство величайшего энтузиазма и самопожертвования. В действительности, как уже упомянуто, вся сцена, разыгранная Эгильоном, была наперед подготовлена в бретонском клубе, и участвовавшее в деле дворянство руководилось отнюдь не великодушными мотивами, а холодным расчетом Оно увидало, что, после того как за последние две недели сотни господских усадеб были превращены в кучи пепла, и тысячи старых феодальных документов уничтожены, стало невозможным сохранение старой феодальной системы. Хотело того Национальное Собрание или нет, но ему не оставалось ничего иного, как санкционировать

соответствующими правовыми нормами насильственное уничтожение феодальных прав.

Если бы превращение замков в пепел пошло дальше, то были бы серьезные основания опасаться, что многие права будут уничтожены без выкупа. Поэтому лучше было уступить во-время, великодушно принести в жертву на алтарь отечества феодальные права, удержать которые все равно было невозможно, и выговорить для себя соответствующее денежное вознаграждение. А это следует сделать так, чтобы обязанность выплатить вознаграждение легла на общины, а не на отдельных граждан, которые легче могли бы от нее уклониться. Притом, как показано в предыдущей главе, феодальные права играли лишь незначительную роль для большей части придворного и служилого дворянства. Поэтому такой исход представлялся вполне приемлемым для дворян, в своем большинстве обремененных долгами,—только не была бы сумма выкупа слишком умеренной. К этому присоединялось еще одно соображение: раз уничтожались феодальные повинности, невозможно было сохранить и десятины, доставшиеся духовенству. Их приходилось тоже отменить или, по крайней мере, урегулировать и сократить. При этом можно было тоже проделать хорошую операцию, потому что десятина, по вычислениям Неккера, составляла до 94 миллионов ливров (35—36 милл. руб. *И. С.*) в год, и дворянство тоже вносило сюда весьма солидную цифру, более трети. Следовательно, уничтожение или сокращение десятины открывало перед дворянством перспективу значительного выигрыша.

Итак, в качестве действительной жертвы со стороны дворянства оставалась только предложенная Ноэлем отмена личных повинностей, так называемых «servitudes personnelles». Но, не говоря уже о том, что эти повинности для подавляющей части придворного и служилого дворянства также не представляли никакой особенной ценности, они и без того уничтожались первой статьей проектированной и частью уже принятой конституции: первый основной принцип этой конституции требовал свободы личности, и потому одновременно декретировалась отмена еще сохранившихся остатков крепостничества и личных повинностей.

4 августа у Национального Собрания совсем не было свободы выбора; сохранить феодальные отношения или отменить их. В действительности ему не оставалось ничего иного, как санкционировать новое положение, созданное крестьянским восстанием. Вопрос заключался единственно в том, в какой мере дворянство будет вознаграждено за свои потери зависимыми от него крестьянами, общинами, провинциями или государством. Тем не менее предложению герцога де-Эгильона не могли сочувствовать ни часть дворянства, ни некоторая часть буржуазных депутатов. Дюпон де-Немур, известный физиократ, автор работы: «Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain», получивший от министра Калонна должность государственного советника, резко выступил против предложения герцога де-Эгильона, хотя и был избран в Генеральные Штаты от третьего сословия, и потребовал безусловной защиты деревенской собственности.

Но тут на сцене опять произошла перемена. На ораторскую трибуну вышел в крестьянской одежде Ле-Гюэнь де-Керанжель, депутат из Нижней Бретани, представлявший округ Невень, и набросал ужасающую картину того зла, которое приносит существование феодальной системы. Он закончил тем выводом, что феодальные права противоречат правам человека, и потому счастье Франции требует, чтобы они были уничтожены.

Часть феодального дворянства волновалась и шикала. Однако подавляющая часть депутатов от третьего сословия бурными аплодисментами заглушила выражения неодобрения.

За Ле-Гюэнь де-Керанжелем последовали Легран, депутат от Берри, и Ляпуль из Франш-Конте. Последний нарисовал мрачную картину состояния деревни при господстве феодальных прав. Настроение все больше склонялось в пользу полного уничтожения феодальных привилегий. Герцог де-Шатле присоединился к предложениям герцога де-Эгильона; маркиз де-Фуко говорил о злоупотреблениях офицерскими пенсиями; граф де-Богарне требовал, чтобы для каждого способного человека был открыт доступ к высшим государственным должностям; Коттен (из Бретани) требовал отмены сеньериальных судов.

Некоторые депутаты предложили немедленно поставить

внесенные предложения на голосование. Президент Шапелье изъявил готовность приступить к голосованию, если никто больше не внесет предложений; но ведь пока что ни один из представителей духовенства не высказался о внесенных предложениях. Епископ Шартрский не мог не последовать этому ясному приглашению. Он не хотел оставаться позади, не пожертвовав кое-чем благу отечества,—впрочем, только отнюдь не привилегиями духовенства: в своем благородном самоотречении он ограничился тем, что поступился правами других. Он произнес прекрасный доклад о бессмысленности законов об охоте и предложил уничтожить все привилегии в этой области: очень дешевая жертва, ибо право на охоту было привилегией не духовенства, а дворянства. Этим правом пользовались только высшие представители духовенства, которые в то же время были и феодальными сеньерами. Дворянство зашумело по тому случаю, что у него так запросто отнимают его привилегии; однако все духовенство поднялось и поддержало предложение своего члена.

Своеобразная жертвенность епископа Шартрского подействовала заражающе. Последовал целый ряд дальнейших отречений и предложений принести жертву,—однако предлагающие по большей части ничего не теряли от таких «жертв», а напротив, нечто выигрывали. Так, напр., де-Рише внес предложение отменить замещение должностей их продажею и ввести беспошлинное судопроизводство; герцог Ларошфуко-Лианкур предложил освободить всех крепостных и улучшить жребий рабов, находящихся во французских колониях, а герцог де-Шатле предложил объявить, что выкупу подлежат все десятины, взимаемые натурой: требование, поражавшее почти исключительно доходы духовенства, а внесшему предложение и его сотоварищам по сословию обещавшее известные выгоды. В заключение,—чтобы добиться чего-нибудь и для королевской власти,—граф Лалли-Толендаль внес предложение объявить короля «восстановителем французской свободы». И это предложение немедленно было принято.

Так закончилось приснопамятное заседание.

9. Парламентский торг из-за привилегий.

Вскоре после ночи 4 августа в аристократически-конституционных газетах и брошюрах проявилось стремление использовать заседание в партийных интересах и из вынужденного отказа от незащитимых привилегий сделать доказательства идеальной жертвенности дворянства и духовенства. И эта пустая легенда, какой бы комичной ни представлялась она, если принять во внимание совокупность обстоятельств и ту подготовку, которая была сделана за кулисами парламентской сцены, завоевала себе известное место в истории. Она принята почти всеми популярными работами по истории великой французской революции. Так, в «Истории французской революции» Минье, популярнейшей из книг этого рода, говорится:

«Эта ночь, которую один враг революции назвал тогда Варфоломеевской ночью для собственности, в действительности была Варфоломеевской ночью только для злоупотреблений,—она вымела мусор феодальной системы. Она освободила личность от остатков принудительных работ, землю — от сеньериальной зависимости, собственность граждан — от опустошений, производившихся дичью, и от выколачивания десятины. Уничтожив помещичьи суды, этот остаток власти частных лиц, она привела к господству общественной власти; уничтожив замещение высших должностей посредством продажи, она сделалась предвестником бесплатного судопроизводства. Она представляла переход от одного порядка вещей, при котором все принадлежало отдельным лицам, к другому порядку, при котором все должно принадлежать государству».

Очень красноречивое изложение,—жаль только, что оно не соответствует историческим фактам. Во-первых, отказы вовсе не вытекали из готовности привилегированных к жертвам: они были вынужденной законодательной санкцией того положения, которое было создано крестьянским восстанием. Во-вторых, самые решительные предложения об уничтожении привилегий вносились не теми политическими группами Национального Собрания, которые получали выгоду от этих привилегий, а по большей части теми, которые терпели от них вред. И в-третьих, в ночь 4-го августа не

было принято ни одного окончательного постановления: принятые предложения были всего лишь переданы в редакционную комиссию с предложением формулировать их и в ближайшие дни внести в Национальное Собрание на обсуждение и окончательное решение.

Редакционная комиссия работала быстро. Уже в заседании 6 августа 1789 года она внесла список предложений, состоящий из 19 статей, вместе с предпосланной ему декларацией, в которой говорится, что собственность должна быть столь же свободна, как и личность, и что власть государства может вытекать лишь из совершенного согласия (réunion parfaite) всех его элементов, а также из равенства прав и повинностей.

Однако, прежде чем Собрание приступило к обсуждению отдельных статей, несколько священников, имена которых, к сожалению, не названы в парламентских отчетах, сделали попытку свести на ничто все предложения относительно отмены десятин, внесенные 4 августа. Национальное Собрание,—с истинно поповской софистикой убеждал один из этих пастырей душ,—не имеет никакого права отменять десятину, ибо она возникла еще в эпоху Карла Великого, нашла поддержку у его преемников и в прежних Генеральных Штатах и внесена в регистры верховных палат (парламентов). Следовательно, в десятине никак нельзя видеть результат насилий и угнетения: это—тоже собственность, и, как таковая, она священна и неприкосновенна согласно декларации принципов, предпосланной статьям, внесенным на рассмотрение Национального Собрания. «Десятина представляет дар, переданный предками духовенству в целях благотворительности и культа».

Другой представитель духовенства пытался отсрочить прения, предложив особую разработку в комиссии. Но все эти маневры были парализованы выступлением де-Кюстена и депутата Бюзо, который метко характеризовал положение словами:

«До сих пор только дворянство и коммуны принесли жертвы; духовенство не может принести ни одной жертвы, потому что церковные владения, которые оно называет своими, принадлежат вовсе не ему, а нации. Духовенству не остается ничего иного, как спасти хотя бы внешнюю видимость и действовать так, как будто оно по свободному побуждению приносит те жертвы, к которым оно все равно скоро будет вынуждено обстоятельствами».

Придворное дворянство, сильно заинтересованное в отмене церковной десятины, обременявшей и его владения, тоже обратилось против духовенства. Герцог де-Лианкур, принц де-Пуа, герцог де-Мортмар и еще некоторые представители дворянства энергично требовали отвергнуть все попытки затянуть дело и предлагали приступить к постатейному чтению.

Ввиду такого настроения отдельные представители духовенства, между прочими аббат Гутте и епископ Нимский, сочли за лучшее высказаться за уничтожение десятины,—конечно, при условии надлежащего вознаграждения.

Наконец, Собрание приступило к обсуждению предложений, формулированных редакционной комиссией. Прежде всего—двух первых статей, которые требовали уничтожения несвободы и личных повинностей и отмены всех барщин и оброков помещику. После некоторых возражений,—в частности Мунье предался длинным рассуждениям о необходимости сохранения «договоров, существующих уже десятилетия»,—обе первые статьи, в конце концов, были приняты значительным большинством, составившимся из большинства представителей третьего сословия, из духовенства и части дворянства. Вопрос об условиях отмены и установлении всех норм откладывался до позднейшего постановления Собрания.

В вечернем заседании обсуждение продолжалось. Последовало обсуждение третьей статьи, которая требует уничтожения исключительного права феодалов на разведение голубей. Поднялся неистовый шум. Некоторые дворяне ни под каким видом не хотели отказаться от этой привилегии. В конце концов статья была принята в следующей редакции, предложенной Рабо Сент-Этьеном: «Исключительное право охоты на голубей отменяется. В течение времени (посева), определяемого местными коммунами, голуби должны держаться взаперти. В течение этого времени они почитаются дичью, и всякий имеет право убивать их».

На следующий день на обсуждение было поставлено право охоты и устройства открытых садков для кроликов. Землевладельцы-дворяне часто устраивали большие неогороженные кроличьи садки, из которых кролики делали набеги на крестьянские поля; хотя они все пожирали, сеньер был свободен от обязанности дать вознаграждение.

После продолжительных дебатов оба права были объявлены отмененными. Далее было отвергнуто право короля охотиться на чужой земле, и всякому собственнику предоставлено охотиться в своих владениях всецело по своему усмотрению.

В ближайший день, 8 августа, отменены были и помещичьи суды, однако с той ограничивающей оговоркой, что должны сохраняться существующие суды, пока не будут выполнены все подготовительные работы по введению новых.

Более любопытны и показательны для расхождения интересов, наблюдавшегося в Национальном Собрании, начавшиеся в понедельник 10 августа прения о статье седьмой предложений, внесенных 4 августа:

«Десятины натурой, церковные и светские десятины, равно как феодальные десятины, превращаются в денежные платежи и, если того потребует плательщик, подлежат выкупу по нормам, которые устанавливаются взаимным добровольным соглашением или законом» [1]).

Если принять во внимание тогдашнее революционное положение, то нельзя не признать, что эта статья имела весьма скромный характер. Она лишь требовала превращения десятины в денежные платежи и выкуп ставила в

[1]) Для пояснения следует упомянуть, что различали три вида десятин. Прежде всего, „dîmes ecclésiastiques“, церковные десятины, которые доставались духовенству в качестве вознаграждения за выполняемые им обязанности. Они давали наибольшую часть всех десятин, составлявших приблизительно 94—95 милл. франков в год. На-ряду с ними существовали „dîmes laïques“ т.-е. светские десятины, которые взимались светскими людьми, получившими в пожалование от короля церковные приходы, доходы от учреждений и административные должности. Наконец „dîmes inféodées“, т.-е. ленные, или феодальные десятины: доходы от владений, обязанных уплачивать десятину и в свое время полученных отдельными дворянами от французских королей в своего рода ленное владение, являвшееся вознаграждением за службу.

зависимость от желания лица, обязанного уплачивать десятину, т.-е. землевладельца и крестьянина; но последний в большинстве областей находился под безграничным влиянием духовенства. И тем не менее духовенство с величайшей настойчивостью выступило против редакции статьи. Аббат Гутте предложил отменить десятины таким способом, чтобы приходам в качестве возмещения были предоставлены в собственность соответствующие участки земли. Де-Вилье, член дворянской партии, требовал, чтобы статья точнее разграничила различные виды десятины. Все церковные десятины суть не что иное, как поземельный налог, поэтому их следует отменить без всякого вознаграждения. Напротив, ленные десятины следует рассматривать, как благоприобретенную собственность, которая в известных семьях наследовалась от одного поколения к другому. Поэтому нельзя запросто отбросить ленные десятины: их следует выкупить. Таксировку и способ выкупа должно установить Национальное Собрание.

Значит, де-Вилье превзошел даже духовенство по своей готовности к жертвам. Духовенство не должно претендовать на какое-либо вознаграждение за уничтожаемые десятины; следовательно, у землевладельцев-дворян могут впредь оставаться те миллионы, которые им до того времени ежегодно приходилось уплачивать духовенству. Напротив, десятины, доставшиеся дворянству, отнюдь не должны отменяться без вознаграждения: их надо выкупить.

Арно говорил в таком же тоне, как де-Вилье. Он требовал отмены церковных десятин без вознаграждения. Феодальные права, утверждал он, вытекают из того, что сеньеры — собственники земли. Напротив, церковная десятина, это — не что иное, как необоснованная контрибуция, голый налог, ибо земля, с которой уплачиваются десятины, никогда не принадлежала духовенству. Значит, церковную десятину необходимо отменить, не требуя какого-либо вознаграждения от обязанных ее уплачивать; конечно, духовенство было бы в праве потребовать вознаграждения за ее уничтожение, но его должна дать нация, а не обязанные ее уплачивать. Нация должна позаботиться о потребностях культа.

Некоторые депутаты третьего сословия присоединились к этим соображениям, а университетский профессор Ланжюине (из Ренна), тоже депутат третьего сословия, высказался за выкуп и предложил, чтобы при исчислении вознаграждения в основу были положены цены хлеба.

Аббат Франсуа протестовал против уничтожения церковных десятин. Напротив, епископ Дижонский, если бы нация потребовала отмены десятин, был готов принести эту жертву. Но он требовал, чтобы доходы соответствующим образом были превращены в капитал. Депутат Анри Грегуар (представитель духовенства Нанси), тогда еще скромный деревенский священник из Лотарингии, впоследствии, как известно, епископ в Блуа, французский сенатор и бонапартистский пэр (член государственного совета), высказался за то, чтобы в вознаграждение за доходы от десятин дали сельскому духовенству земельную собственность, и чтобы выкуп производился не по однообразной схеме, а в соображении с особыми местными условиями. Епископ лангрский утверждал, что десятина—священная, признанная законом собственность, которая должна чтиться как таковая.

Это заявление заставило Мирабо сказать длинную речь. Он старался показать, что десятина—просто вознаграждение за пасторскую деятельность, но отнюдь не право собственности. «Предложенная редакция статьи,—говорил он,—не соответствует тому, чего вы хотите. Не можете же вы желать того, что устанавливается этой статьей: именно, чтобы десятина была заменена равною суммою денег, ибо десятина имеет столь гнетущий характер, что мы, не нарушая нашего долга, ни в каком случае не можем оставить ее существовать дальше. Если принять во внимание расходы, сделанные на поле, земледелец отдает не десятую, а третью часть урожая. Десятина—не собственность: отчуждение ее для духовного лица невозможно; это и не владение, это—только заработок чиновников нравственности и вероучения».

Из рядов духовенства послышались энергичные возражения. Поэтому, обращаясь к ним, Мирабо продолжал: «Слово «заработок» вызывает у вас неудовольствие, вытекающее из старых предрассудков высокомерного невежества. Но, милостивые государи, я знаю только три способа, какими можно существовать в обществе: нищенство, воровство и заработок. Собственник первый получает заработок. То, что обычное словоупотребление называет его собственностью, есть не что иное, как заработная плата, даваемая обществом за его деятельность... Собственники суть управляющие, экономы общества в целом. Возможно, что слугам нравственности и вероучения подобает получать хорошую плату, но это отнюдь не основание для того, чтобы пагубный способ вознаграждения называть собственностью».

После нескольких дальнейших речей прения были отложены, и для их продолжения назначено вечернее заседание. Они открылись речами Дюпора и епископа родосского. Потом на ораторскую трибуну поднялся аббат Сийес,—несмотря на свое духовное звание, не член клерикальной партии, а депутат третьего сословия Парижа. Чтобы склонить буржуазных депутатов, враждебно относившихся к дворянству, к временному сохранению церковных десятин, он старался доказать, что от уничтожения десятин в особенности выиграет богатое землевладение. Земельные собственники, а не нация, по его словам, сами добровольно возложили на себя отбывание десятин. Конечно, десятина вредна, и потому ее «выкупить» необходимо,—но, во всяком случае, ее следует выкупить. Хотят отменить десятину, обещая при этом, что позаботятся о средствах для дальнейшего существования духовенства; так пусть же будут столь любезны и сначала позаботятся об этом, а потом, покончив с этим вопросом, перейдут к уничтожению десятины. «Жажда стяжания богача и землевладельца,—сказал он,—скрывается под патриотическим порывом».

Последнее заявление Сийеса представляло сущую правду. Не чувство справедливости, а расчет на значительные выгоды побуждал парламентских вождей дворянства к борьбе за освобождение от десятин; но и те мотивы, по которым подавляющая часть духовенства сопротивлялась отмене десятин, в такой же мере вытекали из своекорыстия. Несомненно, церковная десятина несравненно сильнее, чем гнет всех барщин, обременяла крестьянское земледелие того времени.

Отмена ее была необходимым условием подъема сельского хозяйства на высшую ступень развития. Мирабо едва ли впал в преувеличение, утверждая в своей речи, что церковная десятина нередко составляет третью долю чистого урожая: десятина вычислялась не с чистого, а с валового сбора, так что по вычете издержек возделывания и громадных платежей государству и помещику, крестьянин действительно должен был отдавать церкви треть или четверть оставшегося у него земледельческого продукта. Но Сийес, обладавший большими деловыми способностями, меньше всего имел оснований распространяться о корыстолюбии землевладельцев; из различных церковных владений, которые он сумел прибрать к своим рукам, сам он ежегодно получал десятин на сумму свыше 9.000 ливров,—по современной стоимости денег до 23.000 франков (более 8.000 в довоенных рублях. *И. С.*). Поэтому, как показали последующие речи, рассуждения Сийеса произвели в заседании лишь очень малое впечатление.

При таких обстоятельствах духовенство признало целесообразным добровольно отдать то, что у него во всяком случае было бы взято. Во вторник 11 августа архиепископ парижский от имени духовенства попросил слова и с деланым пафосом заявил:

«От имени моих братьев, от имени моих сотрудников и всех членов духовного сословия, входящих в состав этого Высокого Собрания, от своего собственного имени, милостивые государи, отдаем мы все церковные десятины в руки справедливой и великодушной нации. Чтобы возвещалось евангелие, чтобы с достоинством и приличием совершалась божественная служба, чтобы у церкви были добродетельные служители, пылающие ревностью к делу,—вот каково было назначение наших десятин, вот какова была цель нашей службы. Наши упования мы возлагаем на Национальное Собрание и не сомневаемся, что оно даст нам средства, дабы и впредь совершать столь высокопочетные и священные службы».

После того как свое согласие выразили и другие представители духовенства, в том числе архиреакционный кардинал Ларошфуко, Национальное Собрание постановило отменить десятину. Однако временно она должна была взиматься до тех пор, пока Национальное Собрание не решит ближайшим образом, на какие средства должно содержаться духовенство и удовлетворяться потребности культа.

Покончив с этой статьей, нашедшей многих врагов, с остальными справились довольно быстро. Более продолжительные прения возникли лишь по вопросу, следует ли отменить замещение судебных должностей их продажею. Некоторые юристы, и в их числе в особенности парижский адвокат Тарже, считали время неподходящим для проведения глубоких перемен в строе судов. Но эти сомнения заинтересованных юристов не оказали влияния на Национальное Собрание. Продажа судебных должностей была объявлена отмененной и постановлено ввести бесплатность судопроизводства, с той оговоркой, что временно судьи должны отправлять свои обязанности в прежнем порядке до тех пор, пока не будут приняты подготовительные меры ко введению нового судебного устройства.

10. Санкционирование 4 августа.

Принесение жертв совершилось. 13 августа Национальное Собрание отправилось во дворец, чтобы представить постановления королю. «Государь,—сказал президент Собрания королю,—Национальное Собрание приносит вашему величеству дар, достойный вашего сердца... Отныне вы видите перед собою только французов, подчиненных одинаковым законам, руководящихся одинаковыми принципами, проникнутых одинаковыми чувствами, готовых отдать свою жизнь за интересы нации и короля».

Король не дал прямого обещания, что он утвердит представленные постановления. Он только повторил, что его желание—«в единении с Собранием, полном доверия, обеспечить общественную свободу восстановлением спокойствия и порядка». В действительности он вовсе не думал дать свое согласие на постановления: в письме, вскоре после того адресованном архиепископу арльскому, дословно говорится:

«Жертва прекрасная, но я могу только восхищаться ею. Я никогда не соглашусь ограбить мое духовенство, мое дворянство. Я не дам своего соизволения на законы, которые их грабят. Я надеюсь, что буду действовать исключительно по воле Провидения, если не поддамся тому энтузиазму, который овладел всеми сословиями, но на мою душу не производит никакого впечатления. Я сделаю все, что зависит от меня, чтобы сохранить мое духовенство, мое дворянство. Если бы силой заставили меня согласиться, я уступил бы; но тогда Франция не была бы монархией, во Франции не было бы монарха».

Такой-то вид в действительности имела ночь 4 августа и связываемое с нею освобождение французского народа от «векового бесправия»,—та ночь, о которой Томас Карлейль пишет в своей «Французской революции»: «Ночь чудес, или, если хотите, получудес. Ее можно было бы назвать новым духовным днем, приспособленным к новому духу времени и к новому евангелию Жан-Жака Руссо» [1]).

Если познакомиться даже только с прениями Национального Собрания, и тогда чудо окажется весьма заурядной игрой интересов; и это впечатление еще больше усиливается, если принять во внимание закулисные приготовления заинтересованных групп и те нити, которые сплетались между двором и привилегированными сословиями.

[1]) Как литературно-историческое произведение, как реакция против тогдашнего легкого понимания великой французской революции, как случайный политический экскурс, предпринятый под влиянием французской философии XVIII века, историческая работа Карлейля, появившаяся в 1837 году, имеет большое, в известном смысле можно сказать, революционное значение. И потому заслуживает признательности издательство Георга Виганда, которое выпустило работу в новом немецком переводе. Напротив, что касается исторической точности, работа Карлейля—одна из самых ненадежных. Воссоздание исторических подробностей на основании простых домыслов играет величайшую роль в его изложении. Он заставляет выступать тех или иных лиц и принимать участие в таких действиях, в которых они, как известно, совсем не участвовали, перепутывает их заявления и философствует об их взглядах, которые существуют только в его воображении. Можно было бы привести десятки подобных „промахов воссоздания". Вот один пример. В I томе, четвертая книга, четвертая глава, он описывает участие парижских депутатов Бальи и Сийеса в процессии Генеральных Штатов 4 мая 1789 года, хотя Бальи только 12 мая был выбран в депутаты от Парижа и, согласно его мемуарам, впервые присутствовал в Национальном Собрании лишь 25 мая. Сийес же был избран в Париже еще несколькими днями позже,—он был двадцатым парижским депутатом. Изложение Карлейля самым ясным образом показывает, что он, конечно, лишь до чрезвычайности мало знал о выборах в Париже в апреле и мае.

11. Городское управление и парижская буржуазия.

Взятие Бастилии пробудило дух мятежа не только среди голодающего крестьянства восточных провинций,—были разорваны и те путы бесповоротного терпения, в которых до того времени жили низшие слои парижского населения, принимавшие распоряжения высшего начальства, как нечто неотвратимое. С низвержением старого городского управления должны были уйти и те должностные лица, которые до того времени руководили парижским городским управлением. В сутолоке, порожденной июльским восстанием, парижские выборщики конституировались как муниципальный комитет и взяли на себя временное руководство делами городского управления. После того как Бальи был избран мером, он, как строгий конституционалист, тотчас же поставил своею задачей позаботиться о создании нового коммунального управления, избранного народом. Уже 23 июля он циркуляром потребовал от 60 парижских районов избрать делегатов и поручить им разработать новое городское устройство. Выборы совершились немедленно. Уже 25 июля собрались эти избранные, всего 122 человека, и составили муниципальное представительство. Через четыре дня они сами взяли на себя временное управление городом, после чего 30 июля комитет выборщиков был распущен.

Однако до установления упорядоченных отношений было еще далеко. 14-е июля разорвало все старые узы. Оно вызвало на арену борьбы элементы, которые до того времени не принимали никакого участия в политической жизни,—элементы, нисколько не заинтересованные в том, чтобы упрочить отношения на крупно-буржуазных конституционных основаниях, чего так хотели верхние слои парижской буржуазии и ее новый городской голова. Но не так уж легко можно было осуществить новый городской строй.

Возникла сложная игра и борьба между властями: борьба буржуазной мелочности и упрямства с жаждою власти чиновников, стоявших во главе отдельных отраслей управления, бессистемное и торопливое стремление нового муниципального представительства к проявлению себя и к регламентации, бесцеременное выскакивание вперед карьеристов и политиков-дельцов,—но скорее всего вскрылся в серьезных столкновениях антагонизм между приверженностью буржуазии к порядку, с одной стороны, и революционными стремлениями неимущих классов вперед—с другой стороны.

Уже через несколько недель по своем вступлении в должность парижский городской голова Жан Сильван Бальи, бывший до того времени профессором астрономии и членом главных трех академий, увидал, что его ожидания жестоко обмануты. Муниципальное управление не только составилось самовластно, не испросив утверждения короля,—и своему городскому голове оно дало понять, что оно было бы очень недовольно, если бы сам он испросил у короля утверждение в своей должности. Как видно из «Записок очевидца революции», это было очень тяжело для Бальи, который любил парады и церемонии, но еще больше раздражало его то обстоятельство, что новые муниципальные представители просто устранили его от управления. Они самостоятельно принимали свои постановления и издавали всякие распоряжения, совершенно не извещая его об этом, так что у него фактически оставались только обязанности внешнего представительства. В особенности огорчил нового мера, которому хотелось показать, на что он способен, тот факт, что комиссия по выработке нового городского устройства, избранная муниципальным представительством, составила проект, оставлявший за ним лишь второстепенные дела, а все важнейшие распоряжения возлагавший на коммунальное представительство и его исполнительные комиссии. Чтобы не оказаться отодвинутым совсем в сторону, Бальи 10 августа 1789 года отправился в собрание коммунального совета (думы) и потребовал ускорить выработку проекта нового городского устройства. Господа коммунальные советники заявили, что они и сами не менее стремятся к

тому же, но это дело, к сожалению, так быстро не делается.

Наконец, комиссия разработала наибольшую часть проекта. Она предложила создать общий коммунальный совет из 300 представителей, узкий комитет коммунального совета из 60 представителей и, наконец, исполнительный комитет из 21 лица. Бальи воспользовался этим решением, чтобы 30 августа, помимо коммунальных представителей, обратиться к 60-ти районам с предложением: пусть каждый район изберет по пяти лиц и поручит им назначить «исполнительный комитет» из 21-го лица для того, чтобы, как говорится в письме Бальи, у коммунальных представителей было необходимое время для выработки проекта городского устройства. Легко понять мотивы, которые побудили Бальи к этому шагу. Он хотел парализовать существующее коммунальное представительство. Избранные 60 парижскими избирательными округами триста уполномоченных, рассчитывал он, не замедлят объявить себя коммунальным советом трехсот, предусмотренным в проекте городского устройства, назначить из своей среды исполнительный комитет двадцати одного и отобрать все дела от существующего коммунального представительства. Однако Бальи не достиг своей цели. Правда, коммунальное представительство, пригласив к себе Бальи и надлежащим образом намылив ему шею, в собственном послании подтвердило письмо Бальи о созыве представителей от 60 округов, но выборы дали не те результаты, каких ожидал Бальи: почти все прежние члены коммунального совета были переизбраны вновь. Почти вся разница свелась к тому, что вместо 122 теперь было 300 коммунальных представителей. Ничего не изменилось в направлении их деятельности. Напротив, журналист Бриссо, энергичный противник Бальи, стал играть в новом коммунальном совете еще бо́льшую роль, чем в старом: отчасти потому, что по своим политическим знаниям он превосходил представителей парижской деловой буржуазии, господствовавшей в думе, отчасти потому, что через свою газету «Французский Патриот» («Patriote Français») он приобрел большое влияние на парижское среднее сословие.

Самостоятельность округов (секций, районов) затрудняла городское управление. После созыва Генеральных Штатов Париж был разделен на 60 избирательных округов. Уже в дни 13 и 14 июля эти районы присвоили себе права самостоятельных административных округов и, по мере успешного хода восстания, все больше расширяли сферу захваченных ими прав. Округа избирали своих собственных районных президентов (председателей), вице-президентов и секретарей, собственные постоянные комитеты (районные советы), комитеты по полицейским, военным, гражданским и продовольственным делам. Каждый такой комитет не только захватывал исполнительную власть в сфере своего ведения, но и всецело по своему усмотрению издавал самые решительные распоряжения и постановления. Само по себе такое устройство округов, как самостоятельных административных коммун, представляло решительные политические выгоды. Оно обеспечивало прочную связь населению отдельных районов, противодействовало полному подавлению мелких и бедных округов богатыми, давало известное представительство интересам меньшинства и препятствовало тому, чтобы все распоряжения по общему и упрощенному шаблону издавались сверху, городской думой, без соображения с особыми потребностями отдельных элементов парижского населения. Но, с другой стороны, эта самостоятельность округов скоро привела к трениям между отдельными районами и парижским городским управлением: в своем стремлении проявить себя в деятельности окружные комитеты не ограничивались такими распоряжениями, которые касаются внутренних, местных дел их округа, а издавали также предписания относительно надзора за торговлей и промышленностью, затрогивавшие всю экономическую жизнь Парижа, причиняли вред соседним округам и ограничивали компетенцию городского управления. Некоторые распоряжения вторгались даже в сферу законодательных прав Национального Собрания и исполнительной власти министерства. Так, напр., район «малых Августинцев» принял новую судебную организацию для Парижа и стал назначать мировых судей; округ «отцов из Назарета» постановил ввести всеобщее вооружение народа и приобрести

оружие; район «Сент-Этьен дю-Мон» издавал всякого рода решительные постановления относительно торговли.

Конечно, из этого вытекали самые сложные споры о пределах компетенции.

12. Безработица и стачки в Париже.

К этим административным столкновениям присоединялось прогрессирующее ухудшение экономического положения в Париже. Несмотря на все старания городского управления, Париж был снабжен хлебом всего на несколько дней; каждый день он стоял перед угрозой нового мятежа голодающих народных масс. Через торговый аппарат в Париж поступало лишь небольшое количество муки и зерна. Городскому управлению пришлось для закупок хлеба и доставки его в Париж рассылать особых агентов по разным областям государства. Но населению областей, в которых был хлеб, вовсе не нравилось, когда парижские скупщики удорожали хлеб на местах. Оно нападало на агентов и обозы с хлебом: городским властям Парижа пришлось распорядиться, чтобы обозы с хлебом для Парижа сопровождались сильными военными караулами, что, конечно, сильно увеличивало издержки транспорта. Городские субсидии пекарям и установление городом такс на хлеб тоже оказывали лишь малую помощь.

Притом безработица возрастала ужасающим темпом. Расточительность королевского двора, постоянные балы дворянства, проматывавшего свои деньги в Париже, раньше доставляли многим производствам работу и высокие барыши. Париж был городом роскоши, городом расточительных развлечений. Как раз в предреволюционные годы совершенно чудовищным сделалось потребление тонких дорогих тканей, нарядов, камзолов, мундиров, туалетных принадлежностей, кружев, вязаных товаров, ювелирных и золотых изделий. Положение достаточно характеризуется хотя бы, напр., таким фактом: к началу 1789 г. число самостоятельных парикмахеров и их помощников определялось в 7.000 человек, так что на 85 жителей приходился один парикмахер. Тяжелые удары обрушились на все эти производства, удо-

влетворявшие потребности роскоши, а также на магазины, покупателями в которых были преимущественно придворные круги. Часть богатого дворянства бежала за границу, а те, которые остались, пока-что были вынуждены сильно сократиться. Значит, к безработице на мануфактурах и в отраслях производства, работавших на удовлетворение массовых потребностей,—к безработице, вызванной недородом,—присоединился еще кризис в отраслях, производящих предметы роскоши.

А подмастерья и рабочие уже не несли свой жребий с такою покорностью, как раньше. 14 июля пробудило в них сознание, что они составляют силу в государстве. Они требовали работы и повышения заработной платы, соответствующего росту цен на продовольственные продукты. 16 августа подмастерья-портные собрались перед Лувром. Они требовали, чтобы поденная плата, составлявшая до того времени 25—30 су, была повышена до 40 су, и чтобы торговцам в разнос воспретили производство новой одежды. Они решили послать депутацию в думу. Магистрат ответил, что он не имеет права вмешиваться в столкновения, возникающие в том или ином производстве, а требование ограничения разносного промысла противоречит той свободе промышленности, которой требует общественное мнение. Однако в тихомолку магистрат попытался склонить мастеров к уступчивости и 30 августа 1789 года имел возможность официально объявить, что портновские мастера изъявили готовность в существенном удовлетворить требования своих подмастерьев.

Башмачники и парикмахеры-подмастерья тоже забастовали и добились некоторых улучшений в своем положении. Даже мужская домашняя прислуга устраивала большие собрания и угрожала забастовать, если ее не избавят от конкуренции савояров (уроженцев Савои) и не вышлют последних из Парижа: требование, которое городским управлением, конечно, было оставлено без рассмотрения и не могло быть рассмотрено.

Это брожение среди подмастерьев вызвало в кругах состоятельных ремесленных мастеров и торговцев Парижа сдвиг назад в лагерь реакции. От революции ожидали умень-

шения налогового бремени, улучшения экономического положения вследствие отмены ограничений, стеснявших промышленность и торговлю. А вместо того в результате «новой свободы» явился всеобщий экономический застой,—да притом еще и повышение заработной платы подмастерьев. Это вовсе не входило в понятие о свободе, составившееся у тех ремесленных мастеров, на которых работало наибольшее количество подмастерьев. С половины августа в этих кругах происходит известная реакция, которая скоро перекидывается в некоторые районные управления и в парижский коммунальный совет.

13. Пале-Рояль.

Деловая буржуазия, подчинившая себе парижский коммунальный совет, и без того с неудовольствием и тревогой смотрела на революционную сутолоку, на ежедневные собрания в Пале-Рояле и на постоянный рост памфлетной литературы. Поэтому полицейский комитет коммунального управления уже 29 июля 1789 года издал приказ, чтобы все иллюстрации до их напечатания представлялись, под угрозою конфискации, на разрешение цензора Робена. За этим запрещением, направленным преимущественно против карикатур, уже 3 августа последовало ограничение свободы печати: на всех типографов и издателей было наложено обязательство на обложке всякой книги проставлять свое имя и перед выпуском в свет представлять один экземпляр на просмотр синдикального бюро. В то же время декрет распространил ответственность не только на автора, но также на издателя и типографа. Эти меры были еще больше усилены после стачки 1 сентября. Воспрещено было выкрикивать названия газет и брошюр на улицах и площадях Парижа. Одновременно коммунальный совет сделал попытку ограничить право собраний. Буржуазия требовала спокойствия—предпосылки для улучшения в ходе дел.

27 августа, после ряда бурных заседаний, Национальное Собрание закончило обсуждение проекта прав человека и гражданина и приступило к прениям об основных конституционных правах. Прежде всего на обсуждение был

поставлен вопрос, следует ли ввести двухпалатную или однопалатную систему, и должно ли Национальное Собрание созываться только на несколько месяцев в году или же заседать непрерывно, и надо ли предоставить королю право абсолютного вето, т.-е. право по усмотрению отменять все постановления Национального Собрания, или же право лишь «задерживающего» (суспенсивного) вето, т.-е. право только на известное время приостанавливать постановления Национального Собрания. Аристократы и монархические конституционалисты, во главе с графами Лалли-Толендалем и Клермон Тоннером и епископом лангрским, а также с депутатами Малуэ и Мунье, пуская в ход самые удивительные юридические софизмы, боролись за урезку прав Национального Собрания учреждением аристократического сената и предоставлением королю права налагать абсолютное вето. Однако все их усилия окончились неудачей. 8 сентября Национальное Собрание постановило, что его заседания должны быть непрерывными; 10 сентября значительным большинством голосов оно высказалось за однопалатную систему, а на следующий день 673 против 325 голосов отвергло абсолютное королевское вето и предоставило королю право только суспенсивного вето, продолжительность которого не должна превышать срока полномочий Национального Собрания, т.-е. двух лет.

Эти прения нашли многоголосый отзвук в радикальных кругах парижского населения, особенно в кругах беднейшей интеллигенции и мелкой буржуазии. В парке Пале-Рояля, в кафе и кабачках—повсюду велись прения по вопросу о вето и двухпалатной системе, и почти всегда приходили к выводу, что королю отнюдь не следует предоставлять абсолютное вето. Вечером 30-го августа в парке Пале-Рояля, именно в кафе де-Фуа, излюбленном месте собраний полупролетарской интеллигенции, происходили горячие прения. Против поведения роялистов и умеренных в Национальном Собрании были приняты резкие протесты, и в заключение в Национальное Собрание послана депутация, с маркизом Сент-Эрюжем во главе, чтобы выразить желание: пусть король поселится в Париже и таким образом отстранится от интриг аристократов. Едва городское управление узнало

от своих шпионов о таком плане, как оно приказало поставить солдат при всех выходах из Пале-Рояля и выдвинуть пушки. Депутации пришлось возвратиться в кафе де-Фуа. После этого собрание отправило вторую депутацию—в магистрат, чтобы добиться свободного пропуска для первой депутации в Версаль. Коммунальный совет отказался принять депутацию. Только третьей депутации, составленной из видных парижских граждан, удалось получить пропуск в зал заседаний коммунального совета, и только по ее просьбе было дано разрешение на прием второй депутации. Но разрешения на отправку депутации в Версаль дано не было: это требование было отвергнуто, как противозаконное.

Это происшествие вызвало возбуждение и насмешки радикальных политиков. В ближайший вечер в Пале-Рояле состоялось еще более обширное собрание. Некоторые ораторы высказались за то, чтобы в случае необходимости силой оружия добиться свободного доступа в Версаль. Лустало, редактор «Парижских революций», предложил призвать на помощь районы Парижа, предложить им поставить на обсуждение в своих собраниях вопрос о вето, оказать давление на своих представителей в Национальном Собрании и при случае потребовать от них сложения полномочий. Собрание постановило отправить в думу новую депутацию, которая сделала бы там соответствующие заявления. Депутацию, правда, приняли, но коротко ей сказали, что коммунальное представительство не станет отвечать на такие требования. Такой же ответ получила и вторая депутация.

Несмотря на то, в следующие дни некоторые районные собрания поставили вопрос о вето. Коммунальный совет немедленно издал приказ, в котором он обвинил соответствующие районы в заговоре и в то же время возвестил, что впредь воспрещаются всякие скопища и сборища. Одновременно главнокомандующий национальной гвардии Лафайет предложил силой оружия разгонять всех нарушителей спокойствия и немедленно арестовывать ослушников.

Началась своего рода охота за нарушителями порядка. В следующие дни патрули разъезжали по парку Пале-Рояля и разгоняли всякое скопление людей. Собрания укрылись в кафе, но и туда последовали за ними гражданские

гвардейцы-патриоты для «восстановления порядка». В кафе де-Фуа толпа отказалась разойтись. Национальная гвардия выступила со штыками наперевес. Кто не разбежался, тех кололи. Застигнутые спасались, выпрыгивая в окна. Пол был покрыт лужами крови, черепками посуды, клочьями разодранной одежды.

Штыковая атака в кафе де-Фуа была сигналом к «усмирению экзальтированных». Где бы в следующие дни ни собиралась кучка граждан, тотчас вмешивалась национальная гвардия. Она арестовывала уличных чтецов газет и разносчиков, которые выкрикивали названия газет, и поставила кафе под строгий надзор. Париж в известном смысле находился под диктатурой национальной гвардии, которая все больше развивалась в самое реакционное учреждение. В национальную гвардию могли войти только состоятельные граждане, имеющие оседлость в своем районе. Но и среди этого очень узкого круга «добрых граждан» производился дальнейший отбор: мелкие мастера, вследствие тяжелого экономического положения, большею частью не могли нести расходов по вооружению. В конце июля в различных районах производились денежные сборы, чтобы доставить мелким мастерам пособие на вооружение. Но собранных сумм было недостаточно. И даже если бы мелкому мастеру или торговцу удалось бесплатно получить обмундировку, он не мог, оставив свою мелкую лавку или мастерскую на своих помощников или на жену, разыгрывать роль гражданского гвардейца,—не мог прежде всего вследствие тогдашнего тяжелого положения всей экономической жизни. Хотя отдельные районные комитеты издавали распоряжения об оштрафовании уклоняющихся, однако окончательным результатом было то, что обязанности гражданских гвардейцев исполняли только состоятельные граждане, у которых были деньги, время и охота для игры в солдатики. Притом между батальонами различных районов развернулось нелепое соревнование по части роскоши и парадов. Если один батальон сооружал пышное знамя и обзаводился великолепными значками, то батальон соседнего района должен был завести еще более дорогое и великолепное знамя; далее каждым, хотя бы самым ничтожным поводом пользовались для того, чтобы устроить выпивку. Все это стоило денег. Мелкому гражданину не по силам было тянуться.

Национальная гвардия скоро сделалась предметом насмешек революционеров, и эти насмешки еще более усилились после того, как 27 сентября в соборе Парижской Богоматери было устроено большое торжество освящения знамен, а на другой день после этой церемонии гражданские гвардейцы, воодушевленные выпитым вином, начали подвергать оскорблениям гуляющих в аллеях Пале-Рояля и для своей потехи позволили себе маленькие штыковые атаки на публику, которая встречала их свистом.

14. „Друг Народа“ Марата.

Политическое возбуждение, возросшее вследствие этой внутренней борьбы между различными слоями граждан Парижа, пошло на пользу журналистам, стремившимся к основанию новых газет. К числу более замечательных газет, возникших в то время и впоследствии сыгравших свою роль в истории революции, относится ежедневная «Chronique de Paris» («Парижская Хроника»), сначала либерального, позже — умеренно-жирондистского направления. Ее издавали Милен де-Гранмезон и Ноэль, впоследствии участие в редактировании принимали Кондорсе и Рабо Сент-Этьен. Первый номер вышел 24 августа 1789 года. Тремя днями позже начал выходить ежедневный «Journal des Débats et des Décrets» («Журнал дебатов и декретов»), основанный Луве и Барером; первоначально он предназначался исключительно для сообщений о работах Национального Собрания и опубликования издаваемых законов и распоряжений. Наконец, 12-го сентября «революционный народ Парижа» тоже получил свой орган в виде «Publiciste Parisien» с подзаголовком: «Journal politique, libre et impartial, publié par une société de Patriotes et rédigé par M. Marat» («Парижский публицист», политический и беспартийный журнал, издаваемый обществом патриотов и редактируемый Маратом»). Марат издавал его при поддержке добрых друзей. Уже после пяти номеров Марат изменил название и превратил свою газе-

ту в «L'ami du Peuple ou le Publiciste Parisien, Journal politique, libre et impartial» («Друг Народа» или «Парижский Публицист», политический, свободный и беспартийный журнал).

В журнале Марата следует видеть прямое выражение того неудовольствия поведением парижской буржуазии, которое, накопившись в радикальнейших слоях полупролетарской интеллигенции и мелкой буржуазии Парижа, в сентябре 1789 года прорвалось наружу. Марата на борьбу посредством журнальной деятельности толкала не теория,—она не шла у него дальше общих либерально-демократических воззрений,—а непосредственное негодование на реакционные тенденции парижской буржуазии, на все яснее сказывающееся в парижском коммунальном совете стремление деловой буржуазии использовать революцию для упрочения своего господства и для приобретения материальных выгод. Еще в Англии Марат увидал, что класс богатых землевладельцев и крупная буржуазия использовали парламентские учреждения почти исключительно в своих выгодах, без всякой заботы о широких народных массах. И вот теперь оказалось, что французская буржуазия, едва лишь революция дала ей свободу движения, начала ту же своекорыстную игру в Национальном Собрании и в парижском коммунальном совете. С этим необходимо было бороться.

«Пока,—пишет Марат в № 13 своей газеты, объясняя мотивы своих нападок,—пока я видел граждан в Национальном Собрании, я относился к ним с уважением; пока я наблюдал в Национальном Собрании твердые, хотя и неподкрепленные достаточной проницательностью намерения ступить на путь добра, я относился к нему с бережностью, какой требует законность. Из опасения уронить доверие народа к Собранию, я адресовался со своими замечаниями прямо к последнему. Но когда я увидел, что оно упорно идет своей пагубной дорогой, я решил, что должен подчиниться своей совести и публично сообщить ему свои замечания. А так как теперь я вижу, что оно без всяких прикрытий преследует свой пагубный план: принести нацию в жертву монарху, и общее благо—шайке честолюбцев, то

все мои колебания исчезли: отныне я ничего не вижу, кроме опасности для отечества. Его благо сделалось для меня высшим законом, и я вменил себе в обязанность поднять тревогу, ибо это—единственное средство предостеречь нацию от того, чтобы она не свалилась в пропасть».

Из других газет, возникших в это же время, заслуживают упоминания либеральный «Journal Universel» («Универсальный Журнал»), основателем которого был Пьер Жан Андуэнь, и роялистский «Journal de la Cour et de la Ville» («Журнал Двора и Города»), редактировавшийся Жаком Луи Готье,—первый номер его вышел 15 сентября. С 14 октября Фонтань стал издавать аристократически-конституционный «Modérateur». 5 октября 1789 года появился в формате в четверть листа первый номер умеренно-демократического журнала: «Annales patriotiques et littéraires» («Патриотические и Литературные Хроники»), издателями которого были Мерсье и Карра.

15. Октябрьские бури в Париже.

Над Парижем собирались зловещие грозовые тучи. Среди масс в пригородах шло брожение и кипение. Господа из городской думы устраивали торжества и держали длинные речи; о снабжении же столицы мукой и хлебом они заботились, по мнению голодающих, слишком уж мало. Недостаток хлеба, временно ослабляясь, скоро опять давал знать о себе, и перед пекарнями разыгрывались кровавые столкновения.

Напряженность атмосферы повысилась, когда 3 октября в Париж пришли вести, что фландрский полк, вызванный в Версаль по инициативе реакционной версальской национальной гвардии и версальского магистрата для охраны двора, устроил контр-революционные демонстрации. В четверг 1 октября на банкете, устроенном в честь офицеров этого полка офицерами лейб-гвардии, перепившиеся офицеры срывали с себя национальные бело-красно-синие кокарды и топтали их ногами, а вместо них прикрепили белые кокарды,—цвет Бурбонов. Через два дня на новом банкете повторилось то же самое, и королева Мария Антуа-

нетта открыто выразила свое одобрение таким манифестациям.

Уже 3 и 4 октября в Париже состоялись единичные сборища, но они были немедленно разогнаны национальной гвардией. В понедельник 5 октября перед парижской городской думой собралась толпа женщин и требовала хлеба. Магистрат применил старый рецепт: он приказал взводу национальной гвардии со штыками наперевес выступить против голодающих. Однако женщины, подкрепленные безработными, не поддавались, хотя многие были ранены. Национальные гвардейцы были рассеяны градом камней. Толпа взяла приступом городскую думу, вооружилась найденным здесь различным оружием и, усиленная новым притоком безработных и любопытных, под предводительством Станислава Майяра, «борца Бастилии», крича: «в Версаль, в Версаль!», двинулась по направлению к Версалю, чтобы потребовать здесь хлеба от «главного пекаря», как она окрестила «Людовика многовозлюбленного».

Несколько позже туда же отправилась большая толпа мужчин во главе с мясником Журданом и французская гвардия, которая еще в июльские дни перешла на сторону народа. Национальная гвардия тоже начала волноваться. Она стала требовать у Лафайета, чтобы он вел ее в Версаль; при этом у нее не было определенного решения и представления, что именно она будет там делать. Лафайет отказывался и под разными предлогами затягивал дело. Семь часов продолжался торг. Национальная гвардия решила, что король должен поселиться в Париже и таким образом освободиться от влияния окружавшей его клики. Она опасалась, что, не вмешайся она, дело зайдет слишком далеко. Наконец, после долгих колебаний, Лафайет вынужден был уступить. Но предварительно он застраховал себя от возможных впоследствии обвинений в том, что он участвовал в мятежных действиях. Он «оформил» выступление национальной гвардии, получив от городского совета удостоверение, что отправляется в Версаль для охраны «спокойствия и порядка».

Национальное Собрание в это время обсуждало, каким способом можно добиться от короля утверждения «Декларации прав человека и гражданина». Оно было раздражено вызывающей демонстрацией офицеров в Версале. Но, хотя в речах некоторых ораторов опять послышались более энергичные ноты, Собрание не знало, что делать: выступления масс оно опасалось, а помимо их выступления у Собрания не было средств принудить двор к уступчивости.

Майяр, зная, как отнеслось бы Национальное Собрание к появлению вооруженной толпы, распорядился, чтобы шедшие за ним женщины сложили оружие на Елисейских полях, и чтобы в Версаль была отправлена лишь небольшая депутация к Национальному Собранию. Он приказал, чтобы подвергались задержанию все курьеры, направляемые из Парижа в Версаль. Пропущенный вместе с депутацией женщин в Национальное Собрание, Майяр потребовал мер, которые доставили бы хлеб голодающему населению, а также потребовал, чтобы Мунье, президент Собрания, стал во главе депутации и повел ее к королю. В смятении Собрание на все согласилось.

При дворе делались приготовления к бегству подальше от мятежного Парижа—к отъезду в Мец. Король принял депутацию. Депутация обнаружила большую уступчивость и слабость. Когда одна из женщин в сбивчивых выражениях заявила, что народ сидит без хлеба, король обнял ее и благодушно заявил, что он сделает все необходимое. Депутация, обвороженная королевскою лаской, вышла во двор. Но собравшиеся здесь голодные женщины подняли шум, когда узнали, с какой легкостью отнеслась депутация к возложенному на нее поручению. В дело вмешалась королевская лейб-гвардия, которая держала себя грубо и вызывающе. Национальная гвардия Версаля, напротив, стала на сторону женщин. К тому времени, когда прибыл Журдан, во дворе замка началось сражение. Два лейб-гвардейца были убиты. Всякий народ пришел сюда из пригородов Парижа,—пришли и совсем опустившиеся люди, доведенные тяжелой жизнью до крайней, бесчеловечной жестокости. Головы убитых лейб-гвардейцев воткнули на пики и понесли перед толпой. Уже совсем к ночи подошел Лафайет со своей национальной гвардией, которой после долгих усилий удалось разделить борющиеся стороны. Королевская лейб-гвардия осталась во внутренних помещениях дворца, национальная гвардия заняла внешние.

На следующий день, 6 октября, народ в 5 часов утра ворвался внутрь через решетчатые ворота, которые оставались незапертыми. Толпа смяла лейб-гвардейцев и несколько человек убила. Она так быстро проникла во дворец, что Марии Антуанетте неодетой и босой пришлось спасаться во внутренние покои. Лафайет постарался остановить начавшееся сражение, которое окончилось бы уничтожением королевской стражи.

Толпа требовала, чтобы Людовик оставил Версаль и переселился в Париж. Лафайет взял на себя роль посредника. Наконец, король увидал, что дальнейшее сопротивление и промедление невозможно. По совету Лафайета, он опять разыграл дешевую сцену примирения со «своим» народом. Вместе с королевой, Лафайетом и одним лейб-гвардейцем он вышел на балкон, обращенный к толпе. Появление королевы было встречено озлобленными криками толпы. Лафайет поцеловал руку у королевы и приколол лейб-гвардейцу бело-красно-синюю кокарду,—и национальные гвардейцы, переполнявшие двор, восторженно отнеслись к этой комедии примирения.

Окруженное национальной гвардией и огромными толпами народа, который все еще подходил в Версаль из Парижа, королевское семейство было отправлено в Париж. Шествие совершалось крайне медленно, с частыми и продолжительными остановками, так как голодные толпы нашли в Версале самые скудные запасы и вынуждены были останавливаться, чтобы подкрепить свои силы. Только к ночи вступило в Париж это шествие, которое уже никогда не могло изгладиться из памяти королевской семьи. У ратуши мер Бальи встретил короля льстивой верноподданнической речью. Людовик ответил: «С живейшей радостью и полным доверием я остаюсь среди моего парижского народа».

Королевская семья поселилась во дворце Тюильри, под охраною национальной гвардии, попрежнему оставшейся под командою Лафайета. 19 октября за королем последовало Национальное Собрание, которое объявило себя «неотделимым» от его особы. Оно сначала поместилось в старом дворце парижского архиепископа, а потом в манеже для верховой езды.

Парижская деловая буржуазия и ее представительство в коммунальном совете ничего не имели против привоза короля в Париж. Водворение короля в его главной резиденции, напротив, соответствовало самым задушевным желаниям этой буржуазии: теперь король попадал под ее влияние и надзор. Поэтому городской совет отправил Бальи в Тюильри ходатайствовать перед королем, чтобы он навсегда избрал своей резиденцией Париж, центр своего государства. Кроме того, буржуазия сумела добиться того, что король, подавленный страхом, 19 октября издал воззвание, в котором он заявлял, что с полным доверием вошел в свой город и получил здесь почтительные доказательства любви и преданности «своего доброго города Парижа».

Но если результаты похода на Версаль представлялись буржуазии чрезвычайно отрадными, то отнюдь не представлялся таковым самый поход. 14 июля 1789 года высшая буржуазия с чувством известного удовлетворения видела, что королю пришлось смириться. Ее гражданской гордости льстило то обстоятельство, что пьедестал того, кто раньше с таким высокомерием смотрел на третье сословие, был спущен пониже. Кроме того, парижская буржуазия очень хорошо понимала, что отступление двора перед восстанием парижского народа знаменует начало эры ее господства. Напротив, дни 5 и 6 октября застигли деловую буржуазию Парижа в совершенно другом настроении. Теперь ей приходилось не завоевывать новые политические позиции, а укреплять уже занятые. За 2½ месяца со дня взятия Бастилии она увидала, что, если она хочет укрепить свою власть, она должна вырвать решение политических вопросов из рук той массы, которую подняли на ноги июльские дни, и что больше всего вредят ее коммерческим интересам повторные нарушения спокойствия и связанное с этим дальнейшее распугивание из Парижа придворного дворянства, главного потребителя. Значит, задача заключалась в том, чтобы подчинить низшие слои народа и упрочить их слишком уж расшатанный страх перед государственной властью. При стремлении укрепить свою собственную позицию состоятельные граждане видели в королевской власти чрезвычайно важную силу. Конечно, королю не следовало давать абсолютной власти: буржуазия, по ее воззрениям, сама имела неотчуждаемое право на участие в законодательстве и в городском самоуправлении. Однако, с другой стороны, конституция не должна была ограничивать королевскую власть до такой степени, чтобы у короля остались только функции представительства. Король должен был сохранить известный авторитет, сильную власть, хотя бы для того, чтобы обеспечить порядок в государстве и принудить низшие слои к тому послушанию, которого требовало «государственное благо».

16. Поход парижского городского управления против революционной прессы.

С этой «политикой укрепления» не согласовался поход на Версаль. Поэтому следовало всеми средствами воспрепятствовать повторению подобных происшествий и восстановить власть.

Для фельетониста-историка Тэна не существует многочисленных документально установленных фактов, раз только они не подходят к его тенденциозным описаниям. Напротив, пользуясь мемуарной болтовней королевско-придворных дам и сообщениями эмигрировавших бонвиванов-дворян, он сочиняет удивительнейшие вымыслы. Таким-то способом по его «Происхождению современной Франции» (том II, книга I) выходит, что походом в Версаль открывается террористическое господство революционной партии. Этот взгляд он доказывает тем, что повторяет рассказы различных депутатов из аристократически-монархической партии, как гнались за ними и угрожали им на улицах и в их домах, и кроме того, подтверждает свое воззрение указанием на быстрый рост эмиграции. Действительно, после 6 октября началось беспощадное господство террора, но то был террор не революционных низших слоев народа, а террор высшей буржуазии, о котором Тэн не упоминает ни словом.

По логике состоятельных граждан, в эксцессах 5 и 6 октября были виноваты печать и свобода собраний. И с той и с другой следовало покончить. Начали с той парижской газеты, которая с наибольшей резкостью критиковала деятельность парижского городского совета. В номерах 14—16 своего «Друга Народа» Марат выразил порицание городскому совету за то, что все важнейшие вопросы он разрешал не публично, а в закрытых заседаниях, и что члены городского совета бессовестно назначали друг-другу огромные оклады за самые ничтожные работы и таким образом расточали городские доходы, невзирая на ужасающую нужду низших классов народа. В заключение он обратился с призывом к парижским районам и предложил им внимательнее наблюдать за своими представителями в городском совете. «Заставьте своих представителей исполнять свой долг, предоставив себе возможность отзывать их, если они пренебрегают своими обязанностями, и карать их, если они нарушают эти обязанности».

Напоминание было вполне основательное: уж в сентябре финансовое хозяйство городской думы приняло самый неопрятный характер. Однако городской совет почувствовал себя глубоко оскорбленным. Проще всего было бы приказать арестовать Марата и начать против него судебное преследование за оскорбление. Однако магистрат не решился на этот шаг, так как в результате его перед судом пришлось бы допустить исследование деятельности городского управления, а последнее хотело от этого уклониться. Поэтому попытались прежде всего запугать Марата. 25 сентября он был вызван в коммунальный совет. Ему пришлось ждать целых пять часов, пока он не был допущен; когда же, наконец, очередь дошла до его дела, его отложили до следующего дня, 26 сентября повторилось то же самое. Марату совсем не понравилось такое отношение к нему. В своей газете он напечатал заметку, в которой заявил, что он слишком занят и не может таким способом расточать время. В ответ на это коммунальный совет приказал задержать на улицах разносчиков «Друга Народа» и конфисковать у них экземпляры газеты. В то же время Марат получил новое приглашение. Он явился точно в назначенный срок и на этот раз был допущен немедленно. Мер Бальи заявил ему, что, по донесению района «Сыновей св. Фомы» (тогда это был богатый городской район банкиров и биржевых игроков; в нем жил и Неккер), «Друг Народа» подстрекает к возмущению. Но Марат не позволил себя запугать. Он ответил, что, раз коммунальный совет хочет прекращения нападок со стороны «Друга Народа», пусть он примет меры, чтобы избавиться от компрометирующих его членов: необходимо назначить следственную комиссию из четырех лиц, которой он передаст письмо, заключающее тяжкие обвинения против одного из коммунальных представителей. Но коммунальный совет на это не пошел. Вместо того Марату прочитали ряд выдержек из его газеты и

потребовали, чтобы он дал объяснения. Марат ответил: прочитанные места соответствуют его убеждениям и выражают их, на что он, кажется ему, имеет полное право. После некоторых увещаний ему предложили выйти, обсудили дело и, вновь пригласив его, спросили, имеются ли у него против какого-либо определенного члена совета определенные обвинения в злоупотреблении своей должностью. Марат ответил отрицательно. Против отдельных лиц, сказал он, у него нет прямых обвинений, но есть таковые против постановки дела в отдельных комитетах, напр., в продовольственном (на который возлагались попечения о подвозе хлеба); далее, коммунальный совет должен был бы давать публичный отчет о приходах и расходах. Председатель сказал, что отчет о бюджете уже подготовлен. Он предложил Марату подписать заявление, что у него нет обвинений против кого-либо из отдельных членов коммунального совета. Марат согласился, довольный, что все дело кончается таким способом. После этого его отпустили.

По всей видимости, коммунальный совет хотел во что бы то ни стало избежать шума. Втихомолку он заставил выйти в отставку одного из своих подкупных членов, а от другого потребовал письменных объяснений.

Это происходило еще до версальских событий. После них буржуазия выступила решительнее. Когда Марат в № 24 своей газеты возобновил нападки на коммунальный совет, а в № 25 назвал одного министра «честолюбивым интриганом» и «авантюристом», суд Шатле, на который было возложено возбуждение преследований против проступков печати, издал приказ об аресте Марата. Марат, охваченный опасениями, бежал в Версаль к одному другу, который дал ему пристанище. Появление «Друга Народа» возобновилось только 5 ноября.

Преследование Марата было всего лишь подготовкой к уничтожающему походу против печати. 12 октября коммунальный совет подстроил дело так, что богатый район «Премонтрезе» потребовал от него строгого надзора за прессой, которая «сеет только мятежные воззрения и беспорядок». Несколькими днями позже комитет по делам полиции побудил «дам рынка» отправить к нему депутацию, составленную из почтенных торговок рыбой и цветами Лефебр, Дуаэнь, Франк, Бужу и Птипа; депутация заявила протест против продажи газет и против «позорных деяний газетчиков, печатников и книготорговцев».

Комитет по делам полиции благосклонно выслушал эти заявления и ответил, как сообщила газета «Парижские Революции» (выпуск 15, стр. 7): пусть почтенные дамы приложат свои патриотические усилия к тому, чтобы противодействовать «пагубным заблуждениям, распространяемым скандальными сочинениями и речами, противоречащими религии и общественному порядку». Парижский магистрат так высоко ставил этот протест пяти торговок цветами и рыбой, из которых, возможно, ни одна не умела читать, что он распорядился этот протест отпечатать и расклеить по всем углам улиц, присоединив сюда же два публичных заявления: в первом одно сообщение «Journal de Paris et Versailles» («Журнал Парижа и Версаля») объявлялось ложью, а в другом издатели «Парижских Революций» («Révolutions de Paris»)—клеветниками. Что касается последней газеты, она в № 15 поместила статью о парижском городском устройстве, характеризовала его, как противоречащее гражданской свободе, и насмешливо продолжала: «Кто мог бы подумать, что французы и в особенности французы столицы не превосходят по своему просвещению турок или японцев, и что они, разрушив один аристократический режим, на его место тотчас же создадут собственными руками другой аристократический режим».

Район «Малых Августинцев», в округе которого выходили «Парижские Революции», протестовал против такого отношения к газете; но коммунальный совет пренебрег этим протестом. Он издал новый декрет, которым национальной гвардии поручалось отбирать у разносчиков все возмутительные сочинения и допускать выкрикивание названий только официальных изданий. И бравые национальные гвардейцы не заставили повторять им это второй раз; они подвергали конфискации не только демократические, но и умеренно-либеральные газеты. Как только они замечали где-нибудь разносчика произведений печати, тотчас начиналась охота за ним. И горе

книготорговцу, который дерзал продавать на-ряду с другими книгами и революционные произведения. Весь его инвентарь подвергался полному разгрому.

17. Военное положение против „зачинщиков и подстрекателей".

Несмотря на воспрещение всяких скопищ, в дни 16—21 октября 1789 года опять происходили неоднократные беспорядки перед пекарнями. 21 октября на улице Марше-Полю (в районе Нотр-Дам) старухи, доведенные голодом до бешенства, убили пекаря Дени Франсуа, который продал не весь запас хлеба, а оставил и припрятал часть для избранных покупателей. Этот случай дал городскому управлению желанный повод потребовать более энергичных мер против «нарушителей спокойствия». В тот же день депутация от парижского коммунального совета отправилась в Национальное Собрание и ходатайствовала об издании закона против сборищ. И Национальное Собрание, подхваченное реакционным потоком, поторопилось удовлетворить желание парижских коммунальных представителей. В тот же самый день оно занялось этим вопросом и без какой бы то ни было предварительной разработки в одном единственном заседании установило текст драконовского закона против скопищ и сборищ. Главные положения этого закона гласят:

«При наступлении случаев, когда представляется, что общественному спокойствию угрожает опасность, должностные лица коммунального управления, в силу обязанностей, возложенных на них коммунальным управлением, должны объявлять о том, что для восстановления спокойствия необходима военная сила. Это извещение совершается таким способом, что из главного окна думы и на улицах вывешивается красное знамя.

«Когда красное знамя вывешено, все собрания, вооруженные или невооруженные, признаются преступными и разгоняются военною силой. Войсковые части под командою своего офицера и в сопровождении по крайней мере одного муниципального чиновника немедленно направляются с красным знаменем к месту скопища. Муниципальный чиновник

должен там опросить о причине скопища и предложить участникам его через депутацию из 6 лиц изложить свои требования. Вслед за тем толпа должна немедленно очистить место. Если этого не воспоследует, муниципальный чиновник должен три раза один за другим потребовать этого, добавляя: «Объявлено военное положение; если приказанию не подчинятся, я прикажу открыть огонь». Если этого требования не исполнят, необходимо действовать оружием.

«Хотя бы толпа разошлась, не учиняя насилий, зачинщики и подстрекатели могут быть привлечены к ответственности и подвергнуты наказанию: если сборище было невооруженное—до трех лет тюремного заключения, если же участники его были вооружены—смертной казни. Если толпа учинит насильственные действия или не разойдется немедленно после третьего требования, то задержанные при этом лица, у которых не было оружия, присуждаются к заключению в тюрьме сроком до одного года; лица же, задержанные с оружием, сроком до 3 лет. Если же они учинили какие-либо насильственные действия или возбуждали толпу, то применяется смертная казнь.

«Все солдаты и гражданские гвардейцы, принимающие участие в таких сходбищах и мятежах, признаются бунтовщиками и подлежат смертной казни. Войсковые части, которые в случае подобного сходбища отказываются от повиновения муниципальному чиновнику, предлагающему им выступить, получают 3 года тюремного заключения».

В тот же день, 21 октября, король утвердил этот драконовский закон, и уже после 22 октября он вступил в силу после публичного оглашения на углах парижских улиц,—обычная форма опубликования посредством расклейки плакатов представлялась городскому совету недостаточно быстрой. Тщетно в Национальном Собрании часть левой протестовала против этого усмирительного законодательства. Петион, Бюзо, но прежде всего Робеспьер выступили против этого закона. «Все наблюдавшие ход революции,—воскликнул последний, обращаясь к представителям третьего сословия,—давно предвидели наступление момента, к которому мы теперь подошли. Они предвидели, что придут к концу продовольственные средства, что тогда народу укажут на вас,

как на единственный якорь спасения, что дождутся ужасных обстоятельств, чтобы потребовать насильственных мер и таким образом раздавить свободу. Город Париж требует хлеба и солдат,—это значит, что народ вопиет о хлебе; у нас нет хлеба, поэтому дайте нам солдат, чтобы учинить над народом расправу».

18. Господин Бриссо и парижский комитет общественной безопасности.

Однако все слова не оказывали никакого действия. Крупное большинство Национального Собрания, между прочим наибольшая часть представителей третьего сословия, голосовало за закон о военном положении, внесенный в Национальное Собрание. Добрые граждане хотели спокойствия. Даже те две газеты, которые впоследствии задавали тон в жирондистской партии, «Французский Патриот» Бриссо и «Версальский Курьер» Горсаса, требовали исключительных законов против народных скопищ. Более того: газета Бриссо приветствовала приказ суда от 8 октября об аресте Марата. «Как,—писала она,—можно арестовать человека, изготовляющего адскую машину, но нельзя арестовать человека, клевета которого возбуждает народ против начальников, провинции против провинций? Требовать свободы печати в таком положении, как теперешнее,—это все равно, что требовать от нас, чтобы мы добровольно предоставили убивать нас. Возможно, что подавление печати противоречит правам человека; но они приостанавливаются при состоянии войны и уступают место закону самосохранения».

Жирондистское понимание свободы уже здесь обнаруживается с полной ясностью. Пусть королевская власть будет сведена к минимальным размерам, пусть у дворянства отнимут феодальные права, пусть разорят его крестьянские восстания, и доходы духовенства будут урезаны: при всем том господство состоятельных граждан в государстве и коммунах должно оставаться бесспорным. Восстания допустимы постольку, поскольку они дают опору притязаниям буржуазии на господство. Против же тех восстаний, которые

направлены против буржуазного порядка, позволительны все меры репрессии, даже и незаконные.

Тот драконовский военный закон, который давал парижскому магистрату возможность всецело по своему усмотрению объявлять Париж на исключительном, на военном или, как мы сказали бы теперь, на осадном положении, все еще представлялся парижскому коммунальному совету недостаточным для того, чтобы обеспечить спокойствие. 23 октября он избрал из своей среды следственный комитет для раскрытия подготовляющихся преступлений против нации, т.-е. против существующего строя; он дал этому комитету полномочие подвергать всех подозрительных предварительному аресту на основании одного только подозрения и потом, если бы последнее оказалось обоснованным, привлекать к ответственности через реакционный суд Шатле, которому Национальное Собрание, кроме дел о печати, передало и суждение по всем преступлениям против нации. Выдающуюся роль в этом комитете играл Бриссо, издатель «Французского патриота». Кроме того, в него входили членами Ажье, Одар, Лясертель, Перрон и Гарран де-Кулон[1]).

Следовательно, террор парижского народа, который, как выдумывает историк-фельетонист Тэн, прорвался 6 октября 1789 года, имеет очень своеобразный характер. Это—террористический режим состоятельной буржуазии.

19. Борьба за конституцию в Национальном Собрании.

Как в Париже, так и в Национальном Собрании, «честная буржуазия» после 6 октября 1789 года получила решительный перевес. Уже раньше в Собрании обнаружилась решительная реакция против политических страстей массы,

[1]) С 24 ноября 1789 года, первого дня своего появления, „Gazette nationale“ („Национальная Газета“) стала печатать протоколы этого следственного комитета, а также отчеты о заседаниях парижского коммунального совета и парижского комитета по делам полиции. Эти отчеты, до сих пор почти совершенно не использованные историками, дают чрезвычайно любопытный материал о террористическом режиме парижской буржуазии зимой 1789—1790 г. К сожалению, за недостатком места, у нас нет возможности обрисовать отдельные реакционные меры, проведенные городским управлением.

«толпы»; после же 6 октября совершенно исчез взгляд на третье сословие, как на единый класс населения. Большинство депутатов очень энергично начало проводить разграничение между добрыми и почтенными гражданами, единственно достойными свободы, и между массою неимущих. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что после 6 октября значительная часть роялистов (приверженцев короля) и аристократов-конституционалистов выправила себе паспорта и немедленно бежала за границу или же возвратилась в свои имения, чтобы выждать там дальнейшего развития событий. Благодаря этому аристократическая партия в Национальном Собрании была сильно ослаблена.

Насколько крупно-буржуазные элементы преобладали в Национальном Собрании, это показывает не только быстрое проведение закона о военном положении,—в еще большей мере о том же говорит обсуждение конституции; в нем красною нитью проходило стремление по возможности ограничить политические права неимущих и обеспечить за буржуазией решающее положение в государстве. Это обнаружилось уже 7 октября в усилиях во что бы то ни стало гарантировать конституцией неурезанные доходы государственным кредиторам, держателям свидетельств государственных займов. С этой целью Мирабо и часть либералов были готовы значительно ограничить право Национального Собрания вотировать налоги и бюджет и хотели бы в конституционном порядке установить, что известные налоги выделяются из государственного бюджета и поступления от них раз навсегда предназначаются на обеспечение королевского цивильного листа, на уплату процентов по государственным займам и на их погашение. Правда, это требование—поставить интересы государственных рантье выше интересов нации, не прошло; но зато не было принято и ежегодное установление государственного бюджета, а постановлено, что бюджет вотируется каждый раз в начале законодательного периода на весь срок полномочий законодательного собрания, т.-е. на два года.

22 октября было постановлено удержать двухстепенную систему (непрямые выборы) при выборах в Национальное Собрание; каждый избиратель должен удовлетворять следующим требованиям: возраст не менее 25 лет, жительство в данном избирательном округе не менее одного года и уплата прямого налога в сумме не менее троекратной заработной платы обычного поденщика; далее, избиратель не должен находиться в отношениях услужения к кому бы то ни было. Эти постановления запросто лишали избирательного права две трети французской нации; однако они были приняты, так как большинство присоединилось ко взгляду Дюпон де-Немура (умеренно-либеральный физиократ): «У кого ничего нет, тот не член общества... Управление и законодательство, это—дело собственности, а потому только собственники действительно заинтересованы в них».

27 октября Национальное Собрание постановило, что сын человека, потерпевшего банкротство или не уплатившего своих долгов, не может сделаться членом городского, провинциального или Национального Собрания, а также не может занимать какой-либо должности в общественном управлении, если только он не уплатит долгов своего отца. Главной целью этой меры, как открыто признал Мирабо, обосновывая ее, было обеспечение долговых притязаний делового мира, притом преимущественно крупного делового мира; в мелкой торговле кредит был тогда еще мало распространен. Правда, по тогдашним законам кредитор имел широкое право взыскания по отношению к должнику и, далее, в случае неуплаты долгов мог потребовать заключения его в долговую тюрьму. Но все эти меры взыскания долгов не удовлетворяли владельцев крупных предприятий, и подавляющая часть депутатов, во главе с Мирабо, охотно пошла навстречу их желаниям. Ларошфуко, главный оратор дворянства, совершенно логично выступил против этого требования, указывая, что, во-первых, не всякий несостоятельный должник—бесчестный и, во-вторых, за чисто-личные недостатки отца нельзя же наказывать его детей. Однако все эти логические доводы не повели ни к чему. Представители буржуазии под предводительством Мирабо провели свои требования.

28 октября Национальное Собрание постановило, что выборщиком или членом департаментского собрания может быть только лицо, уплачивающее прямых налогов в сумме не

менее десятикратной заработной платы поденщика, обычной для данного места. На следующий день принято решение, что депутатом Национального Собрания может сделаться только лицо, уплачивающее не менее одной марки серебра (245 граммов) прямых налогов и обладающее земельною собственностью.

Таким образом Национальное Собрание показало, что оно—законодательная палата состоятельной буржуазии. Но для громадной части дворянства и для той привилегированной буржуазии, которая в провинциальных городах господствовала в магистратах, парламентах и высших судебных учреждениях, это Собрание все еще было слишком благосклонно расположенным к народу. В Дофинэ временная комиссия (т.-е. комитет от провинциальных сословий, на который возлагалось распоряжение в нетерпящих отлагательства делах в то время, когда сословия не заседали) созвала все три сословия этой провинции, чтобы заявить протест. Дворянство и бальяж Тулузы в особой декларации потребовали сохранения дворянского сословия и старых прав Лангедока. Сословия Камбрези протестовали против разрушения вольностей графства Камбрези. Некоторые парламенты (высшие судебные палаты), напр., в Руане, Меце, Ренне, в свою очередь заявили протест против действий Национального Собрания. «Война буржуазии»—«Guerre de la bourgeoisie aux parlements»—метко назвал Луи Блан это движение в своей «Истории французской революции» (книга третья, глава шестая). Так как Национальное Собрание выступало с решительными декретами против протестующих сословий, то движение закончилось полным их поражением.

20. Парижская пресса в конце 1789 года.

Суровые меры, принятые коммунальным советом Парижа против печати, в первые недели после версальских событий задержали открытие новых газет. Только с начала ноября несколько новых сравнительно крупных газет выступило на арену борьбы. 2 ноября 1789 года появились «Actes des Apôtres» («Деяния апостольские»), феодально-аристократическая газета под редакцией Жана Габриэля Пельтье и графа

Антуана Ривароля, которая ядовитыми сарказмами преследовала деяния «апостолов», т.-е. либеральных и демократических депутатов. 20 ноября Камиль Демулен выпустил первый номер своего еженедельника, который приобрел славу и бесславие в истории французской революции: «Les Révolutions de France et de Brabant» («Французские и брабантские революции»). Это был либерально-демократический еженедельник в восьмую долю листа, составлявший обычно 3 листа (48 страниц), иногда, впрочем, выраставший до 3½ и даже до 4 листов. Журнал скоро завоевал широкий круг читателей среди интеллигентов и художников. Далее, 24 ноября появилась ежедневная «Gazette nationale» («Moniteur universel»—«Национальная газета»),—единственная газета, издававшаяся в формате in folio. Ее редактировали Рабо Сент-Этьен и Гигене, сначала в умеренно-либеральном, позже в жирондистском духе. С нею скоро слился «Bulletin de l'Assemblé nationale» («Бюллетень Национального Собрания»), который в июле основал Юг Бернар Марэ (впоследствии герцог де-Бассано). 23 декабря Камиль Демулен начал издавать вторую газету: «Courrier de Brabant» («Брабантский курьер»), позднее превратившийся в «Courrier de France» («Французский курьер»). Но на-ряду с «Французскими и брабантскими революциями», эта газета не могла пойти, и потому в сентябре 1790 года ее появление прекратилось.

С особенным усердием основывала газеты в конце 1789 года роялистская и аристократически-конституционная партия. Уменьшение влияния в Национальном Собрании,—отчасти вследствие трусливого бегства лидеров партии,—она старалась возместить усиленной агитацией своей прессы. Кроме названных выше трех крупных газет, в конце 1789 года роялисты располагали для своих целей еще следующими газетами: «Courrier français» («Французский курьер»), «Gazette de Paris» («Парижская газета»), Postillon de la Cour» («Придворный почталион»), Postillon Henri IV» («Почталион Генриха IV»), «Correspondance du Palais Royal» («Корреспонденция Пале-Рояля»), «Chronique scandaleuse» («Скандальная хроника»), «Ami des honnêtes gens» («Друг честных людей»), «Journal du Journal de Prudhomme» («Журнал

газеты Прюдома») и другими мелкими газетками. Из этих газет некоторое значение приобрели редактируемый аббатом Понселеном «Французский курьер», «Парижская газета», которую основал Дюрозуа, «Journal du Journal de Prudhomme», получавший средства от графа Станислава Клермон-Тоннера и находившийся под его влиянием, и «Chronique du Manège» («Хроника манежа») Маршана (словом «манеж», означающим как помещение для верховой езды, так и интриганские происки, аристократы любили называть как само Национальное Собрание, заседавшее в манеже, так и те интриги, которые шли там против королевской власти).

Большинство газет, основанных в 1789 году, издавалось в восьмую долю листа, при чем ежедневные газеты обычно составляли 8—16 страниц; только немногие газеты, как, напр., «Парижский журнал» и «Французский патриот», выходили в четвертую долю листа, и лишь одна единственная газета, «Moniteur universel» — in folio, за что газеты-конкуренты завистливо высмеивали его, как «парус» и «флюгер». Вообще говоря, даже между газетами одного и того же направления не всегда было доброе согласие. Все газеты были в частной собственности издателей, и издатели по всем правилам искусства старались отбить друг у друга покупателей и подписчиков. Они не только один перед другим понижали цены, но иногда раздавали свои газеты бесплатно по парижским улицам или расклеивали по стенам. При этом из-за бойких углов часто разыгрывалась чрезвычайно забавная борьба. Едва лишь разносчик наклеит на стене роялистскую газету, как приходит новый разносчик и заклеивает ее демократической газетой; клей еще не успеет высохнуть, как приходит третий разносчик и «плакатирует»,—так говорили тогда,—свой либерально-конституционный журнал.

На-ряду с этой внешней борьбой из-за сбыта идет внутренняя борьба за различные политические требования. Всеобщая неопределенная любовь к свободе, бурлившая в первое время по открытии Генеральных Штатов во всех революционных газетах, все более улетучивается. Скоро становится ясным, что с одним и тем же лозунгом, с одним и тем же словом «свобода» или «равенство» различные слои населения

связывают совершенно различные понятия и требования. Противоречия, вытекающие из экономического положения этих слоев сталкиваются, и по всей линии разражается ожесточенная политическая борьба.

Если посмотреть на состояние печати в начале 1790 г., то очевидна будет огромная перемена, совершившаяся в общем политическом положении со времени открытия Генеральных Штатов. Исчезли утешающие иллюзии, будто третье сословие представляет если и не однородный, то во всяком случае проникнутый одинаковыми политическими стремлениями класс. Стерлись глубокие различия, существовавшие между дворянством и буржуазией. Состоятельная буржуазия, в особенности та ее часть, которая составлялась из высших чиновников, видных ученых и финансистов, все больше сближалась с монархически-конституционной аристократией; напротив, между высшей буржуазией, средним сословием и низшими слоями народа политические и экономические противоречия сильно обострились,—более глубокая пропасть отделяла уже богатую буржуазию от низших классов народа, чем от придворного и феодального дворянства. Единство третьего сословия существует уже только как фраза. В действительности революционная борьба уже выдвинула почти все те классовые противоречия внутри самого третьего сословия, которые в ближайшие годы нашли себе выражение в образовании политических партий; но эти противоречия пока еще не с такой остротой отчеканены. Состоятельный умеренно-либеральный слой буржуазии находит представительство своих интересов в «Парижском журнале» и «Национальной газете»; либеральная деловая буржуазия—главным образом в «Парижской хронике», «Курьере Прованса», «Французском патриоте» и «Парижском курьере»; интеллигентная молодежь, литераторы и художники—во «Французских и брабантских революциях» Камиля Демулена; радикальная полупролетарская интеллигенция и радикальная часть интеллигентной мелкой буржуазии—в «Парижских революциях»; сословия мелких ремесленников и чиновников, а также верхушки рабочего класса—в «Друге народа» Марата.

У каждой из политических групп уже имеется своя га-

зета, хотя круг рабочих и мелких ремесленных мастеров, читавших газету Марата, сначала был не широк: вследствие жалкого состояния школы, подавляющая часть собственно рабочих вообще не умела читать, или же они читали не настолько хорошо, чтобы понимать «Друга народа». Только Геберу с его «Pére Duschene» («Отец Дюшен») впоследствии удается глубже проникнуть в эти слои.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Либеральная буржуазия и крестьяне.

Закон о коммунальном управлении.—Постановления, не получившие законной силы.—Новые крестьянские бунты.—Феодалы из буржуазии.—Исключительные законы против крестьян. — Сохранение феодальных прав.—Господское право и крестьянское право.—Закон 3 мая 1790 года о выкупе феодальных повинностей.—Аграрные законы 18 декабря 1790 и 7 июня 1791 годов.—Конец феодального права.—Борьба за общинные земли.—Возвращение общинных земель деревням.

Просто удивительно, насколько быстро изменилась физиономия Национального Собрания после 6 октября 1789 г. Уже в январе едва сохранились воспоминания о революционной страстности либеральной буржуазии. На место бурных деклараций о свободе выступила трезвенно-рассудочная оценка полезности отдельных законопроектов для сохранения власти, только что завоеванной «честною» буржуазией. Страх перед революционной необузданностью неимущих слоев народа, перед распущенной «чернью» овладевает запуганными умами состоятельной либеральной буржуазии и побуждает ее представителей воздвигнуть защитную плотину против революционного потока, т.-е. устранить беднейшие слои народа по возможности от всякого влияния на законодательство и управление. Фактически не злые аристократы старались внести реакционные параграфы в конституционные права, поставленные на обсуждение: авторы соответствующих предложений рекрутировались главным образом из рядов либеральных конституционалистов.

1. Закон о коммунальном управлении.

В новом муниципальном законе, обсуждение которого началось в Национальном Собрании 25 ноября 1789 года, эта

перемена политических настроений сказалась еще яснее, чем в прениях об избирательном законе (см. выше, стр. 130). Право на участие в выборах магистратов и коммунальных советов получали только активные граждане, т.-е. те состоятельные, которые уплачивали прямой налог в размере не менее обычной для данного места заработной платы, были старше 25-летнего возраста и имели оседлость в данной коммуне в продолжение не менее года: условия, которыми в большинстве коммун с самого начала лишались избирательного права от двух третей до трех четвертей трудового мужского населения.

Остальная треть или четверть получала избирательные права. Согласно определениям муниципального закона, они открытым голосованием должны были выбрать прежде всего мэра (городского голову), затем коммунального прокурора,— в городах с населением свыше 10.000, кроме того, его заместителя,—потом муниципальную корпорацию (corps municipal), или магистрат, который, смотря по величине коммуны, составлялся из 3—21 членов. Срок полномочий мэра и других должностных лиц магистрата был установлен в два года, и кроме того решено, что звание члена corps municipal должно считаться почетною должностью, следовательно, по ней не полагается вознаграждения. Это было дальнейшим ограничением коммунального избирательного права, которое старательно ставило помехи тому, чтобы членами магистрата могли сделаться несостоятельные лица или люди, имевшие небольшое дело и лишенные возможности оставить его.

Как действительный исполнительный орган коммуны, эта «муниципальная корпорация» должна была заведывать всем коммунальным управлением. Но так как в более крупных коммунах постоянное участие всех членов магистрата в делах управления, казалось, не представляет необходимости, то из его среды предоставлялось ежегодно избирать более узкое исполнительное «бюро», которое однако не вело дела «собственной властью», а функционировало как комитет, уполномоченный на это всей муниципальной корпорацией. Национальное Собрание полагало, что только в мелких коммунах, особенно в деревенских коммунах, нет необходимости в создании таких особых «бюро». Там мэр должен был взять на себя все мелкие текущие работы по управлению.

Кроме этого магистрата, активные граждане каждой коммуны должны были избрать коммунальный совет, по расчету два члена коммунального совета на одного члена «corps municipal»; следовательно, если магистрат состоял из десяти лиц, надо было доизбрать двадцать членов в коммунальный совет. Вместе с магистратом эти избранные, называвшиеся нотаблями, составляли «главный совет коммуны» (conseil général de la commune), которому однако предоставлялось весьма малое участие в делах собственно коммунального управления. Его главная функция заключалась в контроле за коммунальным финансовым управлением. Без его согласия нельзя было совершить купли или продажи участков коммунальной земли, заключить какой бы то ни было коммунальный заем, предпринять какие-либо общественные работы, вчинить от имени коммуны какое-либо судебное дело и т. д.

К тому же, согласно новому закону о коммунальном управлении, магистрат, если не приходилось решать особо важных финансовых дел, мог созывать членов коммунального совета на заседания всего один раз в месяц. Закон стремился воспрепятствовать тому, чтобы, кроме заседаний коммунального совета, граждане устраивали частные собрания для обсуждения коммунальных вопросов: поэтому он постановил, что, после того как выборы произведены, граждане утрачивают право созывать собрания для обсуждения коммунальных дел. Если же граждане известной коммуны хотят устроить коммунальное собрание, они предварительно должны получить на это разрешение магистрата, а магистрат обязан дать его только в том случае, если в коммуне более чем с 4.000 жителей прошение об этом представлено по меньшей мере шестою частью имеющих избирательные права активных граждан,— пассивные же граждане вообще не имели права участвовать в избирательных собраниях.

Такими постановлениями почти совершенно устранялось влияние беднейшего населения на коммунальное управление. Притом избирательная процедура была столь громоздкая, что в большинстве сравнительно крупных городов выборы требовали несколько дней. Кандидаты на различные посты выставлялись не перед созывом собрания избирателей, а лишь незадолго до начала выборов, в том помещении, где производи-

лись последние; голосование же было открытое и производилось особо для каждого кандидата перекличкой имен избирателей,—порядок, который отнимал много времени и к тому же каждому избирателю давал возможность в точности наблюдать, как подает свой голос сосед, знакомый, сотоварищ по торговле,—зачастую великое зло для мелких коммун. В результате на магистратских и коммунальных выборах, предпринятых в ближайшие месяцы, из всех активных граждан, имевших право на участие в них, по большей части участвовала всего одна треть или четверть. А в конце июля 1790 года, когда происходили выборы магистрата в Париже, для которого Национальное Собрание 5 мая 1790 г. изготовило совсем особенный муниципальный закон,—там, несмотря на революционное брожение, голосовало всего лишь около 14.000 граждан.

Во всяком случае новый закон о коммунальном управлении, если сравнить его с существовавшим до того времени развалом в большинстве городов, представлял решительный прогресс, но не был таковым для деревенских коммун, в которых еще часто сохранялись народные демократические учреждения от старого времени.

К началу революции в сельских коммунах почти повсюду еще существовали старинные деревенские собрания, в которых по большей части предоставлялось участвовать всем «biens-tenants», т.-е. всем мужчинам, жителям деревни, которые владели обрабатываемыми ими участками земли, а также вдовам, у которых было самостоятельное хозяйство, или их старшим сыновьям (сравн. главным образом Albert Babeau: Le village sous l'ancien régime. Paris. 1878), и притом независимо от величины их владения. Только вновь прибывшие, которые еще не приобрели прочной оседлости в своей деревенской коммуне, в некоторых областях исключались из состава сходов. Последние обычно собирались в определенные воскресные дни, после обедни, большею частью под открытым небом, перед церковью. Если деревенская коммуна была свободная, т.-е. если деревня не принадлежала к числу владений какого-либо сеньера, то прениями руководил выборный председатель-крестьянин, в южных областях обыкновенно называвшийся «consul» (консул), в Центральной и Северной Франции—«syndic». Напротив, в сеньериальных коммунах председательствовал обычно назначавшийся феодалом помещичий судья или управляющий. Однако, как следует из отдельных документов, у некоторых барщинных деревень тоже были свои «syndic» (синдик), «practicien» (делопроизводитель) или «procureur» (коммунальный прокурор), которые с согласия дворянина-сеньера являлись представителями крестьянства. Да и вообще в старинных французских герцогствах и графствах в ходе столетий укоренились и сохранились разнообразные формы особого местного обычного права. Обыкновенно сход открывался тем, что представитель оглашал и, насколько мог, объяснял обступившим его крестьянам, из которых лишь ничтожная часть умела читать, смысл полученных от властей декретов и распоряжений, затем обсуждались деревенские дела, и спорные вопросы решались большинством голосов.

Новый муниципальный закон попросту устранил эти остатки старой крестьянской свободы. Мелкий владелец был превращен в пассивного гражданина, у него были отняты права собраний и воздействия на коммунальные дела, и деревенское управление отдано состоятельным крестьянам, которые вскоре превосходно использовали его в своих выгодах и посредством купли и разделов сумели захватить многие части общинных выгонов и лесов. Между богатыми и бедными крестьянами выросла резкая противоположность интересов, которую позже умело использовали, в особенности в Бретани и Нормандии, в Лангедоке и Провансе, роялистские духовенство и агенты с той целью, чтобы натравить мелких крестьян против парижского режима.

2. Постановления, не получившие законной силы.

Даже те постановления, которые Национальное Собрание приняло с 6 по 11 августа 1789 г., в декабре 1789 г. оказались уже для большей части либеральной буржуазии заходящими слишком далеко. Выше (стр. 95—103) уже показано, какое малое практическое значение имели эти постановления, которые, по утверждению либеральных историков революции, разом вымели мусор тысячелетнего феодального строя. В дей-

ствительности этими постановлениями уничтожались только феодальные права мертвой руки, т.-е. остатки крепостнических отношений, которые еще сохранялись во Франш-Конте, Ниверне, Бурбоне и самым суровым способом прикрепляли к земле почти триста тысяч человек; далее, уничтожены были сеньериальное монопольное право охоты, помещичья привилегия устраивать голубятни и садки для кроликов и обязанность так называемых личных служб на господ. Напротив, остались в силе все реальные барщины и оброки, т.-е. все те работы и платежи деньгами или натурой, которые крестьянин по существовавшему до того времени праву обязан был нести перед феодалом за действительную или мнимую уступку или передачу земли, например, ленная подать, полевой чинш, поземельный чинш, подати с купли и продажи, а также пошлины за пользование господской хлебопекарной печью, погребом и мельницей, пошлины на помещичьи суды, денежные штрафы и всякие сеньериальные накидки, существовавшие по старому обычному праву. Правда, состоялось постановление, что и эти «реальные» права в будущем подлежат выкупу, но когда и как,—на этот счет ничего не было постановлено, а просто заявлено, что порядок выкупа и установление норм платежей впоследствии будут определены особым постановлением.

Точно также сохранились и церковные десятины. Правда, формально было постановлено, что их необходимо отменить, и что нация обязана в вознаграждение за их отмену уплачивать духовенству регулярное жалование; но пока этот вопрос не будет урегулирован, и пока не будут определены те юридические условия, на которых подлежат выкупу права на десятину, проданные духовенством частным лицам,—так называемые феодализированные десятины,—до тех пор все должно оставаться по-старому.

Следовательно, утверждение, будто «в чудесную ночь» 4 августа и в последующие за ней дни Национальное Собрание, охваченное энтузиазмом великодушия, разрушило все феодальное право, представляет лишь одну из тех многочисленных либеральных исторических легенд, которыми переполнена история великой французской революции. В действительности старое феодальное право со всеми его службами и повинностями пало не в августе 1789 года, а лишь 17 июля 1793 г., и людьми, которые его ниспровергли, были не либералы, а радикальные якобинцы.

Постановлениями 6—11 августа 1789 г. были уничтожены лишь некоторые из наиболее грубых злоупотреблений, или, правильнее сказать, подготовлено их уничтожение, потому что, согласно тогдашнему праву, августовские постановления были пока что всего лишь так называемыми «arrêtés» (приговорами), которые приобретали законную силу только после того, как они будут внесены в статьи конституции, или же после того, как, получив форму закона, будут утверждены королем и установленным способом «промульгированы» правительством, т.-е. изданы в качестве закона. Простой публикации было недостаточно для этого, хотя бы она была сделана правительством.

Но эти условия приобретения постановлениями законной силы никогда не были выполнены. 11 и 12 сентября, когда пришли новые известия о крестьянских беспорядках в провинции, часть радикально-либеральных депутатов признала своевременным получить для августовских постановлений санкцию короля и издать их в качестве закона,—так они надеялись достигнуть успокоения бунтарски-настроенного сельского населения. Но контр-революционеры и умеренно-либеральные конституционалисты, обсудив дело в воскресенье, 13 сентября, на своих тайных собраниях, и слышать не хотели о такой санкции, отчасти потому, что они не желали связывать короля, отчасти же потому, что они пока вообще не хотели давать этим постановлениям законную силу. Напротив, они намеревались впоследствии, при обсуждении конституционных законов, внести эти статьи в смягченной редакции в конституцию. Именно в таком смысле Мирабо 14 сентября заявил:

«Постановления 4 августа приняты учредительной властью [1]), поэтому нет необходимости подвергать их санкции.

[1]) Для того, чтобы понять это заявление, следует напомнить, что Национальное Собрание приписывало себе двоякого рода функции и власть: законодательную и учредительную, при чем действия учредительного свойства не ставились в зависимость от утверждения короля, а законодательные постановления получали силу лишь после королевского утверждения.

Они—не какие-либо законы, а декларации принципов и основы конституции. Поэтому, если вы акты 4 августа отправили на санкцию, то вы передали их исключительно для опубликования».

Ле-Шапелье, тогдашний президент Национального Собрания, тотчас присоединился к этому юридическому истолкованию и потому предложил слово «санкция» заменить словом «опубликование».

Король попытался отсрочить опубликование, совершенно правильно потребовав, по указаниям своих советников, чтобы предложения предварительно были облечены в форму закона, и уже после того он, вероятно, утвердит бо́льшую их часть. Коварный маневр! Он хотел таким способом заставить либералов сделать из своих неопределенных постановлений строго формулированные декреты и потом предложить последние ему на утверждение. Таким приемом двор разом достиг бы двоякого рода целей: во-первых, официальное обращение к королю за утверждением постановлений было бы понято в народе, как прямое признание королевской власти Национальным Собранием, и, во-вторых, противоречия в либеральном лагере сильно обострились бы, потому что бо́льшая часть либералов-землевладельцев, как из дворян, так и из буржуазии, и слышать не хотела, как мы уже упоминали выше, о легализации августовских постановлений. Поэтому либералы благоразумно отклонили предложение двора, и после того Людовик XVI 20 сентября согласился опубликовать (но не «промульгировать») «arrêtés» (приговоры) Национального Собрания, ибо, как он совершенно недвусмысленно высказался в своем письме, промульгация подобает только законам. В конце своего послания он даже еще раз прямо указал, что от простого опубликования постановления еще отнюдь не сделаются юридически обязательными законами. В нем говорится: «Я не сомневаюсь, что, если вы захотите составить законы по различным предметам, заключающимся в этих постановлениях, я буду иметь возможность дать на таковые свое согласие».

В действительности правительство тоже никогда не признавало августовских постановлений законами и постоянно

снова и снова подчеркивало, что это лишь предварительные резолюции юридического свойства. Так, например, 20 октября 1789 года, когда либеральный парижский адвокат Тарже внес запрос о том, почему не опубликованы августовские постановления, хранитель большой печати Шампион де-Сисе оправдывал свою медлительность тем, что до 5 октября Национальное Собрание все еще не выполнило условий, при которых постановление превращается в применимый на практике закон, и что до последнего дня Национальное Собрание не получило королевской санкции на постановление 4 августа и не обратилось к нему с просьбой о сообщении их судебным учреждениям и коммунальным управлениям (elle n'a pas présenté à la sanction royale les arêtés du 4 août, elle n'a jamais demandé au roi de les adresser aux tribunaux ou aux municipalités).

Вслед за тем Национальное Собрание сделало распоряжение, чтобы судебным учреждениям, коммунам и административным властям было предложено зарегистрировать августовские постановления: мера, которую, повидимому, провела бо́льшая часть учреждений, но которая, конечно, не могла заменить официальной королевской санкции и установленной промульгации.

Таким образом остается тот факт, что августовские постановления никогда не входили в законную силу и не входили отчасти потому, что сами либералы вовсе не желали превратить их в юридически оформленные, обязательные законы.

3. Новые крестьянские бунты.

Однако французские крестьяне не считались в своих действиях с тонкими хитросплетениями юристов. Постановления Национального Собрания были в их глазах сами по себе провозглашением полной недействительности всех ненавистных для них феодальных прав. Из этого, с их точки зрения, вытекало их право немедленно отказать феодалу в несении всех служб и оброков. Были ли то личные или реальные повинности, так называемые благопри-

обретенные или узурпированные права,—крестьяне одинаково не признавали ни тех, ни других. И во многих местах они не ограничились простым отказом в несении старых служб: они, кроме того, подвергали разграблению помещичьи поля и амбары и брали оттуда все, что им потребуется. Если же феодалы не хотели терпеть этих насилий и вместе со своей челядью и прислугой оказывали сопротивление или просили у властей помощи, то бунтующие крестьяне подпускали им красного петуха.

Фразеры Национального Собрания, не понимавшие слепой мстительности и алчности, охватившей обнищавших крестьян, ошиблись в расчетах, когда они полагали, что их старательно взвешенные и бессодержательные постановления способны успокоить крестьян. Они только дали новую пищу мятежу. Скоро красные столбы пламени начали подниматься по ночам над помещичьими замками выше, чем перед прославленной чудесною ночью 4 августа. Правда, к концу сентября 1789 года крестьянские бунты сильно пошли на убыль: отчасти вследствие энергичного вмешательства властей и в особенности городов, гражданская гвардия которых давала настоящие сражения скопищам крестьян, занятых грабежами, отчасти же потому, что подошли уборка урожая и полевые работы, и сбор хлебов на время устранил всю нужду. Однако в декабре 1789 года в западной и юго-западной Франции вновь вспыхнули крестьянские беспорядки, и уже в январе 1790 года деревенское население восточной Бретани, а также старых графств Лимузен, Керсе, Ангумуа и Перигор находилось в открытом восстании. Вооруженные толпы крестьян, неся пожары и грабежи, переходили с места на место. Ф. Саньяк (Ph. Sagnac, «Législation civile de la Révolution française». Paris 1898), основываясь на изучении донесений, отправленных в то время местными и окружными властями из охваченных мятежами областей в Париж, пишет о крестьянском бунте в западной Франции следующее:

«Крестьяне повсюду восставали. Правда, новое восстание вспыхнуло не так внезапно, как в 1789 году, но зато оно было много серьезнее, много тревожнее, потому что вследствие своей лучшей организации оно угрожало превратить анархию в длительное состояние. Крестьяне отказывались от платежей. Чтобы успешнее оказывать сопротивление, они объединялись, составляли союзы, устраивали совещания и постановили, что «никто не должен уплачивать поземельного налога, и что тот, кто уплатит таковой, будет повешен». Они вторгались в дома землевладельцев и учиняли там всевозможные эксцессы».

«Восстание распространилось почти на все провинции. С 1789 года Бретань стояла под знаком самой ожесточенной крестьянской войны. Солдаты бунтовали; население схватилось за оружие. Орэ, Ванн, Энгран, у которых хлеб был в избытке, воспротивились изданному Законодательным Собранием приказу пустить хлеб в обращение. Они поставили города Лорьян и Нант под бич голода, так что в этих городах возникла мысль выступить против коммун, которые оказывали сопротивление приказу Национального Собрания. Военачальники опасались объединения всей провинции, которая, казалось, решила силой отстаивать свои права. И когда эта большая провинция была охвачена пламенем, крестьяне, «бандиты», тоже подняли бунт. Они поджигали и подвергали разграблению замки. Губернатор, чрезвычайно встревоженный, 18 сентября 1789 года доносил, что он не решается дать защиту графу Кер-Салену, который, покинув Кимпер, бежал в свое имение Корке. «Я полагаю,—писал он,—что если бы я поставил его местопребывание и его самого под охрану воинского отряда, я тем самым подверг бы опасности себя самого и провинцию. Эта бесполезная мера защиты послужила бы только сигналом к тому, чтобы прокатился звон набатного колокола. Она, несомненно, породила бы слухи, будто намерены дать защиту аристократам и вооружить их, и предала бы гибели замки, которые служат их обороне».

В феврале 1790 года грабежи причиняют ему уже столь великую тревогу, что он думает о том, как бы «в каком нибудь центральном пункте провинции сосредоточить крупную военную силу, которая могла бы беззамедлительно направляться туда, где она потребуется».

«Между тем войска, которые были отправлены для разгона

«разбойников», возвратились в Ренн. Как только они ушли, тотчас вновь начались беспорядки. В донесении говорится: «В Вевре, в трех часах пути от Бена, крестьяне и вассалы, предав сожжению документы, расположились в замке и угрожали сжечь его, если им не выдадут остальных будто бы припрятанных документов. Собственник требует помощи, чтобы господин Жермен, его управляющий, бежавший в Ренн, мог спасти то, что у него еще осталось».

«Плёрмель и Редон были окружены грабителями и восставшими крестьянами; тогда губернатор уполномочил власти этих городов добыть ружья из Порт-Луи. Особенно сильное возбуждение все больше охватывало владельцев тех участков земли, которые могли быть у них отобраны. Законы, проведенные в марте и мае 1790 года, должны были придать еще большие силы движению в столь феодальной области, где сопротивление сеньеров было энергичнее, а крестьяне смелее, чем в какой-либо другой части Франции.—Керси, Руэрк, Перигор сделались добычей разбойников и крестьян, которые спалили архивы. Один более чем 80-летний дворянин, как рассказывал Луи, депутат от Перигора, был осажден в своем замке толпою крестьян, которые перед главным порталом воздвигли виселицу. Он был охвачен таким страхом, что умер на месте».

4. Феодалы из буржуазии.

В кругах состоятельной городской буржуазии поднялась ненависть против бунтующих крестьян: в своей дикой жажде разрушения они жгли ведь не только замки в дворянских поместьях. Разгрому и разграблению подвергались также мелкие провинциальные города и городские владения, расположенные перед самыми городскими воротами. К тому же бунт затруднял и делал невозможным подвоз продовольственных продуктов к крупным городам, в которых и без того была большая дороговизна и недостаток этих продуктов.

Однако было бы неправильно ту либеральную оппозицию против августовских постановлений, которая выступает уже в ноябре и декабре 1789 года, объяснять исключительно

раздражением на крестьянские погромы: эта оппозиция обнаруживается и в областях, которые мало или даже совсем не пострадали от партизанской войны крестьянства. Дело в том, что, когда прошел первый угар, честная буржуазия провинциальных городов, внимательно приглядевшись к августовским постановлениям, открыла, что ее экономическим интересам тоже причиняется ущерб уничтожением известных феодальных платежей и повинностей. В некоторых областях немалое количество крупных дворянских имений перешло в руки буржуазии: отчасти потому, что, поднявшись кверху, буржуа видели в приобретении таких имений наилучшее средство для того, чтобы предаваться удовольствию разыгрывать из себя крупных господ и найти доступ в аристократические круги, куда они иными способами не могли бы проникнуть; отчасти же потому, что, если они не хотели потерять деньги, ссуженные дворянам, запутавшимся в долгах, у них не оставалось ничего иного как только куплею приобрести часть владений у должников. Особенно значительное количество прекрасных старинных дворянских усадеб приобрели таким способом финансисты и ростовщики, среди которых было сравнительно много евреев и протестантов. Это обстоятельство привело к самым комическим результатам. Так как с феодальными имениями связывались разнообразные церковные патронажи и привилегии, то перед революцией очень нередко бывало так, что израэлит или протестант, разбогатевший от ростовщичества, имел право раздавать католические приходы и исполнять обязанности патрона католических аббатств, монастырей и конгрегаций.

Конечно, все эти буржуазные помещики, которые, являясь представителями финансовой буржуазии, часто играли крупную роль в больших торговых городах, были пламенными сторонниками либеральной конституции, такой конституции, которая ограничила бы права короля и феодального дворянства, обеспечила бы состоятельной буржуазии решающее влияние на законодательство, урегулировала бы государственные займы и государственное финансовое управление и освободила бы крупный капитал от всех старых законов, которые стесняли его работу производства прибыли. Но

они отнюдь не хотели, чтобы их благоприобретенные, т.-е. оплаченные чистоганом права собственности и владения подверглись какой-либо урезке.

Кроме того, многие города искони владели обширными ценными недвижимостями, и жившие на последних стояли к городу, своему «сеньеру», совершенно в таких же отношениях зависимости, как крестьянин-чиншевик или половник к своему сеньеру. Из этого крупного землевладения города ежегодно получали значительные оброки, доходы от барщины, дорожные пошлины, поземельные налоги, десятины, арендную плату и т. д., что давало более или менее крупный прибавок к городским доходам. Раз в будущем эти повинности отпадали или хотя бы отчасти ограничивались, для городской кассы получался дефицит, который приходилось покрывать увеличением других городских сборов: перспектива, которая нисколько не улыбалась платежеспособным горожанам.

Поэтому уже в конце августа 1789 года некоторые городские управления повернули фронт против решений, принятых Национальным Собранием 6—11 августа, и постарались воздействовать на депутатов от своих округов, чтобы те настаивали в Национальном Собрании на пересмотре этих постановлений. Впереди всех был революционный Страсбург, который пятью днями позже взятия Бастилии тоже сделал свою революцию. 20 июля 1789 года тамошние мелкие буржуа и рабочие, вооружившись топорами, молотами и железными палками, двинулись к ратуше, взломали помещения разных бюро, все разгромили и заставили магистрат понизить городские налоги на предметы потребления, а также таксы на хлеб и мясо. После того 11 августа магистрат и коммунальные представители сложили свои полномочия, и уже 14 августа партия революции создала новый магистрат и коммунальный сенат. Следовательно, в начале революции Страсбург был не реакционный, а один из радикальнейших городов. Тем интереснее наблюдать, какие усилия делало вновь избранное городское управление для того, чтобы побудить Национальное Собрание к пересмотру августовских постановлений.

Едва лишь новый страсбургский революционно-либеральный магистрат до некоторой степени устроился в ратуше, как он уже заявил протест против постановлений 4 августа,—притом магистрат совершенно правильно всегда говорит только об «arrêtés» (о приговорах), но никак не о декретах или законах. Длинное послание от 19 сентября 1789 года в особенности указывает Швендту и Тюркгейму, двум страсбургским депутатам, чтобы они в Национальном Собрании выступили против этих постановлений. Магистрат возвещал, что не только он, но и другие крупные землевладельцы Эльзаса задумали оказать сопротивление этим постановлениям, нарушающим права собственности. Притом, говорилось в послании, город Страсбург пользуется верховной властью на своей территории не милостию французских королей: уже задолго до того времени, как город добровольно подчинился суверенной власти Франции, он обладал сеньериальными правами, в том числе правом на собственное судопроизводство, правом взимать городские ввозные сборы, дорожные и мостовые пошлины, налагать на живущих в его области местные налоги и т. д., и короли много раз подтверждали эти старинные права. Дальше говорится (Roldolphe Reuss: «L'Alsace pendant la Révolution». Paris 1881, I том, стр. 177):

«Сохранение этих прав, которые, как признано, вполне совместимы с властью суверена, основывается не на отменяемых по произволу королевских хартиях; они обеспечены городу священным двусторонним договором с Людовиком XIV, в котором этот монарх своим королевским честным словом обещает добросовестно и нерушимо сохранять, защищать и чтить наши права во всех пунктах,—и это обещание 29 июля 1716 года в публичных документах подтверждено его преемником... И даже оставляя в стороне право верховенства, городу принадлежит право на десятину, а также и на другие сеньериальные права и преимущества собственности, которые он приобрел на основании различных надлежаще засвидетельствованных документов и которые по справедливости и по чести не могут быть нарушены. В этом отношении мы можем сослаться на собственные принципы Национального Собрания, согласно которым все права собственности объявлены неприкосновенными»...

Так как оба страсбургских депутата не ответили на это требование, то магистрат несколько раз повторял свои протестующие указания. Депутаты Швендт и Тюркгейм ответили, наконец, что для представления дела Национальному Собранию они должны предварительно получить формальное заявление протеста от своих избирателей. Тогда страсбургский магистрат с согласия коммунального совета самым спешным образом распорядился выработать длинную «декларацию», в которой он повторил свой протест. 1 октября заявление было отправлено Швендту, который и передал его в бюро Национального Собрания. Но так как, согласно наказу, такие челобитные нельзя было оглашать дословно, то секретари ограничились кратким изложением содержания, которое, как впоследствии сам Швендт сообщал в Страсбург, радикальные либералы Национального Собрания встретили выражениями неудовольствия.

Пока-что Национальное Собрание не хотело затрогивать своих постановлений, принятых всего за несколько недель до того времени. Но когда протесты городов и землевладельцев—как дворянских, так и буржуазных—умножились, а крестьянское восстание вместо того чтобы ослабеть, начало все больше распространяться и захватывать одну часть страны за другою, представители умеренно-либеральной буржуазии и конституционной аристократии в феврале 1790 года почувствовали, что они должны подвергнуть августовские постановления основательному пересмотру, т.-е. должны еще больше урезать их и без того довольно мелкое практическое значение.

5. Исключительные законы против крестьян.

Когда 16 и 20 февраля 1790 года пришли в Париж новые донесения о крестьянском бунте в Бретани и Перигоре, терпение либерально-конституционных групп в Национальном Собрании истощилось. Послышались негодующие требования законодательных мер против бунтующих крестьян. И уже 22 февраля Национальное Собрание обратилось к выработке так называемого «декрета о восстановлении общественного спокойствия». Господин Ларошфуко (представитель дворянства Парижа), граф Клермон-Тоннер (тоже представитель парижского дворянства), господин Жак-Антуан де-Казале (представитель рыцарства из бальяжа Ривьер-Верден), господин Пьер Прие (депутат третьего сословия от Шалона-на-Марне), а в особенности граф Мирабо, который разом предложил целый ряд готовых статей закона, энергично требовали подавления крестьянских мятежей и, выступив с таким требованием, нашли поддержку не только у аристократии и высшего духовенства, но также и у большинства буржуазных либералов. Яростные обвинения против крестьян нашли отпор только у адвоката Петиона де-Вилленев, впоследствии сделавшегося жирондистским мэром Парижа, а тогда представлявшего третье сословие города Шартр, и в особенности у Робеспьера, в то время еще мало заметного депутата от Арраса. 22 февраля Робеспьер произнес большую страстную речь против проектированного закона, а на следующий день, когда Национальное Собрание своими речами довело себя до еще большей ярости против крестьян-«бандитов», опять взял слово, чтобы возражать против мер подавления, предложенных Мирабо. Аристократы и умеренные либералы бурно прерывали его и осыпали насмешками.

Робеспьер заявил, что крестьянские бунты—последствие насилий и вымогательств, которым подвергались крестьяне в течение столетий; это—пробуждение крестьян от их нищеты и отупелости. Для усмирения мятежа он требовал немедленного уничтожения всех тяжелых господских служб и феодальных поборов, которые все еще давили крестьян, и упрекал Национальное Собрание за то, что его постановления против феодальных прав не имели никакой практической ценности и были рассчитаны исключительно на обман задавленных нищетою крестьян.

«Всю Францию я призываю в свидетели,—говорил он,—что ее враги сильно преувеличивали факты, подняв крик, будто революция началась жестокостями. Все добрые граждане, все дальновидные люди согласятся со мною, что еще ни одна революция не проявила так мало кровожадности и жестокости. Сами же вы наблюдали, как многолюдный народ, сделавшись хозяином своего счастья, в полном порядке

овладел теми полномочиями власти, которые в течение столетий были источником его угнетения. Его доброта, его непоколебимая умеренность расстроила все маневры его противников,—и, несмотря на то, дерзают этот самый народ обвинять перед его собственными представителями».

В дальнейшем Робеспьер провел параллель между проектированными мерами и английским актом о бунте и потребовал, чтобы по меньшей мере не допускались выступления войск против мятежных крестьян.

«В города поставили особые гарнизоны, и они своим террором уже расправились там с народными свободами, заставив граждан заместить должности в коммунальных управлениях лицами, враждебно относящимися к революции. Я готов представить доказательства этого печального факта. Я требую, чтобы по этому делу было начато преследование, и чтобы это злополучное положение было устранено законом, как того требует свобода и разум от всякого народа, который хочет быть свободным: законом, который дал бы нации возможность упорно отстаивать конституцию. Но мы не можем издавать новое военное и осадное положение против народа, который просто защищает свои права и хочет добиться возвращения своей свободы».

Однако с такими воззрениями Робеспьер не нашел никакой опоры в Национальном Собрании. Его несколько раз прерывали бурные протесты, и либеральные газеты, а больше всех «Courrier de France» («Французский Курьер») Мирабо, в ближайшие дни говорили о нем, как о болтуне, у которого в голове не все благополучно.

За некоторыми изменениями и изъятиями реакционные предложения Мирабо 23 февраля 1790 года были без особых разговоров приняты Национальным Собранием и 26 февраля утверждены королем: каждый раз, когда дело касалось реакционных законов, у Людовика XVI не было никаких колебаний. Новый закон 23 февраля, чтобы принудить муниципальные власти к наистрожайшему выступлению против мятежных крестьян, в самых широких размерах возложил на магистраты и коммуны ответственность за причиненный вред и прямо создал всеобщую круговую ответственность деревенских коммун за потери, которые понесут

помещики вследствие отказа барщинных крестьян от несения повинностей. Так, напр., закон предписывал всем коммунальным управлениям с беспощадной суровостью выступать против крестьян и, как только начнут возникать скопища, тотчас объявлять о введении военного положения (loi martiale). Далее, если бы того потребовали обстоятельства, власти отдельных коммун должны были беззамедлительно установить связи между собою, оказывать друг другу взаимную помощь и сообща принимать необходимые меры для подавления беспорядков. Если бы какое-либо коммунальное управление (магистрат) по небрежности не приняло своевременных подготовительных мер, или если бы оно действовало без достаточной энергии, то все члены управления отвечают своим имуществом за всякий вред, который был бы причинен бунтом собственникам. Если же у членов магистрата нет достаточных средств для возмещения убытков, то все граждане коммуны ответственны за возмещение причиненного вреда в размере до двух третей такового, если только они не сумеют доказать, что они неоднократно предлагали коммунальным властям выступить и добровольно оказывали помощь и поддержку при «восстановлении общественного порядка».

Кроме того, деревенским властям было предложено озаботиться в своих коммунах, чтобы барщинные и оброчные крестьяне не отказывали своим сеньерам в барщинах и платежах. Если они игнорировали напоминания сеньеров или не проявляли должной строгости по отношению к своим сотоварищам по коммуне, то на них ложилась обязанность возместить убытки феодалов.

Декрет ясно показывает, в какой мере контр-революционное настроение овладело Национальным Собранием уже в феврале 1790 года. Бурными декламациями против привилегий феодального дворянства началась революция, а теперь, семь месяцев спустя после падения Бастилии, представители зажиточной либеральной буржуазии не нашли ничего более разумного, как за счет деревенских коммун гарантировать сеньерам дальнейшее получение их старинных поземельных десятин и доходов от барщины.

На основании этого декрета некоторые коммунальные власти в областях восстания действительно ввели осадное положение, и сельская полиция вместе с национальной гвардией открыла дикие облавы на «разбойничьи банды» (т.-е. на восставших крестьян). То из одной, то из другой области поступали донесения о вооруженных столкновениях, которые нередко заканчивались кровавым избиением захваченных крестьян. Но как ни сурово действовали коммунальные и государственные власти против «разбойников» и «воров», крестьянские беспорядки распространялись все больше. В мае восстание уже охватило значительные части Бурбонне и Ниверне, а также графства Шароле и герцогства Берри. Национальное Собрание увидало себя вынужденным вновь заняться крестьянскими беспорядками. 2 июня 1790 года оно усилило декреты от 23 февраля. Общинным властям опять были рекомендованы строгие действия против всяческих скопищ, и в то же время «нарушители спокойствия» и подстрекатели объявлены изменниками перед страной. «Все,—говорится в первой статье этого декрета от 2 июля 1790 года,—кто подстрекает народ в городе и деревне к насильственным действиям против собственности, владений и изгородей, против жизни и безопасности граждан, против взимания налогов, свободы продажи и торговли земледельческими продуктами или против постановлений законодательной власти, объявляются врагами конституции, Национального Собрания, нации и короля».

Все честные люди,—так дальше говорится в декрете,—обязаны доносить властям о таковых подстрекателях, с которыми надлежит поступать не по общему праву, а на основании военных законов.

Восставшие крестьяне игнорировали и эти распоряжения совершенно так же, как драконовские постановления декрета от 23 февраля 1790 года, а потому уже 18 июня 1790 года новый указ потребовал от крестьян платежа феодальных сборов и налогов и угрожал суровыми карами сопротивляющимся.

Так дело шло и дальше. Снова и снова из отдельных частей страны поступали сообщения о крестьянских беспорядках, пока, наконец, сеньеры, охваченные страхом, не начали эмигрировать за границу все возраставшими массами; тогда стали прекращаться требования феодальных платежей, а часть крестьян утолила свой земельный голод куплей или противозаконным захватом господских земель.

6. Сохранение феодальных прав.

Однако Национальное Собрание не удовольствовалось тем, что оно провело уголовные наказания против мятежных крестьян: оно почувствовало себя вынужденным в то же время выполнить и положительную работу; оно подвергло пересмотру антифеодальные постановления, с величайшей спешностью принятые 6—11 августа 1789 года, и детально установило, какие барщины впредь должны почитаться отмененными. Уже 12 августа 1789 года оно назначило особую комиссию для обследования феодальных юридических отношений, «комиссию феодального права» (comité des droits féodaux), которая однако сначала ничего не делала и формально конституировалась лишь 9 октября. Но повторный взрыв крестьянских беспорядков заставил ее серьезно взвесить разнообразные предложения реформы существующих феодальных отношений, так что, покончив с только что описанным законом о «восстановлении общественного порядка», Национальное Собрание могло немедленно приступить к урегулированию феодальных отношений.

С некоторыми перерывами обсуждение затянулось до 15 марта 1790 года, так как предложения неоднократно изменялись, дополнялись, получали другую редакцию. Поэтому у нас нет возможности подробно описывать ход обсуждения. Необходимо только упомянуть, что целый ряд служб и оброков, формально отмененных августовскими постановлениями, был восстановлен посредством всевозможных оговорок, и что даже старинные крепостнические права получили признание, поскольку им была придана современная форма превращением их в денежные и натуральные платежи. Именно, значительным большинством было постановлено, что подлежат сохранению все поземельные права

действительной или смешанной мертвой руки, которые уже раньше были превращены в иного рода повинности, напр., в поземельный чинш, в поземельные или барщинные платежи. Иными словами, если сеньер раньше нашел более выгодным превратить своих крепостных в чиншевиков и заменил подобающие ему, как «барину» крепостных, барщины и оброки поземельным чиншем или известными повинностями, то его права на все таковые повинности сохранялись и впредь, хотя они прямо вытекали из прежнего крепостного состояния. И действительно, при редакционной переработке постановлений в отдел III статьи 4-й закона от 15 марта 1790 года было внесено такое постановление: «Если при освобождении крестьян реальная или смешанная мертвая рука была превращена в поземельные подати и подати за передачу (т.-е. в сборы за предоставление земли прежним крепостным), то эти подати надлежит уплачивать и в дальнейшем». Это постановление оправдывали тем, что здесь уже не может быть речи о действительном крепостном праве, а имеются лишь чиншевые поземельные отношения.

Но отчасти были восстановлены и личные барщинные службы, хотя в измененной и смягченной форме. Все чиншевые и реальные права были сохранены. Без вознаграждения были отменены только господское преимущественное право купли и обратного приобретения (при продаже крестьянами предметов их владения), уплачивавшиеся до того времени сеньерам личные и поголовные налоги, личные барщинные службы, право на выморочные имущества, право пустой руки, право сеньера воспрещать барщинным крестьянам отчуждение их имущества посредством продажи, дарения или завещательного распоряжения, право произвольных накидок, подымовый и очажный налоги, платежи сеньерам за право поселения, налоги на собак и на собачьи шалаши, платежи за скотоводство, за сторожу, chassipolerce (платежи сеньеру за право крестьянина в военное время искать себе пристанища, вместе с движимым имуществом, в господском бурге или укрепленном замке), далее, платежи на поддержание бурга (т.-е. взносы на сохранение на поддержание крепостных стен и валов и укрепление

господских бургов), подати на замок, подорожные подати (сборы за право прогонять крестьянский скот на деревенские выгоны по господским путям и дорогам), права banvin, vêt-du-vin и etanche (привилегия, вследствие которой в известные времена года только дворянин-сеньер мог продавать жителям в области своего поместья вино, водку и известные продовольственные продукты), далее, все пошлины с купли и продажи (в некоторых областях крестьяне должны были уплачивать сеньеру пошлину за всякую голову проданного скота и за всякую меру проданного хлеба), все пошлины за ввоз и вывоз товаров из округи поместья, сборы за рубку высокоствольных строевых и фруктовых деревьев, рыбные десятины, сборы за разлив вина (в боченки), платежи за пользование господскими путями (для перевозки товаров и грузов), платежи за проход и остановку, на мосты и дороги, платежи в пользу сеньера за даваемое им разрешение заниматься в области поместья ремеслом, торговлей или каким-либо иным промыслом, далее, обязанность пользоваться в случае нужды за соответствующие платежи мельницами, печами для хлеба, винными погребами, кузницами и т. д., находящимися в поместье, а также целый ряд других более мелких подсобных сеньериальных прав.

Все эти старые феодальные права были отменены без всяких околичностей, т.-е. только формально отменены, потому что для различных привилегий посредством всевозможных оговорок было обеспечено на известных условиях дальнейшее существование. Так, напр., право взимать акцизы и октруа было отменено без всякого выкупа; но если они взимались в интересах государства, провинций, городов, деревенских коммун, госпиталей или благотворительных учреждений, то они могли сохраняться и впредь. Далее, сеньер впредь не мог уже взыскивать никаких дорожных и судовых сборов; но если он устройством канала, отводом воды, шлюзовыми работами или постройкой плотины содействовал поддержанию водного пути, проходящего через его территорию, то он и в дальнейшем мог требовать соответствующих пошлин.

Но самое удивительное постановление было такое: если уже не сам феодал взимал мостовые и дорожные пошлины, а

продал или заложил их другому, то покупатель или приобретатель данных привилигий мог по-прежнему взимать эти сборы впредь до возмещения уплаченной им суммы или той суммы, которую определят для него государство, провинция или коммуна: по воззрениям Национального Собрания, право было в таком случае благоприобретенное.

Собственность во всяком случае должна была пользоваться охраной, по крайней мере поскольку она получила буржуазный характер. Представители «честной» зажиточной буржуазии в Национальном Собрании считали старинные личные феодальные права феодального дворянства узурпированными правами; справедливость требовала, чтобы они были уничтожены. Но поскольку эти права тем или иным актом были превращены в правомерные долговые отношения, т.-е. поскольку они посредством буржуазных правомерных договоров или посредством купли приобрели характер требований на деньги или проценты, они, по логике либералов, подлежали безусловному сохранению, как бы сомнительно ни было их происхождение, как бы вредно ни было их дальнейшее существование для развития промышленности и торговли.

По воззрениям честной буржуазии, первой задачей Национального Собрания была охрана «истинной, естественной собственности», а таковой единственно истинной и правильной собственностью была благоприобретенная куплей-продажей буржуазная частная собственность. Поэтому были признаны правомерными даже те старинные крепостнические повинности, которые были превращены в поземельный чинш и в заменявшие барщину подати, падавшие на землю; поэтому Национальное Собрание оставило за частными лицами даже право взимания дорожных и мостовых сборов, хотя они причиняли самый тяжелый вред тогдашней рыночной торговле.

Это стремление дать буржуазной частной собственности защиту от каких бы то ни было покушений в конце концов завело Национальное Собрание так далеко, что статья 24 отдела II отобрала обратно раньше провозглашенное уничтожение личных феодальных прав, раз только они получили форму буржуазного правомерного договора. Именно указанная статья говорит, что и впредь должны сохраняться все ранее упомянутые феодальные права и исключительные привилегии, если будет доказано, что они были переданы прежним феодалом какому-либо частному лицу, и если новый владелец привилегий заключил с деревенской коммуной письменный договор, в котором коммуною признана обязанность отбывать соответствующие барщинные работы. Следовательно, если ростовщик у деревенского дворянина, не уплатившего долгов вследствие несостоятельности, приобрел в возмещение своих требований право взимания известных платежей вместо барщины, и если этот ростовщик, как ловкий делец, предусмотрительно заставил написать договор, в котором деревенский староста,—хотя бы вследствие вымогательства со стороны доброго барина,—от имени деревенской коммуны признал обязательство производить платежи, этого было достаточно: крестьяне должны были платить и в будущем. Для них совершенно не существовали все постановления закона 15 марта об уничтожении феодальных повинностей: ведь у ростовщика был буржуазно-правомерный контракт, который был им благоприобретен в возмещение его денежных требований от помещика.

Конечно, уничтожение перечисленных выше повинностей было чрезвычайно полезным законодательным актом, и я вовсе не склонен оспаривать, что благодаря ему и вопреки всем оговоркам и хитроумным ограничениям положение тогдашних французских крестьян в некоторых областях улучшилось. Но по-прежнему остались главные причины обнищания крестьянского сословия: парцелярное хозяйство, высокий поземельный чинш, десятины с пахотной земли, издольная аренда и высокие налоговые ставки: у Национального Собрания ведь не было никакой склонности касаться так называемых реальных повинностей. Много больше возвестило оно в первой же статье отдела III: впредь до выкупа могут взиматься и все феодальные и чиншевые платежи за пользование, если только они не были установлены в качестве цены и условия уступки (предоставления) известного

участка земли крестьянам. В качестве таких повинностей, еще подлежащих выкупу, были особо перечислены следующие: все ежегодные платежи деньгами, хлебом, птицей, воском, средствами питания и полевыми плодами, которые до того времени уплачивались крестьянами сеньерам под названиями поземельный чинш, надбавка к чиншу, феодальная рента, рента суверену, наследственный чинш, полевая десятина, чинш с плодов, пахотная десятина. Точно так же и впредь сохранялись все поборы, которые до того времени взимались под названием пятая, пятая пятой, тринадцатая, тринадцатый сноп, сбор за куплю и продажу, выкупные платежи, усадебная пошлина, сборы на суд, равно как и все платежи при перемене землевладельца, (т.-е. платежи, которые крестьянин должен был вносить при переходе как его собственного, так и господского владений).

Итак, те повинности, которые больше всего угнетали крестьянина, сохранились. И если либеральные историки рассказывают нам, будто в ночь четвертого августа 1789 года возникла новая, современная Франция, то это—совершенная басня. Напротив, августовские постановления остались в действительности просто юридическими резолюциями, которые никогда не входили в законную силу; в феврале 1790 года, когда Национальное Собрание, наконец, перешло к урегулированию феодально-правовых отношений, обещанному в августе, оно удовольствовалось обставленной всевозможными оговорками отменой устарелых личных служб на господ,—да и то не всех,—и сохранило все так называемые реальные повинности, т.-е. повинности, падавшие на землю.

7. Господское право и крестьянское право.

В своем рвении обеспечить собственность от нападений неимущих масс и по возможности сохранить старые владельческие права, либералы не сумели даже отказаться от того, чтобы обставить правовые притязания сеньера все-

возможными юридическими гарантиями, заимствованными из средневекового обычного права. Так, напр., новый закон 15 марта 1790 года подтвердил старое юридическое правило: если сеньер сумеет доказать, что известные платежи взимались им в течение сорока лет, то этого доказательства вполне достаточно для обоснования правомерности его требований. И в то же время Национальное Собрание старалось утешить всех дворян, замки которых летом 1789 года были сожжены со всеми старинными феодальными документами. Оно следующей статьей обеспечило признание их старых сеньериальных прав:

«Феодальные собственники, архивы и юридические доказательства которых сожжены или расхищены при беспорядках, происходивших с начала 1789 года, в течение трех ближайших лет по издании этого закона могут представить доказательства своих привилегий и владельческих прав, установив при помощи документов или свидетелей, что в течение тридцати лет до уничтожения или похищения архивов они пользовались теми правами, на которые заявляют притязания и которые не подверглись отмене».

Крестьяне полагали, что, уничтожив при разрушении господских замков старинные феодальные и барщинные документы, они разделались со своими повинностями. Теперь они должны были убедиться, что глубоко заблуждались на этот счет. Если сеньер, у которого документы были сожжены, по старым письмам, счетам, распискам или свидетельским показаниям,—в некоторых случаях требовалось пять, в других десять свидетелей,—мог установить, что он уже тридцать лет пользовался правами, которых требовал, то он получал от суда свидетельство о признании этих прав и с этого момента считался восстановленным во всех старых правах, поскольку закон 15 марта не объявил их уничтоженными.

Однако и этого было все еще недостаточно для либерального фанатизма собственности. Национальное Собрание в то же время воспретило административным властям становиться на сторону угнетенных крестьян, если господа противозаконно принуждают их к дальнейшему несению повинностей, произвольно на них

наложенных или уже отмененных. Сначала крестьяне,—так повелело Национальное Собрание,—должны беспрекословно внести все платежи, являющиеся предметом спора. Если крестьяне полагают, что сеньеры неправильно требуют с них платежи, то они могут потом домогаться возвращения излишне внесенных ими платежей, подав частную жалобу на своего сеньера, но при этом они с своей стороны должны представить доказательство, что требование помещика, действительно, было неправильное. Таким образом, в статье III, принятой 8 марта, говорится:

«Под угрозой объявления принятых мер недействительными, под угрозой судебного преследования и полного возмещения причиненного ущерба, никакая коммунальная власть, никакое окружное или департаментское управление не могут препятствовать взиманию каких-либо сборов, требуемых сеньером, под тем предлогом, что они являются или предполагаются отмененными. Допускается только обеим заинтересованным сторонам, если обе они находятся в ведении одной и той же власти, указать на надлежащий судебный порядок иска перед компетентным судьею».

Эта статья закона ярче характеризует дух тогдашней французской крупной буржуазии, чем все длинные речи Мирабо, Ламета, Шапелье, Дюпона, Тарже и других выдающихся либеральных представителей. Правда, закон о муниципалитетах отдал деревенские и городские коммунальные управления местной знати, и в особенности в окружных управлениях решающую роль играли только зажиточные адвокаты, нотариусы, чиновники, ученые и крупные торговцы. Тем не менее некоторые из этих властей, возмущенные надменностью поместного дворянства и его противозаконными требованиями барщинных и оброчных платежей, все же становились на сторону крестьян, подвергавшихся притеснениям. Они советовали крестьянам временно отказаться от тех или иных платежей, правомерность которых казалась им сомнительной, а в отдельных случаях, пользуясь своим опытом, даже оказывали беспомощным крестьянам юридическое содействие. Такие действия шли наперекор собственническому духу зажиточной буржуазии. И вот коммунальным властям, под угрозою возмещения убытков, было приказано предоставить крестьян самим себе и не вмешиваться в спор между сеньерами и крестьянами. Правомерно ли или неправомерно обирался крестьянин сеньером,—члены магистрата не должны были позволить себе рассуждать о правомерности и неправомерности: они должны были просто исполнять волю феодала в своих коммунах.

В то же время крестьянам было рекомендовано во всяком случае удовлетворять требования своих сеньеров. Если же сеньер требовал лишнего или взимал платежи, которые уже были отменены, крестьянину предоставлялось требовать возвращения излишне уплаченного: ему надо было вчинить иск против помещика и представить доказательства, что его обсчитали. Но сначала он должен был все уплатить,—до последнего су. Этого требовал буржуазный правовой строй.

Что означало это распоряжение для крестьян, об этом можно судить по тому, что, во-первых, судебные процессы тогда стоили дорого, а во-вторых, по остававшемуся в силе закону, иск против сеньера можно было вчинить только по месту жительства последнего в данное время. Но, как уже упоминалось выше, значительная часть феодалов жила при королевском дворе, другие служили в качестве королевских чиновников в отдаленных частях государства, а многие уже бежали за границу. Каким образом бедный крестьянин, у которого большею частью совсем не было денег и который не умел ни читать, ни писать,—как сумел бы он возбудить перед далекими судами иск против отсутствующего сеньера о возвращении неправильно уплаченного? Таким образом крестьянин теперь, как и раньше, отдавался на произвол помещика и его управляющего.

Даже столь умеренный историк права, как Ф. Саньяк, с энтузиазмом относящийся к завоеваниям великой французской революции, не мог подойти к постановлениям закона 15 марта 1790 года иначе, как с суровою критикою. Он говорит (La législation civile de la Revolution française, стр. 105 и сл.):

«Вместо того, чтобы держаться простых, солидных юридических принципов, Учредительное Собрание постоянно снова и снова разграничивает личные и вещные (реаль-

ные) права, при чем последние оценивает по совершенно иным критериям, чем первые. Цепляясь за чисто юридические принципы, оно учиняет насилие над фактами. В 1789 году депутаты дали обещание реформировать все старое право землевладения, построенное на старинной юридической практике; а теперь базисом своей реформы они сделали все эти традиционные юридические обычаи,—эти старые юридические традиции, к которым владение и узурпация всегда относятся с столь заботливым уважением. Таким образом они консервировали старые правовые формы, но не право. Всей своей тяжестью старое право давит на новое. Так как должник (крестьянин) не может представить сеньеру доказательства правоты своих требований, то он должен чтить владельческие права своего сеньера; он должен по-прежнему уплачивать поземельную подать, доставлять часть своей жатвы в нередко отдаленные житницы феодала и в определенные времена года забрасывать свою пашню, чтобы работать на пашне своего господина. Если крестьянин, сделав попытку освободиться от повинностей, начнет процесс, у него наверное при этом не будет удачи: в законе 15 марта 1789 года значится, что споры о действительности и характере реальных прав надлежит решать по доказательствам, установленным в соответствии со статутами, юридическими обычаями и юридической практикой». Но в качестве доказательства достаточно того, что сеньер 40 лет пользовался указанными правами или имеет два свидетельства об их признании.

«Итак, что же остается крестьянину? Ведь он как раз и отрицает правомерность этого самого права владения, он как раз и оспаривает юридическое значение именно за этими самыми свидетельствами, которые сеньер получил посредством вынуждения. Он полагал, что избавился от старой феодальной системы,—а новые законы опять втискивают его в эту самую систему. И, далее, чтобы крестьянин не извлек никаких выгод из насильственных действий, учиненных в 1789 году, из сожжения документов и из вынужденного у сеньера отказа от повинностей, Национальное Собрание, сверх всего прочего, дает собственнику

лена возможность вновь получить все реальные права: для этого достаточно простых свидетельских показаний, что он в течение тридцати лет владел ими. Затем все, кто в то время из страха или вследствие угроз вынужденно отрекся от части или от всех своих сеньериальных прав, мог просто потребовать, чтобы суд объявил его отречение недействительным».

8. Закон 3 мая 1790 года о выкупе феодальных повинностей.

В таком-то состоянии оставался аграрный строй приблизительно до падения министерства Ролана 13 июня 1792 года. Пока жирондисты господствовали в Национальном Собрании и в министерстве, их не особенно озабочивало положение крестьянства. Они отнюдь не враждебно относились к крестьянам. Но в своем большинстве они рассматривали деревенские отношения сквозь очки жителя тогдашнего крупного торгового и промышленного города и полагали, что обеспечить свободу торговли и сношений, облегчить сбыт продуктов французской промышленности внутри и за границей много важнее, чем урегулировать весь аграрный вопрос. Как бы то ни было, остается фактом, что второе Национальное Собрание, так называемая Легислатива (Законодательное Собрание), до падения кабинета Ролана тоже не издало ни одного сколько-нибудь значительного декрета, задачей которого было бы более либеральное регулирование земельно-правовых отношений. Только в июне 1792 года, после того, как разразился открытый конфликт между жирондистами и королевским двором, и либерально-радикальная буржуазия поняла, что в этой борьбе против королевской власти необходима поддержка мелкой буржуазии и крестьян, вспомнили о деревенском населении и с жаром приступили к тому, чтобы наверстать упущенное.

Но этим мы вовсе не хотим сказать, что с 15 марта 1790 года до конца первого Национального Собрания, до 30 сентября 1791 года, вообще не издавалось законодательных актов, которые должны были урегулировать ту или иную сторону в отношениях между сеньерами и кре-

стьянством. Напротив, если проследить прения Учредительного Национального Собрания, то мы найдем, что оно было вынуждено через каждые 4—8 недель издавать новые и новые декреты, которыми подтверждались, дополнялись или ограничивались существующие феодальные и сеньериальные права. Но все эти новые законы, какими бы значительными они ни представлялись, если взять просто их текст, без соображения с общим положением, чрезвычайно мало изменяли в общем строе деревни, взятом в его совокупности.

Уже 23 апреля, через 6 недель по составлении декрета от 15 марта, Национальное Собрание снова увидало себя вынужденным заняться аграрным вопросом, чтобы, наконец, определить условия, на которых крестьяне могли бы выкупить сеньериальные и реальные права, не отмененные законом 15 марта. Здесь нет возможности воспроизвести текст этого закона, который 3 мая был принят и 9 мая 1790 года утвержден королем: это—почти бесконечная груда определений закона и изъятий из закона, расчлененная на четыре отдела с длинными статьями и пунктами статей. Только для напечатания и пояснения этого документа потребовалась бы особая глава. Каждому землевладельцу этим законом формально предоставлено право выкупить лежащие на его земле «сеньериальные и поземельные повинности»,—даже в тех случаях, если остальные землевладельцы того же поместья или сеньерии не хотят воспользоваться «благодеяниями выкупа». Но в частностях выкуп обставляется столь многосложными условиями и ограничениями, что этот закон должен был остаться без применения,—и фактически остался без применения.

Так, напр., этот закон 3 мая 1790 года постановляет:

1. Если на нескольких ленах или земельных участках, обязанных нести поземельный налог, лежит солидарная ответственность за оброки и поземельные сборы, то последние могли бы быть выкуплены лишь сообща со всех этих участков, совершенно независимо от того, принадлежат ли они одному или нескольким владельцам.

2. Ни один землевладелец не может выкупить ежегодные повинности, лежащие на его участке, не выкупив одновременно и всех случайных феодальных и барщинных повинностей (т.-е. всех платежей, которые вносились лишь по особым поводам, напр., при перемене землевладельца, в случае смерти, перехода по наследству и т. д.).

3. Если одни и те же участки принадлежат нескольким лицам (т.-е. имеются совладельцы), то отдельное лицо может выкупить поземельные повинности, лежащие на его части, лишь при том условии, если в то же время все остальные выкупят свои повинности, иначе выкупающий должен взять на себя повинности всех остальных совладельцев.

Эти постановления в большинстве случаев сделали выкуп совершенно невозможным для крестьян, потому что круговая ответственность за общие повинности, лежащие на земельных участках, была необыкновенно распространенным явлением в старой Франции: обложенный повинностями земельный участок, подвергавшийся с течением времени разделам и благодаря наследованию распределявшийся между различными членами семьи, юридически все еще считался единым участком, обязанным, как целое, нести поземельные повинности. Притом даже сравнительно зажиточные крестьяне были не в силах в одно время, разом выкупить все ежегодные и случайные повинности, а на постепенный выкуп по частям помещик не пошел бы ни в каком случае. Далее, выкупные суммы были назначены непомерно высокие. Крестьянин, который хотел бы выкупить денежные платежи, ложившиеся на его землю, должен был уплатить сеньеру наличными двадцатикратную сумму ежегодных платежей, а за выкуп натуральных оброков и трудовых повинностей приходилось уплачивать даже двадцатипятикратную сумму их ежегодной оценочной стоимости. Но еще неблагоприятнее были постановления об условиях выкупа так называемых «случайных» платежей и трудовых повинностей.

Конечно, ввиду печального положения сельского хозяйства и все шире распространяющихся крестьянских беспорядков, представители либеральной крупной буржуазии не могли избежать того, чтобы допустить выкуп устарелых феодальных и поземельных повинностей и платежей;

но их интересы не шли настолько далеко, чтобы по возможности облегчить для крестьянина этот выкуп. Это доказывается не только приведенными выше условиями выкупа, но и постановлением, введенным в первый же отдел закона: коммунальным властям воспрещается какими бы то ни было способами «содействовать выкупу или облегчать его». Выкуп не подобает производить коммуной, на деньги и рессурсы коммуны, а следует предоставить свободному усмотрению крестьянина, который, не разбираясь в сложных юридических формальностях, в делах с сеньером и его юрисконсультами всегда оказывался в невыгодном положении.

Насколько озабочены были представители буржуазии защитою священных прав собственности феодалов, это ясно показывают предшествовавшие составлению декрета 3-го мая продолжительные прения (с 23 по 27 апреля 1790 года), возникшие в Национальном Собрании по тем проектам выкупа, которые были представлены комиссией феодального права. Энергичные возражения поднялись в Национальном Собрании с самого начала, как только Франсуа Тронше (депутат от третьего сословия Парижа) от имени комиссии, назначенной для изучения феодально-правовых отношений (comité féodal), доложил пять статей, предоставлявших крестьянам с уже изложенными ограничениями право выкупа личных и реальных повинностей, еще не отмененных законом 15 марта 1790 года. Господин Ришье де-Ларошлоншан (депутат дворянства от бальяжа Сент), а также маркиз де-Фуко (депутат дворянства из Периге) в длинных, страстных речах выступили против проектов выкупа. Они требовали, чтобы сеньера не принуждали к допущению выкупа против его воли, но прежде всего, чтобы ему было предоставлено протестовать против так называемых частичных выкупов его сеньериальных прав, т.-е. против освобождения от барщин отдельных участков из общего состава его поместья; а Пьер Дюпон (представитель третьего сословия из Немура), чтобы обеспечить доходы сеньера и дать крестьянину возможность постепенного сокращения повинностей, предложил следующий способ выкупа феодальных повинностей: крестьяне должны постепенно, частями вносить установленные выкупные суммы в кассы соответствующих департаментов, которые с своей стороны несут перед сеньерами ответственность за взнос этих сумм. С наибольшею резкостью выступил против проектов господин Ришье де-Ларошлоншан, сам феодал. Он начал свою речь следующим заявлением:

«Если Национальное Собрание выскажется за выкуп феодальных и господских прав, оно совершит великую несправедливость против тех, кто владеет этими правами. Несомненно, в намерения Собрания не входит, чтобы тем, для кого вы создаете этот закон, порядок выкупа,—которого вы не имеете права устанавливать по своему произволу,—не принес бы никакой пользы и повел бы только к разорению всех земельных собственников. В Сетоне даже наилучшие участки приносят арендной платы не более 1.000 ливров. Весь их доход заключается в доходах от поземельных платежей. Вы несправедливо поступили бы с громадным количеством собственников, если бы вы не захотели оставить за ними даже тех приблизительно 10.000 ливров ренты, которые они теперь ежегодно получают. Позвольте мне привести один пример, который я хорошо знаю, так как он касается лично меня. Там у меня есть лен, отдаваемый в аренду, приносящую мне приблизительно двести бочек вина, которое доставляется почти тремя тысячами крестьян. Если бы каждый из них мог сам для себя выкупить этот поземельный платеж, к чему бы это повело? До тех пор, пока все они не выкупятся, мне пришлось бы содержать всех работников и все сооружения, которые необходимы для приемки поземельного сбора (в натуре). Но кроме того возникает еще одно вредное последствие или зло. Не все участки одинакового качества. Качество же вина зависит от характера почвы и возраста виноградников. Если всем чиншевикам дать право откупаться по отдельности, они выкупят только хорошие, а не плохие участки под виноградниками. Следствием была бы двойная потеря для крестьян, так как теперь им пришлось бы нести двойные расходы ради сократившегося сбора винограда».

Однако, несмотря на все эти возражения, упомянутые предложения, внесенные «comité féodal», были приняты.

Но 24 апреля начались новые страстные прения по вопросу, каким образом исчислять феодальные ренты и выкупные суммы.

Фрето де-Сен-Жюст (представитель дворянства из Мелена) требовал, чтобы сумма выкупа определялась умножением денежных повинностей на двадцать пять, оброков же натурою—на тридцать, а не так, как предполагала феодальная комиссия: увеличением только в двадцать и двадцать пять раз. На крайней левой послышались протесты. Тогда господин Ришье де-Ларошлоншан в возбуждении бросился к ораторской трибуне и крикнул в зал: «В этот момент дело идет об аннулировании священнейшего из всех прав—собственности. Нет в мире такой силы, которая заставила бы меня уступить землю на иных условиях, чем я хочу».

И он требовал, чтобы выкупные суммы определялись увеличением получаемых доходов в двадцать пять и в тридцать раз.

В пользу этого предложения выступил и Гупиль де-Префельн (представитель третьего сословия из Алансона), между тем как Мари-Этьен Популус (депутат третьего сословия из Бург-ан-Бресс) и господин де-Сен-Мартен (представитель дворянства из сенешальства Арль) высказались в пользу предложений комиссии. Компромиссную позицию занял барон де-Рошбрен (представитель дворянства из Сен-Флура). Он требовал, чтобы были приняты во внимание различия поземельных отношений в различных провинциях и чтобы, в соответствии с тем, условия выкупа особо определялись для каждой провинции.

В конце концов предложения комиссии по феодальному праву были приняты.

До сих пор крайняя левая, так называемые «enragés» («исступленные»), не выступала. Но на следующий день обсуждение дошло до статьи 41 закона о выкупе. Она устанавливала, что землевладельцы, выкупившие все повинности, лежавшие на их участках, тем не менее должны уплатить своему бывшему сеньеру пошлину за перемену владельца, если они в течение двух лет по выкупе добровольно передадут свои участки кому-либо другому. Здесь, возмущенный, слово взял Франсуа Бюзо, впоследствии жирондист и поклонник мадам Ролан, и в энергичной речи потребовал отмены всех еще остающихся в силе случайных поборов, ведущих свое происхождение от эпохи феодализма. Однако его требование было одобрено только крайнею левой. Напротив, редактор Гара, представитель городского сословия из Бордо, в 1793 году министр юстиции и министр внутренних дел, Жан-Франсуа Ребель, представитель эльзасского бальяжа Кольмар, а также Фрето де-Сен-Жюст и граф Шарль де-Ламет (либеральный представитель дворянства из Арраса) высказались за предложение феодальной комиссии, между тем как граф де-Серан, герцог де-Ларошфуко и маркиз де-Круа высказались даже за удлинение указанного двухгодичного срока до пяти лет.

Справедливое требование Бюзо, чтобы крестьянин, произведя выкупную операцию, был после того свободен от всяких старинных феодальных повинностей, было поддержано Жаном Ланжюине, депутатом городского сословия из Ренна (впоследствии партийным единомышленником Бриссо), а также Антуаном Барнавом (Гренобль), который в то время еще любил разыгрывать из себя радикала. Тем не менее подавляющее большинство голосовало за редакцию статьи 41, предложенную феодальной комиссией.

9. Аграрные законы 18 декабря 1790 и 7 июня 1791 года.

Закон 3 мая 1790 года о выкупе был просто маневром, продиктованным потребностью либеральных представителей успокоить мятежных крестьян. Снова и снова Национальное Собрание торжественно возвещало: «Землю Франции необходимо освободить от узурпировавших ее!» В конце концов надо же было выполнить это обещание. Но у либералов не было желания серьезно затронуть старые права феодальной собственности, и потому в результате обсуждения получилось, конечно, не радикальное урегулирование старых поземельных отношений, а частичный закон, мешанина старых и новых правовых воззрений, в которой одна статья настолько ограничивала другую, что закон не имел почти никакого практического значения. Как пока-

зывают прения, решение определилось не юридическими принципами, а субъективными соображениями о справедливом и личными настроениями. Некоторые из участвовавших в проведении закона 3 мая и сами не обманывались на тот счет, что принятые правила выкупа имеют лишь временный характер и что скоро обнаружится необходимость нового, более основательного урегулирования; но, пока-что, они рассчитывали выиграть время для решения других вопросов, более неотложных на их взгляд. А впоследствии уже видно будет, что надо делать.

Однако им скоро пришлось убедиться, что на этот счет они обманулись. Уже 26 июля 1790 года,—после того как Национальное Собрание 19 июля спешно возвестило о сохранении всех сеньериальных прав, не отмененных 15 марта,—оно увидало себя вынужденным опять обратиться к обсуждению вопроса о феодальных привилегиях. Сеньеры, которые раньше на собственные средства или барщинным трудом крестьян строили на своих территориях проезды, проселочные дороги и площади для рынка, все еще по старому обычаю претендовали на право закрывать эти пути и дороги или взимать за пользование ими дорожные пошлины. 26 июля 1790 года Национальное Собрание отменило все эти сеньериальные дорожные права.

Пятью месяцами позже, 18 декабря 1790 года, мы уже видим, что Национальное Собрание опять занято вопросом о поземельных повинностях, в особенности о юридических отношениях постоянной наследственной аренды. В существенном остались в силе постановления закона 3 мая. Несколько большее значение имеет только статья I первого отдела закона 18 декабря 1790 года, которая выкуп поземельных повинностей распространяет также на наследственные и на так называемые «вечные» аренды. Было постановлено, что в будущем не допускается заключения каких-либо договоров об уступке земли, которыми устанавливались бы те или иные не подлежащие выкупу поземельные платежи, и что, дальше, действие всех так называемых вечных договоров об аренде прекращается на девяносто девятом году.

Несомненно, статья имела известное значение для тогдашнего французского крестьянства, хотя она мало или совсем не приносила пользы как раз для беднейших крестьян. Раньше в некоторых частях Франции, особенно в Провансе и Лангедоке, сеньеры передавали значительные части своих собственных или называвшихся собственными земель в так называемую постоянную, или вечную наследственную аренду. Благодаря договору о наследственной аренде, наследственный арендатор обычно не становился владельцем арендованной земли,—исключение составляет Прованс, где условия наследственной аренды были в особенности благоприятны для крестьян: ему предоставлялось только право пользования; но его, пока он вносил арендную плату, по большей части довольно низкую, нельзя было прогнать с его участка, и сеньер ни под какими предлогами не мог потребовать этого участка обратно. Во всех случаях, где договор был заключен более 99 лет тому назад, новый закон 18 декабря превратил арендатора в землевладельца и приравнял его наследственную арендную плату к обычной арендной плате. В то же время наследственный арендатор получил право, уплатив двадцатикратную или двадцатипятикратную наследственную арендную плату, приобрести таким образом совершенно свободное полное право собственности на свой участок.

Временная аренда, подобно наследственной аренде, тоже требовала урегулирования. Однако оно пока-что было отложено. Лишь после того, как в Бретани между сеньерами и арендаторами произошли кровавые столкновения из-за применения определенных статей закона 15 марта к временной аренде на феодальных землях, Национальное Собрание в июне 1791 года обратило свое внимание и на этот предмет.

В различных областях на северо-западе Франции, в особенности в Бретани, установились своеобразные формы аренды, при которых создавалось временно зависимое владение, так называемая «tenure à domaine congéable». В прежнее время сеньеры передавали свои земли в аренду крестьянам на таких условиях, что за сеньерами оставалось право собственности на эти участки и право потребовать их обратно (при условии извещения об этом в определенные сроки).

От крестьянина вовсе не требовались или требовались лишь ничтожные денежные или натуральные платежи в качестве арендной платы, но он должен был зато отбывать определенные барщинные работы (конная барщина, дорожные работы, помочи на господских полях, службы при замке и конюшнях и т. д.). Следовательно, это была временная аренда земли за обязательство выполнения барщинных и господских служб. Она прекращалась простым извещением о том. Из этого возникал вопрос, следует ли считать такие барщины крестьян-арендаторов одинаковыми с повинностями феодально-обязанных и чиншевых крестьян; в таком случае уже не имели бы законной силы все барщины, уничтоженные законом 15 марта. Далее, возникал вопрос, имеют ли крестьяне-арендаторы право перед возвращением своего участка сносить те постройки, которые они соорудили на арендуемом участке, или же при передаче последнего могут требовать вознаграждения от сеньера.

7 июня 1791 года Национальное Собрание декретировало, во-первых, что и временные арендаторы впредь не обязаны отбывать такие барщинные службы и платежи, которые закон 15 марта объявил уничтоженными. Во-вторых, арендаторы имеют право, не испрашивая согласия собственника, в течение срока аренды по своему усмотрению отчуждать постройки, возведенные ими на арендуемых участках, при чем они не обязаны платить за то сеньерам обычные пошлины за куплю или продажу. И, в-третьих, передавая по истечении срока аренды свой участок обратно собственнику, они могут требовать в вознаграждение за возведенные ими постройки и сооружения сумму, соответствующую их стоимости.

Учредительное Собрание до 30 сентября 1791 года,— дня, когда оно было распущено,—издало и еще некоторые декреты, представлявшие для крестьян известные выгоды, как, напр., закон 28 апреля 1790 года о возмещении убытков, причиняемых дичью, закон 28 декабря 1790 года об облегчении выкупа некоторых сеньериальных рент и прежде всего закон 5 июня 1791 года об охране земледелия.

Статья 4 последнего закона устанавливает, что впредь никакой кредитор, каковы бы ни были его долговые требования, не может взять у крестьянина в возмещение ссуды земледельческие орудия и рабочий скот, необходимые для продолжения его производства. Только торговец, продавший крестьянину земледельческие орудия или скот, или землевладелец, которому крестьянин не внес арендную плату, могут в случае необходимости возместить ущерб наложением запрещения на рабочий скот и на орудия труда.

Однако, как бы полезны ни были некоторые из этих мер для обнищавшего крестьянина, Учредительное Собрание оставило в полной неприкосновенности наиболее тягостные из платежей: высокие налоги, поземельные сборы и десятины всевозможного рода. Это было тягостное наследие для его преемника, для Законодательного Собрания. И, подобно тому, как первое Национальное Собрание не возвысилось до такого урегулирования феодально-правовых отношений, которое хотя бы отчасти отвечало требованиям исторического момента, точно так же не удалось ему справиться и с крестьянскими беспорядками. 15 июня 1791 года, за три месяца до своего роспуска, оно опять издало несколько декретов, в которых снова напоминало бунтующему крестьянству об его долге возвратиться к труду и грозило ему самыми тяжкими карами за его мятежное поведение. Это было столь же безрезультатно, как и раньше. Несмотря на осадное положение, на военно-полевые суды, на массовые избиения, обнищавшие крестьяне на востоке и западе, на юге и севере снова и снова сплачивались в учинявшие грабежи «разбойничьи банды» и предавали разгрому замки своих сеньеров. Это была вторая жакерия!

10. Конец феодального права.

Поэтому второе Национальное Собрание, обычно называемое «Законодательным», немедленно увидало, что оно стоит перед такой задачей, как новый пересмотр сеньериальных прав. Эта задача была тем затруднительнее для него, что, по предложению Робеспьера, первое Национальное Собрание постановило: ни один из его членов не

может принять мандата во второе Национальное Собрание, и, следовательно, в Законодательном Собрании отсутствовали все лица, которые принимали участие в работах прежнего «comité féodal» и познакомились там с запутанными старыми феодально-правовыми отношениями. Поэтому 24-го октября 1791 года второе Национальное Собрание создало,— и, конечно, в данном случае это было наилучшее, что оставалось сделать,—новую комиссию по феодальному праву, «comité de féodalité», на которую возложило изучение аграрного вопроса и выработку дальнейших проектов реформы.

Хотя большинство в комиссии принадлежало решительным либералам, однако обсуждение не подвигалось вперед, и потому в феврале 1792 года радикальные якобинцы Законодательного Собрания признали своевременным заставить феодальную комиссию ускорить работы. 29 февраля 1792 года Жорж Кутон, представитель департамента Пюи-де-Дом, впоследствии член Комитета Общественного Спасения, взял слово для того, чтобы обосновать необходимость дальнейших реформ поземельного права. В длинной речи, полной всевозможных юридических выпадов (Кутон был президентом суда в Клермоне), он подверг критике августовские постановления и аграрный закон 15-го марта 1790 года, который он насмешливо характеризовал, как «санкцию феодального режима». Затем он показал, как старинные сеньеры присвоили земли, раньше принадлежавшие крестьянам, и, пользуясь девизом: «Nulle terre sans seigneur» («Нет такой земли, которая не имела бы своего сеньера»), захватывали значительные части деревенских общинных лесов, пока, наконец, по их настояниям эдикт Людовика XIV, изданный в 1669 году, не предоставил им «droits de triage», т.-е. право на третью долю всех общинных земель. Кутон требовал, чтобы каждому крестьянину было предоставлено выкупать за себя одного все сеньериальные права, лежащие на его участке, не заботясь о какой бы там ни было солидарной ответственности, и чтобы, во-вторых, все «casuels» (случайные платежи) были отменены без всякого выкупа и вознаграждения. Только в том случае, если бы крестьянин по выкупе постоянных поземельных платежей, лежавших на

его владении (поземельного чинша и арендной платы, доли урожая и т. д.), немедленно продал свое освободившееся владение, он должен доплатить пошлины за перемену владельца.

Последним ограничением Кутон по всей вероятности стремился противодействовать все более возраставшей торговле крестьянскими землями и приливу крестьянского населения к городам.

Муиссе (Лот-э-Гаронн) поддержал требования Кутона. Он предложил передать их в качестве материала в комиссию по феодальному праву, просить последнюю пересмотреть постановления о выкупе, принятые Учредительным Собранием, и по возможности скорее представить свой доклад.

Собрание приняло эти предложения.

Во всяком случае, так тянулось до 11 апреля 1792 года, когда, наконец, Антуан Латур-Дюшатель, один из представителей департамента Орны, представил доклад от имени комиссии по феодальному праву. Он предлагал уничтожить без вознаграждения все «casuels» (платежи при особых случаях), в том числе и такие, как пятая, пятая пятой (пошлина в случае купли), пошлины при переходе владения и т. д.

Гильон Дорлиак, известный как специалист в области древнего французского права, в существенном присоединился к предложениям Латура. Он произнес длинную речь историко-юридического содержания в которой восходил до салического и рипуарского права, до капитулярий Карла Великого, до узурпации земли крупными феодалами при Карле Мартеле и т. д. В заключение он пришел к тому выводу, что поземельная десятина, а также пошлины, взимаемые при продаже и известные под названием «lods et ventes», и некоторые другие случайные платежи первоначально вовсе не были платежами в вознаграждение за те участки земли, которые сеньер предоставлял крестьянам: напротив, все эти участки в старое время целиком принадлежали деревенским общинам, и так называемые сеньеры, или землевладельцы, противозаконно захватили их: узурпация, которая позже, конечно, была юридически санкционирована парламентами (высшими судебными учреждениями). Поэтому Дорлиак требовал отмены без выкупа всех

означенных феодальных платежей. Он предлагал, чтобы от сеньеров для проверки их притязаний потребовали предъявления их старинных юридических документов. Если они не в состоянии этого сделать, они должны показать, что их старинные права дважды получали признание,—дать указание, что они (т.-е. их предки) уже не менее ста лет постоянно пользовались означенными правами. Все притязания, которые не могут быть доказаны таким способом, следует почитать аннулированными. А то, что затем останется от сеньериальных прав, необходимо подвергнуть выкупу, но на справедливых условиях, которые каждому крестьянину позволяли бы выкупить свою часть земли для себя, без соображений о какой бы там ни было солидарной ответственности.

Так как представлялось невозможным немедленно открывать дебаты об этих столь пространных юридических выводах, то Дюмолар (от Изеры), член комиссии по феодальному праву, предложил отпечатать речь Дорлиака, а его предложения передать в comité de féodalité».

Национальное Собрание согласилось с этим предложением.

Опять предложения почивали в лоне комиссии по феодальному праву более восьми недель, пока, наконец, постоянное обострение антагонизма между двором и жирондистами не побудило либерально-демократические элементы Национального Собрания ускорить дело аграрного законодательства. В субботу 9 июня 1792 года Латур-Дюшатель от имени комиссии феодального права внес в Национальное Собрание вполне разработанный законопроект, которым отменялись все случайные платежи, пятые, пятые пятых, пошлины с купли и всякие пошлины с продажи; они отменялись, если только нельзя было доказать старинными юридическими документами, что они—не феодального происхождения, а представляют исключительно вознаграждение, платежи за участки земли, раньше входившие в состав собственности сеньера, но уступленные им крестьянам и арендаторам.

Это предложение встретило страстные возражения со стороны умеренных либералов (фейльянтов) и даже со стороны некоторой части жирондистов. В особенности решительно выступил против проекта Луи Гужон (Уаза), прокурор округа Бове. Дело заключается, полагал он, не в отмене старых прав без вознаграждения, а исключительно в облегчении выкупа. Далее Кутон, по его словам, не решился попросту требовать отмены без вознаграждения всех этих многовековых привилегий. Он внес «предварительный вопрос» (т.-е. вопрос, следует ли вообще допускать прения и голосование по законопроекту в данной редакции). Наиболее целесообразным было бы во всяком случае возвращение проекта в комиссию, которой в то же время надо поручить представить Собранию законопроекты о мерах к облегчению выкупа.

Напротив, Жан Мэй, генеральный прокурор департамента От-Гарона, защищал законопроект, внесенный комиссией феодального права, но для него этот проект шел недостаточно далеко. Кроме «casuels», необходимо без дальнейших разговоров отменить и всевозможные десятины феодального характера. Он обстоятельно полемизировал с тем воззрением, будто «casuels» представляют вознаграждение за землю, предоставленную сеньерами крестьянам, или вытекают из права завоевания.

Дюси, аррасский адвокат, представитель от Па-де-Кале, осмеивал историков права à la Дорлиак, которые для решения совершенно ясных вопросов, обращаются к салическому, рипуарскому и другим древним правам. «Casuels» и десятины искони существовали, как признанные привилегии, они были освящены многовековой практикой и признаны высшими судебными учреждениями,—следовательно, они справедливы и правомерны. Если бы запросто уничтожили старые права, несомненным результатом было бы разорение громадного количества старинных французских фамилий.

Затем Дюси, исходя из теории Руссо об общественном договоре, попытался доказать, что такие постановления, как заключающиеся в проекте комиссии феодального права, являются противообщественными, так как они посягают на основу всякого общества, на признанную законом собственность. Все, на что можно было бы согласиться, это—уничтожение солидарной ответственности и допущение индивидуального выкупа.

Так как Национальному Собранию пришлось обратиться к некоторым другим настоятельным вопросам, то дальней-

шее обсуждение законопроекта было отложено до 14 июня 1792 года

В этот день опять резко столкнулись противоположные интересы и мнения. Огюст Прувер, представитель от департамента Севера, поддерживал законопроект комиссии феодального права и требовал, чтобы попросту были объявлены аннулированными все притязания сеньеров, в обоснование которых они не могли бы представить первоначальных юридических документов. К его мнению присоединились Анри и некоторые другие либералы; наконец, Лакруа, известный впоследствии, как один из самых рьяных дантонистов, чтобы предотвратить экскурсы в другие области права, поставил следующий строго формулированный юридический вопрос: «Подлежат ли феодальные права касательно случайных платежей отмене без всякого выкупа, поскольку не будет показано, что они являются вознаграждением за предоставление земельного участка».

После продолжительных дебатов Лазарь Никола Карно, представитель Па-де-Кале, впоследствии известный член Комитета Общественного Спасения, внес предложение, чтобы право на взимание «casuels» и впредь было оставлено за сеньерами, которые сумеют доказать, что обладали им в течение ста лет. Большинством голосов это предложение было отвергнуто. После этого Дюмолар (Изера) внес новое предложение: за сеньером следует обеспечить право на дальнейшее получение случайных платежей уже в том случае, если он пользовался этим правом в течение сорока лет.

Мэй энергично возражал против этого предложения, принятием которого, по его убеждению, совершенно ничто не изменится в существующем положении. Здесь адвокат Гаде из Бордо, известный лидер жирондистов, поставил предварительный вопрос, можно ли вообще допустить обсуждение поправки Дюмолара.

Результаты голосования по этому вопросу оказались сомнительными. В то же время с разных сторон послышались протесты против голосования, так как Дюмолар поставил свое предложение, как самостоятельное новое предложение, а между тем по наказу оно было бы допустимо только в форме

поправки. Дюмолар быстро придал своему предложению форму поправки. Поэтому пришлось отдельно голосовать, следует ли поправку Дюмолара вместе с другими поставить на обсуждение. 274 депутата голосовали за, 240 против.

Между тем было уже $5^1/_2$ часов, и большинство фейльянтов оставило заседание, чтобы пообедать. Напротив, радикальные якобинцы по предварительному уговору остались в зале и задержали тех из своих партийных единомышленников, которые тоже собирались уйти. Когда правая сильно растаяла, крайняя левая внезапно внесла предложение проголосовать поправку Дюмолара и юридический вопрос, поставленный Лакруа. Бурные протесты среди фейльянтов. Сначала президент отказался произвести голосование, но потом должен был согласиться, так как ни один пункт наказа не нарушался предложением левой. Значительным большинством предложение Дюмолара было отклонено, а юридический вопрос Лакруа решен утвердительно. Оппозиция правой временно потерпела поражение. Конечно, только временно, потому что наказ требовал еще повторного общего голосования всего законопроекта в целом. Оно состоялось 18 июня 1792 года и прошло без серьезных попыток противодействия с правой стороны, так как в промежутке, именно 13 июня, министерство Ролана получило отставку, и демократическая буржуазия была охвачена глубоким негодованием против двора и дворянства. Статьи 1 и 2 отдела III в декрете 15 марта 1790 года были объявлены аннулированными, и затем весь законопроект комиссии феодального права принят без постатейного голосования, с некоторыми небольшими изменениями.

И чем выше поднималось в ближайшие недели революционное брожение народных масс, тем больше уступчивости обнаруживало Национальное Собрание по отношению к требованиям крестьян, которые поддерживались радикальными якобинцами. Чтобы и наиболее мелким крестьянам дать возможность расширить свое землевладение, 6 августа был издан закон, который предписывал поделить часть эмигрантских владений на мелкие участки в 2—3—4 арпана, т.-е. приблизительно в 1—2 гектара, и предоставить эти участки крестьянам за денежную арендную плату, подлежащую вы-

купу. А 20 августа, после великого уличного сражения 10 августа и после пленения короля, по предложению Мэя, внесенному от имени комиссии феодального права, были разом объявлены уничтоженными без вознаграждения все еще сохранявшиеся феодальные сборы, если нет возможности доказать посредством юридических документов, что взимание их является вознаграждением за переданную сеньерами землю. В то же время, по предложению Лемейяна (представителя от Морбигана), Национальное Собрание постановило, что всяческие выкупы феодальных повинностей могут впредь производиться «сепаратно», т.-е. каждым отдельным крестьянином исключительно за свое владение; что в будущем выкуп может происходить и постепенно, мелкими долями, и что, вырабатывая договор о выкупе, необходимо принимать во внимание не только размеры повинностей, но и реальную стоимость земли (потребительную стоимость, качество). Далее, крестьянину было предоставлено право требовать превращения в твердые равномерные ежегодные платежи всех сборов, известных под названием «redevables de champart, terrage et complant» (т.-е. десятина с полей, доля урожая собранного хлеба или урожая винограда), а также и других подобных натуральных оброков, и производить в дальнейшем эти платежи по своему усмотрению или деньгами, или ежегодно одним и тем же твердо установленным определенным количеством зерна. Наконец один закон объявил прекратившейся солидарную ответственность крестьян и в то же время постановил, что впредь уже по истечении пяти, а не тридцати лет, как было до того времени, должны почитаться просроченными и покрытыми давностью все крестьянские недоимки в повинностях, возникшие вследствие того, что не были уплачены чинш, десятина, равно как и так называемые вечные земельные ренты.

Через пять дней, 25 августа 1792 года, по предложению Мэя, были одобрены дальнейшие меры для выкупа повинностей по частям. А 27 августа Национальное Собрание постановило, что все арендаторы господских участков земли, хотя бы условиями аренды предусматривалась расторжимость ее по заявлению одной из сторон, должны впредь почитаться владельцами арендуемых ими участков и обязаны в дальнейшем вносить установленную договором арендную плату и десятину с урожая, если они не предпочтут выкупить последние на условиях, предусмотренных для чиншевых крестьян.

Сначала и радикально-якобинским элементам не удалось провести отмену поземельного чинша, платежей с урожая и десятины, возникших в качестве возаграждения за так называемое предоставление земли. Направленные в эту сторону усилия радикальных якобинцев натолкнулись на энергичное противодействие фейльянтов, равно как и жирондистов, политика которых после дней второго и третьего сентября вступила в острый антагонизм с стремлениями робеспьеристов, дантонистов и парижской коммуны. Но после того, как 2 июня 1793 года произошло падение жирондистов в Конвенте, и главные представители их были арестованы, 17 июля 1793 года, по предложению якобинского Комитета Общественного Спасения, были устранены и эти последние остатки феодального режима. Статья 1 нового декрета, состоящего из двенадцати параграфов, коротко и ясно гласит: «Без всякого выкупа отменяются все прежние феодальные платежи и права, все постоянные и взимаемые по особым случаям десятины, в том числе и те, которые были подтверждены декретом 25 августа прошлого года». Сохраняются только арендная плата и проценты по денежным займам, заключенным под земельные участки; все прочие повинности, заключались ли они в денежных платежах, платежах натурой или барщинных службах на господских участках, без всякого остатка уничтожались одним росчерком пера. Но чтобы и впоследствии феодальная система как-нибудь не ожила, § 6 этого декрета постановил, что должны быть преданы сожжению все старые документы, касающиеся сеньериальных прав, уничтоженных с начала революции. Каждый сеньер, феодальный делопроизводитель, земский комиссар, нотариус или управляющий обязан в трехмесячный срок сдать таковые документы в канцелярию коммунальных управлений. Если этого не будет сделано, и кто-либо из указанных лиц будет уличен, что он «спрятал, взял или утаил» документы этого рода, то он подлежит наказанию пятью годами каторжной тюрьмы.

* * *

Приведенные факты яснее всего показывают, что отмена сеньериальных феодальных прав во Франции произошла в существенно ином порядке, чем это изображают нам либеральные историки великой французской революции. Они были уничтожены не ночными постановлениями 4 августа 1789 года, будто бы принятыми в состоянии благородного энтузиазма, и современная сельская Франция зародилась не из «великих реформ» 15 марта и 3 мая 1790 года. Действительный факт таков, что феодальные привилегии мало-по-малу, по частям отменялись в долголетней партийной борьбе, и что меры, действительно глубоко вторгающиеся в существующие феодальные отношения, были приняты лишь после того, как последний, решительный бой между королевскою властью и либерально-демократической буржуазией заставил Национальное Собрание искать у крестьянства поддержки. Последний же остаток старых поземельных и сеньериальных прав пал только в июле 1793 года, после того как сопротивление жирондистов было сломлено, и мелкобуржуазные радикальные якобинцы достигли господства в новой республике. И в этой почти четырехлетней борьбе мы найдем мало признаков столь прославленного «чистого энтузиазма». Как в заседаниях комиссии по феодальному праву, так и в пленарных заседаниях Национального Собрания каждая из аристократических и либеральных групп: придворная аристократия и аристократы-конституционалисты, умеренные либералы и либерально-демократическая жиронда, до последней возможности отстаивали свои особенные собственнические интересы; и только благодаря тому, что в ходе революции к власти поднимались мало-по-малу все более радикальные партийные группы, все менее заинтересованные в сельском крупном землевладении, стало возможным устранить феодальные права без остатка.

11. Борьба за общинные земли.

Но «террористический режим» якобинцев не только основательно вымел феодальные повинности; он и возвратил деревенским общинам значительную часть общинных земель,

которые в прежние времена насильственно были отняты у них феодалами.

Когда франки вторглись в Галлию, они расселились там подобно германским маркам. Каждый родовой союз захватил в свое владение определенную территорию в качестве марки и в этой марке поселился в одной или нескольких деревнях. Известная часть захваченной земли, расположенной близ этих поселений, а также и часть лесов предоставлялась отдельным деревням в качестве деревенской или общественной земли, большая часть лесов, а также пустоши, болота, склоны гор и горные выгоны тоже оставались в общинном владении. Но чем больше увеличивалась власть франкских королей и крупных сеньеров, тем усиленнее стремились они к тому, чтобы захватить в свои руки распоряжение этими общинными владениями по своему усмотрению. Значительные пространства земли были объявлены королевской или коронной землей; другие части были пожалованы в качестве «*королевских ленов*» новому галльскому феодальному дворянству, вышедшему из рядов административных и придворных чиновников или из дружины франкских королей, или же захвачены магнатами в качестве «*господской земли*». В особенности широкое, систематическое противозаконное присвоение крестьянских общинных земель производили крупные сеньеры в четырнадцатом и пятнадцатом столетиях, после подавления крестьянского восстания известного под названием «жакерий». Пользуясь лозунгом: «Nulle terre sans seigneur» (нет земли без сеньера), они объявляли, что общинные земли по праву завоевания всегда принадлежали их предкам, потому что земли «без господина» не существует и никогда не существовало. Большие луга и леса были силой или на основании поддельных документов на владение и заключений юристов отняты у крестьянских общин и присоединены сеньерами к своим владениям. Однако все это расхищение земли еще не удовлетворяло земельного голода благородных сеньеров, и потому в 1669 году через Людовика XIV, «короля-солнце», они провели позорный эдикт о триаже, который предоставил сеньерам право на третью часть всех общинных земель, находящихся в сфере их сеньерий. Несмотря на то, еще к началу революции у некоторых ком-

мун были очень большие леса, выгоны и пустоши, между тем как у других, напротив, оставалось так мало леса, что они едва могли покрывать из него свою нужду в топливе.

Такое противозаконное сокращение старинного общинного землевладения тем больше возбуждало деревни против поземельного дворянства, что участки, возделываемые чиншевиками и половниками, часто были недостаточны для сколько-нибудь человеческого существования. Вследствие раздела между наследниками крестьянское землевладение мало-по-малу раздробилось настолько, что в центральной и южной Франции крестьянские участки более 20 гектаров представляли большую редкость. Ряд новейших исследований, особенно работа И. Лучицкого (La petite propriété en France avant la révolution. Paris 1897), показывают, что громадное большинство тогдашних крестьянских хозяйств составляло всего 2—12 гектаров. Примером могут послужить данные Лучицкого о распределении земли в области Лаонне, одной из плодороднейших частей прежней Пикардии. Там перед революцией было в общем 5.338 земельных участков. Из них 2.648—меньше одного арпана (приблизительно $^1/_2$ гектара). Большинство из них состояло из маленькой избы с двором и овощным огородом и сплошь находилось во владении сельских рабочих, поденщиков, деревенских ремесленников, шахтеров, и потому не могут считаться типичными для крестьянского производства. И даже 1.424 участка величиной в 1—5 арпанов, следовательно, в $^1/_2$—$2^1/_2$ гектара, большею частью находились в руках поденщиков (197 участков), мелких виноделов (35), деревенских ремесленников (367), сеньериальных батраков, пастухов, конюхов и т. д. (87), горнорабочих, вдов, мелких торговцев и т. д. Следовательно, сельское хозяйство было для них подсобным промыслом, и их производства тоже нельзя считать собственно крестьянскими производствами. Мелко-крестьянское производство начинается приблизительно только с 5 арпанов. Таких участков—от $2^1/_2$ до 15 гектаров—в округе Лаонне было 1.082, да и они, впрочем, лишь наполовину представляли чисто земледельческие производства: наибольшая часть владельцев от 5 до 30 арпанов кроме того работали при случае в качестве поденщиков в сеньериальных владениях, занимались ремеслом в качестве подсобного промысла, были домашними промышленниками (кустарями) или в то же время работали и в шахтах. Участков величиной от 30 до 50 арпанов (15-25 гектаров) было во всем округе только 120, участков от 50 до 100 арпанов всего 44, из которых, кстати сказать, 14 принадлежали деревенским ремесленникам, торговцам, домашним промышленникам и фермерам. Только 15 участков из общего числа 5.388 были величиной от 100 до 200 арпанов, и только два свыше 200 арпанов, или 100 гектаров.

Приблизительно такое же положение было и в других частях Франции, с той только разницей, что в Нормандии, Фландрии, Иль-де-Франсе и Эльзасе крестьянские участки в общем были крупнее, но зато в центральной и южной Франции зачастую значительно мельче.

Но, в виду тогдашней низкой урожайности почвы, даже, участки размером от 10 до 17 гектаров, если только значительная часть их не состояла из земли, в особенности благоприятной для виноградников, даже при самом скромном образе жизни были недостаточны для поддержания крестьянского потребительного хозяйства: три гектара в тогдашней Франции не давали такого количества зерна, как один гектар в современной Германии, и из этого количества зерна, вследствие тогдашнего грубого способа помола, пригодной для хлебопечения муки получалось опять-таки на 25—30 процентов меньше. Со скотоводством в тогдашних мелко-крестьянских производствах дело обстояло в свою очередь плохо. Им занимались преимущественно в господских имениях, а в особенности в фермерских хозяйствах. В то время как теперь в Германии скотоводство, и в особенности разведение крупного рогатого скота, относительно наиболее сильно в мелко-крестьянских хозяйствах величиною от 2 до 5 гектаров, в предреволюционной Франции в таких мелких производствах ниже 5 гектаров только в исключительных случаях было 1—2 коровы; часто мелкий крестьянин держал лишь несколько голов коз или овец и небольшое количество птицы.

Если принять, далее, во внимание значительные налоги,

десятины и феодальные платежи, то без дальнейших пояснений будет понятно, что мелкий крестьянин вел на своем клочке земли чрезвычайно скудное, нищенское существование и, кроме освобождения от угнетавших его повинностей, ничего не желал так горячо, как увеличения своей пахотной земли и возвращения своей деревне тех общинных земель, которые в прежние времена были расхищены сеньерами.

Учредительное и Законодательное Собрания сначала игнорировали эти требования. Принудительно экспроприировать сеньеров и возвратить деревне захваченные у сеньеров общинные земли—это представлялось большинству либералов столь чудовищным делом, что на этом вопросе, казалось им, нечего и останавливаться. И даже в конце 1790 года, когда в различных провинциях Франции началась распродажа национальных земель, отобранных у духовенства, для мелких граждан сначала не представлялось никакой возможности приобрести землю: если даже земля распродавалась не целыми имениями, участки, поступившие в продажу, повсюду были настолько большие, что их только в единичных случаях могли купить крупные состоятельные крестьяне или разбогатевшие деревенские лавочники. У мелкого и среднего крестьянина на это не было денег. Только когда конфликт между королевскою властью и демократическими элементами Законодательного Собрания принял такой характер, что новая кровавая уличная борьба казалась неминуемой, Национальное Собрание пошло навстречу утолению земельного голода мелких крестьян: как упоминалось уже в предыдущем отделе этой главы, Национальное Собрание 6 августа 1792 года постановило разделить часть имений бежавшего дворянства, так называемых эмигрантских земель, на мелкие участки от 2 до 4 арпанов и предоставить их «на вечные времена» в ближайших деревнях тем, кто даст больше; арендная плата за эту землю, по желанию подлежащая выкупу, должна была уплачиваться деньгами. В то же время Национальное Собрание, по предложению Никола Франсуа из Невшато (департамент Вогезов), постановило разделить все общинные земли, в том числе и общинные луга и выпасы, известные под названием «cursis» и «vacants», но без лесов и лесных зарослей, и передать их в собственность деревенским гражданам.

Если первое постановление в существенном клонилось к пользе мелких крестьян, то последнее знаменовало решительное предпочтение состоятельных деревенских граждан деревенской знати. И это тем более, что большинство коммунальных и департаментских управлений истолковало закон в том смысле, что правопреемниками прежних крестьян могут считаться только старинные крестьянские семьи, которые уже в ряду поколений владеют землею в данной коммуне, и потому только они имеют право на общинную землю, но не вновь прибывшие и не просто «проживающие» (так называемые «habitants» и «manants»), т.-е. не беднота и не сельские рабочие, у которых имеется только какой-нибудь сад и огородная земля. Поэтому, едва лишь коммунальные управления приступили к разделу, как в целом ряде областей начались энергичные протесты. Во многих деревнях первые же попытки раздела приводили к кровавым столкновениям, и в Национальное собрание, как и в последовавший за ним Конвент, скоро поступили столь многочисленные протесты, что Конвент уже 11—13 октября 1792 года увидал себя вынужденным внести существенные ограничения в декрет 6 августа. Из раздела, подобно лесам, пока-что были исключены все возделываемые земли, т.-е. все не пустующие земли. Далее, было постановлено, что все граждане, засеявшие, в соответствии с местными обычаями, участки из общинных земель, должны сохранить за собою право на сбор предстоящего урожая.

Между тем уже неоднократно упоминавшийся главный прокурор департамента От-Гаронна Жак Батист Мэй, который вел неустанную борьбу за крестьянские права, 25 августа 1792 года внес в Законодательное Собрание новый законопроект, имевший задачей заставить сеньеров возвратить деревенским коммунам все прежние общинные земли, присвоенные на основании эдикта 1669 года. Однако, это предложение сначала было попросту отклонено. Но чтобы дать крестьянам хотя что-нибудь в этом отношении, второе Национальное Собрание, незадолго до своего распущения, по повторному, несколько измененному предложению Мэя, издало декрет, со-

стоящий из 19 статей. Он предоставлял коммунам право в судебном порядке требовать возвращения заброшенных земель и пустошей, взятых сеньерами на основании эдикта 1669 года; но это право предоставлялось только в том случае, если сеньеры «документами или фактом исключительного владения, которое мирно и беспрепятственно продолжалось свыше сорока лет», сумеют доказать, что они приобрели на эту землю право собственности, и если сеньер не продал этих земель, отнятых у коммун, какому-либо третьему лицу. Этими двумя условиями фактически отменялось формальное признание за коммунами права на возврат указанных земель: ведь в большинстве случаев сеньеру много легче было установить, что он свыше сорока лет беспрепятственно владел прежними общинными землями, чем доказать, что ему в течение сорока лет принадлежали феодальные привилегии. Практическим последствием этого декрета 28 августа 1792 года было лишь то, что сеньеру приходилось расстаться только с такими участками общинных земель, которые он, ссылаясь на эдикт 1669 года, присвоил в последние сорок лет перед революцией.

12. Возвращение общинных земель деревням.

В данное время, пока-что, невозможно было достигнуть чего-либо большего, чем этот декрет 28 августа 1792 года, так как большинство комиссии по феодальному праву и вновь избранного Конвента, находившееся под влиянием жирондистов, в страхе отказывалось от дальнейших нападений на земельную собственность. Для этого, чтобы открыть путь для дальнейших коренных реформ в отношениях деревенской поземельной собственности, необходимо было предварительно сломить это влияние.

После того как 2 июня 1793 года радикальные якобинцы под предводительством Марата и при поддержке парижской коммуны ниспровергли господство жирондистов в парламенте, партия Горы тотчас опять взялась за повязшее дело пересмотра сеньериальных прав собственности. Уже 10 июня 1793 г. комиссия по феодальному праву внесла новый законопроект, состоящий из 71 статьи, который отменял, притом без каких

бы то ни было ограничений, статью 4 отдела XXV «ордонанса 1669 года об управлении охотой, лесами и водами, а также все эдикты, указы, министерские распоряжения и патенты, которыми после того времени разрешалось выделять третью долю, выделять, частично делить или уступать заросли и леса из государственных или феодальных земель во вред искони существовавшему общинному владению». Далее, этот закон отменил все судебные решения, вынесенные на основании этого эдикта, и аннулировал состоявшееся 28 августа 1792 года подтверждение старинного юридического положения, что право собственности сеньера на прежнюю общинную землю может обосновываться фактом сорокалетнего владения; наконец, он коротко и ясно возвестил, что все, без каких бы то ни было изъятий, общинные земли, известные во французской республике под различными наименованиями, как-то: «пустоши, пустыри, пастбища, луга, общинный лес, выгоны, выпасы, загоны, склоны гор, горные луга, торфяники, болота и т. под.», по самой своей природе принадлежат тем коммунам, в области которых они расположены, и потому, говорится в законе дальше, коммунам предоставляется право требовать возвращения всех прежних общинных земель, которые были отобраны у них после 1669 года.

Все эти прежние общинные земли, возвращаемые коммунам, а также и те, которые постоянно оставались в общинном владении,—гласит статья 3 отдела I закона 10 июня,—могут быть поделены, но из раздела исключаются:

1. Все коммунальные леса.
2. Все общественные площади, променады, сооружения и т. д., равно как валы, рвы и укрепления городов (а также прежних укрепленных местечек).
3. Все торфяники и болота, осушение которых возможно произвести только общими силами.
4. Все участки, на которых расположены горные производства, представляющиеся общеполезными для коммуны или государства.

Однако раздел был не обязательным, как установлено за-

коном 28 августа 1792 года, а лишь факультативным. Точно так же вопрос о разделе подлежал решению не только магистрата и коммунального совета и не только граждан-старожилов деревни, но всех без изъятия деревенских жителей, женщин и мужчин, достигших совершеннолетия (21 год). Таким образом 3-й отдел закона коротко резюмируется в следующих положениях:

Статья 1. Раздел общинных владений факультативен.

Статья 2. Поэтому через восемь дней по опубликовании этого закона должны быть созваны коммунальные собрания.

Статья 5. В собраниях предоставляется подавать свой голос всем лицам обоего пола, достигшим 21-летнего возраста и имеющим право на долю из этих земель.

Статья 9. Если треть имеющих право голоса выскажется за раздел, таковой должен быть произведен.

Статья 12. Точно так же собрание жителей коммуны может постановить, что коммунальная земля и впредь должна оставаться в общинном пользовании; однако в этом случае оно должно в то же время установить правила общего пользования, представляющиеся ему наиболее целесообразными.

Стремясь предотвратить неправильные истолкования закона коммунальными управлениями и воспрепятствовать тому, чтобы общинные земли разделялись лишь между старинными крестьянскими семьями, или «старожилами», а земледельческие рабочие и деревенские ремесленники остались с пустыми руками, закон установил, что раздел может быть произведен лишь по числу душ, и что каждый житель деревни имеет право на равноценный участок. Именно, в отделе II закона говорится:

Статья 1. Раздел производится по числу жителей обоего пола и всякого возраста как присутствующих, так и отсутствующих.

Статья 7. Отцам и матерям принадлежит право пользования частями, доставшимися их детям, пока последние не достигнут 14-летнего возраста.

А желая предотвратить такую возможность, что зажиточные деревенские лавочники, торговцы и крестьяне, имевшие участки земли в нескольких коммунах, в каждой из них

примут участие в разделе и без всякого труда с своей стороны сделаются богатыми людьми, статья 7 постановила: «Никто не может принимать участие в разделе в двух общинах».

Таким образом заботливо были приняты меры с той целью, чтобы беднейший мелкий крестьянин и земледельческий рабочий тоже получил свою долю в соответствии с размером семьи. Оставался еще только один вопрос: деревенские ростовщики и деревенские лавочники, которым он задолжал, не заставят ли его тотчас же приступить к продаже только-что полученного участка, или не заставят ли его кредиторы выдать закладную на этот новый земельный участок? Поэтому в статьях 13 и 16 отдела II закона 10 июня 1793 г. Конвент установил, что в течение ближайших 10 лет никто не может отчудить свой новый участок земли, ни на какую долю этого участка в течение того же времени не может быть наложен запрет за старые или новые долги, не допускаются на него и какие бы то ни было иные «нападения», за исключением случая неплатежа налогов.

* * *

Закон 10 июня 1793 года имел огромное значение. Но его превзошел по своему воздействию на все деревенские отношения закон 17 июля 1793 года, который вымел последние остатки старинных феодальных прав. В экономической жизни революционной Франции наступила новая эпоха: возникало новое зажиточное, свободное крестьянство. Некоторым деревням достались сотни гектаров новой земли: пахотные поля, леса, воды, выпасы, горные луга и дали обнищавшим жителям деревни возможность увеличить и усовершенствовать свое прежнее парцелярное производство, подняться на более высокий уровень жизни.

И действительно, в некоторых частях Франции крестьяне и земледельческие рабочие алчно набросились на земли, доставшиеся коммунам. Но не следует думать, будто все земли, пригодные для раздела, фактически повсюду подверглись разделу. Разделу противодействовали: во-первых, то постановление закона 10 июня 1793 г., что перед разделом общинного владения предварительно должны быть покрыты лежащие на нем коммуналь-

ные долги; во-вторых, еще сохранившиеся в отдельных отсталых областях обычно-правовые остатки аграрного коммунизма, и, в-третьих,—что важнее всего,—особый характер выгонного хозяйства в некоторых областях. В северных и северо-восточных департаментах, с преобладанием культуры зерновых хлебов и овощей, отчасти и в центральной Франции, огромная часть общинных земель, поскольку они состояли не из лесов, горных склонов и болот, подверглась разделу; то же и в области виноградников, где возвращенные коммунам участки состояли большею частью из виноградников или земель, в особенности пригодных для виноделия. Напротив, в других областях, где главным занятием было скотоводство, например, в Бретани, нижнем Пуату, на севере прежнего старого графства Мен и в графстве Лимузен, беднейшее сельское население воспротивилось разделу пастбищ, горных склонов, лугов и т. д., которые могли служить в качестве выгонов, и большею частью достигло того, что луга и выгоны остались в общинном владении деревень.

Вскоре после падения робеспьеристов (9 термидора года II,—27 июля 1794 года), законодательство начало расшатывать постановления закона 10 июня 1793 года. Так, декрет 9 июня 1796 года сильно затруднил истребование возврата общинных земель; затем закон 21 мая 1797 года весьма существенно ограничил право коммун распоряжаться своими землями; потом при господстве Наполеона, в особенности законом 20 марта 1813 года, большие части общинной земли неоднократно объявлялись государственною землею и скупались для казны. Но как бы ни уродовалось и ни искажалось впоследствии аграрное законодательство эпохи господства якобинцев, все же за этим законодательством остается та заслуга, что оно повело к возникновению новой крестьянской Франции и к общему подъему сельского хозяйства. Как и многочисленные другие завоевания революционной Франции, так и создание сильного крестьянского сословия является делом якобинского «террористического режима».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Буржуазия и рабочие.

Стачки и хлеб.—Парижские мастерские для безработных.—Как Национальное Собрание борется с безработицей.—Против права коалиций.—Проявления классовой борьбы.—Расширение избирательного права.—Жирондисты и продовольственная нужда.—Якобинский закон 28 июня 1793 года об организации обеспечения.

Не «честная» парижская буржуазия в дни 13 и 14 июля 1789 года отразила задуманный двором военный переворот, а рабочие, мелкая буржуазия и французская гвардия, которая, соединившись с восставшими, форсированным маршем двинулась на площадь Людовика XV и там выступила против королевских войск, под командою Безанваля прибывавших с Марсова поля. Не только аристократические, но и либеральные элементы Национального Собрания трусливо избегали всякого участия в борьбе, всяких сношений с восставшими и все свели к выжиданию да к отправке ходатайствующих депутаций к королю; совершенно так же и зажиточная буржуазия, пока исход кровавой борьбы не выяснился, воздерживалась от активного участия в уличных сражениях. Она забаррикадировала двери своих домов и магазинов и, как весьма характерно выражается в своих мемуарах господин Жан Сильван Бальи, в то время популярнейший депутат третьего сословия Парижа, предоставила «активной силе народа» «спасать свободу», т.-е. закладывать основы для господства либеральной зажиточной буржуазии. И для историка и для политика в высокой степени интересно, из

громадного количества описаний упомянутых событий, из писем и мемуаров снова и снова узнавать, как парижская деловая буржуазия трусливо запряталась в глубину своих забаррикадированных домов и в страхе выжидала там исхода уличной борьбы, все время колеблясь между мучительной тревогой, как бы королевские войска, одержав победу, не перешли к грубым насилиям над честными гражданами, и между угнетающим страхом, как бы борющаяся толпа в возбуждении страсти не дала увлечь себя в сторону покушений на собственность.

А когда, наконец, трусливое напряжение разрешилось, и победа буржуазии над аристократическо-придворными интригами казалась обеспеченной, тогда к радости по поводу того, что удалось достигнуть господствующего положения, тотчас же примешался страшный вопрос: как,—опять употребляя выражения Бальи,—лучше всего «лишить народ его новой силы», обезоружить и возвратить к прежним занятиям. «Народ» пролил свою кровь за интересы буржуазии, сделал свое дело, теперь он может удалиться. Дальнейшие апелляции к вооруженной силе были теперь излишни и только помешали бы заключению нового государственного договора между Национальным Собранием и королевскою властью. И вот первые же заботы нового парижского коммунального комитета были направлены на то, чтобы заставить борцов 14 июля возвратить ружья, похищенные в Доме Инвалидов, и в то же время придать вновь созданной национальной гвардии такое устройство, чтобы она превратилась в послушное орудие буржуазии против неимущих слоев народа. Уже 13 июля этот коммунальный комитет, составленный из парижских выборщиков, отдал приказ, чтобы ни один вооруженный человек не смел показываться на улицах и чтобы подвергался разоружению всякий, кто не внесен в списки милиции своего района. Едва миновали ужасы июльских дней, как это разоружение было проведено с величайшей строгостью; в то же время неимущих исключили из национальной гвардии, поставленной под командование Лафайета, вступление в ее батальон связали с тем условием, что вступающий должен иметь избирательное право в своем районе, т.-е. принадлежать к состоятельным классам.

1. Стачки и хлеб.

Это недоверие к неимущей массе еще больше усилилось, благодаря тому, что непосредственно после июльских дней часть парижских подмастерьев предъявила требования о повышении заработной платы и, когда эти требования не были удовлетворены, на время прекратила работу. До сих пор рабочие, находившиеся под суровой опекой реакционного парижского городского управления, не решались бастовать совершенно открыто и ограничивались тем, что вели мелкую партизанскую войну против предпринимателей, наиболее ославленных за постоянные урезки заработной платы, да при случае подвергали разгрому их мастерские. Свежая струя воздуха, пронесшаяся над Францией в первое время после июльских дней 1789 года, в ремесленных подмастерьях тоже пробудило чувство независимости и стремление повысить свой жизненный уровень. Вследствие неурожая 1788 года и наступившей затем необыкновенно суровой зимы, которая парализовала все дела и совершенно остановила движение судов по Сене и Марне, промышленные рабочие и ремесленные подмастерья оставались без работы целыми месяцами. Между тем цены продовольственных продуктов поднимались все выше, и цена обыкновенного пшеничного хлеба поднялась в Париже с 3 до 5 су, фунт говядины с 7 до 11, фунт свинины с 9 до 14 и 15 су. Что же тут удивительного, если в это время, когда все народные ораторы, все газеты прославляли новую «свободу» и возвещали начало новой светлой эры всеобщего благоденствия, ремесленные подмастерья после всех перенесенных лишений тоже захотели своей доли в этом благополучии.

Первыми начали забастовку подмастерья-портные. 16 августа 1789 года, хотя такие сборища воспрещались новым городским регламентом, до 3.000 подмастерьев-портных собрались перед Лувром и после длительных переговоров отправили депутацию в ратушу. Там депутация предъявила коммунальным властям требование, чтобы поденная плата, составлявшая до того времени 25—30 су, ввиду вздорожания продовольственных продуктов была повышена до 40 су и чтобы торговцам старой одеждой, число которых было в

тогдашнем Париже довольно значительное, было воспрещено шить новое платье. Магистрат дал уклончивый ответ; но Жан Сильван Бальи, 15 июля 1789 года избранный в мэры Парижа, обратившись к депутации с назидательной речью о противозаконности ее действий, закончил однако обещанием переговорить с комитетом мастеров.

Меньше предупредительности обнаружил парижский коммунальный совет, который уже в утреннем заседании 18 августа поставил на обсуждение вопрос о «сходбищах» подмастерьев-портных. Он просто сослался на свое постановление 7 августа 1789 года, воспретившее всякие «attroupements séditieux» (бунтовщические скопища) и поручил Лафайету, как главнокомандующему парижской национальной гвардии, обеспечить порядок [1]).

За депутацией портных-подмастерьев 18 августа последовала депутация портных-мастеров, которые жаловались на прекращение работы подмастерьями и на их требования повысить заработанную плату и предъявили требование, характерное для тогдашних воззрений: «пусть коммунальный совет прикажет подмастерьям немедленно возвратиться в мастерские к тем мастерам, на которых они работали до настоящего времени, и возобновить там свои работы» [2]).

Коммунальный совет отклонил это предложение и сослался на свое постановление, принятое в тот же день утром. Однако магистрат, опасавшийся дальнейших нарушений спокойствия в Париже, втайне продолжал свои переговоры с мастерами. Сам Бальи, как он сообщает в своих мемуарах, убеждал мастеров «быть справедливыми» и, ввиду вздорожания жизни, повысить поденную заработную плату. И, действительно, уже 30 августа подмастерья-портные добились удовлетворения своих существенных требований и опять стали на работу.

Однако забастовочное движение не остановилось на подмастерьях-портных. Через несколько дней их примеру последовали парикмахеры-подмастерья, которые толпами начали собираться на Елисейских полях. Они тоже требовали повышения заработной платы и в особенности понижения высокой платы, взимаемой посредническими конторами. Затем 26 августа парижская домашняя прислуга, в первую очередь швейцары и дворники, выставили требование, чтобы их избавили от конкуренции савояров (уроженцев Савои), и не успели они успокоиться, как 30 августа начали стачку подмастерья-сапожники, плотники-подмастерья, а затем, 8 и 9 сентября, даже некоторые аптекарские помощники. Потом прекратили работу рабочие различных отраслей, занятые при постройке моста Людовика XVI, и потребовали от города повышения их поденной платы с 30 до 36 су (при 11-часовом рабочем дне).

Так как национальная гвардия по инструкциям коммунального совета старалась воспрепятствовать всяким собраниям и сходкам забастовавших, и так как, с другой стороны, мастера и предприниматели,—повидимому, под влиянием магистрата,—пошли на различные уступки, то к половине сентября собственно стачечная эра уже миновала. Тем не менее в затронутых стачками отраслях производства она оставила после себя известное напряжение в отношениях между ремесленными мастерами и подмастерьями: при угнетенном печальном состоянии всех дел, мастера в особенности больно почувствовали, когда у них было вынуждено повышение заработной платы.

Бастовавшие подмастерья, хотя их заработная плата была повышена, не достигли повышения уровня своей жизни: прибавки к заработкам более чем поглощались непрерывным ростом цен продовольственных продуктов, а между тем уже тогда почти во всех парижских производствах, за исключением мясного и пекарного промысла, вошло в обычай, что подмастерье жил не у ремесленного мастера, а должен был сам продовольствовать себя.

В различных провинциях восточной и центральной Франции, вывозящих хлеб, цены зерна и муки, главным образом вследствие плохого урожая и крестьянского восстания, поднялись до небывалого уровня. Уже в августе 1789 года цена сетье (120 килограммов, или $7^1/_2$ пудов) хорошей пше-

[1]) Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la révolution française. Publiée sous le patronage du conseil municipal. Serie 1,6. Actes de la Commune de Paris pendant la révolution par S. Lacroix. T. I, стр. 265.

[2]) Там же, стр. 268.

ницы повысилась в Париже до 35—36 ливров, за центнер (1 центнер—немного больше 6 пуд.) пшеничной муки платили 26—28 ливров, а в розничной торговле фунт пшеничной муки стоил даже 7—8 су (приблизительно 12—15 коп., а если принять во внимание тогдашнюю стоимость денег, почти 30—35 коп. *И. С.*). И даже по этим огромным ценам в Париже часто было совсем невозможно достать муки: дело было не только в том, что крестьяне в слепой ярости сжигали господские житницы и хлебные поля, но и в том, что отсутствие безопасности на сельских дорогах приводило к нарушению всякой регулярности в подвозе.

При таких обстоятельствах парижский магистрат и коммунальный совет вскоре после 14 июля увидали себя вынужденными взять в свои руки дело снабжения Парижа хлебом, иначе Париж сделался бы ареной новых мятежей (временное bureau des subsistances—продовольственное бюро—конституировалось уже 13 июля 1789 года, но постоянный «Комитет по снабжению продовольственными средствами» был организован лишь в заседании коммунального совета 25 июля). Разослав агентов, им поручили закупать зерно, а также пшеничную и ячменную муку в областях производства хлеба и, борясь с величайшими затруднениями, обычно под военной охраной, так как нападения на обозы с хлебом повторялись очень часто, доставлять все это в Париж, где мука передавалась мастерам-пекарям по ценам почти на 20 процентов ниже справочных рыночных. Это был порядок одинаково сложный и дорогой; так как тогда потреблялось много больше хлеба, чем в настоящее время, то Париж поглощал ежедневно от 1.700 до 1.800 мешков муки (по $3^1/_4$ центнера, считая и тару), а на мешок город приплачивал в августе—сентябре 1789 года в среднем от 15 до 18 ливров, то уже тогда ежедневный убыток на этой операции составлял от 26 до 32 тысяч ливров [1]).

Конечно, продовольственному комитету города Парижа нельзя было бы отказать в признании, что он,—по край-

[1]) Жан Сильван Бальи, бывший в то время председателем продовольственного комитета, в своих мемуарах (изд. 1804 года, т. II, стр. 275) уже для конца июля определяет ежедневную потерю в 25—30 тысяч ливров.

ней мере в 1789 году,—с известной энергией старался разрешить свою деликатную задачу; тем не менее почти непрерывно происходили столкновения с разъяренными пекарями-мастерами отчасти из-за того, что обозы с мукой запаздывали, или качество муки было значительно ниже того, какое по справедливости требовалось, но отчасти и потому, что хлебопекари-мастера пользовались нуждой для собственного обогащения и разграбления городских средств. Протоколы парижской коммуны дают ряд неопровержимых доказательств, что некоторые из господ пекарных мастеров самым бессовестным способом использовали благоприятный случай для того, чтобы за счет подавленного нуждой населения и города заработать необыкновенные барыши. При распределении закупленной городом муки они на рынках много раз нападали на членов коммунального совета, контролировавших распределение, и на работавших при этом городских служащих,—и парижскому коммунальному совету 8 сентября 1789 года пришлось принять постановление об усилении рыночной полиции тремя сотнями национальных гвардейцев. А так как и этой силы было все еще недостаточно для того, чтобы держать в страхе буйных мастеров-пекарей, то через несколько дней число национальных гвардейцев, командировавшихся для наблюдения, было увеличено до 600.

Каждый пекарный мастер старался получить как можно больше муки: с одной стороны, из естественного желания устроить запасы на тот случай, что в ближайшие время не будет подвоза, а с другой стороны, для того, чтобы дешево купленную у города муку потихоньку перепродать по повышенной цене торговцам мукою. Не раз комиссарам коммунального совета удавалось установить, что в то время как мастера уверяли, будто у них совсем не осталось муки для выпечки, и отделывались от своих покупателей разными отговорками, в действительности, в подвалах и на складах у них были припрятаны все еще очень значительные запасы. В одном случае разыскали не менее 23 мешков (почти 75 центнеров) муки. По всей видимости не было недостатка и во всевозможных подкупах чиновников, заведывавших перевозкой и распределением хлеба. Так, на-

пример, в заседании парижского коммунального совета 15 сентября 1789 года было доложено, что у двух хлебопеков—Евстафия Тентье и Жана Шабера было найдено 15 мешков муки, предназначенной для рынка, но туда не попавшей.

Но даже и так называемые честные мастера-пекари считали чем-то совершенно естественным не возвращать городу полученных от него новых мешков из-под муки, а пользоваться ими для своих собственных дел. Поэтому после того, как «Комитет по снабжению продовольственными продуктами» несколько раз возобновлял просьбу о возвращении этих мешков, коммунальный совет 16 сентября назначил штраф в 300 ливров за каждый случай противозаконного удержания мучных мешков, полученных за городской счет.

Понятно, что эта мелочная война между городским управлением и упорными мастерами-хлебопеками в конце концов сильно раздражала членов «comité des subsistances» (продовольственного комитета), и потому Бальи, как старейший в этом комитете, пишет в своих мемуарах («Mémoires d'un tèmoin de la révolution», изд. 1804 г., т. III, стр. 94):

«Необходимо принять во внимание, что торговля хлебом, производимая пекарями,—дело щекотливое и опасное. Те, кто хотел бы повысить свою прибыль, видят себя вынужденными по возможности скрывать применяемые ими способы, так как такие дополнительные барыши можно получать только за счет публики [1]). Когда на них поднимаются нарекания, пекарю-мастеру выгодно отыскать кого-нибудь, на кого можно было бы тотчас свалить вину. Поэтому пекари—заклятые враги административных властей. Что бы ни происходило, виновата всегда власть. Часто в преступную вину ей ставят даже те меры, которые принимаются в интересах города; а так как они (пекари) несравненно

[1]) Бальи хочет сказать, что, так как цена хлеба была установлена городским управлением (тогда цена определялась в $13^1/_2$ су за четырехфунтовой серый хлеб, выпеченный из смеси пшеничной и ячменной муки), то пекарь, который хотел повысить свою прибыль, должен был обманывать публику, подмешивая плохую муку или искусственно увеличивая вес хлеба, или пользуясь другими некрасивыми приемами.

теснее связаны с народом, то он много скорее будет слушать именно их. Конечно, отдельные пекари—люди честные и приличные; но большинство старалось создать для нас величайшие затруднения, хотя мы всегда помышляем о том, как бы защитить их от обвинений и ярости народа. Продовольственный комитет, ведавшийся с ними, всегда соблюдал по отношению к ним справедливость, хотя и держал их в надлежащих границах. Но когда они узнали, что коммунальное собрание потребовало от комитета отчетов, они сказали между собою: «значит, есть власть и над комитетом!» И тотчас отправились представить свои жалобы. Коммунальное собрание, которое не знало их и которому было приятно дать почувствовать свою власть членам комитета, пригласило их для объяснений в присутствии пекарей. Я сопровождал их, чтобы поддержать их; но после того промаха, что членов комитета вообще пригласили, совершили еще более серьезную ошибку, признав их, повидимому, неправыми. Насколько я вспоминаю, пекари утверждали, будто на рынках им предоставляют недостаточно муки, и говорили, будто ежедневное потребление Парижа доходит до 2.000 мешков. Напротив, я уверял, что требуется лишь 1.500—1.600 мешков, но мне пришлось убедиться, что показания пекарей нашли в коммунальном собрании больше веры. Пекарей же в особенности раздражало то обстоятельство, что распределение муки регулировалось в соответствии с тем, сколько они, как было выяснено, потребляли в прежнее время. Но так как мука от правительства продавалась *ниже* рыночной цены, то им очень хотелось приобретать ее по возможности большими массами».

2. Парижские мастерские для безработных.

Несмотря на огромную дороговизну, те парижские рабочие, которые все же имели работу, должны были считать себя счастливцами. Вследствие плохого урожая 1788 года и сопровождавшего его экономического кризиса, у большей части парижских рабочих не было никакой работы уже с зимы, у некоторых, в том числе в особенности у строи-

тельных рабочих, даже с осени 1788 года. И армия парижских безработных все еще возрастала, с одной стороны, благодаря постоянному приливу в конец обнищавших безработных из провинции, а с другой стороны, вследствие распространения кризиса на парижскую промышленность, производившую предметы роскоши. После 14 июля двор почти совсем перестал устраивать свои блестящие торжества. Часть богатой аристократии уехала в свои имения или эмигрировала за границу, а за ними покинули мятежный город, в котором во всякий момент могли вспыхнуть новые мятежи, и богатые иностранцы, которые ежегодно искали в Париже развлечений и удовольствий. Потребление предметов роскоши, которые раньше покупались преимущественно этими жизнерадостными и платежеспособными кругами, резко сократилось; и те отрасли парижской промышленности, которые производили преимущественно тонкие золотые и серебряные товары, застежки и украшения, пудру, гребни, кожаные товары, бальные туалеты, перья, вышивания золотом и серебром и т. д., увидали себя вынужденными мало-по-малу увольнять рабочих.

Конечно, для некоторых производств, напр., для портных, революция принесла увеличение работы и рост барышей: новые чиновники и национальные гвардейцы, гордые своим званием, тотчас начали заказывать новые мундиры; дополнительную работу получили вышивальщики знамен,—так как для каждого нового батальона национальной гвардии требовалось новое красивое знамя,—и оружейных дел мастера. Но в особенности выиграли от революционного брожения рабочие в производстве бумаги, книгопечатники, брошюровщики, так как производство книг, брошюр и газет колоссально выросло по сравнению с прежним временем. Тем не менее для громадной массы парижских рабочих «новая свобода» знаменовала прежде всего безработицу, голод и нищету.

Чтобы хотя несколько облегчить нужду, уже в конце апреля 1789 года тогдашнее городское управление увидало себя вынужденным с согласия правительства устроить на Монмартре, а позже в Реильи, Вожираре и некоторых других предместьях так называемые «ateliers de charité»

(благотворительные мастерские). Нуждающиеся, представив свидетельство о своей бедности, могли получить там заработок в 20 су в день на земляных работах и работах по планировке. Сначала в этих «мастерских» было занято всего около 10.000 человек. Но по мере того как эмигрировали дворянство и чужеземцы, росло в Париже и число безработных, которые, несмотря на низкую плату (два су за час труда), желали поступить на работы. Таким образом, согласно официальным данным [1]), уже в августе 1789 года число занятых на общественных работах по временам поднималось до 17.000, затем в мае 1790 года оно упало до 11.800, но в октябре того же года опять повысилось до 19.000, а затем, в июне 1791 года, даже до 31.000. Это представляло для города Парижа тяжелый расход. Расходы по содержанию этих учреждений, включая также стоимость надзора и орудий, напр., только за один май месяц 1791 года составили не менее 950.000 франков. Правда, 19 декабря 1790 года Национальное Собрание вотировало 15 миллионов на поддержку нуждающихся коммун; но эта сумма в 15 миллионов марок выдавалась не разом, а по частям,—до июня 1791 года из нее было распределено всего около 6.600.000 ливров,—и Парижу из нее приходилась лишь малая часть (насколько мне удалось установить по запутанному отчету до июля 1791 года Париж только дважды получил по 80.000 ливров).

К тому же рабочие, занятые в национальных мастерских, обнаруживали постоянную наклонность к беспорядкам и мятежам. Совершенно понятно, потому что парижские коммунальные власти относились к ним, как к докучливым попрошайкам. Между тем жалкой платы в 20 су едва лишь было достаточно для того, чтобы наесться—ведь фунт серого хлеба стоил 4 су, фунт сала 14 су, фунт масла 21—23 су, т.-е. более, чем весь поденный заработок. Женатые рабочие, у которых были дети, едва-едва могли бы покупать для себя в достаточном количестве сухой хлеб. На удовлетворение всех других потребностей не оставалось ничего, решительно ничего. Насколько печально было

[1]) Actes de la commune de Paris, I, стр. 193 и 168.

положение этих несчастных из несчастных, следует уже из того, что в протоколах парижского городского управления мы не раз встречаем скорбные просьбы рабочих, занятых на Монмартре и в Реильи: пусть дадут им работать по воскресеньям и праздникам, так как иначе по этим дням им ничего есть [1]).

И вот в отчетах, представлявшихся парижским магистратом коммунальному совету, снова и снова сообщается о столкновениях и беспорядках среди рабочих, занятых в мастерских на Монмартре; поэтому уже 12 августа 1789 года полицейский комитет коммунального совета признал необходимым распорядиться об особом полицейском наблюдении за тамошними рабочими. Однако широко поставленная полицейская служба не помешала тому, что уже через несколько дней вспыхнуло всеобщее возмущение среди рабочих Монмартра. Для его подавления потребовалось выступление национальной гвардии под предводительством Лафайета, который по этому случаю—бесподобная пошлость—перед изголодавшимися рабочими произнес красивую речь о гражданских добродетелях и гражданской дисциплине.

Впрочем, как в этом случае, так и во многих других, повод к беспорядкам давал сам коммунальный совет, составленный преимущественно из зажиточных представителей парижского делового мира, адвокатов и рантье. В целях экономии он постановил, несмотря на возражения мэра Бальи, понизить поденную плату в 20 су; после беспорядков это постановление пришлось отменить, потому что Лафайет по соглашению с магистратом обещал рабочим Монмартра, что временно сохранится плата в 20 су.

Коммунальному совету пришлось считаться с этим обещанием. Но он после того постарался сократить расходы другим способом: 17 августа он постановил, что впредь в национальные мастерские будут приниматься только лица, имеющие право постоянного жительства в Париже и его предместьях. В результате постановления среди рабочих, занятых на Монмартре, немедленно была произведена строгая выборка, и все прибывшие из провинций за последние

[1]) Actes de la commune de Paris pendant la révolution, I, стр. 225, 250.

годы были беспощадно выброшены: им дали только проходные свидетельства и немного денег на дорогу [1]). Следствием были новые «мятежи» среди рабочих Монмартра, после чего парижский коммунальный совет постановил распустить «ateliers de charité» Монмартра, а занятых там рабочих разместить по вновь устраиваемым мастерским в поселке Реколлектов и в Шайльо.

В своих мемуарах (т. III, стр. 135 по изд. 1804 г.) Бальи под 29 августа 1789 года сообщает об этом следующее:

«В понедельник 17 августа коммунальное собрание распорядилось, чтобы никого больше не принимали в мастерские на Монмартре, и чтобы уволены были те работающие, которые не из Парижа: они должны возвратиться по своим провинциям, при чем каждый снабжается паспортом и получает по 3 су за час пути. В понедельник 31 августа мастерские должны быть окончательно закрыты. Приняты меры предосторожности и, как можно рассчитывать, дело кончится мирно. Таким образом мы сбросим с своей шеи 17.000 чрезвычайно беспокойных людей. Все нездешние должны безусловно отбыть. Мы откроем новые, не столь обширные мастерские, притом отдельно для тех жителей, которые наиболее пострадали от революции. Я встречал недавних

[1]) „Patriote Français“ („Французский Патриот“), редактируемый Бриссо и уже тогда усвоивший враждебный тон по отношению к рабочим, 19 августа 1789 года так описывает рабочих „ateliers de charité“.

„Напомним, что в своей речи о государственном займе в 30 миллионов ливров Неккер говорил перед Национальным Собранием почти о 12.000 рабочих, которым приходится каждый день доставлять содержание. Это число изо дня в день возрастает в ужасающей мере, особенно в окрестностях Монмартра. Они всего лишены. Не имея пристанища, не имея надежды на то, чтобы найти работу или сколько-нибудь постоянные занятия, они требуют, чтобы им дали работу. Среди них замечаются многие иностранцы, в особенности итальянцы. У них есть своего рода собственная полиция, и слушаются они только своих собственных начальников. Это—поистине дикая орда перед воротами цивилизованного города. Поэтому коммунальное собрание постановило и в дальнейшем платить 20 су за рабочий день и 3 су за час, требующийся на проход. Коммуна Парижа потребует у всех других коммун, расположенных на пути (рабочих, удаленных из мастерских), чтобы они предоставили отъезжающим пособие в размере 3 су за час пути, при чем она берет обязательство возместить эти расходы“.

торговцев, лавочников, золотых дел мастеров, которые умоляют, как о благодеянии, чтобы им дали работу по 20 су в день. При теперешних условиях надо быть мэром Парижа или коммунальным чиновником, чтобы в полной мере представить себе все, что теперь всякая чувствительная душа испытывает круглые сутки».

«Révolutions de Paris» («Парижские революции») 12 сентября писали о новых мастерских:

«Благотворительные мастерские, устраиваемые отчасти у Реколлектов, отчасти в Шайльо, вскоре будут открыты. Ввиду этого полицейский комитет принял очень предусмотрительные меры. Без самых полных сведений о личности и образе жизни не допускается ни один из рабочих, до того времени работавших на Монмартре. Подлежат регистрации их жилища, их имена, их приметы. Там будут допущены лица обоего пола».

Тем не менее не осуществилось желание парижского городского управления, чтобы рабочие, занятые в этих общественных мастерских, в дальнейшем уже не причиняли ему беспокойства своими столкновениями и беспорядками. Уже через четыре недели опять начались беспорядки среди рабочих в Вожираре. А за этими беспорядками последовали дальнейшие, тем более что и контр-революционеры вскоре приложили свою руку к этому делу. Политические агенты роялистов уже в конце 1789 года начали среди рабочих «ateliers de charité» агитацию против революционных граждан: сначала только тайную, а потом, в 1791 году, пользуясь терпимостью Бальи и Лафайета, совершенно открытую. Они указывали голодным рабочим, насколько лучше жилось раньше, до революции, когда двор еще устраивал свои блестящие празднества, а дворянство и богатые иностранцы проживали свои доходы в Париже. Тогда рабочим можно было жить лучше, потому что из больших денег, которые затрачивались двором, аристократией и иностранцами, известная часть перепадала и им. А теперь им не на что даже просто наесться досыта. И где те политические права, которые были им обещаны? Рабочие не имеют права участвовать ни на выборах в Национальное Собрание, ни на коммунальных выборах.

Это оказывало свое действие в особенности на рабочих, из которых большинство при старом режиме видало лучшие дни. Скоро значительная часть этих обнищавших рабочих стала желать возврата прежних времен и единственный выход из своей нужды начала видеть в восстановлении старого режима [1]). Это обстоятельство лишило рабочих благотворительных мастерских и тех симпатий, которыми они пользовались в демократических газетах. Только «Парижские революции» («Révolutions de Paris») находили всякие слова оправдания для обманутых рабочих, которым революция до сих пор приносила одни только лишения; напротив, Марат разразился дикими ругательствами. Так, в номере своего «Друга Народа» от 7 апреля 1791 года он называет рабочих мастерских «сбродом презренных, отбросами армии, накипью со всех городов королевства» и продолжает:

«Кучка шпионов, замешавшихся между ними, не перестает воспевать хвалу королю, королеве, Бальи, Мотье (Лафайету) и другим главарям заговорщиков. Они (шпионы) изображают им каждого друга свободы бунтовщиком и отмечают рабочих, которых им такими приемами не удается сбить с толку. Чтобы лучше обработать их, во главе мастерских и рабочих групп поставили в качестве паразитов-надсмотрщиков прежних военных из гвардейского корпуса;

---

[1]) Агитаторы, оплачиваемые роялистами, и в провинции использовали безработицу и вздорожание жизни для того, чтобы страдавшие от нужды беднейшие слои народа натравливать против нового буржуазного режима. Уже 8 июля 1791 года в заседании Национального Собрания были доложены сообщения департаментских управлений о том, что среди массовой бедноты начинается вызывающее тревогу брожение, и что она проклинает революцию, которая, вопреки всем обещаниям, заставляет их спокойно умирать с голоду.

Впоследствии такие сообщения о роялистско-реакционной агитации получают все более тревожный характер. Так, напр., в одном донесении, заслушанном Законодательным Национальным Собранием 23 ноября 1791 года, говорится: „Враги революции пользуются этим положением (нищетою народа) для того, чтобы вызвать ненависть к законам, действующим в государстве в настоящее время. Им (несостоятельным) говорят: „Прежде священники наделяли вас дарами любви; прежде богатые давали вам работу, которою вы могли существовать. Теперь содрали шкуру как с первых, так и со вторых, у них отняли средства, которыми можно было бы облегчить ваши тягости. За постигшие вас несчастия вините новые законы, вините конституцию".

в то же время шайка других субъектов постоянно подыскивает скрытных и решительных молодцов, чтобы привлечь их к заговору и, снабдив крупными суммами, поручить им вербовку новых сторонников».

Возможно, что Марат, как с ним часто бывало, преувеличивал. Но остается фактом, что агитация контр-революционных агентов имела известный успех; а так как другая часть рабочих, занятых в мастерских, стала на сторону самых решительных революционеров, то не было недостатка в жестоких внутренних распрях между рабочими мастерских. К тому же после временной убыли числа рабочих, наблюдавшейся летом 1790 года, осенью опять начался усиленный прилив ищущих заработка. Расходы все увеличивались, а все попытки превратить мастерские в учреждения, которые сами покрывали бы сколько-нибудь заметную долю затрат, оканчивались неудачей. По постановлению, принятому Национальным Собранием 30 мая 1790 года, на земляные работы начали ставить только более крепких рабочих, слабейшим давали плетенье, а безработным женщинам прядильные работы. Но так как произведения по качеству были здесь хуже, чем изделия рабочих-профессионалов, а спрос на такие товары при тогдашнем кризисе был чрезвычайно низкий, то от продажи продуктов, производимых в общественных мастерских, управление получало лишь ничтожные суммы.

3. Как Национальное Собрание борется с безработицей.

Поэтому парижский коммунальный совет и парламентский комитет по нищенству (comité de mendicité), созданный декретом Национального Собрания от 21 января 1790 года, все еще работали над вопросом, как преобразовать парижские благотворительные мастерские в таком направлении, чтобы по возможности сократить число занятых в них рабочих и расходы по ним. После ряда совещаний и законопроектов «comité de mendicité», казалось ему, наконец нашел для этого способ. После длинного доклада, сделанного либеральным герцогом де-Ларошфуко-Лианкуром, представителем дворянства от Клермон-ан-Бовуази, 31 августа 1790 года «comité de

mendicité» внес в Национальное Собрание следующий законопроект:

«Принимая во внимание, что общественные мастерские должны служить поддержкою только тем, у кого действительно нет работы; что средства, предназначенные для этой цели, должны пойти на пользу возможно наибольшему количеству местных жителей; что мастерские не должны причинять вреда ни сельскому хозяйству, ни фабрикам и не должны служить тому, чтобы поощрять беспечность и леность, Национальное Собрание декретирует:

«Статья I. Закрываются благотворительные мастерские, существующие в настоящее время в Париже. На место их в сельских местах устраиваются новые, как в пределах заповедной мили вокруг Парижа, так и в различных департаментах, где местные департаментские директории (управления) признают их необходимыми.

«Статья II. Эти мастерские должны быть двоякого рода: в одни мастерские управления должны допускать только рабочих, работающих сдельно, в других должны получать работу более слабые и мало пригодные для полевых работ. Последние получают сдельную плату.

«Статья III. Сдельная и поденная плата должна определяться таким образом, чтобы она всегда была ниже обычной в соответствующих частях страны заработной платы для обыкновенных однородных рабочих. Она устанавливается управлениями тех мест, где устраиваются мастерские. Точно так же полицейский регламент для таких мастерских составляется местными управлениями.

«Статья IV. Рабочие, не подчиняющиеся полицейскому регламенту (правилам внутреннего распорядка) или постановлениям относительно заработной платы, должны почитаться сопротивляющимися распоряжениям местной полиции и подвергаться за то соответствующему наказанию. Но если они будут виновны в устройстве бунтовщических скопищ, сопротивлении или других тяжких проступках, то их следует подвергнуть аресту и передать, как нарушителей общественного спокойствия, обычным судам, дабы они, как таковые, были подвергнуты наказанию в зависимости от тяжести проступка».

Далее постановлено, что на работы в парижские мастерские могут быть приняты только лица, пользующиеся правом гражданства в Париже, все же иногородние безработные и нищие, для содержания которых потребовались бы общественные средства, подлежат немедленному удалению из Парижа.

Характерно для Национального Собрания, что даже со стороны крайней левой не было серьезных протестов против таких мер. Подавляющее большинство без прений голосовало за законопроекты «comité de mendicité».

Единственным результатом закона было перемещение некоторых из парижских мастерских дальше, в предместья, окружающие город. Но так как управлениям департаментов было предоставлено решение вопроса, следует ли устраивать мастерские или нет, то в большинстве случаев они приходили к убеждению, что для их департаментов такие мастерские не требуются. Ошибочной оказалась и надежда разгрузить парижские мастерские, устранив всех безработных, не пользующихся правами гражданства в Париже. Скоро оказалось, что невозможно отказать и рабочим, которые прибыли в Париж из провинции. К тому же в зимние месяцы в северной Франции были опять сильные морозы. В результате в феврале 1791 года число рабочих, занятых в парижских общественных мастерских, по временам повышалось до 27—28 тысяч.

При таких обстоятельствах «comité de mendicité» Национального Собрания признал целесообразным совершенно закрыть мастерские для безработных и освободить Париж от опасной обузы. После того как 18 февраля 1791 года Национальное Собрание приняло предварительное решение в самом непродолжительном времени закрыть общественные мастерские, герцог де-Ларошфуко-Лианкур 16 июня 1791 года представил обстоятельный доклад об их положении. Он, несомненно, один из лучших знатоков школьного, благотворительного и тюремного дела,—со свойственной ему педантической основательностью обрисовал в длинном докладе возникновение так называемых благотворительных мастерских, развитие их в Париже, их деятельность, внутренние распри между различными группами занятых в них рабочих и значительность сумм, затраченных до того времени на содержание мастерских государством и городом. На основании исчислений он показал, что Париж в последнее время расходовал на парижские мастерские почти 900.000 ливров в месяц, не считая тех 50.000 ливров, которых ежемесячно требовало содержание 1.400 парижских безработных, занятых на Бургундском канале. В виду таких обстоятельств и печального финансового положения как государства, так и города Парижа, «comité de mendicité» пришел к решению предложить Национальному Собранию закрыть все общественные мастерские. Так как вскоре начинаются полевые работы, да и промышленный кризис все более ослабевает, так что рабочие парижских производств уже опять начали предъявлять требования о повышении заработной платы и угрожают забастовкой, то рабочие, до сих пор находившие работу в общественных мастерских, если они действительно хотят работы, сравнительно легко найдут таковую. Кроме того, «comité de mendicité» предложил Национальному Собранию следующее: так как из 15 миллионов ливров, вотированных 19 декабря 1790 года, все еще оставалось 8.360.000 ливров, то следует немедленно взять из этой суммы 2.600.000 ливров и распределить их между различными департаментами на постановку земляных работ, регулирование рек и постройку каналов; при этом Париж на такие работы должен получить на первое время 1 миллион ливров, некоторые другие департаменты в общей сложности 1.600.000 ливров (в предложении подробно названы соответствующие департаменты и способ употребления ассигнованных сумм).

Затем герцог де-Ларошфуко предложил Национальному Собранию принять ряд параграфов закона, которыми устанавливается, что с 1 июля 1791 года закрываются все общественные мастерские, устроенные для [illegible] как в Париже, так и в других частях государства; допускается сохранить только прядильные мастерские, открытые для помощи [illegible] ным женщинам. В [illegible] работных, которым не удастся [illegible] в частных производствах, Национальное [illegible] выдать на первое время различным департаментам 2.600.000 ливров для начала необходимых земляных и водных работ. Далее, вся-

кий рабочий, занятый в парижских общественных мастерских и не пользующийся здесь правами гражданства, должен получить дорожное пособие в размере 3 су за каждый час пути, если только он покинет мастерские до 26 июня и даст обязательство немедленно отправиться к себе на родину.

Предложенных мер было совершенно недостаточно. Пусть даже экономическое положение в общем несколько улучшилось; тем не менее в большинстве не чисто деревенских департаментов все еще господствовала ужасающая безработица. На сколько должно было хватить при таких обстоятельствах тех 50, 100 или 150 тысяч ливров, которые были предоставлены нуждающимся департаментам на устройство общественных работ? Капля воды на раскаленный камень! Несмотря на то, даже на крайней левой предложения были встречены отчасти одобрительно; некоторые депутаты старались только повысить размеры государственной субсидии для своих департаментов. Единственным депутатом, который энергично выступил против статей внесенного законопроекта, был не буржуазный представитель, а гуманный депутат дворянства из Э, Антуан д'Андре. Он заявил, что попечение о безработных—*национальный долг*. Поэтому нарушением долга будет попросту вышвырнуть рабочих из мастерских и предоставить их самим себе. Правда, существующие общественные мастерские, несомненно, не имеют надлежащего устройства: бессмысленно ставить на тяжелые земляные работы рабочих, которые привыкли к легкому ручному труду. Поэтому нечего было бы возразить против закрытия так называемых благотворительных мастерских; но прежде чем закрывать их, необходимо предварительно создать учреждения, в которых безработным давались бы работы, более или менее соответствующие их прежним занятиям.

Однако среди массы депутатов не нашли никакого отклика эти взгляды, отзывающиеся идеями Руссо. Предложения «comité de mendicité» были приняты громадным большинством.

Рабочие общественных мастерских протестовали; а 1 июля 1791 года, когда парижские «ateliers de charité» действительно были закрыты, на Вандомской и Гревской площадях собралась беспорядочная буйствующая толпа, которая учиняла там самые бессмысленные бесчинства, нападала на прохожих,

швыряла камнями в окна и, наконец, приготовилась напасть на расположенные по соседству караулы национальной гвардии. Однако, предвидя, что закрытие общественных мастерских вызовет беспорядки, городское управление приняло всевозможные предохранительные меры. Скоро с разных сторон прибыли сильные отряды парижской национальной гвардии со штыками наперевес, разогнали буянов и арестовали около двух десятков главных крикунов, чтобы потом начать преследование за призыв к нарушению общественного спокойствия.

Скоро порядок был восстановлен. Из провинции тоже поступили донесения о нескольких случаях беспорядков. В ответ на это Национальное Собрание 26 и 27 июля 1791 г. издало декрет, который, принимая во внимание «*неприкосновенность права собственности*» и необходимость «*обеспечить права человека и гражданина*», до крайних пределов усилил наказания, угрожающие за выступления против распоряжений, указов властей, против арестов и судебных приговоров. Так, например, *всякие собрания более чем 15 лиц*, которые противодействуют тому, чтобы привести в исполнение распоряжение или закон, полицейский приказ об аресте или судебный приговор, с самого начала объявляются «бунтовщическими скопищами», и коммунальным властям предоставляется право, после троекратного требования разойтись, отдавать приказ о немедленном разгоне их штыками. Каждому национальному гвардейцу, который отказался бы исполнить таковой приказ о действиях против вооруженных или безоружных скопищ, угрожает лишение на четыре года прав активного гражданина и, кроме того, в зависимости от тяжести его ослушания, тюремное заключение сроком до одного года.

4. Против права коалиций.

Во время революции экономическое положение большинства категорий рабочих сначала значительно ухудшилось, во всех же политических правах им было отказано. Рабочий, подобно неимеющему состояния мелкому горожанину и мелкому крестьянину, был принижен до положения пассивного

гражданина в новом «свободном» государстве; либеральная буржуазия считалась с ним только как с объектом, а не как с субъектом законодательства и управления. Ему не дали как избирательного права в Национальное Собрание, так и коммунального избирательного права. Декретом 22 декабря 1789 года о собраниях избирателей и административных собраниях его лишили права даже просто пассивного участия в первичных выборах и оставили это право только за имеющими право голоса. Для него не существовало,—это относится по крайней мере к Парижу,—вообще никакого права собраний,—ни для обсуждения политических вопросов, ни для обсуждения своих профессиональных дел: парижский коммунальный совет постановлениями 7, 8 и 31 августа 1789 года воспретил всякие собрания для обсуждения общественных дел и отдал приказ национальной гвардии разгонять все «скопища» силой оружия. Коммунальный совет мотивировал это постановление тем, что революция, которая протекла так счастливо и блестяще, примирила нацию со своим королем и дала государственным властям солидное конституционное основание, не должна компрометироваться сборищами, ибо последние нарушали бы общественный порядок и могли бы даже послужить целям врагов общественного благополучия (sont contraires au bon ordre et peuvent même servir les vues des ennemis du bonheur public). А когда, несмотря на свирепые выступления парижской национальной гвардии (см. гл. 2, 13), оказалось, что все время продолжаются сходки и скопища, Национальное Собрание по просьбе парижского городского управления издало уже упомянутый военный закон (см. главу вторую), который каждой коммуне дал право по своему усмотрению вводить на своей территории осадное положение и таким образом объявлять «преступным» всякое собрание, имеет ли оно мирный или бурный характер.

Однако этого было все еще недостаточно для той любви к порядку, которой прониклись состоятельные либеральные элементы Национального Собрания. Чтобы устранить из национальной гвардии рабочих и мелких горожан, оно законом 18 июля 1790 года установило, что только активные граждане, внесенные в коммунальный регистр, могут вступать

в ряды национальной гвардии. Ни один пассивный гражданин не допускается даже в качестве заместителя активного гражданина, который не мог явиться на службу вследствие дряхлости или болезни. Точно так же рабочие (по закону об устройстве судов 16 августа 1790 года) не могли принимать участия в выборах судей и занимать почетные должности заседателя или эксперта. Рабочему предупредительно было предоставлено только право платить налоги. Характерно для воззрений французской буржуазии в 1789 году, что Национальное Собрание, издав известный декрет 6 октября 1789 г. о взимании единовременного патриотического чрезвычайного налога и освободив от него рабочих и бедных, ежегодный доход которых не достигал 400 ливров, следом за тем предложило им добровольно принести известную жертву на алтарь отечества.

Более интеллигентная часть подмастерьев и промышленных рабочих, которых кризис еще не выбросил на улицу, особенный вред увидала в том, что им не разрешается собираться даже для обсуждения и улажения своих особых профессиональных дел, а также не разрешается устраивать профессиональные союзы. Но что им воспретили устраивать явно, они начали делать тайно. От прежних времен, хотя и уничтоженные по закону, тайно все еще существовали некоторые остатки товариществ и братств подмастерьев (compagnonages et confréries); к ним-то и примкнули подмастерья. 1790 год не благоприятствовал сколько-нибудь широкой борьбе за повышение заработной платы. Каждый рабочий, у которого была работа, считал себя счастливым, потому что он устроился лучше, чем многие тысячи его товарищей по профессии, и примирялся даже с понижением заработной платы. Но весною 1791 года в Париже опять оживилась строительная деятельность, прекратившаяся с осени 1789 года, и опять начали находить для себя работу каменщики и подмастерья-плотники, отчасти также и столяры. Тогда вскоре снова обнаружилось стремление привести заработную плату в некоторое соответствие с значительно возросшими за это время ценами продовольственных продуктов. Уже в феврале 1791 года подмастерья-плотники и книгопечатники, — положение для последних было в особенности благоприятное вследствие

подъема в области газетного дела и книготорговли,—устраивали многочисленные тайные собрания; на них было выработано требование заработной платы в 2½ ливра за 11-часовой рабочий день, и обсуждался вопрос, не следует ли начать всеобщую забастовку, если бы предприниматели отклонили это требование. Мастера, осведомленные об этих сходках доносчиками, обратились к парижскому городскому управлению с адресом, в котором они требовали уничтожения организаций подмастерьев [1]).

Коммунальный совет обсудил дело и поручил двум членам составить прокламацию к «нарушающим спокойствие» рабочим; 26 апреля она была составлена и 29 апреля 1791 года опубликована. Она обращается к рабочим с увещанием не нарушать свободы хозяев и воздержаться от того, чтобы использовать положение, сравнительно благоприятное в данное время, для предъявления требований о повышении заработной платы. К тому же невозможно и было бы несправедливо, если бы все рабочие получали одинаковую плату. Коалиция, задающаяся такой целью, нарушает собственные интересы рабочих, не говоря уже о том, что это было бы насилием над законом.

Эта премудрая прокламация не оказала никакого действия на рабочих; для обоснования своих требований они посылали в ратушу депутации. А подмастерья-плотники для защиты своих рабочих интересов наладили даже своего рода верховное руководительство забастовкой, «братский союз рабочих плотничьего ремесла», который составил особый рабочий регламент и отправил его на утверждение предпринимателей. Главное требование в нем—заработная плата в 5 су (около 10 коп.) за час труда, или 50 су в день.

---

[1]) „Moniteur universel“ от 29 апреля 1791 года так сообщает об этом: „Магистрат осведомили о том, что рабочие некоторых профессий почти ежедневно собираются в большом числе, объединяются и, вместо того чтобы пользоваться временем для работы, обсуждают и решают, каким бы способом поднять свою заработную плату. Многие из них перебегают также из одной мастерской в другую и сообщают неучаствовавшим в совещаниях, какие решения были приняты; а если те отказываются, им угрожают и учиняют над ними насилия, чтобы заставить их присоединиться к ним и оставить работы“.

Коммунальный совет был до чрезвычайности смущен этим движением, которое угрожало перекинуться и на другие отрасли. Он вступил в сношения с управлением департамента и затем обратился к Национальному Собранию с петицией, в которой просил «дать ему в руки законное оружие» для подавления этой стачечной горячки. Национальное Собрание передало это прошение в конституционную комиссию, а та 14 июля 1791 года в лице Исаака ле-Шапелье, либерального представителя третьего сословия Ренна, представила свой доклад.

Ле-Шапелье обрисовал в Национальном Собрании выступления подмастерьев против предпринимателей (entrepreneurs), характер организаций подмастерьев и затем (по отчету о заседании, напечатанному в «Moniteur universel»), продолжал:

«Цель этих организаций, которые все больше распространяются в королевстве и уже вступают между собою во взаимные связи,—принудить предпринимателей, так называемых мастеров, к повышению заработной платы, помешать рабочим и отдельным предпринимателям, дающим им работу в своих мастерских, заключать между собою договоры по своему усмотрению и добиться того, чтобы они своей подписью обязались подчиняться тем постановлениям относительно уровня заработной платы и рабочего регламента, которые рабочие собрания позволяют себе составлять. Не останавливаются даже перед применением силы, чтобы добиться принятия этих условий. Если рабочие довольны своими заработками, их все же заставляют покидать мастерские. Эти мастерские должны стоять пустые. И действительно, некоторые мастерские уже приостановили работы, и в разных местах происходили всевозможные беспорядки».

Затем Шапелье выразил порицание парижскому городскому управлению за то, что оно не приняло более быстрых и энергичных мер. Оно положительно относилось с слишком большим снисхождением к первым собраниям подмастерьев. Ни под каким видом недопустимы профессиональные собрания, ибо все ремесленные корпорации уничтожены, и во Франции нет больше каких-либо особых корпоративных прав. Существуют только отдельные интересы отдельных лиц и

всеобщий интерес, общественный интерес. Точно так же недопустимы устраиваемые рабочими кассы взаимопомощи, потому что они приводили бы к созданию привилегированного положения. Хотя рабочие говорят, будто эти кассы должны служить лишь для помощи больным и безработным коллегам, однако это только предлог, ибо только на нации лежит обязанность давать труд здоровым и поддержку больным.

Потом Шапелье говорит:

«Наш комитет (конституционный комитет) полагает, что пора принять меры против дальнейшего распространения беспорядков. Эти злосчастные союзы уже повели к тому, что в Париже возник союз под названием «Общество обязанностей», который подвергает всяческим преследованиям каждого, кто не признает «обязанностей», т.-е. рабочего распорядка, установленного этим обществом. И мы имеем все основания предполагать, что рабочие побуждаются устраивать эти сходки не столько стремлением достигнуть посредством своих союзов повышения поденной платы, сколько тайным намерением вызвать беспорядки.

«Итак, мы должны возвратиться к тому принципу, что задача свободного договора найма, который одно лицо заключает с другим, заключается в том, чтобы определить уровень платы отдельного рабочего, и что, следовательно, рабочий безусловно должен соблюдать соглашение, которое он заключил с лицом, дающим ему работу. Теперь я не стану касаться вопроса, соответствует ли разумным требованиям теперешняя заработная плата; я должен только признаться, что, как мне кажется, она должна быть несколько выше, чем в настоящее время».

При этих словах в зале послышались выражения протеста и шум. Большинству депутатов было не по нутру, что Шапелье публично заявил о том, что тогдашняя заработная плата была недостаточна. Однако Шапелье не смутился. Обращаясь к протестующим, он продолжал:

«То, что я сказал, совершенно справедливо: у свободной нации заработная плата должна быть достаточно высокая для того, чтобы получающий ее не находился в полной зависимости, вытекающей из неимения необходимейших средств

существования и представляющей не что иное, как почти настоящее рабство. Несомненно, английские рабочие оплачиваются лучше, чем французские. Итак, не касаясь существующего размера заработной платы, я повторяю еще раз: определение—дело свободного соглашения отдельных лиц, и потому конституционная комиссия признала необходимым предложить вам соответствующий декрет».

Декрет, предложенный конституционной комиссией содержит следующие постановления:

Статья I: Так как уничтожение всякого рода корпораций в одном и том же профессиональном сословии является одной из главных основ французской конституции, то воспрещается под каким бы то ни было предлогом и в каких бы то ни было формах вновь создавать таковые корпорации.

Статья II: Граждане одной и той же профессии или ремесла, предприниматели и владельцы магазинов, рабочие и подмастерья какого бы то ни было ремесла не имеют права, собравшись, избирать председателей, секретарей и делопроизводителей (syndici), вести списки, устраивать совещания, принимать постановления и издавать какие бы то ни было распоряжения, касающиеся их воображаемых общих интересов.

Статья III: Всем властям и коммунальным учреждениям воспрещается принимать какие-либо записки или петиции, подаваемые от имени того или иного сословия (профессиональной группы) или ремесла и давать на них какой-либо ответ. Напротив, им предписывается объявлять все совещания указанного рода не имеющими силы и заботливо наблюдать за тем, чтобы их постановлениям не подчинялись и не приводили их в исполнение.

Статья IV: Если граждане одной и той же профессии или одного и того же искусства или ремесла устраивают меж собою совещания и заключают договоры, сводящиеся к тому, что они сообща отказываются от работы в своей отрасли промышленности или труда или соглашаются работать только за определенную устанавливаемую ими плату, то все такие совещания и соглашения, устраиваются ли они тайно или нет, должны быть объявлены противными конституции и проступками против свободы и

прав человека. Что же касается инициаторов, коноводов и подстрекателей, которые предлагали устраивать таковые соглашения, составляли их или председательствовали при совещании, то они по предложению коммунального прокурора должны предаваться суду полиции и присуждаться к денежному штрафу в 500 ливров, а также к лишению сроком на один год всех прав активного гражданина и права участвовать в первичных избирательных собраниях.

Статья VI: Если в собраниях и на сходках будут сделаны угрозы против таких посторонних предпринимателей, художников, рабочих или подмастерьев, которые возьмут работу в данном месте или согласятся удовлетвориться более низкой заработной платой, или если такие угрозы будут распространены расклейкой листков и посланиями, то инициаторы, зачинщики и подписавшиеся под такими документами наказываются денежным штрафом в 1.000 ливров и тюремным заключением на три месяца.

Статья VII: Все публичные собрания художников, ремесленников, подмастерьев и рабочих, направленные против той свободы занятий в известном промысле или ремесле, которая предоставляется конституцией, против заключенных условий труда всякого рода, против мер, принимаемых полицией, а также против исполнения состоявшихся судебных приговоров по делам того же рода, должны рассматриваться как бунтовщические скопища и подлежат, как таковые, судебному преследованию. Инициаторы, главари и подстрекатели таковых скопищ, а в особенности лица, учинившие насилия, подлежат наказанию по всей строгости закона.

Чрезвычайно характерно для взглядов тогдашней либеральной буржуазии то отношение, которое этот законопроект встретил в Национальном Собрании. Против законопроекта возражали лишь немногие либеральные депутаты, и главное возражение сводилось исключительно к тому, что из закона недостаточно ясно видно, воспрещаются ли в будущем только профессиональные союзы рабочих или же и союзы других сословий. Жан-Франсуа де-Биоза, представитель третьего сословия из Клермон-Феррана, в особенности настаивал на том, что закон будет приемлем лишь при одном условии: если выраженное в нем воспрещение в равной мере будет распространяться на все профессиональные организации без всяких изъятий, следовательно, напр., и на союз бывших стряпчих при суде Шатле, которые ведь тоже объединились в организацию, преследующую интересы определенной профессии.

В ответ на это Шапелье заявил, что, само собой разумеется, закон распространяется без изъятий на объединения всех профессий.

Тогда Биоза потребовал, чтобы его вопрос и ответ, данный на него Шапелье, были занесены в протокол заседания. Но ряд ораторов от умеренно-либеральных групп не хотел и слышать об этом, и в заключение Шабру внес предложение о переходе к очередным делам. Это предложение было принято, а затем огромным большинством одобрен и закон в редакции, предложенной Шапелье.

5. Проявления классовой борьбы.

В настоящее время представляется странным, что с более решительным протестом против законопроекта конституционной комиссии не выступили немногие демократические члены Конституанты (Учредительного Собрания), в особенности Робеспьер, который несколькими неделями раньше, 9 мая 1791 года, вел энергичную борьбу за право подачи коллективных петиций. Конечно, за закон голосовало такое крупное большинство, что все красивые речи ничего не изменили бы в факте его окончательного принятия; тем не менее уже из верности собственным политическим принципам немногие действительно демократы Собрания должны были бы представить свои возражения, не считаясь с тем, что либеральные «друзья конституции», как можно было предвидеть, пришли бы от этого в бешенство.

Как показывает критика законопроекта в тогдашней прессе, эта сдержанность вытекала по всей вероятности из того, что значение закона положительно недооценивали и видели в нем только дальнейшее ограничение права собраний и петиций,—возврат к системе опеки, характеризовавшей старый

режим. Никто не видал классового характера закона, заключающегося в нем подчинения жизненных интересов рабочих барышническим интересам буржуазии, проявившегося с величайшею остротой начала новой фазы классовой борьбы. Нет ничего удивительного в том, что газета с таким направлением, как «Révolutions de France et de Brabant» («Французские и Брабантские Революции») Демулена не поняла классового характера этого закона и главную ответственность за его текст возложила на «несчастного пустомелю» Шапелье: ведь редактор этого еженедельника в каждом номере снова и снова давал доказательства, что он решительно ничего не понимает в тогдашнем экономическом и общем положении Франции. Но и такие газеты, как «Révolutions de Paris» («Парижские Революции») и даже «Друг Народа» Марата,—того самого Марата, который причины бушевавшей вокруг него борьбы так часто сводил в своей газете к разделению нации на различные классы с различными жизненными интересами,—увидали в законе всего лишь возврат к прежней опеке, «восстановление деспотизма на развалинах завоеванной народом свободы», как выражался Марат, и «гнусное покушение» на свободу собраний.

В настоящее время эта близорукость представляется нам удивительной, но в действительности она совершенно понятна: начиная прежними, средневековыми городскими революциями и кончая современностью, мы постоянно наблюдаем, что стремящиеся кверху слои народа, стоящие в оппозиции к режиму определенного сословия или класса, сначала не понимают классовых различий и антагонизмов, существующих в их собственных рядах, и, так как по отношению к господствующему классу некоторые интересы у них общие, считают себя едиными в политически-классовом отношении. Если же, несмотря на то, при случае в их собственных рядах пробиваются известные противоречия интересов, то, по воззрениям политических вождей, причина всегда заключается только в недостатке дисциплины, в слабом понимании требований момента, в одностороннем выдвигании на первый план мелких отдельных интересов перед великими интересами партии и т. д. Поэтому и Марату

отнюдь нельзя поставить в упрек, если при тогдашнем уровне экономического развития в устремлявшихся кверху общественных классах: в ремесленниках, торговцах, подмастерьях, мелких крестьянах, низших чиновниках и в пролетарской интеллигенции он вопреки всем явным различиям в условиях существования, сначала тоже видел политически единую массу,—«народ», угнетаемый старой и новой аристократией.

Однако для социального историка представляет большой интерес, что несколькими днями раньше, 12 июня 1791 года, сам Марат напечатал в своей газете протест против воспрещения профессиональных союзов работников, присланный ему 560-ю рабочими (каменщиками, столярами и каменотесами, занятыми при постройке новой церкви св. Женевьевы), а между тем в этом протесте ясно, хотя и в грубой, инстинктивной форме выражен тот взгляд на это воспрещение, что оно представляет насилие, продиктованное предпринимателям их эгоистическими интересами и направленное против рабочих в целом. В этом документе говорится:

«Не довольствуясь тем, что они (мастера-каменщики, взявшие от города подряд на постройку церкви) за счет своих бедных рабочих нахватали крупные состояния, эти алчные объединенные между собою понижатели заработной платы, чтобы лишить нас работы, распространяют о нас всевозможные позорящие известия,—а теперь в своей бесчеловечности они пошли настолько далеко, что обратились к законодателям, чтобы добиться варварского закона, который осуждает нас на голодную смерть.

«Эти презренные субъекты, которые в полной праздности поедают плоды пота своих рабочих, никогда не сделали ни малейшей услуги для нации. В дни 12, 13 и 14 июля они прятались в погребах. Затем, когда они заметили, что класс неимущих уже сделал революцию, они выступили из своих убежищ, чтобы действовать против нас, как против разбойников. А потом, когда они увидали, что опасности миновали, они начали в своих районах интриги и происки, чтобы захватить для себя должности. Они надели на себя мундиры и эполеты (национальной гвардии). Теперь же, когда они думают, что сильнее нас, они хотели бы склонить нас под

свое суровое ярмо, растоптать нас без всякого сострадания и угрызений совести».

Затем письмо поименно перечисляет 11 строительных предпринимателей при церкви св. Женевьевы, описывает, как они разбогатели (некоторые прежде сами были простыми каменщиками или хозяевами закусочных при крупных строительных работах), и сообщает, каким большим количеством домов и какими ежегодными доходами владеют они в настоящее время. Доход крупнейшего из строительных предпринимателей, некоего господина Перо, которого они называют фаворитом городского госпитального управления, определяется в 200.000 ливров, затем следуют доходы, определяемые в 90.000, 50.000, 40.000 ливров и т. д.

После того в письме говорится:

«Это—лишь краткое изображение способов, применяемых нашими вампирами, и их колоссальных состояний. Хотя они задыхаются в своих богатствах, однако они,—можете нам в этом поверить,—преисполнены такой алчности, такого корыстолюбия, что всеми средствами стараются урезать и те 48 су поденной платы, которые назначены нам управлением. Они не хотят принять в расчет, что работа у нас бывает редко больше шести месяцев в году, и что поэтому наша заработная плата составляет всего 24 су. И на эту жалкую плату мы должны добывать себе пропитание, должны нанимать жилье, одеваться и содержать семью, у кого есть жена и дети. Таким образом, после того как мы истощили наши силы на службе государству, после того как подвергались презрительному обращению со стороны своих начальников и в конец истощены голодом и усталостью, нам в качестве последнего пристанища, где мы доживаем наши дни, часто остается только Бисетр (известный, напоминающий крепость, госпиталь в юго-западной части Парижа, в который во время революции принимали престарелых и больных, но в то же время и босяков, подвергавшихся задержанию), а в это самое время наши вампиры живут во дворцах, распивают тончайшие вина, спят на пуховиках, разъезжают в раззолоченных каретах и среди своего изобилия и своих удовольствий совершенно забывают о наших несчастьях. Они часто отказывают даже в заработной плате за начавшийся

рабочий день семье работника, который в течение этого дня был искалечен или убит».

Письмо дает яркую, хотя далеко не единичную иллюстрацию того, каким раздражением против крупной буржуазии и «нового режима» уже в 1791 году была охвачена более интеллигентная часть парижских наемных рабочих.

6. Расширение избирательного права.

Конституция 3 сентября 1791 года, принятая первым Национальным Собранием, не признает за рабочим никаких активных политических прав. Он—исключительно пассивный член государства, который беспрекословно должен брать и исполнять все, что будет постановлено законодательными учреждениями. Ему не дано избирательного права в национальное и коммунальные собрания, он не может участвовать в выборах коммунальных чиновников и судей. Точно так же для него не существует какого-либо права собраний и союзов. Воспрещается даже сходиться с другими рабочими, занятыми в том же самом производстве или профессии, для обсуждения условий своего заработка и труда. Он, если не хочет провиниться в нарушении закона, не смеет также составлять и посылать петиции, касающиеся вопросов его труда и заработка.

Второе Национальное Собрание, открывшееся 1 октября 1791 года, в первое время оставило такое положение без всякого изменения. Правда, перевес в этом Собрании принадлежал уже не представителям умеренно-либеральной крупной буржуазии, богатых финансистов и землевладельцев из буржуазии, высших чиновников, получивших университетское образование, и состоятельных ученых, а представителям либеральной торговой и промышленной буржуазии из торговых городов и морских портов: жирондистам и бриссотинцам; однако, несмотря на свои демократические аллюры, последние так же, как и прежние умеренные либералы, теперешние фейльянты, не были склонны предоставить беднейшим слоям народа действительное влияние на законодательство и управление. Только после того как 10 августа 1792 года королевская власть была ниспровергнута, и

партия Жиронды, предусматривая грядущую борьбу, увидала себя вынужденной искать широкого базиса в народе, она пошла на то, чтобы расширить существующее избирательное право. 11 августа, на другой день после взятия короля в плен, лидер жирондистов Гаде от имени «чрезвычайной комиссии» (комиссии двенадцати), находившейся под влиянием его и Верньо, внес в Национальное Собрание предложение уничтожить существовавшее до того времени различение активных и пассивных граждан и предоставить право участия в первичных выборах всем лицам, которые достигли 21-летнего возраста, содержат себя самих и семью на доходы от своей собственности или на собственные заработки (не должны пользоваться избирательным правом лица, получающие пособие из общественных средств, а также домашняя прислуга разного рода) и не менее одного года имеют постоянное жительство в своей коммуне. Лица, удовлетворяющие этим условиям, могут в будущем избираться в выборщики и депутаты, если только они старше 25-летнего возраста.

Национальное Собрание приняло этот законопроект, состоящий из 14 статей.

Ничего не было изменено в чрезвычайно сложной избирательной процедуре: косвенные (двухстепенные) выборы депутатов выборщиками,, объединение целой коммуны в единственный избирательный участок, открытая подача голосов по перекличке имен, собрание всех выборщиков целого департамента для того, чтобы сообща открытою подачею голосов избрать депутатов,,—вся эта громоздкость была сохранена без всякого изменения. Национальное Собрание в предложение Гаде внесло только одно дополнение: за каждую милю расстояния от места своего жительства до того места, где производятся департаментские выборы, каждый выборщик получает 1 ливр дорожного пособия и кроме того по 3 ливра кормовых денег за каждый день отсутствия из места своего жительства.

Когда Гаде вносил свое предложение, «чрезвычайная комиссия» действовала оттасти под влиянием некоторого принуждения. Та масса, которая 10 августа низвергла королевскую власть, состояла из федератов и пассивных

граждан. Батальоны парижской национальной гвардии, так называемые «преданные народу», и роялистские одинаково обманули ожидания. Невыразимо трусливыми оказались больше всего рисовавшиеся своим роялизмом «плутократические» батальоны, а из них больше всего батальон из квартала парижских банкиров, из «Filles saint Tomas» («Дочери св. Фомы»). На основании пережитого опыта было бы прямо смешно полагаться на этих защитников «чести французской нации». Господство над столицей получили парижские пассивные граждане,—во главе с мелкими ремесленниками и рабочими из пригородов Сен-Антуан и Сен-Марсо,—готовые во всякий момент выступить снова, если бы это потребовалось. А в новом парижском коммунальном совете, который составился из «комиссаров», избранных секциями, эта масса нашла для себя энергичное представительство, которое не позволяло шутить с собой, а коротко и ясно через особые делегации сообщало перепуганному Национальному Собранию, какие постановления и распоряжения оно считает необходимыми[1]). При таких обстоятельствах было бы слиш-

[1]) До чрезвычайности интересно наблюдать, до какой степени Национальное Собрание в первые дни после 10 августа 1792 года находилось под влиянием революционного парижского коммунального совета. 11 августа коммунальный совет через делегацию коротко сообщил Национальному Собранию, что следует временно отрешить от должности все комитеты секций, а также лишить полномочий, касающихся столицы, совет департамента и директорию (управление) парижского департамента, т.-е. учреждения, под контролем которых находилось парижское муниципальное управление. Национальное Собрание, не заявляя энергичного протеста, выслушивает оба сообщения.

На следующий день, 12 августа, Национальное Собрание, которое для жительства плененной королевской семьи сначала назначило Люксембургский дворец, распоряжается, чтобы она была водворена во дворце министра юстиции (министерском отеле Дантона). Немедленно в Национальное Собрание является депутация от коммунального совета, которому это помещение кажется недостаточно надежным, и требует, чтобы короля и его семью перевели в Тампль. Национальное Собрание отвергает свое только что принятое постановление и распоряжается перевести короля в Тампль.

Вскоре после того новая делегация парижского коммунального совета появляется перед решеткой Национального Собрания и требует, чтобы Национальное Собрание тотчас же отменило свое постановление о том, что в городах, с населением свыше 20.000, коммунальное управление не может самостоятельно распоряжаться полицией, а что верховное право распоряжения принадлежит директории департамента. Депутация коротко требует, чтобы

ком рискованно отказать восставшему народу Парижа в удовлетворении его давнишнего требования, в уничтожении установленного конституцией разделения граждан на активных и пассивных. Однако, если некоторые либеральные историки утверждают, будто жирондисты, когда они 11 августа 1792 года подавали свои голоса за устранение статей 2—7 второго отдела конституции 1791 года, действовали только из страха, то это не совсем так. В действительности значительная часть жирондистов полагала, что благодаря расширению избирательного права возрастет их престиж и количество их приверженцев в народе и что поэтому на предстоящих выборах в Конвент им достанется огромная доля избирательных голосов (начало первичных выборов было назначено на 26 августа 1792 года, выборы депутатов—на 2 сентября). Даже в Париже жирондисты в самодовольной переоценке своих сил надеялись получить большинство.

Первые известия о выборах, прибывшие в Париж в сентябре, казалось, действительно подтверждали эти ожидания. Жирондистская пресса ликовала. Еще 10 сентября 1792 года парижские вожди бриссотинско-жирондистской партии считали свою победу обеспеченной. Редактируемый Бриссо «Французский Патриот» писал: «После благоприятного исхода выборов в департаментах здесь начинают питать величайшие надежды на грядущее Национальное Собрание». И с отрадным удовлетворением жирондистская газета подсчитывала, что из вождей «крайней левой» до сих пор только Робеспьер был избран дважды, в Париже и в департаменте Па-де-Кале, между тем как даже Дантон и Марат прошли всего один раз в Париже. Напротив, жирондистские вожди почти все были избраны по нескольку раз: Горсас дважды, Бриссо трижды, Кондорсе дважды, Карра даже семь раз.

парижскому городскому управлению было предоставлено право „суверенно“ распоряжаться полицией, и чтобы, далее, полномочия директории парижского департамента были временно приостановлены. Национальное Собрание, которому хотелось бы отнять полицейскую власть у крупных демократических городов, сначала топорщится, но потом вынуждено уступить и соглашается с парижским коммунальным советом, что управление департамента впредь не должно контролировать какие-либо „акты парижского муниципалитета“, за исключением тех, которые касаются обложения.

Но радость оказалась преждевременной. Позднейшие более точные сообщения показали, что в крупнейших торговых городах и промышленных областях юга и северо-запада победили, действительно, жирондисты, но зато в других департаментах избрано внушительное количество радикальных якобинцев. Что касается Парижа, так он в особенности оказался вполне антижирондистским. Ни один из известных жирондистов или бриссотинцев не получил здесь мандата; поле битвы целиком осталось за робеспьеристами, маратистами и дантонистами. Сначала был избран Максимилиан Робеспьер, за ним последовали Дантон, Колло д'Эрбуа, Бильо-Варенн, Демулен, Марат, Пани, Сержан, Фабр-д'Эглантен, Огюстен Робеспьер (младший брат Максимилиана), Лежандр, Давид, Филипп Эгалите (герцог Орлеанский).

7. Жирондисты и продовольственная нужда.

Вскоре после начала заседаний Конвента, открывшегося 21 сентября 1792 года, жирондисты убедились, что они ошиблись в расчетах, и расширение избирательного права повело к усилению в Конвенте «новых», т.-е. радикальных якобинцев. Тогда они начинают все более тянуть назад и опять возвестили, как и раньше, тот принцип, что «только состоятельные граждане достойны свободы», так как неимущая масса именно потому, что ей терять нечего, слишком слабо заинтересована в спокойном, беспрепятственном ходе государственных дел. В дальнейшем у жирондистов и речи нет о расширении демократических прав народа; их задача сводится впредь к разделке с робеспьеристами. Партия Роланда-Гаде-Бриссо отныне вела решительную борьбу не только против всякой меры, способной увеличить политический вес низших слоев народа, но и против всякого социально-политического законопроекта, который, казалось, мог бы смягчить тяжелую нужду беднейшего населения. С одинаковой озлобленностью она противилась и предложению города Парижа предоставить ему субсидию в четыре миллиона ливров для того, чтобы произвести закупку муки и содействовать понижению хлебных цен, и введению принципа прогрессии в налого-

вое законодательство, и освобождению низших категорий доходов до 400 ливров от подоходного обложения, и установлению максимальных цен на хлеб (введению такс), и введению уголовных кар за спекуляцию продовольственными продуктами и за скупку хлеба в целях спекуляции, и устройству общественных работ департаментом для смягчения безработицы, и т. д. Во всех подобных законопроектах жирондисты видели меры, направленные исключительно к тому, чтобы за счет добрых граждан содержать бунтовщические неимущие массы.

С установлением господства зажиточной деловой буржуазии революция для жирондистов достигла своих целей. Интересы этой буржуазии были для них критерием, с которым они подходили к экономическим и социальным требованиям низших слоев народа. Ясно сказалось это в ноябре 1792 года, когда в Конвенте начались прения о вздорожании жизни. Поздней осенью 1792 года хлебные цены поднялись еще много выше, чем осенью 1789 года, и притом в особенности сильно увеличились они в горных областях юго-восточной Франции и по среднему течению Роны, а также в верховьях Луары. Так, напр., уже в половине октября 1792 года, по данным директорий департаментов, цена сетье (сетье равен 120 килограммам, или около 7½ пуд.) пшеницы составляла в департаменте Верхних Альп 63 ливра, в департаменте Нижних Альп 54 ливра, в департаменте Эро 58 ливров, Пюи-де-Дом 53 ливра, устья Роны и Гара 51 ливр. В то же время в Париже с его широкими окрестностями цена за сетье колебалась в пределах от 30 до 35 ливров, а в областях верхнего Рейна и Мозеля определялась всего в 27—34 ливра, в тогдашнем же северо-восточном углу Франции (департаменты Па-де-Кале, Сомма, Уаза, Сена и Уаза) опускалась даже до 25—30 ливров [1]).

[1]) Огромные различия цен объясняются тем, что вследствие печального состояния и отсутствия безопасности на проселочных дорогах, расходы по перевозке были очень высоки. Однако было бы ошибочно в этом видеть единственную причину. Крупные различия в ценах между соседними рынками, а также внезапные пертурбации в этих различиях показывают, что, вопреки многим либеральным историкам, не так-то неосновательны были постоянно повторявшиеся в якобинской прессе и в речах докладчиков Конвента обвинения против скупщиков хлеба и торговцев: чтобы повысить цены, они по временам не выпускали хлеб на рынок. Так, напр., в департаменте Нижней Соны в половине октября 1792 года сетье пшеницы стоил 51 ливр, в департаменте Од, лежащем тоже на Лионском заливе,—34 ливра, а в департаменте Эро, расположенном между двумя предыдущими,—даже 58 ливров.

Какая нужда господствовала тогда в областях, бедных хлебом, показывает уже поверхностное сравнение цен пшеницы в тогдашней Франции с ценами в современной Германии. Например, за последнее десятилетие (1901—1910 г.) в Берлине пшеница стоила в среднем 188 марок за тонну; следовательно, за метрический центнер (центнер—одна десятая тонны; тонна—1.000 килограммов, или около 62 пудов) около 18,8 марок, или 23,5 франка. Напротив, в Париже цена пшеницы в октябре 1792 года установилась почти в 25,5 франка за центнер, а в отдельных частях юго-восточной Франции даже в 40—50 франков. А заработная плата составляла тогда даже в Париже всего 1,75—2 франка,—в деревенских областях она была, конечно, еще ниже. Следовательно, даже в Париже рабочий должен был работать тогда не менее 13—15 дней, чтобы выработать цену центнера пшеницы, а в настоящее время в Берлине рабочему достаточно для этого 4—5 дней.

Понятно поэтому, что в течение ноября 1792 года перед решеткой Конвента снова и снова появлялись делегации из нуждающихся округов и просили об издании закона в целях смягчения нужды. В большинстве случаев они требовали субсидий нуждающимся департаментам для закупки хлеба, регламентации хлебной торговли, установления максимальных цен, уголовных кар для хлебных спекулянтов, устройства общественных работ государством. Конвент, находившийся под влиянием жирондистов, без всяких околичностей отклонял все требования этого рода; он ограничивался отправкою комиссаров, которые должны были восстанавливать в нуждающихся департаментах рыночный порядок, нарушавшийся рыночными бунтами, и призывать народ к спокойствию. Эти посланцы Конвента по большей части не имели никакого успеха, тем более, что свою задачу они часто видели исклю-

чительно в том, чтобы перед голодающими держать публичные речи, в которых они восхваляли преимущества свободной торговли. Возмущенная толпа осыпала их насмешками, а в некоторых местах, как видно из прений Конвента 29 и 30 ноября 1792 года, доходила даже до того, что подвергала комиссаров Конвента побоям.

Такая дерзость должна была быть наказана, и авторитет Конвента необходимо было восстановить. Таким образом 30 ноября 1792 года Конвент, в котором господство все еще принадлежало жирондистам, постановил, что следует еще раз отправить комиссаров Конвента в нуждающиеся департаменты, но уже в сопровождении вооруженной силы и дать им полномочие применять эту силу, если уговорами не удастся привести в разум бунтующую чернь. Тщетно некоторые якобинские ораторы, в том числе Робеспьер и Дантон, возражали, что, если хотят справиться с мятежами в нуждающихся областях, необходимо сначала устранить причины этого движения. Было бы бессмысленно, заявил Робеспьер, выступать с вооруженною силой против голодающих,—это только еще больше расшатало бы авторитет Конвента. Голодающих следует спасти от материальной нужды, тогда само собою восстановится спокойствие.

Однако жирондисты и слышать не хотели ни о государственном контроле над хлебной торговлей, ни о закупках хлеба государством, ни об уголовном преследовании спекулянтов: по их воззрениям, необходимо было во что бы то ни стало сохранить свободу торговли. Если же голодающий народ не понимал этого, то убедительная сила штыков и ружейных залпов должна была привести его к пониманию. Правда, партия Горы привлекла на свою сторону часть вновь избранных радикальных депутатов и угрозами запугала «болото» (как называли составлявшие центр Конвента группы, которые не принадлежали ни к какой партии и постоянно колебались из одной стороны в другую); благодаря этому ей удалось, наконец, в марте, апреле и мае 1793 года провести различные социально-политические законы: например, закон 19 марта 1793 года, которым предусматривается постройка домов для больных, сирот и хи-

лых, а также устройство учреждений по безработице; далее, закон 5 апреля 1793 года об устройстве касс для добавок к заработной плате и, наконец, 4 мая 1793 года известный и вызвавший многочисленные нападки закон о государственном контроле за хлебной торговлей и об установлении максимальных цен (такс) на хлеб. Но все эти декреты были проведены лишь после большого сопротивления жирондистов и их приверженцев.

8. Якобинский закон 28 июня 1793 года об организации помощи.

В области аграрного законодательства для полного устранения феодальных прав было необходимо предварительно сломить власть жирондистов; точно так же эта разделка с ними была предварительным условием дальнейшего серьезного прогресса в области рабочего законодательства и законодательства о бедных. Еще не прошло и четырех недель со времени насильственного удаления вождей Жиронды, как партия Горы уже провела в Конвенте широко задуманный закон об организации помощи, который задался целью в корне преобразовать и расширить все существовавшее до того времени неудовлетворительно поставленное дело попечения о бедных: знаменитый в истории французского законодательства о бедных декрет 28 июня 1793 г.

В статье первой закона выражен тот принцип, что каждый глава семейства, мужеского пола, если его заработок недостаточен для приобретения необходимых средств существования, имеет право на государственную поддержку (Droit aux secours de la nation). Исходя из этого принципа, закон 28 июня 1793 года устанавливает, что всякий отец семейства, живущий трудом своих рук, если ему приходится содержать более двух детей, имеет право требовать 80 ливров в год в качестве пособия на воспитание каждого ребенка сверх этого количества; притом соответствующее право возникает не только лишь по рождении ребенка, но уже с шестого месяца беременности. Право на пособие на основании этого закона предоставляется всякому, кто согласно налоговым спискам должен уплачивать налогов не более,

чем составляет пяти-или десятикратная заработная плата, обычная для данного места. Но если бы кормильцем семьи была несостоятельная вдова, она имеет право требовать ежегодное пособие в 120 ливров и по 80 ливров на каждого ребенка, однако лишь до тех пор, пока дети не достигнут 12-тилетнего возраста (с 13-го в тогдашней Франции начинался период ремесленного ученичества). Если несостоятельный отец или вдова отдают своего сына, достигшего 12 лет, на выучку в ремесло, то они имеют право дважды получить по 100 ливров в качестве пособия на ученье, или, если сын посвятит себя земледелию, то немедленно уплачиваемое за один раз пособие в 200 ливров. Круглые сироты и подкидыши, если их не возьмут к себе родственники, должны получать воспитание на государственный счет: или в порядке так называемого семейного попечения, или же в сиротских домах—в зависимости от местных условий. По достижении 12-тилетнего возраста эти сироты должны надлежащим образом размещаться для обучения.

Самым гуманным образом построено попечение об охране матерей и беременных. Жене каждого обычного работника предоставляется право требовать пособие в 18 ливров на издержки по родам и кроме того, если она сама кормит ребенка, субсидию в 12 ливров на снабжение ребенка всем необходимым. Каждой матери предоставляется разрешиться от бремени в одном из окружных родильных домов, которые должны быть устроены на общественный счет. Точно так же и незамужним женщинам предоставляется воспользоваться родильными домами и, в общем, если они не имеют состояния, совершенно такое же право на пособия, как и всякой замужней женщине. Если внебрачная мать не в состоянии сама воспитывать своего ребенка, она может отдать его в сиротский дом. Следует соблюдать строжайшую тайну относительно тех случаев, когда внебрачные матери разрешаются от бремени в родильных домах; частным лицам ни в каком случае не выдается каких-либо справок.

Так же широко ставится попечение о стариках и больных. Каждому несостоятельному,—мужчине или женщине,—предоставляется получать от государства старческую ренту. Она выдается, начиная с шестидесятого года жизни, и сначала составляет всего 60 ливров в год, так как предполагается, что бедный в этом возрасте еще может кое-что прирабатывать, но потом, с 70-тилетнего возраста, повышается до 80, а с 80-тилетнего—до 120 ливров. Все такие ренты должны выплачиваться по четвертям года, и притом каждый раз вперед. Далее, с 70-тилетнего возраста каждый несостоятельный может, если он это предпочитает, требовать приема в приют для престарелых. Его не могут принуждать там к каким бы то ни было работам; но если он захочет принять участие в работах по учреждению, ему без всякого вычета должна выдаваться выручка от его труда. Каждый живущий в приюте сохраняет за собою право свободно распоряжаться своею доставленною в приют собственностью (одежда, ценные предметы, деньги и т. д.).

Дальнейшие постановления закона касаются постройки государственных (окружных) больниц и общественного попечения о больных.

Для осуществления попечения о больных, престарелых и сиротах создавалась широко разветвленная организация. В каждом кантоне надлежало создать кантональное учреждение по оказанию помощи, так называемое «agence de secours», и на-ряду с ним в городах более чем с 6.000 жителей коммунальный совет назначает городскую комиссию о бедных. Все эти учреждения подлежат надзору и заведыванию государственного учреждения по организации помощи, «comité de secours publics», находящегося в Париже, и все дело попечения о бедных признается «священной обязанностью государства, и расходы по нему в будущем должно целиком нести государство без всяких пособий со стороны коммун».

На-ряду с попечением о бедных закон 28 июня 1793 года стремился урегулировать неотступный вопрос о безработных. Он устанавливает, что учреждения о бедных и коммунальные управления выясняют количество безработных, а также характер безработицы, и свои доклады об

этом вместе с предположениями об устранении безработицы передают окружным управлениям, которые в свою очередь, по проверке докладов, представляют Конвенту доклад вместе со своим заключением о помощи безработным организацией общественных работ (постройка каналов и земляные работы, сооружение общественных зданий и государственных прядильных заведений).

Никогда еще государство не приступало разом к столь основательному регулированию попечения о бедных. Но в то время, в конце XVIII века, подобная организация попечения о бедных представляла нечто неслыханное,—такой шаг, который даже наиболее благорасположенным филантропам других европейских государств представлялся утопией. К сожалению, осуществление этого колоссального дела остановилось на первых шагах. Правда, Конвент несколько раз ассигновал крупные суммы на организацию попечения о бедных и продажей эмигрантских имений старался создать общий фонд на этот предмет; но война с объединенными заграничными государствами и с внутренним врагом в Вандее, в Нормандии и на Юге снова и снова поглощала средства, предназначенные на организацию помощи. А когда после падения робеспьеристов антиякобинская реакция опять подняла голову, у нее, конечно, не было никакой склонности к проведению закона, который по ее мнению послужил бы на пользу только бунтовщической черни.

Либеральные историки в своей ненависти к господству якобинцев утверждали, что закон 28-го июня 1793 года с самого начала создавался в известном смысле исключительно напоказ. Никогда не было серьезного намерения провести его. Пусть на это обвинение ответит либеральный социальный политик, который принадлежит к числу лучших знатоков французского законодательства о бедных, д-р Рудольф Швандер. В своей монографии: «Политика попечения о бедных во Франции в эпоху великой революции» (Страсбург, 1904, стр. 83), он пишет о законе 28-го июня 1793 года: «Это законодательство о бедных, несомненно, удовлетворяет всем требованиям, какие предъявлялись к делу помощи; но самого важного,—проведения изданных предписаний, сделано не было... Конвент, бесспорно, серьезно относился к попечению о бедных. Это явствует уже из того, что довольно скоро, когда ему пришлось убедиться в невозможности быстрого проведения законов, задававшихся организацией общегосударственного учреждения о бедных, он ассигновал и действительно передал коммунам крупные суммы, чтобы удовлетворить настоятельнейшие нужды бедноты и экстраординарными пособиями оказать помощь впредь до проведения действительно государственного попечения о бедных: ведь идея о создании широкого государственного учреждения помощи бедным отнюдь не была оставлена».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Роялистско-клерикальные и аристократически-конституционные группы в 1789—1792 годах.

Антуан Ривароль.—„Деяния Апостолов".—„Друг Короля" аббата Руайю.—„Французский Меркурий".

Роялистско-аристократические группы (об единой роялистской партии нельзя было бы говорить) сначала не принимали участия в основании газет. Ни одна из групп не предполагала, что существующий государственный строй будет ниспровергнут или хотя бы подвергнется существенным переменам. Но восстание 14 июля 1789 г. показало, какой силы достигли революционные стремления в беднейших слоях парижского населения. С этого времени некоторые роялистские политики стремятся противопоставить реакционные газеты революционным газетам, возникавшим целыми массами. Но мало сочувствия встречали они в аристократических кругах. Потребовалось повторное предостережение дней 5 и 6 октября, и только тогда защитники старого строя поняли, что если они хотят удержать за собою свои позиции, они должны с большей настойчивостью, чем до того времени, воздействовать на так называемое общественное мнение.

1. Антуан Ривароль.

Первой роялистской газетой, вступившей в энергичную борьбу против революционного течения, был уже упомянутый «Journal politique national» («Журнал национальной политики»), основанный в июле 1789 г. аббатом Сабатье. Главным редактором был сам Сабатье. Но собственно руководителем газеты был граф Антуан Ривароль, который определил физиономию газеты своими сатирико-политическими обозрениями. Потомок обедневшей боковой линии одного старинного итальянско-французского дворянского рода,—его отец был внучатным племянником маркиза де-Ривароля, известного генерал-лейтенанта армий Людовика XIV,—Антуан Ривароль получил строго религиозное воспитание сначала в Баньоле (Лангедок), где у его отца была маленькая шелковая фабрика, а потом в иезуитской семинарии в Авиньоне. Молодым аббатом приехал он в 1782 или 1783 году в Париж, где немедленно получил доступ в аристократически-клерикальные салоны. Здесь, кроме некоторых мелких работ, он издал в 1784 г. «Discours sur l'universalité de la langue française» («Исследование о всеобщности французского языка»),—работу, которую Берлинская Академия удостоила премии. В 1788 г. за нею последовал «Petit almanach de nos grands hommes» («Маленький альманах наших великих людей»),—работа, представлявшая карикатуру и насмешку над тогдашними виднейшими представителями литературы.

В 1789 году, когда разразилась революция, он тотчас же отдал свои силы контр-революции. Он представлял в ней то течение, которое можно назвать романтическо-феодальным. Его идеалом было восстановление феодально-патриархальных отношений,—таких, как еще сохранившиеся к началу революции в отсталых частях Бретани (Вандее). В соответствии с этим не дворянин-придворный, а феодальный крупный сеньер, патриархально управляющий своими поместьями, является в его глазах истинным аристократом. О придворном дворянстве и его безудержной страсти к удовольствиям он отзывается иногда грубо и резко.

Точно так же не в Людовике XVI видел Ривароль пример истинного монарха. Его король—монарх-рыцарь, который, туго натянув вожжи, возвышается над происками придворных и находит истинную сферу деятельности в военном лагере, среди своих войск. Первый биограф Ривароля Сульпиций де-ла-Платьер в своей «Vie politique, philosophique et littéraire par M. de Rivarol» («Политическая, философская и литературная жизнь Ривароля»), появив-

шейся в Париже в 1802 г., приводит многие насмешливые замечания Ривароля о «добром» короле. Позднейший биограф де-Лекюр в своей работе о Ривароле («Rivarol et la Société française») отчасти оспаривает правильность сообщений де-ла-Платьера, и, действительно, многое здесь представляется пустой болтовней мемуаров. Но если даже принять во внимание только подлинные заявления Ривароля о монархическом строе, то окажется, что он довольно презрительно относился к Людовику XVI. Много раз он высказывал, что долгом короля было бы,—вместо того, чтобы слушать нашептывания своих советников,—стать во главе армии и раздавить революционное движение.

Эти взгляды находят себе ясное выражение в политических обзорах Ривароля в «Журнале национальной политики». Он не любит длинных теоретических исследований и обоснований. Как сатирик, он почти всецело ограничивается тем, что высмеивает мероприятия Национального Собрания и политические речи демократических лидеров, образ их жизни противопоставляет их призывам к добродетели и издевается над экономическим положением деловой мелкой буржуазии. Но тем самым, что, отвергая демократические требования, он ссылается на роль королевской власти и дворянства во французской истории, он достаточно ясно показывает, к чему он стремится.

Созыв Генеральных Штатов он называет тяжким промахом. Если правительству казалось, что приходится созвать их в виду финансового положения королевства, то местом собрания можно было избрать только город, отдаленный от Парижа, да и тогда следовало поставить прения в определенные рамки. Ривароль не оспаривает, что положение королевства оставляло желать очень многого. Но, полагает он, ни налоги, ни произвольные приказы об аресте, ни другие проявления правительственного произвола, ни те тяжести, которые ложились на население вследствие мер администрации, ни ошибочные приговоры судов — не произвели бы такой смуты в народе, если бы он не утратил уважения к аристократии,—притом отчасти вследствие неразумного поведения самого дворянства.

Однако Ривароль видит в дворянстве естественного вождя

и руководителя народных масс. Страстно нападает он на постановление Национального Собрания от 11 сентября 1789 г., которым отвергнуто право короля на абсолютное вето и 673 против 325 голосов предоставлено ему только «суспенсивное (задерживающее) вето». В противоположность этому решению, которое он называет уничтожением королевской власти, он требует для короля неограниченного права налагать вето на решения Собрания и, далее, требует замены самого Национального Собрания «наследственной» дворянской палатой, составленной лишь из немногих представителей высшей аристократии. Буржуазии он предоставляет лишь слабое косвенное влияние на ведение государственных дел,—именно, посредством союзов городских коммун.

2. „Деяния апостолов".

Обострение противоречий между аристократией и «третьим сословием», наступившее после дней 5 и 6 октября, заставило Ривароля уйти из «Журнала национальной политики» и вместе с Жаном Габриэлем Пельтье и издателем Гатти основать собственную контр-революционную газету: «Actes des Apôtres», «Деяния апостолов». Это был сатирический орган, задачею которого было отмечать и преследовать ядовитой насмешкой деяния «апостолов», т.-е. революционных вождей. В лице Пельтье Ривароль нашел родственного ему по духу политика, который, хотя и происходил из буржуазной купеческой фамилии, однако еще больше ненавидел мелкую деловую буржуазию, чем его феодально-клерикальный соредактор. Около них группировался кружок аристократических и клерикальных политиков, которые почти регулярно давали в газету свои произведения: Николай Бергас, Шансенэ, виконт Андре де-Мирабо (феодально-роялистический брат графа Оноре Габриэля де-Мирабо), граф Лалли-Толендаль-Монлозье, Мунье, граф Станислав де-Клермон-Тоннер и клерикальный литератор Суло.

Первый номер «Деяний апостольских» вышел 2 ноября 1789 г., или, как насмешливо указывается в газете, в день всех святых нолевого года свободы. В

сатирико-историческом наброске о борьбе Карла V французского с парижской буржуазией в годы 1357—1358, Пельтье высмеивает герцога Орлеанского под именем короля Карла Злого Наваррского и графа Оноре Мирабо—в лице Этьена Марселя, старшины парижского купечества. Далее, в первом номере имеется шутовской рассказ об экспедиции рыцаря Ламета во главе пятидесяти национальных гвардейцев против женского монастыря аннунциаток, придворные сплетни и т. д.

Если в «Журнале национальной политики» Ривароль еще пытается иногда бороться с революцией политическими и философскими доводами, то теперь, под влиянием Пельтье, он совершенно отбрасывает такой способ воздействия. Пельтье полагал, что доказательствами ничего не поделаешь с революционным брожением: оно должно исчерпать себя. Но это можно ускорить, если беспощадно разоблачать вождей революции и их действия. «Издевательства, насмешка,—говорил он,—единственное оружие, которым мы можем пользоваться в навязанной нам борьбе».

По этому рецепту и редактировались «Деяния апостолов». Они дают в известном смысле литературно-роялистскую карикатуру революции. Высмеивание Национального Собрания, богатый материал для чего давала напыщенная фразеология некоторых ораторов, пародии на революционные песни, грубые издевательства над собраниями и постановлениями клубов, эпиграммы, злые восхваления добродетелей народных вождей, ругательства по адресу презренной парижской черни,—все это перепутывается в пестрой последовательности. Только в качестве редких исключений попадаются серьезная критика и рассуждения.

С особым жаром распространяли «Деяния апостолов» создаваемые в аристократических салонах сплетни о либеральных и демократических депутатах. С величайшим удовольствием рассказывали они, что один депутат заразил сифилисом жену другого, что мать Матье Монморанси состоит в интимных отношениях со своими лакеями, что Кондорсе находится на положении содержанца у своей жены и т. д. На-ряду с этим идут ожесточеннейшие выпады против Национального Собрания, которое высмеивается как

«Канальиерархия» («власть каналий»), и «Манежа», равно как и против народа парижских пригородов, который на жаргоне «Деяний апостолов» получает красивые названия: «дерьмо парижских улиц», «свиньи», «девкины сыновья» (в действительности много грубее,—но точный перевод невозможен по русским литературным нравам.—*И. С.*) и т. д.

Наиболее отравленные стрелы «Деяний апостольских» направлялись на «великого» Мирабо, «которому ничто не чуждо». В стихах и прозе высмеивается его «универсальность», его «скромность», его «бескорыстие», его тщеславие. Даже когда Мирабо лежал на смертном одре, «Деяния апостольские» не нашли возможным сдерживаться; в них в это время были напечатаны, напр., следующие стихи:

Плачь, плачь, о Фоше!
Он умирает. Прощай!
„Великий человек“ уходит от нас.
Может быть,—как это знать?—
Пройдет только год,—
И на его могилу начнут испражняться.

А в качестве надгробной надписи газета рекомендовала следующее:

Здесь покоятся останки мертвой туши Мирабо;
Не подходи,—здесь ты подцепишь чуму.

Кроме Мирабо, «Деяния апостолов» возлюбили в качестве мишени для своих насмешек Робеспьера. Когда «господин депутат от Арраса» впервые привлек к себе внимание, газета в речи-пародии восхваляла его как поэта, историка, географа, натуралиста, физика, журналиста и законодателя и, из признательности к его духовным способностям, дала ему титул «сальной свечки Арраса». А когда 19 ноября Робеспьер—в первые месяцы газета постоянно называет его «Робеспьер» («Пьер-разбойник»)—обрушился на протест сословий Камбрези (об этом см. выше, в конце второй главы), как на «аристократическое» выступление, «Деяния апостолов» следующим образом высмеяли великого «классического автора» из Арраса:

«Господин Робеспьер не ограничивается легкой литературой: он ведет и газету «Союз или ежедневник свободы».

Сначала эта газета издавалась на французском и английском языках. Но удивительное распространение, которое первые же номера разом получили в Англии, заставило удрученных издателей английских газет предложить господину Робеспьеру 10.000 фунтов стерлингов под условием, чтобы он впредь благодетельствовал своим журналом только французов [1]). Мы обращаемся к нашим читателям с просьбой внимательно перечитать в журнале отчет о вечернем заседании (Национального Собрания) 21 числа сего месяца. То, что он совершил, достойно пера Тацита... Писатели, соединяющие силу с привлекательностью, фантазию с философией, глубокую основательность мысли с изяществом стиля,—такие писатели, как, к сожалению, приходится признаться, очень редки. Поэтому один момент мы чуть не поддались искушению сравнить Робеспьера с Монтескье,— но мы, во-время вспомнили, что аристократизм Монтескье, как черное облако, омрачил бы лучи славы Робеспьера.

«Со многими другими великими талантами Робеспьер соединяет основательное знание географии. Из семнадцатого номера его газеты мы узнали, что англичанам удалось открыть новую очень важную отрасль торговли. По северо-западному берегу Ирландии лов сельдей принес столь богатые результаты, что были отправлены суда до Бискайского залива, чтобы добыть необходимую для засола сельдей соль, которую получают из гор Кордовы. Все географы, старые и новые, даже испанские, до сих пор полагали, что Кордова лежит в Андалузии, почти в 150 милях от Бискайского залива и в 15 милях от Севильи. Но господин Робеспьер, на основании своих новых астрономических исследований, почувствовал, что следует изменить это определение места, и тем завоевал, конечно, право на величайшую признательность со стороны всех приморских держав и всех ученых обществ Европы».

Все чаще и чаще подвергался таким насмешкам Робеспьер, ослепительная «сальная свеча Арраса», особенно с того времени, когда он начал выдвигаться на первый

[1]) Конечно, весь этот рассказ целиком выдуман для издевательства над ничтожностью политического значения газеты.

план политической жизни, между тем как значение зачадившего «факела Прованса» (т.-е. Мирабо) стало падать. Когда, после введения нового устройства судов, Робеспьера избрали в Версале судьей, роялистская газета выступила против него со следующими стихами:

Господина, представляющего Аррас,
Версаль избрал судьею.
Судить здесь, это много надежнее,
Чем там, среди разного сброда.
Я даже думаю, что вы сами считаете лучше
Судить, чем быть повешенным.
Однако отсрочка
Еще не означает отмены.

Но газета не щадила и других вождей революционных партий, начиная с умеренных конституционалистов и кончая Маратом и Гебером. Ренегаты старинного дворянства, так называемые изменники аристократии, обдавались, пожалуй, еще большим презрением, чем «scélérats» (прохвосты) третьего сословия. Матье де-Монморанси, напр., высмеивался, как внебрачный сын лакея:

Будто бы от М—и, знаменитого в истории,
Явился этот новейший потомок?
Нет, дорогой друг, не верь этой легенде.
Я знаю этот высоко утонченный род.
Я готов объяснить это вам:
Конечно, этот М. называется сыном своего отца.
Но от *любимого лакея своей матери*
Он унаследовал сердце, рассудок и—тон!

Женщин, которые в те бурные дни принимали участие в политической жизни столицы, «Деяния апостольские» тоже преследовали ядовитой насмешкой. Когда Теруань де-Мерикур, 5 октября 1789 года ставшая во главе похода женщин на Версаль, начала играть известную роль в политической жизни Парижа, и ее салон сделался местом встречи некоторых вождей либерально-революционного течения, «Деяния» писали:

«Уверяют, будто на улице Булуа, в отеле Гренобль, где живет амазонка Теруань де-Мерикур, собираются выдающиеся революционные члены Национального Собрания,

т.-е. их так называемые дирижеры; Цирцея партии, муза демократии вдохновляет своих адептов обаятельностью своей фигуры, знаками своего женского расположения, своим умом и еще более, чем всем этим, своей пламенной любовью к свободе. Венера обучает там публичному праву... К ученикам причисляются аббат Сийес, Петион де-Вилленев, Барнав и счастливый трибун (Камиль Демулен), которого—увы!—целомудренные ухаживания и неистощимую любовь она скоро, конечно, вознаградит браком. Следовательно, отель Гренобль сделался средоточием великих интересов возрождающейся Франции».

Нельзя отрицать, что у Риваролля, Пельтье и многих из их сотрудников был талант к насмешке и сатире. Некоторые из диалогов, эпиграмм и характеристик, напечатанных в «Деяниях апостольских», представляют в своем роде образцовые миниатюры. К сожалению, остроумная игра слов, полуприкровенные намеки и сатирические обороты не поддаются переводу. Соль большею частью исчезает. И если бы даже удалось справиться с переводом, то нет того настроения, того колорита политического момента, из которого родилась сатира и которому она обязана своим действием. Напротив, немногие статьи «Деяний апостольских», доставлявшиеся по всей вероятности исключительно сотрудниками, никак нельзя причислить к блестящим произведениям журналистики. Их теоретическая ценность равна нулю. Они обычно содержат только выражения негодования, ругательства и угрозы. Образцом этого рода произведений роялистской журналистики могут служить следующие места из воззвания к парижской домашней прислуге, напечатанного в № 85 «Деяний апостольских» и в то же время—в феврале 1790 г.—массами распространявшегося в Париже на мосту Сан-Мишеля и на Королевском мосту:

«...Вам сказали, что вы будете свободными, и в то же время к вам относились с таким презрением, что не дали вам даже права, которое предоставили мошенникам и палачам: права участвовать в избирательных собраниях. Мои дорогие друзья, мы этого не потерпим. Можно ли представить себе что-либо более низкое и возмутительное? О, если

бы вы, наконец, мне поверили и захотели раскрыть ваши глаза: взглянуть на вашу судьбу и на то, что было раньше. Какую славу приобрели бы мы, если бы нам удалось в конце концов возвратить к нашей радости свободу нашему доброму королю. Некогда Блондель помог королю Ричарду выйти на свободу; неужели же среди нас не найдется второго трубадура? [1]).

«Следует начать охоту на демагогов и кого-нибудь: Карла Ламета, Барнава, Дюпора, Робеспьера, епископа отенского, Мирабо, Шапелье, Дюбуа де-Крансе, опорочившего всю армию [2]), выдать этой самой армии, чтобы она подвергла их строжайшему наказанию и могла бы доставить себе зрелище для развлечения: предать их такой же смертной казни, какая ожидает крота, пойманного в поле,—воткнуть их на кол и поджаривать до смерти на медленном огне среди развалин Бастилии! Это было бы славным деянием. Конечно, при добром короле и мудрых законах мы могли бы быть свободными,—но никак не при демократии».

По грубости едва ли можно превзойти язык этого воззвания. Однако это—вовсе не исключение. Такие же выражения можно в великом изобилии извлечь вообще из роялистской газетной и памфлетной литературы. Какие насмешки и надругательства над народом позволяла себе роялистская пресса, лучше всего показывает тот факт, что, когда приближалось 14 июля, день национального праздника (годовщина взятия Бастилии), к которому Париж делал обширные приготовления, «Деяния апостольские» напечатали о грядущем торжестве ряд сатирических стихотворений под

---

[1]) Это—намек на историческую легенду, согласно которой трубадур Блондель де-Нель освободил короля английского Ричарда Львиное Сердце из тюрьмы герцога Леопольда австрийского.

[2]) 12 декабря 1789 г. в заседании Национального Собрания Дюбуа де-Крансе высказался против плана организации армии, предложенного военным министром Латуром дю-Пеном, и рекомендовал вместо того создать милицию. „Никак нельзя,—говорил он,—сравнивать милицию с теми несчастными жертвами деспотизма, которые опускали дрожащую руку в урну и без чувств падали на руки своих плачущих родителей, если они вытаскивали черный жребий".

Роялисты извратили эти слова в оскорбление армии и заставили некоторые полки заявить энергичный протест против подобного „поругания".

LES ACTES

DES APÔTRES.

INTRODUCTION.

LE TABLEAU DE FAMILLE.

Fragment de l'hiſtoire de France.

Tableau de la poſition de la France pendant la jeuneſſe de Charles V, dit *le Sage*.

Le roi Jean régnoit, & l'aîné de ſes fils étoit Charles V, dit le *Sage*, que l'hiſtoire appella, dans ce temps de troublé, tantôt le duc de Normandie, tantot le dauphin, puis le régent.

Charles *le Mauvais*, roi de Navarre, étoit beau-frere de Charles V.

Les états-généraux du royaume furent convoqués le 2 décembre 1355, à Ruel.

A 2

Первый номер „Деяний апостолов".

презрительным названием «Fromage d'Hollande» («Голландский сыр»); а весною 1791 года газета открыто поддерживала эмигрантские происки за границей и требовала вмешательства иностранных держав против революционеров, этой «aggrégation de suicides» («скопища самоубийц»). В целях восстановления старой королевской власти и дворянских привилегий газета не останавливалась даже перед предательством «горячо любимого отечества» враждебным армиям.

Характерно для роялистско-клерикального общества тех дней, что вскоре по своем открытии «Деяния апостольские» получили самое широкое распространение в «верноподданнических» кругах, хотя цена для газеты, обычно составлявшей 8—24 страницы в восьмую долю листа и появлявшейся три раза в неделю, была довольно высокая. Именно, подписная цена за том (400—500 страниц) равнялась 9—$10^1/_2$ франкам звонкой монетой (ассигнации не принимались). В общем до октября 1791 года появилось 311 номеров, составивших 11 томов. Потом газете пришлось приостановиться выходом, отчасти потому, что значительно сократился круг читателей вследствие сильной эмиграции, отчасти потому, что в 1791 году газете несколько раз пришлось сталкиваться с парижской полицией и неоднократно прерывать выход на несколько дней,—в июле 1791 года даже на четыре недели.

3. „Друг Короля" аббата Руайю.

Такой же язык усвоили и другие главные органы роялистов и клерикалов: «L'Ami du Roi» («Друг Короля»), редактируемый аббатом Руайю; предававшийся бесшабашным эшафотным фантазиям «Journal de la Cour et de la Ville» («Придворный и Городской Журнал»), обычно называвшийся по имени своего главного редактора Жака Луи Готье «Petit Gautier» («Малый Готье»); «Chronique du Manège» («Хроника Манежа»), издававшаяся под редакцией Маршана.

Наибольшее значение среди этих газет приобрела ежедневная газета аббата Руайю, первый номер которой появился 1 июня 1790 года. Руайю—шурин известного французского писателя и основателя «Année littéraire» («Литературного Ежегодника») Эли Катерина Фрерона. Перед тем, как

разразилась революция, Руайю принимал участие в этом периодическом издании и был профессором в коллеже Луиле-Гран, где он читал философию, и где его учениками были многие из выдающихся вождей позднейшей стадии революции, в том числе Камиль Демулен, Робеспьер, Лустало. Весной 1790 г., когда демократическое течение расширялось все больше, он договорился со своим другом литератором-академиком Монжуа, а также с книготорговцем Брианом и типографщиком Крапаром и вместе с ними начал издавать «L'Ami du Roi, des Français, de l'Ordre et surtout de la Vérité» («Друг короля, французов, порядка и, прежде всего, истины).

Появлению газеты Руайю предпослал проспект, в котором он выясняет свои задачи. В нем говорится:

«Составился ужасный заговор против алтаря и трона. Каждый день легион бунтовщических писателей нападает на принципы справедливости, верности, нравственности, здравой политики таким образом, что пора уже противодействовать их скандальной дерзости. Разгоряченность их мозга явственно представляется следствием их ложной, коварной философии, которая вот уже полвека возбуждает народ против всего, что некогда считалось достойным почитания. Эти позорные бунтовщические воззрения не укрылись от Фрерона; он, разоблачая их, предсказывал революцию, которую вызвала бы эта высокомерная секта философов, враг всякой зависимости, если бы только она не встретила на своем пути непреодолимых препятствий.

«Некогда предсказанное теперь исполняется. Последователи этого высокочтимого писателя, проникнутые его принципами, стремясь итти по указанной им дороге, подобно ему, посвятят свои способности разоблачению врагов общего блага. Нападки философского фанатизма дошли до последних пределов. Они, (последователи Фрерона) должны стараться удвоить свои силы в борьбе с этими нападками, и, как нападение последовало в области журналистики, так здесь же должна вестись и оборона...»

В своем проспекте издатели «Друга Короля» соглашаются, что при старом строе существовали некоторые злоупотребления; но новый порядок, полагают они, был бы еще хуже:

«Однако, признавая недостатки протекших времен, мы никак не можем по этой причине прикрывать печальное положение, в котором французский народ находится в настоящее время... Мнения, предрассудки, нравы и законы, даже форма правления—все изменилось. До 1789 г. Франция представляла умеренную монархию, суверен которой подчинялся государственным основным законам и, кроме того, при пользовании своей властью, находил препоны в указах и корпорациях[1]). Вооруженный всей полнотой исполнительной власти, сосредоточивая в своих руках все средства проводить улучшения, озабоченный о благе своих народов, он сделал бы все осуществимое, если бы его министры более прислушивались к общественному мнению и умели направлять его... А какова теперешняя судьба прекраснейшего государства? Оно уже не монархия. Все устои его разрушены. Это—лишь своеобразная королевская демократия, в которой верховный глава только подчиняется, но не повелевает. Король возвещает законы, но не он делает их; он наблюдает за их выполнением, но он не имеет почти никакого влияния в законодательном учреждении; он стоит во главе войск, но они уже не только ему одному приносят присягу послушания. Словом, у него уже нет подданных,— это надо прямо сказать, у него, повидимому, остались только государи...

«Среди этих конвульсий бунтовщические писатели возвестили убийственное учение: в тысячах памфлетов они надругались и заподозрили священников, всевозможные безбожные фантасмагории нашли своих апостолов. От нападения на алтарь они перешли к атакам на трон. Убийство Карла I и ограбление Иакова II (королей Англии, из которых первого революция в половине XVII века возвела на эшафот, а второго изгнала из Англии) они изобразили, как законные акты верховной власти народа».

Задачей своей газеты Руайю поставил противодействие этим бунтовщическим происках. И, действительно, главное свое нападение он повел против этой революционной фило-

---

[1]) Имеются в виду провинциальные собрания сословий и верховные судебные учреждения (парламенты).

софии; но он не противопоставлял ей тогдашнюю клерикальную философию, а взывал к чувству, к религиозным инстинктам. Он хотел воздействовать не на людей образованных, не на дворянство, а на широкую массу граждан, и с этой точки зрения апелляция к присущей этой массе потребности спокойствия и к ее деловым настроениям представлялась ему более целесообразной, чем философские рассуждения. Он делает красноречивые сопоставления прежних времен с бурными днями революции, нарушающими ход деловой жизни. Он напоминает своим читателям светлые годы их детства, мир отеческого крова и старается изобразить решения, принятые Национальным Собранием, как нарушение установленного богом порядка, как оскорбление религии, как посягательство на свободу религиозной совести: действует по тому самому рецепту и часто пользуется даже теми самыми выражениями, как клерикальная пресса в современной Франции и Германии, когда она выступает против нежелательных для нее государственных мероприятий.

Обычно «Друг Короля» ведет дело следующим образом: он сообщает своим читателям важнейшие проекты и постановления Национального Собрания и дает краткий отчет о прениях,—конечно, обделанный так, что демократические ораторы и инициаторы предложений являются самыми слепыми фанатиками, корыстолюбцами или недалекими фразерами, а Малуэ, Казале, де-Фрондевиль, Бувиль, Сен-При, Вивье, Марино, Монлозьет—героями духа, ведущими борьбу за благо народа. И за такими отчетами, выправленными по всем правилам искусства, обыкновенно следуют длинные рассуждения, в которых финансовое положение Франции изображается самыми мрачными красками, возвещается близость банкротства, размалевываются его последствия для деловой жизни, и смиренные граждане запугиваются анархией, «хищными инстинктами» толпы. В качестве примера может служить следующая статья, написанная после проведения нового городского устройства:

«Посмотрим, однако, какое употребление из своего самодержавия сделают эти триста тысяч тиранов (муниципалитеты и т. д.), созданные по образцу Национального Собрания, — какое употребление сделают они, не отвечающие ни

перед каким трибуналом за исполнение своих обязанностей, имеющие возможность по произволу учинять в сфере своего ведения всяческие насилия, какие захотят, не страшась ничего ни со стороны судов, ни со стороны вооруженной силы.

«Смотрите, к чему привела нас эта беспредельная свобода, эта бесшабашная необузданность народа и—еще более—эта проклятая снисходительность, эта варварская безнаказанность всех эксцессов. Как часто бывало, что их не только терпели, но и восторгались ими,—только удалось бы прикрыть их обманным флером любви к свободе. Вы, сегодняшние политики,—или вы в самом деле не чувствуете, что, щадя кровь нескольких негодяев, вы тем самым готовитесь пролить кровь тысяч невинных жертв? Вы выпустили на свободу стадо кровожадных тигров; вы разрушили плотины, которые сдерживали бешеный поток. Как же сумеете вы теперь остановить ужасающий напор, как сумеете вы предотвратить, чтобы он в своем беге не смыл нашу собственность, нашу свободу и вместе с тем—дорогую нам конституцию?..

«Начните применять против них закон возмездия. Восстановите равновесие правосудия и возвратите ему его меч, а исполнительной власти—ее силу. Перестаньте довольствоваться тысячекратным повторением указов, нарушаемых снова и снова, являющихся предметом посмешища,—довольно этого! Довольно умолять короля, чтобы он для подавления беспорядков применил все возможные средства и позаботился о том, чтобы указы исполнялись и нарушители закона подвергались наказанию. Дайте же по крайней мере надлежащие средства исполнительной власти, которые должны применяться ею: ведь теперь войска могут выступать только по требованию коммун, из которых многие обвиняются в том, что они сами дают пищу восстаниям».

Однако в то самое время, когда издатели «Друга Короля» снова и снова призывали состоятельные слои сплотиться против бунтовщической массы, сами они не могли поладить между собою. Уже в августе 1790 г. Руайю и Монжуа перессорились между собою и с издателями. Одно время существовало три «Друга Короля»: один издавался Брианом, другой—Монжуа и третий—Руайю. В ноябре Брианом и Монжуа

опять объединились, а Руайю остался один. Его газета была более значительная. С еще большим усердием, чем до того времени, она повела борьбу не только за права короны и домогательства придворного дворянства, но и против так называемой безрелигиозности. Язык газеты становится все энергичнее; демократические политики титулуются уже исключительно как сумасшедшие, негодяи, фигляры, прохвосты, сгнившие, разбойники, распутники, апостолы плотских вожделений и т. д. Иногда язык возвышается почти до бешеного истерического крика,—в особенности после 20 июня 1791 г., когда король бежал, и через несколько дней после того в Париж пришло известие, что он задержан в Варенне. Ликование революционеров по случаю пленения короля и крушения его плана: совершить кровавый государственный переворот, возбуждает Руайю к самым бешеным выходкам против «преступной революционной сволочи». Он пишет:

«Эта часть народа, которой собственно нет никакого дела до формы правления, скоро оправилась от страха и оцепенения (вызванного бегством короля) и предалась бесстыдным ликованиям. Ее наглость не знает теперь никаких границ. Монарх, которого она начала бояться, сделался теперь, возвращаемый к его цепям, предметом самых подлых ругательств. Грубейшими оскорблениями, самою низкою клеветой вознаграждают теперь себя эти люди за молчание, в котором их так долго держал страх. Улицы гремели от проклятий и требований, чтобы ускорили возвращение царственных пленников. Все эти разбойники, эти продажные вожди революции были заняты одной мыслью: как сильнее покарать нарушение долга коронованным рабом, который дерзнул бежать из своей темницы. Каждый изобретал в своей ярости новые муки. Торопились удалить все вывески, которые носили имя короля. Закопошились все клубы и постарались уничтожить все следы монархического строя. Клуб кордельеров в своем безумстве зашел так далеко, что особым плакатом возвестил, что его члены образуют группу убийц: они поклялись убивать всех государей, которые задумают вести против нас войну».

«Фанатические литераторы-подстрекатели, сеятели распрей, апостолы плотских вожделений, подстрекатели к убийству короля, те газеты, которые, как «Друг Народа», «Народный Трибун» и т. д., и т. д., общественное презрение начинает ценить по их действительному содержанию, проявили себя в полном блеске, как никогда... Что же это такое? Что делает общественное мнение? Это—кучка безумцев, слепая, легко воспламеняемая толпа, сволочь, готовая ко всяким эксцессам и преступлениям, масса, состоящая из жадных до новшеств авантюристов и интриганов,—вот кто все надежды возлагает на государственный переворот».

Наконец в июле 1791 г. правительство приняло меры против этой травли, но Руайю поспешным бегством спасся от ареста. 6 августа 1791 г. появился последний номер «Друга Короля».

Такой-то характер имела пресса дворянства в эпоху великой французской революции. Понятно поэтому, что даже Анри Авенель в своей «Истории французской прессы», при всей его антипатии к крайним революционным газетам, видит себя вынужденным к признанию: «Ни в одном из примеров современной полемики, даже самой ожесточенной, мы не найдем и слабого намека на все неприличие сарказмов этих газет. Марат в своем «Друге Народа», Гебер в своем «Отце Дюшене» лишь редко в низменности стиля идут дальше «Деяний апостольских»...

И М. Лекюр, биограф Ривароля, открыто признает: в «Деяниях апостольских» попадаются места, подобных которым мы не найдем во всем «Друге Народа» или «Отце Дюшене» ни по ожесточению, ни по неприличию».

И действительно, все ругательства против современного рабочего движения таких газет, как «Почта» и «Гамбургские Известия» («Post» и «Hamburger Nachrichten»), даже отдаленно не идут в сравнение с языком роялистских газет того времени. Тем знаменательнее для наших национал-либеральных историков, что они с величайшим негодованием обрушиваются на грубую писательскую манеру Марата — и обходят полным молчанием бесконечно более грубый язык роялистской прессы.

Такие ругательства роялистских газет не оставались неизвестными парижскому народу времен революции. «Верно-

подданнические» газеты прочитывались вслух в кабачках и кафе и переходили из рук в руки в клубах. Бешеная ярость против роялистов, нашедшая себе выход в восстаниях 10 августа и 2 сентября 1792 года, в значительной степени объясняется предыдущими атаками роялистских аббатов и профессоров, которые в своих газетах угрожали убийствами и пожарами.

4. „Французский Меркурий".

Как роялистско-клерикальная партия, так и аристократически-конституционная партийная группа, представленная в Национальном Собрании Мунье, Малуэ, Лалли-Толендалем, Клермон-Тоннером и т. д., располагала своими газетами. Они играли известную роль в политической жизни Франции только в два первых года революции. Чем больше обострялись классовые противоречия, тем быстрее уходила почва из-под ног этой партии, так как ее сторонники в стране отходили от нее частью налево, частью направо.

Аристократически-конституционная партия с самого начала была партией офицеров без армии. Она состояла главным образом из дворян, которые, относясь с ненавистью к хозяйничанью придворных клик, пришли к убеждению, что имеется только одно средство сохранить королевскую власть и существенную часть прежних сословных различий: для этого необходимо сделать мелкие частичные уступки крупной буржуазии и высшему чиновничеству и предоставить им известное умеренное влияние на государственные дела. Кроме этих дворян, у нее были еще некоторые верные сторонники среди представителей официальной учености, находящихся в привилегированном положении, среди более богатого духовенства и высшего чиновничества, а также финансовой и крупно-торговой буржуазии. Подавляющая масса буржуазии была враждебно настроена к взглядам этой партии, хотя в начале революции, когда политические воззрения еще представляли полную неразбериху и даже так называемые вожди скорее руководились неопределенными инстинктами, чем ясным сознанием, партия находила некоторую опору в буржуазии.

Важнейшей из газет этого направления был «Mercure de France», или, как он назывался с 1792 г., «Mercure Français» («Меркурий Франции», или «Французский Меркурий»). Это был еженедельник, состоявший из двух отдельных и до известной степени независимых частей: из историко-политической части, представлявшей продолжение прежнего «Journal historique et politique» («Исторического и политического журнала») и редактировавшейся публицистом Жаком Малле дю-Паном, и из литературной части, руководимой известным французским писателем Жаном Франсуа Мармонтелем и драматургом Франсуа де-Лагарпом.

Политико-историческая часть «Французского Меркурия» в теоретическом отношении принадлежит к любопытнейшим явлениям контр-революционной журналистики 1789—1792 годов. Малле дю-Пан, в противоположность многим журналистам тех дней, был не только политическим писателем, но и теоретиком государственного права: он с великой оригинальностью соединил в реакционную теорию общества социально-правовые теории Ленге и теории Гоббса и Руссо. Он родился в 1749 году в Женеве, в 1772 году, при содействии Вольтера, попал профессором французской литературы в Кассель и потом отправился в Лондон, где несколько лет вместе с Анри Ленге издавал «Annales politiques, civiles et littéraires» («Политические, гражданские и литературные ежегодники»). Это время оказало решающее влияние на его политические воззрения. В исторических очерках, впоследствии опубликованных им во «Французском Меркурии», воспроизводятся не только некоторые из теорий Ленге, но часто и его способ выражений. Наиболее сильное влияние на государственно-правовые воззрения Малле дю-Пана оказала работа Ленге: «Théorie des lois civiles ou principes fondamentaux de la société» («Теория гражданского права или основные принципы общества»).

Эта работа появилась пятью годами позже «Общественного договора» Руссо. В противоположность последнему, Ленге видит в обществе (подобно всем тогдашним теоретикам государственного права, он не проводит точного разграничения между государством и обществом и видит в государстве лишь организационную форму общества) не результат

общественного договора, а следствие порабощения,—именно порабощения мирных земледельцев и пастушеских семей ордами охотников. «Истинное общество,—говорит он в первом томе своей работы, стр. 277,—образовалось за счет пастухов и земледельцев,—оно было построено на их порабощении ордами соединившихся охотников... Угнетение одной части рода человеческого сначала создало общество и потом породило законы».

Следовательно, общество основано на подчинении, на господстве одной части народа над другою, и средством, его сплачивающим, является не общественный договор, а принуждение, сила. И одним из первых актов насилия со стороны угнетателей для того, чтобы обеспечить за собою господство, всегда был захват собственности земли. «С самого начала двумя устоями гражданского общества было, с одной стороны, рабство подавляющей части мужчин, а с другой стороны—всех женщин; за счет трех четвертей общего числа своих членов общество обеспечивало счастье, богатство и праздность незначительного числа собственников...»

Это подчинение одной части народа другою—фундамент общества; его нельзя уничтожить,—иначе общество рассыплется. Конечно, формы господства могут изменяться: так, напр., прежнее рабство исчезло; но самое рабство, зависимость подавляющей массы от меньшинства, осталось. Рабочий сделался «свободным», но от этого его зависимость от господствующих не стала меньше, чем была в эпоху рабства. «Он свободен, говорите вы,—восклицает Ленге, обращаясь к либеральным политикам.—Ах, как раз в этом—его несчастье. Ему не приходится о ком-либо заботиться,—но никто и о нем не заботится. Если есть в нем потребность, его нанимают как можно дешевле. Та ничтожная плата, какую ему обещают, едва приближается к цене средств существования на тот рабочий день, который он отдает в обмен за нее» (2 т., стр. 466).

Подобно Ленге, Малле дю-Пан тоже отвергает теорию Руссо об общественном договоре. Общество основано на подчинении; и если исчезает эта основа общественного устройства, то необходимо распадается и общество (как уже отмечено выше, Малле дю-Пан, подобно Руссо и Ленге, не проводит различия между государством и обществом): оно возвращается к естественному состоянию и опять разлагается на отдельные элементы. К этому основному воззрению Гоббса-Ленге Малле дю-Пан добавляет кое-что из теории естественного права Руссо. Но это—не уступка идее равноправия, а указание, что требование равенства прав противоречит собственным естественно-правовым предпосылкам Руссо. Политическое равенство,—таковы приблизительно его доводы, неоднократно им повторяемые,—бессмыслица. Ибо, раз люди не равны, раз их физические и моральные способности различны, то они не могут требовать, чтобы они одинаково расценивались в государственно-гражданском отношении. Притом правовое равенство, если только ему не суждено оставаться бессодержательным понятием, предполагает уничтожение экономической зависимости угнетенных от собственников, т.-е. известную равномерность в распределении собственности. Но такое распределение, как показал сам Руссо, противоречит естественному праву. «С того момента, как человек взял себе право огородить поле, он дал своим ближним право узурпировать всю землю».

Вследствие своих исторических познаний Малле дю-Пан все же видит, что нельзя ни просто сохранить предреволюционный государственный строй, ни восстановить средневековые отношения. Поэтому он признает необходимость изменения государственной формы, введения так называемой «конституции»; но конституция отнюдь не должна угрожать основе общественной жизни, подчинению масс. Поэтому, полагает он, за королевскою властью необходимо обеспечить сильное и авторитетное положение и, кроме нижней палаты,—самое лучшее, сословно организованной,—следует создать, по образцу Англии, аристократическую верхнюю палату, которая стояла бы выше нижней и составлялась бы из представителей поземельного дворянства и высшего чиновничества.

В начале революции Малле дю-Пан держится вдали от движения. Его оппозиционность проявляется только в теоретико-философских исследованиях. Только в половине 1790 года он с более острым оружием вступает в политическую борьбу. В энергичных выражениях он обращается

против свободы печати, против «скандалезных неистовств» революционных журналистов, против внедрения якобинцев в муниципальное и районные управления, защищает позицию Сен-При и Неккера, высказывается за сохранение сильной королевской власти и за двухпалатную систему,—за создание аристократического сената на-ряду с Национальным Собранием—и страстно протестует против отчуждения национальных имуществ (распродажи земель), что представляется ему нарушением права собственности. Но особенные заботы он прилагает к тому, чтобы уберечь армию от революционных влияний, чтобы сохранить ее для королевской власти в качестве самого сильного оружия и опоры. Определение состава, численности, пополнения, распределения войск, говорит Малле дю-Пан, безусловно должно остаться привилегией короны. Он ссылается на примеры различных монархий Европы, в особенности на конституционную Англию.

«Никогда король Англии, пишет он, не вносил на рассмотрение парламента решения относительно организации армии. В силу прерогатив короны, он определяет состав, организацию, увеличение и распределение войска, не нуждаясь при этом в каком-либо особом законе... Организация военных сил—исключительно его дело; и эта армия, организованная без всякого соучастия парламента, может быть расслаблена только одним способом: тем, что законодательное собрание откажет в средствах на ее содержание...»

В своем историко-критическом обзоре политических событий 1789 года, который он начал в «Меркурии» 10 июля 1790 года, он находит особенно резкие слова для протеста против стремлений к равенству со стороны «неимущих классов»: они, предвещает Малле дю-Пан, не удовольствуются политическим равенством, а используют его для изменения форм собственности и для раздела имуществ. Так, в своем заключении он говорит:

«Повсюду, где народы долго подвергались угнетению и долго жили в невежестве, потом, когда они свергали деспотизм и возвращались в естественное состояние, энтузиазм захватывал всех и все, и уже ничто не

могло ввести его в границы. Каждая новая власть, едва лишь она создается, немедленно подвергается разрушению. Если неимущие классы получают господство над теми, в руках которых сосредоточена собственность, тогда ни у одного гражданина не будет обеспечена хотя бы на полгода его собственность, его достояние, его существование. Из этого следует, что, раз расторгнуты связующие узы, раз раздробленные власти не подчинены единой сильной центральной власти, мы постоянно будем наблюдать, как великие государства распадаются и дают начало множеству мелких народов-осколков, которые находятся в вечной войне между собою».

Поэтому самую важную задачу собственников Малле дю-Пан видит в одном: воспрепятствовать тому, чтобы неимущая масса овладела политической властью. По той же причине, когда опасность вовлечения в войну с заграницей стала угрожать Франции, он выступил против войны: он боится, что, если французское оружие победит, монархия во Франции утратит свое положение. Так, в «Меркурии» от 17 января 1791 года говорится:

«Я неустанно буду повторять,—и грядущие события подтвердят это с особою выразительностью,—что война или довершит разложение монархии или увеличит ее порабощение. В случае военного успеха у нас будет федеративная республика, в случае неудачи следствием будет ужасающая контр-революция... Я решаюсь предсказывать, что триумф нашего оружия не послужит к сохранению трона и вообще какого бы то ни было монархического строя; напротив, если Франция будет разбита, право и истинная свобода падут под господством силы...»

Последнюю возможность — поражение французского оружия—Малле дю-Пан, как вытекает из других его заявлений, считает невероятной, победу же—достаточно обеспеченной: тем энергичнее выступает он против войны, потому что она знаменовала бы для него крушение монархического строя. Так объясняется, что, когда в следующем году положение Людовика XVI стало все более ухудшаться и власть его все более падала, Малле дю-Пан прикончил

свои рассуждения об опасностях войны с иностранными державами и даже более того: он не нашел ничего опасного в том, чтобы в мае 1792 года по тайному поручению короля отправиться во Франкфурт на Майне и убедить германских государей вторгнуться во Францию.

С развитием революции нападки «Французского Меркурия» становятся все более резкими. Большой общий очерк событий 1791 года, с которым Малле дю-Пан выступает уже во втором номере 1792 года, написан в несравненно-более резких тонах, чем упомянутый выше исторический обзор 1789 года. После длинного и интересного введения, в котором Малле дю-Пан обрисовывает возникновение и распад римского государства, он говорит:

«Римское государство и его богатства, его население и его владения были составлены путем завоеваний не на основе обычного права войны, а по праву сильнейшего во всей его суровости, по праву массы с ее жаждою обладания. Богатые вырождающиеся нации овладели простыми земледельческими нациями, как будто бы это были стада скота, и наложили на них тройное ярмо: оружия, чуждых нравов и фактического рабства.

«Окидывая взором это приснопамятное падение, открываешь опасность, угрожающую Европе. Гунны и герулы, вандалы и готы идут не с севера и не от Черного моря: они среди нас. Распространяется новое учение, которое строит свободу на власти большинства или сильнейшего: учение, которое во всеобщем равенстве видит то естественное право, которое потерял человек в день его сотворения. И это учение—не только мечта теоретика. Уже три года видит великое государство, как это учение применяется к нему. Необузданные умы всех стран, люди разных классов, потерявшие честь и имущество, алчные расточители, которые, промотав свое собственное наследие, не выносят тех, которые еще сохраняют его, энтузиасты-новаторы, с кинжалом в руке проповедующие разум, бешеные идиоты, которые поклоняются им, нищие, неимущие, неисчислимый рой завистников, злопыхателей, ничтожеств, для которых отсутствие порядка открывает путь к богатству и общественным должностям, армия людей без принципов, дикихсофистов, ученых, которых только испортило человеческое знание, воспринятое ими,—как отравленный сосуд отравляет жидкость, влитую в него,—все эти неблагодарные, которых день революции освободил от обязательств по отношению к их благодетелям, наконец, полчища людей без пороков и добродетелей, людей, равнодушных к доброму и злому, этих пассивных орудий порабощающей их испорченности,—все они являются пособниками тех, кто стоит во главе системы...»

После устроенной жирондистами демонстрации 20 июня 1792 г. (о ней в следующих главах), которая, как известно, закончилась вторжением революционеров в Тюильри и чрезвычайно глупой комедией, разыгранной ими с королем, «Меркурий» писал (в № 26, 30 июня 1792 года):

«В продажном городе, поддавшемся шумихе слов и бессмысленности, король в минуту опасности не мог рассчитывать на тех, кого называют «добрыми гражданами» и «честными людьми». Оба эти выражения лишены всякого содержания для каждого, кто знает теперешнее положение Парижа. Все опустились благодаря лени, праздности, нерешительности, страху, слабости характера. И потом: нет центра для объединения, нет средств для того, чтобы сговориться и с надеждою на успех противопоставить общее сопротивление насильственным действиям буйной толпы.

«В таком положении находился двор, когда один нечистоплотный министр дерзнул оскорбить короля, когда Национальное Собрание почтительно принимало петиции, в которых этот несчастный монарх осыпался самыми грубыми ругательствами, когда против него, на глазах этого самого Собрания, со всех сторон поднималась самая постыдная клевета, когда ему угрожали самыми грубыми насилиями, если он не даст силы закона двум декретам, которые равным образом противоречили его чувству справедливости и его гуманности.

«Это страдальческое, мучительное положение короля лишь поощряло мятежные, кровожадные банды. Союзы, клубы и общества монархоубийц с успехом пустили в ход все средства для того, чтобы воспламенить ярость народа, подбавить огня к фанатизму, толкнуть движение в определенном направлении».

Затем следует тенденциозное изложение событий 20 июня 1792 г. и потом призыв к иностранным державам—вмешаться с оружием в руках:

«Этот ужасный день, может быть, наконец, откроет глаза монархам, союзным с домом Бурбонов, и народам, живущим под охраняющими их правительствами. Королевская власть и религиозность—достояние всех людей: поэтому все они равно заинтересованы в том, чтобы покарать нападки и надругательства, уничтожающие королевскую власть. Людовик XVI сделался игралищем преступления и низости. В его лице оскорблены все чувства справедливости, разума, человечности. Эти преступления не только останутся безнаказанными, но еще и поощрят к более мерзостным преступлениям, если Европа настойчиво не потребует возмездия».

Это была открытая измена перед страной, призыв, обращенный к готовящимся ко вторжению во Францию германским государствам: пусть они скорее начинают войну. Однако ни правительство, ни комитет по делам полиции при парижском городском управлении ничего не предприняли против «Меркурия»: пример того широкого простора для выражения мнений, какой даже при тогдашнем чрезвычайно тяжелом положении предоставлялся реакционной прессе. «Меркурию» спокойно предоставили и дальше предаваться декламациям. И «Меркурий» так далеко пошел в использовании этой свободы, что в номере, появившемся в начале августа 1792 года, он с радостным удовлетворением отметил продвижение неприятельских войск и отпечатал пресловутый манифест герцога Карла Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского, возвещавший городу Парижу «месть, на вечные времена незабываемую». Редакции «Меркурия» казалось, что близок день мести, день восстановления старого строя. Однако она обманулась в расчетах. В ночь на 10 августа над Парижем пронесся набатный звон, походный марш загремел по улицам. Ополченцы из провинций («федераты») вместе с пригородами взялись за оружие и приступом захватили Тюильри. Король, как пленник, был заключен в башню Тампля.

Последние из воспроизведенных выше статей писал уже

не сам Малле дю-Пан. Уже 21 мая он отказался от редактирования. Но не потому, что был несогласен с позицией «Меркурия», а потому, что начал на практике осуществлять то предательство страны, которое рекомендовала газета. Именно, по тайному поручению короля он отправился во Франкфурт на Майне, чтобы побудить германских государей к ускорению вторжения во Францию. Катастрофа 10 августа 1792 года разбила все его политические надежды. До крайности озлобленный, он написал свою прокламацию о злодеянии, совершившемся 10 августа: один из самых лживых, тенденциознейших контр-революционных памфлетов, в котором он выступает с самыми низкими ругательствами и клеветническими измышлениями против всех революционных политиков, от умеренных либералов и до крайних якобинцев. В самом начале этого послания говорится:

«После предательского убийства двух сотен безоружных без различия пола и возраста, после дошедшего до крайних пределов варварства, учиненного над трупами, после того как они покрыли улицы жертвами бойни, наполнили тюрьмы честными людьми, исчерпали все средства необузданного деспотизма и сами наложили на себя клеймо позора,— среди всех этих ужасающих насилий вожди зверей низложили своего короля, которого они в 1789 году называли «восстановителем свободы», и направили все свои силы на то, чтобы история этих трагических сцен осталась во мраке. Об этом могли бы порассказать только те, кто сам соучаствовал в деле. Все журналисты и общественные газеты, проявившие отвращение к пороку, были подавлены, их типографии подверглись разгрому, их писатели вынуждены прятаться от меча тайных убийц. Еще и теперь неистовствует эта карибская орда, топит, жжет и убивает во имя прав человека...

«Отбросам человечества: всем этим Бриссо, Горсасам, Кондорсе, Карра, дали они исключительное полномочие просвещать публику. Пером этих почтенных господ, большая часть которых только по случайности избежала до революции виселицы и галер, заносятся письмена в книгу новорожденной Франции. И эту полезную работу они и бол-

туны Собрания, пользуясь защитой толпы, начали убийствами. На остриях пик, украшенных отрубленными головами, развевается знамя философии; и под таким-то символом возвещают они естественное право,—и подвергают своих сограждан растерзанию...»

Он продолжает в столь же изысканном тоне. Это—крик лютой ненависти истерика, который чувствует себя обманутым во всех своих политических расчетах. То, что он сообщает здесь, как факты, большею частью представляет не что иное, как коварно измышленные эмигрантские росказни. Утверждает же, напр., Малле дю-Пан, будто с 1789 г. по 10 августа 1792 года революционерами убито не менее 45.000 человек, и будто зачинщиком всех восстаний был не кто иной, как Сийес, это «исчадие человечества» и «позорное пятно» на жреческом сословии: еще до созыва Генеральных Штатов у него будто бы уже был готов план устройства французской республики. Эта полная неспособность Малле дю-Пана к спокойным суждениям произвела такое впечатление на великого созидателя истории, Тэна, что сочинения Малле дю-Пана он сделал своим главным историческим источником.

С 10 августа прекратились неистовства «Меркурия». Он был закрыт новым парижским муниципалитетом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Либеральная пресса.

Либерализм и избирательный ценз.—„Парижский Журнал“ и „Национальная Газета“.—„Курьер Прованса“ Мирабо.—Мирабо и июльские дни 1789 года.—Борьба за права человека.—Страх перед народом.

После июльских дней 1789 года либеральные элементы приобретали все больший перевес в Национальном Собрании: следующий парламентский период до роспуска «Конституанты» (Учредительного Национального Собрания), состоявшегося 30 сентября 1791 года, в известном смысле можно назвать либеральной эрою революции. Однако либеральным представителям третьего сословия не удалось создать единой партии, которая дружно и сплоченно выступала бы во-вне в качестве боевого коллектива. Почти каждый из видных либеральных вождей: Барнав, Шапелье, Дюпон, Грегуар, Ламеты, Мирабо, Сийес, Тарже и т. д., вместе со своими ближайшими политическими друзьями, составлял особую маленькую политическую группу. Конечно, все они хотели обеспечить решающее влияние на законодательство и государственную жизнь за состоятельной «честной» буржуазией, за так называемыми «добродетельными» гражданами; но эта буржуазия состояла из различных промысловых и имущественных слоев с расходящимися интересами и, в зависимости от того, какие именно интересы считались справедливыми и выдвигались на первый план, при обсуждении выдвигавшихся политических вопросов получались различные точки зрения и различные правовые выводы.

К тому же дело заключалось не только в том, чтобы установить права «честной» буржуазии, но и в том, чтобы

целесообразным устройством государственных и коммунальных учреждений обеспечить за нею пользование этими правами. Значит, выдвигался вопрос, каким способом лучше всего будет отмерить эти права кверху и книзу, чтобы обеспечить за буржуазией ее господствующую позицию. А за этим вопросом тянулся целый ряд других: например, в какой мере необходимо воспользоваться содействием массы, чтобы произвести государственный переворот, в какой—большей или меньшей—мере следует предоставить ей влияние на законодательство, чтобы привязать ее к революции, и, далее, в какой мере для сохранения политического равновесия, полезного буржуазии, давлению снизу следует противопоставить соответствующее давление сверху: посредством ли усиления королевской власти, созданием ли аристократически-крупно-буржуазного сената, или ограничением пассивного избирательного права и т. д.

И эти вопросы еще больше усложнились тем, что к представителям буржуазии присоединились некоторые «либеральные» дворяне, которые, при всем своем внешнем либерализме, по большей части оставались во власти старых дворянских традиций; таковы были, напр., герцог де-Эгильон, маркиз Лафайет, оба графа Ламета, виконт Ноэль, герцог Монморанси и т. д. Только немногих из этих «благороднейших представителей» нации в буржуазно-либеральный лагерь толкнул идеализм, вспыхнувший вследствие чтения сочинений по философии государства; большинство же пошло сюда из жажды популярности, из стремления играть политическую роль или из оппозиции против придворной «австрийской партии», против фаворитизма, развившегося при Марии-Антуанетте, и против усиливающейся централизации государственной власти с сопутствующим этому растущим сужением старинных прав провинциальных сословий [1]).

[1]) Против „австриячки“ Марии-Антуанетты была с самого начала анти-австрийская „партия Эгильона“, которая при Дюбарри (любовница Людовика XV) играла выдающуюся роль при дворе. Но, кроме того, пренебрежением и оскорблениями она довела дело до ссоры со старинными дворянскими фамилиями Бирона, Монморанси, Монтескье, Ноэлей и, когда эти роды с их многочисленными ветвями, обиженные, отошли от придворной жизни, наградила своим благоволением Полиньяков, Водрелей, Адемаров и т. д. Поэтому у „либерализма“ многих либеральных дворян были весьма странные причины.

1. Либерализм и избирательный ценз.

При одинаковом, вообще говоря, политическом направлении, мелкие либеральные группы расходились однако направо и налево, когда выдвигались на очередь важные политические вопросы. Может быть, яснее всего обнаруживается это в прениях Национального Собрания об избирательном цензе. Правда, 10 сентября 1789 года либералы голосовали за «единое представительство», т.-е. против двухпалатной системы, но при этом они руководились отнюдь не соображениями о «народной свободе», которой угрожала бы вторая палата. Как открыто признал Рабо Сент-Этьен 4 сентября в своей речи против Мунье, настоящим мотивом было другое; именно, опасение, что с созданием аристократической верхней палаты снова вспыхнет и в известном смысле будет узаконена конституцией та парламентская борьба между привилегированными сословиями и третьим сословием, которая бушевала в мае—июне. Либеральные политики боялись, что дворянство вместе со своими клерикальными союзниками создадут из сената боевое учреждение, которое даст им возможность при помощи двора снова и снова разрушать или по меньшей мере тормозить работы Национального Собрания.

Но, хотя либералам не улыбалась двухпалатная система, они отнюдь не отказывались от того, чтобы создать барьер против влияния низших классов народа на законодательство. Им только казалось, что будет лучше достигнуть этой цели другим способом, а именно, ограничением избирательного права. Поэтому громадное большинство либералов, от крайней правой до Петиона де-Вильнева, охотно пошло за конституционной комиссией, когда она 22 октября 1789 года выдвинула требование, чтобы избирательными правами пользовался только тот, кто уплачивает прямой налог в размере, не менее обычной платы за три рабочих дня. Против этого требования энергично выступили некоторые демократы и либералы крайнего левого крыла, в особенности Грегуар и Робеспьер: оно лишало избирательного права не только рабочих и многих мелких ремесленных мастеров, но также и некоторых мелких чиновников, служащих, учителей, не имеющих собственности

литераторов, беднейших сельских священников и т. д. Однако это не могло сбить с толку либеральных представителей буржуазии. У кого нет никакой собственности, заявил Дюпон при аплодисментах своих политических единомышленников, тот не член общества: слова, которыми было выражено то, что большинство либералов думало в глубине своего сердца. Вместе с аристократами они голосовали за предложение конституционной комиссии, а также за уже упомянутое предложение Мирабо: в интересах богатой деловой буржуазии лишить всякого избирательного права банкротов и несостоятельных должников, а также их детей.

Однако либералы не удовлетворились такими конституционными гарантиями. 28 октября на обсуждение было поставлено предложение: условием для того, чтобы гражданин мог быть избран в коммунальное или департаментское собрание, т.-е. условием для приобретения права сделаться выборщиком, является уплата более высокого прямого налога. Дюпон де-Немур, который несколькими днями раньше так энергично выступил за избирательный ценз, определяемый трехдневным заработком, высказался против этого предложения. Талант и уплата налога, сказал он, не стоят в какой-либо внутренней связи. Единственное необходимое условие для того, чтобы быть избранным, одно: избиратели должны считать кандидата способным к тому, чтобы быть их представителем.

Совершенно справедливо; но в таком случае, если и без уплаты прямого налога можно сделаться выборщиком,—тогда пусть и от избирателя не требуют уплаты прямого налога. Однако логике вообще приходилось плохо в этих прениях об избирательном цензе. Возражение Дюпона де-Немура просто защищало интересы определенных кругов. Требование более высокого прямого налога в различных областях, где система прямых налогов еще не была развита, лишало возможности быть избранными не только бедных, но и значительную часть средних слоев, не имевших земельной собственности,—между прочим некоторых сравнительно мелких адвокатов, средних чиновников, священников, учителей, коротко говоря, интеллигенцию, не располагавшую собствен-

ностью; а господин Дюпон никак не хотел отказаться от их политических услуг в революционном движении.

Однако большинство либералов требовало дальнейших предохранительных мер против «страстей» низших классов народа. Вместе с реакционерами они голосовали за предложение, согласно которому выборщиком и членом департаментских собраний может быть только тот, кто уплачивает прямой налог, равный по меньшей мере десятидневной заработной плате.

На следующий день надо было установить ту сумму налогов, которую должно уплачивать лицо, имеющее право быть избранным в депутаты Национального Собрания. Конституционная комиссия предложила в качестве минимальной цифры 1 марку, т.-е. 245 грамм серебра. На этот раз с возражениями выступил Тарже, Прие и Мирабо. Почему? Да потому, что это требование лишало права быть избранными в Национальное Собрание бо́льшую часть лиц из либеральных профессий, в том числе и многих адвокатов, а эти ловкие агитаторы и дельцы не хотели остаться без оппонентов в Национальном Собрании и не хотели, нанеся им удар, отбросить их в радикально-демократический лагерь.

Против предложения конституционной комиссии парижский адвокат Тарже выступил с энергичной речью. Когда же, несмотря на то, оно вошло в закон, Тарже 3 декабря сделал попытку обходным путем дать этим элементам возможность быть избранными в Национальное Собрание: он внес предложение предоставить пассивное избирательное право и тем, кто два года кряду, хотя бы по своему имущественному положению и не был к этому обязан, добровольно уплачивал установленную сумму налога в 1 марку серебра и дал обязательство в дальнейшем тоже уплачивать эту сумму. Тщетно ряд либеральных ораторов, в том числе адвокаты Шапелье, Деменье, Петион, а в первую очередь—Мирабо, отстаивали предложение Тарже: неистовствовавшие умеренные конституционалисты заглушили их своими криками. В конце концов предложение было отклонено незначительным большинством.

Почти семью неделями позже, 25 января 1790 года, Робеспьер попытался таким же способом пробить брешь в избирательном цензе. В различных северных областях государства, напр., в Артуа, говорил он, система прямого обложения не применяется. Таким образом требование уплаты прямого налога в размере трехдневного заработка привело бы там к тому, что избирательного права не будет не только у неимущих, но даже и у многих зажиточных граждан. Этому ущербу для населения, вытекающему из различных способов обложения, следует помочь таким способом, что различие между активными и пассивными (теми, кто может избирать, и теми, кто может быть избран) гражданами уничтожается, и всем гражданам, без различия уплачиваемых ими налогов, предоставляется право участвовать на первой ступени выборов.

Это шло уж слишком далеко для представителей «честной» буржуазии. В рядах умеренных конституционалистов и правых либералов разразилась буря негодования. Там бушевали, кричали, топали, всеми способами старались помешать обсуждению предложения и, наконец, передали его в конституционную комиссию, т.-е. попросту похоронили.

Как само собою разумеется, в тогдашней парламентской борьбе ораторы только очень редко раскрывали действительные мотивы, которыми определялась их позиция. Ведь и современные германские реакционеры, требуя, напр., открытой подачи голосов при выборах в рейхстаг, не заявляют прямо, что открытость для них—средство производить давление на зависимых от них избирателей, а говорят о «мужестве иметь собственные убеждения», об «укреплении характера», о «повышении общественного чувства ответственности» и т. д. Точно так же и ораторы Национального Собрания обосновывали свои требования соображениями о «благе отечества», «обеспечении народной свободы», «торжестве добродетели» и т. д. и т. д. Может быть, тогдашняя парламентская реторика по условной лжи—и во всяком случае по наивности—значительно превосходила современную. Историки, которые за риторическими украшениями не видят существа, сумели бы открыть в них всевозможные логические противоречия и непоследовательности, а в непоследовательностях увидали бы доказательство болезненной спутанности умов той эпохи. Смехотворный вывод: как будто в настоящее

время парламентская борьба интересов ведется с большей последовательностью и логичностью. В действительности тогда, как и теперь, логика умолкала всякий раз, когда того требовал собственный интерес или интерес слоя, представляемого депутатом.

После роспуска Учредительного Национального Собрания либеральные группы утратили свое значение. В 1871 году, после основания новой Германской Империи, вся германская буржуазия, за исключением определенных старинных областей партии прусских прогрессистов, стала считать себя национально-либеральной и голосовала за национал-либералов, так что эта фракция вступила в рейхстаг в составе 150 членов. Точно так же в начале французской революции подавляющая масса французской буржуазии объединялась под либерально-конституционным флагом до тех пор, пока с развитием революции отдельные буржуазные слои не начали сознавать с возрастающей ясностью разделяющие их различия интересов. Тогда собственно деловая буржуазия примкнула к жирондистской партии, литераторско-интеллигентские элементы большею частью—к дантонистам, а мелкопромышленные, ремесленные группы—главным образом к направлению Робеспьера.

2. „Парижский Журнал“ и „Национальная Газета“.

Содержание прессы либеральной партии, или, вернее, либерально-партийных группировок, не соответствовало их политическому значению. Либеральных газет было достаточно; но бо́льшая часть маленьких газет, рассчитанных на среднего парижского обывателя, стояла на очень низком уровне. Даже лучшие из этих мелких «листков»,—такие, как, напр., «L'Observateur» («Наблюдатель») Феделя,—проявляли такую бездну политической наивности, что тщетно было бы искать чего-либо подобного даже в застольной болтовне обывателей какого-нибудь современного захолустного городишка. Рассказывал же, напр., «Наблюдатель» своим читателям с величайшим моральным негодованием, что аристократы, враги революции, в июле 1789 года подстрекали крестьян к нападению на господские замки с той целью, чтобы дис-

NUMERO 20 77

JOURNAL DE PARIS.

Mercredi 20 JANVIER 1790, *de la Lune le* 6

Soleil lev. 7 h. 35 m., couc. 4 h. 25 m. Lune lev. 9 h. 47 m. du m., couc. 11 h. 15 m. du soir.

Au midi du Soleil, la pendule doit marquer 0 h. 11 m. 39 sec.

Haut. de la Rivière Le 18 à 5 p. 10 p., & le 19 à 5 p. 8 p. (haut. moyennes; pieds.)

Observations Météorologiques du Lundi 18 Janv.

Epoques.	Thermom.	Baromèt.	Vent.	Etat de Ciel & Remarques.
A 9 h ½ m.	— 0 °	28. 1, 8	N. E.	Beau ciel toute la journée.
A 3 h ½ (.	+ 2 ;	28. 1, 2		
A 11 (.	— 1, ;	28. 1, 0		

ASSEMBLÉE NATIONALE

Séance du Mardi 9.

L'abondance des matières qui ont occupé l'Assemblée Nationale est telle quelquefois que, même en n'oubliant rien, il est impossible de rendre compte de tout dans une Feuille. Voici un Décret qui fut rendu hier, & que nous ne pûmes rapporter.

« L'Assemblée Nationale a décrété que les Electeurs, le contrôleur de Municipalités, & autres Corps administratifs, seront dispensés de la formule du papier timbré & du contrôle, & que les Municipalités enverront aux Districts un double de leurs délibérations. »

La première partie de ce décret fut proposée par M. Negret, & la seconde par M. Freteau.

Ce matin encore M. le Président a reçu & il a lu à l'Assemblée plusieurs réponses des Rédacteurs à la Lettre qui leur a été écrite par l'Assemblée Nationale.

Dans une de ces réponses M. d'Ailliamson, premier Capitaine des Carabiniers, assure l'Assemblée Nationale que dans aucun instant son Corps n'a cessé d'être pénétré de respect pour le Roi & pour la Nation, & qu'aujourd'hui ces mêmes sentiments vont lui devenir plus chers & plus sacrés encore.

Dans une autre réponse les Officiers du Régiment *Royal-Etranger*, rappellant les expressions dont on avoit voulu faire un crime à M. Dubois de Crancé, déclarent *qu'ils ne voient point de réparation à demander où l'Assemblée Nationale ne voit point d'offense.* Ce sentiment si beau & si heureusement exprimé a excité des applaudissements qui ont long-tems retenti dans toute l'étendue de la salle.

Une requête du Marquis de Favras a été distribuée aux Députés à mesure qu'ils entroient dans la salle, & a été lue ensuite à l'Assemblée Nationale.

L'article quatrième du décret des 8 & 9 Octobre porte que « dans les vingt-quatre heures de l'emprisonnement de l'accusé, le Juge le fera paroître devant lui, lui fera lire la plainte, la déclaration du nom du Dénonciateur s'il y en a, &c. »

Le Marquis de Favras réclame l'interprétation & sans doute aussi l'exécution de cette loi.

Il a demandé le nom de son Dénonciateur au Rapporteur de son procès; le Rapporteur lui a indiqué le Procureur-Syndic de la Commune. *Cette indication paroît illusoire à M. de Favras* qui veut connoître non le Dénonciateur public au nom duquel se poursuit le procès, mais le véritable Dénonciateur du fait, non le Procureur-Syndic qui dénonce devant un Tribunal, mais le Particulier qui a dénoncé devant le Procureur-Syndic. L'Assemblée Nationale n'a pas jugé convenable de s'expliquer autrement que par son décret même. La question préalable a été demandée

Номер 20-й „Парижского Журнала“.

кредитировать революционное движение граждан. Но большинство сравнительно крупных газет, особенно читавшихся буржуазией, были не принципиальными, а чисто коммерческими изданиями, которые видели свою задачу единственно в том, чтобы получать возможно крупные барыши. Поэтому они держались вдали собственно от политики и ограничивались краткими отчетами о заседаниях Национального Собрания и всевозможным безразличным материалом для чтения, который не мог бы никого оттолкнуть: перепечаткой административных извещений, театральными и музыкальными обозрениями, обзорами книжной литературы и т. д.

Один из главных представителей газет этого рода был ежедневный «Journal de Paris» («Парижский журнал»). Еще до революции, с 1777 года, парижская буржуазия отчасти из него почерпала свою духовную пищу. После созыва Генеральных Штатов издатель преобразовал его соответственно новым требованиям. До того времени газета ограничивалась официальными сообщениями, театральными и музыкальными отчетами, литературными обозрениями, сообщениями о состоянии погоды и т. д. Теперь издатель присоединил к этому краткие отчеты о заседаниях Генеральных Штатов, составлявшиеся депутатом третьего сословия от Бордо Домиником Жозефом Гара. Последний позже, именно в эпоху Конвента, как известно, сделался министром юстиции и внутренних дел и в конце концов при Наполеоне I был произведен в графы и сенаторы.

Газета печаталась в четвертую долю малого листа на четырех страницах. Во главе ее обычно шел метеорологический бюллетень, потом следовали отчет о прениях в Национальном Собрании и перепечатка важнейших правительственных распоряжений, затем театральные и музыкальные обозрения, важнейшие отметки на парижской бирже, вексельные курсы дисконтной кассы (Caisse d'Escompte), коммерческие заметки, объявления о смерти лиц из так называемого лучшего парижского общества и т. д. Тщетно будем мы искать статей и заметок по политическим вопросам, а также местной хроники. Не отмечаются даже важнейшие местные происшествия. Так, напр., из «Парижского журнала» мы ничего не узнаем о борьбе, разыгравшейся в Париже 13 и 14 июля

1789 года. Номер от 15 июля сообщает только, что в Париже образовалась гражданская гвардия, а номер от 19 июля содержит только официальное распоряжение вновь созданного постоянного комитета (по городскому управлению).

Несмотря на такую односторонность и сравнительно высокую подписную цену—16 ливров за полугодие,—«Парижский журнал» получил большое распространение в парижском деловом мире. В ноябре 1789 года этот успех натолкнул известного газетного издателя того времени Панкука на мысль об основании новой, значительно большей газеты этого типа: «Gazette nationale», или «Moniteur universel» («Национальная газета», или «Всеобщий вестник»). Это—первая из французских газет в большом формате in folio (ежедневно 4 страницы по 4 столбца). Ее осведомительная часть распространяется не только на Париж и окрестности его и не только на Францию: здесь находят себе место почти все крупнейшие государства Европы, а также и вновь возникшая Северо-Американская республика. На первой странице газета обыкновенно дает несколько кратких сообщений о важных политических и экономических событиях за границей. Затем следуют такие же краткие заметки о происшествиях в Париже и других французских городах, потом отчеты о заседаниях Национального Собрания, парижского коммунального совета, парижского комитета по делам полиции и следственного, иногда также об особенно важных прениях в районных собраниях и, наконец, короткий обзор театральной и музыкальной жизни Парижа. Руководящие статьи и принципиальные рассуждения отсутствуют, но с 1791 года «Национальная газета» по временам дает сообщения о выдающихся речах, произнесенных в ученых обществах или политических клубах Парижа. Сначала отчеты о прениях в Национальном Собрании были довольно короткие: отчеты о заседаниях обычно составляют всего 1—1½ столбца, да и здесь большая часть места занята текстом законопроектов, предложений и постановлений, так что мало остается для изложения депутатских речей. Но в феврале 1790 года «Бюллетень заседаний Национального Собрания», издаваемый Маре, был соединен с «Национальной газетой». С этого времени отчеты о прениях Национального

Собрания становятся все более и более пространными и нередко составляют три четверти, даже четыре пятых общего количества столбцов. Необходимое для этого место издатели выигрывают таким способом, что они временами дают приложения и значительно сокращают сообщения о заграничных делах, а также о прениях в парижском коммунальном совете и в комитетах последнего. Во всяком случае и для 1791—1793 годов «Национальная газета» дает чрезвычайно ценный материал о парижском управлении, до сих пор остающийся недостаточно использованным.

Первый номер этой газеты вышел 24 ноября 1789 года. Главными редакторами были адвокат депутат Серизье, журналист Женгене и депутат Рабо Сент-Этьен, который прошел в Генеральные Штаты от третьего сословия округа Нима, а впоследствии в Конвенте, представлял департамент Од и примкнул, как известно, к жирондистам. Его следует считать главным руководителем газеты, так как он редактировал отчеты о прениях Национального Собрания и связанные с ними политические заметки.

Хотя газета принимала вид известной беспартийности и устраняла принципиальные рассуждения, она, разумеется, подобно другим газетам, следовала определенному политическому направлению,—именно, направлению тех буржуазных кругов, на которые она рассчитывала: высших чиновников, состоятельных ученых, торговой и мануфактурной буржуазии. Средние слои населения тогда очень мало интересовались тем, что делается за границей, и к тому же газета стоила слишком дорого для них: подписная цена на четверть года составляла для Парижа 18, для остальной Франции—21 франк, что соответствует современной подписной цене почти в 45 франков (около 18 руб. на довоенные деньги *И. С.*) за четверть года. При тогдашнем экономическом кризисе это было не по средствам даже для сравнительно состоятельного ремесленного мастера и среднего чиновника, тем более, что читателю, если он хотел больше узнать о политических течениях, приходилось, кроме «Национальной газеты», покупать еще какой-либо другой журнал. Поэтому журнал рассчитывал, как на свою собственную читательскую публику, исключительно на высшие слои революционной парижской буржуазии и усваивал ее политические настроения; таким образом в 1789—1790 годах он был умеренно либеральным, в 1791—1792 годах—лево-либеральным, а потом жирондистским. Правда, как уже сказано выше, «Национальная газета» избегает рассуждений по принципиальным вопросам. Но ее политические тенденции ясно выражаются в характере сообщений о Национальном Собрании и о мероприятиях парижского городского управления, в том, что газета выдвигает на первое место и о чем умалчивает. Так, с той постановкой дел, которую усвоила буржуазия, господствовавшая в парижской ратуше, газета в большинстве случаев был совершенно согласна и по разным поводам выражала ей свое одобрение. Например, после национального праздника 14 июля 1790 г. (первая годовщина взятия Бастилии) газета дала длинное сообщение о блеске, с каким прошло торжество, и потом, для отражения нападок, направленных против городского управления, добавила:

«Ненависть к миру, умственная спутанность, жажда сеять возбуждение уже давно старались поселить недоверие к цели торжества и к программе последнего. Десятки бессовестных крикунов столицы еще больше раздували эти слухи и, несмотря на нелепость последних, даже здесь находили способ обрушиваться с ругательствами на тех, кого невежество или низкая мстительность непрестанно обвиняют перед народом, как противников и опасных врагов его благоденствия.

«Эти злосчастные идеи, в связи с общественными приготовлениями, распатывали спокойствие в семьях и нарушали интересы торговли и общества. Коммунальный совет и в особенности полицейское отделение всеми зависящими от них мерами старались рассеять все опасения и устранить слепую тревогу. Мы знаем извещения, которые распространялись в виду этих слухов, мы знаем, что комиссары, именно с этой целью назначенные в столице, показали, что эти злонамеренно распространявшиеся подозрения лишены всяких оснований: будто бы в подземных погребах спрятан порох, будто бы подготовлены отряды и будто бы адские машины припрятаны близ военной школы и Марсова поля.

Эти заподозревания, — достойные тех, кто их распространял, — целый месяц мучили провинцию и повели ко всяческим тревогам в Париже.

«Однако недостаточно успокоить умы, оказалось, что кроме того необходимо еще и достать продовольственные продукты. Прилив громадного количества приезжих неизбежно должен был повысить потребление продовольственных продуктов, и малейший недостаток последних в такой момент знаменовал бы общественное бедствие. Вследствие заботливости коммунального совета, который достал большое количество муки, дело было устроено, и их величество соизволили с 20 числа последнего месяца на выдачу двухпроцентного вознаграждения за продажу скота, который будет до 22 июля доставлен на рынки в Со и Пуасси».

Весной 1791 года, когда сильнее обострились противоречия между роялистами и либералами, «Национальная газета» передвинулась влево, а бегство короля 20 июня 1791 года побудило ее еще больше сдвинуться в этом направлении. Задержание бежавшего короля в Варенне газета отметила с чувством известного удовлетворения, а в сообщении о том, что 26 июня задержанная королевская семья возвращена из Шато-Тьери, говорится (№ 180 «Национальной газеты» от 29 июня 1791 года):

«Вследствие принятых мер предосторожности, возвращение Людовика XVI прошло без всяких беспорядков. Ему уготовали прием отнюдь не из приятных. Он слышал только крики: «Да здравствует нация!» «Да здравствует свобода!» «Жить свободными или умереть!» Эти возгласы должны были успокоить его, но он выглядел подавленным. Городские власти были на месте, но только для того, чтобы поддерживать порядок, а не для того, чтобы видеть короля. Поэтому они не обратились к нему с каким бы то ни было приветствием... Мы сопровождали его до почтовой кареты, которая стояла готовая. Мы беседовали с господином Петионом, который сидел между Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой, — но мы не сказали ни слова с этими двумя личностями, которых французский народ отныне не уважает.

«Нам суждено было также узнать, что это за люди наши аристократы. Они испытали известную радость, когда узнали

о бегстве короля. Некоторые из них этого не скрывали и за то едва не были убиты. Одного священника пришлось посадить в тюрьму. Когда же стало известно, что король арестован, и когда он проезжал по Парижу, — ко многим аристократам еще до сих пор не вернулась способность пользоваться языком и двигать ногами. Они теперь попрятались. Или они считают игру проигранной?

«Не питали ли эти выродившиеся люди ужасных надежд, когда король бежал? Некогда мы еще узнаем подробности об их отвратительном заговоре, о котором мы слышали в день бегства. Он заключался в том, чтобы перебить патриотов тотчас после того, как король окажется за пределами государства. Заговор уже имел наготове агентов. Безумные! Как будто в их силах было бы устроить новую Варфоломеевскую ночь!»

Следуя за общим течением, газета в № 195 (от 14 июля 1791 года) дала даже длинный отчет о возбуждающей речи, которую Бриссо 10 июля произнес в якобинском клубе, а двумя днями позже, вразрез со своими постоянным обыкновением, статью о бегстве английского короля Иакова II. Когда же 16 июля фейльянты (умеренно-либеральная группа, члены которой находились в постоянных сношениях с двором, частью участвовали в его заговорах) восстановили короля в его звании, а Бальи и Лафайет 17 июля приказали стрелять в толпу, собравшуюся на Марсовом поле для подписания составленной Бриссо петиции, которая требовала низложения короля, — «Национальная газета» тоже начала отступление. 18 июля (№ 199) она писала:

«Беспорядки, вызванные в нашем городе смутьянами и врагами конституции, вчера еще больше усилились. В 6 часов вечера господин городской голова и несколько городских чиновников вышли из городской думы с сильным отрядом национальной гвардии и в сопровождении красного знамени» (развернутое красное знамя возвещало о том, что объявляется осадное положение). «Они отправились к Марсову полю, где в течение нескольких дней собирались злонамеренные. Едва они туда явились, как уже были встречены градом камней. Национальная гвардия ответила ружейными выстрелами. Несколько человек было убито. Тотчас после этого про-

исшествия,—с некоторого времени единственного предмета желаний и происков наших врагов,—многие подстрекатели бросились в город и пытались ложными рассказами поднять народ против национальной гвардии и особенно против ее вождя (Лафайета). Однако, вследствие неусыпных стараний гражданской гвардии, к полночи величайшее спокойствие опять восстановилось на всех улицах».

24 июля, отступая, газета зашла уже так далеко, что без всякого слова порицания реакционным мероприятиям парижского городского управления сообщила о закрытии «Друга Народа» Марата, об аресте управляющей его типографии г-жи Коломб, а также редакторов «Orateur du Peuple» («Народный трибун») и «Père Duchesne» («Отец Дюшен»), о бегстве Дантона, Демулена и Лежандра.

По этой либеральной колее двигалась «Национальная газета» до весны 1792 года; потом обнаруживается некоторый уклон к жирондистским воззрениям. Однако газета ничего не сообщает о неудавшейся жирондистской демонстрации 20 июня 1792 года и о последовавшей за нею комедии в Тюильри, и только 23 июня отмечает, что совет департамента предложил парижскому городскому управлению представить подробный отчет о происшествиях 20 июня. Продвижение неприятельских войск, вызвавшее страшное возбуждение в парижском населении, заставило однако газету нарушить свое молчание. 3 августа она опубликовала известный манифест герцога Брауншвейгского, предпослав ему горячо написанное введение. В последнем она обращается против «чудовищ», которые три года устраивают заговоры против собственного отечества, а также против иностранных «тиранов», которые стремятся к разрушению «свободной монархии» Франции. Но брожение в Париже начинает бить через край, и 10 августа парижские пригороды вместе с марсельскими федератами (это—тот батальон, который в предыдущем месяце от Марселя дошел до Парижа, повсюду разнося с собой знаменитую «Марсельезу», только что сложенную Руже де-Лилем) взяли Тюильри приступом, после чего Людовик XVI был низложен. Тогда газета Панкука, как истая представительница крупнобуржуазных собственнических и промысловых интересов, опять возвращается к своей прежней сдержанности. Конечно, невозможно было совершенно обойти молчанием события 10 августа с их громадным значением для дальнейших судеб Франции. Поэтому 12 августа «Национальная газета» дает поверхностный отчет, составляющий всего один только столбец и ограничивающийся кратким изложением фактов. Но, едва исполнив таким образом свои осведомительные обязанности, газета считает для себя все дело исчерпанным.

Однако бурно развертывающиеся революционные события скоро опять вынуждают газету оставить свою игру в прятки. Пруссаки неудержимо продвигались вперед. 24 августа они взяли крепость Лонгви и пошли на Верден. В Париже страх сменялся энтузиазмом. Рабочие и мелкие буржуа массами заставляли заносить себя в качестве волонтеров в списки по набору солдат. Напротив, конспирировавшие с заграницей роялисты и конституционные монархисты радовались. В своих воззваниях они возвещали скорое вступление пруссаков в Париж и близость дня возмездия. Избранный парижским коммунальным советом комитет для организации надзора (полицейский комитет), в состав которого вошли Марат, Панис, Сержан, Дюпле, Ланфан, Жордейль, Дефорг, Леклер, Калли и Дефор, приказал арестовать всех подозрительных роялистов и клерикалов, которые уже раньше выделялись по своей политической роли. Но революционный трибунал, который 17 августа постановило учредить и учредило Национальное Собрание, работал чрезвычайно медленно и пристрастно. Судьи, составившие этот трибунал, были большею частью умеренные жирондисты и левые либералы, которые противодействовали политическим переменам, наступившим после 10 августа. Они затягивали судебное разбирательство и не возбуждали преследования против лиц, которых все считали заговорщиками. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что правящее жирондистское министерство с Роланом во главе стремилось по возможности ограничить права нового, якобинского парижского городского управления и прежде всего—деятельность упомянутого выше комитета по организации надзора. В собраниях революционных секций (48 районов, на которые разделялся Париж в административном отношении) и на сходках посту-

пивших в армию волонтеров («федератов») раздавались резкие речи, которые заканчивались призывами: «Мы выступим против пруссаков; но мы не можем оставить наших беспомощных жен и детей в жертву заговорщикам; сначала мы должны расправиться с бандитами!» Весь Париж был охвачен лихорадочным возбуждением. Вечером 1 сентября стало известно, что накануне трибунал оправдал одного из самых озлобленных вождей роялистов, Монмарена, бывшего губернатора в Фонтенебло, и в то же время распространились слухи о падении Вердена. В ту же ночь вожди революционного движения устроили сходки. На следующий день, в воскресенье, начались вторжения в тюрьмы и кровавый суд Майяра.

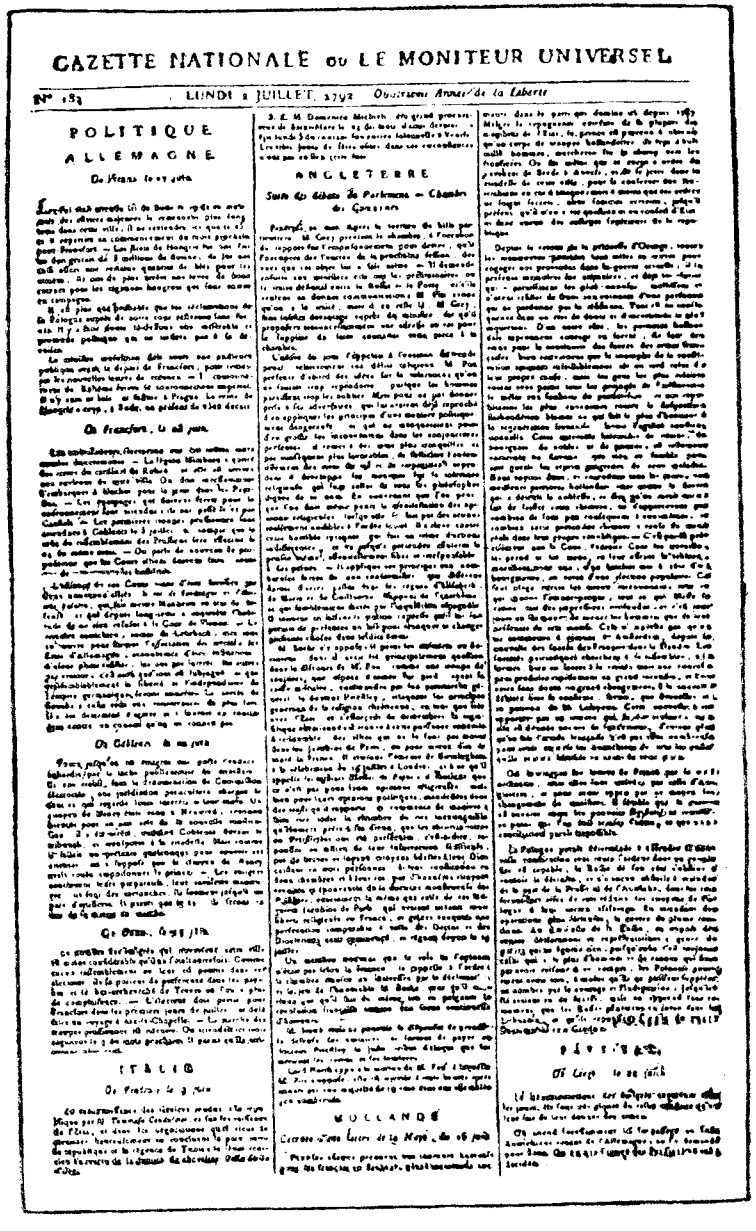
Сначала «Национальная газета», следуя старой тактике, хранила молчание. Хотя по техническим условиям она могла бы сообщить о событиях 2 сентября уже во вторник, 4 сентября, однако только 6 сентября появилось ее сообщение, бледное и бесцветное, как всегда. Коротко упомянув о происках роялистских заговорщиков, газета затем рассказала, что у них было намерение по выступлении волонтеров в поход овладеть с помощью нескольких отрядов гвардии тюрьмами, битком набитыми вождями роялистов, освободить их, разоружить граждан и овладеть городом. Потом газета так описывает начало кровавого суда:

«В воскресенье, 2 числа сего месяца, в то время как граждане, возбужденные воззванием временного городского управления, собрались в своих секциях, чтобы внести себя в списки набора и обсудить опасность, угрожающую отечеству, от дворца Пале в комитет Четырех Наций вели шестнадцать арестованных лиц, вооруженных пистолетами и кинжалами, в том числе архиепископа Арльского и викария Сен-Фериоля из Марселя. Они оказали сопротивление, и один из них выстрелил из своего пистолета и смертельно ранил одного гражданина. Следом за тем все они сделались жертвами своей собственной ярости».

Но уже 7 сентября «Национальная газета», поддерживавшая тогда отношения с министром Роланом, обратилась к низшим классам народа с настоятельным увещанием уважать собственность. При этом она хитро ссылалась на Сантерра, только-что назначенного главнокомандующим парижской национальной гвардии и еще пользовавшегося тогда всеобщим доверием среди населения пригородов. Во введении газета опять возвращается к планам заговорщиков и потом продолжает:

«...Следует думать, что заговорщики, которые только и заинтересованы в создании беспорядков и могли бы извлечь выгоду из дикого брожения, в связи со своими ошибочными надеждами предавались вере, что они своими подстрекательствами в состоянии довести народ до такого предела (до нападения на собственность). Однако они обманулись. Число людей, способных на такие эксцесссы, лишь очень незначительно. Масса народа хочет только того, что справедливо,—хотя она этого хочет ужасно. Однако добрые граждане не замедлили напомнить народу о священных принципах собственности и индивидуальной свободы. Мы слышали, что в коммунальном совете господин Сантерр, обратившись к трибунам, заявил следующее: «Не думайте, что для преследования гражданина достаточно, если вы скажете, как вы слышали, что он воскликнул: «да здравствует король!», или что он позволил себе какие-либо другие выражения, направленные против граждан. Так вы во всякий момент могли бы сделаться орудием личной ненависти или личной мстительности. Многие негодяи, ваши враги, облачающиеся в одежду нищеты, чтобы изобразить из себя патриотов, стали бы давать вам бесчестные советы. Беспорядок сделался бы безграничным, вы утратили бы уважение всех благомыслящих людей и, погрузив ваше отечество в несчастья, изгнали бы из него свободу». В дальнейшей части своей речи Сантерр старался оправдать полезные спекуляции торговли и выяснить, что они являются причинами всеобщего процветания. Его простое и убеждающее красноречие произвело значительное впечатление».

В то же время, чтобы удержать массы пригородов от дальнейших насильственных актов и успокоить добрых граждан, газета опубликовала известный приказ, с которым Ролан 4-го сентября 1792 года обратился к Сантерру. В этом приказе новому командующему парижской национальной гвардии предписывалось от имени нации, Национального Собрания и министерства всеми средствами воспрепятствовать

GAZETTE NATIONALE ou LE MONITEUR UNIVERSEL

N° 184 LUNDI 2 JUILLET, 1792 Quatrième Année de la Liberté

POLITIQUE

ALLEMAGNE

ANGLETERRE

ITALIE

HOLLANDE

Номер 184-й „Национальной Газеты".

дальнейшим насилиям, направленным против личности или собственности.

С открытием Конвента «Национальная газета» поплыла по руслу жирондизма; а позже, после низвержения жирондистов, подделывалась даже под умеренное якобинство. Однако нас повело бы слишком далеко, если бы мы захотели проследить своеобразный ход ее развития: собственной политики у нее не было, она на надлежаще обдуманном расстоянии просто следовала за господствующими течениями. Скудное духовное содержание газеты вообще едва ли оправдывало бы включение ее в число главных газет французского либерализма в 1789—1792 годах, если бы она не пользовалась в то время значительным влиянием среди парижской буржуазии.

3. „Курьер Прованса" Мирабо.

Несравненно большее влияние на революционную борьбу, чем эти две осведомительные газеты, имел «Courrier de Provence» («Курьер Прованса»),—по крайней мере в 1789 и в первой половине 1790 года. Этот политический орган Оноре Габриеля Рикетти графа де-Мирабо возник 27 июля 1789 г. из «Lettres du Comte de Mirabeau à ses Commettants» («Письма графа де-Мирабо к его избирателям»). Как многие другие газеты возникшие в 17899 г., «Курьер» тоже имел своею задачей давать отчеты о заседаниях Национального Собрания. Но это были отчеты, соответствующие воззрениям и целям Мирабо. Во многих отношениях его отчеты совпадают с так называемыми «парламентскими впечатлениями», которые дают многие из современных крупнейших газет. Но в собственные впечатления Мирабо часто вставлял текст предложений и проектов, поставленных на обсуждение, и важнейшие части отдельных речей.

Сначала газета появлялась очень нерегулярно. Бывало так, что несколько номеров следовали один за другим с короткими промежутками в два или три дня, а потом проходила целая неделя, и не появлялось ни одного нового номера. Но с тех пор как в конце июля 1789 г. название газеты изменилось, и друзья Мирабо, Дюмон и Дю-Ровере взяли

на себя собственно редакцию, обыкновенно еженедельно издавалось по три номера, каждый размером 1½—3 печатных листа, т.-е. 24—48 страниц в восьмую долю листа. Однако по временам, когда в Национальном Собрании стояли на очереди важные вопросы, размер номеров увеличивался до 4 и даже до 4½ печатных листов.

По большей части номер начинается своего рода введением к трактуемой теме, искусным изложением поставленного на обсуждение вопроса с точки зрения Мирабо; затем приводится содержание некоторых из произнесенных речей, а в конце даются всевозможные критические замечания и комментарии.

Конечно, у Мирабо нечего искать какой-либо беспартийности. Цель его отчетов—пропаганда его воззрений и распространение его влияния. Поэтому доводов противников, если только они не дают желанного повода для полемических выступлений и комментариев, Мирабо обыкновенно касается лишь мимоходом, ораторы же, представляющие его собственную точку зрения, излагаются подробнее. Но, разумеется, в самую первую очередь Мирабо печатает свои собственные речи и внесенные им предложения, ловко ретушированные и исправленные. Мастер политической рекламы, он даже в ничтожных инцидентах превосходно умеет выдвинуть свою персону на первый план и старается об увеличении своей популярности. Но как раз потому, что «Курьер Прованса» обращал особенное внимание на ораторские выступления, на предложения, проекты и политические планы Мирабо, эта газета дает чрезвычайно ценный вклад в историю революции. Она—великолепное зеркало парламентской деятельности Мирабо. Правда, не верное зеркало: оно показывает Мирабо таким, каким он хотел казаться своим современникам. Но как раз в этом портрете, в котором ему польстили, лучше всего выражается вся его духовная своеобразность, весь его характер.

Итак, газета служит для Мирабо в известном смысле восполнением парламентской трибуны. Однако, нельзя не признать, что, взятый в целом, журналист Мирабо представляется несколькими тонами консервативнее, чем парламентарий Мирабо. Конечно, и в своей газете Мирабо своей ненасытной жажде популярности нередко жертвует своим интеллектом. Однако в его литературных размышлениях выступает не столько ритор, гоняющийся за эфектом, сколько острый наблюдатель и автор «Monarchie prussienne sous Frédéric-le-Grand» («Прусская монархия при Фридрихе Великом»); выступает тот осмотрительный, по существу аристократический политик, который 1 сентября 1789 г. в Национальном Собрании высказался за право короля на абсолютное вето, а 10 декабря внес следующее предложение: «После 1 января 1797 года не может сделаться членом Национального Собрания ни одно лицо, которое уже дважды не собрало на себе голосов народа на выборах в какое-либо правящее собрание или в муниципалитет, или если оно не занимало должности в магистрате по меньшей мере три года, или еще не было членом Национального Собрания».

Мирабо не сам составлял большую часть своих наиболее замечательных речей, которые доставили ему мировую известность: он заставлял их писать своих друзей—Дюмона, Клавьера, Дю-Роверэ, Пеллана, Рейба и только приправлял их проекты несколькими собственными ударными местами и сентенциями. Точно так же большая часть статей в его журнале не им написана. Он сам составлял, повидимому, только первых десять номеров: начиная с одиннадцатого «Письма», главную работу взяли на себя Дю-Роверэ и Дюмон. Например, «Письмо» 19-е,—номер в 61 страницу,—с отчетом о событиях с 9 по 24 июля составил почти один Дюмон. Правда, номер просмотрел Мирабо, который в различных местах исправил изложение своего сотрудника, вычеркнул отрицательные замечания о населении парижских пригородов, усилил восхваления гражданам, в соответствии со своими воззрениями фальсифицировал речь Мунье и в заключение внес в это «Письмо» заключающиеся в нем воспоминания о смерти своего отца.

После 19 «Письма» Дюмон и Дю-Роверэ и формально взяли на себя редактирование. С книготорговцем Леже,—или, собственно, с его женой, с которой Мирабо был в интимных отношениях,—было заключено соглашение, согласно которому чистая прибыль от газеты должна делиться на четыре части: одну часть получает Мирабо, вторую Леже, а остальные

ные две Дюмон и Дю-Роверэ. Однако и при этой новой редакции Мирабо в первое время оказывал решающее влияние на характер «Курьера Прованса». Те статьи, которые представлялись ему в особенности важными, писал он сам или же предварительно договаривался с друзьями об их направлении. Таким образом до апреля 1790 года газета в существенном была запечатлена духом Мирабо.

4. Мирабо и июльские дни 1789 года.

В первые месяцы по открытии Генеральных Штатов политическая деятельность Мирабо сосредоточивалась на том, чтобы ослабить позицию дворянства и усилить влияние буржуазии на правительство. В соответствии с конституционным принципом, что не сам монарх ответствен за свои правительственные действия, а его советчики, он следовал той тактике, что, хотя он энергично протестовал против угроз короля по адресу Национального Собрания, однако, не возлагал ответственности за них на самого короля. Монарх стремится, как постоянно снова и снова уверял Мирабо, к благу нации, но министры и придворные постоянно толкают его в превратном политическом направлении. Таков, например, отчет его газеты о том заседании 23 июня 1789 года, в котором король грозил, что он распустит Генеральные Штаты, если они не будут послушными, и сам устроит счастье своей нации (№ 13 «Писем графа де-Мирабо»):

«Когда появляется король, царит сумрачное молчание. Ему отказывают в привычной дани почтительной преданности, которая возвещает ему о довольстве его народа и которая всегда будет ему оказываться, если только коварными советами не сумеют повести его мудрость по ложным путям. До какого глубокого заблуждения должны были довести его, если он обратился таким образом к деспотическим формам после того, как торжественно отрекся от деспотизма... Мы безбоязненно утверждаем, что в речах, которые произнес король в этом заседании, явственно выступили чужие нашептывания. Эти речи теперь напечатаны, мы можем исследовать заключающиеся в них принципы,—принципы, которых монарх никогда не стал бы разделять, если бы его не

SECONDE LETTRE

DU COMTE DE MIRABEAU

A SES COMMETTANS.

Séances des Etats-généraux des 8, 9, et 11 Mai.

LE ſyſteme d'immobilité des Communes eſt reſté en vigueur avec une perſévérance qu'on n'attendoit pas d'un eſprit public, a peine à ſon aurore, & qui déjoue d'autant plus évidemment les ennemis de la cauſe populaire, qu'il le calomnient davantage.

Ce n'eſt pas qu'on n'ait apperçu très-diſtinctement que les Ordres privilégiés avoient parmi les Députés des Communes quelques auxiliaires qui, ſoit par de faux pretextes, ſoit par des objections ſpécieuſes, ſoit par tous les reſſorts d'une intrigue très-déliée, cherchent, à tous riſques, à nous mettre en activité, & pour trancher le mot, à nous *chambrer*, afin de *préjuger* contre le Peuple

A

Второе „Письмо“ графа Мирабо к избирателям.

окружали аристократы и деспотически настроенные министры. Мы имеем тем большие основания предполагать это, что в тех же речах находим истинно отеческие выражения и заявления о стремлении к общему благу, которые стоят в вопиющем противоречии с тираническими формулами...

«Кто сомневается, что аристократы от имени короля составили эту декларацию или, правильнее, это подтверждение своих тираних привилегий, тот пусть просто прочитает статьи восьмую и девятую. Из них следует, что они ревностно заботились о том, чтобы изъять из компетенции представителей нации возможность уничтожения феодальных злоупотреблений, и сделали необходимым особое согласие духовенства по отношению ко всем распоряжениям, которые касаются религии, церковной дисциплины и управления духовными орденами и корпорациями. Но разве эти предметы не имеют никакого касательства к общему благу, и разве в Национальном Собрании может быть речь об отдельных интересах? Да посмеют ли те, кто хочет отстаивать такие интересы, сами находиться в этом Собрании? Пусть они подают петиции, если они считают свои притязания правомерными. Но сопротивление частного эгоизма общему благу—низость, и потому не может быть, чтобы король одобрял это. Точно так же не может входить в его намерения препятствовать доступу публики на заседания (Национального Собрания). Почему бы это такое мы стали вести свои прения тайно? Что означают слова «приличие и порядок» в пятнадцатой статье? В данном случае беспорядком была бы игра в тайну, неприличие—в утаивании наших мероприятий...»

Затем Мирабо обращается к угрозе короля распустить Генеральные Штаты:

«Не довольствуясь тем, что король предписывает Генеральным Штатам нормы поведения, регулирующие даже их внутренние и внешние распорядки,—король к тому же еще не пользуется никакими иными формулами, кроме деспотических: «я хочу, я воспрещаю, я повелеваю!» Еще никакой монарх до сих пор не узурпировал с большей неограниченностью и нераздельностью всяческой власти! И однако придворные шептуны дерзнули дать доброму королю совет так отнестись к нации, созвать которую он почувствовал себя вынужденным? Стоило ли в таком случае из-за подобной цели собирать представителей народа? Если монарх может дать законы в согласии с наказами различных избирательных округов, то министрам оставалось бы только распорядиться, чтобы им доставили эти документы просто по почте; или, вернее, даже и в этом не было необходимости: они могли бы и дальше разыгрывать, как до сих пор, свою роль законодателей...»

Чрезвычайно характерна для политики Мирабо та хвала, которую он в своей газете воздает восставшим 14 июля 1789 г. В глубине души, как видно из различных мест его «Писем», он с большим презрением относится к беднейшим слоям народа. Однако запугать двор и заставить короля склониться перед волей Национального Собрания он считает в данный момент безусловно необходимым для того, чтобы сделать возможными дальнейшие шаги в направлении к конституционной форме государства. С этой точки зрения он полагал, что нельзя обойтись без комплиментов тем парижанам, которые взяли Бастилию. Он писал:

«Особого внимания заслуживают обстоятельства, которые повели к крушению злосчастных планов министерства: превосходный порядок в столице, изумительное взятие Бастилии, которая после трехчасового штурма пала вследствие чудес храбрости, присоединение французских гвардейцев, которые, не колеблясь ни минуты, засвидетельствовали свою высокую преданность делу свободы, поведение народа при этом чрезвычайном перевороте: среди всеобщего замешательства не было примеров ни грабежа, ни жестокости; наконец, быстрое и правильное устройство гражданской милиции: пример, который скоро найдет подражание во всем королевстве и много больше будет содействовать установлению наших прав, чем можно было бы того достигнуть годами работы Национального Собрания. Своими преступными планами министры достигли того, что государственная машина сама собою опять пришла в движение. При первом же толчке все старое, изношенное и гнилое здание рухнуло, чтобы никогда более не подняться. Раз почва расчищена, можно воздвигать и

укреплять новое здание на незыблемой основе вечных прав народа. Коммунальные власти, созданные на основе свободных выборов и надлежаще организованные, и сменяемость всех чиновников воздвигнут от одного края Франции до другого непреодолимый оплот свободы. Таким образом мы используем разрушение этой твердыни тирании, которая вот уже два столетия позорила и устрашала столицу. Если же нашим внукам потребуется напоминание о деспотизме,—оставим неприкосновенными мрачные венсенские башни».

На жалобы аристократов, что при волнениях 13 и 14 июля восставшие во многих случаях вели себя сурово и жертвами их пали некоторые неповинные, Мирабо отвечает следующей ссылкой на историю Франции:

«Однако сравните с этим число тех неповинных, которые пали жертвою ошибок и кровожадной процедуры судебных учреждений или жертвою мстительности министров, находившей тайное удовлетворение при содействии венсенской башни или казематов Бастилии, сопоставьте эти жертвы с внезапными вспышками ярости толпы,—и потом решайте, на какой стороне царит варварство! Когда ад (Бастилия), созданный тиранией для мучений ее жертв, был открыт перед взорами столицы, когда граждане спустились в те ужасные глубины, чтобы взвесить цепи, в которых были их друзья, их защитники, когда сделались известными документы, свидетельствующие обо всех этих ужасах,—тогда народ, если бы он не был воистину добрым, должен был бы после раскрытия такого постыдства министров воспламениться собственно к такой же жестокости и пролить крови еще больше, чем они пролили... Если гнев народа страшен, то хладнокровие деспотизма отвратительно; его рассчитанная жестокость часто в один день повергает в несчастье много больше людей, чем падет жертв за целые годы народных восстаний...

«Что послужило толчком для этого взрыва? Все отказы в правосудии, надругательства, раздражение. Популярные министры получали отставку и заменялись каким-нибудь отбросом, на которого наложено клеймо общественного презрения, который разрушал святость законов, угрожал Национальному Собранию и запугивал тем, что вокруг столицы расставлялись иноземные полки и орудия и производились все приготовления к гражданской войне, к ужасающей резне, при чем все люди, известные как друзья народа или считавшиеся таковыми, должны были, согласно низким планам, безоружные пасть под мечом солдат. Коротко говоря, два столетия рабства в государственной и семейной жизни, два столетия политической и фискальной, феодальной и судебной тирании,—все это, доведенное до крайних пределов гнусным заговором, память о котором будет увековечена историей: вот что возмутило народ. Он наказал лишь малое число из тех, которых глас общества называл виновниками его угнетения. Но, спросим мы, не больше ли крови пролилось бы, если бы наши враги восторжествовали, или если бы решение не наступило так быстро?

«Пришлось бы написать целую книгу, если бы мы захотели показать на примерах, что в такие моменты приливов гнева правительства пожинают лишь плоды своих собственных грехов. Презирают народ и в то же время требуют, чтобы он всегда был тих и со всем бы мирился: пора бы однако из печального опыта извлечь тот урок, что за причиняемые ему другими классами несправедливости народ мстит как раз своей грубостью...

«Но к этим размышлениям, которые мы считаем необходимыми в настоящий момент, когда гуманность ведет ум на неправильные пути, мы однако спешим присовокупить замечание, что от Национального Собрания в целом не укрылось, что продолжение этой ужасающей диктатуры угрожало бы общественной свободе точно так же, как и заговор ее врагов. Общество скоро распалось бы, если бы толпа, привыкнув к кровопролитию и разрушению, поставила бы себя выше властей и не стала бы чтить законов. Тогда народ, вместо того чтобы достигнуть свободы, низвергнулся бы в пучину рабства: ибо, находясь в опасности, слишком часто ищут спасения в неограниченном господстве и, чтобы избавиться от анархии, встречают деспота, как спасителя».

5. Борьба за права человека.

Сантиментальность не принадлежала к числу слабостей Мирабо. Что он считал правильным, он старался провести всеми возможными средствами, законными и незаконными. Редко еще какой-либо политик с большей безусловностью придерживался принципа, что цель оправдывает средства. Так, дошедшие в конце июля 1789 года до Парижа известия о восстании крестьян в провинции не причинили ему особенного огорчения, хотя он, как член графского рода, сочувствовал земельному дворянству и глубоко презирал тупых и грязных крестьян. С несравненно большею проницательностью, чем многие и многие буржуазные политики и журналисты, он разом понял, что крестьянское восстание неизбежно поведет к падению старых феодальных прав, а вместе с тем сделает необходимым переход к новой государственной форме. Поэтому в № 23 «Провансальского Курьера» в связи с сообщениями о крестьянском восстании говорится:

«Переход от плохого к хорошему часто бывает ужаснее, чем само плохое. Выступления народа сопровождаются потрясающими эксцессами. Стремясь смягчить свои страдания, он их увеличивает, отказываясь платить налоги, он беднеет еще больше, покидая работу, он способен накликать на себя новый голод. Все это правильно; все это — почти избитые истины. Но если к этому добавляют, что деспотизм лучше анархии, и что плохие законы лучше отсутствия законов, то этим выдвигают ложный преувеличенный и отвратительный принцип.

«Мы не хотим последовательно сравнивать необузданность и тиранию. И то и другое ведет к несчастью, то и другое принижает человека, то и другое приучает его к насилию, к пролитию крови. Но из этого не следует, что последствия того и другого одинаковы. История не знает ни одной нации, для которой состояние анархии было бы длительным. Нужда, сопряженная с заботами тревога, несчастие сами собою заставляют возвратиться к закону. Народ, увидав последствия своих эксцессов, не замедлит начать поиски средств избавления. Но раз понято, как вредна необузданность, всеобщая воля всей своей силой направляется на то, чтобы изгнать необузданность. Следовательно, она всегда—лишь временная буря, *преходящий кризис*. Конечно, возможно, что какая-нибудь ловкая рука использует борьбу партий в своих интересах, усмиряя одну партию посредством другой; но чтобы необузданность превратилась в длительное состояние, это противоречит природе вещей.

«Напротив, тирания втихомолку кует цепи, которых народ не сумеет разбить. Время, пороки, предрассудки, злоупотребления,—все они ей служат, все помогают ее упрочению, и чем худшее порождает она, тем больше средств находит для того, чтобы продолжать свое дело... В рабстве народ может состариться, — но в необузданности он или погибает или же реформирует свое правительство. То же будет и с Францией. Она не погибнет; она не будет снова порабощена; она станет свободной. *Теперешний развал только ускорит возвышение ее к свободе; он заставит привилегированные классы принести необходимые жертвы*».

Уже в ближайшие дни оправдалось предсказание Мирабо, что распад, вызванный крестьянским восстанием, ускорит падение феодальных и церковных привилегий. 4-го августа и последовавшие за ним прения Национального Собрания с 6 по 11 августа, описанные во второй главе этой работы, покончили с большею частью этих привилегий. Но вместе с тем изменилось прежнее отношение Мирабо к восставшему населению. Пока мероприятия правительства, казалось, все еще угрожали дальнейшему ходу реформы; пока войска еще не были отозваны из окрестностей Парижа и Версаля; пока дворянство и духовенство все еще упирались и не уступали своих привилегий,—«страсти» массы предоставлялись для Мирабо желанными союзниками в деле низвержения старого строя. Теперь, когда буржуазия приобрела надежную опору для проведения своих требований, Мирабо самым важным делом стал считать укрепление ее позиции, подавление революционизма масс, ослабление их политического влияния, предотвращение всего,

что было бы способно натолкнуть их на новые, нарушения спокойствия, на предъявление новых требований. 17-го августа 1789 года, когда возобновились прерванные прения о декларации прав человека, Мирабо энергично выступил против намерения предпослать конституции декларацию общечеловеческих прав. Ибо, говорил он, из такой декларации неимущие легко могут сделать опасные выводы и превратить их в требования, которых в интересах самосохранения не должно и не может допустить общество, т.-е. состоятельные граждане. «Только уверенность,—говорит Мирабо,—что анархии наступит конец, способна дать утешение в сопряженных с нею злополучиях. Вы никогда не будете в состоянии создать прочную конституцию, если вы предварительно не найдете средств для того, чтобы обеспечить известную силу за исполнительной властью».

Еще яснее выражен этот взгляд в рассуждениях «Курьера Прованса» (№ 28) о полезности декларации прав человека.

«Общественное состояние,—говорит Руссо,—выгодно для людей лишь при том условии, если все они чем-нибудь владеют и если никто не владеет слишком многим». Эта основная истина раскрывает причину, почему так трудно выработать декларацию для народа, который состарился в предрассудках. Хотя в намерении возвестить великие принципы свободы имеется нечто, мощно влекущее к себе всякого друга человечества, однако, приступая к выполнению, он на каждом шагу наталкивается на подводные скалы. Требование истины повелевает ему открыто высказать все,—но мудрость советует повременить. С одной стороны, справедливость повелевает отбросить все сомнения и осторожность,—но с другой стороны, тревога, как бы не вызвать опасного брожения, удерживает тех, кто не хотел бы купить благо потомков ценою несчастия современников... Философ, работающий для будущего и, поскольку он все же имеет в виду настоящее, обращающийся не к толпе, должен беспощадно выступать мстителем человечности: его сдержанность знаменовала бы слабость, его осторожность была бы трусостью, его терпимость—забвением долга. Но политик, который оказывает

свое действие на всех и притом в определенный момент, должен осмотрительнее взвешивать свои поступки. Он не даст в руки народу оружия, не научив предварительно его употреблению: иначе народ злоупотребил бы им при первом же случае угара, обратил бы против себя самого и, наконец, отбросил бы, охваченный раскаянием и страхом... Поэтому безусловно необходимо, чтобы конституции не предпосылалась декларация прав, на которых покоится конституция: иначе принципы свободы и те законы, которыми регулируется их применение, будут не благодеянием, а ловушкой и мукой для народа».

В первоначальной редакции статья третья декларации прав человека говорила, что вся власть принадлежит самой нации и потому народ во всякое время может по своему усмотрению изменять форму правления, а также ограничивать или разделять верховную власть. В № 30 «Провансальского Курьера» по этому поводу говорится:

«Опять открывается то же самое: чем дальше вперед продвигаешься в редактировании, тем более замечаешь, что существует громадное количество таких идей, которые нельзя запросто вносить в народный оборот. Декларация прав человека не представляла бы таких трудностей, если бы следствие могло сделаться причиной: если бы равенство, которое хотят восстановить, было уже в действительности, если бы, декларируя, что должно быть, тем самым не создавали манифеста против того, что есть,—словом, если бы народы до всякой декларации их человеческих прав уже были тем, чем они должны сделаться лишь в силу конституции, основою которой является декларация. Таковы те трудности, перед которыми стоит Национальное Собрание. Оно замечает, что, как выражался Фонтанель, если бы в его руке были все истины, оно открывало бы руку лишь осторожно и мудро».

6. Страх перед народом.

Мирабо охватывается своими сомнениями из страха, как бы буржуазия не лишилась своего только-что приобретенного решающего положения в государстве. В полном со-

гласии с этим он голосует в Национальном Собрании за «абсолютное вето» короля, т.-е. за право короны отказывать в утверждении решений народного представительства; в прениях об избирательном праве он высказывается за все предложения, которые стремятся ввести в возможно узкие границы влияние беднейших слоев народа на состав коммунального, департаментского и национального представительства.

В соответствии с этим события 5 и 6 октября встретили в «Провансальском Курьере» суровое осуждение. Он писал (№ 90): «Если мы опишем недавние события, не давая места злостным обвинениям, и если мы станем искать причины этих ужасных происшествий скорее в недоразумениях, чем в ужасных планах, то у нас, правда, утратится тот драматический интерес, который связывается с рассказами о заговорах, но зато в теперешнем положении неуверенности мы менее рискуем уклониться от пути, ведущего к истине. Те, кто отрицает всякие тайные движущие пружины и вновь пробуждающиеся надежды, всякий определенный, систематически проводимый план, столь же далеки от истины, как те мрачные умы, которые повсюду вынюхивают мистерии порочности, которые думают, будто даже самые естественные происшествия возникают из преступных, заранее обдуманных планов, и которые, подчиняясь игре своей фантазии, повсюду открывают армии заговорщиков и воображают, будто они все видели, все слышали и все прозрели насквозь, как авторы некоторых романов.

«Не беря на веру непроверенных и преувеличенных слухов, можно предположить, что некоторые люди, которых теперешняя революция довела до отчаяния, соединили свои силы, чтобы добиться ее крушения. Достаточно порочные для того, чтобы всего ожидать от интриги и удачи, они слишком хорошо знают самих себя и потому чувствуют, что они погибнут, если придет свобода...»

Если припомнить рассуждения «Курьера Прованса» о взятии Бастилии и крестьянском восстании, то эта оценка «похода женщин» на Версаль стоит с ними в самом резком противоречии,—тем более, что 14 июля и последовавшие

за ним крестьянские бунты потребовали несравненно больше жертв, чем 6 октября. Однако «Курьер» с своей либеральной точки зрения был совершенно последователен, когда он опорочивал версальские события, как следствие «порочных» происков. 14 июля и поджоги феодальных усадеб были необходимы для того, чтобы сломить сопротивление двора и аристократии против господства буржуазии. Напротив, версальские события знаменовали бунт пробуждающегося «четвертого сословия» против того цвета «третьего сословия», которому в Париже принадлежало господство. К тому же в данное время Мирабо работал над тем, чтобы сделаться первым советником короны, переселение же короля в Париж значительно затрудняло проведение этого плана. Столичная буржуазия могла выиграть от того, что король подпадал под ее влияние и надзор; но именно этот надзор портил всю игру графа Мирабо. В Версале для него легче было делать необходимые ходы, чем в Париже, где изменяющееся положение воздвигало перед ним всевозможные новые препятствия.

Раздражение, вызванное в Мирабо днями 5 и 6 октября, повело его так далеко, что уже 14 октября он внес в Национальное Собрание законопроект о военном положении, составленный его секретарем и другом Дю-Роверэ и требовавший драконовских кар против сходбищ и попыток восстания. Этот самый проект послужил образцом для закона о военном положении, принятого Национальным Собранием 22 октября и изложенного во второй главе этой работы.

Недоверие к массам, в связи с честолюбивым стремлением получить руководящее положение в совете министров или, по меньшей мере, добиться определяющего влияния на решения короны, сделавшись ее советчиком, все дальше гнало Мирабо по раз избранному пути, и «Курьер Прованса» следовал по его стопам. Это лучше всего доказывается поведением Мирабо во время дебатов в Национальном Собрании об избирательном цензе, о разделении на департаменты и об организации муниципалитетов. И чем больше в Мирабо выступал оруженосец богатых умеренно-конституционных слоев третьего сословия, тем в более резко

противоречие становился он, конечно, к демократическому крылу третьего сословия. В июльские дни у газеты Мирабо нашлось несколько слов признательности для главарей «самого крайнего закоулка Пале-Рояля», как в Национальном Собрании насмешливо называли демократическую левую. Но когда 25 января 1790 года Робеспьер в длинной речи потребовал уничтожения избирательного ценза, «Курьер Прованса» издевательски отделал его в № 97-м: ведь Робеспьер позволил себе так отозваться о состоятельном классе:

«Или вы, действительно, думаете, что суровая трудовая жизнь порождает больше пороков, чем изнеженность, любовь к роскоши и честолюбие? Или вы менее доверяете честности наших земледельцев и ремесленников, которые вследствие ценза почти никогда не могут сделаться гражданами с правом голосования, чем финансовым откупщикам, придворным и тем, кого вы называете большими господами: при вашей цензовой оценке они, действительно, в шестьсот раз бóльшие господа...

«Богатые ко всему вожделеют, они хотели бы все захватить себе, над всем господствовать. Злоупотребления—создание и наследие богатых; они—бич народа. Интерес народа есть общий интерес, интерес богатых—всего лишь частный интерес. И однако вы хотите народ превратить в ничто, а богатых сделать всесильными...»

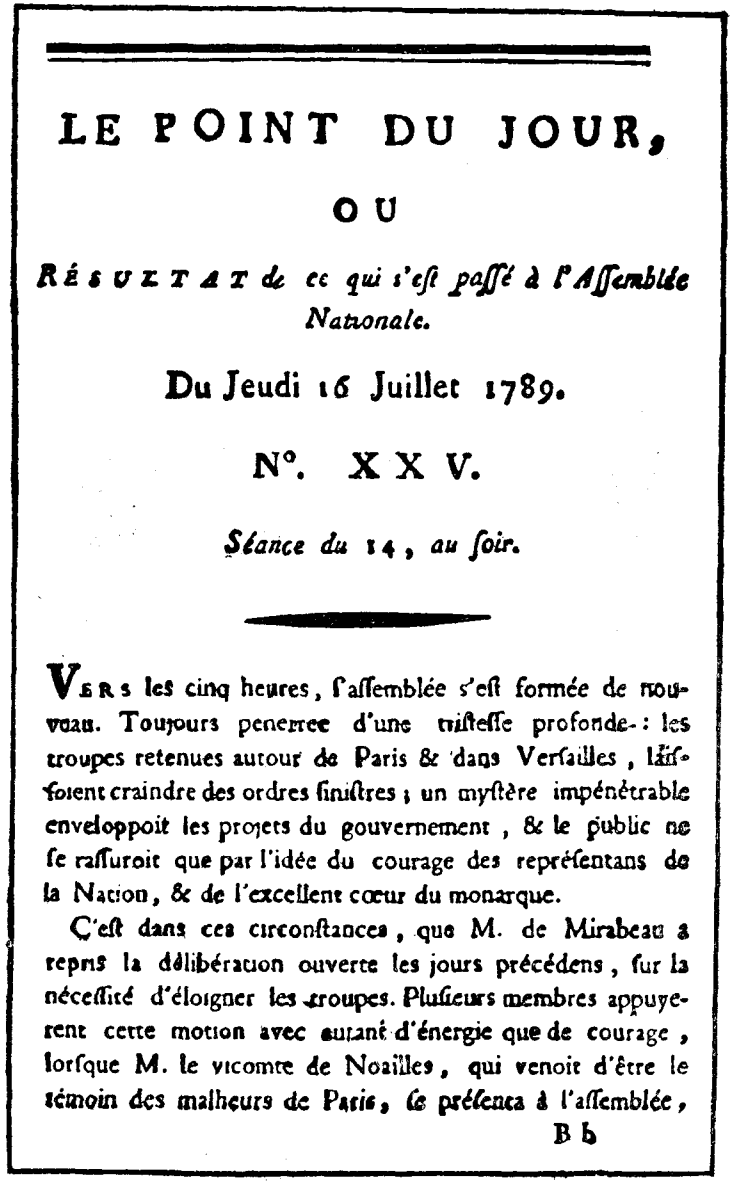
И еще решительнее порвал Робеспьер с «Курьером», когда он вместе с Петионом 22-го февраля 1790 года протестовал в Национальном Собрании против «закона о подавлении беспорядков», который распространял на всю Францию главные постановления закона о военном положении, введенного 22 октября 1789 года для Парижа и его окрестностей.

С марта 1790 года Мирабо устранился от «Провансальского Курьера» и почти целиком передал редактирование своим ближайшим друзьям: не потому, что он был недоволен позицией газеты, а потому, что он носился с новыми планами. Наконец-то осуществилось его желание вступить в более тесные отношения с двором. Благодаря посредничеству австрийского посла графа Мерси, удалось рассеять подозрительное отношение Людовика XVI и Марии Антуанетты к Мирабо и склонить последнего к тому, что 10 мая он принес своего рода служебную присягу: он объявил, что он убежденный роялист, и торжественно обещал королю, что он все свои силы посвятит «восстановлению законной власти» и сделает все возможное для того, чтобы передать «в руки короля исполнительную власть неограниченной и нераздельной». В вознаграждение за эти услуги двор обещал Мирабо уплатить его долги, составлявшие в общей сложности 200.000 ливров, ежемесячную ренту в 6.000 ливров и по завершении конституции вознаграждение в один миллион ливров, выдаваемое в четыре приема.

Поступление Мирабо на службу королю сначала оставалось в тайне. Но старания усилить королевскую власть, которые прилагал Мирабо в Национальном Собрании, и в особенности две его речи, произнесенные 20 — 22 мая 1790,—в них он предлагал оставить исключительно за королем, т.-е. за двором, решение вопросов войны и мира,—вызвали недоверчивое отношение к Мирабо. Уже в июне «Друг Народа» Марата и «Народный Трибун» Фрерона высказали подозрение, что Мирабо подкуплен двором.

Хотя «Провансальский Курьер» и в дальнейшем искусно отстаивал интересы состоятельной буржуазии, однако он отступил на задний план. Перевес перешел к левому крылу либерализма, и читатели обратились к газетам, представлявшим это направление. Однако «Курьер» продержался еще шесть месяцев после смерти Мирабо (2-го апреля 1791 года), пока он не погиб, оставленный позади, как его основатель, развитием революции.

Для первых двух лет революции газета Мирабо, которой 350 номеров составляют не менее семнадцати толстых томов, имеет чрезвычайное значение. Она—самый умелый истолкователь политических настроений и взглядов образованной буржуазии той эпохи.

LE POINT DU JOUR,

OU

RÉSULTAT de ce qui s'eſt paſſé à l'Aſſemblée Nationale.

Du Jeudi 16 Juillet 1789.

N°. XXV.

Séance du 14, au ſoir.

VERS les cinq heures, l'aſſemblée s'eſt formée de nouveau. Toujours penetrée d'une triſteſſe profonde: les troupes retenues autour de Paris & dans Verſailles, laiſſoient craindre des ordres ſiniſtres; un myſtère impénétrable enveloppoit les projets du gouvernement, & le public ne ſe raſſuroit que par l'idée du courage des repréſentans de la Nation, & de l'excellent cœur du monarque.

C'eſt dans ces circonſtances, que M. de Mirabeau a repris la délibération ouverte les jours précédens, ſur la néceſſité d'éloigner les troupes. Pluſieurs membres appuyerent cette motion avec autant d'énergie que de courage, lorſque M. le vicomte de Noailles, qui venoit d'être le témoin des malheurs de Paris, ſe préſenta à l'aſſemblée,

B b

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Жирондистская пресса.

Жирондисты как представители деловой буржуазии.—Жан Пьер Бриссо.—Жирондистская пресса в эпоху Конституанты.—Возникновение революционных войн.—Борьба жирондистов против ультра-революционеров.—Налоговая политика жирондистов.—Борьба за максимум.

Жирондистская пресса появилась раньше жирондистской партии: уже до образования этой партии в Законодательном Собрании известная часть демократических газет вела энергичную пропаганду политических воззрений и требований, впоследствии представляемых этой партией. Важнейшими из этих газет были ежедневный «Patriote français» («Французский Патриот»), редактируемый Жаном Пьером Бриссо, «Courrier de Paris à Versailles et de Versailles à Paris» («Курьер из Парижа в Версаль и из Версаля в Париж»), впоследствии переменивший свое название на «Courrier des Départaments» («Курьер департаментов»), основанный Антуаном Жозефом Горсасом—до революции он был руководителем одного версальского пансионата, — далее «Chronique de Paris» («Парижская хроника»), издававшаяся Милленом и Ноэлем при участии Кондорсе и Рабо Сент-Этьена, и ежедневные «Annales patriotiques» («Патриотические летописи»), редактируемые Жаном Луи Карра; позже, в мае 1792 года, к этим газетам присоединился «Journal-affiche» под названием «La Sentinelle» (т.-е. журнал, расклеиваемый на углах и раздаваемый на улицах; собственное же название его означает «Часовой»); он был основан адвокатом Жаном Батистом Луве, фаворитом мадам Ролан. Хотя до октября 1792 года, т.-е. до начала решительной атаки жирондистов на якобинцев, эти газеты во многом расходи-

лись в своих суждениях о политических событиях, однако в общем они представляли одну и ту же тенденцию, особенно в области экономической политики.

1. Жирондисты как представители деловой буржуазии.

В своей «Истории французской революции» Минье характеризует жирондистов Законодательного Собрания как партию, «представляющую переход от среднего сословия к массам». В описании партийных группировок первого Национального Конвента Минье дополняет эту характеристику, добавляя, что жирондисты заняли среднее положение между высшим классом буржуазии и низшим классом, или массами («multitude»). «Они, говорит Минье, лишились поддержки конституционалистов, не приобретя в то же время поддержки демократов, за них не стоял ни высший, ни низший слой общества... После 10 августа 1792 года (низложение короля) жирондисты заняли между средним сословием и массами такое же положение, как монархисты или партия Неккера и Мунье после 14 июля 1789 года (взятие Бастилии) между привилегированными сословиями и третьим сословием».

Если принять во внимание способ выражений Минье, следовательно, под средним сословием разуметь богатую буржуазию, а под массами мелкую буржуазию, то эта характеристика будет в общем довольно правильная. Тем не менее следует точнее определить положение жирондистов среди экономических слоев той эпохи. Если взять выражение средний слой в том смысле, как оно обычно употребляется в настоящее время, т.-е. видеть в нем слой, стоящий между богатыми предпринимателями и рабочим классом, тогда жирондисты будут представителями не среднего сословия вообще, а собственно так называемого высшего зажиточного слоя среднего сословия, именно—средней деловой буржуазии.

Если мы рассмотрим политическую позицию различных общественно-экономических групп в 1790—1792 годах, то мы увидим, что богатые финансисты, откупщики государственных монополий и регалий, крупные поставщики государства и двора, спекулянты хлебом и продовольственными продуктами,—«скупщики» (accapareurs), как называла их тогда демократическая пресса,—отчасти также богатейшие лионские и парижские фабриканты, производившие предметы роскоши, оказались сначала главным образом на стороне аристократически-конституционной партии, а впоследствии на стороне фейльянтов.

Этот высший цвет тогдашней буржуазии,—в этом отношении Минье прав,—дал жирондистам лишь немногих приверженцев. Жирондистская партия была скорее парламентской представительницей средней деловой буржуазии, в особенности зажиточного торгового сословия, которое стремилось к уничтожению старинных внутренно-таможенных, налоговых и прочих помех торговому обороту, а также представительницей тех фабрикантов, которые обслуживали спрос средних слоев. В соответствии с этим жирондисты нашли для себя главные опорные пункты в деловых кругах и среди адвокатуры, занимавшейся судебными исками этих кругов, в фабричных и портовых городах северо-восточной Франции и области Роны, а также в деловых районах Парижа. Значительная часть зажиточных самостоятельных ремесленных мастеров, которые в газетах того времени обыкновенно назывались «artisans» («мастер»), в противоположность «maîtres-ouvrier» («работник-мастер»), мелким ремесленникам, тоже примыкала к этой партии; и, наконец, среди ее сторонников мы находим многих государственных и муниципальных чиновников, недовольных старой, построенной на произволе системой управления.

Само собою разумеется, такое определение экономико-политического характера жирондистской партии следует понимать не в таком смысле, как будто только перечисленные слои голосовали за депутатов-жирондистов, а исключительно в таком, как, напр., в современной Германии Союз свободомыслящих (Freisinnige Vereinigung) можно назвать представительством крупно-торговых, биржевых и судопромышленных интересов, а партию германских консерваторов—представительством в германском рейхстаге крупного деревенского землевладения. Если бы за восточно-эльбских юнкеров (помещиков) на выборах в рейхстаг голосовали

только крупно-землевладельческие избиратели, ни один из них не прошел бы в депутаты рейхстага. Избрание их становится возможным только благодаря тому, что в их избирательных округах за них голосует не только значительная часть средних и мелких крестьян, но и многие мелкобуржуазные элементы мелких городов и даже некоторые сельские и городские рабочие. Точно так же за жирондистами шли, особенно в 1791 и 1792 годах, некоторые мелко-буржуазные элементы; тем не менее главное ядро их сил составляла деловая буржуазия, интересами которой только и определялась политическая позиция этой партии.

В Законодательном Собрании и в Конвенте жирондистская партия выступает за все меры, которые представляются ей способными обеспечить господство так называемой «честной» буржуазии, устранить помехи для торговли и сношений и распределить налоговую тяжесть таким образом, чтобы не слишком обременять состоятельных «добродетельных» граждан и не нарушать «принципа собственности». Когда после сентябрьских убийств (2 сентября 1792 года) якобинская мелкая буржуазия овладела властью в Париже, когда при взимании новых налогов все сильнее начали давить на состоятельных, а бедных стали щадить, когда, наконец, дерзнули даже посягнуть на «свободу» торговли и на барыши торговцев продовольственными продуктами, установив таксы на эти продукты,—тогда жирондистская партия перешла к яростной оппозиции и повела фанатическую борьбу против якобинских «ультра-революционеров» (крайних революционеров), «анархистов», «бестий», укрепившихся в парижской коммуне,—пока, наконец, эта борьба интересов не завершилась на эшафоте.

2. Жан Пьер Бриссо.

Самой влиятельной из всех жирондистских газет была основанная Жаном Пьером Бриссо и первые годы редактируемая им самим, а впоследствии Жире-Дюпре, газета «Patriote français» («Французский Патриот»). Это—ежедневная газета в 4 страницы, форматом в четверть листа;

сначала она почти целиком исчерпывалась отчетами о прениях в Национальном Собрании и комментариями к ним, но в марте 1790 года увеличила свой размер посредством приложений и на-ряду с парламентскими обзорами стала давать небольшие статьи, очерки, письма, заметки и т. д. Ей удалось привлечь к сотрудничеству некоторых известнейших в то время политиков, в том числе Кондорсе, Грегуара, Лантена, Керсена, Петиона и Пэна.

Бриссо,—который во время своего пребывания в Англии к своей фамилии присоединил имя «де-Уорвиль», получившееся от названия места его рождения Карвиля, близ Шартра,—принадлежит, несомненно, к числу талантливейших журналистов французской революции. Он не обладал остроумием Камиля Демулена, страстностью Марата, литературным пафосом Фрерона: он пишет на простом, рассудочном, академическом французском языке, но в надлежащий момент превосходно умеет найти теплые, подкупающие тоны. Притом Бриссо обладал значительными историческими, юридическими и экономическими познаниями. Во время четырехлетнего пребывания в Англии он изучал английское конституционное право и английскую историю, старательно знакомился с экономическими и финансовыми отношениями Англии и ее колоний и потом, возвратившись в Париж, издал, кроме нескольких мелких работ, «Théorie des Lois criminelles» («Теория уголовного права»), которую часто ошибочно выдают за социалистическую работу, и «Lettres philosophiques sur l'histoire d'Angleterre» («Философские письма по истории Англии»). Его рассуждения в этих работах зачастую свидетельствуют о влиянии, оказанном на него тогдашним английским либерал-радикализмом; как английский радикал, приступает Бриссо и к своим журналистским задачам. У него мы встречаем столь же преувеличенную оценку парламентаризма, такую же приверженность к законности, такое же понимание потребностей реальной жизни, такое же утилитаристически-рационалистическое мировоззрение,—но только все это смягчается его французским темпераментом и французским эстетизмом. Главным носителем французской революции является для Бриссо Национальное Собрание, цель движения—создание парламентски-упрочен-

ного политического правового строя, который должен решительно порвать со всеми старинными государственными и цеховыми препятствиями, стеснявшими торговлю, сношения и промышленность, для всех гарантировать свободное использование своих экономических сил. Широкую опору для этого строя должен дать тот слой народа, который Бриссо считал наиболее полезным и ценным для тогдашней экономической жизни: самостоятельные зажиточные граждане.

Поэтому Бриссо оправдывает восстания парижского народа лишь в той мере, поскольку их целью является сломить сопротивление недавно привилегированных сословий постановлениям парламента и обеспечить продолжение тех работ Национального Собрания, посредством которых осуществляется переворот. Напротив, ничем не оправдываются и заслуживают осуждения все восстания, которые не служат этой цели и вытекают только из нищеты или из революционных страстей толпы и направлены к достижению каких-либо «незаконных», т.-е. противоречащих существующим буржуазным законам, временных выгод, и в особенности восстания, направленные против постановлений и распоряжений, принятых большинством Национального Собрания,—против нашедшей в них выражение «воли нации».

Бриссо не был человеком строгих принципов, и еще меньше годился он в фанатики и мученики за определенные идеи. В своем таланте журналиста он видел средство обеспечить себе приятное существование и играть роль в свете. Если ему казалось, что можно сделать шаг вперед к этим целям, он отдавал свое перо тому, кто в нем нуждался, и мог платить,—только не приходилось бы при этом писать прямо против своих политических воззрений.

3. Жирондистская пресса в эпоху Конституанты.

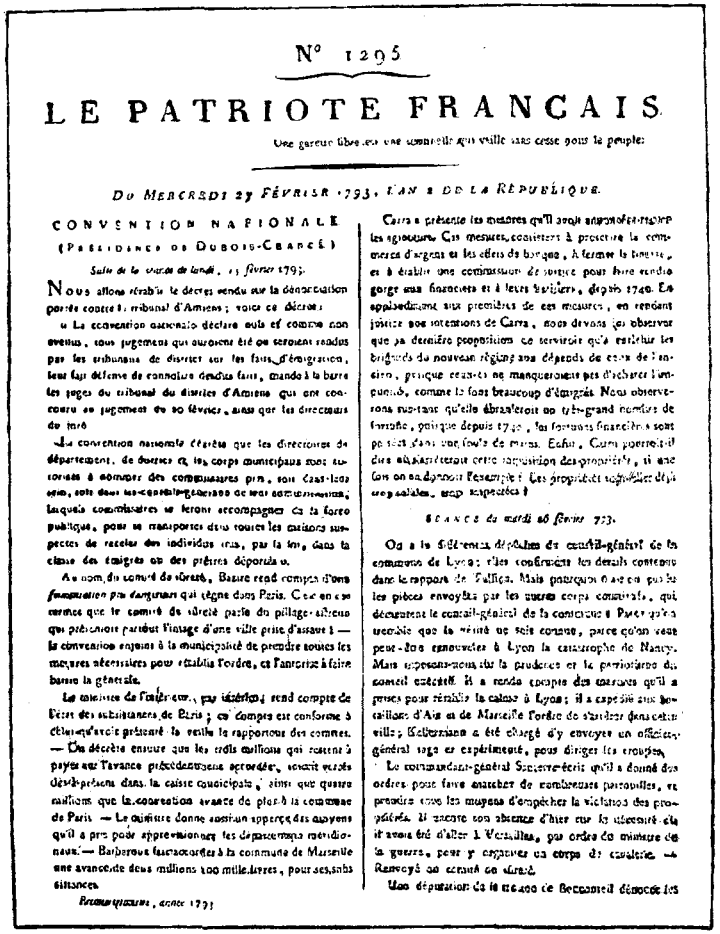
Немногие депутаты учредительного Национального Собрания, которые впоследствии соединились с жирондистской партией: Петион, Бюзо, Рабо Сент-Эньен, Фоше, Грегуар и т. д., сначала были слабо связаны между собой. Они представляли просто придаток к левому крылу великой либеральной партийной мешанины и выделялись из нее

только потому, что в конституционных вопросах становились на более демократическую точку зрения. То же самое приходится сказать и о газетах этого направления. Они тоже выражали исключительно те лево-либеральные воззрения, которые иногда сказывались в Национальном Собрании, хотя, может быть, выражали их с несколько большим уклоном к демократизму, чем только-что названные депутаты.

В соответствии с этим, как «Французский патриот» Бриссо, так и «Курьер из Версаля в Париж и из Парижа в Версаль» Горсаса—две газеты, которые для 1789 года можно считать виднейшими представителями этого направления, вели борьбу и против двухпалатной системы, и против королевского вето,—притом даже против так называемого суспенсивного вето (т.-е. только на известный срок отсрочивающего постановления Законодательного Собрания) [1]. Обе газеты последовательно отстаивали ту точку зрения, что вся законодательная власть принадлежит народу, т.-е. избранному им народному представительству, король же может располагать только исполнительной властью. Точно так же они отвергали создание различий между активными и пассивными гражданами (т.-е. теми, кто может избирать, и теми, кто может быть избран в представительные учреждения) и лишение беднейших французских граждан избирательного права посредством введения цензовой избирательной системы. Правда, ни одна из этих газет не выдвинула требования прямой и тайной подачи голосов. Пусть они не хотели лишить всякого избирательного права огромные массы рабочих, беднейшей мелкой буржуазии и несостоятельных интеллигентов,—однако они с великим сомнением относились к тому, чтобы предоставить этим слоям свободное влияние на законодательство. Им тоже

---

[1] „Курьер из Версаля в Париж“, впоследствии переименованный в „Courrier des Départements“ („Курьер департаментов“), подобно газете Бриссо, выходил ежедневно, большею частью по 16 печатных страниц в восьмую долю листа, иногда по 20 и 24 страницы. Большая часть газеты заполнялась отчетами о заседаниях Национального Собрания и пояснением прений. Но кроме того газета сообщала также о важных заседаниях парижского коммунального совета, о районных собраниях и других политических происшествиях в Париже.

N° 1295

LE PATRIOTE FRANCAIS

Une gazette libre est une sentinelle qui veille sans cesse pour le peuple.

Du Mercredi 27 Février 1793, l'an 2 de la République.

CONVENTION NATIONALE

(Présidence de Dubois-Crancé.)

Suite de la séance de lundi, 25 février 1793.

Nous allons rétablir le décret rendu sur la dénonciation portée contre le tribunal d'Amiens; voici ce décret:

« La convention nationale déclare nuls et comme non avenus, tous jugemens qui auroient été ou seroient rendus par les tribunaux de district sur les faits d'émigration, leur fait défense de connoître desdits faits, mande à la barre les juges du tribunal du district d'Amiens qui ont concouru au jugement du 20 février, ainsi que les directeurs du jury.

La convention nationale décrète que les directoires de département, de district et les corps municipaux sont autorisés à nommer des commissaires pris, soit dans leur sein, soit dans les conseils-généraux de leurs communes, lesquels commissaires se feront accompagner de la force publique, pour se transporter dans toutes les maisons suspectes de recéler des individus tels, par la loi, dans la classe des émigrés ou des prêtres déportés.

Au nom du comité de sûreté, Basire rend compte d'une *fermentation peu dangereuse* qui règne dans Paris. Ce n'est en ce moment que le comité de sûreté parle du pillage affreux qui précipitoit partout l'image d'une ville prise d'assaut; — la convention enjoint à la municipalité de prendre toutes les mesures nécessaires pour rétablir l'ordre, et l'autorise à faire battre la générale.

Le ministre de l'intérieur, par intérim, rend compte de l'état des subsistances de Paris; ce compte est conforme à celui qu'avoit présenté la veille le rapporteur des comités. — Un décret ensuite que les cent millions qui restent à payer sur l'avance précédemment accordée, seront versés dès-à-présent dans la caisse municipale, ainsi que quatre millions que la convention avance de plus à la commune de Paris. — Le ministre donne aussitôt connoissance des moyens qu'il a pris pour approvisionner les départemens méridionaux. — Barbaroux fait adresser à la commune de Marseille une avance de deux millions 100 mille livres, pour ses subsistances.

Rectification, séance 1793

Carra a présenté les mesures qu'il avoit imaginé d'employer pour les agioteurs. Ces mesures, consistent à protéger le commerce d'argent et les effets de banque, à fermer la bourse, et à établir une commission de justice pour faire rendre gorge aux financiers et à leurs suppôts, depuis 1740. En applaudissant aux premières de ces mesures, en rendant justice aux intentions de Carra, nous devons lui observer que la dernière proposition ne serviroit qu'à enrichir les brigands du nouveau régime aux dépends de ceux de l'ancien, puisque ceux-ci ne manqueroient pas d'acheter l'impunité, comme le font beaucoup d'émigrés. Nous observerons surtout qu'elle ébranleroit un très-grand nombre de fortunes, puisque depuis 1740, les fortunes financières sont portées à une somme de mains. Enfin, Carra pourroit-il dire où il faudroit commencer cette inquisition des propriétés, si une fois on en adoptoit l'exemple? Les propriétés sont sacrées, inviolables, trop respectées!

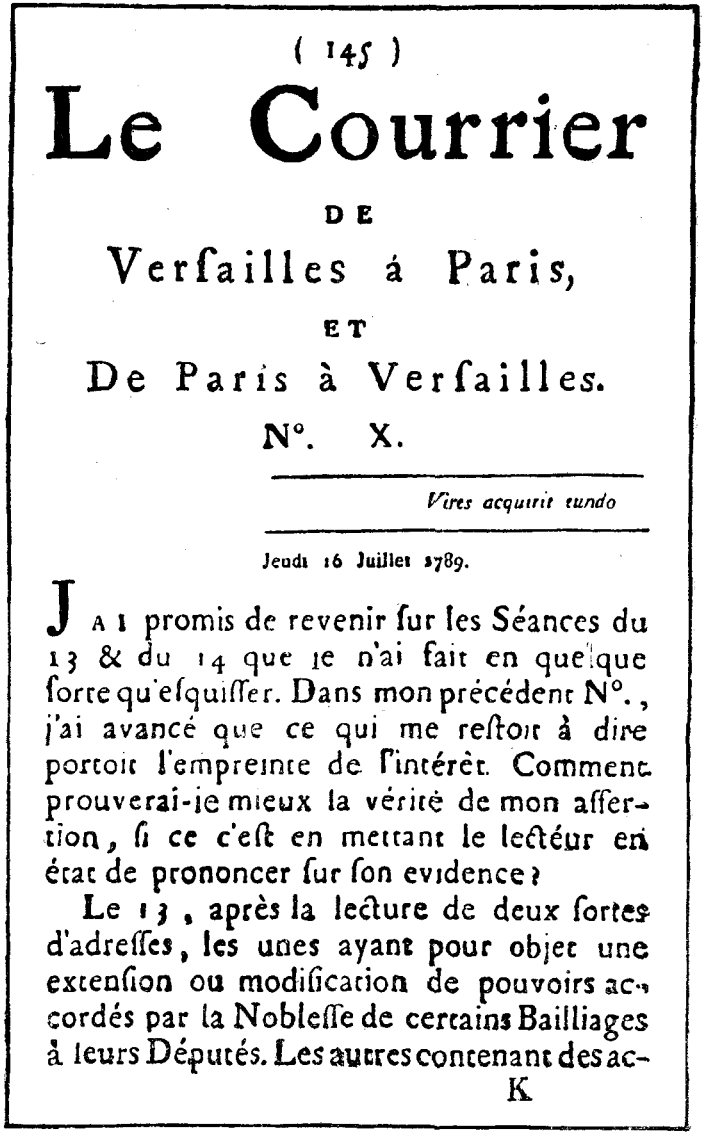
Séance du mardi 26 février 793.

On a lu différentes dépêches du conseil-général de la commune de Lyon; elles confirment les détails contenus dans le rapport de Tallien. Mais pourquoi n'avez-vous pas lu les pièces envoyées par les autres corps constitués, qui dénoncent le conseil-général de la commune à Paris qu'on accuse que la vérité ne soit connue, parce qu'on veut peut-être renouveler à Lyon la catastrophe de Nancy. Mais reposons-nous sur la prudence et le patriotisme du conseil exécutif. Il a rendu compte des mesures qu'il a prises pour rétablir la calme à Lyon; il a expédié aux bataillons d'Ain et de Marseille l'ordre de s'arrêter dans cette ville; Kellermann a été chargé d'y envoyer un officier-général sage et expérimenté, pour diriger les troupes.

Le commandant-général Santerre écrit qu'il a donné des ordres pour faire arrêter de nombreuses patrouilles, et prendre tous les moyens d'empêcher la violation des propriétés. Il excuse son absence d'hier sur la nécessité où il avoit été d'aller à Versailles, par ordre du ministre de la guerre, pour y organiser un corps de cavalerie. — Renvoyé au comité de sûreté.

Une députation de la section de Bercy-Mail dénonce les

Номер „Французского Патриота“ от 27 февраля 1793 года.

(145)

Le Courrier

DE

Verſailles á Paris,

ET

De Paris à Verſailles.

N°. X.

Vires acquirit eundo

Jeudi 16 Juillet 1789.

J'ai promis de revenir ſur les Séances du 13 & du 14 que je n'ai fait en quelque ſorte qu'eſquiſſer. Dans mon précédent N°., j'ai avancé que ce qui me reſtoit à dire portoit l'empreinte de l'intérêt. Comment prouverai-je mieux la vérité de mon aſſertion, ſi ce c'eſt en mettant le lecteur en état de prononcer ſur ſon evidence?

Le 13, après la lecture de deux ſortes d'adreſſes, les unes ayant pour objet une extenſion ou modification de pouvoirs accordés par la Nobleſſe de certains Bailliages à leurs Députés. Les autres contenant des ac-

K

№ 10 „Курьер из Версаля“ и т. д.

хотелось создать известные предохранительные меры против так называемых страстей массы. Поэтому у них не находилось решительно никаких возражений против чрезвычайно громоздкого порядка выборов: прежде всего, при выборе депутата на первичные избирательные собрания должны были собираться все избиратели данного округа, а не отдельных коммун; собравшись, они могли выбирать из своей среды окружных выборщиков, по одному на каждую сотню граждан, имеющих избирательное право; вместе с избранными в других округах того же департамента выборщики соединялись в главном городе департамента, в так называемое департаментское собрание и должны были выбрать одного за другим всех депутатов от данного департамента [1]). Против открытой подачи голосов в этих собраниях у жирондистских газет тоже не находилось никаких возражений.

Но хотя обе газеты высказывались против предоставления королю права налагать вето, они и слышать не хотели о демонстративных собраниях в парке Пале-Рояля и об агитации полупролетарской интеллигенции среди рабочих и мелкой буржуазии парижских пригородов. Во что бы то ни стало необходимо обеспечить спокойствие. Если Национальное Собрание высказалось за суспенсивное вето и за то, чтобы не давать избирательного права беднейшему населению, последнее должно было призвать себе на помощь терпение и ждать несомненных завоеваний разума.

[1]) Такой способ выборов исключал для огромной части более бедного населения возможность участвовать в выборах. При нем житель маленького провинциального городка обычно не мог выбирать в месте своего жительства. Если в его распоряжении не было повозки, он должен был брести в пункт, где происходили выборы, и оставаться там один или два дня. Когда же районное собрание назначало своих выборщиков, они со своими удостоверениями должны были отправляться в главный город департамента, являвшийся местом собрания всех выборщиков, и, так как выборы продолжались три, четыре, пять дней, проживать там в какой-нибудь гостинице или на частной квартире. Следовательно, участие в выборах требовало не только времени, но и денег. А так как бедное население, в особенности деревенское, не располагало ни тем, ни другим , то оно не могло бы участвовать в выборах и в том случае, если бы не было устранено от них уже избирательным цензом. Конечно, в Париже участвовать в выборах было удобнее, но зато процедура выборов тянулась дольше.

Даже державшийся более радикально «Курьер из Версаля в Париж» не нашел ничего заслуживающего порицания в нападениях национальной гвардии на посетителей собраний в Пале-Рояле, атаку в кафе де-Фуа он признал совершенно оправдываемым обстоятельствами вмешательством муниципалитета в антипатриотические бесчинства «perturbateurs du repos» (разрушителей спокойствия).

Когда же агитация демократической интеллигенции против принятых Национальным Собранием конституционных законов и против беззастенчивой политики интересов, водворившейся в парижском коммунальном совете, несмотря на то, пошла дальше, антипатия обеих газет к «подстрекателям» и «клеветникам» возвысилась почти до бешеной злобы. После 6 октября Бриссо требовал в своем «Партиоте» даже приостановки всех прав человека и уничтожения свободы печати. И даже «Курьер из Версаля» забыл все свои прежние прекрасные декламации о свободе. После издания декрета о военном положении собрания революционных районов Парижа протестовали против кровожадных постановлений этого закона; одно собрание в районе Сен-Мартен де-Шан приняло предложение отправить депутацию к парижскому коммунальному представительству и потребовать, чтобы оно обратилось к Национальному Собранию с просьбой об отмене декрета. Тогда Горсас с величайшим негодованием писал в своем «Курьере»:

«Военный закон, который приветствуют все друзья порядка и мира, хотя они надеются, что необходимость его применения не будет длительной, встречает в Париже многие возражения. Некоторые районы выразили свое порицание этому закону, а район Сен-Мартен де-Шан даже возомнил, что он может бросить на чашку весов свой авторитет против Национального Собрания. Над этой оппозицией сильно смеются,—ибо, несмотря на условия, в которых мы живем, в Париже все еще смеются. Смеются, что одна шестидесятая города, избранники которой вместе с избранными в остальных 59-ти районах дают лишь малую долю всех представителей в Национальном Собрании, так возомнила о себе: возомнила, не имея на то никаких иных прав, кроме ею узурпированных, и не имея никакой иной

власти, кроме той, которую она может присвоить себе благодаря теперешней анархии. Смеются над тем, что эта жалкая власть, которая должна была бы простираться лишь на некоторые полицейские дела более или менее второстепенной важности, разыгрывает из себя трибунал и позволяет себе протестовать против декрета, тщательно взвешенного Национальным Собранием. Да что говорю я! Заявили не только протест: отказались даже допускать проведение этого закона».

Затем Горсас предается размышлениям об агитации «недовольных», которые пользуются декретом для того, чтобы подкапываться под Национальное Собрание; он требует создания особого корпуса муниципальной полиции, которая должна бороться против всяческих сборищ и заставить членов недовольных районов возвратиться к своим «лавкам, своим мастерским и своим конторам». В заключение он подает Национальному Собранию мысль: необходимо с величайшей строгостью выступать против всякого умаления его авторитета.

Так держалась жирондистская пресса три месяца спустя после взятия Бастилии. Буржуазная жажда порядка и желание возможно скорее разделаться с кризисом деловой жизни одерживали победу над всеми возвещавшимися раньше принципами свободы.

Ту же позицию по отношению ко всем вопросам о правах, выдвинутым революцией, сохранили обе газеты и в следующем году. В теории они—за равные права для всех граждан, но лишь при том условии, если низшие слои народа не используют этих прав для того, чтобы добиться удовлетворения своих особых интересов, и если они признают состоятельных и добродетельных граждан своими политическими опекунами. До известной степени признают жирондистские газеты даже право на восстание и на насильственное уничтожение существующих бедствий. Их одобрение встречают все восстания массы, которые служат тому, чтобы ослабить власть короля и реакционных партий и расширить господство парламента. Напротив, они решительно осуждают все попытки радикальной мелкой буржуазии Парижа, клонящиеся к тому, чтобы приобрести некоторое

определяющее влияние на парижское городское управление или на Национальное Собрание. В области экономической политики газета Бриссо тоже остается защитницей промысловых интересов буржуазии. Снова и снова она требует уничтожения торговых привилегий и стеснений обмена, улучшения почтовых сношений, уменьшения почтовых такс, уничтожения рабства во французской колонии Сан-Доминго. Здесь вопрос заключался отнюдь не только в том, следует ли при новой французской конституции оставить рабство на острове,—или же конституция не должна применяться в колониальных областях. Уничтожение рабства знаменовало бы в то же время уничтожение олигархии плантаторов, а это неизбежно повело бы в свою очередь к отмене различных торговых монополий в колонии; находившееся в колонии среднее сословие, составившееся из метисов и иммигрировавших в нее белых торговцев и ремесленников, выросло бы после того в решающую политическую силу.

Уже в конце 1790 года «Французский патриот» становится в резкое противоречие с тактикой Мирабо; однако в своих нападениях на него газета сначала соблюдает сдержанность. Но едва Мирабо скончался, как Бриссо воспользовался известием о смерти английского политика-республиканца Ричарда Прайса для сравнения этого великого публициста с Мирабо; при этом Бриссо трактует последнего, как политического проходимца.

«Если были когда-нибудь два человека, совершенно отличных один от другого,—пишет «Французский патриот»,—так это Прайс и Мирабо. Один был безукоризнен в своей частной жизни: религиозный последователь моральных учений и философии. Напротив, другой с детства и до могилы играл всем, что является наиболее святым для человека. Он высмеивал тех, кто чтит нравственность; чтобы деморализовать их, он пользовался всякими средствами,—печатью и устными рассуждениями.

«Если проследить деятельность Мирабо, то приходишь к выводу: он более ненавидел деспотизм, чем любил свободу. Он возмущался деспотизмом других,—однако в своей ярости всякого принес бы в жертву своему личному деспотизму. Его душа, его голова, его сердце, все его существо,

казалось, переполнены деспотизмом. Его физиономия и даже его речи свидетельствуют об этом. Деспотизмом он хотел пробудить свободу. Он никогда не знал народа и отнюдь не любил его. Он разыскивал истинных друзей народа только потому, что он их боялся, и только затем, чтобы льстить им и подчинять своим планам. Он пользовался именем народа только потому, что это давало ему полезное средство, необходимое орудие для того, чтобы вытеснить министров, которых он сам хотел заменить. В революции он не видал ничего, кроме своей славы, своих удовольствий и неисчерпаемого источника богатств. Золото,—вот чего он требовал, ибо любил роскошь и был тщеславен...»

Но, трактуя столь презрительно мертвого Мирабо, Бриссо воскурял фимиам живому Лафайету. Он не мог не знать, что уже после октябрьских событий 1789 года в Версале Лафайет через своего адъютанта маркиза де-Шатле завязал сношения с маркизом де-Буилье, главнокомандующим восточной армией в Меце: с помощью генерала Буилье, если необходимо,—силой оружия, Лафайет хотел подавить «зло анархии». Точно так же Бриссо не мог не знать, что Лафайет, «освободитель двух миров» (Лафайет принимал участие в той войне Северной Америки против Англии, которая закончилась образованием Соединенных Штатов), приложил свою руку к приготовлениям короля к побегу. Но если бы даже Бриссо не знал той интриганской роли, какую Лафайет играл за кулисами, его в высшей степени двусмысленное поведение должно было броситься в глаза Бриссо, как оно бросалось в глаза другим радикальным журналистам. Несмотря на то, в апреле 1791 года, когда Лафайет заявил о своем желании оставить командование национальной гвардией, Бриссо писал:

«Господин Лафайет—патриот всем своим сердцем, и я не знаю, найдется ли среди многочисленных патриотов, которые являются его соперниками, хотя бы один, который был бы столь же готов, как он, взойти на эшафот. У господина Лафайета есть одно свойство, которым не обладает и еще долго не будет обладать никакой другой французский воин, ибо этого свойства нельзя приобрести ни во Франции,

ни вообще в европейских войсках: он обладает хладнокровием, тактом, снисходительностью по отношению к оскорблениям...

«Командовать ли вымуштрованными автоматами или солдатами-гражданами, свободными солдатами, это—две разные вещи. Господин Лафайет научился этому искусству в Америке и, быть может, он—единственный обладатель этой тайны. Другие в нашей стране командовали только французскими солдатами: он же командовал американцами, которые рассуждают с генералом и подчиняются только доводам разума. Теперешние французы в этом смысле сделались американцами; всякий офицер, который вздумал бы вести нас по прусскому способу, должен будет пролить кровь,—или же будет пролита его кровь».

Что заставило Бриссо таким образом стать на сторону опереточного генерала, на которого с величайшей резкостью нападали Марат, Фрерон, Демулен? Отчасти политический расчет: Лафайет все еще оставался сильным человеком, благоволение которого могло оказаться полезным в политической борьбе,—отчасти страх перед необузданной массой. Бриссо видел в Лафайете единственное лицо, способное предотвратить «вырождение» парижской национальной гвардии, т.-е. такое ее развитие, при котором перевес в ней получили бы радикальные слои парижского населения. Такого ее радикализирования Бриссо со своими ближайшими друзьями боялся не менее, чем уклона национальной гвардии в лагерь роялистов. Она должна была остаться охранной стражей «честной», зажиточной буржуазии.

Это ухаживание «Французского патриота» за Лафайетом заставило Камиля Демулена выступить против Бриссо, который подробно отвечал в №№ 656, 657 и 659 своей газеты. Он просто заявил, что обвинения Марата и Фрерона, направленные против Лафайета,—лживые, бездоказательные инсинуации, способные только «поощрить злопыхателей» и «оскорбить добрых». Затем он ловко обратился к наивным суждениям Демулена об адвокате Барнаве, депутате от Дофине и о двух либеральных графах: Шарле и Александре Ламетах, и дал иронический совет Демулену: не увиваться так много вокруг персон Национального Со-

брания и не допускать, чтобы его так часто приглашали на пышные обеды и ужины:

«Как говорят, ты, Камиль Демулен, хочешь с пользою применить свой талант? В таком случае учись и упражняйся в размышлениях. Ты хочешь сохранить независимость? В таком случае ешь дома и не ужинай у глав партий или у людей, имя которых пользуется такой известностью. Ты всегда хочешь иметь о них правильные и верные суждения? В таком случае суди по их делам и мнениям, а не по тем сказкам, которые рассказывают о них, и не по догадкам».

Эта полемика, которая плохо окончилась для Демулена, хотя, как журналист, он был талантливее, еще больше увеличила существовавшие и до того времени враждебные отношения между Бриссо и Демуленом.

Бегство короля и его задержание в Варенне заставили жирондистские газеты оставить свою сдержанность и начать энергичную пропаганду за низложение короля и введение республиканского государственного строя. Например, газета Бриссо писала:

«Что король бежал, что он покинул добровольно взятый им пост, это, в чем не может быть никаких сомнений, — преступление... К чему привел бы его побег? Совершенно ясно: к гражданской войне... Если бы теперь он захотел, если бы он обнаружил раскаяние, если бы он осудил свое клятвопреступление, признал бы свое дерзновение,—все равно, достаточно ли даже этого, чтобы сохранить за ним корону?

«Впервые обществу было прямо сказано: «Не надо нам короля, дайте нам сделаться республиканцами!» Так взывали Пале-Рояль, различные писатели и некоторые клубы. Но вне Пале-Рояля энтузиазм к республиканской государственной форме не нашел ожидаемого сочувствия. Якобинцы с неудовольствием встретили делегацию от клуба кордельеров, которая передала им это требование. Получилось почти такое впечатление, как будто этот клич показался якобинцам богохульственным. Для философа весьма странным представляется нежелание назвать то состояние, в котором мы фактически находимся! Но эта

кажущаяся странность — результат исключительно тайного расчета,—в свое время мы еще разоблачим это. А теперь мы хотели бы сослаться на соображения одного журналиста, патриотизм которого общеизвестен—именно, редактора «Bouche de Fer» («Железный рот») [1]). Он говорит:

«Бойтесь ловушек, которые до сих пор всегда расставлялись перед народами! Имя «людоеды» заменили другим, но всегда сохраняли, хотя и под другим названием, их проклятый род. Да, проклятый всеми старинными друзьями народа,—недаром в Евангелии написано: «Небо во гневе своем дало нам царей».

С неусыпным рвением Бриссо изо дня в день требовал учреждения республики. Он выискивал всевозможные доводы в пользу республиканской конституции. Он писал:

«Республиканцы полагают, что королевскую власть можно и должно отменить в настоящее время. Это возможно сделать, говорят они, без всякого нарушения закона, объявляющего монархию священной: ибо король тем самым, что он протестовал против конституции, отрекся от трона, и потому мы находимся в таком же положении, в каком были перед изданием закона о наследственной монархии. Необходимо отменить королевскую власть, так как сохранение ее не поведет ни к чему иному, как к тому, что она превратится в источник притеснения и угнетения».

Так же высказывались и другие газеты направления Бриссо-Петиона. Например, газета «Annales patriotiques» («Патриотические летописи»), основанная в октябре 1789 года и редактируемая Жаном Луи Карра, располагавшая в то время (1791 г.) значительным кругом читателей среди либерально-демократических кругов, писала:

«Все, что так часто говорилось о королях, об их безнравственности, их выкосомерии, их неисправимости,—все это

[1]) „Bouche de Fer“ („Железный рот“),—газета, появлявшаяся три раза в неделю, формат в восьмую долю листа, в каждом номере по 16 страниц,—редактировалась радикально-либеральным аббатом Клодом Фоше. Избранный в 1791 году в Законодательное Собрание и в 1792 году—в Конвент, он впоследствии присоединился там к жирондистской партии.

слишком правильно, слишком обоснованно. Преступные и порочные эксцессы вытекают из натуры и воспитания этих существ. Возвышаясь благодаря простодушию народов над другими людьми, они стоят совершенно вне сферы человеческой нравственности».

Из этой энергичной агитации жирондистских газет за республиканскую государственную форму некоторые историки сделали тот вывод, что в половине 1791 года жирондистские вожди отстаивали более крайние политические воззрения, чем даже сторонники Робеспьера или Марата: последние в данное время, говорят они, не хотели и слышать об учреждении французской республики. Справедливо, что преимущественно в рядах жирондистских политиков были представители того воззрения, что бегство короля необходимо использовать для проведения республиканской конституции во Франции, но совершенно неправильно, будто это требование при тогдашних политических обстоятельствах имело особенно радикальный характер.

Первое выступление за создание французской республики мы встречаем в журнале Камиля Демулена; но эта мысль высказана как бы мимоходом в качестве угрозы против роялистских стремлений. Серьезно выдвигается идея республики лишь в октябре 1790 года в «Mercure national» («Национальный Меркурий»), умеренно-либеральной газете, читавшейся преимущественно учеными. За нею в декабре 1790 года (№ 498 от 19 декабря) последовал «Французский Патриот» в рецензии одного сочинения Робера о республиканизме, а затем к «Патриоту» присоединились некоторые другие жирондистские газеты. Однако до июня 1791 года, до бегства короля, обсуждение носит почти чисто-академический характер. Только по возвращении короля начинается жирондистская пропаганда за учреждение французской республики. Правое крыло этой партии, представляемое Роланом и Кондорсе, в июле 1791 года основало даже особую газету с этой целью,—«Républicain ou le Défenseur du gouvernement représentatif» («Республиканец, или защитник представительного правления»), но по недостатку подписчиков ей вскоре пришлось прекратиться.

Следовательно, республиканская идея нашла для себя агитаторов как раз среди жирондистов умеренного направления, между тем как лево-демократические газеты относились к этому не только несочувственно, но и заподозрили жирондистские планы, как реакционные. Так, напр., Марат 17 февраля 1791 года пишет в своем «Друге Народа»: «Я остаюсь равнодушным, когда контр-революционеры хотят заставить нас изменить форму правительства; я слишком хорошо знаю, что сильно ограниченная монархия (la monarchie très limitée) является формой, наилучше пригодной для нас при современных условиях. Федеративная республика слишком уже скоро выродилась бы в олигархию».

Робеспьер тоже высказался против республиканской пропаганды. Мадам Ролан рассказывает в своих мемуарах, как после бегства короля Робеспьер в разговоре с Петионом и Бриссо, услыхав замечание, что бегство подготовляет общественное мнение к республике, с пренебрежительной усмешкой спросил: «А что это такое республика?»

Публично, в клубе якобинцев, Робеспьер мотивировал свою позицию тем, что, по его мнению, агитация за введение республики разделила бы якобинцев, так как значительная часть клуба все еще держится за монархическую форму правительства. Но в действительности еще одно обстоятельство вызвало его сомнения, и Бриссо был вполне прав, когда он в цитированной выше статье намекал, что странное поведение некоторых якобинцев является «результатом тайного расчета». Какого расчета? Стоит только прочитать речь Бриссо, произнесенную 27 июня в якобинском клубе, и будет понятно, что он имел в виду. Он говорил с той целью, чтобы успокоить опасения, высказанные некоторой частью якобинцев: «Чего хотят те, кто выступает здесь против республики? Они страшатся бурных демократий Афин и Рима; они боятся распадения Франции на отдельные федерации. Они хотят только представительного строя. И они правы. И те, кого называют республиканцами, тоже страшатся и ненавидят бурную демократию Афин и Рима; они тоже боятся федеративных республик!»

Часть якобинцев, именно крайнее правое крыло, страшилась «бурной демократии Афин и Рима», т.-е. она опасалась того, что при республиканской форме правления революция пойдет вперед слишком быстро, слишком уж бурно. В качестве оплота оно хотело сохранить королевскую власть. Радикальное же левое крыло, наоборот, опасалось замедления поступательного движения революции. Ведь подавляющая часть жирондистов выступала не просто за республику, а хотя и затаенно, но все же за определенный вид республики, который должен был обеспечить господство представляемой ими буржуазии: они хотели своего рода федеративной республики, т.-е. большей самостоятельности для департаментов, подавления влияния, оказываемого Парижем, и, далее, создания сената по американскому образцу в качестве противовеса крайним демократическим элементам.

Наоборот, радикально-демократические вожди якобинцев опасались, что с введением республики эти планы, хотя и не все, но хотя бы отчасти, получат осуществление, и что крупная буржуазия сумеет так же добиться господства в государстве, как в парижской думе. Отсюда предостерегающее заявление Марата: «Федеративная республика слишком скоро выродилась бы в олигаргию».

Как раз эти опасения,—вполне основательные при тогдашних политических условиях и при силе крупной буржуазии,—оказывали воздействие на радикальнейших политиков, которые позже, при господстве Конвента, выступили пламенными республиканцами, и заставляли их отрицательно отнестись к жирондистской агитации за республику. Правда, в первое время Робеспьер не высказывал своих соображений. Но в начале мая следующего года (1792) он основал собственный еженедельник, «Defenseur de la Constitution» («Защитник Конституции»), и в первом же номере изложил причины своего предубеждения против жирондистского республиканизма:

«Я—республиканец! Да, принципы равенства и священные права, предоставленные народу конституцией, я буду защищать против опасных систем тех интриганов, которые

видят в конституции лишь орудие своего честолюбия. Народное представительное собрание и свободных, уважаемых граждан под властью короля я предпочитаю порабощенному и приниженному народу, который находится под бичом аристократического сената и диктатора... В словах ли республика или монархия заключается разрешение великой социальной проблемы? Решается ли благо или несчастье народов теми определениями, которые изобретены дипломатами в целях классификации различных форм правительства,—или же в действительности важен характер законов и учреждений?»

Как обстояло дело с республиканским радикализмом жирондистов, это вскоре показало их поведение после бойни на Марсовом поле.

В то время, когда фейльянты во главе с Барнавом и Лафайетом начали свою борьбу за сохранение королевской власти, жирондистская пресса в длинных воззваниях, в энергичных словах приглашала парижский народ совершить низложение короля. Бриссо вместе с Лакло, секретарем герцога Орлеанского, набросал текст известной массовой петиции, требующей низложения короля.

И еще за день до бойни на Марсовом поле (это событие произошло 17 июля 1791 года) газета Горсаса писала:

«Наконец,—мы предвидели это,—друзья цивильного листа» (т.-е. ассигновок на содержание короля,—следовательно, сторонники королевской власти) «все же торжествуют победу; клятвопреступление увенчано, и Национальное Собрание обеспечивает главе контр-революции безнаказанность всех его преступлений... Все пропало, если избиратели не пришлют других законодателей...»

И «Патриотические Летописи» 16 июля торжествовали.

«Вчера все улицы, все городские площади, все клубы были переполнены гражданами, которые обсуждали вопросы всеобщего блага. Они опасались того действия, которое окажет злополучный декрет[1]), созданный цивильным листом[2])

[1]) Декрет о неприкосновенности короля.

[2]) Иронический намек на подкупы, прозводившиеся из цивильного листа и получившие шутливое название: fragments de la liste civile,—клочки цивильного листа.

и малодушием, провозглашающий клятвопреступление и вероломство священными; он окажет это действие, если только с декретом примирится общественное мнение, которое, раз оно свободно, не так-то легко относится к измене принципам и к преступлениям. Граждане, возбужденные взглядами комитета (подготовлявшего декрет), в собраниях постановили обратиться к Национальному Собранию с петицией, в которой они заклинают его в великом вопросе о низложении Людовика XVI запросить голоса 83 департаментов. Петиционеры, исчисляющиеся тысячами, желая предотвратить упрек, будто они хотят бурными выступлениями нарушить свободу Национального Собрания, постановили направиться к площади Федерации» (Марсову полю).

Но когда 17 июля (1791 года) Лафайет и городской голова Бальи явились на Марсово поле с отрядом из нескольких батальонов национальной гвардии, развернули там красное знамя, объявили на основании военного закона осадное положение в Париже и, встреченные градом камней со стороны возбужденных демонстрантов, приказали открыть огонь по тесно скученной толпе,—этого было достаточно, чтобы разом угас республиканский пламень жирондистов. Правда, «Французский патриот» протестовал против нарушения права граждан подавать петиции, но его выступление было весьма слабое: ведь Бриссо не только участвовал в выработке петиции, но и приложил свою руку к изданию военного закона, на основании которого в Париже было объявлено осадное положение. Трусливо старался он свалить с себя, Петиона и Бюзо обвинение, что они подстрекали массы к этому «отвратительному» шагу. А Горсас,—так тот восхвалял национальную гвардию за подчинение приказаниям Лафайета:

«Парижская национальная гвардия, гражданская гвардия,—писал он,—я считаю себя счастливым, ибо состою вашим членом. Я выступил бы против вас с обвинениями, если бы вы совершили деяния, за которые вы были бы виновны,—но вы не сделали ничего, кроме того, что повелевал ваш долг».

А «Патриотические летописи» напечатали даже хвалебный гимн Лафайету и обрушились на петиционеров Марсова поля с инсинуациями, как «на разбойников, нанятых аристократами», как на «эмиссаров иностранных держав». Правда, как впоследствии заявлял Карра, эту статью написал не он, а его сотоварищ по редакции. Однако предательство масс во имя собственных выгод от этого не делается менее характерным для жирондистов. И, действительно, жирондистские журналисты таким способом достигли того, что они могли беспрепятственно оставаться в Париже, между тем как Дантон, Демулен, Лежандр, Марат и т. д. вынуждены были на время скрываться или искать спасения в бегстве.

Период реакции, наступивший после бойни на Марсовом поле, заставил жирондистские газеты наложить на себя сначала известную сдержанность. Однако роспуск Национального Собрания 30 сентября и агитация, развернувшаяся в связи с выборами в Законодательное Собрание, вскоре вновь вызвали жирондистские газеты на арену политической жизни. Как вели они избирательную борьбу в Париже, ясно показывает следующее место из воззвания, напечатанного в «Патриотических летописях»:

«Граждане избиратели, вы достаточно знаете, к чему мы пришли! Не думаете ли вы, что после того как король принял конституцию, революция закончена? Знайте, что теперешняя революция — только пролог той великой революции, которая изменит лик всей Европы и в которой французы будут играть главную роль. Сегодня мы не более, чем вчера, полагаемся на клятвы короля. Я говорю вам: выбирайте только людей, способных сосредоточить свое внимание на этом новом подготовительном деле; выбирайте людей, кругозор которых не ограничивается департаментом Парижа, а простирается через границы страны. Вы можете избирать кротких и умеренных после того, как не придется уже преодолевать препятствий и опасаться каких-либо потрясений. А теперь все еще необходимы горячие сердца и холодные головы. Вы должны выбирать тех, кого больше всего страшатся двор и аристократы, и против кого они напрягают все свои силы».

Как известно, выборы принесли крупный успех партии Бриссо, особенно в торговых городах юга и запада, где по-

бедили почти повсюду сторонники его направления. Один только департамент Жиронды (Бордо и его отдаленная округа) послал 12 депутатов этой политической окраски в новое Законодательное Собрание. Численно усилившись, буржуазные тенденции тем самым получили дополнительное подкрепление. Новая жирондистская партия конституировалась как партия «честных», состоятельных граждан, и ее пресса тотчас же постаралась показать, что «свобода» не может опираться ни на дворянство, ни на «старую буржуазию» («vielle bourgeoisie»,—так называли возникший уже при старом строе слой богатых финансистов, откупщиков налогов, крупных торговцев, хлебных спекулянтов и т. д.), ни на массу неимущих: только слой зажиточных граждан даст надлежащий фундамент для «свободы». Так, напр., в одной статье «Французского патриота» в конце ноября 1791 года говорится:

«Старая буржуазия совершенно несостоятельна. Равенство нравится ей не ради его самого, а только потому, что в ее виды входит не иметь никаких начальников. Может быть, буржуазная аристократия—одно из величайших зол, созданных декретами, не вполне согласующимися с основами нашей конституции. Это зло, о котором в департаментах не имеют достаточно ясного представления, в один день может легко опрокинуть нашу конституцию. Буржуа хочет стать на место дворянина, а мастеру [1]) предоставить собственное место. Несмотря на то, последний—неизменно верный защитник и искренний друг революции. Только он посещает избирательные собрания, только он составляет национальную гвардию, которая поддерживает революцию, только он достоин свободы, ибо только здесь мы находим добрые нравы».

4. Возникновение революционных войн.

Исход выборов обеспечил партии Бриссо-Ролана господствующее положение в Законодательном Собрании. К тому же ее парламентские силы находили реальную опору и до-

[1]) „Artisan“,—так назывался тогда зажиточный самостоятельный мастер, между тем как мелкого мастера называли „ouvrier“ или „maître-ouvrier“.

полнение в том, что сторонники направления Бриссо получили первые должности во многих из важнейших департаментских и муниципальных управлений. По открытии Законодательного Собрания жирондистская партия получила господство даже в Париже. 14 ноября 1791 года Петион был избран против Лафайета в мэры Парижа; Манюэль, выдвинутый Бриссо, получил важный пост прокурора парижской коммуны, а Редерер—синдика департамента. Жирондистскому направлению принадлежал решительный перевес также в якобинском клубе, как в главном парижском союзе, так и в филиальных союзах юго-запада и северных провинций.

Эти успехи пробудили в жирондистах гордое сознание своей силы. Это ясно сказывается в их прессе. Исчезли прежние пессимистические рассуждения. Они заменились известным самовлюбленным чувством силы, оптимизмом, с готовностью к борьбе взиравшим на будущее. Самое тяжелое, думалось бриссотистам, осталось позади; теперь остается прежде всего укрепить завоеванные позиции и потом приступить к разрешению назревших правовых вопросов в духе Жиронды.

Для достижения своих целей вождям жирондистов представлялось нецелесообразным апеллировать к массам. Они научились бояться «чудовища»: тех масс из пригородов, у которых «нет добрых нравов». «Бурная демократия Афин» была не по вкусу этим людям: адвокатам, литераторам, купцам, фабрикантам, которых торговые и промышленные города послали в Париж представителями своих интересов. Несравненно вернее, казалось жирондистским вождям, они достигнут своих целей, если они с самого начала завоюют министерство и заместят должности в нем своими сторонниками; а наиболее удобный путь к этому,—получить поддержку влиятельнейших вождей—фейльянтов, либералов и начать войну с Австрией, или, как выражалась жирондистская пресса, с «кайзером» (императором).

Попытка связаться с Лафайетом, Талейраном, — тогда еще епископом Отенским, — графом Нарбонном, фаворитом прекрасной супруги Кондорсе и мадам Сталь, увенчалась

полным успехом. В мемуарах, изданных Жаном Горсасом, Талейран подтверждает (на стр. 90), что уже в конце октября 1790 года он тайно связался с жирондистами, и что Лафайет и Нарбонн скоро присоединились к этой компании. Местом встреч для тайных переговоров был салон баронессы Сталь, дочери Неккера, часто посещавшийся в то время Бриссо, Клавьером, Кондорсе и Иснаром. С уверенностью невозможно установить, была ли когда-либо заключена прочная сделка между переговаривавшимися лицами,—но известное соглашение о ближайшей тактике во всяком случае было достигнуто. Первым успехом тайной коалиции было то, что в начале декабря Нарбонн получил пост военного министра.

Тогда же жирондисты начали агитацию в пользу войны. Уже в конце ноября 1791 года, ссылаясь на письма из Вены, Люттиха, Гааги, Страсбурга, Штутгарта и т. д., «Французский Патриот» сделал попытку представить войну с Австрией совершенно «неминуемой» (inévitable). Когда же Нарбонн получил военное министерство, Бриссо с жаром продолжал эту пропаганду войны. Он не только старался доказать, что война необходима, как средство «упрочения революции», но сверх того ссылался на те выгоды в политическом и экономическом отношениях, которые победа принесет для Франции. Так, напр., в одной из его статей говорится:

«Война — требование всех французских патриотов. Это—требование всех патриотов, рассеянных по лицу Европы; они едва сдерживаются в ожидании этого шага, чтобы свергнуть своих тиранов. Эта война-потоп обновит лицо мира и водрузит знамя свободы на дворцах королей, на серале султана, на замках мелких феодальных тиранов, на храмах пап и муфтиев...»

А в другой статье говорится:

«Как можно было бы колебаться еще хотя один момент и не напасть на них. Наша честь, наша безопасность, наш общественный кредит, необходимость упрочить нашу революцию (la nécéssité de consolider notre Révolution),—все диктует войну... Как? Людовик XIV объявил Испании войну потому, что его посол в Лондоне был оскорблен

испанским послом,—а мы все еще колеблемся, хотя наши сограждане уже два года являются предметом надругательств и гонений почти во всех государствах Европы, хотя границам нашим угрожают вооружения, которые изо дня в день становятся все ужаснее, хотя несчастные монархи с пренебрежением отнеслись к нашим просьбам» (о пресечении эмигрантских подстрекательств к войне)...

Откуда эта жажда войны, это постоянное подстрекательство к войне, которое стоит в таком вопиющем противоречии с прежней проповедью мира в жирондистских газетах? В своей «Истории революции 1789—1800 г.г.» (Аугсбург, 1898 г., II т., стр. 14) г. Зибель объясняет этот военный пыл Жиронды ее намерением ниспровергнуть монархическую конституцию 1791 года. Для этого, полагает он, Жиронде требовалось возродить брожение: «сильными возбуждающими средствами следовало опять направить массу нации на путь якобинцев». Он снова и снова болтает об этом,—но от этого его взгляд не выигрывает в убедительности. В действительности жирондисты стремились как раз к тому, чтобы устранить крайних якобинцев от управления государством и сохранить его в руках «добродетельных» и «состоятельных» граждан.

Несравненно ближе к действительным мотивам жирондистской агитации подходит д-р Ганс Глагау в своей работе, основанной на материалах венского архива: «Французское Законодательное Собрание и возникновение революционных войн». На стр. 91 он пишет: «От напряжения и жертв, которых потребовала бы война за свободу, ожидали закала и облагорожения народного характера. Бриссо был глубоко убежден, что нация, которая целое тысячелетие томилась в узах рабства, получив политические права, нуждается в войне. Война необходима, чтобы укрепить революцию, чтобы смыть с нее грязь деспотизма, чтобы исторгнуть из ее недр людей, которые могли погубить ее».

Изложение в общем правильное; но оно требует перевода с фразеологии Бриссо, которую запросто усваивает Глагау, на реалистический язык и, кроме того, некоторого дополнения. Облагорожение народного характера, это значит внедрение в средние слои народа политических идей жирон-

дизма; укрепление революции, это значит обеспечение политического влияния за бриссотистами; чистка революции от людей, которые «могли бы погубить ее», это—искоренение и оттеснение радикального крыла якобинцев.

В действительности жирондисты надеялись, что война отвлечет низшие слои народа от революционной лихорадки, поставит значительную часть безработных в ряды армии, которую тогда придется создать, т.-е. удалит их от раскаленной парижской почвы, и ослабит «ультра-революционных» якобинцев, опиравшихся преимущественно на рабочих и мелких мастеров-работников.

В качестве дальнейшего соображения следует учесть, что мысль о войне с Австрией уже несколько лет пользовалась чрезвычайной популярностью среди французской деловой буржуазии, в особенности в сферах крупной торговли и промышленности. Уже до революции в этих слоях господствовало мнение, что со времен участия в войне за австрийское наследство, а в особенности со вступления на престол Людовика XVI, Франция все более и более утрачивает свое некогда мощное положение в Европе, а в торгово-политическом отношении оставляется далеко позади Англией. Главную причину этого упадка видели в союзном договоре, который в мае 1756 года был заключен с австрийской императрицей Марией Терезией. Поэтому французская буржуазия была «антиавстрийской», и эта антипатия превратилась в открытую ненависть, когда при «австриячке» (Марии Антуанетте) австрийская партия достигла полного засилья при французском дворе и ввела режим не только очень реакционно-феодальный, но и до чрезвычайности расточительный для французских плательщиков налогов.

Значит партия, которая начала бы войну против Австрии и довела бы ее до победного конца, могла рассчитывать на то, что она приобретет в этих кругах многочисленных приверженцев; кроме того, война во всяком случае ослабила бы положение короля. Если бы король стал держаться совершенно пассивно, он утратил бы симпатии иностранных монархов; он изолировал бы сам себя и вскоре увидал бы себя вынужденным опереться на самую сильную партию, на жирондистов. Если бы он вступил в заговор с заграницей, то он в конец расшатал бы свой авторитет,—и тогда тем легче удалось бы отстранить его. Кроме того, сторонники жирондистов в северо-восточных департаментах уверенно рассчитывали на то, что война расширит границы Франции или по меньшей мере подчинит ее прямому влиянию часть Рейнской области и области Мааса, т.-е. значительно увеличит область сбыта северо-французской крупной промышленности.

Жирондисты, и прежде всего Бриссо, были талантливые политики. Они оперировали с великим искусством, так что уже 10 марта 1792 года королю пришлось призвать жирондистское министерство Дюмурье-Ролана-Клавьера-Дюрантона. И если, несмотря на то, расчеты жирондистов в остальных частях оказались ошибочными, то лишь потому, что они считали стоящим вне всякого сомнения, что французские войска достигнут быстрых побед. В действительности французская революционная армия на первых порах понесла несколько поражений. В результате французский двор снова поддался жажде государственного переворота и тем самым провоцировал события 10 августа и 2 сентября, которые в Париже установили господство радикального направления якобинства.

В пользу объявления войны жирондисты работали не только в газетах, но также—и даже главным образом—в якобинском клубе. Просматривая протоколы заседаний якобинского клуба того времени, убеждаешься, что каждую неделю клуб отдавал несколько дней прениям о «войне против кайзера». В январе 1792 года было сделано четыре больших доклада о необходимости войны,—именно Карра, Луве, Бриссо и Доппе,—и три доклада против войны: Антуаном, Робеспьером и Билью де-Варенном. И в феврале эти военные речи нашли продолжение. Первое февраля открыл Карра новой длинной речью в пользу войны.

Левое крыло якобинского клуба энергично выступило против военной пропаганды жирондистов. Вероятный в случае войны выход из Парижа значительной части радикальных элементов, чего так сильно хотелось жирондистам, якобинцы, конечно, считали опасным для дальнейшего хода революции. К тому же они не доверяли ни Нарбонну, ни

Лафайету, ни другим генералам, из которых многие были известны как строгие роялисты. Они опасались, что эти более или менее роялистски настроенные генералы до известной степени подчинят себе войска и, как только представится удобный случай, сумеют использовать их против Парижа для восстановления прежних правительственных учреждений. Кроме того, уже в январе 1792 года вожди радикальных якобинцев, повидимому, начали охватываться подозрениями против правительственных планов жирондистских вождей,—по крайней мере это можно сказать, как показывают их речи, о Робеспьере и Бильо де-Варенне. Хотя они и не знали подробностей соглашения между Нарбонном, Лафайетом и главарями Жиронды, однако их подозрительность возбуждалась редкостным согласием членов компании по многим вопросам и теми хвалами, которыми «Французский патриот» осыпал Лафайета. Правда, г. Зибель утверждает, будто у Робеспьера не было «ни малейшего понятия об образе мыслей противника» (жирондистов). Однако соображения Зибеля показывают, что сам он не понимал политики и тактики ни жирондистов, ни Робеспьера. Во всяком случае Робеспьер сначала не решался открыто обвинять жирондистов в стремлении к восстановлению старого строя: господство в якобинском клубе все еще принадлежало их сторонникам, да к тому же на данной ступени развития революции даже радикальные элементы не поняли бы таких обвинений,—для этого требовался дальнейший опыт в практике классовой борьбы. Но стоит только прочитать следующие места речи против войны, произнесенной Робеспьером в январе 1792 года в якобинском клубе,—и будет ясно, насколько уже удалось ему раскусить жирондистов. Робеспьер заявил, что он тоже выскажется за войну против реакционных иностранных держав, но за народную войну, а не за войну, которую решит и поведет министерство:

«Я тоже требую войны, однако под условием, относительно которого мы, несомненно, все согласны,—ибо я не хочу думать, что сторонники войны намерены нас обмануть; итак, я требую войны на живот и на смерть, героической войны, такой войны, какую свобода объявляет деспотизму, такой войны, какую умеет вести сам революционный народ во главе с собственными вождями, а не такой войны, какой хотят интриганы...

«Но где же у нас генерал, непоколебимый защитник народных прав, прирожденный враг тиранов, который никогда не вдыхал бы отравленного придворного воздуха?.. Или мы, готовясь ниспровергать троны, должны выжидать, когда-то прикажет нам военное министерство, должны ждать, когда-то двор нам подаст знак? Патриции, эти вечные любимцы деспотизма, должны вести нас на войну, которая направлена против аристократов и королей. Нет! Мы хотим одни вступить в борьбу; мы хотим сами повести себя. Сторонники войны с этим однако не согласны. Вот господин Бриссо,—он заявляет, что всем делом должен руководить господин граф де-Нарбон, что только под командой господина маркиза де-Лафайета можно предпринять поход, и что единственно исполнительной власти принадлежит право вести нацию к победе и к свободе!..

«Тот способ, каким господин Бриссо и его друзья проповедуют нам доверие к исполнительной власти, как они стараются об общественном благорасположении к генералам, доказывает только одно: революция отняла у них уверенность, бдительность и энергию...»

Вступление вождей жирондистов в министерство (10 марта 1792 года), их перемигивания с двором,—Гаде, Жансонне и Верньо успели завязать с ним тайные сношения,—оправдали подозрительность Робеспьера. Газеты радикального крыла якобинцев преследовали жирондистов, как интриганов, карьеристов, придворных фаворитов. Когда же 20 апреля 1792 года жирондистское правительство объявило войну Австрии, Робеспьер, Колло-д'Эрбуа, Мерлен и Шабо в якобинском клубе самым жестоким образом напали на бриссотистов. 23 апреля 1792 года Робеспьер объявил главарей жирондистов жалкими интриганами и заявил, что посчитается с ними.

Жирондистская пресса, и прежде всего газета Бриссо, кипела от ярости. Вождей радикального крыла якобинцев называли бешеными зверями, сумасшедшими, клеветниками,

негодяями, дураками и т. д., утверждали, будто они получают пенсии из королевского цивильного листа. Ссылаясь на речь Гаде в якобинском клубе, «Французский патриот» делает следующий выпад против Робеспьера:

«Среди публики распространены трояκого рода мнения о Робеспьере. Одни полагают, что он дурак, другие объясняют его поведение уязвленным тщеславием, третьи думают, что цивильный лист[1]) двигает его на его дела. Мы не верим в такой подкуп, пока он не доказан; но и мы полагаем, что он, надо думать, или глуп, или очень тщеславен. Несомненно, именно господин Робеспьер вызвал тот раскол, который разорвал клуб (якобинцев). Единственное средство восстановить его репутацию, это—примириться с истинными друзьями истины и конституции, не подавлять выражения мнений у якобинцев, освободиться от мании вновь и вновь выступать с обвинениями, которых он не в состоянии доказать, и таким образом дать обществу (якобинцев) возможность обратиться к более важным предметам, чем происки господ Робеспьера и Колло-д'Эрбуа. Несомненен весь позор этих дебатов. Они могли бы доставить радость только аристократам».

Но это не могло удержать Робеспьера от продолжения нападок на жирондистских «государственных людей» и «интриганов», на «новых патрициев». Так как якобинский клуб все еще находился под влиянием жирондистов, в особенности Гаде, то для продолжения борьбы Робеспьер основал собственный еженедельник, именно, уже упомянутый «Défenseur de la Constitution» («Защитник конституции»). Уже в своей второй статье он обращается к вопросу, каким образом можно было бы обратить войну на пользу революции. Он требует, чтобы войной не воспользовались в своих выгодах ни двор, «ни патриции, интриганы и спекулянты». Он еще не говорит, кого имеет в виду под последними наименованиями. Однако уже в третьем номере своей газеты он выражается яснее. Кроме приверженцев деспотизма и умеренных, говорит он, существует еще один—«третий класс»,

[1]) То-есть подкуп деньгами из королевского цивильного листа—из средств, которые король получал на свое содержание.

стремления которого направлены к тому, чтобы обеспечить за собою приятности власти. А дальше говорится дословно следующее: «наиболее известные главари этой фракции, которых я имею в виду,—господа Бриссо и Кондорсе; а следом за их именами называют еще еще имена некоторых депутатов от Бордо, имена господ Гаде, Верньо, Жансонне и т. д.».

Зибелю следовало бы заглянуть в еженедельник Робеспьера, тогда бы он увидал, что Робеспьер очень хорошо знал, какие цели преследовали вожди жирондистской партии.

5. Борьба жирондистов против „ультра-революционеров".

Жирондистам недолго пришлось наслаждаться правительственной властью. 13 июня 1792 года король дал отставку трем жирондистским министрам: Ролану, Клавьеру и Сервану. Дюмурье, глава министерства, сам дал ему этот совет, чтобы освободиться от надзора трех своих коллег и обеспечить для себя единодержавие в кабинете. До сих пор «Французский патриот» восхвалял Дюмурье, как великого государственного человека; теперь ветер разом подул в обратную сторону. Газета Бриссо писала:

«Для человека, обладающего некоторой деликатностью, и для патриота, который знает, что успех нашего оружия требует в настоящее время прежде всего единства,—мучительно для такого человека приподнять маску, скрывавшую до сих пор бесчестность министра, которого он ценил, мучительно раздувать таким образом новую ненависть. Но этого требует благо общества. Необходимо разорвать все покровы, которые позволили бы нам уважать воспоминание о наших прежних близких отношениях: необходимо открыто сказать всю истину. Единственный упрек, который я могу сделать себе, заключается в том, что я не сделал этого раньше.

«Читатели поймут, что я говорю о господине Дюмурье, которому патриотическими клятвами, до известной степени хорошим командованием в Вандее и вследствие репутации, что у него есть некоторые военные способности, удалось провести и обмануть патриотов и таким образом достичь того, что голосом общества он был призван в министерство.

«И начало его министерства оправдало ожидания добрых граждан, но весьма скоро пришлось убедиться, что его репутация—поддельная, и его патриотизм не что иное, как маска... Благородный господин Дюмурье уже давно скорбел по тому поводу, что он связан с господами Серваном, Клавьером и Роланом; и в особенности потому, что они не позволяли вести себя в таком направлении, как ему хотелось, и, дальше, потому, что они позволили себе с порицанием отнестись к его безнравственности, к покровительству, которое он оказывал подкупленным людям, к его политической несамостоятельности. Благородный господин Дюмурье решил уронить их в глазах короля; поэтому он с легким сердцем обратился к клевете и изобразил их смутьянами и республиканцами, готовыми все ниспровергнуть[1])».

Однако Дюмурье не достиг своей цели. Он рассчитывал убедить короля дать свое согласие на принятый Национальным Собранием декрет, который требовал сосредоточения 20.000 федератов (добровольцев, записывавшихся в революционную армию) для защиты Парижа, а также согласиться на утверждение закона, направленного против католического духовенства, отказывавшегося принести присягу в верности конституции. Король коротко отклонил все представления, которые делал ему Дюмурье; последний увидел себя вынужденным просить об отставке, которую и получил 18 июня.

Оказавшись в таком положении, жирондисты опять вспомнили о революционном народе парижских пригородов. Они не чувствовали никакой склонности к тому, чтобы поднять его на попытку восстания. Но внушительная народная демонстрация в пользу кабинета Ролана представлялась им полезным средством воздействия на короля и на двор. Агитаторы и местные влиятельные люди жирондистов начали в предместьях агитацию в этом направлении, и 18 июня депутации от пригородов Сент-Антуан и Сен-Марсель сообщили парижскому коммунальному совету, что 20 июня они

[1]) Чрезвычайно занимательно, что „Французский патриот“, вообще распинающийся за республиканизм, в данном случае видит клевету в наименовании жирондистских министров республиканцами.

намерены устроить народное шествие и передать петиции Национальному Собранию. Директория департамента воспретила процессию и приказала городскому управлению и главнокомандующему национальной гвардии воспрепятствовать всяким противозаконным сборищам. Однако власти находились под влиянием жирондистов, а Петион, мэр Парижа, относился к демонстрации покровительственно, и потому она состоялась. В 11 часов утра процессия двинулась и направилась к парламенту. Она не была сколько-нибудь внушительной: в ней участвовало всего несколько тысяч человек. Однако по дороге к шествию присоединялись многие любопытные, между прочим многочисленные безработные, женщины и гамены (уличные дети), так что общее число участников определялось в 20—30 тысяч человек. Собственно революционеры пригородов не участвовали в шествии. Вожди радикальных якобинцев и клуба кордельеров отнеслись к демонстрации отрицательно, и действительно революционные элементы Парижа последовали их примеру.

Процессия направилась к Национальному Собранию, которое однако сначала не допустило депутации, отправленной к нему демонстрантами: закон воспрещал всякое собрание более чем 20-ти лиц, если не получено разрешение от коммунальных властей. К тому же значительная часть демонстрантов была вооружена, хотя большинство—только пиками и старыми саблями. Жирондист Верньо возразил, что, на его взгляд, при данных обстоятельствах было бы «ложною строгостью» слишком точно придержаться буквы закона; после некоторых колебаний и возражений депутацию допустили и даже дали разрешение процессии с музыкой проследовать через зал заседаний.

С самого начала в манифестации было нечто комическое, карнавальное. На плакатах преобладали надписи, указывавшие на умеренный характер требований: «Нация и закон», «Да здравствует Национальное Собрание!», «Народ и национальная гвардия,—мы хотим составлять одно целое», «Мы желаем только единения и свободы». Совсем редко попадались более энергичные надписи: «Долой вето!», «Предупреждение Людовику XVI: народ, утомленный страданиями, хочет свободы или смерти», и т. д. На одном шесте болтались изорванные штаны с надписью: «Да здравствуют санкюлоты!» (санкюлот означает соб-

ственно «бесштанник». Название получилось потому, что рабочее население пригородов носило короткие штаны, не ниже колен). На другом шесте было бычачье сердце с надписью: «Сердце аристократов». Жирондисты ничего не имели против такой бутафории, так как хотели устрашить двор.

От Национального Собрания манифестанты двинулись к Тюильри и добились того, что перед ними открыли внешние ворота. Но внутри они, встретив противодействие, начали рубить двери топорами и втащили на плечах пушку. После первых ударов топора во вторую дверь Людовик велел открыть ее и сам, размахивая шляпой, встретил демонстрантов, крича: «Да здравствует нация!» Король сел на высокую скамейку в нише окна. Зал быстро наполнился народом, вооруженным пиками, косами, вилами, молотками,—кто чем попало. Королю кричали со всех сторон: «Утверждайте декреты!», «Прогоните попов!» (когда толпа ворвалась в комнату, Людовик был в ней с несколькими священниками), «Призовите министров-патриотов!», «Выбирайте между Кобленцем и Парижем!» (Кобленц был тогда главною квартирою эмигрантов-аристократов). Увидев красный колпак на одном из присутствующих, Людовик взял шапку свободы и надел себе на голову. Этого было достаточно, чтобы вызвать бурные восторги толпы. Еще больше возросли они, когда один рабочий предложил Людовику выпить из одной с ним бутылки, и король это сделал. Тогда совершенно было забыто о требованиях, во имя которых была устроена демонстрация. Несколько часов демонстранты занимались болтовней с королем, который при всей своей ограниченности был человеком достаточно хитрым. Только к ночи во дворец явился городской голова Петион и положил конец безмерно затянувшейся комедии.

Демонстрация, под конец выродившаяся в карнавальную забаву, совсем не достигла своей цели. Все расчеты жирондистов оказались ошибочными. Однако жирондистские газеты разукрасили демонстрацию, как героический подвиг, как мировое событие. «Французский патриот» писал:

«Уже несколько дней ходили слухи, что пригороды Сент-Антуан и Сен-Марсель готовят большую демонстрацию граждан. Сторонники «генерала» (Лафайета, с которым жирондисты успели опять перессориться), заседающие в директории Парижского департамента, выдвинули все батареи, чтобы воспрепятствовать процессии: параграфы, плакаты, аресты,—ничто не осталось неиспробованным... Наконец, в качестве последнего средства, директория департамента обратилась к либералам под предводительством Лафайета и заявила, что имеются основания для серьезных опасений: может быть, без ведома самих устроителей, демонстрация, вопреки явным приготовлениям, послужит не только для того, чтобы поддержать передаваемую королю петицию, и что поэтому необходимо командировать войска для охраны дворца».

Затем газета описывает процессию и придает самый невинный характер той комедии, которая разыгралась во дворце:

«Покинув Национальное Собрание, обитатели пригородов Сент-Антуан и Сен-Марсель сделали визит королю и передали ему петицию. Он принял ее с великим спокойствием и по просьбе посетителей надел красную шапку... Народ вел себя во дворце, как подобает народу, который знает свои обязанности, чтит закон и конституционного короля. Национальное Собрание, извещенное о происшествиях, отправило к королю несколько депутаций, и мэр Парижа направился туда же, чтобы очистить дворец. К 9 часам все ушли; опять воцарилось полное спокойствие,—и однако в процессии принимало участие до 40.000 человек! И это—тот самый народ, на который так клевещут фейльянты» (умеренные либералы, с Барнавом, Ламетами и Лафайетом во главе)»...

Демонстрация не произвела ни малейшего впечатления на двор: она вызвала только его насмешки. В наказание за то, что Петион 20 июня не воспрепятствовал демонстрации, он был смещен со своей должности. Вытесненная из министерства и с должности городского головы, Жиронда опять перешла в оппозицию и стала апеллировать к народу. В то же время пришли дурные вести с театра войны. Подхлестываемый событиями, гнев против происков двора подымался все выше и выше. Париж походил на море, вздымаемое бешеной бурей. Исчезли всякие сдержки, когда в первые дни августа 1792 года сделался известным кровожадный манифест герцога Брауншвейгского, угрожавший превратить Париж в груды развалин и пепла. Последовало восстание 10 августа, арест короля и его низложение.

Народные массы уже давно чувствовали, что готовится какой-то обширный заговор. После событий 20 июня Лафайет, который все не хотел верить, что избиение на Марсовом поле

бесповоротно погубило его популярность, самовольно явился из действующей армии в Париж и захотел потребовать от Законодательного Собрания объяснений, как оно допустило демонстрацию. Встреченный с холодным пренебрежением, он перекинулся на сторону двора и предложил королю увезти его в провинциальный город и оттуда напасть на Законодательное Собрание. Двор, набравшийся смелости после неудачи жирондистской демонстрации и ожидавший скорой помощи от Австрии и Пруссии, на этот раз отверг все предложения Лафайета. Тогда Лафайет решил действовать самостоятельно и расправиться с якобинцами. Но на его зов явилось всего несколько десятков национальных гвардейцев. Лафайету пришлось ни с чем возвратиться в армию. Но уже в июле он возобновил переговоры с двором. Он предлагал увезти Людовика в Компьен, отсюда переправить за границу и оттуда принять меры против якобинцев. Но и на этот раз двор презрительно отверг все предложения Лафайета.

Между тем к Австрии, которая объявила войну Франции, присоединилась Пруссия. Фридрих-Вильгельм II прусский в своем манифесте объявил, что он поднимает оружие для защиты нарушенных интересов Германской империи, для подавления во Франции «анархии и духа сумасбродства», для восстановления разрушенной монархической власти. В манифесте он утверждал, что на конституцию Людовик XVI согласился неискренно и вынужденно. Таким образом, он всем раскрывал глаза на ту роль, которую играл французский двор. Дальнейшее сделал манифест герцога Брауншвейгского, главнокомандующего прусской армией, изданный 25 июля, перед вторжением во Францию. Первоначальный проект этого манифеста был составлен французским двором. Но аристократы-эмигранты, во главе с графом д'Артуа, братом Людовика XVI, нашли этот проект слишком мягким и составили другой, который был принят герцогом Брауншвейгским за основу. В манифесте от имени императора австрийского и короля прусского объявлялось, что герцог положит конец анархии во Франции, сокрушит все происки, направленные против престола и алтаря, восстановит законную власть, возвратит королю свободу и безопасность и упрочит его царствование. «Жители городов, местечек и сел, которые осмелятся защищаться от войск его императорского и его королевского величеств и стрелять в них, будут немедленно наказаны по всей строгости военных законов, и их дома будут разрушены и сожжены. Городу Парижу и всем его жителям,

без всякого различия, предписывается немедленно и беспрекословно подчиниться королю. Все чиновники отвечают их императорскому и королевскому величествам своими головами по законам военного времени без всякой надежды на снисхождение за все, что случится. Их величества дают свое императорское королевское слово, что, если будет произведено нападение на Тюильри, или нанесено хотя ничтожнейшее оскорбление их величествам королю и королеве Франции или не будет немедленно предоставлена им свобода и безопасность, то они произведут примерное наказание, которое останется памятным на вечные времена: город подвергнут военной экзекуции и полному разрушению, а также наложат заслуженное наказание и на тех мятежников, которые провинятся в вышеуказанных действиях. Но их императорское и королевское величества обещают жителям города Парижа, если они немедленно и безусловно исполнят вышеуказанные требования, ходатайствовать перед его христианнейшим величеством о прощении их провинностей и заблуждений. Наконец, их величества могут признать законами во Франции только законы, изданные королем тогда, когда он еще пользовался полною свободою».

Французский двор, ободренный приближением иностранных союзников, в свою очередь делал некоторые приготовления. Он всецело мог положиться на немногочисленных дворян, на «рыцарей кинжала». Но численно это была слишком слабая сила. В противовес революционным клубам двор начал организовывать клубы своих сторонников. Но в них вступали только продажные люди, босяки, во всех смыслах отбросы общества. Ежедневно на содержание клубов приходилось затрачивать свыше 10.000 франков, но толку от них было немного.

Якобинцы и кордельеры ясно увидели, что борьба с надвигающимся внешним врагом будет тщетна, если не покончить с их союзником, пребывавшим в Париже. Они видели, что двор в удобный для него момент нападет на них, если они первые не нападут на двор. Поэтому уже с двадцатых чисел июля они начали готовить пригороды к организованному восстанию и даже наметили день вооруженного выступления. Они установили тесные связи также с многочисленными прибывавшими из провинции «федератами»: добровольцами, записавшимися в армию, формирующуюся для защиты революции. Некоторые из них уже в июле заявляли: «Никто из нас не пойдет на границы, если король не будет отрешен от власти, и если Национальное Собрание не приведет в действие национальную

исполнительную власть», т.-е. не установит республиканского управления.

Национальное Собрание колебалось из стороны в сторону. Провозгласив: «отечество в опасности», признав таким образом, что положение требует решительных революционных действий, оно провело ряд неотложных мер (5, 11 и 20 июля), требуемых обороной страны и борьбою с контр-революцией, не считаясь с отношением короля к этим мерам. Но 8 августа, обсудив вопрос о привлечении Лафайета к ответственности за устройство заговора с двором, оно, несмотря на достаточные данные, большинством двух третей голосов отвергло соответствующее предложение. Это вызвало взрыв негодования в революционных кругах. Депутатов, голосовавших против возбуждения дела, на улицах встречали оскорблениями и угрозами, некоторых подвергли побоям.

Из провинции все чаще приходили петиции и адреса, требовавшие смещения короля. Федераты, стекавшиеся в Париж, давали внушительную опору этим требованиям. Фейльянты требовали удаления из Парижа всех федератов. Это подлило масла в огонь. 9 августа Национальному Собранию пришлось поставить на обсуждение вопрос об отрешении короля. Из всех районов (секций) Парижа, кроме одного, поступали заявления, что если вопрос не будет немедленно решен в утвердительном смысле, то в полночь раздастся набат, и народ сам сделает то, чего не хочет сделать Национальное Собрание. Собрание не пришло ни к какому решению.

В полночь, действительно, раздался набат, и население пригородов вместе с федератами провинций начало быстро строиться в боевые колонны. По улицам неслись звуки походного марша и раскатывалась «Марсельеза», при пении которой впервые развертывалось народное восстание. Одним из первых дел восставших было низложение старой городской думы, которая стала бы тормозить движение. Явившись в думу, комиссары, выбранные 28 секциями из 48, объявили ее распущенной и в революционном порядке сформировали новую, президентом которой был избран Гюгенен. В состав этой новой думы вошли и комиссары от секций. Они отрешили от должности целый ряд лиц, за исключением шестнадцати, о которых было известно, что они не пойдут против восставших.

Петион в это время был в Тюильри. Роялисты хотели задержать его в качестве заложника. Национальное Собрание особым декретом предписало ему явиться к себе. Петион оставил Тюильри, предварительно отдав командующему национальной гвардией приказ организовать сопротивление замка. Главную боевую силу Тюильри представляла швейцарская наемная гвардия, состоявшая приблизительно из 1.000 человек; было здесь также до 150 дворян, но они были вооружены лишь шпагами и пистолетами. Относительно национальной гвардии, составлявшей несколько батальонов, не было известно, как она станет держаться. Петион, подобно остальным жирондистам, вел себя таким образом, чтобы обезопасить себя, каков бы ни был исход восстания. Но, как всегда бывает в таких случаях, он больше склонялся на сторону «законности» против восстания, на сторону существующего порядка против революции. Чтобы избавить Петиона от шатаний из стороны в сторону, он был арестован с его собственного согласия.

В Тюильри национальная гвардия, действительно, не могла внушать двору никакого доверия: желание сражаться за короля обнаружили только два батальона из наиболее зажиточных, буржуазных районов. В остальных батальонах ясно обнаруживалось сочувствие к восставшим. Они встретили короля криками: «Да здравствует нация!», «Долой вето!». Когда они увидали внушительные силы восставших,—их было не менее 20.000, притом, в противоположность предыдущим восстаниям, в удовлетворительном боевом порядке, они упали духом. Королю и его семье посоветовали для безопасности отправиться под защиту Законодательного Собрания. Он был проведен туда, среди ругательств и проклятий толпы, под охраною 300 швейцарцев и 300 национальных гвардейцев.

Вооруженные народные массы проникли во двор Тюильри. Произошло столкновение между ними и швейцарской гвардией. Последняя пустила в ход пушки и несколькими залпами картечи в густую толпу положила на месте громадное количество нападавших. После непродолжительного сражения почти все швейцарцы были уничтожены, равно как и дворяне, и мужская прислуга, оказавшиеся во дворце. Женщинам восставший народ не причинил никаких насилий. Ничего не было похищено из двора, но уничтожено было все, напоминавшее о королевской власти. На улицах было убито несколько аристократов, в том числе Клермон-Тоннер. Как всегда бывает в таких случаях, точный подсчет жертв восстания невозможен. На стороне восставших пало 1.500—2.000 человек, на стороне защищавшихся, по всей вероятности, менее 1.000, в том числе около 700 швейцарцев.

Законодательное Собрание следило за ходом сражения и в

своих постановлениях учитывало его вероятный исход. Когда Людовик XVI вошел в зал заседаний, председательствующий жирондист Верньо обращался с ним, как с королем: исход боя еще невозможно было предвидеть. Он заявил: «Вы можете, государь, рассчитывать на твердость Национального Собрания; его члены поклялись умереть, поддерживая права народа и установленных властей». Но вот пришло известие, что сопротивление швейцарцев сломлено, и восставшие ворвались во дворец. Тогда Собрание приняло следующую форму присяги, в которой уже не упоминается о верности королю: «от имени народа я клянусь поддерживать всеми своими силами свободу и равенство или умереть на своем посту». Затем все было кончено,—и Законодательное Собрание решило пойти навстречу требованиям победившего народа. Принимая во внимание бедствия народа и то, что «эти бедствия происходят главным образом от недоверия, внушаемого поведением главы исполнительной власти в войне, предпринятой от его имени», что в этих чрезвычайных обстоятельствах Национальное Собрание, только прибегнув к верховной власти нации, может «примирить свой долг непреклонной верности конституции с твердою решимостью скорее быть погребенным под развалинами храма Свободы, чем дать ей погибнуть», Законодательное Собрание декретировало, что французский народ приглашается созвать Национальный Конвент, и что «глава исполнительной власти отрешается от своей должности до тех пор, пока Национальный Конвент не выскажется относительно мер, какие он сочтет нужным принять для обеспечения народного самодержавия и царства свободы и равенства». Через несколько минут после того Собрание постановило, что король и его семья «должны оставаться заложниками», и что королю прекращается выдача его королевского содержания. Король вместе с семьею были заключены под надзором городского совета под стражу в Тампль, здание упраздненного монастыря. Большинству Законодательного Собрания очень хотелось бы сохранить королевскую власть. Только под давлением восставшего народа оно пошло, но однако не на окончательное, низложение короля, а лишь на временное отрешение его от должности, впредь до решения вопроса Национальным Конвентом.

«Французский патриот» полагал, что теперь господство «добрых граждан» обеспечено, и возвысился до таких аккордов торжества:

«Заповедь Франции исполнена. Смещен король, бывший

главою всех заговоров, жертвою которых мы становились; развеян двор заговорщиков; созывается Национальный Конвент, предмет желаний всех, кто влагал свои персты в глубокие раны социального тела; исполнительная власть вверена чистым и искусным рукам; назначены комиссары, чтобы пробудить привязанность ко второй революции в наших войсках, любовь к отечеству которых обеспечила судьбы первой революции».

Другие жирондистские газеты торжествовали, подобно «Французскому патриоту». Однако 10 августа возвело к господству в Париже не жирондистов, а радикальных якобинцев. И уже скоро во «Французском патриоте» поднялись всевозможные сомнения против нового революционного движения. «Патриот» требовал, чтобы комиссары 48 парижских секций, руководившие народным восстанием 10 августа, были смещены со своих должностей, а прежние городские заправилы восстановлены в своих правах. В номере от 29 августа 1792 года говорится:

«Власти, назначенные для того, чтобы привести политическую машину в революционное движение, должны считать свое дело законченным с окончанием этого движения, потому что существование этих властей повело бы к диктатуре, а продолжительная диктатура и даже диктатура всего на несколько дней, была бы не чем иным, как могилой свободы. Пока временные комиссары парижской коммуны занимались только тем, что направляли революцию 10 августа, преследовали заговорщиков и наблюдали за подозрительными, до тех пор патриоты могли без всяких опасений оставлять в силе эти власти, которые, возникнув с брожением, с брожением и кончались и должны были уступить место народовластию. Но когда увидали, как эти комиссары продолжают пользоваться своей исполнительной властью, как они узурпируют права магистрата, как они сами распускают и опять формируют учреждения, которые в праве распускать и формировать только магистрат, как они распределяют между собою должности, которые только он должен бы замещать, как они смещают членов городского управления, которые народом избраны и народом излюблены, как, наконец, они со-

вершают деяния, не оправдываемые даже обстоятельствами,— тогда у добрых граждан открылись глаза; они сказали себе, что не для того они во второй раз завоевали свободу, чтобы отдать ее интриганам, и что они не допустят, чтобы на развалинах королевского и дворянского деспотизма возник новый, еще более суровый и ненавистный».

Все яснее высказывает «Патриот» тот взгляд, что революция пошла собственно уже дальше цели,—следовательно, ей пора остановиться. Все справедливые желания получили осуществление. Теперь у революционной энергии может быть только одна задача: прогнать иностранные войска из пределов Франции и создать правление «культурных» граждан. Когда 2 сентября последовали народные самосуды и избиения арестованных роялистов и анти-республиканских священников, «Патриот» тотчас же начал проповедывать возвращение к буржуазному порядку:

«Революция 10 августа очистила свободную землю, она запугала, рассеяла и сразила врагов народа, она обеспечила успех нашего оружия, благодаря тому, что устранила из рядов армии тех вероломных, которые там управляли. Но эта революция должна остановиться, так как иначе ею будет порождено опасение, не ниспровергла бы она все, после того, как всему ею даны новые опоры. Действительно, никогда не было более необходимо, чем в нашем теперешнем положении, исполнение законов, энергия правительства. Все мы вынуждены вести ужасающую внешнюю войну; мы должны изгнать врага, который своими ногами запятнал землю свободы. Но как могли бы мы выдержать эту войну, если на правительство постоянно нападают, если оно находится под постоянным натиском неправильных движений, если оно видит себя вынужденным одновременно бороться и против внешних врагов, и против нападений внутри? Во внутренних отношениях мы должны погасить страсти, разрушить партийность, устранить зло, противодействовать беспорядкам, собирать налоги. Но как можем мы осуществить все это, если господствует насилие вместо всеобщего разума, если действие закона равно нулю?»

В этих строках нашло себе выражение горестное сознание, что революция в своем ходе уже перешагнула через господство буржуазных средних слоев жирондистов. Этим «Патриот» показал, что он правильно оценил положение. Другие газеты жирондистов еще не видали, что как раз раздуваемая ими воинственная политика вместо того чтобы обеспечить господство за жирондистской буржуазией, если и не вызывала, то во всяком случае ускоряла ее политическое падение. Так как в Законодательном Собрании жирондистской партии все еще принадлежал перевес, то они верили в близость упроченного господства жирондистской буржуазии и не увидали, что политический центр тяжести переместился из Законодательного Собрания и министерства в парижскую коммуну. Так, «Курьер департаментов» Горсаса в событиях 2 сентября видит только продолжение прежней революции и чествует их в строках, от которых пахнет кровью. Он пишет:

«Мы находимся в открытой войне с врагами нашей свободы. Неизбежно одно из двух: или мы падем от их руки, или они падут от нашей руки. Такова ужасная альтернатива, перед которой мы стоим...

«Читатели не станут требовать от нас, чтобы мы сообщили обо всем, что произошло в различных обиталищах негодяйства и преступления: подробности слишком мучительны. Гуманно чувствующий человек сам отвращает свои взоры, когда он знает, что проливается кровь негодяев, и что проливается исключительно их кровь».

А «Патриотические летописи» говорили:

«Не будем еще раз напоминать подробности кровавых дней второго и третьего сентября. Донесение чрезвычайной комиссии, напечатанное в нашем последнем номере, достаточно осведомляет об этом наших читателей. Мы хотели бы еще только добавить, что в настоящее время все тюрьмы стоят пустые. Виновные погибли, невиновные нашли пощаду. Все, павшие в эти дни, дали явные доказательства их вражды к гражданам; а может ли быть более заслуживающее смерти преступление, чем это, в момент, когда дело идет о спасении отечества? Повидимому, народ был глубоко убежден в том, что существовал заговор, преследовавший такой план: открыть тюрьмы в момент, когда отборные защитники по-

кинут Париж, чтобы присоединиться к армии (имеются в виду парижские граждане, которые записались волонтерами и в ближайшие дни должны были выступить на театр сражения). Печально, что не все эти заговорщики сражены мечом упорядоченной юстиции; но требовать этого было бы слишком много, и обстоятельства вынуждали к величайшей быстроте».

Одна из многочисленных исторических легенд, сложившихся о первой французской революции, уверяет, будто жирондисты с отвращением услыхали сообщение об избиениях в тюрьмах. Сообщения и рассуждения, появившиеся в ближайшие дни в самих жирондистских газетах, доказывают обратное. И это впечатление подтверждается теми официальными донесениями, которые были составлены правительственными лицами из жирондистов.

Хотя Ролану происшествия доставили весьма мучительные чувства, однако в первое время сцены убийств не особенно нарушили его душевное спокойствие. 3 сентября чета Роланов давала большой обед, участники которого в наилучшем настроении рассуждали о значении последних событий. Отвращение к «сентябристам», «анархистам» и «виновникам сентябрьских дней» («septembriseurs», «auteurs des journées de septembre») установилось лишь после того, как начали открывать, что эти дни укрепили господство «ультра-революционеров» в парижской коммуне. С этого времени жирондистские газеты начинают преподносить различные ужасающие, отчасти свободно измышленные подробности о «сентябрьских убийствах» и во имя справедливости и человечности требуют наказания и гильотинирования «сентябрьских убийц». И любопытно: больше всех выделялась в этом направлении газета Горсаса, которая сначала наиболее отожествляла себя с «сентябристами».

Во всяком случае, поворот наступил очень быстро: 20 сентября 1792 года, когда открылся только-что избранный Конвент, для жирондистов было уже ясно, что необходимо всеми силами повести борьбу против парижской коммуны. Уже в заседании 24 сентября Керсен, как оратор от жирондистов, заявлял: «Пора воздвигнуть эшафоты против убийц, против тех, кто призывает к убийствам... Конвент без замедления должен обратиться к тому, чтобы положить конец анархическим разбоям. Я предлагаю назначить четырех комиссаров, которые обследовали бы положение государства и столицы, и снабдить их полномочиями для проведения мер, необходимых для обеспечения общественного спокойствия».

Каковы были эти меры, в ближайшем заседании выдал жирондист Ласурс: «Я не хочу, чтобы Париж, руководимый интриганами, сделался для Франции тем, чем был Рим в Римской империи. Влияние Парижа необходимо сократить до восемьдесят третьей доли,—до той доли влияния, какою пользуется и всякий другой департамент. Я никогда не склонюсь под его игом». Деловая буржуазия хотела господствовать, и потому хотела, чтобы политический центр тяжести вновь созданной республики был перемещен в южные торговые города.

Знаменательно для мотивов действий жирондистов, что под «сентябристами» они разумели не столько инициаторов и соучастников в так называемых сентябрьских убийствах, сколько Робеспьера и Колло д'Эрбуа. 29 октября 1792 года жирондист Луве перешел, наконец, в Конвенте в открытое наступление на Робеспьера.

«В день 10 августа,—воскликнул Луве, обращаясь в сторону Робеспьера,—вы содействовали ниспровержению того, кого заменить под другим именем вы пламенно хотели бы сами. Но таков ли результат ваших горячих усилий, что следы преступления уже смыты? Нет, свобода,—чистая, подобно добродетели, ее неизменному спутнику,—отторгает от себя всякого, кто служит ей по недостойным мотивам. Итак, почему не наказывают преступления, если замечают, что заговорщики снова принимаются за свой план?»

Затем Луве обратился к своим товарищам и к умеренным: «Будьте сильны,—вы знаете, что ничего так не желают наши внешние враги, как разделить нас. Поэтому вы должны положить конец анархии и гражданским войнам, которые проистекли бы из нее. Вы должны в самом зародыше задушить этот дух фракций [1]), — этот дух, который распространяется в секциях Парижа, у якобин-

[1]) Фракции—еще более мелкие, чем фракция, подразделения, на которые в процессе внутренней борьбы распадается партия. *И. С.*

цов, этот дух, который даже на городских площадях открыто проповедует восстание против авторитета народного представительства. Я предлагаю, чтобы вы незамедлительно занялись законопроектом против подстрекателей к насилиям, и чтобы на случай возникновения беспорядков в Париже министру внутренних дел были даны полномочия двинуть против них все общественные силы, находящиеся в департаменте».

«Французский патриот» горячо приветствовал выступление Луве. Самым неумеренным образом он восхвалял Луве, как нового Цицерона, у которого хватило мужества направить смертельный удар против Катилины (Робеспьера):

«Все в ней (речи) было одинаково красиво и сильно. Речь Луве стояла на одном уровне с его мужеством, ибо он проявил великое мужество. Едва ли больше мужества обнаружил Цицерон, когда он в римском сенате обратился против анархиста Катилины и честолюбивого Антония...»

Чтобы заручиться для этой борьбы против «анархистов» большим влиянием в Париже, жирондисты старались заместить гдавные посты в управлении парижской коммуны надежными сторонниками своего политического направления, но робеспьеристы и ультра-революционеры неизменно противопоставляли своих кандидатов. Разыгрывались яростные избирательные сражения, в которых враждующие партии нередко воздействовали друг на друга кулаками и палками.

Одно из первых сражений этого рода разыгралось в октябре 1792 г., при избрании нового парижского мэра (городского головы). Переизбранный Петион был в то же время выбран и в депутаты Конвента; а так как, согласно постановлению Законодательного Национального Собрания, депутат не мог занимать этой должности, то ему предстояло одно из двух: или остаться в должности мэра, или сохранить звание депутата Конвента. Он решил остаться членом Конвента. Благодаря этому в Париже сделались необходимыми новые выборы мэра. Жирондисты выдвинули кандидатуру Дормессона, монтаньяры, или партия Горы [1]), Люилье, прокурора в новом революционном трибунале, сформированном 17 августа 1792 г. С напряжением всех своих сил партии оспаривали победу одна у другой.

«Честные граждане Парижа,—говорится во «Французском патриоте»,—интриги, распри, террор в последнее время вытеснили вас из секций (т.-е. из управлений тех 48 районов, на которые разделялся Париж). Противопоставьте стремлениям сторонников королевской власти и друзей трибунала гордую смелость, республиканский дух независимости. Выборами, которые предстоят вам, решаются судьбы Парижа!»

В конце концов был избран Дормессон. Он отказался. Тогда жирондисты выставили кандидатуру Шамбона. Он одержал победу над Люилье. Восторгу жирондистов не было границ.

«Патриот Шамбон—мэр Парижа!»—восклицает «Французский патриот».—Он—мэр, несмотря на вопли и интриги анархистов! Республиканцы Парижа, после этого напряжения не предавайтесь бездеятельности!»

Однако радость была непродолжительна. Через несколько дней после того вождь крайней левой в якобинском клубе Шометт, «коршун коммуны в день 2 сентября», как называл его Бриссо, был избран в прокуроры Парижа против Реаля, кандидата Бриссо.

Тогда жирондисты обратились к новому способу: они постарались выдвинуть против Парижа тянувшие к ним департаменты. В тех городах, где магистраты и городские советы симпатизировали жирондистам, жирондисты стали проводить резолюции, в которых выражалось доверие граждан большинству Конвента (т.-е. жирондистам и фейльянтам, которые в этой борьбе поддерживали жирондистов) и министерству Ролана, а парижские «ультра-революционеры» и «анархисты» обвинялись перед Конвентом, как субъекты, опасные для государства. Жирондистским союзам и клубам было предложено посылать в Конвент такие же адресы. И жирондистский президиум Конвента умел ловко обставить дело так, что эти послания с апломбом прочитывались в заседаниях, и потом жирондистская пресса пользовалась ими против парижского демократического движения. В особен-

[1]) Так назывались якобинцы, потому что в Конвенте, в котором депутатские места располагались амфитеатром, они занимали верхние места. *С. И.*

ности «Парижский патриот»,—одну из своих важнейших задач он видел в том, чтобы использовать эти адресы против радикального парламентского меньшинства и парижского городского управления. Так, например, в № 1239 (от 2 января 1793 года) говорится:

«Остаток заседания был посвящен чтению адресов, поступивших из департаментов. Ненависть к тиранам и анархистам [1]), доверие к Национальному Конвенту и к министрам—вот содержание всех этих адресов. Что же, и теперь партия меньшинства будет уверять, что эти 84 департамента тоже подкуплены [2]), что большинство нации тоже состоит из одних интриганов, что добродетель обитает только у меньшинства, т.-е. у тех дворян, которые потому только не были до сих пор в Кобленце [3]), что там их опозорили бы священники, принесшие присягу [4]), так как присяга для них, как для жрецов, ничего не значит; и еще надо искать добродетели у тех интриганов, запутавшихся в долгах, людей с дурной репутацией, которые все ставят на карту, ибо им терять нечего».

А в № 1246 (от 9 января 1793 года), в связи с вновь поступившими жирондистскими адресами про ета, говорится:

«Общественное мнение начинает с той же силой выступать против анархии, как 10 августа—против королевской власти и нарушений конституции. Коммуны Сен-Мало, Ниора, Оша, Прованса обвиняют перед республикой тех расшатывателей порядка, которые решили разрушить ее, но, вероятно, просчитаются, если мы окажемся достойными ее... Законодатели,—так во имя отечества взывают храбрые граждане Нанта,—спасите республику! Как может производить на вас впечатление раздающееся с трибун (для публики) ворчание нескольких взвинченных подстрекательствами граждан или смутьянов? Вы трепещете перед трибунами. Заставьте их трепетать перед вами!».

Кроме того, «Французский патриот» отпечатал некоторые адреса жирондистских клубов,—так, например, 17 января адрес «Общества друзей свободы и равенства» из Вилльнева, представляющий особенный интерес потому, что он открыто апеллирует к деловым инстинктам парижской промышленной буржуазии и искусно бьет по наиболее чувствительным местам. В этом адресе говорится:

«Парижане, познайте своих истинных друзей!.. Постоянные смуты только изгоняют из ваших стен приезжих и капиталистов [1]), а за ними в непродолжительном времени последуют торговцы, фабриканты и художники. Далекие от того, чтобы завидовать вам из-за таких покупателей, мы с своей стороны готовы были бы посодействовать вам, чтобы у вас остался этот источник богатства. Но подумайте, только порядок способен удержать их и побудить к возвращению тех, которые, может быть, уже разошлись из Парижа по разным местам.

«Для нашего и вашего счастья, для республики и человечества необходимо, чтобы вы увидали в нас своих братьев, своих друзей. Изгоните из вашей среды чудовищ, которые бесчестят вас, проповедуя вам свои преступные воззрения и свои каннибальские вожделения» (fureurs cannibales) [2])...

«Смерть тиранам, смерть разбойникам разных видов, ненависть к анархистам, подчинение законам, уважение к властям, неразрывное единство, поддержка всех братьев—таковы наши клятвы!»

В некоторых из этих адресов уже открыто высказывается требование обезвредить вождей Горы. Например, в адресе генерального совета из округа Сент-Омер говорится (№ 1257 «Французского патриота»):

«Законодатели, в чем причина наших несчастий? Причина? Надо открыто сказать, что причина находится в вашей

[1]) Под „тиранами“ следует разуметь Робеспьера и его ближайших партийных единомышленников, под „анархистами“—вождей крайнего якобинского крыла в Париже.

[2]) Робеспьеристы называли жирондистов подкупленными.

[3]) Кобленц был главной квартирой эмигрантов-дворян, которые отсюда вели интриги против Франции.

[4]) Имеются в виду те нарушившие присягу духовные лица, которые, принеся гражданскую присягу в верности конституции, несмотря на то присоединились к эмигрантам, которые развертывали травлю против революционной Франции.

[1]) На языке газет того времени слово „капиталист“ имело не то значение, как теперь: оно обозначало просто богатых, денежных людей.

[2]) Жирондисты часто характеризовали, как „каннибализм“ (людоедство), выдвинутое якобинцами требование: Людовик XVI за свою измену должен быть наказан смертною казнью.

среде... В качестве единственных виновников всех злополучий и анархии мы перед всем миром называем Робеспьеров, Маратов, Дантонов, всех этих кровожадных людей, людей 2 сентября, которые ничего не дают для питания нации, кроме трупов...

«Как! Вы были достаточно неустрашимы для того, чтобы ниспровергнуть трон,—и вы теперь будто бы настолько трусливы, что не дерзаете уничтожить эту сволочь, которую породил бунт, и которая в один великий день будет задушена?.. Как! Вы боролись против пушек Тюильри, и вас может устрашить вой этих преступных трибун!..

«Мы не желаем ничего иного, кроме конституции, способной дать то уважение собственности и личности, которое является основой всякого правительства».

Возможно, что такие декламации достигали своей цели у той части состоятельных граждан Парижа, которую деловые стремления уже и без того заставили более или менее отвернуться от якобинцев. Что же касается вождей санкюлотов, эти клятвы в ненависти и готовности к борьбе, даваемые жирондистской буржуазией провинции, заставляли их только развернуть еще более резкую агитацию против «подкупленных». Все беспощаднее, оскорбительнее и суровее становятся взаимные обвинения в прессе обеих партий, в жирондистских и в радикально-демократических газетах. К тому же жирондисты Национального Конвента прибегали к самым отчаянным изворотам для того, чтобы затянуть процесс против Людовика XVI по обвинению в государственной измене, а якобинцы тем решительнее отвечали на их маневры требованием гильотинирования «клятвопреступника» («parjure»). В эту газетную борьбу нередко вмешивались и парламентские вожди обеих партий. Так, в №№ 1249 и 1250 «Французского патриота» Бриссо напечатал большую статью под заглавием: «De la marche des agitateurs» («Об успехах смутьянов»), в которой он иронически отвергает притязания парижских демократов, будто только они и представляют настоящий народ:

«Весь метод этих опасных людей сводится к принципу: неустанно возбуждай толпу против властей и всегда становись на сторону толпы. Народ, говорят они, никогда не

бывает неправ. Таков же и мой взгляд. Но эта масса, которая далеко не является действительным народом, часто бывает неправа и слишком часто оказывается сбитой с толку. Слово «народ» означает то же самое, что и слово «нация». Французский народ состоит из всего французского населения; из всех 25 миллионов. Невозможно представить себе ничего более абсурдного, чем словарь наших демагогов, которые массу называют народом. Кто не рассмеялся бы, услыхав, как говорят о суверенитете толпы или граждан на трибунах» (Конвента)?

«Любишь ли ты порядок превыше всего? Ответ на этот вопрос покажет, свободен ли вопрошаемый. Ибо не существует абсолютно никакой свободы без порядка, никакого экономического процветания без порядка, никакого личного счастья без порядка. Порядок—основа всякого общества. Порядок должен возместить то, чего при деспотическом строе достигает вооруженная сила.

«При свободном правлении народ может снискать свое пропитание только способами, согласующимися с порядком, ибо, если порядок разрушен, если приходится опасаться бунта, тогда земледелец перестает возделывать хлеб, тогда он ничего не доставляет на рынок, и следствием этого является голод. Богатый уже ничего не заказывает, ничего не покупает, удерживает у себя деньги. Возникают безработица и нищета».

Статья заканчивается резким выпадом против Марата, которого Бриссо обвиняет в том, будто он подкуплен дворянством и высшим духовенством.

Но скоро жирондистские газеты: «Французский Патриот», «Курьер департаментов» и «Часовой» («Sentinelle»), редактируемый Луве под покровительством мадам Ролан, убедились, что их апелляции к добродетели ни к чему не приводят, и что широкие слои мелкой буржуазии Парижа лишь с бо́льшим нетерпением требуют казни «государственного изменника» (Людовика XVI). Тогда дикие ругательства обрушиваются на «кровожадную», «каннибальскую» толпу и ее «лицемерных», «бесчестных» вождей, которые исключительно из жажды популярности льстят ее «каннибальским

инстинктам». Но к 15 января 1793 года, ко дню решения [1]), возбуждение в жирондистской прессе заметным образом падает: отчасти вследствие признания, что отсрочивать дальше смертный приговор невозможно, отчасти из великого страха, нагнанного угрозами парижских пригородов.

Действительно, 17 января 1793 года, из страха перед настроением народа, почти все вожди жирондистов в Конвенте голосовали за смертный приговор Людовику XVI; но это было лишь после того, как 15 января большинством 424 против 283 голосов было отвергнуто внесенное ими предложение, чтобы решение Конвента было передано на утверждение народа; т.-е. собраний выборщиков по отдельным департаментам. При голосовании вопроса о наказании для Людовика XVI из 749 членов Конвента присутствовало 726, но из них воздержалось от голосования только 5. Таким образом необходимое большинство голосов составляло 361. За немедленное приведение смертного приговора в исполнение голосовало 361; за смертную казнь с предварительной отсрочкой казни—39; за тюремное заключение, работу на галерах или за изгнание—321 депутат.

«Французский патриот» с известной сдержаностью подчинился тому, что он считал теперь непредотвратимым, и в № 1259 совсем кратко сообщил о состоявшейся казни:

«Казнь Людовика совершилась сегодня (21 января), около 10 часов утра, на площади Революции, около каменного цоколя, на котором всего приблизительно четыре месяца тому назад еще стояла статуя его предка. Значительные силы были поставлены на ноги. Однако на площади и в городе царило величайшее спокойствие. На эшафоте Людовик обнаружил больше твердости, чем обнаруживал на троне. Он сказал несколько слов, он говорил о своей невиновности, о прощении, которое он дает своим врагам, о несчастьи, которое последует за его смертью. Его бренные останки погребены на кладбище Магдалины, на том самом кладбище, где покоятся останки несчастных, несколько лет тому назад задавленных и задушенных на торжестве по случаю его свадьбы, и притом на той самой площади, где он нашел свой трагический конец.

«Людовик говорил о несчастьи, которое разразится после его смерти. О, сограждане, смотрите, как бы это пророчество злосчастий не оказалось более справедливым, чем то, что он говорил о своей невиновности. Соединяйтесь, чтобы спасать республику».

Это—все, что имела сказать главная газета жирондистов о смерти Людовика XVI. Не за него лично боролась она, а за власть, связанную с его положением. Теперь судьба сказала свое решающее слово,—и газете не было никакого дела до личности несчастного.

Манюэль и Керсен оставили поле сражения. Они уже 18 и 19 января 1793 года заявили о своем выходе из Конвента, а 22 января и Ролан взял отставку. «Французский патриот» в №№ 1257 и 1258 напечатал их заявления об отставке. Но в то время как он с порицанием отнесся к Манюэлю и Керсену за то, что они предоставили свои места «Катилинам», для ухода Ролана у него нашлись некоторые извинения:

«Истинный республиканец должен дать отпор стилету клеветника и кинжалу убийцы и тем с большей силой держаться за свой пост, чем большие усилия делаются для того, чтобы вытеснить его с этого поста. Но иногда клевета доходит до таких пределов, что это становится уже невозможным для добродетельного чиновника и друга народа. Тогда он добровольно стушевывается, после чего еще может приносить пользу своим согражданам. Именно в таком положении с некоторого времени находился Ролан. Любовь к отечеству заставила его возложить на себя тяжелое бремя сложного управления; она поддерживала его на пути, вымощенном огорчениями и опасностями. Теперь любовь к отечеству говорит ему, чтобы он покинул свою должность, ибо он думает, что уже не в состоянии исполнять ее с пользою для республики».

6. Налоговая политика жирондистов.

Падение жирондистов было ускорено их налоговой политикой и их борьбой против «максимума» (такс на хлеб и

[1]) Предстояло вынести приговор Людовику XVI. *И. С.*

муку), которые восстановили против них голодающее парижское население.

Ни в чем с такой ясностью не отражается классовый характер политической партии, как в ее налоговой политике. Последняя дает несравненно более надежный критерий для суждений, чем фразистые парламентские речи о принципах свободы, наперед рассчитанные на то, чтобы произвести известное впечатление во-вне: ведь слишком часто,—и для французской парламентской риторики революционной эпохи это справедливо в еще большей мере, чем для современной,—единственная цель парламентских речей—за красивыми словами скрыть действительные стремления и материальные мотивы. Точно так же едва ли в чем-либо другом, и даже в школьной политике жирондистов, раскрывается с такой глубиной их классовый характер, как в их отношении к вопросам о налогах.

Установив в 1790 году существеннейшие основания конституции, Национальное Собрание поздней осенью того же года перешло к обсуждению системы налогов и с неоднократными перерывами продолжало его до весны 1791 года. Оно закончилось проведением совершенно новой системы налогов. К этому времени либералы уже достигли в Национальном Собрании полного перевеса, и их властному положению соответствует созданная ими налоговая революция: ввиду полного преобразования в данном случае едва ли можно говорить о «реформе».

Представительство третьего сословия мало-по-малу отнимало у дворянства все его привилегии и придало постановлениям об избирательном праве, в частности об избирательной процедуре, такой характер, что за буржуазным населением городов было обеспечено далеко не соответствующее его численности влияние на законодательство, на департаментское и на коммунальное управление. Но, устраиваясь таким образом, представительство третьего сословия в то же время взвалило почти две трети налогового бремени на деревенское землевладение, отчасти и без того разоренное. Да и остальной трети не взяли на себя состоятельные граждане, для которых революция принесла освобождение от столь многих тягостей; значительную долю этой трети представители третьего сословия переложили на бедней-

шую мелкую буржуазию, бо́льшая часть которой была перед тем исключена избирательным законом от участия в законодательстве. Либеральная свобода в области налоговой политики заключалась в том, что состоятельная городская буржуазия обеспечила за собою величайшее влияние на законодательство, но взяла на себя в то же время лишь ничтожную часть налогового бремени. Это можно иллюстрировать кратким обзором окончательных результатов урегулирования налогов в 1791 году.

Главным государственным налогом был *поземельный налог*, который взимался со всей земельной собственности, даже и не подвергавшейся возделыванию, и исчислялся с чистой доходности. Чистым доходом, в согласии с физиократами, считался остаток урожая, получающийся по вычете расходов возделывания и уборки, следовательно, чистая арендная плата; в основу определения доходности клался средний итог за 15 лет. Поземельный налог был не устойчивый, а так называемый раскладочный налог, сумма которого должна была каждый год устанавливаться Национальным Собранием и распределяться между различными департаментами. Поэтому не во всех частях Франции поземельный налог стоял на одинаковом уровне; он колебался в пределах почти от одной десятой до одной шестой чистого дохода. По закону 16 марта 1791 года никого нельзя было обязать к платежу более чем одной шестой дохода. Допускались известные скидки на земельные улучшения и ремонт построек; при этом земля, застроенная промышленными сооружениями, пользовалась одним преимуществом перед землею под пашнями и садами: *здесь скидка могла составлять одну треть поземельного налога, а для чисто-деревенского землевладения—не более одной четверти.*

Граждане, извлекавшие доход не из землевладения, а из движимого имущества, из ведения какого-нибудь дела, от должности или службы, должны были уплачивать так называемый *налог с движимостей*. Если доход слагался отчасти из поступлений от землевладения, отчасти из доходов от дела или должности, то каждая часть облагалась отдельно.

Налог на движимости охватывал следующие отдельные налоги:

1. Налог на движимости. Он составлял пять процентов дохода, но взимался не прямо с дохода, а исчислялся по своеобразной шкале с наемной стоимости квартир (не считая промысловых помещений), так что в действительности только высокие доходы уплачивали пять процентов, а меньшие доходы—от двух до трех процентов. Если, напр., кто-нибудь жил в квартире с наемной платой в 400 ливров, что тогда в Париже соответствовало среднему доходу почти в 2.500—3.000 ливров (в мелких городах отношение было, конечно, еще более благоприятным для плательщиков налогов), то он уплачивал налогов всего 60 ливров, т.-е. в действительности только два процента.

Кроме того, кому приходилось содержать более трех детей или родных, имел право получить и еще определенные скидки или требовать перенесения в низший налоговой класс.

2. Личный налог. Для всех активных граждан, т.-е. для всех, кто имел право участвовать в выборах, он составлял, независимо от размеров дохода, три франка в год.

3. Квартирный налог, который исчислялся с наемной платы за жилые помещения (без промысловых помещений). Небольшие квартиры были свободны от налога, и даже для больших квартир он был очень умеренным. Например, с квартиры с наемною платою в 500 ливров наниматель уплачивал только пять ливров в год.

4. Налог на прислугу и на лошадей, являющихся предметом роскоши,—он уплачивался только лицами, которые держали несколько человек прислуги, несколько упряжных и верховых лошадей. Этот налог тоже был очень низкий и, повидимому, со всего государства давал сумму только в несколько миллионов ливров.

Общая сумма всех этих налогов, объединенных под общим названием «налогов на движимости», по предварительным предположениям должна была составить 60 миллионов ливров; но вследствие особых способов исчисления и многочисленных скидок фактически они никогда не достигали этого уровня. Напротив, для

поземельного налога предварительные предположения—240 миллионов ливров, оказались не преувеличенными. Однако в 1792 году Франция вновь пережила неурожай, и потому из многих округов поступили лишь немногочисленные частичные платежи.

Кроме этих двух главных налогов, был введен еще своего рода промысловый налог, так называемый патентный налог, который должны были уплачивать владельцы торгового, фабричного или ремесленного производства, и который тоже исчислялся по наемной стоимости помещений, занятых под производство. Он был тоже сравнительно низкий и давал в государственную казну всего около 18 миллионов в год. Далее, был введен налог на квитанции и счета, а также налог на документы и штемпельный (на документы о купле и дарении, векселя и т. д.). Первый никогда не приносил сумм, заслуживающих упоминания: доходы от него поглощались издержками взимания. Напротив, налог на документы и штемпельный давал от 10 до 12 миллионов в год.

Были отменены все существовавшие до того времени налоги, а также различные налоги на потребление: на соль, напитки, бумагу, масло и т. д., равно как и все внутренние пошлины. Были сохранены лишь пограничные пошлины. Такое регулирование налогов, конечно, представляло громадный шаг вперед по сравнению с прежним положением, но оно с чрезвычайной односторонностью покровительствовало интересам богатой буржуазии за счет деревенского землевладения.

Эти налоги остались в силе до начала 1793 года,—только максимальная граница поземельного налога была повышена до одной пятой чистого сбора. Тогда жирондисты увидали себя вынужденными еще более облегчить для «добрых» граждан платежи налогов, хотя вследствие расходов на войну финансовое положение государства невероятно ухудшилось. Как представители состоятельной деловой буржуазии, они прежде всего предприняли бурную атаку против патентного сбора (промысловый налог), и 22 марта 1793 года он был отменен Конвентом. В качестве возмещения предполагалось превра-

тить налог на движимости в единый подоходный налог и повысить его до таких размеров, чтобы он давал по меньшей мере 75 миллионов ливров в год, или 3 франка на душу населения. Уже раньше, 7 февраля 1793 года, чтобы покрыть убыток почти в 4 миллиона ливров, получившийся от операции по закупке хлеба, Конвент постановил сделать надбавку к налогам поземельному и на движимости для всех доходов свыше 900 ливров; далее, чтобы добыть средства на ведение войны, 9 марта 1793 года был принят декрет, которым разрешался единовременный военный налог, повышающийся в известной градации.

Так как финансовое положение становилось все печальнее, то финансовая комиссия спешно приступила к работе, чтобы представить план необходимого объединения и повышения налога на движимости.

26 марта комиссия закончила свой план реорганизации финансового дела. Проект предлагал следующее: самооценка граждан (с последующей проверкой в комиссиях сведущих людей); освобождение от налогов всех доходов ниже одного франка в день, или 365 ливров в год; взимание с доходов 5-процентного налога, с допущением особых скидок на ведение собственного домохозяйства, на воспитание детей, содержание неспособных к труду членов семьи и т. д. Например, если ремесленник был женат и его семья состояла из шести человек (муж, жена и четверо малолетних детей), он мог получить скидку в 60% налога; следовательно, если он определял свой доход в 1.200 ливров (по довоенной ценности денег—около 1.200 рублей. *И. С.*), он должен был уплатить вместо 60 только 24 ливра подоходного налога.

Так как финансовая комиссия полагала, что этот подоходный налог не даст необходимой суммы в 75 миллионов ливров, то она одновременно предложила дополнительный налог, который должен был взиматься только в том случае, если поступления от подоходного налога составляли менее 75 миллионов. Этот налог должен был взиматься только с богатых. Сумма в 1.000 ливров должна была считаться прожиточным минимумом на душу семьи и не подлежала дополнительному обложению. Следовательно, если семья гражданина состояла из него самого, жены и четверых детей, он должен был уплачивать дополнительный налог только в том случае, если его доход по его собственной оценке составлял более 6.000 ливров. И даже для следующих ступеней налоговая ставка оставалась низкой, но потом поднималась в такой прогрессии, что, если доход упомянутого гражданина повышался до 16.000 ливров, ему приходилось платить не менее 320 ливров дополнительного налога.

С такой градацией дополнительного налога по высоте дохода не мирилась налоговая политика жирондистов. Они выступили против «принципа прогрессии», а также против освобождения прожиточного минимума от обложения. Напротив, одна часть монтаньяров хотела бы распространить принцип прогрессии и на предположенный подоходный налог, а не только на дополнительный налог; другая же часть, в том числе и Робеспьер, требовала, чтобы свободный от обложения минимальный доход был повышен с 365 до 400 или до 500 франков [1]).

Результатом были чрезвычайно возбужденные прения между якобинцами и жирондистами в Конвенте, которые в конце концов завершились отклонением проекта. К сожалению, за недостатком места мы не можем останавливаться здесь на отдельных шахматных ходах этой борьбы. Для характеристики воззрений жирондистов приведем только короткий отрывок из речи, в которой Верньо, как оратор жирондистов, 4 мая 1793 года обосновал отклонение проекта:

«Если рессурсы нации недостаточны для того, чтобы покрыть подробности, повысившиеся вследствие войны, мы

---

[1]) Однако взгляд, что беднейшие граждане (с доходом до 400 франков) должны быть освобождены от всякого налога, удерживался у Робеспьера и его ближайших друзей лишь до тех пор, пока они находились в оппозиции против жирондистов. После того как жирондисты были свергнуты, Робеспьер высказался и голосовал в заседании 17 июня 1793 года против того, чтобы освобождать от налога беднейшие слои населения. Так он действовал по соображениям о состоятельных якобинцах.

приведем в исполнение декрет от 9 марта, предусматривающий взимание единовременного прогрессивного военного налога с состоятельных. Но между таким налогом и прогрессивным подоходным налогом огромная разница. У последнего нет устойчивого основания, прогрессия всегда остается произвольной и тем самым угрожает собственности!».

7. Борьба за максимум.

Отклонение жирондистами всякого прогрессивного подоходного налога вызвало величайшее негодование в революционных парижских районах, населенных мелкой буржуазией и рабочими. А голодающие рабочие и без того уже были до крайности возмущены противодействием подавляющей части жирондистов установлению «максимума». В начале февраля 1793 года, когда хлебные цены опять повысились, парижские секции отправили в Конвент делегацию, чтобы просить его об установлении максимальных цен (такс) на хлеб и муку. Жирондисты энергично выступили против этого требования, и «Французский патриот», издеваясь, писал:

«Петиционеры хотят получать хлеб по 2 су за фунт, между тем как он вообще стоит 4—5 су. «Panem et circenses» («хлеба и зрелищ»),—такой клич издавали в Риме люди, готовые продать свою свободу за несколько унций хлеба и за несколько цирковых представлений. Такой же клич издают и авторы предложения».

Когда же, несмотря на всю жирондистскую контр-агитацию, Конвент в конце концов издал декрет о максимуме, та же газета писала:

«Не увенчались успехом мужественные и искренние усилия истинных друзей народа, друзей, которые хотели избавить его от уроков ужасного опыта, которые не ищут для себя популярности,—ибо они не голосовали за голодный закон,—которые не хотели, чтобы Конвент себя компрометировал, издав неосуществимый декрет... Мы не хотим касаться частностей этих прений. Нам слишком больно, что по такому совершенно простому вопросу нам не могли

преподнести ничего, кроме кучи софизмов... Введена такса,—максимальная цена на продовольственные продукты,—которая на известный срок должна оставаться в силе и считаться со всевозможными условиями... Какой оборот! Сколько труда надо дать себе, если хочешь уклониться от правильных принципов».

Хотя парижское коммунальное управление, закупая хлеб в провинции, старалось дополнить привоз хлеботорговцев, однако предложение по-прежнему далеко отставало от спроса. Уже раньше были отдельные случаи нападений голодных нищих и детей на пекарни: а 23 и 24 февраля 1793 года в беднейших частях Парижа дело дошло во многих случаях до настоящей осады пекарен голодными женщинами. Хотя нигде женщины и не дошли до насильственных действий против лавок, однако «Французский патриот» тотчас же использовал эти происшествия против вождей парижской демократии в городском управлении. В № 1293 от 25 февраля 1793 года, напр., говорится:

«Вчера и сегодня лавки пекарей опять подверглись осаде. Пекаря, которые обычно выпекают только три раза в день, должны были сделать восемь выпечек; и однако им пришлось пережить много тревог. Причины этого несчастного положения исключительно в интригах и страхе. Но простодушные люди кричат о таксах, о необходимости установить цены на средства существования. Негодяи с напомаженными волосами, проходимцы, жаждущие нового кровопролития, фигляры провели народ своей болтовней. Они кричат о хлебных спекулянтах и о роландистах (т.-е. сторонниках Ролана), хотя только их кровавые анархические учения и прогоняют хлеб с рынка».

25 февраля положение в Париже сделалось серьезнее. Голодающая толпа уже не ограничилась простой осадой пекарен: во многих случаях она перешла к атакам на пекарни и кое-где произвела грабежи. Для «Французского патриота» это—достаточное основание, чтобы усилить свои обвинения против главарей парижской коммуны.

«Посмотрим,—говорится в № 1294 «Французского патриота»,—что написал Марат в последнем номере своей газеты:

«Во всякой стране, в которой права народа—не пустые фразы, только для украшения стоящие на бумаге, разграблением нескольких лавок, на дверях которых были бы вздернуты скупщики, был бы скоро положен конец обманным махинациям».

«Следом за тем сегодня в Париже магазины и лавки большого количества торговцев, лавочников и делателей свечей подверглись нападению скопищ, состоявших по большей части из женщин. В некоторых лавках толпа распределила между собою по ценам втрое меньше теперешних продовольственные продукты, в особенности сахар, кофе, мыло и свечи, в других просто разграбила, ничего не уплачивая. При этом раздавались ужасные угрозы и оскорбительные ругательства против Национального Конвента.

«Хотя эти происшествия начались уже в 11 часов, до пяти часов ничего не предпринималось для их подавления. Только тогда в некоторых городских районах ударили тревогу, и граждане составили патрули, которые в различных городских кварталах предотвратили дальнейшее разграбление. Напротив, в других недостаточные, слабые наряды общественной силы сумели предотвратить только кражи, но не вынужденную продажу по ценам такс.

«Из этого простого изложения ясно следует, какие лица являются подстрекателями к бунту. Легко понять, что за этими происшествиями стоит шайка людей, подкупленных иностранными державами для того, чтобы поддерживать анархию, увековечить внутренние распри и таким способом привести к распаду, выгодному для наших врагов. Этот факт выступит с еще большею ясностью, если принять во внимание момент, избранный анархистами для мятежей. Это—как раз момент, когда в Париже производится набор 12.000 человек новых войск: такой же момент, как тот, который в сентябре (1792 года) был избран для начала бойни. Они рассчитывают на то, что нашу мужественную молодежь такими происшествиями удастся отвратить от поступления под наши знамена. Они хотят породить в волонтерах опасения за судьбу тех драгоценных заложников, которых они оставляют на родине».

Подстрекательство Маратом читателей против мелких торговцев было в высшей степени глупо: если даже отдельные лица и воспользовались нуждой масс для постыдных ростовщических махинаций, то подавляющее большинство лавочников и пекарей страдало от взвинчивания цен оптовыми торговцами не меньше, чем сама голодающая масса. Однако жирондистская пресса доходила до пределов развязности и бессовестности, когда она не просто обвиняла Марата и его политических друзей в том, что они зачинщики грабежа, но и представляла Марата подкупленным заграницей агентом. Газета Марата «Друг Народа» 25 февраля в большинстве беднейших частей города и в пригородах еще не успела поступить в продажу, когда там начались разгромы. Следовательно, статья Марата не могла сыграть подстрекательской роли по отношению к грабителям, в своем большинстве женщинам; мы уже не говорим о том, что подавляющая часть этих женщин, конечно, вообще не умела читать. Действительными «подстрекателями» были голод и отчаяние. Однако жирондисты не хотели признать этого факта; в своем преклонении перед состоятельными и «добродетельными» гражданами они все больше проникались слепым презрением к «толпе».

27 февраля «Французский патриот» пишет:

«Вчера грабежи продолжались до полуночи. Только к этому времени прибыло несколько соединенных патрулей, чтобы прогнать разбойничью сволочь и из тех больших магазинов, из которых ее до того времени не удавалось выгнать. Удалось арестовать некоторых из вожаков. Среди них оказался, как нас уверяли, один отставной полковник.

«К четырем часам из департамента Финистер прибыло 300 волонтеров, которые своими словами и своим примером подействовали на добрых граждан: заставили их ободриться и оказать сопротивление разбойничьему сброду. Эти храбрые люди проявили мужество, терпение и удивительную дисциплину. Желая жить в братстве со всеми патриотами, они в то же время готовы к непримиримой борьбе против бандитов и анархистов. В этой борьбе они видят свою миссию, и они уже успели доказать, что сумеют ее выполнить. «Закон или смерть!»—вот их боевой клич,

и этот клич должен сделаться лозунгом всех республиканцев, которые не продались Питту [1]).

«Мы уже сообщали, что Марат писал вчера утром. Но это еще не все. Этот проходимец имел еще кроме того наглость вчера в якобинском клубе назвать Ролана действительным виновником происшествий, которые им самим вызваны.

«Нам приходится также выразить наше изумление по случаю полной бездеятельности генерального совета коммуны во время разгрома. Хотя это учреждение допустило грабежи, оно, подчиняясь давлению трибун (мест для публики), не могло набраться духу, чтобы принять меры для их подавления: оно боится, что во всякий момент может сделаться жертвой анархии, которую оно само взрастило, разожгло и разнуздало».

На следующий день в парижском коммунальном совете при обсуждении происшествий нашлись некоторые члены совета, которые оправдывали нападения на пекарни ужасным голодом в бедных городских кварталах и указывали на то, что, несмотря на эту нужду, из многих лавок ничего не было украдено, за все было заплачено, хотя и по более низким ценам, чем существовавшие в данное время. Охваченная яростью, руководящая жирондистская газета пишет по этому поводу:

«Разбойники всегда найдут хвалителей. Даже во дворце генерального совета парижской коммуны восхваляли умеренность и скромность грабителей, а также порядок во время грабежей... Восстановлением порядка назвали эти грабежи... И Робеспьер в клубе якобинцев прочитал адрес о причинах этих грабежей. Пошлость этого адреса по всей вероятности объясняется отчаянием, которое он проявил по тому поводу, что его народ забавляется столь «пустяковыми экспедициями».

Пусть от голода умирают сотни и тысячи: отнюдь не следует, по воззрению жирондистов, ограничивать или на-

[1]) Вильям Питт (Младший), английский министр-президент, не только покровительствовал происках английской аристократии против французской революции, но и сам стал в 1793 году во главе контр-революционной коалиции держав.

рушать свободу торговли и деятельность крупных и мелких торговцев. Однако голодная масса совершенно не понимала подобной политики. Она сделала революцию; она пролила свою кровь в восстаниях 14 июля и 10 августа; на полях сражений, в борьбе против Австрии и Пруссии она пожертвовала своими сыновьями; до сих пор она не получила никаких материальных выгод от преобразования государственного строя,—и теперь она еще ко всему этому должна голодать, чтобы дать торговцам так называемую надлежащую прибыль! Это превосходило ее понимание. Что же это за партия, которая в воздаяние за все жертвы хочет теперь принудить массу к голоду?

В беднейших кварталах Парижа росло озлобление против бриссотинцев и находило себе выражение в яростных нападках ораторов собраний на «продажных» и состоятельных «пройдох». В устах народа имя «бриссотинец» превратилось в наименование обманщика вообще. И ко всему этому присоединился новый горючий материал. 2 мая 1793 года генеральный совет Парижа на основании декрета, раньше проведенного якобинцами через Конвент, постановил произвести принудительный заем общей суммою в двенадцать миллионов ливров. Назначением займа был набор новых войск для борьбы с контрреволюционным восстанием в Вандее, выдача пособий нуждающимся семьям тех граждан, которые находились на фронте, и образование новых запасов муки. К принудительному участию в займе привлекались парижские граждане с доходом более 1.000 ливров. Когда жирондисты узнали о постановлении парижского генерального совета, не было границ их ярости. Как! Добрые граждане должны допустить, чтобы у них конфисковали часть их имущества для содержания ультра-революционной сволочи! Это было высшим выражением «коммунальной анархии». Все резче становились нападки жирондистской прессы на «разбойников», «убийц», «тиранов», «кровожадных животных». Горы и парижской коммуны. Все более вырастала ненависть беднейшего парижского населения к «изменникам» и «апеллянтам», пока, наконец, борьба не завершилась арестом и казнью вождей жирондистов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дантонисты и их пресса.

Камиль Демулен как журналист и политик.—„Французские и брабантские революции". Камиль Демулен и бриссотинцы.—„Старый Кордельер".

Как деловая буржуазия нашла свое представительство в жирондистской прессе, так беднейшая академическая интеллигенция нашла представительство своих политических воззрений в «Révolutions de France et de Brabant» («Французские и брабантские революции») Камиля Демулена. Основное ядро читателей этого журнала, как и сторонников позднейшей партии дантонистов, составляли так называемые либеральные профессии: громадная часть молодых адвокатов и врачей, литераторы, художники и т. д., академические преподаватели, за исключением университетских светил, пользовавшихся высокими должностями и почестями, и руководителей научных учреждений: они примыкали по большей части к монархическо-конституционной партии.

Гуманистическое образование было в дореволюционной Франции альфой и омегой среднего образования; современность рассматривалась как бы в зеркале классической древности. В связи с этим в литературе последней половины восемнадцатого века пробился своеобразный эстетический культ древности, горячее преклонение перед ее духом, стремление блистать цитатами из римских классиков, проводить постоянные аналогии между тогдашними историческими событиями и римской историей. Вольномыслящая академическая интеллигенция воссоздала для себя в некотором роде идеальный мир по образу и подобию республиканского Рима, искала в нем прибежища для своих надежд и стремлений к возрождению тогдашней Франции и с

этой романтической высоты взирала на возникновение новой революционной эпохи. Но, как ни хорошо знали молодые интеллигенты хронологию греческой и римской истории, как ни прекрасно были осведомлены они в изречениях и рассуждениях древних авторов, они совершенно не понимали устоев, экономического фундамента классической государственной жизни и ее исторической обусловленности. Вся внутренняя борьба в Афинах и Риме для них сводилась к столкновению умов из-за возвышенных принципов общежития, почерпнутых в глубинах человеческого познания. И вот в тогдашней Франции никакой другой слой населения не обнаружил такого слабого исторического понимания материальных факторов классовой борьбы, разбушевавшейся вокруг, никакой другой слой не был до такой степени слеп и глух к выдвигавшимся экономическим вопросам, никакой другой слой, встречаясь с реальными потребностями жизни, не был в таком плену односторонней идеологии, как этот слой революционной академической интеллигенции.

1. Камиль Демулен как журналист и политик.

Во «Французских и брабантских революциях» Демулена с величайшей ясностью отражается общий умственный облик академической интеллигенции,—отражается как в содержании, так и в распорядке материала и в форме, в какой давался этот материал. Издание Демулена едва ли можно считать собственно газетой или журналом: он дает смесь непринужденных по форме литературно-политических фельетонов, к которым в качестве пикантной премии прилагаются мелкие сатирические характеристики и карикатуры. Заняться научным, логическим анализом исторических событий,—к этому Камиль Демулен был неспособен, а об экономических вопросах и фактах у него не было ни малейшего понятия. Вся политика его времени с ее ожесточеннейшей постановкой вопросов для него растворялась, если можно так выразиться, в литературно-сатирических фельетонах и легких беседах. Непринужденно, не

доводя рассуждений до логического конца, он дает обзор происшествий за неделю, если они заинтересовали его, в немногих сатирических замечаниях обрисовывает прения Национального Собрания, набрасывает полную злостных уколов карикатуру на того или иного непонравившегося ему оратора,—а потом от этого предмета внезапно перепрыгивает к каким-нибудь политическим происшествиям в Париже или в провинции, погружается в исторические аналогии и, наконец, обрывает свою беседу несколькими спешно написанными словами или обещает впоследствии продолжить обсуждение под-конец затронутой темы,—но так и не сдерживает этого обещания в ближайшем номере. Его статьи представляют как бы литературно-исторический винегрет, в котором сменяются сатира, насмешка и пафос, фантастические отступления и философские размышления, часто внутренно взаимно не связанные, без всякой попытки углубиться в предмет,—но все написано на элегантном и ярком французском языке. Политический водевиль-попурри.

В работах о французской революции Камиля Демулена нередко называют самым способным и глубоким журналистом этой эпохи. С совершенно такими же основаниями самым глубокомысленным журналистом современной Германии можно было бы назвать Максимилиана Гардена, который отчасти напоминает Демулена по мастерству стиля, хотя Демулен пишет много легче, непринужденнее, и хотя у него редко выступает такая вымученность дикции, как у Гардена. Глубочайшим журналистом революции мог бы назвать Демулена только тот, для кого стиль и острота—все, идейная содержательность—ничто. Тщетно стали бы мы искать у Камиля Демулена глубоких исторических взглядов, понимания экономических проблем, знания французского государственного права, проникновения в народную психику: во всех этих вещах он не понимает почти ничего. Он—искусный стилист, остроумный литератор, но совсем не политик в собственном значении слова и уж совершенно не научный теоретик.

Поэтому даже руководители жирондистского и якобинского движения, родственные Демулену по духу, давали ему, как политику, весьма низкую оценку. Когда в «Друге Народа» от 16 августа 1790 года Марат следующим образом отделал Демулена, он высказал только то, что думали в указанных кругах:

«Несмотря на весь ваш блеск, вы еще неопытны в политике... Вы больше принесли бы пользы отечеству, если бы ваш шаг был увереннее и тверже; но вы в своих суждениях шатаетесь из стороны в сторону, сегодня порицаете то, что одобрите завтра. Вы осыпаете похвалами за ничтожнейшие дела неведомых великих людей. Повидимому, у вас нет представления о таких вещах, как план или цель».

Такие же суждения о Камиле Демулене мы находим в жирондистской прессе. Там признают его талантливость, его остроумие, но относятся к нему, как к enfant terrible, с которым политически не стоит серьезно считаться. В одном из своих писем (от 2 мая 1790 года) Мирабо называет его своим «добрым молодым другом», который, несмотря на свою юношескую запальчивость (fougueux écarts), пользуется заслуженною любовью. И Робеспьер, который очень хорошо относился к Демулену, извиняет перед якобинцами его экстравагантности, заявляя: «В Камиле есть нечто от наивности Лафонтена... Камиль хороший, но избалованный ребенок (un bon enfant gâté), с хорошими задатками, но сбитый с толку дурной средой».

Почти для всех выдающихся политиков французской революции он—капризное «дитя», с той только разницей, что его друзья называют его добрым ребенком, враги—злым. Только новейшим историкам пришло в голову превратить его в великого политика.

Среди ремесленников, торговцев и рабочих журнал Демулена никогда не пользовался сколько-нибудь заметным влиянием. Их не привлекали его мастерство стиля, исторические параллели и остроумная игра слов. Но тем больший круг читателей нашли «Французские и брабантские революции» среди молодых интеллигентов, особенно среди филологов и художников; это—именно тот слой, который, как упомянуто выше, скоро стал оказывать решающее влияние на политическую позицию дантонистов. Если жирондистскую фракцию можно назвать представительницей средней

деловой буржуазии, то дантонистов—представителями академической интеллигенции, не достигшей высоких почестей, и парижского артистического мира. И вовсе не случайность, что большинство сторонников Дантона в Конвенте составлялось из литераторов, художников, актеров и т. д. И точно так же не случайность, что, если исключить немногие верхушки театрального мира, почти все парижские артисты первого, второго и третьего ранга питали симпатии к дантонистам.

Этим социальным характером дантонистов Конвента объясняется тот факт, что они в своих требованиях относительно конституционного устройства шли дальше жирондистов, но, с другой стороны, с антипатией относились к мелкой буржуазии Парижа. От сближения с мелкобуржуазною массой их отпугивало не только самомнение образованности, не только их стремление к ясному наслаждению жизнью, не только жажда вольной жизни для себя, стоявшая в прямом противоречии с проявившимся в части парижского мелкобуржуазного населения пуританско-суровым уклоном, с демонстративной простотой, со строгостью нравов; еще более отталкивало их требование, предъявленное нуждающимся парижским населением к государству и коммуне,—начать посредством экономических мероприятий борьбу против вздорожания жизни. Возложение тягостей на имущества и доходы состоятельных в интересах нуждающихся, приспособление государственного и городского управления к экономическим потребностям низших слоев,—такого рода требования не входили в революционную программу дантонистов. Они хотели уничтожить старый режим, разбить старые цепи, которые до того времени стесняли экономическое развитие и свободное проявление духовных сил личности; они хотели упразднить права цехов и корпораций, которые препятствовали социальному подъему не только лиц, занятых в промышленности, но и буржуазной интеллигенции; они хотели устранить все сословные привилегии и каждому, кто получил необходимое образование, дать возможность подняться до высших государственных должностей. Но политическое преобладание населения, занятого физическим трудом, подчинение интеллигенции массам, проведение налоговой политики, соответствующей интересам этих масс,— все это, по понятиям дантонистов, не подходило к той «свободе», к которой они стремились, все это было бесшабашной анархией.

Дантонисты были добрые почитатели буржуазной собственности. В этом отношении они нисколько не уступали жирондистам. Разница между ними заключалась только в том, что жирондисты хотели бы привлечь особенное внимание к потребностям делового капитала, а дантонисты выдвигали на первый план обеспечение доходов и промысловой свободы. Поэтому жирондисты были ожесточенными врагами созданного Национальным Собранием так называемого «патентного налога», который взимался с торговых и промышленных предприятий и исчислялся по наемной плате за помещения (включая и хозяйственные помещения: магазины, конторы, амбары, погреба и т. д.); но они выступили за то, чтобы сохранить ответственность за долги, т.-е. оставить за кредитором право засадить своего должника в тюрьму. Напротив, дантонисты требовали уничтожения этого права, так как осуществление его воспрепятствовало бы должнику заниматься своим промысловым трудом.

Оставляя в стороне эти различия, объясняющиеся особыми интересами их разнородных сторонников, надо признать, что обе партии обнаруживали одинаковый собственнический фанатизм; более того: мы даже открываем, что жирондистская пресса обвиняла Камиля Демулена в покровительственном отношении к ростовщичеству и азартным играм.

Ни во «Французских и брабантских революциях» Камиля Демулена, ни в его «Vieux Cordelier» («Старый Кордельер») и брошюрах мы не найдем ни малейшего намека на сочувствие социалистическим или даже вообще каким бы то ни было социально-политическим мероприятиям. Республиканское равенство («égalité») он определяет, как «равенство прав». Равенство имуществ, по его воззрениям, невозможно и бессмысленно. Он до такой степени фанатик собственности, что даже отрицает за большинством в государстве всякое право содействовать равномерному распределению собственности (как движимой, так и земельной): такое начинание противоречило бы естественному праву.

«Выше общей воли,—пишет он,—стоит естественный закон, общественный договор. Поэтому у большинства никогда не может быть права провести аграрный закон»[1]).

Следовательно, по воззрениям Камиля Демулена, государство ни в каком случае не имеет права,—даже в том случае, если этого требует большинство граждан,—взять у крупных землевладельцев часть их земель и передать их для обработки голодающим мелким крестьянам. Эту точку зрения разделяет и Дантон. 20 сентября 1792 года, когда открылся Конвент, Дантон потребовал, чтобы, прежде чем приступить ко всякому обсуждению конституции, Конвент заявил: «Всякого рода владение должно на вечные времена оставаться неприкосновенным».

«Братство» («fraternité») Демулен определяет как благотворение и человеколюбие, а свобода («liberté»), пишет он в своем «Vieux Cordelier» («Старый Кордельер»), есть не что иное, как неприкосновенность принципов, получивших выражение в декларации прав человека.

2. „Французские и брабантские революции".

Насколько Камиль Демулен не был политиком и до какой степени не мог он охватить сложившееся политическое положение в целом, это он показал в первом же номере своего еженедельника (28 ноября 1789 года). Реакция, начавшаяся после 6 октября, все более расширялась и упрочивалась. В парижском городском управлении неограниченно царила состоятельная деловая буржуазия и, пользуясь военным законом, который дало ей Национальное Собрание, подавляла все революционные стремления. Узда на прессе затягивалась все туже, все общественные собрания разгонялись национальной гвардией. Утомленный постоянной борьбой против мероприятий парижского коммунального совета, Лустало жаловался в своем еженедельнике «Парижские революции»:

[1]) Под „аграрным законом" разумели закон, который декретировал бы раздел крупных дворянских имений между беднейшим деревенским населением.

«До чего мы дошли! Свобода, восходившая в таком блеске, омрачена новой аристократией, аристократией наших представителей. За короткое время муниципальная власть перешагнула все границы; коммуна теперь—ничто, муниципалитет—все...»

А Национальное Собрание было, пожалуй, еще более захвачено реакционным потоком. 22 октября оно в одно заседание провело драконовский военный закон, а в последовавших затем прениях об избирательном цензе все более сужало круг граждан, располагающих активным и пассивным избирательным правом.

И вот в таком-то положении Демулен писал:

«Consummatum est: все сделано. Король в Лувре, Национальное Собрание в Тюильри. Каналы сношений, одно время забитые заторами, очистились, рынок перегружен мешками, национальная касса наполняется, мельницы работают, изменники бегут, попы повержены на землю, аристократия при последнем издыхании, планы разных Мунье и Лалли разрушены, провинции идут рука об руку и не хотят раскалываться, конституция подписана, патриоты победили. Париж избегает угрозы банкротства,—голода он уже избежал,—равно как и угрожавшего ему уменьшения населения. Париж на пути к тому, чтобы сделаться царем городов, и блеску столицы скоро будут соответствовать величие и блеск Франции.

«После поражения Персея, в тот момент, когда Поль Эмиль (автор имеет в виду Павла Эмилия) поднялся со своей триумфальной колесницы и вступил в храм Юпитера Капитолийского, у врат к нему обратился посол одного азиатского города, прибывший с поручением к сенату, и произнес следующее приветствие: «Римляне, теперь во всем мире у вас нет больше врагов; вам, подобно богам, теперь остается только управлять миром и взять на себя попечение о нем».

«Точно так же теперь, обращаясь к Национальному Собранию, можно было бы сказать: «У вас нет врагов, нет противников, вам уже не приходится страшиться вето. Вам остается только управлять Францией, вести ее к счастью и давать ей такие законы, чтобы все народы последовали вашему примеру и увидали себя вынужденными перенести эти законы на свою почву и ввести их у себя».

«Конечно, Национальное Собрание не непогрешимо, как папа и люттихский альманах, но мы будем почитать его и отнюдь не будем раскалываться. Я могу вас заверить, дорогие читатели, что если оставить в стороне немногих, как, напр., господина аббата Мори и виконта Мирабо[1]), которые помышляют умереть нераскаянными, Собрание заметно очищается от дурных граждан. Господина Туре[2]), которого хотели бы восстановить против нас, спасает его талантливость. Он умертвил питона. Туре почти примирил меня с Нормандией,—и вот мы сделали его президентом. Д'Эпремениль больше не говорит[3]). Не прозрел ли он и не пришел ли к большему пониманию? На небе больше возрадуются об одном раскаявшемся грешнике, чем о 99 праведниках».

Так судил Камиль Демулен о положении в конце ноября 1789 года; и эта оптимистическая оценка—не какое-нибудь исключение. Для его ясной, жизнерадостной натуры солнце играет на небе. Правда, по временам его охватывают,—как часто случается с людьми настроений,—пессимистические опасения, и тогда от радости и восторгов он, взирая на мир, быстро переходит к юмору человека, готовящегося к виселице. Однако темные облака омрачают его политический горизонт лишь на короткое время, а потом опять улыбается ниспосылающее жизнь лучезарное солнце. Так, через три недели после приведенных рассуждений Камиль Демулен, высмеивая Мунье, вождя аристократов-конституционалистов, только что заявившего Национальному Собранию об отказе от своих депутатских полномочий, пишет:

«Они не обманываются. Проблема великой республики разрешена. Я с каждым днем все более изумляюсь понятливости рабочих и простых поденщиков. Мудрость пригорода Сент-Антуан все возрастает. Мы большими шагами приближаемся к республике. У демократов уже большинство; но они слишком сильно любят свое отечество для того, чтобы ввергнуть его в гражданскую войну. Подождем еще несколько лет, тогда мы подсчитаем голоса,—тогда разум без кровопролития одержит победу».

[1]) Андре Бонифаций Луи Рикетти виконт де-Мирабо, за свою толщину прозванный „Мирабо-Бочка“, младший брат графа Оноре Габриеля Мирабо.

[2]) Жак Гильом Туре, депутат третьего сословия от Руана, тянувший к монархическо-конституционной партии.

[3]) Жан-Жак Дюваль д'Эпремениль, представитель „Парижа за чертой стены“.

Буквально ничего не понимает Камиль Демулен в экономических вопросах своего времени; он по большей части просто уклоняется от их обсуждения. Но если их обойти невозможно, он придерживается мнений тех из своих парламентских друзей, которые, как ему кажется, наиболее понимают дело; однако в своем стремлении сказать что-нибудь остроумное и оригинальное он часто доводит их мнения до такой крайности, что они превращаются в комические парадоксы. Так было, напр., с его рассуждениями по вопросу о выпуске ассигнат.

2 ноября 1789 года по предложению Талейрана Национальное Собрание постановило объявить владения духовенства национальной собственностью и конфисковать их, но зато возложить на государство обязанность на свои средства содержать церковь и ее служителей. А 19 и 21 декабря 1789 года Национальное Собрание высказалось за продажу этих «национальных имуществ», взятых у духовенства,—этим способом оно хотело покрыть государственные долги и добыть средства на возрастающие расходы. Но общее политическое и экономическое положение, казалось, не благоприятствовало быстрой вольной распродаже земель; кроме того, опасались падения земельных цен от слишком большого предложения. Ввиду этого напали на мысль о выпуске предварительных свидетельств на национальные имущества, так называемых ассигнат. Декретом от 21 декабря 1789 года было постановлено, что сначала должно быть выпущено на 400 миллионов ливров пятипроцентных ассигнат (каждая по 1.000 ливров). Из них 100 миллионов ливров ассигнат предполагалось погасить уже в 1791 году, дальнейшие 100 милл.—в 1792 году и остальные в три приема: 80, 80 и 40 миллион. ливров предполагалось погасить до конца 1795 года.

Но этот план в данное время не получил осуществления. 17 марта 1790 года вопрос об ассигнатах опять был поставлен на обсуждение в Национальном Собрании, и, наконец, декреты от 16 и 20 апреля положили начало выпуску ассигнат на 400 миллионов ливров. Однако Собрание постановило изготовить билеты не только по 1.000 ливров, но и по 200 и

по 300 франков. Только в конце июня 1790 года были выпущены первые ассигнаты.

Эти постановления вызвали оживленную полемику в печати. Особого внимания заслуживает большая, в 15 страниц, статья, напечатанная в № 41 (25 апреля) «Парижских революций» («Révolutions de Paris»). Она исследует вопрос об ипотечном обеспечении ассигнат национальными имуществами и о влиянии их выпуска на денежное обращение.

Однако 400 миллионов ливров ассигнат оказалось недостаточно для того, чтобы удовлетворить долговые требования, предъявлявшиеся к государственной кассе. Уже в конце июля 1790 года возникло предположение о новом выпуске ассигнат, на этот раз на 2 миллиарда ливров. В сентябре 1790 года Национальное Собрание увидало себя вынужденным обратиться к этому проекту нового, более крупного выпуска ассигнат.

Революционная пресса высказалась за новый выпуск, но с некоторым сомнением отнеслась к размерам предположенной суммы и к выпуску мелких купюр. Наиболее основательные соображения, продиктованные прежде всего интересами мелкой буржуазии и рабочих, были высказаны в статье «Об ассигнатах», напечатанной в № 62 «Парижских революций». Газета—за увеличение числа ассигнат, но ей хотелось бы предотвратить превращение их просто в бумажные деньги. Следует мало-по-малу выпускать такое количество ассигнат, какое может быть поглощено обращением, необходимо сохранить за ними характер ипотечных свидетельств. Значит, не следует выпускать ассигнат больше, чем на соответствующую сумму, которая во всякий данный момент может быть реализована от продажи национальных имуществ. Но в особенности выступает газета Прюдома против плана выпустить в обращение большое количество ассигнат номинальной стоимостью от 24 до 100 ливров. Благодаря этому, полагала редакция «Французских революций», около ассигнат развернется спекуляция, ажиотаж, особенно «во время войны с иностранными державами или внутренних восстаний»; кроме того, массовый прилив таких мелких ассигнат в мелкую торговлю легко может оказать влияние на цены этой торговли и на заработную плату. Не следует выпускать ассигнаты ценою ниже 200 ливров (около 200 довоенных рублей на современные деньги. *И. С.*), ибо,—так дословно говорится в статье,—«если самая низкая номильная стоимость билета ассигнат 200 ливров, тогда заработную плату всегда придется выдавать серебряной монетой; в руки к народу не перейдут бумаги, обладание которыми не принесет ему никакой выгоды, и вместе с тем на него не ляжет риск разного рода».

Для Камиля Демулена не существует всех этих сомнений, которые позже, с развитием системы, построенной на новых и новых выпусках ассигнат, получили столь полное оправдание. К интересам слоев, которые жили заработной платой, он был вообще равнодушен, а об иных печальных последствиях, которыми могло сопровождаться наводнение рынка ассигнатами, у него не было ни малейшего понятия. Так, он не просто приветствовал проект выпустить на 2 миллиарда ливров новых ассигнат, видя в этом «спасение отечества»; он, кроме того, требовал, чтобы больше ассигнат было выпущено стоимостью от одного луидора до 200 ливров,—ибо, утверждал он, благодаря этому увеличится количество мелких собственников, и им будет дана возможность превратиться в землевладельцев.

В № 42 своего «Еженедельника» он говорит дословно следующее:

«Мы должны приняться за дело: приходится производить платежи. А так как для этого у нас нет никаких фондов, то мы вынуждены распродавать их (национальные имущества). Но, не выпустив ассигнат, мы не можем провести этой распродажи в сумме на 2 миллиарда. Теперешнее монетное обращение от этого не пострадает, ибо водоворот ажиотажа поглотит все, что могло бы остаться. Если мы не станем так действовать, то на развалинах мелких частных имуществ возникнут колоссальные состояния,—но ведь процветание государства вызывается тем, что собственность широко распределена. Пусть для капиталистов пригодны свидетельства государственных займов: для народа необходимы ассигнаты, соответствующие его потребностям и его покупательной силе. Поэтому необходимо, чтобы были выпущены также серии стоимостью от одного луидора до 200 ливров, столь же различных достоинств, как монета. Этим способом мы разрушим ажиотаж и освободим наши национальные иму-

щества от происков rue Vivienne[1]). Так мы достигнем выгодной продажи и придем к тому, что число мелких имуществ во много раз увеличится. Этот результат вне всяких сомнений наступит по отношению и к землевладению, и к национальному богатству. Не работаем ли мы над тем, чтобы посредством свободы восстановить равенство?—Но мы не хотим такого распределения земли, как предпринятое Ликургом. А в этом отношении что может быть целесообразнее, чем предоставление малосостоятельным людям возможности приобрести мелкие участки земли? Мы хотим содействовать именно тому, чтобы плоды попадали в руки беднейших».

К теоретико-политическим рассуждениям Демулен тоже обращается неохотно. До чрезвычайности кичась своими журналистскими способностями, он прежде всего старается блеснуть; стиль для него—все. Нет способа лучше понять разницу между ним и Маратом, как если сравнить, до какой степени различно отмечали и комментировали они повседневные события политической жизни. Вот один пример. Назначенный мэром Парижа, Бальи не только все стал обставлять великою помпой, но и усвоил в своих «приказах» повелительный тон, заимствованный от прежних королевских эдиктов. Это вызвало неудовольствие и насмешки среди его демократических противников, и, когда в одном приказе по полиции Бальи опять начал «повелевать», Марат (в №№ 78 и 79 своего журнала) резко выступил против этой манеры. Он протестовал против этого «нового языка» и, напомнив свои прежние заявления, утверждал, что мэр сосредоточивает в своих руках слишком большую власть, перечислил его главные функции и потребовал их разделения.

Демулен—совершенно иначе. Ему не приходит в голову хотя бы вкратце познакомиться с правами мэра и вообще обратиться к ознакомлению с существом его функций. Любовь господина Бальи к помпе дает ему материал для историко-эстетической болтовни:

«Почему перед его каретой гвардейские кирасиры, а позади лакеи в ливреях?.. Почему мэр все еще заставляет город уплачивать ему такое содержание (по 110.000 ливров)?

[1]) На этой улице помещались крупнейшие банкирские фирмы.

Я приношу ему благодарность за то благородное самосознание, с каким он требовал для себя от министра здание полиции[1]). Однако стены этого здания не заметили, что их господа сменились. Предоставь, мой дорогой Бальи, предоставь дорогие ковры сатрапам Фарнабаза. Сидя на земле, Агезилай диктовал великому царю Персии свою волю. Предоставь эту внешнюю помпу монархам и сановникам церкви. Суеверие трона и алтаря нуждается в процессиях, церемониймейстерах, декорациях и зрелищах, импонирующих черни. Вспомни о 23 июня, о том дне, который должен быть для тебя незабвенным, когда ты после королевского заседания» (Генеральных Штатов, объявивших себя Национальным Собранием) «без гвардейцев и лакеев шествовал через ряды теснившейся народной массы, которая, громко выражая свой восторг, приветствовала президента Национального Собрания. Те принцы, которые за несколько часов до того, в каретах, запряженных восьмеркою лошадей, окруженные толпою гвардейцев и камердинеров, явили картину истинно-азиатской роскоши,—какими маленькими были они по сравнению с тообй, которого сопровождала любовь народа. Я до сих пор принадлежу к числу твоих истинных почитателей; я знаю, с каким уважением обязан я относиться к твоему положению, какой признательностью обязан я платить тебе за твои таланты и твои заслуги. Но именно потому, что ты занимаешь столь высокий пост, я не допущу, чтобы ты бесчестил его».

Конечно, острые выпады, зорко высматривающие слабое место противника, часто действовали много сильнее, чем были бы в состоянии подействовать основательные рассуждения, тем более, что Камиль Демулен очень искусно умел усваивать народно-сентиментальные тоны и воздействовать на чувство. Маленьким образцовым произведением в этом роде была, напр., его критика ограничения избирательного права:

[1]) Сделавшись мэром, Бальи добился того, что ему было предоставлено в качестве здания мэрии здание полиции на Quai les Orfevres. Позже, когда мэром сделался Петион, последний перенес мэрию в монастырь капуцинов на Boulevard des Capucines.

«Только одно мнение существует в столице относительно декрета о марке серебра» (т.-е. о предоставлении пассивного избирательного права уплачивающим не менее одной марки прямых налогов). «Этот декрет дает Франции аристократическое правительство. Это—величайшая победа, одержанная плохими гражданами в Национальном Собрании. Чтобы оценить всю бессмысленность декрета, достаточно указать, что согласно ему не могли бы быть избраны такие люди, как Руссо, Корнель, Мабли. И вы, презренные жрецы, вы, безголовые и пронырливые бонзы,—разве не видите вы, что нельзя было бы избрать и вашего бога? Вашего Иисуса Христа, из которого вы со своих аналоев делаете бога, с трибуны вы превращаете в «низкую чернь». Ваш бог был пролетарий; он не мог бы сделаться активным гражданином. Вы должны были бы по крайней мере уважать бедность, которую он произвел в дворянство. И что вы так часто кричите нам в уши слово «активный гражданин»? Активные граждане—те, которые возделывают поля, между тем как дворяне и жрецы—паразитическое отродье, подобно тому евангельскому древу, которое не приносило плодов и было ввержено во огнь».

В своей критике больших заседаний Национального Собрания и в своей полемике с газетами противников Демулен тоже почти никогда не обращается к действительному существу спора. Его средство борьбы,—не опровержение, а высмеивание и всяческие инсинуации. Если, напр., на обсуждение поставлен законопроект, ограничивающий права духовенства, то Демулен, следуя своей обычной саркастической манере, высмеивает монастырскую жизнь, слабость аббатов к прекрасному полу и т. д.; если дело идет о законе против дворянства, то он обращается к скандалезной хронике двора. Как полемизирует он против газет противников, примером тому может служить следующая цитата:

«Этот господин Панкук[1])—настоящий Янус среди журналистов: его газета в восьмую долю листа, его «Меркурий», это—двойник аббата Сабатье: его глаза, его руки, его рот

[1]) Издатель газет Панкук, в издании которого появлялись „Французский Меркурий“ и „Национальная газета“.

(sic oculos, sic ille manus, sic ora ferebat); его газета форматом in folio, «Национальная газета», это—пламенный патриот, рубака, который спешит на помощь брабантцам. Нет другого более страшного цепа для аристократии»...

Еще резче выступает Камиль Демулен против самого редактора «Французского Меркурия», против историка Малле дю-Пана, которого он насмешливо называет Малле Пандю (развязный Малле). В № 10 насмешливо говорится:

«Раньше в нем знали просто беспринципного человека, но с того времени, как он каждые восемь дней взлезает на краковское дерево [1]) и целый час томит оттуда толпу лентяев рассказами о повышениях, церемониях, торжествах и тому подобных придворных глупостях и получает за это от издателя Панкука 12.000 ливров,—с того времени, он прочно превратился в аристократа и заболел столь же неизлечимо, как Мори [2]). Он притупляет жало конституции и возмущается против тех, кто борется с заговорами. Не он ли сравнивал однажды жалобы философов и патриотов с криком гиен, которые, говорил он, подражая человеческому голосу, заманивают проходящих, чтобы растерзать их. Мы столь счастливы, что эта гиена до сих пор нападала только на проходимцев, на попиков, откупщиков налогов, изворотливых крючкотворов, блюдолизов и позволяла себе кормиться ими по праву возмездия».

Камиль Демулен, по своей натуре типичный представитель артистической богемы, был решительным противником размышлений Руссо о равенстве,—как и очень многие из тех интеллигентов и художников, которые впоследствии примкнули к дантонистам. Под равенством он всегда разумеет только равенство перед законом, но отнюдь не равенство имуществ или доходов. Он никогда не мог понять учения Руссо, что политическую свободу можно сохранить лишь при том условии, если граждане живут приблизи-

[1]) Намек на одно из тех больших деревьев в парке Пале-Рояля, под которыми собирались жаждущие новостей. В народных устах дерево называлось l'arbre de Cracovie.

[2]) Жан Сиффрейн Мори, депутат духовенства от Перонна, приор в Лионе и королевский придворный проповедник, вождь реакционеров в Национальном Собрании.

тельно в однородных условиях, если никто не имеет ни слишком много, ни слишком мало; и точно так же не любил он спартанско-суровых тенденций, получивших господство среди некоторой части радикальных якобинцев, отрицательно относился к требованию подчинения личности интересам целого и к требованию сильной государственной власти. Свобода, это было для него прежде всего свободой индивидуальной жизни, свободой проявления собственного «я». Поэтому он часто предавался насмешкам над суровыми склонностями некоторых якобинцев и обычными для них ссылками на Спарту и ее конституцию. Вот пример:

«Вся мудрость Ликурга заключалась в том, что он принуждал своих сограждан ко всевозможным лишениям. Однако искусство заключается не в том, чтобы отнимать у людей удовольствия, а в том, чтобы предотвращать злоупотребления. Конечно, великая заслуга Ликурга в том, как он изгонял дух стяжательства из своих лакедемонян, вводя медные деньги: тысяча франков в таких деньгах, которую мы в настоящее время без всяких неудобств носим с собою в кармане в виде билета казначейства, наполнила бы дом по самую крышу. И столь же великая заслуга в том, как он сыром и ужасной похлебкой приучал спартанцев к умеренности, и как исцелял супругов от ревности, сделав почетным звание рогоносца, и как искоренял честолюбие изобретением общего стола (table d'hote) по 10 су за прибор. Правда, Мабли все это находит заслуживающим удивления, однако это похоже на то, как если бы любовную страсть стали излечивать бритвой. В действительности мы не имеем никаких оснований так восторгаться успехом Ликурга. Он похож на врача, который хочет поддержать здоровье диэтой и водой. Но можно ли представить себе что-либо более ужасное, чем необходимость вечно сидеть на диэте и пить одну только воду? «Теперь я не удивляюсь»,—сказал один сибарит, проживший только день в Спарте и после того приказавший немедленно запрягать лошадей, чтобы тотчас же продолжать поездку,—«я уже не удивляюсь презрению этих людей к смерти! Да кто, чорт возьми, будет страшиться смерти в стране, в которой каждый был бы рад поскорей избавиться от собачьей жизни!» Ликург сделал

своих лакедемонян равными таким же способом, как буря уравнивает тех, кого она приводит к кораблекрушению. У нас нет никакого тяготения к подобному равенству».

До бегства короля в Варенн Камиль Демулен направлял свои сатирические стрелы преимущественно против Лафайета, Бриссо, Малле дю-Пана и вождей аристократическо-конституционной партии; Людовика XVI Капета он считал менее опасным, чем Марию Антуанетту, и потому по большей части игнорировал его. Но после своего вынужденного возвращения король превратился в главную мишень для остроумия Демулена. Первый же номер, выпущенный по возвращении Людовика (№ 82), начинается, напр., следующими насмешками:

«Когда Людовик XVI опять вступил в свои покои в Тюильри, он бросился в плетеное кресло и воскликнул: «дьявольски жарко!» Потом он сказал: «однако выдалась проклятая поездка», и затем: «уже давно все идет кругом у меня в голове», и, наконец, обращаясь к присутствовавшим национальным гвардейцам: «а и глупую же штуку я выкинул,—я вижу это. Ну, что ж, и мне приходится разыгрывать комедии, как другим. Скажите, чтобы мне подали жареную курицу». Появился один из его камердинеров. «А, так это ты; как видишь, я опять здесь...» Ему принесли жареную курицу. Он пьет и ест с аппетитом короля страны с молочными реками, с кисельными берегами,—совершенно так же, как делал во все время своей поездки. В карете, которая должна была доставить его в лагерь заговорщиков, люди, опечатывавшие вещи, заметили большой ящик. Они подумали, что в нем хранятся важнейшие тайны, по меньшей мере бриллианты короны. Каково же было их изумление: вместо клада, они нашли—судна к ночным горшкам. Это было, несомненно, впервые, что пришлось опечатывать ночные горшки. О, этот счастливый темперамент! Как говорит Фонтенель, первые необходимые условия счастья—дурное сердце и хороший желудок. Поэтому, быть может, счастье для народа, что его скотоподобный король, породу которого столь озабоченно стараются сохранить для нас,—просто свинья. Однако в дей-

ствительности в нем много больше от натуры тигра или гиены с глазами крота, а это позволяет окружающим его зверям пользоваться его когтями».

С величайшей решительностью требует Камиль Демулен, чтобы король был предан суду за оскорбление нации. В № 84 своих «Французских и брабантских революций» он ставит вопрос: «Что делать с ним?» Ответ гласит: на Людовика XVI следует смотреть как на человека, накрытого на месте преступления, посадить его под арест, отделить его от жены и предать гласному государственному суду.

Перед побегом Людовик оставил манифест, в котором он не скрывал своих истинных чувств. Он решительно выступил против всего, что было сделано за два года, и в самых резких выражениях нападал на Национальное Собрание, на новую конституцию и на парижское население. Он обвинял Собрание в том, что оно уничтожило его наследственные права, отняло его владения и заставило утвердить совершенно неприемлемые для него постановления. Он говорил, что парижское население держало его в неволе и наносило ему оскорбления, что он не может жить на 25 миллионов ливров, предоставляемых ему по цивильному листу, что он уходит в надежде в другом месте найти свободу, которой нет для него в Париже.

Камиль Демулен писал:

«Так как побег и манифест короля представляют оскорбление нации, если только когда-либо существовало такое преступление, то необходимо начать дело по обвинению в оскорблении нации перед судьями высшего национального трибунала. Это даст возможность отправить в отставку не играющий никакой роли орлеанский суд [1]), который столь превосходно доказал, что я был не прав, пренебрежительно отозвавшись о Париже: что касается республиканских убеждений, другие города отстали еще больше, чем Париж. Лучше всего было бы поручить это дело национальному судебному учреждению, заседающему в Париже, вместо того, чтобы назначать комиссию для расследования происшествия и в роли такой комиссии выдвигать трибунал Тюильри, который в качестве домашнего суда заседает под собственной крышей Людовика XVI».

[1]) Орлеанский суд функционировал одновременно и как суд по „преступлениям против государства" (государственная измена).

После избиения республиканцев на Марсовом поле (17 июля 1791 года) Камиль Демулен вместе с некоторыми другими политиками и журналистами, как уже неоднократно упоминалось, был вынужден скрываться бегством. На № 86 «Французских и брабантских революций» он временно приостановил свою деятельность, но напоследок посвятил в этом самом номере переполненный сарказмами прощальный привет генералу Лафайету, «паяцу двух миров». В статье говорится:

«Освободитель двух миров, утонченнейший цветок среди вождей янычаров, единственный среди начальников альгвазилов, Дон-Кихот Капетов и двухпалатной системы, звезда белого коня. Первым же моментом, как только я ступил на свободную землю, я пользуюсь для того, чтобы послать вам мой отказ от звания журналиста и национального цензора, чего вы требовали от меня с давнего времени, и швырнуть его под ноги господина Бальи с его красным знаменем. Я чувствую, что мой голос слишком слаб для того, чтобы его услышали из-за неистовств ваших 30.000 шпионов и столь же многочисленных охранников, чтобы его услышали из-за грохота ваших 400 барабанщиков и ваших пушек, заряженных картечью... Я уже раньше говорил: не подобает римлянам сходить на арену, чтобы на потеху распущенных рабов бороться там с дикими животными...»

Несмотря на то, что Демулен всегда уклонялся от внимательного исследования экономических и юридических вопросов, выдвинутых революцией, некоторые историки, как упомянуто выше, возвеличивают в Камиле Демулене не только ловкого журналиста и художника стиля, но и великого политика. Это понятно. Кто не видит всей исторической обусловленности великой революционной драмы в конце XVIII века; кто не понял экономической подоплеки разразившейся тогда борьбы и классового расслоения, проявившегося в ней,—для того остается незамеченной и не-

способность Демулена уразуметь проблемы, выдвинутые великой классовой борьбой того времени, тот не замечает, что Демулен никогда не умеет ориентироваться в сложившемся политическом положении, и что его суждения, благодаря этому, всегда самым жестоким образом опровергаются последующими событиями. Приведем только один пример того, как судят о Демулене отдельные историки. Карл Бруннеман, известный биограф Робеспьера, пишет в своих «Skizzen und Studien zur französischen Revolutionsgeschichte» (стр. 56):

«Впрочем «Французские и брабантские революции» так же не приобрели той популярности, к какой стремился Демулен, как позднейший журнал, «Le vieux Cordelier» («Старый Кордельер»), который издавался Демуленом в 1793 и 1794 годах, как орган умеренных дантонистов в Национальном Конвенте, и в котором он после падения жирондистов стоял в оппозиции к Робеспьеру. Это обстоятельство было последствием его высшего образования и его развитого вкуса. Его журналы были рассчитаны поэтому более на образованную публику и находили в ней читателей, хотя не могли конкурировать с другими газетами того времени. Например, «Revolutions de Paris» («Парижские революции») Лустало насчитывали до 20.000 подписчиков, между тем как Демулен постоянно говорит только о двух батальонах читателей своей газеты... Впрочем дело объясняется просто. Чтобы понимать и с удовольствием читать «Парижские революции» Лустало, требовалось уменье только читать, требовалось обладать здравым рассудком и быть хорошим патриотом. Но чтобы понимать журналы Демулена и развить вкус к ним, — для этого требовалось нечто большее».

После того как миновал короткий период реакции, наступившей после избиения на Марсовом поле, Камиль Демулен выпустил дальнейшие 18 номеров своих« Французских и брабантских революций» и потом вместе со своим другом Станиславом Фрероном, редактором «Orateur du Peuple» («Народный трибун»), основал «Tribune des Patriotes» («Трибуна патриотов»), еженедельный журнал размером

в три листа (формат—восьмая доля листа). Но, вопреки ожиданиям, журнал привлек лишь немногих подписчиков, и газета закрылась уже после четвертого номера.

3. Камиль Демулен и „бриссотинцы".

В 1790 году, после того как Камиль Демулен порвал свои связи с Мирабо, он и Бриссо сделались добрыми друзьями. 20 декабря 1790 года, когда Камиль вступил в брак со своею «Люсилью», свидетелями на-ряду с Робеспьером были Бриссо, Петион, Мерсье, бывший соредактором Карра в «Патриотических летописях» («Annales patriotiques»), и маркиз Силлери, агент герцога Луи Филиппа Жозефа Орлеанского [1]). Бриссо часто бывал у Демулена. Но дружба столь различных характеров продолжалась недолго. Как уже сказано, Бриссо во время своего пребывания в Англии усвоил многие воззрения английского буржуазного радикализма. Несмотря на свой стиль,—старательное подражание античным образцам,—Бриссо был в общем довольно трезвенным, рассудочным политиком. В нем было нечто от английских дельцов-политиков,—пожалуй, можно бы сказать: от английских политиков-купцов. Это был «человек фактов», который занимался изучением экономических и финансовых отношений и принадлежал к числу лучших знатоков вопросов тогдашней торговой и колониальной политики. Напротив, Камиль Демулен был человек чувства и литератор-художник, мало интересовавшийся фактами. Работа над трудными политическими или экономическими вопросами представлялась ему своего рода насилием, нарушением его индивидуальности. В известном смысле можно сказать: Бриссо был в политике превосходно осведомленным дельцом, а Камиль— жизнерадостным оптимистом-художником.

Совершенно естественно, что даже при сходстве во многих воззрениях они оба не могли сколько-нибудь продолжительное время доставлять удовольствие друг другу, тем

[1]) В первом Национальном Собрании маркиз Булар де-Силлери был представителем дворянства от Реймса; но он примыкал к решительным либералам. Его женой была известная графиня Жанлис (по первому мужу), любовница герцога Орлеанского.

более, что Бриссо по отношению к обидчивому Демулену часто усваивал тон превосходства. Дружба между ними быстро охладела, и уже в апреле и мае 1791 года, как указано в главе седьмой этой работы, Бриссо и Демулен в своих газетах жестоко обрушивались друг на друга. Это повторилось еще несколько раз, и прежняя дружба превратилась в ожесточенную ненависть.

В январе 1792 года суд полиции осудил несколько парижских банкиров и владельцев игорных притонов за устройство последних и за вовлечение в азартные игры. Дело было довольно мелкое. Но Демулен, который пользовался всяким случаем, чтобы заставить говорить о себе, воспользовался им и, так как его газета не выходила, распорядился расклеить на углах улиц красные плакаты, в которых он защищал банкиров. Бриссо в свою очередь не мог упустить такого удобного случая нанести удар противнику. В своей газете он, приписав отдельным фразистым местам плаката несколько иной смысл, чем они имели в действительности, самым жестоким образом высмеял Демулена. Это довело Демулена до крайних пределов бешенства. Он отправил несколько писем во «Французский патриот» и потом написал знаменитую брошюру: «Jean Pierre Brissot démasqué» («Разоблаченный Жан Пьер Бриссо»): сочинение, вызвавшее великую сенсацию в Париже и сыгравшее известную роль в истории французской революции.

О действительном разоблачении Бриссо этой брошюрой говорить не приходится. Демулен выступает в сущности с голословными обвинениями, догадками и всего чаще — с весьма сомнительными выводами из того, что писал Бриссо в газетах. В первую очередь Демулен развивает свою собственную точку зрения на азартные игры, а потом переходит к своим воззрениям на уголовное право. Его мысли сводятся к положению: закон должен как можно меньше вторгаться в сферу личной свободы; каждый имеет право следовать, насколько возможно, своим индивидуальным влечениям и делать, что ему хочется, если только это не представляет угрозы для общественной жизни. Как можно меньше должен вмешиваться закон в

сферу семейных отношений, отношений мужа к его жене и детям. В Париже, полагает он, господствуют нравы греческой колонии Сибариса, и было бы ошибкой применять здесь спартанские законы. «Париж подкупен не менее, чем Рим во времена Югурты; эта истина бесспорна, ибо один из несомненнейших симптомов испорченности—тот, что нигде не возвышаются великие характеры, что все умы представляются нивелированными, как стертые монеты, долго бывшие в употреблении».

Затем Демулен обрушивается с резкими нападками и обвинениями на Бриссо и утверждает, — не приводя ни одного доказательства,—что Бриссо состоял на службе у полиции, называет его «coquin» (плутом) и «Тартюфом патриотизма», который пользуется патриотизмом просто как средством для того, чтобы играть политическую роль. Особенно сильно нападает Демулен на Бриссо за его восхваления Лафайета и делает из них тот вывод, что Бриссо несомненно состоял на службе у генерала. Дальше приводятся всевозможные выдержки из «Французского патриота», и получается тот результат, что патриотизм Бриссо— сплошное лицемерие. Вывод—совершенно произвольный, так как в действительности из всего следует только одно заключение: именно, понятие Бриссо о свободе шло только до тех пределов, до каких позволяли интересы состоятельной буржуазии.

Брошюра довела до крайних пределов вражду между Демуленом, с одной стороны, и Бриссо и ближайшими друзьями последнего,—с другой. Однако было бы неправильно исключительно этим эпизодом объяснять ту позицию, которую позже, по открытии Конвента, дантонисты заняли в борьбе жирондистов против робеспьеристов. Такие люди, как Дантон и Эро де-Сешель, не позволили бы вести себя на поводу какому-нибудь Камилю Демулену. И Дантон в первое время довольно индифферентно относился к начавшейся борьбе между жирондистами и радикальными якобинцами; но жирондисты в конце концов сами заставили дантонистов выступить против них: во-первых, своим стремлением ослабить выдающееся влияние Парижа на историю Франции, свести его к роли такого же фактора, как вся-

кий другой из 82-х департаментов; и, во-вторых, своим «федералистическим» проектом, который стремился управление отдельных департаментов сделать по возможности самостоятельным, т.-е. независимым от парижского центрального правительства. Это требование стояло в соответствии с интересами жирондистов, так как их приверженцы преобладали в большинстве торговых и мануфактурных городов, их опора лежала вне Парижа. Напротив, хотя дантонисты находили многих сторонников и среди интеллигенции крупнейших городов Франции, однако главный их опорный пункт был в Париже. К этому присоединилось еще вызывающе грубое поведение в Конвенте председателя-жирондиста Иснара, но прежде всего—требование жирондистов о предании суду подстрекателей к сентябрьским убийствам, в которых выдающееся участие приняли Дантон и часть его приверженцев. Конечно, дантонисты ни в каком случае не могли согласиться на подобную самокастрацию; они должны были оказать свое содействие в свержении жирондистов.

В этой борьбе против Жиронды Камиль Демулен был величайшим ненавистником Бриссо. В апреле 1793 года борьба между жирондистами и вождями якобинцев явно стала близиться к решению; Бриссо обратился к своим избирателям со своим письмом-пасквилем, направленным против якобинских вождей. И вот Демулен изъявил тогда полную готовность выступить 2 и 19 мая в якобинском клубе с обвинительной речью против «бриссотинцев» и раскрыть все их политические преступления [1]). По постановлению якобинского клуба речь была расширена в брошюру: «Histoire des Brissotins ou fragment de l'histoire secrète de la Révolution ou des six premiers mois de la République» («История бриссотинцев, или отрывок из тайной истории революции, или первых шести месяцев республики»). Эпиграфом на ней стояло: «Est-ce que des fripons la race

[1]) Демулен по своей обычной манере острить уже раньше от имени Бриссо произвел глагол „бриссотствовать"—мошенничать, тайком плутовать,—и существительные „бриссотинец"— мошенник, обманщик, и „бриссотаж",—плутовство.

éternelle?» («Неужели же плуты—вечная порода?»). Эта брошюра была отпечатана в «патриотической и республиканской типографии» якобинского клуба (Rue St. Honoré, 355) и получила огромное распространение.

В этой брошюре с величайшею ясностью отражается политическое миросозерцание не только Демулена, но также и его политических единомышленников. Он начинает ее низким обвинением Бриссо в государственной измене,—в свое время и сам Бриссо выдвигал его против вождей парижской демократии. Жирондисты, утверждает Демулен, находились в союзе с заграницей, в особенности с Вильямом Питтом, английским министром-президентом.

«Питт хотел отомстить за ту помощь, которую Верганн оказал англо-американским инсургентам [1]). Но после 10 августа к великому неудовольствию Питта и Бриссо обнаружилось, что оба они в своем стремлении к свободе зашли дальше, чем требовалось бы для Англии. И потому Питт и Бриссо постарались теперь тормозить. Почти 4 года тому назад генерал Диллон с трибуны Учредительного Собрания уверял, что, как он доподлинно знает, Бриссо—агент Питта и дует в свою трубу, оплачиваемый английским министром. Тогда этому не придали особенного значения, так как Диллон принадлежал к правой. Но все, кто следил за наступлениями и отступлениями Бриссо, с появления первых его работ об отношении к чернокожим и к колониям, вплоть до оставления Голландии и Бельгии, едва ли станут оспаривать, что в его многочисленных томах не найдется ни одной страницы, которая не была бы направлена к выгодам Англии и ее торговли и к разорению Франции.

«Может ли кто-нибудь опровергнуть то, что я показал в одной речи, которую, верно, еще помнит якобинское общество? В этой речи, которую я посвятил политическому положению при начале работ Законодательного Собрания, я говорил, что наша революция 1789 года была просто сдел-

[1]) Главным образом, благодаря стараниям графа Шарля де-Верганна, который в 1774 году стал во главе французского министерства иностранных дел, Франция поддерживала северо-американцев в их борьбе за независимость против Англии.

кой, налаженной между английским министром и частью дворянского меньшинства, при чем одна часть принялась за дело в надежде вытеснить версальское дворянство из его замков, дворцов и сановного положения и овладеть всем этим, а другая часть хотела произвести смену наших повелителей и в первую очередь—наградить нас двумя палатами и конституцией по английскому образцу».

Затем Демулен обрисовывает поведение Мирабо, Лафайета, Шапелье, Деменье, Барнава и т. д. в вопросах об избирательном праве и о конституции и представляет дело таким образом, как будто жирондисты Бриссо, Бюзо, Ролан и Петион были их верными политическими последователями:

«Понемногу все они были побеждены; роялиста Мори победил Мунье с его двумя палатами, Мунье с его двумя палатами был побежден Мирабо с его абсолютным вето, Мирабо—Барнавом с суспенсивным вето, Барнав—Бриссо, который не хотел никакого иного вето, кроме своего собственного и своих друзей; все эти проходимцы, один за другим исторгнутые из среды якобинцев, в конце концов очистили место Дантону, Робеспьеру и Ленде, депутатам от всех департаментов, монтаньярам Конвента, краеугольным камням республики, стремления которых никогда ни на один момент не имели никакой иной цели, кроме политической и личной свободы гражданина, кроме конституции, достойной Солона и Ликурга: единой и нераздельной республики, блеска и возвышения Франции,—конечно, не невозможного равенства собственности, а равенства прав и благоденствия...»

Потом Демулен переходит к политическому поведению Бриссо и обрисовывает его стремление добиться власти:

«Долгое время единственным вашим планом было достигнуть господства. Для вас было безразлично, будут ли орудиями вашего честолюбия короли, генералы или лакеи. Вы постоянно упорно поддерживали все и всякого, что по самой своей природе противоречит духу общественности и республики...»

«В народе вы видите только средство успешно провести для вас восстания. Сослужив свою службу для того, чтобы произвести революцию,

пусть он возвращается во прах. После того с ним уже не считаются. Вы хотели бы оставить за ним только одно: чтобы он позволил руководить собою тем, кто мудрее его и кто хочет снять с него заботы управления. Все ваше поведение продиктовано вам преступными принципами...»

«Вы требуете доказательства вашего честолюбия и того, что вы хотите фейльянтизировать государство [1]). Не вы ли, Бриссо, с помощью Ролана и не Ролан ли с вашей помощью основали тот комитет общественного мнения, посредством которого водворилась постоянная система клеветы [2])? Кто же сомневается в том, что именно сочинения Ролана еще до созыва Конвента создали в большинстве департаментов отвратительное предубеждение против Парижа и его депутатов?...»

Дальше Бриссо, Ролан, Луве, Петион обвиняются в общем заговоре с герцогом Орлеанским (Филиппом Эгалите); в качестве доказательства делается ссылка на их сношения с маркизом Силлери, агентом герцога. Между прочим рассказывается, что Петион совершил одну поездку в Лондон вместе с женой Силлери, что Силлери, с согласия Бриссо, Рабо, Верньо и Ласурса, в конце сентября 1792 г. был послан вместе с Карра комиссаром в военный лагерь в Шалоне и т. д. Дальше Демулен обвиняет жирондистов в том, что они знали об измене генерала Дюмурье, и, наконец, обвиняет различных жирондистских вождей в том, что они использовали свое положение для противозаконного обогащения. Так, например, относительно Петиона говорится:

«Разве это не факт, что в течение того времени, когда Петион был мэром Парижа, он получал от министра иностранных дел по 30.000 франков в месяц,—сумма, которую

---

[1]) Глагол, образованный от слова „фейльянт“,—название умеренных либералов. Оно означает стремление подчинить государство воле фейльянтов.

[2]) Во времена своего министерства Ролан не только поддерживал жирондистскую прессу денежными средствами, но и основал для поддержки жирондистской политики официозное бюро печати, „Bureau d'esprit public“, которое самым бесстыдным образом создавало настроение в пользу жирондистских вождей и вело борьбу с радикалами; 21-го января 1793 года Конвент постановил закрыть это бюро.

Дюмурье, называвший себя вернейшим слугой короля, едва ли стал бы давать ему на учреждение республики [1]). Тысяча франков в день! После этого я не удивляюсь, что Петион проявлял такую предупредительность по отношению к правой стороне генерального совета коммуны; я уже не удивляюсь, что он воспротивился отпечатанию той речи, которую я держал за 14 дней до 10 августа (1792 года); я не...удивляюсь теперь, что он живет в павильоне Водрейля [2]) и с тех пор всегда появляется только в черном сюртуке, постоянно в костюме представительства,—совершенно так, как подобает состоящему на пенсии у правительства...»

Брошюра Демулена подтверждает то, что было сказано уже в начале этой главы: ни одна партия не обнаруживала такого слабого исторического понимания материальных мотивов классовой борьбы, бушевавшей кругом, и никакая другая партия не была в таком плену у своей односторонней идеологии, как партия дантонистов. Самые выдержанные либеральные индивидуалисты, большинство дантонистов, и прежде всего Демулен, постоянно прилагали к политической позиции своих противников мерку своих собственных воззрений. Люди бывают или хорошие, или плохие. Если они хорошие, то они присоединяются к дантонистской политике; если же они борются против этой политики и в то же время уверяют, что они добрые патриоты и стремятся к благу нации, то это может означать только одно: они—лицемеры и обманщики, которые преследуют какие-нибудь личные выгоды. Идеологу Демулену был совершенно непонятен тот взгляд, который мы встречаем у Лустало, Шометта и Марата: что человек находится «под влиянием обстоятельств», или, как мы сказали бы в настоящее время, что его существо и его воззрения зависят от окружающей его среды. Для Демулена все имеет личный, персональный характер. Отделить дело от личности—это превосходит его способность к абстракции. Он не в силах понять, что Бриссо, познакомившийся с абсолютизмом старого строя во Франции, бежавший после того в Англию и нашедший здесь гостеприимную почву, превратился в горячего почитателя английских учреждений и, подобно многим тогдашним французским и германским ученым, стал переоценивать степень предоставляемой ими свободы. В этом предрасположении Бриссо,—которое, действительно, заходило так далеко, что он рассчитывал на союз Англии с революционной Францией,—Демулен видел только доказательство, что Бриссо подкуплен Питтом. И, дальше, если Бриссо пользуется мелкой буржуазией и рабочими для того, чтобы выиграть уличные сражения, расчищающие для буржуазии путь к власти, но потом старается всеми способами ограничить влияние народа на законодательство и городское управление, то это для Демулена не просто последствие буржуазных политических воззрений Бриссо, а несомненное свидетельство, что Бриссо—политический лицемер, проходимец без убеждений, поведение которого продиктовано «преступными принципами».

Так как ненависть между жирондистами и монтаньярами дошла до крайних пределов, то брошюра произвела такое действие, как взрыв бомбы.

Столкновение между Жирондой и Горой, между департаментской и парижской политикой подготовлялось давно. Уже 23 сентября 1792 года, представляя Конвенту свой отчет, Ролан потребовал, чтобы была сформирована особая стража для защиты Конвента,—явным образом для охраны его от воздействия парижских масс. На следующий день был сделан новый шаг в том же направлении: предположено сформировать в 83 департаментах вооруженную силу и предоставить ее в распоряжение Конвента. Все это было в то же время средством восстановить департаменты против Парижа: представить его городом, где Конвенту угрожает постоянная опасность. Агитация жирондистов против революционной диктатуры Парижа приносила свои результаты. Административные власти департамента Фи-

[1]) То, что утверждает здесь Демулен, представляет пустую сплетню. Относительно Петиона никогда не было доказано, чтобы он пользовался для себя общественными средствами. Обвинение, быть может, вытекает из того, что как жирондистское министерство Дюмурье, так и позднейшее министерство Ролана при выборах и по другим важным поводам затрачивало значительные суммы для того, чтобы обработать массу в жирондистском духе. Возможно, во всяком случае, что и Петион, как жирондистский мэр Парижа, получал такие средства и употреблял их в интересах своей партии. От всего обвинения остается только одно: Петион любил разыгрывать из себя светского человека и кичился своей должностью.

[2]) Имеется в виду дворец, который был построен Водрейлем и в котором раньше жил Водрейль.

нистер 10 октября обратились к секциям Парижа с адресом следующего содержания: «Граждане, кровь должна проливаться только под мечом закона, произвольные гонения должны навсегда исчезнуть в стране свободы. Один город не в праве предписывать законы всей республике... Неужели вы думаете, что мы разбили цепи деспотизма и королевской власти только для того, чтобы снова принять их из рук этих гнусных интриганов, желающих диктатуры или триумвирата (захвата власти Дантоном, Робеспьером и Маратом)?.. Не доверяйте агитаторам, которые обманывают вас. Дайте Национальному Конвенту возможность спокойно работать над конституцией, которую он приготовляет для нас. Если он не найдет этой возможности среди вас, то другие города сумеют ее обеспечить для него». Авторы этого адреса клялись «не признавать никакой другой власти, кроме Национального Конвента, и умереть, защищая ее».

Так же угрожающе звучал адрес от департамента Кальвадос, прочитанный в Конвенте 20 октября: «Горе той части республики, которая захотела бы управлять всем по своему усмотрению! Она скоро узнала бы, что у великой семьи существует только единая воля, перед которой всякий частичный интерес должен отступить... Отныне всякий, кто не будет уважать законов, найдет своего Сцеволу, если не встретится раньше этого с секирою преторов. Законодатели, будьте в Париже Катонами, а мы будем здесь Брутами!»

Угрозы стали близиться к осуществлению. Департаменты начали посылать Конвенту извещения об отправке в Париж своих национальных гвардейцев. Они приходили сюда для того, чтобы образовать департаментскую охрану Конвента, за составление которой последний еще не высказался окончательно. По вызову жирондиста Барбару пришел между прочим для защиты Конвента от «ультра-революционеров» Парижа батальон федератов из Марселя, составленный из буржуазной молодежи. Уже 21 октября эти федераты заявили перед решеткой Конвента, что они сумею охранить его от «агитаторов, стремящихся к диктатуре». Расхаживая по улицам Парижа, федераты распевали песню, в которой они требовали головы Марата, Робеспьера, Дантона и всех, кто станет на их защиту.

Монтаньяры («Гора») постарались завоевать федератов. В своем клубе они предоставили для них особые места. 9 января 1793 года они отдали свой зал для утренних собраний и совещаний федератов. Но уже через 4 дня депутация федератов потребовала и получила разрешение от Конвента «охранять представителей французского народа». Однако депутация была только от части федератов. Другие сближались с генеральным советом коммуны (революционная городская дума Парижа, возникшая во время восстания 10 августа 1792 г.), которая стояла на стороне монтаньяров, и вместе с коммуной и якобинским клубом устраивали манифестации, направленные против жирондистов: сжигали произведения Ролана, требовали ускорения казни Людовика,— словом, заявляли о своем сочувствии политике монтаньяров. Федераты быстро «опарижанивались»,—проникались политическими настроениями парижских масс.

Жирондисты надеялись, что общие выборы дадут им возможность разделаться с революционной коммуной. Но эти выборы, происходившие в декабре 1792 года, дали большинство монтаньярам. Шомет и Гебер, самые непримиримые противники жирондистов, сделались прокурором и товарищем прокурора новой коммуны.

Движение в департаментах против политического преобладания Парижа все разрасталось. Администрация департамента Финистер уже потребовала изгнания из Франции, а следовательно, и из Конвента Марата, Робеспьера, Дантона, Шабо, Базира и прочих монтаньяров и приглашала другие департаменты отправить в Париж вооруженную силу. Из Верхней Лауры предлагали Конвенту оказать ему помощь в борьбе против парижской коммуны. Другие департаменты уже набирали вооруженные силы, готовые двинуться в поход на Париж.

Но в городах провинции, как и в Париже, развертывалось противоположное движение: один клуб за другим требовал исключения из Конвента жирондистских депутатов, которые разными способами отсрочивали решение участи Людовика XVI.

В начале марта 1793 года пришли известия о первых поражениях, которые потерпела от пруссаков и австрийцев армия, бывшая под предводительством генерала Дюмурье, ставленника жирондистов. 9 и 10 марта, произошли первые выступления парижских масс, направленные к тому, чтобы удалить жирондистов из Конвента. Движение не было организовано. Никто из вождей Горы не принимал в нем прямого участия. Федераты из Финистера преградили доступ к Конвенту. Лишенное всякого плана и организации, движение потерпело неудачу.

Скоро пришли первые вести о волнениях в Анжу и Пуату. Это было началом контр-революционного восстания Вандеи, крестьянство которой шло за роялистами. Пользуясь содействием

эмигрантов и в особенности Англии, которая снабжала вандейцев оружием, это восстание потребовало от революционной Франции громадного напряжения сил. Дюмурье, потерпев жестокое поражение от австрийцев, сбросил маску. Он заключил с австрийцами перемирие, чтобы развязать себе руки. Он хотел двинуться на Париж, разогнать Конвент, восстановить умеренно-либеральную конституцию 1791 года и объявить королем герцога Шартрского. Армия за ним не пошла. Когда ей сделался известным декрет Конвента, объявившего изменника вне закона, Дюмурье пришлось спасаться от армии бегством к австрийцам.

Великое возбуждение против Жиронды охватило парижские массы. 15 апреля произошла грозная манифестация против жирондистов. Мэр Паш во главе представительства 35 секций (районов) Парижа явился перед решеткой Конвента с требованием, чтобы 22 выдающихся жирондистских депутата были изгнаны из Конвента и лишены своих полномочий. Петиция требовала, чтобы этот вопрос получил окончательное решение через народное голосование в соответствующих избирательных округах. Жирондисты, которые совсем недавно требовали, чтобы на народное голосование было передано утверждение смертного приговора Людовику XVI, конечно, высказались против петиции, и она была Конвентом отвергнута.

После открытой измены Дюмурье парижская коммуна усвоила властный, почти диктаторский тон. Решительной ее делало растущее революционное настроение масс, которые волновались в особенности вследствие увеличивавшейся продовольственной разрухи. Требование такс на продовольственные продукты делалось грозным и настоятельным. Мэр, муниципальные советники и власти департамента собрались в зале якобинского клуба, выработали соответствующую петицию и 18 апреля представили ее Конвенту. Конвент передал петицию в комиссию земледелия. В тот же день, вечером, генеральный совет коммуны «объявляет себя на революционном положении до тех пор, пока продовольственные средства не будут обеспечены». Конвенту пришлось пойти на уступки: в начале мая он установил таксы на хлеб («максимум»).

Парижская коммуна приняла меры с той целью, чтобы парализовать жирондистскую агитацию в департаментах. 29 апреля она обратилась ко всем коммунам Франции с торжественным манифестом, в котором о жирондистах говорится, между прочим, следующее: «Они, эти вероломные, желавшие привести в Париж департаментские силы и окружить народных представителей преторьянской стражей, чтобы господствовать над нами посредством террора и преследовать осуществление своих честолюбивых замыслов, обманулись в своих расчетах. Эти департаментские волонтеры, которых они, не дожидаясь декрета о создании этой стражи, сумели привести в Париж и своими россказнями раздражить и настроить против жителей Парижа, проведя с нами несколько дней, поразившись ясно выраженными гражданскими чувствами, которые они заметили в этом огромном городе, и очарованные братским и искренним приемом, оказанным им этими воображаемыми мятежниками, отреклись от всех своих предубеждений и вступили с нами в торжественный союз, который заставил трепетать лицемерных агитаторов». Чтобы укрепить связи и сделать их постоянными, коммуна предлагала учредить бюро для регулярных сношений с 44.000 муниципалитетов и коммун провинции. Манифест оправдывает коммуну от обвинений в стремлении к диктатуре. Дело, по его словам, сводится к тому, что «так как Париж стоит ближе к событиям, так как он—центр, где заканчивается большинство пружин политической машины, то на нем лежит только больше обязанностей».

Но в департаментах преобладали жирондистские влияния. 14 мая перед решеткой Конвента был прочитан адрес граждан Бордо, которые заявляли, что они двинутся на Париж, если «карающий декрет» не предотвратит необходимости их выступления на защиту Конвента. Повсюду против Горы подготовлялся поход. Решение приближалось.

Секции образовали комитет, заседавший в городской думе. Выделенная из его состава коллегия, заседавшая в епископском дворце, начала подготовку к восстанию. Коммуна открыто ступила на революционный путь. Она, не считаясь с законами, сама назначила временного главнокомандующего национальной гвардией. В ответ на это Жиронда уже на следующий день внесла в Конвент свои предложения: во-первых, распустить коммуну и, во-вторых, созвать в Бурже депутатов-заместителей в том случае, если бы Конвент был уничтожен. По всей вероятности, большинство Конвента приняло бы оба предложения. Но здесь Баррер от имени Комитета Общественного Спасения предложил назначить следственную комиссию из 12-ти членов для расследования «преступлений» коммуны и ее «заговора» против Конвента. Это предложение, отсрочившее решение, было принято Конвентом. По докладу комиссии, представленному 24 мая, Конвент постановил усилить свою стражу и арестовать некоторых должностных лиц муниципалитета, в том числе и Гебера.

На следующий день, 25 мая 1793 года, депутация от коммуны потребовала от Конвента освобождения Гебера и получила от председательствующего Иснара следующий ответ, напоминавший угрозы в манифесте герцога Брауншвейгского: «Если, благодаря этим непрерывно возобновляющимся восстаниям, будет нанесен удар народному представительству, то я объявляю вам от имени всей Франции, что после того тщетно будут искать на берегах Сены места, где стоял Париж». Дантон, действовавший примирительно, хотел заставить Конвент отмежеваться от этих угроз; но Конвент присоединился к ним в принятой им формуле перехода к очередным делам. Однако 27 мая Комитет Общественного Спасения добился того, что Конвент постановил освободить Гебера и даже распустить комиссию двенадцати, которая вызвала величайшее негодование парижских масс. Тем не менее настроения жирондистов каждый день изменялись в зависимости от их учета соотношения сил. Поэтому уже 28 мая Конвент объявил недействительными свои постановления предыдущего дня и, хотя оставил выпущенных на свободе, однако восстановил комиссию двенадцати.

Обе стороны готовились к столкновению. Началу решительным действиям было положено не в Париже, а в провинции, и не монтаньярами, а жирондистами. 29 мая жирондисты Лиона, в согласии с административными властями департамента Роны и Луары, восстали против монтаньярской лионской коммуны. Произошло кровопролитное сражение. Победу одержали жирондисты, которых поддерживали все умеренные и правые, до крайних роялистов включительно. Начались расправы с монтаньярами. Их лидер Шалье через $1^1/_2$ месяца был гильотинирован.

Париж значительно позже узнал о лионских событиях. Но и без того монтаньяры Парижа знали, что если они не выступят первые, то жирондисты выберут наиболее благоприятный момент, чтобы нанести удар.

Комиссия, заседавшая во дворце епископа, начала действовать. В ночь на 31 мая она распорядилась ударить в набат. В $6^1/_2$ час. утра 31 мая она отправилась в здание городской ратуши (думы) и от имени революционных секций Парижа распустила генеральный совет коммуны, — но только затем, чтобы тотчас же восстановить его от имени тех же секций. Таким образом было показано, что впредь этот совет сохраняет свои полномочия только в силу революционного права. То же самое было повторено с советом и директорией (управой) парижского департамента. Анрио был назначен временным главнокомандующим всех вооруженных сил. Почта была занята восставшими, почтовые курьеры арестованы, почтовые сумки захвачены и распечатаны. Восставшие быстро овладели Парижем.

Конвент собрался при первых звуках набата и вызвал для объяснений парижского мэра Паша и представителя власти от департамента Парижа. Те заявили, что происходит не вооруженное восстание, а лишь «моральная революция», т.-е. все сводится к стремлению оказать политическое давление на Конвент. Они предложили окончательно упразднить комиссию двенадцати. Жирондист Верньо предложил отложить это дело до расследования происшедших событий и обратиться ко всему Парижу за поддержкой против коммуны. Париж скоро высказался: депутации от всех секций явились в Конвент и потребовали не только уничтожения комиссии двенадцати, но и ареста 22-х жирондистских депутатов Конвента. Депутации от секций ворвались в самый зал заседаний и расселись на депутатских местах. Верньо заявил, что при таких обстоятельствах решения Конвента не могут быть свободными, и вышел из зала, но никто не последовал его примеру. Робеспьер решительно потребовал исполнения предложений, сделанных от имени секций Парижа. Конвент отказал в аресте жирондистских депутатов, но постановил уничтожить комиссию двенадцати. Восставшие удовлетворились этим постановлением. По предложению Барреpа, Конвент в полном составе вышел брататься с народом. Все, казалось, было кончено.

Однако руководители восстания видели, что действительное решение только отсрочено. К вечеру в тот же день, 31 мая, парижская коммуна снова решила потребовать ареста 22-х депутатов Жиронды. 1 июня ударили в набат, снова собрался Конвент. Он постановил, что обвинители обязаны представить доказательства.

День 2 июня открылся выступлением парижского народа с оружием в руках. Это была уже не «моральная революция». На рассвете Анрио, в распоряжении которого было до 100.000 вооруженных с 10 орудиями, велел окружить Тюильри, где заседал Конвент. Никто не мог выйти из зала. Конвент был в плену. Заседание открылось сообщениями о росте вандейского восстания. Затем Ланжюине потребовал распущения всех революционных властей Парижа и отмены их постановлений. При сложившихся обстоятельствах это предложение приобретало провокационный характер. В Конвенте произошли бурные сцены. Явилась новая депутация от коммуны и заявила: «Необходимо исключить и временно арестовать заговорщиков. Необходимо

немедленно спасти народ, иначе он найдет способы и сам спасет себя». Депутация заявила, что это требование предъявляется в последний раз. Сначала Конвент постановил передать вопрос в Комитет Общественного Спасения. Последний предложил обвиняемым депутатам временно сложить полномочия. Но этому приглашению последовали только Иснар, Лантенас и Фоше. Возбуждение возрастало. У дверей зала появились вооруженные, которые отталкивали депутатов, собиравшихся выйти. Так было сделано и с членом Комитета Общественного Спасения Делакруа. Он заявил страстный протест. Все Собрание, поднявшись, присоединилось к протесту. Баррер заявил, что своей головой ответит тот дерзкий, кто осмелится посягнуть на свободу народного представителя. Это был ясный намек на Анрио. Конвент потребовал его к решетке. Анрио не повиновался. Баррер предложил, чтобы Конвент в полном составе вышел на улицу и успокоил народ. «Народные представители,—говорил он,—перенесите ваше заседание на улицу и заставьте опуститься перед вами штыки, окружающие вас». Марат поспешил предупредить Анрио, чтоб тот не отпускал Конвент до тех пор, пока он не удовлетворит всех требований коммуны. Эро-Сешель, вышедший во главе Конвента, попытался воздействовать на войска. Анрио коротко ответил ему, что народу наскучило все это краснобайство. А когда Эро-Сешель стал убеждать национальных гвардейцев арестовать своих офицеров, как бунтовщиков против народного представительства, Анрио, вместо ответа, скомандовал: «Канониры, к орудиям!» Два орудия направились на Конвент, и депутаты, осмеянные, униженные, побежденные, возвратились в зал заседаний и, по предложению Кутона, постановили арестовать не 22 депутата, как первоначально предполагалось, а 29, список которых окончательно был тут же составлен. В числе этих 29 были: Жансоне, Гаде, Бриссо, Петион, Верньо, Барбару, Бюзо, Рабо Сент-Этьен, Ланжюине, Луве и министры Лебрен и Клавьер. Ролан заблаговременно скрылся и аресту подверглась г-жа Ролан. Все они были оставлены пока под домашним арестом «под порукою французского народа и Национального Конвента, а также чести парижских граждан». 13 июня Конвент в своем постановлении заявил, что «парижские граждане могущественно содействовали спасению свободы и поддержанию единства и нераздельности республики». Дни 31 мая и 2 июня были признаны национальными праздниками.

Иначе отнеслась к перевороту провинция. В департаментах

поднялось грозное движение против Парижа,—так-называемое федералистическое движение, стремившееся сократить политическую роль Парижа. Многие из депутатов, подлежавших аресту, бежали и начали раздувать негодование департаментов против Парижа. До двух третей всех департаментов восстало против Парижа,—против Конвента, каким он сделался 2 июня. На стороне последнего остались старая Франция,—центральные департаменты,—и почти все города, за немногими исключениями.

Сначала положение казалось безнадежным. 13 июня Конвент узнал, что Бюзо начал гражданскую войну в департаменте Эр, и что здесь подготовляется вооруженная сила в 4.000 человек для похода против Парижа. Департамент Кальвадоса посадил в тюрьму двух эмиссаров Конвента. Не имея в своем распоряжении достаточных сил для борьбы с восстанием, Конвент пока просто издавал декреты против мятежников и старался переговорами выиграть время.

Самое тяжелое положение было на юге. Уже 7 июня департамент Жиронды фактически начал восстание. Он собрал вооруженную силу и заявил, что созовет Национальный Конвент в Бурже, где он будет пользоваться полной свободой. Департаменты Гар и Устьев Роны также восстали. В департаментах Верхней Гароны и Эро только муниципалитеты и народные клубы помешали присоединиться к «федералистическому» движению. Обособленный благодаря этому, департамент Жиронды довольно быстро был вынужден подчиниться власти Конвента. Несравненно дольше затянулась борьба в долине Роны. Только 25 августа армия Конвента вступила в Марсель,—в тот самый момент, когда роялисты готовились сдать его англичанам.

Еще дольше сопротивлялся Лион. На требование сдаться он 9 августа ответил отказом. И, хотя во главе своей национальной гвардии он поставил роялиста Преси, он заявлял о своей преданности республике. Армия Конвента по своей малочисленности не могла обложить Лион со всех сторон. Эмиссар Конвента Дюбуа-Крансе попробовал устрашить лионцев бомбардировкой, но вызвал ею только новый подъем боевой энергии. Пришлось значительно усилить армию и начать правильную осаду. Только 9 октября 1793 года республиканская армия вступила в Лион. Преси с наиболее выдающимися вожаками восстания сумел прорваться через линию осаждающих и ушел в Швейцарию.

Еще труднее было справиться с Тулоном. Здесь 28 августа провозгласили восстановление королевской власти и объявили королем Людовика XVII. Тогда же Тулон передался англича-

нам. Пришлось начать правильную осаду, во время которой особенно выдвинулся командовавший артиллерией Наполеон Бонапарт. Только 19 декабря 1793 года удалось овладеть городом.

Восстание началось, как жирондистское, но чем дальше, тем больше оно приобретало монархическую окраску. Негодование народных масс в Париже дошло до таких пределов, что Комитет Общественного Спасения и Конвент увидали себя вынужденными пожертвовать виднейшими из заключенных жирондистов. Декретом от 3 октября 1793 года все арестованные депутаты были преданы суду революционного трибунала и, кроме того, вновь арестованы 75 членов Конвента, подписавшихся под протестом против событий 2 июня. Процесс начался 24 октября. Обвиняемых было 21, в том числе Бриссо, Верньо, Жансоне, Карра и Ласурс. 30 октября присяжные объявили, что они на основании заслушанных свидетельских показаний уже пришли к достаточно ясному убеждению, и признали подсудимых виновными «в заговоре против единства и нераздельности республики, против благоденствия и безопасности французского народа». Прокурор Фукье-Тенвиль потребовал смертного приговора. В тот же день он был вынесен и приведен в исполнение 31 октября. Г-жа Ролан, тоже осужденная революционным трибуналом, была гильотинирована 8 ноября. Через два дня покончил с собой бывший министр Ролан. Рабо Сент-Этьен был гильотинирован 5 декабря. Кондорсе покончил самоубийством 29 марта 1794 года. Депутаты, поднявшие гражданскую войну в провинции, подверглись решительным преследованиям. Некоторым удалось бежать. Салль и Гаде были гильотинированы в Бордо 19 июня 1794 г., Барбару—25 июня. На другой день в поле близ Сент-Эмильона были найдены трупы Бюзо и Петиона, наполовину съеденные собаками. Бывший министр Лебрен был приговорен к смертной казни 27 декабря 1793 г., а его сотоварищ Клавьер покончил с собою в тюрьме 8 декабря 1793 года. Таким образом Жиронда была уничтожена не только политически, но в значительной степени и физически.

Камиль Демулен чувствовал себя победителем. Как рассказывает якобинец Прюдом, издатель «Парижских революций», в своей «Общей беспартийной истории заблуждений, ошибок и преступлений, совершенных во время французской революции» («Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la révolution française», V, стр. 129), когда появилась изложенная выше брошюра Демулена, последний сказал ему: «Эта книга даст бриссотинцам право на гильотину,—я ручаюсь за это». Нет возможности проверить, насколько правилен этот рассказ. Обычной болтовне мемуаров я придаю лишь малую ценность; но и помимо рассказа Прюдома, из тяжести обвинений, выдвинутых Камилем Демуленом против жирондистов, а также из старательно, точно рассчитанной остроты его нападок видно, что он хотел нанести уничтожающий удар Бриссо и его политическим единомышленникам.

4. „Старый Кордельер".

После низвержения жирондистов стремительно стал приближаться к решению резкий антагонизм между политическими воззрениями дантонистов, с одной стороны, и той радикальной мелкой буржуазией, которая захватила господство в Париже. И едва лишь 31 октября вожди жирондистской партии были гильотинированы, как дантонисты уже приготовились к борьбе против парижских «ультра-революционеров». С дантонистскими воззрениями на свободу совсем не мирились возрастающий перевес радикальных мелко-буржуазных элементов в парижском городском управлении, их атеистическая пропаганда и еще более—их налоговая политика, все сильнее обременявшая состоятельных. В ноябре 1793 г. Камиль Демулен при участии своих партийных единомышленников и некоторых якобинских вождей, в том числе и Робеспьера, который перед печатанием просматривал два первых номера журнала, основал свой «Vieux Cordelier» («Старый Кордельер») [1]; первый номер вышел 5 фримера во второй декаде года второго (15 декабря 1793 года). Уже название журнала было программой: предостережением против новодемократического направления, усвоенного клубом кордельеров, и защитой его прежней умеренной политической позиции.

В своих «Oeuvres de Camille Desmoulins, recuellies, publiées d'après les textes originaux» («Сочинения Камиля Демулена,

[1] Клуб кордельеров заседал в одном францисканском монастыре, от которого и получил свое название.

составленные и изданные на основании оригинальных текстов», т. II, стр. 137), Жюль Кларети рассказывает, будто чувство милосердия заставило Камиля Демулена выступить в своем «Старом Кордельере» против «ультра-революционеров» («крайних революционеров») коммуны. Он сообщает, будто Дантон и Демулен, возвращаясь с процесса против жирондистов, увидали, как заходящее солнце позолотило воды Сены, которая казалась совсем красной. И здесь Дантон, будто бы, сказал: «Посмотри-ка на реку,—какая она красная! Не кажется ли тебе, как будто она течет кровью?» И этот вопрос, будто бы, произвел такое впечатление на мягкосердечного Камиля, что в глубине души он решил основать новое периодическое издание и начать в нем борьбу против эксцессов революции.

Удивительная история! В работах по истории французской революции находишь целые вороха самых красивых легенд, и прежде всего А. Ламартин в своей «Истории жирондистов» (имеется и русский перевод книги. *И. С.*) обнаруживает богатый талант сказочника. Тем не менее приведенный рассказ Кларети может смело померяться с прекраснейшими сказками Ламартина. Но откуда взял господин Кларети эту историю? У господина Лаба. А откуда Лаба взял ее? Он «слышал» ее,—следовательно, получил от какого-то рассказчика. Замечательно надежный исторический материал! Эдмон Бире в своем «Journal d'un Bourgeois de Paris pendant la Terreur» разрушил много исторических легенд; в четвертом томе своей работы, посвященном «падению дантонистов», он сделал то же самое и с этой трогательной историей и, приведя целый ряд неопровержимых доказательств, показал, что она выдумана. Да и слишком комичен сам по себе этот рассказ! Ведь достаточно просто напомнить, кто такое был Камиль Демулен. В своих «Парижских и брабантских революциях» он подвергает своих политических врагов самой беспощадной травле; в своей брошюре «Разоблаченный Жан Пьер Бриссо» он выступает прямо с кровавыми нападениями на недавнего друга своего дома; после того для своего журнала «Tribune des Patriotes» («Трибуна патриотов») он избирает эпиграф Сенеки: «Нет жертвы выше и приятнее для Юпитера, чем если принести ему в жертву царя» («Victima haud ulla amplior potest magisque optima mactari Jovi quam rex»); перед 2 сентября 1792 года в качестве секретаря Дантона он оказывает содействие террористическим планам последнего; после начала процесса против Людовика XVI он требует его казни,—не в виду политической необходимости, как требуют другие, а по некоторой театральной рисовке; наконец, он написал упомянутую выше брошюру, которая была ударом кинжала для жирондистов. И вот этот самый Камиль Демулен настолько содрогнулся от ужаса при виде Сены, окрашенной красными лучами заката, что для выражения своей жалости он основывает «Старого Кордельера» («Vieux Cordelier»)! Но не знаменовало ли основание журнала начало борьбы против парижской коммуны, и мог ли Камиль Демулен, который только-что увидал результаты своей агитации против жирондистов, ожидать иного результата от своего похода против коммуны?

Стоит только учесть хотя бы эти соображения, и будет ясно, какую ценность имеет красивая история, рассказанная Кларети.

Но Дантон? В июне 1793 г. он вступил во второй брак с 16-летней Луизой Жели, и во всяком случае не исключается возможность, что этот брак предрасположил его к некоторому мягкосердечию. Однако нет ни малейших оснований и для такого предположения. Ведь 17 сентября 1793 г. Дантон голосовал за «закон о надзоре» («Loi des suspects»),—закон, дававший революционному трибуналу полномочие без всякого промедления подвергать аресту подозрительных лиц и, если бы не оказалось достаточного материала для обвинения, оставлять их под арестом на неопределенное время: за закон, против которого с величайшею резкостью выступил как раз Камиль Демулен в своем «Старом Кордельере». И, дальше, 3 декабря 1793 года в якобинском клубе Дантон требовал, чтобы не давали заснуть революционной энергии народа.

Но существует еще одно соображение, самое убедительное, хотя его не заметил Эдмон Бире при всей основательности своего знакомства с событиями той эпохи. К основанию «Vieux Cordelier» приложил свою руку и Робеспьер. Согласно собственному рассказу Демулена, подтвержденному Робеспьером,

первый доставил второму перед печатанием текст первых двух номеров, и оба они договорились об их содержании. Что же, в таком случае и Робеспьер был охвачен «жалостью» и «милосердием»? И Колло д'Эрбуа, который согласился на основание газеты?

Однако, хотя рассказанная господином Кларети история представляет прямую выдумку, есть известная доля истины в том взгляде, что Демулен и Дантон устали от многочисленных казней. Но вовсе не милосердие привело к этому результату, а убеждение, что революция достигла всех своих целей: дальнейшее распространение террора было бы бесцельно и привело бы исключительно к господству низших классов народа, к господству неимущей массы в ущерб собственникам. В только-что упомянутой речи, произнесенной 3 декабря 1793 года, Дантон ясно выразил это, заявив (отчет в «Moniteur» 6 декабря): «Я предлагаю не верить тем, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультра-революционные меры».

«Пределы революции», по воззрениям дантонистов, были вполне достигнуты,—в некоторых случаях дело зашло уже дальше этих пределов. Франция сделалась республикой, коммуны получили самоуправление, феодальные и сословные привилегии были уничтожены, равенство перед законом гарантировано конституцией, установлена свобода торговли и промышленности, и каждый мог достигнуть высших государственных должностей, не встречая препятствий в сословных привилегиях. Следовательно, революция совершила все. А то, к чему приступила парижская коммуна, снабжение голодающего населения дешевым хлебом, за государственный счет, организация общественных работ для безработных, освобождение низших классов от городских налогов, постройка больниц и приютов для бедных, попечение о членах семей граждан, отправившихся в поход,—все это были вещи, которые выходили за пределы революции, вторгались в сферу права собственности и права на личную свободу, так как деньги на эти расходы должны были доставить состоятельные. Податной винт нажимал все сильнее, а если средства снова исчерпывались, назначались принудительные городские займы, при чем, вследствие общего состояния финансового

хозяйства города Парижа, у состоятельных граждан не было никакой надежды получить обратно принудительно взятые у них суммы. Из оппозиции против этого покровительства «неимущим» и возник «Старый Кордельер».

Первый же номер газеты выступает против Шометта и Гебера, радикальных вождей парижской коммуны и их сторонников. И опять Демулен пускает в ход позорное средство, изображает своих противников агентами Питта. Он пишет:

«О, Питт! Я преклоняюсь перед твоим гением! Какие люди вновь прибывшие из Франции в Англию, дали тебе столь добрые советы и указали на столь верные средства погубить мое отечество? Ты увидал, что твои планы всегда потерпят крушение, если ты не приложишь всех мер к тому, чтобы уничтожить в общественном мнении тех, кто уже пять лет разрушает все твои планы. Ты понял, что необходимо победить тех, кто тебя всегда побеждал, что следует выдвинуть обвинения в продажности против тех, кого ты до сих пор не мог подкупить, и что ты должен обвинять в низости тех, кого ты до сих пор не мог сделать низкими. С каким успехом со времени смерти Марата ты работал над тем, чтобы разрушить его славу, и вел подкопы под его друзей, его мужественных сотоварищей по оружию, а также против корабля Арго,—против старых кордельеров!

«Вчера, в заседании якобинцев, я с ужасом опять увидал, каких успехов сумел ты достигнуть, и познал всю твою силу,—даже среди нас самих. В этом месте, где родилась наша свобода, я увидал твою трехцветную змею, которая, пожалуй, задушила бы самого Геркулеса. Правда, в конце концов победили добрые граждане: ветераны революции, те, которые с 1789 года совершили пять военных походов, те старые друзья свободы, которые с 12 июля (вероятно 13 июля 1793 года,—день, когда Шарлотта Корде убила Марата.—*И. С.*) совершали свой путь между кинжалами и ядом аристократов и тиранов,—словом, победили основатели республики. Но какую боль оставляет после себя даже эта победа, как подумаешь, что среди якобинцев по таким вопросам пришлось вести долгие прения! Победа осталась за нами, ибо среди многочисленных обломков великой славы наших гражданских добродетелей проч-

ной осталась слава Робеспьера, ибо наш Гораций Коклес протянул руку своему сопернику в любви к отечеству,— он, наш постоянный президент старых Кордельеров, он, один противостоявший на мосту всему натиску Лафайета и его четырех тысяч парижан, окруживших Марата, он, казавшийся теперь низринутым партией иностранцев. Так как во время болезни и отсутствия Дантона эта партия завоевала для себя почву, она, эта бесстыдная насильница над обществом, разражалась шиканьем на трибунах в наиболее трогательных, наиболее убедительных местах его оправдания: она в самом собрании кивала головой и сочувственно усмехалась во время речи человека, который уже нашел единогласное осуждение. Тем не менее мы победили, потому что после громовой речи Робеспьера, талант которого как будто вырастает с опасностями, угрожающими республике, и после глубокого впечатления, которое речь произвела на души собравшихся, немыслимо было найти мужество для того, чтобы возвысить голос против Дантона, ибо это было бы явной распиской в получении денег от Питта».

В том же тоне идет и дальнейший рассказ и заканчивается повторным утверждением, что Питт оплачивает всех главарей «ультра-революционеров», чтобы они своими эксцессами дискредитировали республику.

В таком же духе составлен номер от 20 фримера (10 декабря 1793 года), с той только разницей, что на этот раз Демулен ближе обозначает, каких ультра-революционеров имеет он в виду. Он объясняет, почему он так долго не выступал со своими обвинениями против вождей парижской коммуны, и потом обрушивается на Шометта, прокурора коммуны, и сравнивает его меры к удержанию хлебных цен на низком уровне с тактикой римского трибуна Марка Ливия Друза. Он пишет:

«Меня беспрестанно упрекали за мое молчание, и еще немного—его вменили бы мне в преступление. Но если хотели бы слышать мое мнение, а не лесть, какая была бы от того польза, если бы я огромному количеству лиц сказал: «вы или безумцы, или контр-революционеры», и таким образом нажил бы себе двух непримиримых врагов:

оскорбленное самомнение и явную лживость. Да и почему такое был бы я обязан направить вражду на себя без всякой пользы и выгоды для республики? Ибо безумцы мне не поверили бы, а предателей я не исправил бы. Требуется время для того, чтобы истина созрела,—она была еще слишком зелена. Однако мне стыдно, что я столько времени молчал. Осторожность может продиктовать другим гражданам умолчание,—для народного представителя оно возбраняется его долгом. Если молчу я,—как солдат, в боевом порядке выстроившись вместе со своими товарищами вокруг трибуны для того, чтобы бесстрашно высказывать все, что я считаю полезным для французского народа,—то я уподобляюсь дезертиру. К тому же от меня отстраняет всякое подозрение все то, что я сделал для революции и написал в течение пяти лет, моя любовь с самого детства к республиканской форме правления,—единственному строю, подобающему человеку, который не совсем недостоин этого имени, а также и то обстоятельство, что два моих брата,— единственные, которые у меня были,—убиты в борьбе за свободу: один при осаде Мастрихта, другой—в Вандее, и этот последний был изрублен в куски из ненависти, какую роялисты и попы питают к моему имени: столь многочисленные основания для доверия ко мне патриотов отстраняют от меня всякое подозрение. Поэтому, если я начну исследовать язвы государства, зонд хирурга не смешают с кинжалом убийцы.

«С первого же месяца нашей законодательной сессии,— следовательно, уже более года,—я увидал, какая опасность, вернее сказать, единственная опасность может угрожать республике, и в одной речи, розданной членам Конвента, я высказался против декрета от 27 октября, изданного по предложению Жансоне и исключившего депутатов на шесть лет от всяких общественных должностей: этой грубой ловушки жирондистов [1]). У наших врагов не остается иных способов, кроме тех, которыми воспользовался римский се-

[1]) Арман Жансоне, один из представителей от Бордо в Конвенте, жирондист умеренного направления, который перед 10 августа 1792 года принял участие в интригах с королевским двором, но, несмотря на то, в процессе о государственной измене Людовика XVI голосовал за смертную казнь для него.

нат, когда он увидал безуспешность всех своих мер, направленных против Гракхов. Как рассказывает Сен-Реаль, он обратился к следующему способу погубить этих патриотов: он склонил одного трибуна каждый раз итти дальше тех требований, которые выдвигал Гракх, и, если последний вносил народолюбческое предложение, он немедленно ставил еще более народное требование, и таким образом патриотизм убивался доведением принципов патриотизма до крайности. Если якобинец Гракх предлагал заселение и раздел двух или трех областей, то упомянутый выше фейльянт Друз предлагал разделить двенадцать областей. Если Гракх предлагал установить цену хлеба в 16 су, то Друз предлагал не больше 8 су. Это удалось до такой степени, что скоро форум нашел, что Гракх уже не стоит на должной высоте и что ему следует предпочесть Друза. Форум охладел к своему истинному защитнику, который, лишенный народного благоволения, при первом же возмущении был убит аристократом Сципионом Назика ударом кресла».

Чтобы показать, насколько опасно преувеличение революционных требований, Демулен ссылается на Марата. Он требует, чтобы парижская коммуна не шла дальше по избранному ею пути. В то же время он опять высказывает подозрение, что радикальные члены городского управления подкуплены Питтом.

«Со времен смерти этого просвещенного патриота с его великим умом, которого я уже три года тому назад дерзал называть «божественным» Маратом, это—единственный путь, которого придерживаются враги республики. Я призываю в свидетели шестьдесят своих коллег! Как часто вздыхал я среди них, видя пагубные завоевания на этом пути! Как часто—в течение последней четверти года—я говорил им с глазу на глаз о своих тревогах. Они смеялись надо мною, хотя с начала революции семь или восемь моих томов свидетельствуют в мою пользу и говорят, что если я и не всегда правильно разбирался в людях, то всегда правильно судил о событиях! Наконец Робеспьер в своей последней речи, которую Конвент постановил распространить по всей Европе, раздернул завесу.

Он искусно, достойно его мужеству и его популярности, произнес великое слово, спасительное слово о том, что Питт изменил план кампании, что он решил крайностью достигнуть того, чего не мог достигнуть умеренностью, и что нашлись люди, патриотические «контр-революционеры», которые, как некогда Ролан, работали над тем, чтобы создавать общественное мнение и воздействовать на его суждения, но в направлении противоположной крайности, которая столь же опасна для свободы. Потом, в двух не менее замечательных речах у якобинцев, он с еще большей решительностью высказался против смутьянов, вообразивших себе, что своими лживыми, преувеличенными восхвалениями они сумеют отделить его от его старых сотоварищей по оружию и от священного воинства кордельеров, с которым он так часто побеждал королевское войско. К стыду для попов, он выступил на защиту того Бога, которого они трусливо покинули. Воздав справедливость тем, кто, подобно пастору Мелье [1]), по философским соображениям отрекся от своей профессии, он показал в надлежащем освещении тех религиозных лицемеров, которые, сделавшись раньше священниками для того, чтобы хорошо есть и пить, теперь, не краснея, сами возвещают о своем позоре, сами обличают себя в том, что они так долго были низкими шарлатанами, тех лицемеров, которые пришли, чтобы сказать нам перед решеткой: «Граждане! Я 60 лет лгал ради своего брюха!» [2]).

Статья вызвала величайшее раздражение в якобинском

---

[1]) Об этом замечательном утописте см. во втором томе известной коллективной работы: „Предшественники современного социализма", перев. с нем. Раньше, в 1902 году, часть этого тома (в нее вошла и глава о Мелье) была издана под названием: „Общественные отношения во Франции XVII и XVIII века". Пер. В. Базарова и И. Степанова. Это издание давно сделалось библиографической редкостью. *И. С.*

[2]) Это место относится к прежнему епископу в Лидде, сделавшемуся впоследствии парижским епископом, Жану Батисту Жозефу Гобелю, который мало-по-малу превратился в приверженца Шометта и 7 ноября 1793 года, явившись с частью подведомственного ему духовенства к решетке Конвента, публично сложил свою должность, так как христианство, по его убеждению, изжило себя.

клубе, однако Камиль Демулен сначала не прекращал своего сокрушительного похода. Необыкновенно большой—в 30 страниц—третий номер «Старого Кордельера» (25 фримера—15 декабря 1793 года) под видом критики государственных преступлений в эпоху Римской империи самым яростным образом нападает на террористический режим, но затем приводит обстоятельства, оправдывающие судебную деятельность революционного трибунала, и говорит, что политическое положение Франции требовало суровых мер от «основателей республики». «Старый Кордельер» пишет:

«Революционный трибунал, по крайней мере парижский, увидав, что лжесвидетели проникли в его среду и угрожают опасностью невиновным, поспешил применить меры возмездия. Конечно, он выносил обвинительные приговоры за слова и сочинения; но разве в восклицании: «да здравствует король!» можно видеть простые слова,—в этом провокационном призыве к мятежу, который даже по древним законам Римской республики, как я показал, карался бы смертною казнью? Далее, этому трибуналу приходится судить за политические преступления среди бурь революции. И даже те, кто полагает, что трибунал не свободен от ошибок, должны отдать ему справедливость и признать, что, поскольку дело идет о сочинениях, он большее значение придает мотивам, чем самому «corpus delicti» (чем формальной стороне дела,—самому факту преступления); и, если у него нет убеждения, что мотивы были контрреволюционные, он всегда выносил оправдательный приговор, и притом даже тем, кто держал речь или издал сочинение, за которое он привлечен к ответственности, оправдывал даже в том случае, если они скрылись от суда. Те, кто столь строго осуждает основателей республики, не в состоянии вообразить себя в их положении. Но посмотрите, между какими пучинами мы идем. С одной стороны—злостно, безудержно преувеличенные меры, ультра-революционность которых сделает нас предметом отвращения и насмешек всей Европы. А с другой стороны—«модерантизм» («умеренность») в траурном облачении [1]), который, видя, что

[1]) Уже в то время контр-революционеры начали носить траур не только по гильотинированным родственникам, но и по сидящим в тюрьмах. *И. С*

старые кордельеры возвращаются к разуму и стараются избежать обычных преувеличений, вчера с толпою женщин разыскал Комитет Общественной Безопасности; когда я случайно вошел туда, женщины схватили меня за шиворот и потребовали, чтобы Конвент открыл все тюрьмы, и таким образом с горсточкой добрых граждан,—это мы можем признать,—выпустил бы на нас массу разъяренных контрреволюционеров».

В № 4 газеты (20 декабря 1793 года) Камиль Демулен выступает против «эксцессов революции» и ложных понятий о свободе:

«Они (упрекавшие Демулена за его нападки), вероятно, полагают, что свобода, подобно детству, только пройдя через период плача и слез, входит в период зрелости. Это неверно: самая природа свободы такова, что достаточно лишь пожелать ее, и мы будем пользоваться ею. Народ свободен с того момента, когда он захотел быть свободным (напомним, что это—слова Лафайета). С 14 июля 1789 года он вновь вступил в полное обладание всеми своими правами. Свобода не знает ни старческой дряхлости, ни детства. У нее только один возраст: возраст силы и крепости. В противном случае те, кто идет на смерть за республику, были бы столь же глупы, как фанатики в Вандее, идущие на смерть за райское блаженство, которого они никогда не будут вкушать. Или, если мы пали в бою, мы, действительно, через три дня воскреснем, как веруют те крестьяне? Мы боремся, чтобы защищать те блага, которые свобода тотчас дает тем, кто призывает ее. Эти блага—декларация прав человека, красота республиканских принципов, братство, священное равенство, неприкосновенность принципов. Это—следы шествия богини, это—признаки, по которым я отличаю народы, среди коих обитает богиня. Скажите же, по чему бы еще мог я познать народы, среди которых живет богиня? По каким еще признакам мог бы я узнать эту божественную свободу? Эту свободу,—если она не свобода только по имени. Уж не похожа ли она на оперную певицу, на какую-нибудь Кандель или Майяр, выступающих в красном колпаке, или на ту статую в 46 футов вышины, которую хотел бы поставить

Давид [1])? Дорогие мои сограждане, не будем унижаться, падая на колени перед этими божествами. Нет, свобода, снисшедшая с неба, не оперная нимфа и не красный колпак, и не какая-нибудь грязная рубашка или тряпка. Свобода, это—счастье, это—разум, это—равенство, это—справедливость, это—декларация прав человека, это—ваша возвышенная конституция! Хотите ли вы, чтобы я признал ее, пал к ее ногам, чтобы я пролил свою кровь за нее? Откройте тюрьмы, выпустите 200.000 тех граждан, которых вы называете подозрительными: ибо в декларации прав человека ничего не стоит о «maison de suspicion» (о домах для заключения подозрительных),—там говорится только о тюрьмах. Подозрение требует не тюрем, а прокурора; в декларации ничего нет о подозрительных людях, а лишь о таких, которые провинились деяниями, указанными в законе. И не думайте, что эта мера была бы пагубна для республики. Это была бы самая революционная из всех мер, какие вы когда-либо проводили. Посредством гильотины вы хотите искоренить своих врагов! Но можно ли представить себе что-либо более глупое? Сумеете ли вы возвести на эшафот хотя бы одного человека, не создавая тем самым для себя десяти врагов из его семьи или его друзей? Или вы думаете, что для революции опасны те женщины, те старики, те кисляи, те эгоисты, те трусы, которых вы держите под арестом? Из ваших врагов среди вас остались только больные и трусы. Храбрые и сильные эмигрировали!».

В № 5-м «Старого Кордельера» Демулен в особенности выступает против Гебера, заместителя Шометта. В своей газете «Отец Дюшен» Гебер характеризовал Демулена, как сеятеля склоки и интригана. Демулен отвечал:

«Однако, чорт побери! Меня тоже охватывает гнев против «Отца Дюшена», который называет меня «жалким интриганом, ослом, человеком, которого надо отправить на эшафот, заговорщиком, который хочет открыть все тюрьмы, чтобы создать новую Вандею, агентом, состоящим на жалованье у Питта, ослом с длинными ушами». Подожди немного, Гебер, я скоро буду к твоим услугам! Я буду нападать на тебя не с грубыми ругательствами и не словами, а фактами. Я разоблачу тебя, как я разоблачил Бриссо, и я хочу, чтобы нас с собою рассудило Общество (якобинцев).

«На тебя, Гебер, должно быть, подействовали, как бичи фурий, тот луч надежды, который я бросил в глубину тюрем заключенным в них патриотам, та картина будущего счастья французской республики, которую я первый нарисовал перед моими читателями, и уже одно только название: «комитет милосердия», которое я предложил,—в данный момент, если хотите, несвоевременное. Или для тебя невыносима одна мысль о том, что некогда нация сделается счастливой, народом братьев? Ибо при слове «милосердие», в которое я внес поправку, тут же присовокупив: «Долой мысль об амнистии, об открытии тюрем!»—ты пришел в раздражение, сделался бешеным, как дьявол, почувствовал себя дурно и потерял рассудок в такой мере, что самым нелепым образом обвиняешь меня перед якобинцами, утверждая, будто я, как ты говоришь, женился на богатой!..

«Ты дерзаешь говорить о моем состоянии,—ты, которого еще два года тому назад весь Париж видел, как ты стоишь при дверях театра в качестве билетного контролера, из какового положения тебя выгнали по причинам, конечно, памятным для тебя [1])! Ты дерзаешь говорить о моей ренте в 4.000 ливров в год,—ты, разыгрывающий из себя в своей лицемерной газете санкюлота, надев свой жалкий парик, а в своем доме ведущий роскошную жизнь [2]), достойную какого-нибудь подозреваемого,—ты, получающий от министра Бушота содержание в 120.000 ливров за то,

---

[1]) Художник якобинец Жак Луи Давид, руководитель государственных художественных учреждений в так называемый период террора намеревался тогда поставить большую статую свободы.

[1]) Враги Гебера утверждали, будто он обкрадывал билетную кассу. Но доказательств этого никогда не было приведено.

[2]) Это верно, что Гебер, в противоположность другим вождям коммуны, любил большую пышность.

что в твоей—я докажу это—официально контр-революционной газете поддерживаешь предложения Клотса, Проли [1])...

«Или ты думаешь, что мне не рассказывали, как в 1790—91 году ты преследовал Марата? Ты писал для аристократов,—ты не можешь этого отрицать,—и ты будешь поставлен перед свидетелями. Не думаешь ли ты, наконец, что я не знаю, что ты вел торг свободою граждан, или я не помню того, что один из моих коллег сказал мне и более чем 20 депутатам, а именно: что ты получил крупную сумму за освобождение,—не знаю в точности, эмигранта или арестованного,—и что позже одно лицо, бывшее свидетелем твоей продажности, пригрозило тебе разоблачением, если ты в своей газете вздумаешь еще хотя один раз напасть на Шабо: факт, относительно которого сам народный представитель Шодрон Пуссо дал нам заверения, что он сообщит о нем Комитету Общественной Безопасности. Это—факты совершенно иного значения, чем те, в которых ты меня обвиняешь».

Затем Демулен, воздав хвалу преклонению перед властями и перед собственностью, опять выступает против политики парижской коммуны и спрашивает:

«Будет ли это ошибкой, если я скажу, что подчиненные власти переходят пределы своей компетенции и берут на себя слишком многое; что коммуна вместо того чтобы ограничиваться исполнением законов, присваивает себе законодательную власть,—декретирует закрытие церквей, выдает правительственные свидетельства и т. д.».

Шестая и седьмая тетради «Старого Кордельера» (седьмая была последней) посвящены почти только самозащите и отступлению. Знаменательно, что в последнем из этих выпусков Демулен рекомендует религию в качестве средства для управления массами и ссылается на использование этого средства Кромвелем:

«Религия—рычаг для законодателя. Посмотрите на знаменитый указ Кромвеля о воскресенье: 3 проповеди в воскресенье, первая—перед восходом солнца для домашних. Магазины, трактиры, игорные дома должны быть закрыты. Кто в этот день отправлялся гулять во время богослужения, того сажали в тюрьму или присуждали к денежному штрафу. Сюда присоединялось воспрещение совершать в этот день поездки. Увеселения, театры, охоты, танцы тоже воспрещались по воскресеньям под угрозой телесного наказания. В это время с Англии еще не схлынул поток новых религиозных учений, Джон Буль все еще оставался пресвитерианцем и янсенистом».

Эти нападки, по большей части поддерживаемые дантонистами, вызвали величайшее раздражение среди парижской демократической мелкой буржуазии; и это—тем более, что поведение дантонистов уже раньше вызывало нарекания, а теперь в особенности подозрительными сделались сношения Демулена с реакционным генералом Диллоном. Клуб кордельеров исключил Демулена, а в якобинском клубе Гебер тоже внес предложение об его исключении. Тщетно Робеспьер, Колло д'Эрбуа и Дантон старались воспрепятствовать исключению, которое при сложившихся обстоятельствах ставило исключенного вне закона. Робеспьер в нескольких заседаниях клуба выдвигал всевозможные соображения в защиту Камиля Демулена. Он изображал его даже невменяемым человеком и согласился, что номера «Старого Кордельера» должны быть преданы публичному сожжению. Однако не помогло даже колоссальное влияние Робеспьера. Якобинский клуб постановил исключить Демулена.

В исторических работах о революции событие изображается обыкновенно таким образом, как будто Робеспьер подготовил падение Камиля Демулена и несет вину за него. Это—прямо бессмыслица. Для Робеспьера много важнее было уничтожить гебертистов, а не дантонистов, хотя некоторые из последних с его точки зрения слишком далеко ушли вправо. Еще в заседании якобинского клуба 21 нивоза

---

[1]) Содержания от военного министра Бушота Гебер не получал, но заключил с ним договор, согласно которому должен был регулярно доставлять военному министерству крупную часть издания своей газеты для рассылки по войскам, находящимся в военных лагерях. Гебер, который всегда был ловким дельцом, добился того, что его поставка газеты оплачивалась очень высоко, и в один год нажил на этом состояние.

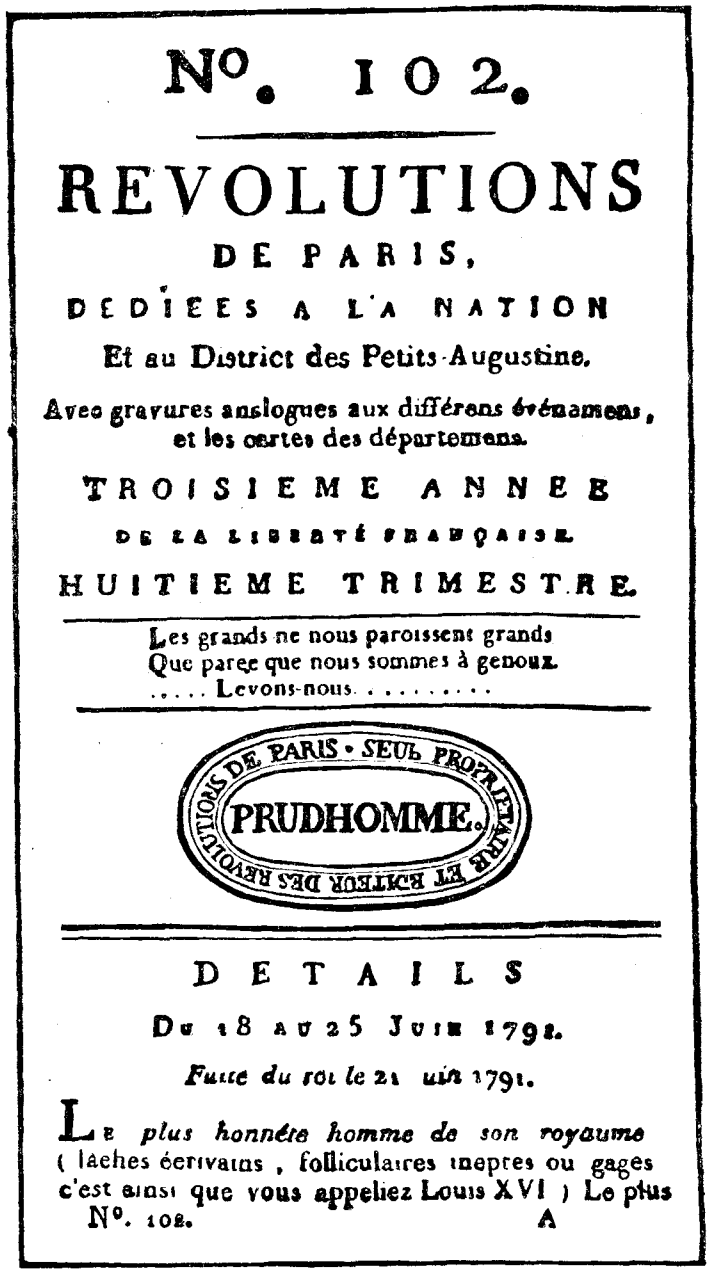
(10 января 1794 года) он старался направить раздражение на гебертистов, заявив, что нельзя вычеркивать из членского списка одного только Камиля, и тогда же внес предложение, чтобы расследование было распространено на всю интригу в целом (т.-е. и на поведение гебертистов). Но в действительности с помощью своих ближайших сторонников в Комитете Общественного Спасения и в Конвенте Робеспьер достиг только того, что представителям парижской коммуны пришлось подняться на эшафот двенадцатью днями раньше, чем дантонистам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Политико-теоретический еженедельник якобинцев.

Буржуазия в парижской городской думе.— Учреждение для краснобайства.— Монархические тенденции.—Нанси.—Лафайет и парижская национальная гвардия.—Аграрный закон.—Предприниматели и наемные рабочие.—Во время второго Национального Собрания.— Во время Конвента.

Цеховые историки привыкли судить о революционных стремлениях Франции 1789—1792 годов по тем политическим воззрениям, которые находили себе выражение в дебатах Национального Собрания. Между тем ни у радикальной мелкой буржуазии, ни у рабочих в Учредительном и Законодательном Национальных Собраниях не было представителей их особых интересов. Поэтому в том радикально-демократическом направлении, которое при Конвенте сделалось господствующим в якобинском клубе, они обыкновенно видят партийно-политическое течение, которое возникло лишь из обострения политических противоречий в 1792 году, и лишь в борьбе против жирондистов определило и оформило свои политические идеи. В этом взгляде верно только одно: действительно, радикально-якобинское направление нашло сравнительно многочисленных приверженцев среди парижского населения лишь после того, как Жиронда разоблачила в себе представительницу интересов состоятельного среднего сословия, а изменение существовавшего до того времени избирательного права дало возможность радикально-якобинскому направлению избрать в Конвент и в парижское коммунальное представительство людей, завоевавших его доверие. Существовало же это направление уже с первого года революции, и уже тогда оно располагало двумя значительнейшими газетами,

Nº. 102.

REVOLUTIONS
DE PARIS,
DEDIEES A LA NATION
Et au District des Petits-Augustins.

Avec gravures analogues aux différens événemens, et les cartes des départemens.

TROISIEME ANNEE
DE LA LIBERTÉ FRANÇAISE.
HUITIEME TRIMESTRE.

Les grands ne nous paroissent grands
Que parce que nous sommes à genoux.
..... Levons-nous .....

REVOLUTIONS DE PARIS • SEUL PROPRIETAIRE ET EDITEUR DES REVOLUTIONS
PRUDHOMME.

DETAILS
Du 18 au 25 Juin 1791.
Fuite du roi le 21 dito 1791.

Le plus honnête homme de son royaume
(laches écrivains, folliculaires ineptes ou gages
c'est ainsi que vous appeliez Louis XVI) Le plus

Nº. 102. A

№ 102 „Парижских Революций" с сообщением о бегстве короля.

упоминавшимся раньше: еженедельником Прюдома: «Révolutions de Paris» («Парижские революции») и ежедневной газетой Марата: «L'Ami du Peuple» («Друг Народа»).

Только эти две газеты сначала и представляли радикально-демократическое направление; в конце мая 1790 года они получили подкрепление в виде «L'Orateur du Peuple» («Народный Оратор») Фрерона, за которым в январе 1791 года последовал «Père Duchesne» («Отец Дюшен») Гебера: газета, которая однако сначала не представляла никакого определенного политического направления, а шаталась из стороны в сторону, в зависимости от изменчивого настроения тех кругов, на которые она рассчитывала.

Самой значительной из этих газет был еженедельник Луи Прюдома, лионского книготорговца, который составил себе состояние продажей политических изданий. Увидав, каким успехом пользовались первые партийные газеты, вышедшие в мае и июне 1789 года, он договорился с литератором Гурноном и молодым адвокатом Лустало и вместе с ними 20 июля 1789 года выпустил первый номер своей новой газеты по образцу английских газет. Фактическое руководство взял на себя, как наиболее талантливый, 27-летний Элизе Лустало, который довел газету до такой высоты, что скоро она стала издаваться в количестве почти 15.000 экземпляров [1]).

Для истории великой классовой борьбы в конце XVIII века эта газета почти незаменима. Большинство остальных газет ограничивается отчетами о дебатах в Национальном Собрании и критикой этих дебатов, или они просто обсуждают отдельные политические события в руководящих статьях, имеющих характер памфлета; напротив, «Парижские революции» в своих отчетах о прениях Национального Собрания ограничиваются пределами безусловно необходи-

[1]) Луи Блан говорит о 200.000 экземпляров: цифра, перешедшая в ряд исторических работ. В действительности долгое время газета постоянно печаталась в количестве более 20.000 экземпляров, а отдельные номера, которые приходилось допечатывать, находили еще более широкий сбыт. Возможно, что в своей рукописи Луи Блан привел цифру в 20.000 экземпляров, но так как этого казалось слишком мало, то, вследствие опечатки, был приписан еще ноль.

мого. Часто они опубликовывают только предложения и постановления. Но зато в каждом номере имеется критический обзор политически важнейших событий за неделю; далее даются поучительные статьи о важных вопросах дня, о заслуживающих внимания политических происшествиях в Париже (собраниях, демонстрациях, заседаниях городского совета, распоряжениях городской власти, полицейских мерах и т. д.), часто также корреспонденции из других городов, театральные заметки и т. д. Для примера я беру первый попавшийся номер: № 20, составляющий 56 страниц (обыкновенно номера были в 48—64 стр.). Обзор за неделю посвящен положению в различных провинциях Франции, особенно сопротивлению парламентов (высших судебных учреждений) против конституционных постановлений Национального Собрания; затем идет сообщение о позиции, которую заняли мэр и командующий войсками Сен-Жан-д'Анжели, большая критическая статья о выступлении парижского городского совета против района Кордельеров, сообщение из Вернона, короткая статья о финансовом положении и высоких пенсиях, выплачиваемых государством, протест господина Безанваля против суда Шатле, заметка об обвинительных приговорах по делам об оскорблении нации, критика революционной трагедии «Карл IX» Шенье, исполненной в театре «Французской Комедии» («Comédie Française»), перепечатка одного письма, найденного в Бастилии, отчеты о заседаниях Национального Собрания, сообщения из провинции и, наконец, несколько заметок из английских газет (из «Daily Advertiser»).

I. Буржуазия в парижской городской думе.

По отношению к возникающим вопросам «Парижские революции» с самого начала занимали строго демократическую позицию, однако без особой резкости. Вера в единство «третьего сословия» еще не была расшатана в головах редакторов. Но уже в августе и сентябре газета выступила с энергичной критикой по поводу прений Национального Собрания о предоставлении королю права налагать вето на решения Собрания и по поводу попытки нового парижского городского управления силой оружия прекратить народные собрания в парке Пале-Рояля. Когда 1-го сентября в Национальном Собрании начались прения о праве короля налагать вето, и, как казалось, решительное большинство было готово высказаться за абсолютное вето, газета Прюдома писала:

«Поставленный на обсуждение в Национальном Собрании вопрос о вето, или о королевском утверждении законов, в настоящее время—предмет споров. Абсолютное вето вызвало такой страх, что теперь почувствуют себя почти удовлетворенными, если королю будет предоставлено только суспенсивное вето. Быстро мы подвинулись от рабства к свободе; теперь еще быстрее мы возвращаемся от свободы к рабству. Народ усыпляют шумом хвалебных песнопений, которые слишком расточительно возносят ему к его ущербу; забавляют его празднествами, процессиями и эполетами...

«Первое стремление тех, кто хотел бы нас поработить, это—ограничить свободу печати, может быть, совсем задушить ее. В недрах самого Национального Собрания сострянали план уничтожить свободных людей, литераторов, посвятивших себя делу свободы».

Что касается выступления городского управления против народных собраний в Пале-Рояле, то об этом «Парижские революции» в № 12 (4 октября 1789 года) пишут:

«В этот вечер, между пятью и шестью часами, отряды со всех сторон вторглись в парк Пале-Рояля и обрушились с оружием на группы «цензоров» (т.-е. критиков Национального Собрания). Некоторые солдаты нарочно держали приклады своих ружей таким образом, чтобы смять собравшихся, если бы те не разошлись с достаточной поспешностью. Почтенная публика, состоявшая из парижских патриотов, нескольких провинциалов и иноземцев, сначала протестовала. Затем поднялись насмешки и свист. Тогда патруль арестовал одного мирного гражданина, аббата Робена, патриотического писателя, получившего почетную известность за ряд своих сочинений. Народ оказал сопротивление. Патруль оттеснили и освободили арестованного.

«Парк напоминал поле сражения. Герцог Омон, коман-

дующий батальоном, во время происшествий сидел напротив в кафе де-Фуа. Адъютанты или дежурные офицеры перебегали от одного патруля к другому и приказывали предпринимать среди толпы народа поспешные нелепые передвижения. Граждане, охваченные негодованием, разразились шумом и криками. Они наступали. Но вот выступил патруль со штыками наперевес.—Радуйтесь, аристократы, момент вашего торжества уже недалек!»

Период реакции, последовавший в Париже за днями 5 и 6 октября 1789 года, еще больше усилил это разочарование в новом режиме. Господство буржуазии в городской думе и конституционные постановления Национального Собрания, которые служили исключительно укреплению позиции имущих слоев,—все это плохо согласовалось с тем идеалом свободы, который составила себе по античным образцам кучка журналистов из «Парижских революций». Прекрасные мечты 14 июля о свободе облетели, как облетает поблекшая листва в осеннюю бурю. Частью с изумлением, частью с гневом наблюдали руководители газеты, как на место старой аристократии, аристократии дворянства и служебной мантии, выступала «новая аристократия», деловая буржуазия, и с едва ли меньшей беспощадностью, чем некогда высшая аристократия, старалась подавить те слои, которые протестовали против ее господства: мелких ремесленников, рабочих, совсем пролетарскую и полупролетарскую парижскую интеллигенцию. Поэтому нападения демократической газеты прежде всего направились против тех учреждений, в которых укреплялась эта новая аристократия: против муниципалитета и коммунального представительства. Диктаторские распоряжения, воспрещение собраний, повторные конфискации демократических газет, недостаточное снабжение города хлебом и мукой со стороны городского продовольственного комитета,—все эти грехи нового городского управления против «духа свободы» встретили беспощадную критику на страницах «Парижских революций».

Критика реакционных тенденций Национального Собрания сначала отходила на второй план. Для газеты Лустало представлялось чем-то естественным, вытекавшим из сословного расслоения, если дворянско-клерикальное крыло, так называемая «черная сторона» Национального Собрания отстаивала реакционные тенденции и при этом отчасти находила поддержку в «честолюбцах» третьего сословия, задававшихся личными целями. Но если вновь избранное городское управление, созданное самим третьим сословием, тоже пошло по реакционному пути,—это противоречило всем политическим понятиям Лустало. Поэтому уже в № 14 (18 октября 1789 года) газета резко нападает на муниципалитет и на городские суды:

«Процессии, торжественные приветствия, освящения знамен, смотры, банкеты национальной гвардии и прочие парады: все—вещи, способные отвлечь общественное внимание от дел, на которые оно должно быть направлено во время революции; все это доведено до крайности, до смешного, до пошлости. Наши продовольственные запасы изо дня в день уменьшаются, и в той же мере выигрывает в силе контр-революционный заговор. Национальной гвардией пользуются для того, чтобы препятствовать патриотическим собраниям, на которых каждый мог бы сообщить о происшествиях, виденных им самим, и которые содействовали спасительному взрыву 4 октября. Так мешают появлению того снопа света, в блеске которого мы могли бы раскрыть сокровенные нити заговоров, направленных против свободы.

«А те, кто после всех этих происшествий должен был бы сказать себе, что национальное дело следует вести с бóльшими разумом и энергией,—что сделали они до настоящего времени? Что делают они теперь, в эти дни, для безопасности, для общественного возмездия? Президент района ввел тайный процесс. Втайне допрашивают тех, кого считают агентами-вербовщиками контр-революции. Втайне арестуют названных ими соучастников,—втайне же держат результат всех этих операций, от которых зависит благо государства...

«Честно ли действуют, устраняя от участия в этих расследованиях народ, который однако только и заинтересован в раскрытии истины и которого уже отнюдь нельзя считать соучастником заговорщиков? Почему все не совершается открыто, на наших глазах? Не является ли публич-

ность лучшей защитой? Почему же не допускают на допросы, которые учиняют арестованным? Почему нам ничего неизвестно об их показаниях? Почему ни у кого нет уверенности, что его показаний не сократят или кое-чего к ним не прибавят? Почему дают пройти такому большому времени, которым можно воспользоваться, между возбуждением дела против нового обвиняемого и арестом его самого и его бумаг? Почему не предоставлено каждому гражданину сообщить следственному судье свои наблюдения о виденном и о противоречиях с показаниями арестованного? Почему не опубликовывают фактов, о которых было бы важно получить более подробные сообщения?..

«Чего боятся? Или полагают, что так открыли бы слишком много виновных,—или виновных слишком высокого ранга?»

В то же время газета требует издания закона, который возложил бы на министров ответственность за действия правительства, говорит о тайном намерении роялистов увезти короля в Мец, в военный лагерь маршала Буилье, обвиняет военного министра Сен-При в контр-революционных интригах и в заключение обращается против бездеятельности парижского городского представительства.

«Требуйте,—восклицает она, обращаясь к районам Парижа,—от своих коммунальных представителей, чтобы они сделали известным все, что получено до настоящего времени по части доказательств, улик или подозрений относительно лиц и фактов, связанных с заговором, чтобы каждый гражданин Франции мог это сопоставить со своими наблюдениями и представить их следственному судье. Выносите в первичных собраниях (в тех, на которых избирались выборщики) постановления о том, чтобы ваши депутаты в Национальном Собрании возбуждали обвинение и требовали преследования тех министров, которые ответственны за первый ответ короля относительно декларации прав человека и статей конституции» [1]).

Но если газета присоединялась к тому, чтобы избиратели требовали отчета от представителей, посланных ими в Национальное Собрание и в парижский городской совет, и оказывали на них давление, то она решительно была против того, чтобы возбужденные толпы народа попросту нападали и избивали лиц, известных в качестве реакционеров и подозреваемых в содействии заговору.

[1]) Король отказал в утверждении. *И. С.*

«Мы заклинаем вас,—говорится в том же номере,—именем отечества, свободы и справедливости воздерживаться от нападений на лиц, изобличенных или подозреваемых в том, что они соучаствуют в заговоре. Только общественная власть имеет право принимать против них меры. Мы будем говорить прямо: ни одно частное лицо не имеет права подвергать их каре,—не имеет даже в том случае, если доказано, что подвергающийся нападению виновен: ибо, если бы у нас установилась такая практика, в обществе уже не было бы общественной безопасности. Каждый мог бы тогда обвинить в преступлении человека, которого он захотел бы уничтожить. При том внешние признаки очень нередко обманывают, так что человек, который кажется виновным, в действительности часто вовсе не виновен. На то, чтобы начать дело против обвиняемого, существуют власти. Если народ присваивает себе эти функции, он ниспровергает всякий порядок в обществе, и слишком часто тогда невиновным приходится расплачиваться за виновных...

«Граждане, бойтесь же окунуть ваши руки в кровь невиновных, предоставьте закону свободно итти своей дорогой и предоставьте исполнение закона общественным должностным лицам. Быть может, вы станете возражать, что великие мира сего и богатые часто избегают закона, как крупные насекомые—паутины, и что нелегко отправить на виселицу человека, у которого 100.000 талеров. Да, такие злоупотребления существовали; но единственно правильное средство против них—свобода печати и публичность судопроизводства, заставляющая судью быть беспристрастным».

С еще большей резкостью, чем состояние городских судов, осуждает газета «аристократический строй городской думы», господство в ней клик и ее самовластную самоорганизацию. Дело в том, что при избрании своих коммунальных представителей 40 районов Парижа уполно-

мочили избранных только на одно: голосовать за временное введение в действие статей 3, 4 и 5 нового проекта коммунального устройства, но не за статью 2, которая предоставляла большому коммунальному совету полномочия собственной властью, без предварительного опроса граждан, издавать городские законы и распоряжения. Напротив, 40 районов требовали, чтобы раньше, чем коммунальный совет примет решение, важнейшие распоряжения представлялись на заключение районных собраний местных граждан-избирателей, и чтобы, если большинство районов отклонит законопроект или потребует его изменения, городское представительство подчинялось этой воле народа». Другими словами, районы требовали своего рода референдума—опроса граждан. Однако коммунальные представители, принадлежавшие по большей части к крупной буржуазии, нисколько не считаясь с этим требованием своих избирателей, попросту конституировались как самостоятельный городской парламент. Это самовластие встретило решительный протест «Парижских революций».

«Что такое в сущности,—спрашивают они,—собрание этих 240[1])? Это—отнюдь не административное учреждение, ибо управление относится к компетенции совета 60. Это—отнюдь также не городское законодательное учреждение, имеющее право издавать общие распоряжения, ибо, как уже сказано выше, оно не получило на то полномочий от своих доверителей. В протоколе, определяющем полномочия собрания 240, дословно говорится следующее: «большинство районов пришло к соглашению передать коммунальному совету полномочие управлять коммуной, временно составить учреждение из 60 членов, передать ему функции по коммуне и в то же время выработку проекта муниципального управления». Первые два пункта исчерпаны. Учреждение из 60 членов составлено и приняло дела управления. Следовательно, у этих 240 нет больше никакого иного поручения, никакой иной обязанности, никакого иного права, кроме выработки проекта городского управления. Помимо этой работы, собрание 240—просто нуль, и мы должны воздержаться от того, чтобы возлагать на него какие-либо полномочия. Для свободы граждан, равно как и для устройства хорошего управления в высокой степени необходимо, чтобы не было никаких промежуточных звеньев между коммуной и коммунальным управлением, ибо между этим посредствующим звеном и должностными лицами немедленно возникли бы служебные сделки, в высокой степени пагубные для общего блага. Члены промежуточной корпорации, свободные от опасности подвергнуться мукам, связанным с управлением, спокойно отдали бы граждан на муки, а правящие должностные лица вознаградили бы членов промежуточной корпорации разными одолжениями за эту снисходительность; напротив, представляется совершенно невозможным, чтобы иным способом установилось такое тайное соглашение между коммуной и управляющими должностными лицами...

[1]) Коммунальный совет состоял из 300 лиц (см. главу вторую), но из них 60 составляли тесный комитет, так называемый „малый совет“ (до известной степени он соответствует русским городским управам).

«Если бы мы предположили, что городской совет этих 240 обладает собственной властью, никем ему не переданной, тогда наша конституция была бы совершенно тожественна с венецианской. Мэр и его 60 администраторов представляли бы тогда дожа с его советниками, собрание же 240—«высокий совет», т.-е. корпорацию, которая издает законы и распоряжения. Единственное различие между двумя аристократиями сводилось бы к тому, что одна была бы наследственной, а другая—выборной аристократией, различие, которое не играет роли для гражданской свободы. Но ведь всему миру известно, что на земле нет другой страны, где свободы было бы меньше, чем в Венеции.

«После всего предыдущего легко понять, почему с начала революции мы менее свободны, чем были при министерском управлении, и далее, как важно, чтобы право издавать общие распоряжения и контролировать чиновников оставалось у самой коммуны, которая, если она сама не в состоянии вникнуть в дело, может назначать комиссаров».

Газета неоднократно возвращается к той жалобе, что даже прежняя деспотическая система не сильнее обременяла мелких горожан, чем господство новой буржуазной бюрократии. Так писала она, напр., когда в начале ноября 1789 года На-

циональное Собрание, чтобы задавить революционные стремления парижан, издало для Парижа специальный полицейский регламент, который предоставляет парижской полиции и мэру особые права и преимущества. В № 18 газеты напечатана большая, в 14 страниц, статья о «теперешнем состоянии коммуны и муниципалитета в Париже»; газета энергично протестует против вмешательства Национального Собрания в полицейские дела Парижа и раскрывает произвол, воцарившийся в парижском полицейском управлении.

«В праве ли Национальное Собрание, спрашивает Лустало, издавать особый регламент для полиции города Парижа? И будет ли государственным законом регламент, распространяющийся только на Париж? Во всяком случае, ясно, что это распоряжение может считаться коммунальным законом исключительно для города Парижа и что в нем заинтересованы единственно парижские граждане, но не жители провинции и не представители этих провинций. А из этого следует, что этот закон в праве провести только сами парижские граждане.

В этом полицейском регламенте имеется статья, которая предоставляет мэру право без всяких околичностей брать под стражу на три дня то или иное лицо исключительно «ради предосторожности». Согласно предложению комитета шестидесяти, этот срок следовало бы даже продлить до 8 дней, ибо они в своей мудрости нашли, что теперь далеко не достаточно тех 24 часов ареста, которые назначались при старом полицейском режиме. Видите, что получается: наша личная свобода все совершенствуется; из огня мы во всех смыслах попадаем в полымя...

«Муниципалитет уже всецело по своему усмотрению захватывает права коммуны и расправляется с личной свободой. Хотите ли доказательств? 21 октября коммунальное собрание узурпаторски, не опрашивая собрания граждан, назначило следственный комитет—и это в то время, когда оказался недостаток хлеба[1])...»

В ноябре 1789 года Национальное Собрание приступило

[1]) О характере этого следственного комитета см. гл. II.

к обсуждению нового муниципального закона, который предоставлял господство во французских городах богатым горожанам; тогда «Парижские революции» в статье под названием «Новая организация муниципалитетов» выдвинули требование демократического коммунального устройства по образцу швейцарских кантонов Ури, Швиц и Унтервальден и осыпали насмешками обоготворявшееся тогда Национальное Собрание, как «учреждение для краснобайства». В особенности протестовали они против статьи 53 новаго закона, которая предоставляла гражданам для обсуждения адресов и петиций собираться только в мелких частных собраниях (assemblées particulières), но отнюдь не созывать большие публичные собрания.

«Вы, угнетенные нации,—насмешливо говорит газета,—вы, склоняющие свою голову под ярмом деспотизма и аристократии и со времен нашего великого восстания завидующие нашему жребию, хотя нет у вас мужества пойти нашей дорогой,—радуйтесь: вас угнетает, как раньше нас угнетала, аристократия в золотых позументах, а мы видим себя выданными аристократии в отрепьях...

«Единственное средство к возвышению нравов, возрождению патриотизма и созданию общественного мнения заключается в том, что мы должны создать коммунальные собрания, в которые выбирать может каждый гражданин, так что он приобретает известное влияние на общественные дела».

Снова и снова газета выступает против тех преследований печати, которые открыло городское управление. Когда Марат за свои нападки на секретаря коммунального совета, по имени Жюли, и на Неккера был приглашен к ответу в этот совет, газета Лустало, указав на английскую свободу печати и для иллюстрации английской практики процитировав отзывы «Morning Post» о Питте, писала:

«Для блага отдельных лиц, для сохранения конституции и свободы безусловно необходимо, чтобы между литераторами и чиновниками исполнительной власти существовала непримиримая борьба. Но равновесие опрокинуто с того момента, когда суды становятся на сторону государственной власти и выступают против печати. Народ впадает в рабство. Министры и государственные должностные лица под-

лежат действию права на подозрение. Это неизбежное неудобство в достаточной мере компенсируется той силой и тем выдающимся положением, которые принадлежат им. Добродетельные люди на общественных должностях не боятся таких заподозриваний,—они вредят только шарлатанам. Французы, эти принципы, кажется, все еще чужды для вас! Этим вы доказываете, что вы—все еще рабы. Возможно, что господин Марат нарушил приличия и разум; во всяком случае он не погрешил против законов свободного народа. Если те, со стороны которых подверглась нападению его личная свобода, его имущество, не будут сурово наказаны, в таком случае,—говорим это с глубокою скорбью,—революция еще не начиналась».

22 января 1790 года Бальи, как мэр, и Лафайет, как главнокомандующий парижской национальной гвардией, отправили батальон национальных гвардейцев из реакционного района Барнабитов в район Кордельеров, во главе которого стоял Дантон, с поручением арестовать Марата и закрыть его типографию; тогда в № 29 «Парижские революции» энергично выступили против произвола Бальи и Лафайета и выразили свою признательность району Кордельеров, население которого воспротивилось аресту Марата.

2. Учреждение для краснобайства.

Повсюду разочарования! И Национальное Собрание не дало того, что оно обещало. Конечно, революция идет дальше. Несмотря на все заговоры, исчезает сила дворянства. Но направление, усвоенное революцией, было не то, в каком, казалось газете, шествовала революция после 14 июля 1789 года: это не было направление к неограниченной демократии. Едва ли что изменилось в прежнем бесправном положении мелких горожан и беднейшего слоя интеллигенции: выиграли только высшие слои буржуазии. Опираясь на аристократическо-конституционные элементы, они получили перевес как в муниципалитетах, так и в Национальном Собрании и оттесняют на задний план все стремления крайнего левого крыла.

И по мере того как еженедельник Прюдома открывает,

что развитие в таком направлении идет дальше, его критика Национального Собрания становится все более резкой. Сначала его атаки направляются на конституционалистов типа Малуэ и Мори. Но с течением времени центр ударов постепенно все более перемещается влево, и вместо этих конституционалистов выступают все эти Мирабо, Дюпоны, Деменье, Шапелье и т. д. Ограничения избирательного права, проведение закона о марке серебра, согласно которому в депутаты Национального Собрания можно выбрать только того, кто уплачивает прямых налогов не менее одной марки (245 граммов серебра), муниципальный декрет от 22 июня 1790 года о разделении Парижа на округа и производстве коммунальных выборов, вотирование королевского цивильного листа, согласие на подавление солдатского бунта в Нанси,—все эти акты Национального Собрания в глазах «Парижских революций» были преступлением против духа революции.

Сначала критика носит еще довольно мягкий характер: почтительное отношение к избранникам народа все еще насквозь проникает руководителей газеты. Та резкая, язвительная насмешка над побудительными мотивами отдельных «фракций», до какой доходил Марат, первоначально представлялась «Парижским революциям» нарушением политического такта. Однако уже № 26 (3 января 1790 года) дает статью, открывающую нападение на «бюрократию Национального Собрания», а № 51 (3 июля 1790 года) говорит уже об умеренных либералах, как об «интриганах», прикрывающихся маской патриотизма.

Особенно резкое осуждение находит в «Парижских революциях» устранение низших классов народа от выборов в коммунальное представительство и в Национальное Собрание. Газета пользуется каждым случаем, чтобы снова и снова настаивать на необходимости привлечь беднейшие слои народа к участию в городском управлении, на расширении избирательного права и на ограничении самодержавия городского совета и Национального Собрания. Когда в конце июля 1790 года происходили выборы различных важных городских чиновников, между прочим нового городского прокурора, и на этих выборах своего первого

чиновника весь Париж подал только 14.000 голосов, газета писала:

«Мы видели, что существует очень большое количество граждан, которые, хотя и удовлетворяют необходимым условиям для приобретения прав активных граждан, однако не принимали участия в избирательных собраниях и в голосовании. Следует поэтому обратиться к причинам, благодаря которым граждане устраняются от выборов. Они заключаются в следующем:

«1. Избирательные собрания слишком продолжительны; часто они продолжаются 10 часов, и многим трудно так долго оставаться запертым в помещении и следить за вызовом длинного ряда имен.

«2. У каждого имеются собственные дела, а если итти на выборы, всегда приходится потерять на это почти весь день. Если бы патриотизм был развит сильнее, это не составляло бы беды, особенно если бы выборы потребовали только одного дня; но так как порядок выборов такой, что гражданину приходится совершенно забрасывать свои личные дела на 8—10 дней, то никак нельзя ожидать, чтобы при теперешних условиях большинство граждан стало принимать участие в первичных избирательных собраниях...

«Поэтому безусловно необходимо изменить и упростить порядок выборов. Недостаточно того, что сам по себе он хорош: безусловно необходимо кроме того приспособить его к потребностям народа, которому приходится им пользоваться. Находили же римляне способы для того, чтобы в какие-нибудь 3—4 часа собрать поодиночке голоса 600.000 граждан...»

Далее, газета выступает против обычая составлять список кандидатов лишь на основании тех предложений, которые последовали в избирательных собраниях. Она требует, чтобы кандидаты были выставлены уже до созыва избирательных собраний; благодаря этому не только упростится процедура выборов, но и граждане получат возможность предварительно обсудить кандидатуры, и таким образом будут предотвращены последствия неожиданного выступления клик.

Эта защита прав беднейшего населения выражается

также и в отношении газеты к вопросам обложения. Уже в № 47 (от 6 июня 1790 года) в статье о тогдашнем финансовом отчете Неккера газета пишет:

«Воображают, будто вполне справедливо распределили налоговую тяжесть, если на того, кто получает 100 ливров дохода, налагают 10 ливров, а с того, кто получает 100.000 ливров, берут налог в 10.000 ливров. Но тот, у кого на собственные нужды остается всего 90 ливров, умирает от голода, а тот, у кого останется 90.000 ливров, утопает в излишествах. Но, говорят, они ведь уплачивают соответственно своей налогоспособности. Однако это во всех отношениях неправильно. Бедняк в известном смысле—просто кредитор своего участка земли и, если не добывает с него необходимых средств существования, как можно сравнивать его с тем, кто, кроме средств существования, получает от своего имущества еще средства на всевозможный комфорт и даже на совершенно излишнее?

«Но ведь защита, которую государство дает его личности, совершенно такая же, и его собственность охраняется точно так же, хотя величина ее совершенно иная? Несомненно; но нет ли еще таких социальных привилегий, которыми пользуются только богатые? Равенство прав существует для бедных только в теории. В действительности оно существует только для богатых, которые могут все предпринять, всего достигнуть, если только они вообще одарены известными духовными способностями, которые у людей без состояния всегда остаются непроизводительными».

И, обращаясь прямо к Неккеру, газета продолжает:

«Вы хотите возместить 40 миллионов отпавших налогов; однако не увеличивайте доли мелких жителей деревни, простых рабочих, которые не могут признать революции (т.-е. ее чисто политического оправдания) и присоединиться к ней, если они не убедятся, что она облегчает их положение. Разделите богатых на несколько налоговых групп и удвойте, утройте для них ставки налогов сообразно тому, насколько их состояние превышает среднюю величину состояний среднего класса. И прежде всего сильней обложите холостяков, этих врагов природы и отечества. Не облагайте их в та-

кой пропорции, как отцов семейства, ибо, так как при равном доходе последним приходится нести много большее бремя, чистый итог получается совершенно иной».

Затем следует резкое осуждение косвенных налогов, тогдашних налогов на потребление,—на продовольственные продукты; здесь превосходно показано, что система косвенных налогов несравненно сильнее давит на бедных, чем на богатых, если принять во внимание их доходы.

К цитированным статьям Лустало нельзя подходить с меркою современных финансово-политических воззрений. В настоящее время эти воззрения защищаются, хотя часто только в теории, и многими либеральными партиями; для того времени они шли дальше даже той налоговой реформы, которой требовали крайние демократические круги. В отделе о жирондистской налоговой политике мы показали, как, сообразно с тогдашними физиократическо-либеральными воззрениями, подавляющее налоговое бремя взвалили на сельское хозяйство, и даже Робеспьер и его ближайшие друзья, при том в 1793 году, противились освобождению от налогов прожиточного минимума, т.-е. дохода, едва лишь достаточного для скудного существования. Напротив, уже в 1790 году «Парижские революции» защищали такие воззрения: наивозможная пощада для беднейшего сельского населения, прогрессивное увеличение ставок налога соответственно величине имущества и дохода, возможно слабое обложение беднейших слоев без ущерба для их политических прав, уничтожение налогов на потребление,—на средства существования.

Однако было бы ошибкой думать, что газета защищала преимущественно интересы рабочих Парижа. Тем классом, который она в первую очередь имела в виду в своих рассуждениях, была мелкая буржуазия: мелкие ремесленники, мелкие торговцы, низшие чиновники и т. д. Когда она говорит об «ouvriers» (о рабочих), это выражение неизменно охватывает наряду с квалифицированными рабочими и самостоятельных мелких мастеров. Если ближе изучить отношение газеты к различным законопроектам, то окажется, что, как ни решительно вообще делает она выводы из своих

демократических принципов, однако каждый раз, когда эти выводы противоречат интересам мелкобуржуазных слоев, она идет на всевозможные уступки этим интересам. Так было, напр., в случае с военным законом, о котором говорится во второй главе этой работы. При стремлении усилить влияние низших слоев народа на городское управление Парижа, ослабить самовластие магистрата и обеспечить свободу собраний, газета, если бы она хотела оставаться последовательной, должна была выступить против военного закона, этого опасного вторжения в свободу собраний. Однако в № 16 газета высказывается за этот закон, как «предохранительное средство» (sauvegarde) против «несчастных и нарушителей общественного спокойствия»; и высказывается так потому, что мелкая буржуазия в своем большинстве высказалась за закон; в частности, комитет граждан в районе «Малых Августинцев» (Petits Augustins), в котором печатались «Парижские революции», в одном заседании открыто признал необходимость этого закона, «который служит для сохранения доброго порядка». Мелкие торговцы боялись, что сцены, разыгравшиеся перед пекарнями Франсуа, повторятся в других частях города, и измученные голодом безработные начнут штурмовать лавки. А так как торговля была для них все же дороже, чем прославленная свобода, то они были готовы предоставить полицейскому управлению, которое они вообще-то очень недолюбливали, несравненно более широкие полномочия, чем те, которыми оно и без того уже обладало.

Позиция «Парижских революций» была просто уступкой тревогам мелкой буржуазии. Правда, и здесь еженедельник Лустало не заходил так далеко, чтобы попросту одобрить закон, как сделала буржуазия. Вооружить городской совет столь широкой полицейской властью—это противоречило его демократической совести, и потому в № 16 он предлагает столь многочисленные редакционные смягчения закона и столь многочисленные поправки, что, если бы они были внесены, закон стал бы почти недействительным. Однако даже и в таком виде сообразование с желаниями мелкой буржуазии остается характерным для газеты и для того влияния, каким пользовались мелкие торговцы в тогдашнем Париже.

3. Монархические тенденции.

Несмотря на свои демократические принципы, «Парижские революции» в начале революции по своим настроениям были добрым монархистом. Республиканские тенденции лежали вне кругозора газеты. Ее государственным идеалом была конституционно-монархическая форма правительства: монархия, в которой король не оказывает какого-либо влияния на законодательство, а является лишь исполнителем законов, принятых Национальным Собранием, и руководителем исполнительной власти. В наводившем на подозрения отношении короля к решениям Национального Собрания газета видит дело исключительно двора и Марии Антуанетты. Еще в декабре 1789 года газета обнаруживает такое доверие к королю, что, когда Национальное Собрание приняло закон о прямом налоге в одну марку серебра, как условие приобретения избирательного права, она в № 21 предлагает апеллировать к более глубокой проницательности короля и предложить ему использовать свое право вето: то самое право, с которым еще так недавно газета вела столь энергичную борьбу.

«Необходимо, писала газета, подавать королю петиции, чтобы он воспользовался своим суспенсивным (задерживающим) вето по отношению к закону о марке серебра и к статье об организации муниципалитетов, которая отнимает всяческую свободу у коммун и народа. Конечно, и отдельные лица могут подавать такие петиции, но они будут обладать несравненно большею силою, если они будут подаваться от целых округов и союзов коммун. Я рекомендую эту идею вниманию всех патриотов...

«О Людовик XVI, восстановитель французской свободы, смотри, как три четверти нации законом о марке серебра исключены из Национального Собрания, смотри, как нация лишена права подавать свой голос, смотри, как принижены коммуны опекой коммунальных советов; спаси французов от рабства или от угрожающей гражданской войны; освяти суспенсивное вето тем возвышенным употреблением, которое ты из него сделаешь в этот момент. Хранитель народных прав, защити народ от беспринципности, поверхностных

заблуждений или преступности отдельных его представителей. Скажи им, если они потребуют твоего согласия на несправедливый закон: «Нация—суверен; я—глава ее, а вы—только уполномоченные, и вы не господа ни над нею, ни надо мною».

Таково это наивное доверие газеты к королю, которое ярче, чем длинные рассуждения, иллюстрирует, насколько в плену конституционных иллюзий была в это время газета. Однако, несмотря на то, в других случаях редакция решительно отстаивала демократические принципы перед королевскою властью и агитировала за ее ограничение. Так, напр., в трех больших статьях (№№ 45, 46 и 47) газета выступила за то, чтобы только Национальному Собранию принадлежало право объявлять войну и заключать мир. Насколько последовательна она была в этом направлении, показывает следующий пример: она отвергала, как недопустимое нарушение прав народа, даже компромиссное предложение депутата Барнава, предоставлявшее королю право вносить в парламент предложение об объявлении войны и заключении мира, а окончательное решение этих вопросов оставлявшее за Национальным Собранием [1]). Далее, когда 9 июня 1790 года король письмом к Национальному Собранию известил о своем согласии на уменьшение цивильного листа до 25 миллионов ливров, помимо доходов от королевских парков, земель и лесов, газета требует уменьшения цивильного листа до 7 миллионов ливров и называет согласие Национального Собрания на запрошенную королем сумму «узаконенным бандитизмом».

«Роялизм» газеты не распространяется на королеву. В № 43 (от 8 мая 1790 года) газета отвечает на толки некоторых либеральных газет о «сильном характере королевы».

«Вы говорите,—пишет газета,—что в ужаснейшие моменты революции королева проявила характер. Возможно; но к чему вы стремитесь, неустанно преследуя нас в печати, в стихах и прозе этой болтовней о «сильном характере»? Какое значение для счастья народа имеет сильный характер

[1]) Антуан Пьер Барнав, либеральный депутат от третьего сословия Дофине.

женщины, которая является совершенно частным лицом? Я никак не могу разобраться, были ли до сих пор вообще полезными для рода человеческого именно эти так называемые сильные характеры. Семирамида, Аталия [1], Клеопатра, Ливия, Брунегильда [2],—все женщины, которыми некогда управляли и над которыми господствовали мужчины, но которые потом в свою очередь управляли и, несмотря на свой великий характер, приобрели знаменитость только своими великими преступлениями и великою расточительностью».

С развитием революции это доверие к добрым намерениям Людовика XVI все более улетучивается, а бегство короля (21 июня 1791 года) окончательно уничтожает последние остатки симпатии, которую газета питала к королю. В № 202 (от 26 июня 1791 года), в большой статье, занимавшей 28 страниц, газета сводит счеты с королем. Горькие издевательства и насмешки сыплются на голову Людовика XVI, на «почетнейшего человека во всем его королевстве», «достойного отца французов», и на его «честную жену австриячку». Газета, угрожая местью народной, прямо требует низложения короля.

«Этот индивидуум,—пишет газета,—был королем. Теперь он уже не король. Он совершил преступление. Высший временный национальный суд в Орлеане должен произнести свой приговор над Людовиком XVI. И если бы народ, Национальное Собрание или суд в Орлеане полагали, что существующие законы неприменимы к данному случаю, то законодательное учреждение должно просто издать специальный закон; пусть это будет закон, созданный для совершенно особого случая: как бы то ни было, ему будет все же чужд тот недостаток, что применять его будет то самое учреждение, которое его издало».

И когда оказалось, что подавляющее большинство Национального Собрания и слышать не хочет о низложении короля, «Парижские революции» начали собирать разнообразнейшие материалы в доказательство того, что Людовик XVI устраивал заговор против своей собственной страны и объявил ей войну. «Результат его бегства,—говорит газета,—был бы только один: поход войск Буилье на Париж и взрыв гражданской войны». В то же время, напомнив о мужественной твердости того английского парламента, который в 1648 году объявил Карла I государственным преступником и 27 января 1649 года присудил его к смертной казни, газета начала решительную борьбу против «коварной позиции» Национального Собрания и против тех «врагов народа и предателей», которые находятся в его среде. Из 56 страниц номера 103 не менее 30 страниц посвящены этой борьбе против короля и Национального Собрания, а остальные 26 страниц заполнены главным образом отчетами о прениях Национального Собрания.

[1] Аталия, жена Иорама, царя иудейского.

[2] Ливия Друзила, дочь Марка Ливия Друза Клавдиана и жена императора Августа; Брунегильда, жена Зигберта, короля Австразии.

4. Нанси.

Борьба против городского управления заставила «Парижские революции» начать борьбу и против национальной гвардии: как упоминалось уже во второй главе, за исключением нескольких батальонов из мелкобуржуазных районов, гвардия эта под командою Лафайета целиком поступила на службу контр-революционной политики муниципалитета. В качестве средства против «аристократизирования» национальной гвардии, газета требовала усиленного привлечения мелких горожан к службе в ней. В № 56 (7 августа 1790 года) она писала:

«Национальную гвардию следует составить из всех граждан, способных носить оружие, а не только из 3.000 лиц, из которых многие вовсе не граждане. Во главе ее стоит главнокомандующий, оплачиваемый как генерал, и этот главнокомандующий, поскольку это в его силах, прививает различным батальонам корпоративный военный дух; буржуа, которые вооружились для защиты свободы, выдрессированы им в настоящую парижскую армию...

«А так как, к несчастью, в человеческом сердце живет стремление к власти, начальствованию и привилегиям, то это очень искусно задумано и до крайности опасно то

обстоятельство, что каждому национальному гвардейцу даны полномочия чинить надзор над гражданами и наблюдать за ними во всех общественных местах, что они читают и о чем у них идут прения.

«Если генерал за критику, направленную против него, будет мстить таким способом, что он отдает во власть сабли граждан, дерзнувших говорить или писать против него, то этому, быть может, порадуются добрые граждане, ибо такие преследования только рождают мучеников, а мученики в свою очередь—прозелитов; его действия таковы, что его почитатели должны были бы серьезно огорчаться ими.

«Зачем, в самом деле, совершили мы революцию? Или для того, чтобы стонать под военным деспотизмом? А если дают господину Лафайету достигнуть его целей, если предоставляют ему подкупать национальную гвардию той опасной любовью к власти, которую он внушает гвардии, не оказываемся ли мы под военным деспотизмом? Не имеет значения, из наемников ли или же из добровольцев состоит то войско, которое нарушает нашу свободу: совершенно достаточно того, что властью штыка творится насилие над декларацией прав человека; а нас еще уверяют, будто этими мерами хотят охранить ее. Может быть, нам возразят, что Лафайет как-никак действует лишь по поручению гражданской власти. Но все мы очень хорошо знаем, что гражданская власть Парижа послушно подчиняется распоряжениям господина Лафайета».

Но чаще всего выступает газета против политических происков феодального офицерского корпуса, особенно когда в августе 1790 года дело дошло в Нанси до мятежа солдат против своих офицеров и до кровавого подавления «бунтовщиков» карательной экспедицией, находившейся под командой Буилье и составленной из гарнизонных войск и национальной гвардии департамента Мерты.

Во французской армии Людовика XVI почти традиционным обычаем сделалось, что плата солдатам выдавалась нерегулярно: отчасти потому, что полковые управления к сроку платежей сами не получали необходимых сумм, но по большей части потому, что в армии продажность пустила несравненно более глубокие корни, чем даже в различных отраслях гражданского управления. Офицеры-дворяне нередко растрачивали на самих себя часть денег, предназначенных для их полков, и не возмещали растраченных сумм [1]).

Затронутые революционным движением, солдаты, у которых отнимали их жалкую плату, не могли дольше мириться с этим мошенничеством феодальных офицеров. Уже в июле 1790 года в различных частях Франции дело дошло до мятежей, и, наконец, 6 августа 1790 года Национальному Собранию пришлось принять постановление: просить короля о назначении инспекторов, которые при содействии солдат разных рангов обревизовали бы все счетоводство и платежи солдатам за последние 6 лет. И, действительно, было назначено несколько таких инспекторов, но, по распоряжению военного министра Латура дю-Пена, в инспектора попали во многих случаях сами полковые командиры или обвиняемые в злоупотреблениях кассиры, которые, разумеется, не слишком-то спешили с ревизией.

---

[1]) В большинстве исторических работ требование солдат выдать им задержанную плату изображается как наглое, бесстыдное требование. Но, несмотря на особые свойства их либерализма, историки, может быть, воздержались бы от повторения болтовни Зибеля об „анархии самого грубого и низкого вида“, поднявшей голову в Нанси, если бы они ближе познакомились с делом: если бы вместо того, чтобы принимать без проверки декламации реакционеров Национального Собрания, изучили условия найма, продовольствие и уголовные наказания в тогдашней французской армии. Так, напр. для пехоты плата составляла 6 су 4 денье в день, т.-е. $9^1/_2$ ливров в месяц ($7^1/_2$ марок, или несколько более $3^1/_2$ довоенных рублей). Из этой платы, в тогдашние д о р о г и е в р е м е н а, солдат должен был сам добывать не только весь приварок, всякие добавки к похлебкам и напитки, но и почти все предметы обмундирования и другие необходимые предметы. Так, напр., согласно регламенту, пехотинец должен был сам позаботиться о следующих предметах: холщевые вещи, шейные повязки, кокарды, брюки, чулки, гамаши, башмаки, кожаные вещи, ремни, гребни, щетки, мешки для фуража, ранец, мыло, помада и прочие принадлежности туалета, предметы для чистки оружия и одежды, вакса, смазки и т. д. Кроме того, солдаты сами должны добывать дрова для варки пищи, свечи, сало, посуду для варки и еды и, далее, на свой собственный счет должны бриться и убирать голову.

Нечего и говорить, что при всех этих расходах солдат недалеко мог бы уехать со своими $9^1/_2$ ливрами в месяц; а если офицеры-дворяне к тому же отхватывали часть этой жалкой платы, то, естественно, уважение солдат к благородным господам от этого нисколько не увеличивалось,— это тоже понятно само собою.

В Нанси тоже произошло выступление трех расположенных там полков, у которых мошеннически удерживали плату: королевского полка, кавалерийского полка «Местр де-Кан» и швейцарского полка «Шато Вье». Во всех этих полках офицерство было архиреакционное,—«fine fleur des aristocrates de l'armée» («тончайший цвет армейской аристократии»), как говорится в сообщениях того времени.

Уже к началу 1790 года установились до чрезвычайности напряженные отношения между этими ультра-роялистическими офицерами и солдатами, которые подвергались беспощадным притеснениям со стороны офицеров. Притом полк «Местр де-Кан», с точки зрения офицеров, самым грубым образом запятнал свою военную честь, так как в июльские дни 1789 года (взятие Бастилии), когда он стоял на Марсовом поле, отказался стрелять в парижский народ.

Прежде всего, королевский полк потребовал выдачи удержанного у него жалованья, и офицерский корпус, утративший всякий стыд, в конце концов, дал обещание доплатить 150.000 ливров. Точно так же кавалерийскому полку Местр де-Кан удалось принудить свое офицерство к выдаче 48.000 ливров. Но когда и третий из расположенных в Нанси полков, швейцарский полк Шато Вье, потребовал выдачи задержанного у него жалованья в размере 229.000 ливров, надменные офицеры приказали выпороть девятиконечной плетью делегатов от рядовых. Избитые нашли поддержку у своих товарищей. Несмотря на запрет офицеров, было устроено несколько собраний, на которых ораторы ссылались на постановление Национального Собрания от 6 августа. А когда пронесся слух, что офицеры собираются бежать с полковой кассой и знаменем, отряд солдат силою овладел кассой, но оставил ее неприкосновенной и передал на сохранение мэру.

Плац-комендант Нанси Денуэ, строгий роялист, департаментское правление и столь же верноподданное городское управление тотчас же послали в Париж жалобу министерству. Особенно постаралось городское управление,—оно изобразило дело так, как будто население Нанси все охвачено явным бунтом. «Все кипит, все делает натиск»,—говорится в его послании. Мори, докладчик военного комитета, находившийся под влиянием военного министра, 16 августа доложил Национальному Собранию эти лживые обвинения и предложил подавить это грубое неповиновение и нарушение дисциплины [1]). Национальное Собрание высказалось за подавление и самое строгое наказание «преступников», виновных в «оскорблении нации». Осуществление кары было возложено на высоко-феодального маркиза де-Буилье, главнокомандующего в Меце; но еще раньше не менее реакционный господин де-Мальсень был послан в Нанси для обревизования полковых касс. Господин де-Мальсень прибыл туда 24 августа. Но вместо того, чтобы немедленно приступить к ревизии кассы, он захотел показать, что он—как раз такой человек, который сумеет строгостью восстановить порядок. Он издал ряд вызывающих приказов, которые, действительно, толкнули солдат на новые беспорядки. Тогда господин де-Мальсень отдал приказ, чтобы полк Шато Вье немедленно оставил Нанси и в ожидании дальнейших распоряжений был расквартирован в Сарлуи. Полк отказался от выступления. Чтобы покорить его, господин де-Мальсень отправился в Люневиль, чтобы привести оттуда расположенный там полк карабинеров. Проведав об его намерении, полк Местр де-Кан отпра-

[1]) Чтобы опровергнуть сообщения коменданта Денуэ и родственного ему по духу магистрата Нанси, „бунтовщики" отправили в Париж делегацию из 10 человек с документами и доказательствами, которые они предполагали представить в Национальное Собрание. Так как военный министр Латур дю-Пен опасался, что это разрушит его планы, то он приказал перехватить депутацию и бросить ее в тюрьму на основании приказа об аресте, отданного парижским мэром Бальи, который, как во многих других случаях, и на этот раз проявил полную готовность оказать услугу тем, кто стоял наверху.

Как смотрел Латур дю-Пен на отношения рядовых к офицеру, показывает его речь, произнесенная в Национальном Собрании 8-го августа 1790 года, при обсуждении требования, предъявленного рядовыми нескольких полков, о доплате удержанного у них жалования. Он заявил, что солдаты вовсе не имеют права предъявлять требования, их дело—только подчиняться офицерам. Дословно он сказал следующее: „Из природы вещей вытекает,—и того же требует общее благо,—чтобы солдаты действовали просто, как орудия, и не имели собственной воли. Если не будет совершенно пассивного подчинения, армия сделается непригодной во внешних отношениях и в высокой степени опасной для внутренних отношений государства".

Другими словами, тогда уже нельзя будет с прежней уверенностью пользоваться ею против революционеров.

вил отряд в погоню за ним. Но господин де-Мальсень сильно опередил. Он первый достиг Люневиля, и, когда конный передовой взвод полка Местр де-Кан подошел к городским воротам, карабинеры встретили его выстрелами. Понеся некоторый урон, отряд бросился обратно в Нанси и известил там о случившемся. Тогда полк Местр де-Кан схватился за оружие и, сопровождаемый частью солдат из королевского полка и вооруженными толпами народа, отправился в Люневиль, чтобы проучить карабинеров. Однако дело не дошло до сражения: карабинеры уступили и выдали Мальсеня, который вместе с Денуэ был посажен под стражу.

Между тем подошел Буилье со своими войсками, во главе которых был немецкий полк Сальма, и потребовал от трех полков в Нанси безусловного подчинения, выдачи Денуэ и Мальсеня, а также удаления из Нанси. Сначала гарнизон отказался выполнить эти требования. Но когда явился Буилье со своим авангардом, гарнизон уступил, выдал обоих задержанных и через указанные Буилье ворота вышел из города, чтобы на лугу перед городом выжидать дальнейших приказаний Буилье. Однако у ворот Нотр-Дам произошла стычка между частью гарнизона, человек в 50, и войсками Буилье [1]). Тогда Буилье приказал взять город штурмом и подвергнуть разграблению [2]). На-

[1]) На основании рассказов Буилье, в большинстве исторических работ дело изображается таким образом, будто отряд королевского полка без всякого повода,—надо полагать, просто для удовольствия,—выстрелил из пушки в передовой пикет Буилье. Как ни мало правдоподобно звучит это сообщение,—отряду противостояла двадцатикратная сила,—оно без всякой критики пересказывается снова и снова. Однако парижская демократическая пресса уже в сентябре 1790 года высмеивала его, как тенденциозную басню. Например, „Парижские революции“ (№ 62, стр. 472) на основании поступившего к ним письма из Нанси сообщают, что сначала возникла перебранка между упомянутым отрядом королевского полка и гусарами Лозена; тогда гусары первые открыли стрельбу по отряду королевского полка, и лишь затем со стороны последнего был сделан выстрел из пушки.

[2]) Оспаривалось, что Буилье отдал приказ убивать. Томас Карлейль рассказывает, будто авангард *без приказа Буилье* ворвался в ворота, и говорит дальше, как Буилье бешеным галопом промчался через город, охваченный отчаянием при виде резни, но как никто не обращал внимания на его увещания и приказания. Как это часто бывает у Карлейля, все это—плод его фантазии. Это доказывает сам Буилье, который в своем официальном сообщении военному министерству пишет в Париж, что после выстрела из пушки он преднамеренно направил свои войска через различные ворота в город, чтобы скорее захватить арсенал и казармы полков.

чалась ужасающая резня. Жертвой кровожадных войск Буилье пало до 3.000 солдат и до 400 женщин и детей. Часть уцелевших солдат была посажена в тюрьму, часть отправлена на галеры. 23 зачинщика из полка Шато Вье были без всяких промедлений повешены. А Национальное Собрание, несмотря на возражения нескольких батальонов парижской национальной гвардии и бурные протесты парижских пригородов, вотировало генералу Буилье благодарность от имени нации.

«Парижские революции» посвятили событиям в Нанси несколько статей. На основании поступивших к ней сообщений, газета раскрыла предательскую игру офицеров-роялистов, а также интриги Лафайета, который добился назначения Буилье начальником карательного корпуса, и нападала на Национальное Собрание за его отношение к делу. Так, напр., в одной статье (№ 62) она писала:

«Главная причина несчастий, терзающих наше злополучное отечество, заключается в слабости нашего народного представительства: его шаги всегда неуверенные и колеблющиеся. Оно оставляет без внимания все принципы и трясется, когда надо сделать из них известные выводы. Почему, напр., наши представители, конституировавшись в качестве Национального Собрания, не ослабили надлежащими мерами исполнительной власти? Почему они не сузили функций агентов этой власти?».

События в Нанси не помешали газете продолжить свою критику «духа военщины». Напротив, Нанси вновь показало, насколько легко направить существующую армию против революционного движения: войска Буилье не только охотно пошли против революционной части граждан Нанси, но по приказу убивали и своих собственных угнетенных товарищей. Поэтому, попав в руки энергичных генералов, армия представляла постоянную опасность для революционного движения. Из этого «Парижские революции» делали тот вывод, что необходимо уничтожить наемное войско и заменить его милицией, построенной на основе

всеобщей воинской повинности: только таким способом и возможно ослабить влияние феодального офицерства и усилить значение в армии революционных низших слоев народа. «Каждый мужчина,—так пишет газета в № 64 (от 2 октября),—обязан послужить отечеству солдатом. Так как во Франции 25 миллионов жителей, то будет нетрудно найти среди молодых мужчин один миллион людей, пригодных к военной службе. Но нет никакой необходимости в том, чтобы даже этот миллион во всякое время весь стоял под ружьем: постоянно необходимо производить набор только одной четверти, 250.000 человек, таким образом, чтобы, когда одна четверть солдат, отслужив три месяца, отпускается домой, призывалась бы на службу другая четверть.

«Этот миллион,—отбор из всего мужского населения,—обученный употреблению оружия и на основании определенных начал поставленный под национальное знамя, ничего не будет стоить нации. Если распределить их на службу по трехмесячным промежуткам и наборы по различным департаментам, то можно будет во всякое время иметь под ружьем 250.000 человек. Это была бы армия, которая вполне обеспечила бы для нас безопасность. Отец передавал бы тогда своему сыну, или, что то же самое, капрал передавал бы солдату обязанность носить мушкет для защиты законов и свободы. Возьмите пример с Швейцарии, но не продавайте, подобно ей, своей крови» [1]).

В Париже известия из Нанси до крайних пределов взбудоражили страсти. Газеты печатали длинные статьи о борьбе в Нанси. Народные массы из пригородов Сент-Антуан собрались перед окнами Национального Собрания и требовали смертной казни Буилье и отставки военного министра. А когда Латур дю-Пен показал, что у него нет ни малейшего желания выйти в отставку, толпа отправилась к его дворцу, чтобы «выкурить» его оттуда. Но дворец охраняли войска. Латур дю-Пен приказал выдвинуть пушки, чтобы при первом же нападении рассеять толпу картечью. И толпа выходила из себя, но напасть не решилась: приходилось считаться с заряженными орудиями.

[1]) Намек на швейцарские полки, которые по найму состояли на французской службе.

«Парижские революции» прямо обвинили Буилье в убийстве и объявили его изменником перед народом. Но с самыми резкими насмешками обрушилась газета на человека, который за кулисами сыграл роль заправилы: на паяца двух миров, на великого Лафайета. До сих пор газета Лустало все еще щадила главнокомандующего парижской национальной гвардии, которого газета Марата уже давно высмеивала, как суетного позера и честолюбца,—хотя, конечно, и «Парижские революции» не могли не осуждать его пагубного влияния на национальную гвардию. Но вся бережность, которую, как казалось руководителям газеты, приходится соблюдать по отношению к нему, была отброшена, когда стало ясно, какую роль сыграл самовлюбленный маркиз в интриге против «бунтовщиков» Нанси [1]). Не было недостатка в поводах для насмешек. Представители нескольких батальонов парижской национальной гвардии, собравшись, по инициативе Лафайета, выразили свою признательность национальной гвардии из Меца за ее подвиги в Нанси и потом к этой резолюции присоединили особое восхваление Лафайета. В нем говорится:

«Собрание поручает своим делегатам выразить чувства изумления, преданности и верности, которые батальоны, убежденные в добродетелях Лафайета, никогда не перестанут питать к нему. Они поручают также заверить его, что они до глубины души возмущены теми клеветническими обвинениями, которые враги государственного блага постоянно повторяют против него с той целью, чтобы омрачить блеск и славу его имени, являющиеся символом чести и свободы».

И Лафайет принял эту лесть, как и многое другое, как нечто само собой разумеющееся и заслуженное.

[1]) Как видно из мемуаров Буилье, Лафайет уже в ноябре 1789 года завязал тайные отношения с Буилье. С помощью войск Буилье он хотел удержать революцию от дальнейших „эксцессов", т.-е. от дальнейшего развития, и, как говорится в письме Лафайета от 15 ноября, повести борьбу против „анархии, внутренних распрей, разложения всех общественных сил" и обеспечить „восстановление кредита, упрочение конституционной свободы и возвращение порядка".

5. Лафайет и парижская национальная гвардия.

События в Нанси закончились для «Парижских революций» печальным эпилогом. Обрадованные победой «законности» в Нанси, добрые патриоты устроили на Марсовом поле торжество в честь погибших с погребальной музыкой и с речами, в которых прославлялись павшие в борьбе против «бунтовщиков» национальные гвардейцы и солдаты, как жертвы любви к отечеству. Радикальные демократы сначала с немым изумлением взирали на всю эту шумиху, но потом ухватились за мысль о контр-демонстрации и в свою очередь устроили траурное торжество в честь павших солдат из полка Шато Вье. По этому случаю Лустало держал речь. Возбуждение,—по всей вероятности у Лустало была болезнь сердца,—повело к тому, что после речи 19 сентября 1790 года у него сделался разрыв сердца. Это была тяжелая утрата для газеты и не менее тяжкая, как признала вся тогдашняя демократическая пресса, для всей революционной журналистики той эпохи. Даже Марат писал в своем «Друге Народа»: «Пока солнце освещает землю, с любовью будут вспоминать о Лустало друзья свободы. Их дети будут каждый день чтить его память, и его имя, внесенное в славные летописи революции, дойдет до наших отдаленнейших потомков».

Между тем, издатель Прюдом сумел найти заместителя. Он сам сделался главным редактором и, так как средства ему это позволяли и он не скупился на гонорары, ему постепенно удалось привлечь ряд способных сотрудников,— не людей с блестящими именами, а молодые таланты, выдвинутые революцией, в том числе Шометта, позже сделавшегося прокурором парижской коммуны. Правда, кое-что пострадало: единство содержания, согласование с определенным основным революционным тоном не только еженедельного обзора, стоявшего во главе каждого номера, но и статей, доставлявшихся сотрудниками. Аналитико-дедуктивный стиль Лустало заменяется стилем революционных воззваний, «плакатным стилем». Но, с другой стороны, по своему общему содержанию газета сильно выигрывает в живости, так как участвует в ней большее количество

сотрудников,—хотя как раз поэтому строгое единство отчасти утрачивается, и часто заявляют о себе противоположные воззрения.

Смерть Лустало ничего не изменяет в той политической позиции, которую газета заняла по отношению к городскому управлению, к Национальному Собранию и к вождям умеренных конституционалистов. Антагонизм между стремлениями мелко-буржуазной демократии и махинациями крупно-буржуазного либерализма все более возрастает, и это все сильнее толкает газету к оппозиции; притом нападения ее направляются теперь уже преимущественно не против конституционалистов, а против либеральных вождей. Аристократические элементы,—еще отнюдь не окончательно, но на время во всяком случае,—должны были выйти из своей роли «тормозителей» развертывающейся революции. Их задерживающие функции взяли на себя либеральные вожди, и вот против них-то и направляет свои нападения журнал Прюдома: против всех этих Бальи, Дюпонов, Сийесов, Барнавов, Лафайетов и т. д., а прежде всего—против главнокомандующего парижской национальной гвардии маркиза Лафайета, перед которым все еще идолопоклонствовала парижская зажиточная буржуазия. Все повышавшаяся надменность и самовлюбленность маркиза давали газете неистощимый материал для насмешек. Иногда газета посвящает «великому Лафайету» особые сатирические статьи, — так, напр., в № 75 (18 декабря 1790 г.) статью о «диктатуре великого генерала»; в ней газета критикует тот произвол, с каким Лафайет действовал в Париже против своих личных противников, и для характеристики Лафайета рассказывает о следующем случае:

«После своего похода к дворцу де-Кастри Лафайет приказал войскам пройти через улицу Варенн, все время оставаясь во главе их. Некий господин Ротондо, прислонившись к тумбе, спокойно смотрел на процессию. Но, заметив неосторожность всадников, которые галопом скакали через толпу, так что легко могло бы случиться несчастье, он обратился к одному офицеру с просьбой приказать ехать шагом. Офицер почувствовал себя оскорбленным этою просьбой и решил, что он должен стремительно известить Ла-

файета о том, что какой-то человек оказывает противодействие его приказаниям. Генерал направился к Ротондо и наехал на него. Когда он спросил у господина Ротондо, не англичанин ли он, тот ответил: «Moitié l'un, moitié l'autre» («наполовину одно, наполовину другое») [1]). Такая игра слов—это было уже слишком для генерал-патриота. Он почувствовал себя оскорбленным и с этого момента решил уничтожить господина Ротондо. Несколько украшенных эполетами жалких рабьих голов поспешили выполнить дело мести. Один из них арестовал господина Ротондо в тот момент, когда тот проходил мимо корпуса гвардии фейльянтов. Его отвели к мэру; однако господин Бальи его отпустил,—впрочем, не дав никакого удовлетворения за его задержание.

«Через несколько дней после того на господина Ротондо на улице Круа-де-Пти-Шан напало несколько полицейских, одетых в мундиры национальных гвардейцев, и на третий день после того суд Шатле запрятал его под арест на основании обвинения королевского прокурора и доноса нескольких свидетелей, подкупленных Лафайетом» [2]).

В апреле 1791 года Лафайет отказался от своего поста и следом за тем вновь взял на себя командование национальной гвардией. Это послужило «Парижским революциям» поводом для ряда статей, возобновивших резкие нападки на Лафайета. Во второй из этих статей, озаглавленной: «Возвращение господина де-Лафайета» (№ 94), говорится:

«О, благородный Лафайет, возьми опять пост генерала! Ты, современный Кориолан, гордый тем, что видел у ног своих батальонов национальной гвардии и шарфы муниципальных чиновников,—разыгрывай попрежнему роль командующего повелителя, диктующего законы!

[1]) Лафайет обыкновенно ездил на белом коне. Поэтому парижский народ насмешливо называл его „Мотье с белым конем", или даже попросту „белый конь". В ответе Ротондо—непередаваемая игра слов: „Мотье (Лафайет)—и то и другое" и Мотье, и белый конь.

[2]) Суд Шатле, действительно, начал процесс против Ротондо по обвинению за „недопустимые выражения о короле, королеве, министрах и в особенности о господине Лафайете".

«Его система,—так явно совпадающая с системой двора,—заключается в том, чтобы заставить солдат-граждан нести то же ярмо, как регулярная армия, чтобы они без всяких возражений оказывали слепое подчинение. Что надо было сделать, чтобы достигнуть этого? Он попытался извлечь всю возможную выгоду из обезьяньей любви к мундиру, до сих пор имеющей всеобщее распространение, и в качестве условия своего возвращения потребовал, чтобы гвардейцы обязаны были принести клятву в верности и в слепом повиновении его приказам».

Особенно подозрительными глазами смотрела газета на отношения Лафайета к двору. Когда она пришла к убеждению, что Лафайет состоит в заговоре с двором, она в № 96 напечатала большую статью под заглавием: «Белый слон» (намек на белого коня Лафайета и на его прозвище). Под видом белого слона и королевы Сиама она предала осмеянию Лафайета и Марию Антуанетту.

«У этого четвероногого животного, — говорится в этой статье, — другом и советником был необузданный бык по имени Минотавр» (имеется в виду Мирабо). «Это существо с головой изумительной силы пряталось за идолом (белым слоном) и пользовалось им для того, чтобы легче обманывать народ и скорее подчинить его старому игу. И он достиг бы своей цели, если бы смерть не прервала его карьеры на полпути. И ему воздали божеские почести.

«Больно почувствовал слон эту утрату. С этого времени, предоставленный всецело собственным способностям разумения, он почти каждый день совершал глупости.

«Супругой сиамского короля Соливо была ласка» (в примечании газета ехидно добавляет: «веселый маленький зверек, который, однако, как известно натуралистам, испускает очень дурной запах»); «с великими затратами король достал ее с севера. Люди, которые постоянно все замечают, скоро открыли, что хобот слона нашел путь к уху ласки. Ласка, холодная от природы, никак не могла приспособиться к пламенному сиамскому темпераменту. Среди сиамцев она оставалась чужой, и они очень скоро это заметили,—ко вреду для нее. В одном парке, сделавшемся знаменитым во многих концах государства» (имеется в виду парк Па-

ле-Рояля), «многолюдное собрание граждан пришло к внезапному решению: порвать эту подозрительную связь между лаской и слоном. Оно решило, что следует выслать ласку, так как она ко вреду для государства оказывает слишком большое влияние на волю короля, и что будет поэтому лучше, если она некоторое время опять подышит воздухом своей родины. И белого слона, так как он угрожает народному благоденствию, тоже надо послать обратно за море. Короля оставили на троне. Но при этом взаимно дали друг-другу обещание не назначать ему никакого преемника. Так и вышло, что в Сиаме достигли своей цели: уничтожить идолослужение».

Но борьба такого персонального, личного свойства довольно редко ведется в «Парижских революциях» по сравнению с другими газетами того времени. Таким способом газета Прюдома высмеивает почти исключительно только Лафайета и королеву. В большинстве случаев газета придает своей борьбе принципиальный характер. Она борется с учреждениями, а не с лицами. Но, разумеется, те политики и государственные чиновники, которые являлись вдохновителями ненавистных учреждений, часто встречали суровую критику со стороны газеты за чисто личные мотивы своих действий,—и в особенности часто критика обрушивалась на национальных партийных вождей в Национальном Собрании. Уже весной 1790 года, подвергая критике постановления Национального Собрания, газета не находит иных выражений, как «честолюбцы», «прогнившие сенаторы» аристократического сената. Исчезло то почтение, с которым некогда газета относилась к избранникам французского народа. Не лучше приходится и либеральным вождям парижского коммунального представительства. Так, напр., в № 70 одна статья: «Деспотизм муниципалитетов», новыми примерами старается доказать положение, выдвинутое уже в № 67: «Опаснейший вид деспотизма тот, который облекается в закономерные формы»; она перечисляет ряд полицейских мер против свободы печати, принятых магистратами Марселя, Лиона, Амбуаза и Сен-Кентена. Далее, в № 78 газета дает статью о «муниципальной тирании», в которой она порицает произвольное закрытие монархических и революционных союзов,—напр., «Монархического клуба» и «Общества победителей Бастилии». Пусть «Монархический клуб»—аристократический союз, говорит газета, тем не менее, нельзя предоставлять полицейской власти права уничтожать по своему усмотрению такие политические союзы, раз они соблюдают предписания закона.

«Граждане, говорится в статье, остерегайтесь одобрять такие отклонения от принципов и допускать, чтобы ваши уполномоченные произвольно приспособляли принципы к обстоятельствам. Вашим богом должна быть только свобода, и вы без колебаний должны принести ей в жертву мелкие суетные соображения удобства. Но эта свобода существует для всех граждан без различия их настроений и политических убеждений. Аристократы, подобно патриотам, имеют право устраивать собрания и объединяться в союзы, не подвергаясь никаким стеснениям со стороны властей,—разумеется, если они собираются спокойно и без оружия».

Но больше всего старается газета воспрепятствовать стремлениям крупной буржуазии создать для себя из национальной гвардии охранное войско. Так, статья в № 67, озаглавленная: «О влиянии голубых мундиров на революцию», говорит о противоречиях, которые развились в национальной гвардии со времени взятия Бастилии: разделение по различным видам оружия (гренадеры, фузильеры, егеря, драгуны), стремление блистать значками на мундирах и знаменами, обезьянье подражание аристократическим учреждениям в армии, замещение офицерских постов богатыми купцами, чиновниками и отставными офицерами из дворян.

В № 71, на примере командира Жердре, газета показывает, как роялистский офицерский корпус подвергает преследованиям офицеров, преданных революции. В № 72 статья, занимающая десять страниц, подвергает критике «организацию национальной гвардии». В № 74 статья: «Постановления закона относительно организации национальной гвардии» нападает на решения, принятые Национальным Собранием. Согласно этим постановлениям, вступить в национальную гвардию могут только активные граждане, и притом лишь

такие, которые выполнили условия регламента относительно экипировки и обязались восстанавливать внутренний порядок, если от них законно этого потребуют [1]). И когда, на основании пунктов этого закона, устранившего более четырех пятых населения от службы в национальной гвардии, Париж, действительно, реорганизовал свою национальную гвардию, газета пишет (8 мая 1791 года):

«Итак, семь восьмых населения государства отдано на милость остальной восьмой. Национальная гвардия должна превратиться в покровительствуемую касту, составленную из того пожизненного дворянства, которое создала конституция вместо уничтоженного наследственного дворянства. В каком же преступлении повинны те граждане, которых вы лишаете права носить оружие? В какое положение вы их ставите? Будут ли они свободными или рабами? Они—не свободные, так как вы не позволили им защищать свой очаг. В настоящее время они в тысячу раз больше рабы, чем были перед революцией. Но если вы принижаете их до положения рабов, какими глазами должны они смотреть на конституцию, которая наказывает их за то, что они завоевали свободу? Ибо,—этого нельзя оспаривать,—пролетарии ниспровергли Бастилию и уничтожили деспотизм. Это пролетарии боролись за отечество в то время, когда благополучные граждане с трусливой пассивностью, столь соответствующей их натуре, в глубине своих жилищ выжидали, на чью сторону склонится победа. Не низость ли после этого, что всеми выгодами революции должны воспользоваться те, кто ничего не сделал, чтобы довести плод до зрелости? Вы боитесь дать оружие в руки бедных граждан, потому что, говорите вы, у них нет никакого имущества; но не имеют ли они своего естественного права, которое вы низким обманом у них отни-

[1]) В регламенте говорится, что граждане, желающие вступить в национальную гвардию, предварительно должны дать обязательство „de retablir l'ordre, au dedans, quand ils en seront légalement requis.

маете: права на жизнь,—они со своими семьями, со своими женами, со своими детьми?».

В июне 1791 года Национальное Собрание внесло в уголовное уложение ряд пунктов, которые принижают солдат до положения простых автоматов и возлагают на них в качестве первой обязанности «слепое и нерассуждающее подчинение» своему начальству. «Парижские революции», напомнив о походе Буилье на Нанси, пишут:

«Возможно, для королей необходимо, чтобы солдаты были марионетками, ниточки от которых находятся у них в руках. У рабовладельческих народов даже генералы и командующие армиями передвигаются всецело по усмотрению своих государей. «Такова воля короля, моего государя!»,—вот чем они направляются, и, пользуясь этими воззрениями, королям легко подавлять народы. Генералов избирают, лишь вполне выяснив все обстоятельства; им не поручат командования, пока не убедятся в их верности, ни одного корпуса не отправят для усмирения провинции, пока не наобещают всего возможного, не пленят лестью, не подчинят угрозами того генерала, который возьмет на себя выполнить позорное поручение,—совершить поход. Сатрап повелевает стрелять; солдат исполняет приказ, и тысячи французов падают жертвою от руки французов. Так называемые национальные учреждения разгоняются, и опять воля повелителя творит законы,—ибо генералы, офицеры и солдаты ничего не знают, кроме слепого подчинения».

6. Аграрный закон.

Кроме борьбы против духа военщины, «Парижские революции» много места отводили всевозможным соображениям о том, как воспрепятствовать возникновению новой аристократии и как создать для демократии более широкое основание. Результатом было сначала робко выдвинутое, а потом энергично отстаивавшееся предложение так называемого аграрного закона, т.-е. требование поделить крупное землевладение Франции, на первых порах раздробить хотя бы часть национальных имуществ на мелкие участки (парцеллы), достаточные для существования кре-

стьянской семьи, и раздать их на известных условиях неимущему сельскому населению.

Эркман-Шатриан в своем романе «История одного крестьянина» (имеется в русск. пер. *И. С.*), изображающем в связи с жизнеописанием одного крестьянина французскую революцию, показывает, как сельский хозяин и кузнец Ганс Леру в пфальцбургском округе использовал в 1790 году продажу церковных имений, объявленных национальною собственностью: скупил очень значительное количество земли и после того стал тянуть к умеренным революционерам местечка и к их идолу—великому генералу Лафайету. Этот кузнечный мастер Ганс Леру—тип. Уже в 1790 году в восточной и северной Франции начинает постепенно возникать своего рода новая деревенская и крестьянская аристократия. Благодаря купле церковных имуществ, отчасти вследствие разграбления старых феодальных усадеб, а также вследствие уничтожения барщинных работ и десятин и упразднения привилегий, которыми пользовались на рынке компании хлеботорговцев, при сохранении в то же время высоких цен хлеба, далее, вследствие начавшегося именно тогда возделывания картофеля в этих областях, что давало дешевый продовольственный продукт,—вследствие всех этих причин возникло зажиточное крестьянское сословие. Хотя оно и стояло за революцию, но о так называемых «исступленных» в Париже не хотело и слышать. Те самые крестьяне, которые в июле и августе 1789 года штурмовали замки феодальных господ, теперь сами сделавшись свободными землевладельцами, превратились в добрых патриотов, которые яростно отстаивали священность собственности, т.-е. крестьянской земельной собственности (но не церковной или дворянской).

Стоило бы обратиться к содержанию тех газет, которые находили среди крестьян величайшее распространение, напр., к основанной в сентябре 1790 года парижским издателем Дессаном «Feuille Villageoise, adressée chaque semaine à tous les villages de la France, pour les instruire des lois, des événements, des découvertes qui intéressent tout Citoyen» («Деревенская газета, каждую неделю рассылаемая во все деревни Франции для осведомления их о законах, происшествиях, открытиях, интересующих всех граждан»). Судя по этим газетам, крестьяне еще менее разбирались в политических вопросах, выдвинувшихся на очередь дня, чем даже наиболее простоватая часть городского мещанства. Больше всего интересовали их сельскохозяйственные и местные дела, выпады против дворянства и особенно против контр-революционного духовенства: они ведь расположились отчасти на прежних церковных землях и боялись потерять свою земельную собственность, если бы духовенство одержало победу в борьбе против революции. Следовательно, этот слой остался верным революции,—но только той «доброй» революции, которая освободила его от прежних повинностей и дала ему собственность и высокие цены. К низшим революционным слоям больших городов, эти крестьяне питали тем большее недоверие, чем менее понимали их жизненные условия и их воззрения. Характерно, что даже «Деревенская газета», радикальнейшая из крестьянских газет, которую редактировали Женгене и Грувель, доходила только до очень слабых намеков на бледное якобинство.

Этой возникающей крестьянской аристократии Прюдом хотел противопоставить крестьянскую демократию по образцу Швейцарии, заинтересованную в развитии революции. Таковы были мотивы, которые уже в январе 1791 года заставили его напечатать в «Парижских революциях» следующую статью, под заглавием: «Бедный и богатый»:

«Бедные,—писала газета,—сделали революцию. Но не к своей собственной выгоде: после 14 июля» (1789 года—взятие Бастилии) «они остаются почти буквально при том же, при чем были до 14 июля. Это начинают понимать даже некоторые богатые. Поняв, на что способен народ, доведенный до крайности, они изменили направление своих батарей. Охваченные одно время страхом, теперь они измыслили предохранительные меры для того, чтобы впредь уже ничего не опасаться со стороны этого многочисленного класса, который, более чем когда-либо склонный дойти до ожесточения, требует по отношению к себе величайшей внимательности.

«Итак, класс, живущий среди изобилия, несколько внимательнее отнесется к бедным и принесет небольшие жертвы для того, чтобы сохранить свои собственные выгоды. Однако, нуждающаяся масса останется тем же, чем она была с самого начала, и течение вещей будет следовать тому же пути, как до настоящего времени,—хотя в других формах и под другими названиями.

«И, однако, возможен совершенно иной порядок вещей. Задача заключается в том, чтобы мало-по-малу разрушить ту высокую стену, которая, как скала, отделяет бедного от богатого. Как этого достигнуть? Как сблизить эти стороны, в настоящее время столь взаимно противоположные, как привести их к точке, одинаково далекой и от опасного изобилия, и от глубокой нищеты, готовой прибегнуть к насильственными действиям? Эта великая проблема, разрешение которой считали столь трудным при старом режиме, в настоящее время отнюдь не представляет непреодолимых трудностей. Необходимо только, чтобы те, кто имеет почти все, и те, у кого нет почти ничего, сошлись на такой средней линии, на которой никто не имеет ни слишком много, ни слишком мало...

«Первый раздел коснется богатых. Здесь задача, пожалуй, будет самая тяжелая: дело идет о том, чтобы убедить их, богатых, что раздел—в их собственном интересе, что они таким способом должны обеспечить для себя спокойствие, сами проведя тот аграрный закон, о котором мы упоминали раньше. В настоящее время бедные доходят до того, что приобретают лишь частичное понимание, которое может сделаться очень опасным для богатых, если только бедным не дадут возможности своими силами завершить свое разумение; а это недостижимо ни для кого, если необходимость постоянно приковывает его к маховому колесу труда с восхода и до захода солнца».

Статья вызвала решительное возражение де-Лагарпа в «Французском Меркурии». Однако, газета Прюдома ни от чего не отказалась. В новой статье (№ 96, 15 мая 1791 года) она сослалась на коммунистические воззрения древних евреев, египтян и греков, а также на Руссо, и возвестила, что революция не остановится на возвращении французскому народу его прежних прав, а приведет и к изменению отношений собственности.

«Какую же разницу видите вы, пишет газета, между войною неимущих против имущих и войною угнетенных против угнетателей? Тот сосед, который, будучи сильнее меня, прогоняет меня с моего участка земли и присваивает его себе,—разве он не угнетатель по отношению ко мне, и разве я не угнетаемый им? Если революция началась с того, что она понизила тех, кто стоял наверху, и повысила стоявших внизу, то не должна ли она кончиться тем, что она возвратит угнетенным обладание их землею, а не тем, что она предоставит кому-нибудь другому распоряжаться на том месте, которое принадлежит им по праву? Или же, спросим мы вас, аграрный закон требует чего-либо иного, кроме такого восстановления прав?» [1]).

Однако, эти заявления нельзя считать мнением редакции. И еще ошибочнее было бы предполагать, что они нашли отголосок в пролетариате Парижа. Требование аграрного закона прозвучало собственно из кучки интеллигентных пролетариев и революционно настроенных аббатов, которые кроме Руссо изучали своих Мелье, Морелли и Мабли. Из этих же сфер, надо полагать, исходили и проекты «Парижских

---

1) Уже до начала революции, в связи с безнадежным упадком сельского хозяйства Франции и с ужасающим разорением барщинных крестьян, время от времени появлялись проекты этого рода. Уже в 1785 году в брошюре „Рассуждения гражданина“ Шарль Роберт Грослен выдвинул требование национализации всего землевладения и раздробления его на равные мелкие участки, которые за известные платежи следует предоставить крестьянским семьям. Чтобы воспрепятствовать восстановлению крупных земельных владений, необходимо, чтобы каждой семье предоставлялось брать под обработку только один участок; кроме того, владелец получал лишь ограниченное право распоряжения своим участком, так что он не мог ни продавать, ни разделять, ни передавать этого участка по своему усмотрению наследникам. Еще дальше идет Жан Клод Шапюи, которого можно считать предшественником Фурье. В своем социальном плане, написанном в 1788 году, он отвергает всякий раздел земли между отдельными лицами или семьями. Все должно быть общее. Всю землю, полагает он, необходимо разделить на крупные части, и каждую часть следует предоставить хозяйственной коммуне, составленной из 1050 лиц, при чем каждая коммуна должна получать лес, землю для сада, луга и т. д.

революций». Как бы то ни было, эти статьи, хотя они и не были написаны самой редакцией, характеризуют направление газеты.

7. Предприниматели и наемные рабочие.

После стачечного движения осени 1789 года, парижские рабочие на время успокоились. Но весной 1791 года началось новое стачечное движение. Хотя старинные союзы подмастерьев—«товарищества» и «братства»—законом не разрешались, однако они собирались тайно, и на-ряду с ними возникли слабо связанные союзы, ставившие своей целью исключительно повышение заработной платы. Некоторые из этих союзов уже в феврале 1791 года созвали большие собрания, на которых обсуждался вопрос о предъявлении новых требований относительно повышения заработной платы. Напуганные этим выступлением, несколько фабрикантов, а вместе с тем и находившиеся под их влиянием рабочие, не примкнувшие к тайным союзам, в марте 1791 года обратились к парижскому городскому управлению с адресом, требуя подавления рабочих союзов. Но это не смутило рабочих, которые требовали повышения заработной платы. Они тайно устраивали большие собрания под открытым небом, и часть книгопечатников и плотников пригрозила забастовкой, если им откажут в поденной плате в 50 су ($2^1/_2$ ливра,—по теперешней ценности денег около $2^1/_2$ довоенных рублей). Тогда дождем посыпались в городское управление жалобы, в которых предприниматели горько обвиняли рабочих в том, что они дерзновенно принимают меры, «чтобы повысить свой дневной заработок и воспрепятствовать работе своих товарищей по иной цене».

Городское управление поручило двум своим коллегам рассмотреть жалобы и составить прокламацию. 29 апреля прокламация была отпечатана, но не произвела никакого действия, так как она односторонне усвоила предпринимательскую точку зрения. Тогда городское управление обратилось к Национальному Собранию с петицией и ходатайствовало об издании декрета, который дал бы «законное оружие для подавления союзов». Национальное Собрание передало петицию в комиссию и, заслушав доклад Шапелье, 14 июня 1791 года приняло декрет, согласно которому строжайше воспрещаются всяческие объединения рабочих и подмастерьев, хотя бы то были простые общества взаимопомощи, и возбраняется властям принимать от таковых профессиональных организаций петиции, жалобы или депутации, а также давать участникам этих союзов занятия на общественных работах. В то же время властям было предписано силою разгонять все собрания ремесленников, рабочих, подмастерьев и поденщиков, на которых стали бы обсуждать ремесленные или рабочие дела, и подвергать строгому наказанию участников таковых собраний.

Таким способом предприниматели достигли своей цели. Производства были тогда до крайности раздробленные, и рабочим была чужда всякая дисциплина. При таких обстоятельствах воспрещение так называемых профессиональных объединений рабочих, запрещение совместного обсуждения вопросов рабочей жизни и лишение права составлять петиции, жалобы и воззвания отнимала у рабочих всякую возможность протеста против предпринимательской воли.

Драконовскими уголовными мерами Национальное Собрание постаралось предотвратить ту опасность, что рабочие, вследствие совершенного подавления их стремлений к повышению заработка, могут обратиться к грабежам и к нападениям на собственность крупных предпринимателей. Именно, через две недели после упомянутого декрета, Национальное Собрание назначило 10-летнее тюремное заключение в цепях за всякую кражу, если она сопровождалась открытым применением насилия (нападением) или вымогательством, и эти 10 лет каждый раз увеличивались еще на два года, если в нападении участвовало несколько лиц, или если они имели при себе огнестрельное или какое-либо иное смертоносное оружие.

Об этом законе, представлявшем чрезвычайную важность для городских рабочих, «Парижские революции» дали только краткий парламентский отчет. Газета не дала критики

постановлений декрета. Это показывает, какой малый интерес даже для этой газеты представляло стачечное движение парижских рабочих. И только когда, опираясь на полномочия, предоставленные законом городским управлениям, парижский муниципалитет начал закрывать рабочие мастерские, устроенные для помощи многочисленным безработным в Париже, и беспощадно выбрасывать на мостовую работавших в них, «Парижские революции» напечатали в № 104 статью, в которой они возражали против этой меры парижского магистрата. Упомянув о публичных собраниях протеста, устроенных уволенными, несмотря на воспрещение собраний законом, газета писала:

«Мы не понимаем, почему для совершенного прекращения общественных работ магистрат избрал как раз момент кризиса, когда все партии возбуждены и когда даже ничтожное внутреннее волнение может оказаться опасным. Если даже в столь внезапном прекращении нет измены, все же оно по меньшей мере до чрезвычайности неумно.

«Мы видели, как громадные толпы этих несчастных рабочих мало-по-малу накоплялись на Вандомской и на Гревской площадях, где они допускали эксцессы, которые очень тревожили граждан. Они уже овладели даже артиллерийским постом Пти-Сент-Антуана. Только с великим трудом национальной гвардии опять удалось занять его. Двадцать из собравшихся были отведены в аббатство и в тюрьму Бисетр, что не в малой мере посодействовало тому, чтобы раздуть недовольство. Правда, муниципалитет полагал восстановить порядок таким способом, что он по соглашению с директорией (управлением департамента) постановил передать 48 секциям (районам) Парижа 96.000 франков, чтобы они могли помочь хотя бы нуждающимся своего округа; но после всего случившегося эта мера недостаточна. Если бы,—чего ждали все добрые граждане,—еще полгода тому назад все эти рабочие были отправлены в свои родные департаменты, и если бы там для них создали работы, они не удручали бы теперь город Париж своими сборищами, которые могут сделаться весьма опасными, так как, повидимому, имеется склонность подавить их с величайшей суровостью. Мы далеки от того, чтобы одобрить поведение

рабочих. Они нарушают законы и угрожают общественной безопасности; но тем не менее, на наш взгляд, средства насилия не пригодны. Мы опасаемся наихудших последствий от черезчур вызывающих действий национальной гвардии, которая не хочет ничего иного, как только стрелять в этих людей, которых можно рассеять, не обнажая меча.

«На эти сборища,—это надо признать,—можно посмотреть еще с одной точки зрения. Именно, в толпе было замечено много белых кокард» (значок роялистов, которые быстро использовали случай, чтобы повести агитацию среди рассчитанных голодных рабочих); «тем не менее было бы опасно применять силу. Если они обмануты, в таком случае следует проливать кровь не этих слепых орудий предательства, а тех, кто их обманул. Если же они не обмануты, тогда как же вы штыками хотите уничтожить крик нищеты? Допустимо применение оружия только разума и убеждения. Насилие может оказать только пагубное действие.

«Законодатели[1]), прежде чем заняться уничтожением рода человеческого, вы должны заняться тем, чтобы сохранить его. Вы должны изыскать меры для того, чтобы обеспечить бедняку средства существования. До сих пор вы ничего не сделали в этом направлении. Однако от вас зависит избавить бедного от нищеты и обмана. Поспешите же,—или же страшитесь роковых последствий вашего бездействия. Напрасно будете вы говорить ему о законе. Для человека, который голодает, нет никаких заповедей».

Умеренно-либеральное городское управление, которое вело борьбу против наемных рабочих, конечно, осталось глухим к таким увещаниям. Уже 26 июля 1791 года оно провело новый декрет против организаций рабочих. В противоположность целому ряду других производств, фабрикация бумаги в 1790 и 1791 годах чрезвычайно расширилась. Повысилось вследствие колоссального роста газетного дела не только потребление типографской бумаги, но и потребление писчей бумаги достигло изумительного уровня. Поэтому был большой спрос на обученных бумаго-рабочих. И рабочие бумажники,—часто соединявшиеся в тайные «братства»,—по

[1]) В газетах того времени члены Национального Собрания часто коротко назывались „законодателями".

возможности старались использовать столь благоприятное положение своей отрасли. Они нередко добивались повышения заработной платы и уничтожения различных обременительных условий, и часто, если другой предприниматель предлагал им более высокую плату, они, не делая никаких предварительных извещений, покидали старое место, чтобы поступить к лучше оплачивающему новому «патрону» (хозяину). Предпринимателям это, конечно, не нравилось. 26 июля они провели исключительный закон против строптивых бумаго-рабочих, воспрещавший под угрозою штрафа в 100 франков оставлять работу, если они в присутствии двух свидетелей по меньшей мере за шесть недель не сделают предупреждения. В то же время штраф в 300 франков угрожал предпринимателю, который даст работу рабочему, «оставившему свое предыдущее место не в соответствии с законом».

8. Во время второго Национального Собрания.

В субботу 1 октября 1791 года в королевском манеже для верховой езды открылось второе Национальное Собрание, так называемое «Законодательное»[1]). Из 766 членов Со-

[1]) Новое Национальное Собрание, так называемое „Законодательное Собрание, было парламентом юристов. Я постарался определить профессию и род занятий 766 депутатов. С некоторой уверенностью это удалось мне по отношению к 698 депутатам. Из них были:

185—члены судебных учреждений, адвокаты, обвинители, нотариусы, ученые юристы и т. д.

314—государственные и коммунальные чиновники (главным образом мэры, прокуроры, департаментские и городские синдики, а также другие высшие городские чиновники), по большей части тоже юристы.

38—землевладельцы и сравнительно крупные сельские хозяева.

3—крестьяне.

40—купцы, торговцы и фабриканты.

24—духовные.

21—медики.

11—ученые (представители научных учреждений и преподаватели средне-учебных заведений).

брания почти треть примыкала по своим воззрениям к клубам кордельеров и якобинцев,—с последними тогда была еще связана и Жиронда. Во время выборов «Парижские революции» энергично возвышали свой голос, чтобы поддержать радикальных депутатов, и на первое время с известным чувством удовлетворения оценивали результаты выборов. По предложению Робеспьера первое Национальное Собрание постановило, что ни один из членов не может быть избран в Законодательное Национальное Собрание. Поэтому новое народное представительство составилось из совершенно новых людей. Однако уже очень скоро газета открыла, что очень многие из избранных «реформистов» и «новаторов» стремятся только к тому, чтобы продолжить буржуазную политику прежних либералов. И газета увидала, что роль вождя в этой либеральной группе скоро досталась человеку, с влиянием которого в парижском городском совете она уже раньше вела решительную борьбу: господину Жану Пьеру Бриссо.

Уже в статье, которой «Парижские революции» приветствовали открытие второго Национального Собрания, слышатся пессимистические ноты. Либеральная и жирондистская пресса с известной спокойной уверенностью смотрела на будущее, полагая, что уже Учредительное (т.-е. первое) Национальное Собрание выполнило самую тяжелую часть политической чистки. В противоположность этому газета Прюдома находит, что нигде революционная работа не пошла дальше первых робких зачатков. По ее мнению, главная задача все еще ждет своего разрешения. И оно нелегко дастся: революционная энергия, думает газета, раздробилась, революционное шествие свободолюбивых элементов ослабилось, так как на первый план выдвинулись всяческие эгоистические, разделяющие стремления. К тому же, после напряжения по-

33—офицеры (включая и офицеров из национальной гвардии разных мест).

4—ремесленники.

5—журналисты.

20—другие гражданские профессии, в том числе несколько домовладельцев и рантье.

И без дальнейших комментариев состав второго Национального Собрания показывает, какие интересы были в нем господствующими.

следних $1^1/_2$ лет, народную массу охватывают духовная усталость и апатия. В приветственной статье «Парижских революций» говорится:

«Представители народа, который еще далеко не свободен, но еще не окончательно утратил надежду слелаться свободным,—он ждет, что вы вспомните о своем долге. Он больше, чем вы полагаете. Правда, ваша задача не столь блестяща, но она много труднее, чем у ваших предшественников. Они сделали далеко не все; они оставили на разрешение вам чрезвычайно многочисленные вопросы. Опасности, с которыми им пришлось бороться, были меньше, чем те, которые должны преодолеть вы. В их время деспотизм выступал еще открыто; в настоящее время он надел на себя маску народолюбия. Вашим предшественникам приходилось бороться только с одним врагом. Вы скоро будете иметь двух врагов перед собою[1]). Разве вы не видите, как двор уже старается завязать связи с народом, который служил усиливающей опорой для первого Национального Собрания и который, быть может, послужит для двора слепым орудием против второго Национального Собрания. Нация устала, и, если вы не подтянетесь, тогда может случиться, что она возвратится к своим старым привычкам. У рабов больше досуга, чем у свободных; и короли, знающие свое ремесло, устраивают дело таким образом, чтобы счастливее чувствовалось под сенью короны, чем под шапкой свободы...

«Всю свою деятельность, все свои усилия, весь свой труд вы должны направить на то, чтобы двинуть вперед революцию. Ваши предшественники сначала недостаточно ей содействовали, потом они боялись ее и, наконец, стали на нее клеветать. Не идите по их стопам и не дайте заснуть этому благодатному движению, которое живет в умах»...

Если новые депутаты признают это своим долгом, если они пойдут по пути, на который ступили Робеспьер и Петион, а не по стопам какого-нибудь Туре и Шапелье, в таком случае «Парижские революции» обещают им свою полную журналистскую поддержку:

[1]) Газета имеет в виду роялистов и те буржуазные круги, которые требовали спокойствия.

«Не бойтесь того, что вы слишком большими шагами пойдете вперед. Мы последуем за вами. Мы послужим для вас опорой и, если вы ради нас будете подвергаться опасности, мы скорее погибнем, чем допустим какое бы то ни было покушение на ваши мудрые законы и на вашу личную безопасность».

Однако в качестве условия этой поддержки газета требует, чтобы новое Национальное Собрание решительнее действовало по отношению к королю, установило максимальные цены (таксы) на зерно и хлеб и приняло меры для снабжения Парижа необходимыми продовольственными продуктами.

Но тем самым газета показала, что, хотя она правильнее, чем либеральная пресса, оценивала политические условия, при которых второе Национальное Собрание начало свою деятельность, однако она глубоко заблуждалась относительно воззрений депутатов из правого крыла якобинцев,—позднейших жирондистов и фошетистов. Как представители деловой буржуазии, и притом преимущественно из промышленных и торговых областей Гароны, Роны и нормандского побережья,—следовательно, буржуазии, стоявшей в известном экономическом антагонизме к мелкобуржуазному Парижу,—эти элементы были противниками всякого ограничения свободы торговли и спекуляции таксами или какими бы то ни было иными мерами, способными стеснять коммерческую деятельность и барыши.

Между прочим, газета не видала всей важности тех различий во взглядах, которые существовали внутри якобинского клуба. Конечно, она замечала некоторые различия во мнениях, но ей представлялось, что это—просто результат личного темперамента и различных степеней дальновидности, что здесь только тактические разногласия. Что касается цели, в этом отношении вся левая казалась газете единой. Тем больше было ее изумление, когда, вместо того чтобы итти к этой цели, Национальное Собрание скоро внутренно раскололось на различные парламентские группы, и между ними начались серьезные распри. Уже 10 декабря 1791 года газета с глубоким осуждением писала:

«Чем дальше идут прения Национального Собрания, тем

больше выясняется, что оно не стоит на уровне своих задач. Все заседания проходят среди шума. Время убивается делателями оппозиции. Народ страдает, а Собрание все время колеблется между бездеятельностью и хаосом. В то время как исполнительная власть укрепляется и шаг за шагом проводит свою хорошо продуманную систему, законодательная власть беспомощно топчется на одном месте или совсем спит. Мы по меньшей мере уже сто раз говорили, что свобода будет потеряна, если тиранам удастся их тактика затягивания...

«Законодатели, ваш недостаток заключается в том, что вы все еще недосточно поняли, что такое вы, что вы должны делать и, следовательно, над чем вы должны работать. Дух делечества уже овладел многими из вас. Изо дня в день все упорнее приходят на память преступления Учредительного Национального Собрания и его безнаказанность. Патриоты возмущаются тоном ваших заседаний. Вы зашли уже столь далеко, что попросту удушаете голоса друзей народа; уже деспотизм пускает корни среди вас; уже вы говорите только как повелители и чувствуете себя оскорбленными, когда избиратели напоминают вам, что вы—только их уполномоченные».

Недоверчивое отношение к Национальному Собранию все более обостряется, в особенности с того времени, когда часть жирондистов начинает искать и устанавливает связи с двором. С болью констатирует газета, что Национальное Собрание не настаивает на требовании полной, безусловной ответственности министров, и что, не возбуждая обвинения против военного министра Дюпортеля, заподозренного в заговорщических сношениях с эмигрантами, оно удовольствовалось увольнением этого министра королем. К этому присоединяется опасение, что при поддержке бриссотинцев военным министром будет назначен граф де-Нарбонн, «этот ублюдок Людовика XV», этот «камершеф королевских теток», как презрительно называла его газета Прюдома.

И в то время как Национальное Собрание заигрывало с двором, оно, несмотря на все настояния, не находило в себе сил выступить против взвинчивания цен крупными парижскими спекулянтами и подчинить государственному контролю торговлю хлебом, скотом и сахаром, хотя среди низших слоев населения голод все увеличивался. Много раз «Парижские революции» напоминали о нищете этих слоев и требовали помощи. Они предлагали провести максимум цен (таксы), государственный надзор за хлебной торговлей, устройство государственных хлебохранилищ в различных департаментах, воспрещение вывоза хлеба и, далее, для увеличения производства хлеба, раздел плохо возделываемой и невозделываемой земли и передачу полученных таким образом парцелл (мелких участков) мелким возделывателям.

Однако Национальное Собрание попрежнему медлило, хотя цены постоянно шли в гору: сахар, напр., который в бельгийских портах и в Брюсселе в начале января 1792 года стоил 12—14 су за фунт, в Париже продавался по 3 ливра, следовательно, почти в пять раз дороже. И это—отнюдь не потому, что в Париже и во Франции не было сахару, а только потому, что оптовики спекулятивно использовали в своих выгодах затруднения подвоза из Сан-Доминго и задерживали большие запасы. Вот пример того, каких размеров достигали эти запасы: один из парижских оптовых торговцев, по имени Жозеф Франсуа д'Эльб, письмом ходатайствуя перед Национальным Собранием об охране своей собственности, сам определял стоимость своих запасов сахара в 2 миллиона ливров, а запас кофе—в 1 миллион ливров. И этот оптовик был лишь один из доброй дюжины подобных спекулянтов.

Это взвинчивание цен, последствием которого были неоднократные нападения изголодавшегося парижского населения на обозы, перевозившие продовольственные продукты к крупным торговцам, послужило для «Парижских революций» основанием для решительных выступлений против «ростовщичества на продовольственных продуктах» и против бездеятельности Национального Собрания. Оно, саркастически говорит газета, повидимому, придерживается того мнения, что будет справедливо, если шестисоттысячному трудолюбивому и миролюбивому населению не дадут средств пропитания, но зато доставят возможность дюжине хищников увеличить свои барыши в сотню раз, заперев свои амбары и склады.

Эта защита трудящихся слоев приводила газету ко все более резко враждебному отношению к той «свободе торговли», которую отстаивала жирондистская пресса. К тому же уже в декабре 1791 года, бриссотинцы и роландисты развернули широкую агитацию за объявление войны Австрии и Пруссии. От войны против этих держав газета Прюдома не ожидала ничего иного, кроме ослабления и замедления успехов революции. Уже в № 128 (от 24 декабря 1791 года) газета напечатала большую, в 19 страниц, статью: «Опасности наступательной войны», в которой она выступила против жирондистских интриг и агитации в пользу войны. Статья представляет особенный интерес, так как она обращается и против тех экономических соображений, которыми жирондисты в то время мотивировали необходимость войны.

По мнению газеты Прюдома, только двор и биржевые игроки заинтересованы в войне. Двор,—поскольку он ожидал, что иностранные державы одержат победу и потом сделают попытку восстановить во Франции старые отношения. Поэтому, полагает газета, за войну выступили и все роялистские органы: «Journal de Paris», «Ami du Roi», «Gazette universelle», «Journal de la Cour et de la Ville» (Парижский журнал», «Друг короля», «Универсальная газета», «Придворный и городской журнал»). Что же касается биржевых игроков и финансистов, они всегда извлекают барыш из войн: как из несчастных войн с последующим государственным банкротством, так и из победоносных походов, доставляющих в страну новые денежные средства. В противоположность этому бриссотинцы дают совершенно ложные обещания, уверяя, будто война «восстановит коммерческий кредит и приведет торговлю в равновесие». Напротив, она оказала бы вредное влияние на торговлю. И не менее превратно ожидать от войны с Австрией и Пруссией усиления политического влияния Франции в тех отношениях, которыми обусловливается политическое равновесие Европы (дословно: «balance politique de l'Europe»): ведь все монархи с отвращением смотрят на Францию и постарались бы использовать ее борьбу с Германией для интриг против Франции. Во всяком случае, если бы даже они остались нейтральными, они заставили бы заплатить им за этот нейтралитет. Притом на французскую армию невозможно было бы положиться потому, что все высшие командные должности были бы в руках офицеров-дворян, питающих симпатии к эмигрантам.

Поэтому «Парижские революции» очень холодно отозвались о вступлении в министерство (10 марта 1792 года) жирондистов Ролана, Клавьера и Сервана. Первая речь Ролана, которой он ознаменовал свое вступление в должность, встретила холодно-отрицательное отношение. Вскоре последовали нападки газеты на финансовые операции Клавьера, особенно, когда тот, уже через несколько недель по своем вступлении в кабинет, начал жить на широкую ногу и потребовал от Национального Собрания дара в 95.000 ливров на улучшение обстановки квартиры, занимаемой им по должности. И это неудовольствие газеты еще больше усилилось, когда 20 апреля была объявлена война Австрии и ясными сделались отношения Бриссо, Ролана и Кондорсе к Нарбонну. Уже 19 мая газета потребовала ответа на вопрос: «Какие цели преследует партия Гаде-Бриссо, выступая покровительницей опаснейшего из всех отставных министров?»

В то же время газета обвиняла новый кабинет в халатности и особенно в недостаточности снабжения армии продовольствием и боевым снаряжением, а также в покровительстве, оказываемом феодальным генералам.

«Спрашивается, говорит газета, не следует ли сделать из этого тот вывод, что господа Бриссо, Кондорсе и другие члены Жиронды—предатели и изменники?.. Однако мы откладываем наше суждение до другого раза и полагаем, что, несмотря на все признаки, которые говорят иное, они—не плохие граждане, что они не имеют ничего общего с заговором: по меньшей мере, остается еще предварительно доказать, что они действовали по соглашению с командующими армии и что они способствовали теперешней системе бездеятельности; далее, надо представить доказательства, что их самих не вводили в заблуждение и не обманывали. Еще остается недоказанным, что Бриссо действительно находится в соглашении с Лафайетом, а не является просто пассивным орудием господствующей клики.

«Итак, господ Бриссо, Кондорсе и остальных членов представительства от Бордо мы не обвиняем в составлении того заговора,—или в соучастии в нем,—который угрожает нашему отечеству; мы говорим только, что их поведение неискренно, и во имя общественного благоденствия мы требуем, чтобы они высказались открыто. Зачем эта тайна, окружающая все их действия? Почему они покровительствуют Нарбонну? Почему в их прессе эта постоянная клевета на лучших патриотов? Почему они самым подозрительным образом замалчивают теперешнее положение Франции? Что за совещания устраивают они у господина Ролана де-ла-Платьера?

Газета Прюдома проникается все большею подозрительностью к махинациям жирондистов. Однако, когда 13 июня 1792 года король дает отставку Ролану, Клавьеру и Сервану, газета становится на их сторону против Демурье и одобряет даже массовую демонстрацию 20 июня, устроенную жирондистами. Она ревностно защищает тогдашнего парижского мэра Петиона, который позже тоже присоединился к жирондистам, и Манюэля, парижского прокурора, против которого, как и против Петиона, после 20 июня генеральный совет департамента Сены и большинство парижского городского совета открыли ожесточенную травлю: эти учреждения хотели вытеснить их с их постов и провести Борю, сторонника Лафайета, на должность заместителя мэра. В вину Петиону ставилось, что он оставил без всякого внимания указание управления департамента: принять меры против клубов кордельеров и якобинцев, и что, далее, он не принял никаких мер против демонстрации 20 июня. Во всяком случае, говорили о нем, когда шествие двинулось к дворцу, его обязанностью было применить против «мятежников» военный закон, т.-е. приказать национальным гвардейцам разогнать толпу. Прокурор Манюэль обвинялся в том, что он поощрял бездействие мэра. Однако возражения радикальной прессы против произвольных действий директории департамента не имели никакого успеха. Директория, в прямом противоречии с коммунальным законом, попросту сместила обоих неугодных ей должностных лиц, а когда городские афишеры, несмотря на все угрозы, отказались от расклейки по углам улиц оповещений об отставке,

нашлось несколько чиновников-карьеристов, которые взяли расклейку на себя.

Брожение, и без того вызванное уже отставкой министров, благодаря этим мерам стало еще больше расти. «Парижские революции» ответили на нападение длинной статьей: «По поводу отставки господ Петиона и Манюэля», в которой они характеризовали действия департаментского управления как прямое нарушение закона.

Между тем вражеские армии шли на Париж. Муниципалитет призывал мужское население Парижа к записи в рекрутские листы, и в то же время отовсюду из провинций приходили для записи вооруженные отряды федератов. Герцог Брауншвейгский издал свой известный манифест, который произвел в Париже впечатление разорвавшейся бомбы. «Парижские революции» в № 160 (4 августа) выступили против этого манифеста, как против постыдного надругательства над французской нацией.

В ближайшем номере газеты дано уже краткое описание событий 10 августа. Подобно следующему, № 162, он дает ряд чрезвычайно любопытных отдельных эпизодов из хода борьбы в этот день, когда на долгое время решались судьбы Франции. Прюдом смотрит оптимистически на то будущее, которое открывается за столкновением классов. Теперь, наконец, думает он, расчищена дорога для постоянного прогресса. «Теперь остается только мужественно итти вперед!» Так 1 сентября 1792 года в статье: «Обзор современного состояния Франции», говорится:

«Мужайтесь, французы! Никогда еще момент не был столь благоприятен. Ничто больше не противодействует вашей энергии. Национальное Собрание, исполнительная власть, парижская коммуна одушевлены самым чистым рвением, самым настоятельным желанием осуществить свободу. Прошли те времена, когда отдельное лицо мнило, будто оно может спасти отечество; отечество будет спасено, но спасено народом».

Уже следующий день, 2 сентября 1792 года, показал, что газета оценивала положение, не обладая глубоким чутьем настроений парижского народа. Однако Прюдом сумел найти для себя выход. В следующем номере он просто предста-

вил дни 2 и 3 сентября, как естественный результат 10 августа как «единственно целесообразный способ» сломить покушения роялистских заговорщиков, рассчитывавших на победу австрийских и прусских войск.

9. Во время Конвента.

В сентябре 1792 года «Парижские революции» внимательно следили за предвыборной борьбой партий. Газета дает критические характеристики большей части важнейших кандидатов, и некоторые из характеристик очень метки. Но они страдают тем, что в отдельном депутате газета всегда видит только личность, а не тот слой, который он представляет, и не те экономические мотивы, которыми определяется его позиция. О Робеспьере, напр., газета говорит, что ему не следует слагать с себя должности общественного обвинителя. Конечно, он был бы на своем месте и в качестве члена Конвента,—только ему предварительно следует внимательно прочитать главу 7-ю во второй книге «Общественного договора» Руссо, в которой говорится: «Необходимы боги для того, чтобы давать людям законы». О Сийесе газета говорит, что он со своей туманной метафизикой не годится в члены Конвента. Петион, полагает газета больше на своем месте в качестве парижского мэра, чем в качестве депутата Конвента, а Дантон больше годится в министры юстиции, ибо есть у него вся та суровость, вся та устойчивость, которые требуются от министра юстиции. «Он—надсмотрщик, Цербер судебных учреждений. Власти и виновные уже дрожат, как только увидят его, и в таком-то лице у нас есть нужда в настоящее время. О Демулене в шутливой форме говорится, что было бы лучше, если бы его сначала причислили к детям, еще не созревшим для революции, и лишь по истечении XVIII века допустили в Конвент. Относительно Бриссо газета заявляет, что и его она хотела бы видеть в парламенте,—он там необходим; но так как у него скрытный характер островитянина (англичанина), то следовало бы перед выборами связать его определенными обязательствами. Марата тоже следует провести в Конвент хотя бы по одной

той причине, что он оказал наиболее сильное влияние на общественное мнение в пользу созыва Конвента. «Марат наперед уже все видел, и у него было мужество ничего не замалчивать. Конечно, он будет не самый мудрый, не самый основательный из наших законодателей; но тем не менее необходимо, чтобы для него осталось свободное место в парламенте».

В общем газета очень благоприятно отнеслась к кандидатурам жирондистов; те явные противоречия между жирондистской партией и двумя «народными обществами», якобинцами и кордельерами, которые уже перед 10 августа привели к самым резким взаимным обвинениям, все еще совершенно игнорировались «Парижскими революциями», или, вернее, Прюдомом. Марат видел в жирондистах лишь несколько более ярко выраженные черты прежних лево-либералов и тотчас же после 10 августа ясно понял, что приближается неминуемая великая борьба жирондистов с монтаньярами; напротив, при своей наивной идеологии Прюдом полагает, что теперь открывается свободный путь для беспрепятственного и устойчивого движения к демократическо-республиканской государственной форме. Конечно, и Прюдом видит, что существуют некоторые противоречия; но это для него—только противоречия темпераментов, большей или меньшей дальновидности, личных честолюбий. Марат за индивидуумами видит классы, Прюдом—только индивидуальные политические характеры. Так, перед открытием Конвента он пишет:

«Вместо того чтобы наперед спорить о форме правления, пригодной для нас, и устанавливать взгляды, которыми по этому предмету должен руководствоваться Конвент; вместо того чтобы сеять среди граждан семена раздора и тревоги, напоминая им о знаменитом аграрном законе римлян, который далеко не один занимает умы массы; вместо того чтобы снова и снова возрождать старые ошибки и каждый день составлять новые списки преследуемых,—мы должны больше всего стремиться к тому, чтобы усилить дух, который был нам ниспослан 14 июля 1789 года и 10 августа 1792 года. Мы требовали восполнения первой революции и изменения первой конституции. Мы достигли того и другого. Чего же нам остается еще желать?..

«Граждане 84-х департаментов, поймите действительное состояние Парижа и верьте беспристрастию и точности сообщений, которые мы даем на этот счет! Париж уже не является неиспорченным городом. Он дает приют некоторым чужеродным элементам. Дух его народа все еще превосходен, как был искони. Надо только самим видеть, надо только самим слышать, как народ хором повторяет припев «Марсельезы», которую певцы с неизменным успехом ежедневно исполняют в парке Тюильри перед статуей свободы. Но в то же время и на том же месте замечаешь также общественных ораторов, которые по всей видимости находятся там с темными целями: приучить толпу к мысли о новых мятежах, жестами и выражениями подстрекнуть ее к новым взрывам убийств».

В то же время Прюдом увещевает новых членов Конвента мирно и сообща работать на благо французского народа.

«Итак, Национальный Конвент должен понять, что он стоит перед выбором: или приобрести величайшую славу, какой только может достигнуть человеческое достоинство, или же упасть до последних ступеней унижения. Он должен понять, что он должен сделать выбор между благословениями 24-х миллионов граждан и всеобщим презрением. Он не должен скрывать от себя, что народ устал от страданий, что его нужде необходимо положить конец, что он хочет спокойствия и экономического подъема. Если его отчаяние будет доведено до крайних пределов, он обратится в третий раз к восстанию и успокоится не раньше, чем жертвой его ярости падут недостойные представители, которые в третий раз позорно обманули его доверие»...

Не все сотрудники «Парижских Революций» разделяли иллюзии Прюдома, в лице которого тип хорошего парижского делового человека сочетался с типом педанта-ученого, сжившегося с определенным кругом идей. Хотя Прюдом не получил высшего образования, однако у него была натура ученого; в области географии он обладал значительными специальными познаниями,—впоследствии он издал даже ценную «Географию Французской республики». Как показывают некоторые статьи газеты, не все сотрудники могли безмятежно предаваться грезам об общей работе всех

радикальных партий на благо отечества. Однако в статьях, которые после 10 августа написаны самим Прюдомом, это наивно-оптимистическое настроение остается господствующим.

Как после 14 июля 1789 года и после открытия второго Национального Собрания, так и на этот раз быстро и основательно были развеяны радужные надежды Прюдома. Однако разочарование в первое время вовсе не повело к тому, чтобы газета решительно стала на сторону Горы. По своим политическим воззрениям Прюдом был якобинцем. В большинстве вопросов он даже разделял взгляды левого, радикального крыла этого клуба. Однако он не мог решиться войти в клуб якобинцев, хотя некоторые из его друзей упрекали его за это. Его педантическая натура возмущалась против шума, против пустого краснобайства якобинских собраний. Для него было нечто отпугивающее в грубости настроений Дантона или Марата, как и в жестком фанатизме необходимости Бильо-Варенна. Даже, когда ему приходилось признать необходимость более суровых мер против роялистских врагов, мысль о сценах убийства подавляла его.

Скоро Прюдому пришлось пережить новое разочарование в своих надеждах на дружную общую работу радикальных партий. При начале заседаний Конвента он заявлял, что одной из первых задач Конвента должно быть улучшение положения армии и низших классов парижского населения, страдавшего под гнетом дороговизны. Правда, полагал он теперь, аграрный закон, который требовал бы общего передела всей земли, невозможен, потому что подобный раздел окажется непрочным; однако необходимы такие меры со стороны государства, которые противодействовали бы росту крупных имуществ за счет мелких. Прежде всего необходимо воспретить, чтобы какой-либо гражданин владел более, чем определенным количеством морген земли в пределах одного округа. И вот теперь Прюдому пришлось убедиться, что у Конвента нет ни малейшей склонности приступить к подобным экспериментам или хотя бы просто заняться вопросом о мерах борьбы против растущего голода. Напротив, уже первые заседания открылись резкими выпадами и обвинениями жиронс-

дистских вождей против лидеров Горы. Это не мирилось с представлениями Прюдома, и он открыто осудил нападение жирондистов на монтаньяров, но,—что характерно для его понимания сложившегося положения,—много резче осудил агрессивную тактику Марата, которая, по его мнению, вызывала подобные сцены в Конвенте. Однако не прекращавшиеся нападения жирондистских политиков на Робеспьера и особенно на парижский народ; тщеславие Петиона, который, хотя он и был избран президентом Конвента, согласился выставить свою кандидатуру на пост парижского мэра и, так как по закону не допускалось совместительство этих двух званий, избранный мэром разом отказался от этой должности; далее, полное противоречий поведение жирондистов во время процесса по обвинению Людовика XVI в государственной измене,—все эти обстоятельства все больше восстановляли «Парижские революции» против жирондистской партии. Ролан и Бриссо в особенности быстро все ниже падали во мнении газеты Прюдома. Только с горькой насмешкой упоминала она о Бриссо и его приверженцах.

Новый материал для конфликтов дало обсуждение вопросов, следует ли устанавливать максимальные цены (таксы) на хлеб и другие продовольственные продукты, надо ли дать городу Парижу субсидию из государственных средств на закупку хлеба и помощь семьям, кормильцы которых солдатами отправились в поход, и, далее, дать ли ему разрешение на производство принудительного займа: вопрос, который еще больше осложнился тем, что радикальное крыло якобинцев тогда же выдвинуло вопрос о проведении общегосударственного прогрессивно-подоходного налога для покрытия военных расходов. Жирондисты и слышать ничего не хотели ни о таксах на продовольственные продукты, ни о поддержке парижского городского управления из государственных средств. Напротив, «Парижские революции» энергично выступили в пользу этих мер и требовали установления цен не только на зерно, муку и хлеб, но и на мясо; далее, они требовали, чтобы тайная спекуляция с хлебом была пресечена законодательным постановлением, согласно которому зерно и муку в оптовой торговле разрешалось бы продавать только открыто на рынках, при соблюдении обычных коммерческих правил.

Точно также газета Прюдома осуждала сопротивление Жиронды проведению прогрессивно-подоходного налога. Она не только требовала быстрой прогрессии при определении ставок налога на доходы, но и дополнения этого налога всеобщим поимущественным налогом, который должен коснуться главным образом крупных состояний, крупного торгового и финансового капитала, и притом таким способом, чтобы воспрепятствовать накоплению этих капиталов свыше определенной максимальной границы.

И еще одно обстоятельство привело газету Прюдома к резкому антагонизму с жирондистами; их оппозиция против учреждения революционного трибунала (11 марта 1793 года) и против назначения государственным прокурором в этот суд Антуана Кентена Фукье-Тенвиля, родственника Камиля Демулена. Раньше парижский адвокат, потом прокурор суда Шатле, Фукье-Тенвиль уже занимал место «directeur du jury d'accusation» (старшего прокурора) во временном революционном суде, созданном еще в августе 1792 года. Прюдом считал безусловно необходимым создание государственного судебного учреждения для суда над роялистами-изменниками перед Францией,—считал необходимым уже хотя бы для того, чтобы предотвратить такие самосуды, как учиненные парижским народом 2 и 3 сентября 1792 года. Конечно, он не одобрял того, что к ответственности перед этим судом скоро стали привлекать за всевозможные пустяки и возбуждали обвинения против людей, которые в винном погребке или кафе позволяли себе ругательства против республики или выражали свою радость по случаю продвижения неприятельских армий. Революционный трибунал, полагал Прюдом, назначен для суда над роялистскими заговорщиками и их агентами, а не для того, чтобы тратить время на суд над болтунами и буянами, которых совратили роялисты. Таким образом немедленно по опубликовании первого проскрипционного списка (списка людей, подлежащих преследованию) он со всею решительностью высказался против него и писал:

«Нельзя разом очистить народ, который притуплен рабскими привычками на протяжении пятнадцати веков. Неужели так необходимо привлекать к суду революционного трибунала тысячи лиц, из которых одни—настоящие простаки, другие—просто недовольные: одни—совращенные своим самомнением, другие—или нервно больные или опустившиеся из своего прежнего положения?

Однако, обсуждая политическое поведение жирондистской партии, газета и слышать ничего не хотела об энергичной агитации парижских секций против жирондистов. Жирондисты делали грубые попытки разделаться со своими наиболее непримиримыми противниками таким способом, что они возбуждали против них всевозможные измышленные обвинения и привлекали их к суду революционного трибунала. Но даже и это не могло убедить газету Прюдома, что неудержимо близится к решению вопрос: кто должен пасть—жирондисты или монтаньяры. Газета все еще питала надежду на наступление поворота, который сделает возможной общую работу обеих партий; она еще не утратила этой надежды даже тогда, когда Марату, благодаря стараниям жирондистов, пришлось предстать перед революционным трибуналом в качестве обвиняемого, когда Паш, мэр Парижа, был привлечен к ответственности перед Конвентом за политическую линию, которую он проводил в управлении, когда были арестованы Гебер, Варле и Дебсан. «Парижские революции» самым решительным образом осуждали речи Демулена против бриссотинцев, произнесенные в якобинском клубе, и высмеивали, как пустые плоды фантазии, расширенное издание этих речей в виде брошюры Демулена: «История бриссотинцев». Даже после того, как большинство парижских секций высказалось за исключение жирондистов из Конвента, «Парижские революции» писали:

«Способ получить чистое представительство, несомненно, заключается в том, чтобы учинить за каждым членом представительства строгий, серьезный, беспартийный надзор. Меньше мягкого попустительства, но и меньше предвзятых мнений: меньше послаблений, но и меньше угроз. Свобода выше всего. Те 24 (жирондистских депутата), против которых ведется преследование, конечно, немало кричат об интригах и

несправедливости; и потому необходимо заставить их замолчать, но только таким способом, что по отношению к ним будут самым точным образом соблюдены все законные формы: следовательно, прежде всего надо собрать все обвинения, которые нация выдвигает против каждого из них, и представить их не только в комиссию, но и всему обществу, которое может составить суждение лишь на основании совершенно определенных доказательств».

Даже 1 июня 1793 года, когда большая часть парижских секций с оружием в руках стояла, готовая принудить к аресту жирондистских вождей, газета Прюдома писала:

«Уже 14 дней на Конвент сыплется дождь петиций. Почти все его время затрачивается на прием делегатов с петициями. Возможно, что это время одинаково было бы потеряно и на всякий другой предмет, а не только на этот, ибо дух разъединения цепляется за все, и никогда еще на обеих сторонах Национального Собрания не обнаруживали такой склонности и способности, как теперь, спорить друг с другом, поносить друг друга, взаимно забрасывать грязью. Эти адресы только подливают еще больше масла в огонь; в зависимости от того, играют ли они на руку той или другой партии, они раздражают и возбуждают другую. Партия, которая обвиняется в адресе, совершенно естественно собирает все свои силы, чтобы с тем большею яростью обрушиться на другую партию. И еще худшее действие оказывают те адресы, которые одновременно обращаются против обеих партий, которые советуют им, оставив взаимную ненависть, общими силами работать над завершением конституции. Тогда каждая партия тотчас же заявляет: «это—не моя вина, это—вина другой стороны. Это она препятствует нашему движению вперед, действует прямо недобросовестно, предает народ, дает Питту и Кобургу подкупать себя»...

Эти заявления показывают, что Прюдом, даже утратив почти всякую надежду, все же еще старался побудить враждующие партии к общей работе. Его сердцу было больно, что распрями парализовалась работоспособность Конвента и задерживалось желанное для него движение к «истинной» демократии. Такие заявления,—свидетельствовавшие больше о добрых на-

мерениях, чем о проницательности,—конечно, не могли остановить истребительной борьбы якобинцев против жирондистов. Увещания привели только к тому результату, что политика Прюдома была заподозрена, и его личные враги получили возможность причинить ему вред. Лакруа, председатель революционного комитета при секции «Единство», приказал окружить дом Прюдома и самого его арестовать. Правда, городское управление добилось его освобождения; но центральный комитет общественной безопасности по наветам его врагов снова распорядился арестовать его. Однако следствие не дало ничего компрометирующего Прюдома. Через короткое время он был освобожден окончательно.

Эти события произвели на Прюдома самое удручающее впечатление. Борьба между жирондистами и якобинцами рассеяла многие из его радужных политических иллюзий,—а к этому присоединилась еще эта озлобленная вражда и в конце концов продолжительная болезнь. Это сделало невозможной для него журналистскую деятельность; он быстро принял решение и закончил издание своей газеты.

До 28 октября 1793 года не появилось ни одного номера «Парижских революций»; потом старый борец, созывавший революционные армии, опять вынырнул, но в иной форме и с изменившимся содержанием. С этого времени газета всецело отдает себя в распоряжение коммуны и идет рука об руку с Гебером. Однако миновало то время, когда она, всегда впереди, вела за собой парижскую демократию. Правда, она еще дает немало хороших статей о внутренних парижских происшествиях; но вместо политического анализа, вместо теоретической постановки вопросов, как было раньше, выступает революционная фраза, начинается самооглушение словесным грохотом. Политическая линия газеты определяется уже не Лустало и Прюдомом: Прюдом, все еще больной, передал редактирование газеты кому-то другому, имя которого невозможно установить, и этот другой пошел по иному пути. Однако и этот новый период продолжался недолго. Уже через четыре месяца, 28 февраля 1794 года, исчезает с арены политической борьбы, на этот раз навсегда, эта газета, представляющая такую высокую ценность для истории революции.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

„Друг Народа“ Марата.

Политическая философия и политика Марата.— Начало борьбы „Друга Народа“.—„Друг Народа“, как защитник мелких ремесленников и наемных рабочих.—Два лейчих листка.—„Слабоголовый“ на троне Бурбонов—Накануне и после 10 августа 1792 года.—„Журнал Французской Республики“.—Против продовольственных спекулянтов.

1. Политическая философия и политика Марата.

Во французской революции невозможно указать ни одного выдающегося человека, которому историческая литература не давала бы разнородных оценок; однако ни о ком еще суждения не расходятся до такой степени, как о Жане Поле Марате: для одних он—грубый циник, а для других—бескорыстный апостол гуманности. Старинные исторические работы, даже демократические, обрисовывают его по большей части как экзальтированного, страстного фанатика, постоянно подгоняемого диким честолюбием,—отчасти даже, как, например, Карлейль, изображают сумасшедшим и глупцом; только Луи Блан в третьем томе своей «Истории Французской революции» до известной степени воздает ему должное [1]).

[1]) В этой области господин Ипполит Тэн побил рекорд пошлости. Родиной отца Марата был Кальяри в Сардинии. В 1741 году он поселился в Женеве, перешел в кальвинизм и женился на женевке, урожденной Каброль. Такое происхождение в глазах Тэна—доказательство упадочности, дегенеративности Марата. В своем „Происхождении современной Франции“ (т. II, отд. III, глава 3-я) он говорит о Марате: „Потомок разнородных рас, имея в своих жилах смешанную кровь, замутненную глубокими моральными переворотами (имеется в виду переход старого Марата в кальвинизм), он носит в себе ред-

И еще недавно либеральные и консервативные историки изображали Марата преимущественно как «кровожадное животное». Однако в последние десятилетия различные биографы набрасывают совершенно иной образ Марата. Таковы прежде всего А. Бужар в своей двухтомной работе: «Marat, L'Ami du Peuple» (Париж 1865 г.), Ф. Шевремон в его большом исследовании: «Marat inconnu» («Неведомый Марат». Париж 1891 г.) и Е. Бельфорт-Бакс в своей работе: «Jean Paul Marat, the Peoples Friend» (Лондон 1900). Несмотря на это богатство биографической литературы,—к которой следует еще присоединить различные статьи во французских и английских периодических изданиях,—проблему характеристики Марата, как революционного политика и журналиста, все еще

костные зародыши"... Редкостное открытие, будто перемена вероисповедания способна замутить кровь.

Но господин Тэн открыл и еще одно доказательство сумасшествия Марата: в те дни, когда вопросы революции близятся к решению, Марат развивает „лихорадочную деятельность",—днем работает в Конвенте, в коммунальном совете, в городских комитетах и в собраниях граждан, а потом еще находит в себе силы, чтобы ночью писать для своей газеты и составлять прокламации.

На такую активность и такое литераторское увлечение способен, по воззрениям господина Тэна, только „сумасшедший". Поэтому Тэн пишет: „Во всем его существе открываются главные признаки сумасшествия: бешеная экзальтация, непрерывная возбужденность, лихорадочная деятельность, непобедимый писательский зуд, непроизвольность мышления и столбняк воли (господин Тэн хочет сказать: энергия воли), находящейся под принуждением и гнетом idée fixe" (навязчивой идеи).

И еще некоторые другие доказательства сумасшествия Марата сумел перечислить господин Тэн. Вечные преследования и особенно почти двухлетнее пребывание во всевозможных подвалах расшатали здоровье Марата. Он выглядит изможденным, наживает себе под сводами подвалов болезнь глаз и чесотку, часто по неделям не может сменить белья и жалуется на бессонницу. По господину Тэну все это—непреложные доказательства сумасшествия. С присущей ему научностью он заявляет: „Не было недостатка и в обычных симптомах сумасшествия: Марат страдает бессонницей, краски его лица блекнут, кровь портится, неопрятность его велика, и в последние пять месяцев жизни все его тело покрывается шелушащимися струпьями". Следовательно, заболеть чесоткой, это—симптом сумасшествия.

Не меньшей доказательной силой обладает в глазах Тэна и то обстоятельство, что Марат оспаривает некоторые „из великих истин" в области оптики, „которые Ньютон открыл за сто лет до того времени", и что, далее, „относительно явлений электричества Марат преподносит исключительно не-

нельзя считать разрешенной. Его биографы не задаются такой целью, как характеристика Марата в условиях его времени, в его отношениях к окружавшей его социальной среде: свою особую задачу они видят скорее в том, чтобы отбросить от него те шлаки и подозрения, которыми засыпали его партийные, пристрастные историки, и при этом впадают в ту же методологическую ошибку, как обвинители Марата. Они впадают в такой же субъективизм, как последние, с той только разницей, что из политических сочинений, статей и писем Марата они выискивают благоприятные для него места, в которых он с самовлюбленностью, доходящей до комизма, изливает на себя потоки патетических самовосхвалений; напротив, их литературные антиподы выискивают в собствен-

разработанные поверхностные догадки". Совершенно верно: Марат, который в 1788 году перевел на французский язык „Optics" Ньютона, был несогласен с его учением о цветах. Ничего не зная о Гете, Марат своими опытами был приведен к таким же результатам, как Гете, почему последний в своих „Материалах к истории теории цветов" становится на сторону Марата против Французской Академии и так высказывается о его работах:

„Можно вообразить себе, как неблагосклонно отнеслись натуралисты, в особенности при Академии, к работам Марата: признавая последний результат традиционной теории, разложение света, он решительно напал на нее за тот путь, по которому она до того время шла. Заключение членов комиссии может служить примером, с какими гримасами пренебрежения относится злая воля к тому, чего нельзя прямо отрицать или хотя бы обойти. Что касается нас, то мы полагаем: Марат с великой проницательностью и наблюдательностью довел учение о цветах, возникающих при рефракции и так-называемой инфлексии, до очень деликатного пункта, который заслуживает дальнейшего исследования: от его полного выяснения, как мы надеемся, получится истинное обогащение теории".

Значит, если воззрения Марата на свет и цвета служат доказательством, что Марат был сумасшедший, то на поверку окажется, что очень неблагополучно обстояло дело и с разумом Гете.

Но наилучшее заключается в том, что,—чего Тэн, конечно, не знает,—перевод Маратом сочинения Ньютона с пояснениями переводчика одобрен Французской Академией; что Вениамин Франклин, изобретатель громоотвода и посол молодой Северо-Американской республики в Париже, часто присутствовал при опытах Марата с электричеством, и что появившаяся в 1784 году книга Марата: „Mémoires sur l'Electricité médicale", Руанской Академией наук удостоена премии.

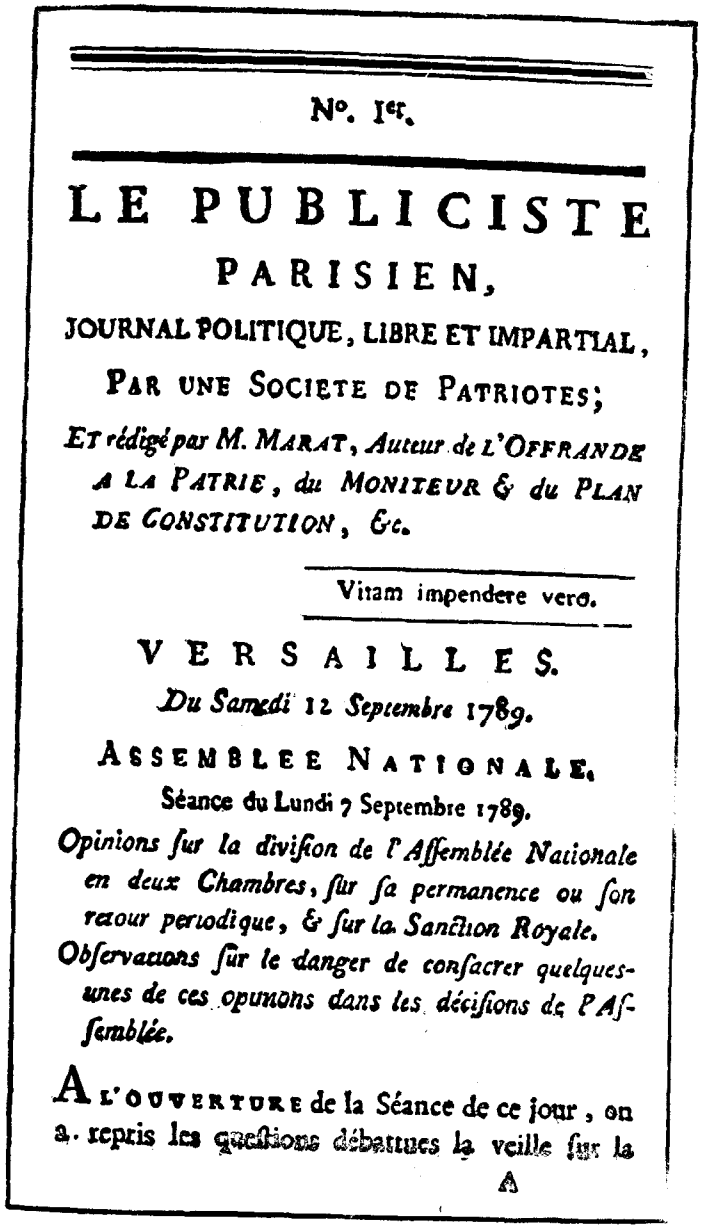
Однако в сущности не стоит терять время на опровержение болтовни великого Ипполита Тэна. На этом примере я хотел только показать, как он пишет историю.

ных сочинениях Марата и в мемуарах его политических противников те места, где он выступает беспощадным фанатиком, который для достижения своих политических целей не остановится перед человеческой жизнью.

У нас нет места для подробного описания жизни Марата. Нас он интересует только как журналист. Следует только упомянуть, что Марат родился в 1743 году в Бодри (кантон Невшатель) и в 16-летнем возрасте отправился в Тулузу, а затем в Бордо и Париж, чтобы изучить там медицину и естествознание. В стремлении познакомиться с миром, он отправился потом в Англию и Шотландию, где он продолжил свое учение и в июне 1775 года получил от университета Сэн-Эндрюс звание доктора медицины («doctor in medicine»), с почетной отметкой, как «very distinguished master in arts» («весьма выдающийся мастер в науках»).

Марат уже раньше занимался в Лондоне медицинской практикой; по получении степени, он немедленно возобновил эту деятельность в одной из самых аристократических частей Лондона, пока в 1777 г. не получил предложение от графа Артуа переселиться в Париж и взять там хорошо оплачиваемую должность врача графской прислуги. Марат принял это предложение.

Во время своего пребывания в Лондоне Марат много вращался в английских радикальных и масонских кругах (в 1774 г. он сделался членом «Великой ложи Англии»). Первая политическая работа, с которою он выступил перед английской публикой, «Chains of Slavery» («Цепи рабства»), в существенных чертах представляет просто заявление о его присоединении к воззрениям тогдашнего прогрессивного английского либерализма. Совершенно в духе эпохи просвещения, Марат сводит причины общественных бедствий к дурному управлению монархов. Хорошие монархи—благословение для государства, плохие—зло. Однако, по воззрениям Марата, монархи большею частью стараются наложить на свои народы «цепи рабства», подкупая граждан по своекорыстным мотивам и стараясь усыпить их стремление к свободе. Поэтому в странах, в которых, как в Англии, исстари существуют свободные учреждения, и народ через своих представителей участвует в

№. Ier.

LE PUBLICISTE
PARISIEN,
JOURNAL POLITIQUE, LIBRE ET IMPARTIAL,
PAR UNE SOCIETE DE PATRIOTES;
Et rédigé par M. MARAT, Auteur de L'OFFRANDE A LA PATRIE, du MONITEUR & du PLAN DE CONSTITUTION, &c.

Vitam impendere vero.

VERSAILLES.
Du Samedi 12 Septembre 1789.

ASSEMBLEE NATIONALE.
Séance du Lundi 7 Septembre 1789.

Opinions sur la division de l'Assemblée Nationale en deux Chambres, sur sa permanence ou son retour periodique, & sur la Sanction Royale.
Observations sur le danger de consacrer quelques-unes de ces opinions dans les décisions de l'Assemblée.

A L'OUVERTURE de la Séance de ce jour, on a repris les questions débattues la veille sur la

A

Нумер 1-й „Парижского публициста“, позднейшего „Друга Народа“ Марата.

управлении, следует стремиться к развитию парламентской системы и к ограничению произвола короны. В одном воззвании к английским избирателям, направленном против министерства лорда Норта, Марат призывает их сохранять в своей груди «священное пламя свободы», которое горело «в груди их отцов», и не избирать в парламент людей, гоняющихся за богатствами, придворных, королевских или государственных служащих, дворян и молодых карьеристов. «Избирайте представителями,—говорит он,—таких людей, которые выделяются способностями, справедливостью, любовью к отечеству, людей, хорошо знакомых с государственными делами, людей, которых достаточное состояние делает независимыми и гарантирует от искушений, стоящих перед бедностью, людей, которых презрение к разрушающему тщеславию и роскоши охраняет от совращающих влияний честолюбия»...

В работах Марата нет никакого следа идей развития и не заметно понимания экономических условий жизни. В них нет ничего, кроме чисто рассудочных субъективных соображений, которые мы находим в сотне других работ того же периода.

В такой же мере бесконечно далек Марат от бурного революционизма и в своем «Плане уголовного законодательства» («Plan de Législation criminelle»), впервые появившемся в 1780 году. По своим основным воззрениям эта книга опирается на «Общественный договор» Руссо. Марат заявляет в ней, что общество обязано заботиться о неспособных к труду, и потому требует мягких наказаний за кражу, если таковая совершена из нужды. Кражи из-за голода следует даже оставлять совсем безнаказанными. Однако Марат стремится к тому, чтобы бедным не просто оказывали поддержку: их следует ставить на работу в больших, хорошо устроенных национальных мастерских. В дальнейшем он обосновывает право народов не подчиняться произвольным тираническим законам монархов и требует полной свободы вероисповедания, однако с тем ограничением, что атеистам возбраняется публично пропагандировать атеизм. Как только они попытаются находить прозелитов, их следует сажать под арест.

В философской области Марат обнаруживает даже реши-

тельную реакционность. Он строго придерживается картезианского (декартовского) дуализма, обособления духа и материи, и в соответствии с этим отрицает всякую прямую связь между душой и телом человека. Они представляются ему, по самой своей природе, sui generis, совершенно отличными друг от друга. Поэтому Марат с известным пренебрежением взирает на Локка, Мальбранша, Кондильяка, Вольтера, Гельвеция; материалистическая философия его времени представляется ему «курьезной», общественно-опасной, так как она отрицает все религиозные догматы и даже самую религию.

Новые парижские впечатления внесли мало перемен в политическую позицию Марата. Это доказывается его брошюрой (в 62 страницы): «Offrande à la Patrie» («Дар отечеству»), которую он выпустил в начале 1789 года перед выборами делегатов в Генеральные Штаты. Он выступает в этой брошюре сторонником радикально-либерального парламентского правления по английскому образцу и требует, чтобы первым делом парламента была декларация, что вся верховная власть принадлежит народу, представляемому своими избранниками, Государственные сословия (Генеральные Штаты) сами должны решать все вопросы о месте и времени своих заседаний, а также определять предметы своего рассмотрения. По его мнению, Генеральные Штаты должны собираться по крайней мере один раз в три года. Но для того, чтобы и на промежуточное время народ не оставался без парламентского представительства, необходимо будет избирать из числа делегатов постоянный комитет для контроля за соблюдением конституции и государственных законов. Министры ответственны перед Генеральными Штатами: последние могут уволить их и, если они окажутся виновными в нарушении законов, подвергнуть их наказанию. Одна из первых задач Генеральных Штатов—установить «основные законы» («lois fondamentales»); в этом деле Генеральные Штаты совершенно самостоятельны (т.-е. не связываются желаниями и утверждением короля). В дальнейшем Марат требует полной свободы печати, отмены «lettres de cachet» (государственных приказов об аресте, ничем не обосновываемых), введения уголовного судопроизводства по английско-

му образцу, облегчения заключения для подследственных, публичности всего судопроизводства, повышения налогов в соответствии с размерами дохода и имущества.

С первого же взгляда видно, что эта программа применяет к тогдашним французским условиям требования английских радикалов. И такие же воззрения, только еще решительнее выраженные, мы находим в дополнении к его «Дару», выпущенном двумя месяцами позже; Марат энергично отстаивает ту мысль, что созываемые Генеральные Штаты отнюдь не должны расходиться, пока они не выработают оснований конституции.

Та же точка зрения выдвигается в появившемся несколькими месяцами позже сочинении: «Projet de déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen, suivi d'un plan de Constitution juste, sage et libre» («Проект декларации прав человека и гражданина вместе с планом конституции справедливой, мудрой и свободной»). Примыкая к Руссо, Марат говорит в этой работе, что каждый человек имеет естественное право на самосохранение, на личную свободу и проявление своих индивидуальных способностей; однако в общественном состоянии это право естественно ограничивается таковым же правом остальных граждан. Поэтому все граждане должны пользоваться одинаковыми политическими правами; таким образом, недопустимы какие бы то ни было политические привилегии на основании того или иного сословного или имущественного строя; конституционный закон должен гарантировать в первую очередь неприкосновенность личности, личную свободу и собственность, «мирное пользование тем, чем человек обладает». Поэтому Марат требует всеобщего избирательного права для взрослых мужчин (женщин и малолетних он исключает), публичности парламентских прений и императивных мандатов, т.-е. обязательства для депутатов выполнять указания, данные им избирателями, и права избирателей отзывать депутатов, если они действовали вопреки данным им указаниям.

Большое неравенство состояний у членов одного и того же государства Марат считает помехой всеобщей гражданской свободе. Однако он и слышать не хочет о «строгом равенстве», которое, говорит он, не может существовать «ни в одном обществе и которого нет и в природе, так как небо даровало различным людям различную степень чувствительности, интеллигентности, способности к мышлению, прилежания, подвижности и силы,—следовательно, даровало неодинаковые средства для приобретения собственности и состояния».

В первые месяцы по созыве Генеральных Штатов Марат воздерживался от выступлений. Но скоро он начал все с большей решительностью подчеркивать свои требования. К этому приводила его не столько последовательность в проведении своих принципов, сколько наблюдение того, как держатся Генеральные Штаты и как среди них образуются клики. Марат—тонкий наблюдатель. Уже его прежние работы по естествознанию поражают остротой его взгляда к частностям. Напротив, у него нет способности комбинировать результаты своих наблюдений и систематически обобщать их. Он—не систематик и не теоретик. Это сказывается и в области политики. Он—мастер, когда дело идет о ясном понимании существующего положения; с ним в этом отношении не может равняться даже Мирабо. И, пожалуй, еще больше поразительно его знание людей. Прямо изумительно, с какой уверенностью оценивает он людей, которые политически стоят ему на пути. Часто не можешь отделаться от впечатления, как будто ему наперед были известны их позднейшие жизненные судьбы, или же как будто он читал их мемуары раньше, чем они были написаны. Правда, у этих достоинств есть и своя оборотная сторона: он неспособен рассматривать разыгрывающиеся на его глазах политические события под углом зрения общего политического развития: со всей своей страстностью он во всякий данный момент всецело поглощен сложившимся положением.

Эта острая наблюдательность быстро позволила Марату ясно понять великие слабости Генеральных Штатов и возникшего из них Национального Собрания. То значение, какое оно придавало всевозможным пустым церемониям; невыносимая пустая болтовня столь многих из его великих людей, которые были готовы часами без устали слушать самих себя,—это в глазах Марата было не просто расточением вре-

мени, но и тяжким грехом бездействия. Он опасался со стороны двора, связанного с дворянством, государственного переворота и хотел предупредить его установлением основных государственных законов: во-первых, для того, чтобы дать мелкой буржуазии нечто такое, что привязало бы ее к революции, во-вторых, для того, чтобы, если бы феодальные властители попытались устроить государственный переворот, их можно было бы обвинить перед народом, как врагов конституции. Кроме того, его возмущали те клики, которые, казалось, с еще большей бесцеремонностью водворяются в Национальном Собрании, чем в английском парламенте, и жадно охотятся за собственной выгодой; но больше всего возмущало его так ясно обнаруживавшееся в политике парижского коммунального совета стремление столичной буржуазии: остановить революцию на ступени, достигнутой ею в августе 1789 года, и использовать ее в собственных политических и экономических выгодах.

2. Начало борьбы „Друга Народа".

Чтобы противодействовать этим стремлениям, в сентябре 1789 года Марат с помощью добрых друзей основал «Publiciste Parisien» («Парижский публицист»). Это—ежедневная газета, печатавшаяся в восьмую долю листа, обычно в восемь страниц. Ее первые номера, за исключением случайных корреспонденций и сообщений, все состоят только из одной единственной статьи: из критических «Observations» («Заметок»), которые Марат обыкновенно приурочивает к краткому описанию важных происшествий в Национальном Собрании. В первом же номере (12 сентября 1789 года) он обрушивается на Национальное Собрание с резкой критикой, поводом для которой послужило отношение Собрания к вопросу о двух палатах и к вопросу о вето. В создании верхней палаты и в праве короля налагать свое вето на решения парламента он видит недопустимое ограничение народного суверенитета (верховной власти народа).

«Если бы,—пишет он,—вето было предложено министрами честолюбивого монарха, в этом не было бы ничего возмущающего: они просто выполняли бы свое обычное дело как враги отечества. И не было бы ничего удивительного, если бы вето предложили некоторые члены Собрания, которые соперничают из-за благоволения,—мы просто подумали бы, до какого унижения могут пасть некоторые души. Но если тотчас вслед за революцией, когда каждый старается казаться патриотом, когда нация знает всю широту своих прав, большая часть ее представителей дерзает предлагать и обосновывать вето,—это мы едва ли были бы в состоянии уразуметь, если бы не знали, как господствуют страсти и предрассудки».

В особенности нападает Марат на Мирабо за его двусмысленную позицию. В ближайшие дни на обсуждение Национального Собрания был поставлен адрес от города Ренна, высказывающийся против предоставления королю права налагать вето. Мирабо отнесся к адресу с порицанием. Марат пишет по этому поводу (в № 5 своей газеты):

«Если для этого адреса следовало найти рьяного защитника, то это, конечно, был граф Мирабо. Он знает права народов и обязанности их уполномоченных. Но вместо того, чтобы посвятить себя делу нации, он усвоил высокомерный тон, надменную манеру и сделал попытку поставить власть уполномоченных выше власти уполномочивших. Местечки, города, провинции, полагал он, это—лишь подданные, и законодательное учреждение не обязано давать им отчет в своих действиях. Несомненно, не такими суждениями он завоевывал голоса марсельских граждан, когда он настолько опростился, что начал продавать ему сукно [1]). Там он рассказывал им об их правах, восхвалял перед ними те ревность и мужество, с какими он будет защищать их права. Теперь, после того как они удостоили его своим доверием, он умеет проповедывать им только почтение и подчинение».

Чтобы сохранить за народом суверенитет, Марат требует, чтобы в мандате депутатов Национального Собрания видели

[1]) Чтобы зарекомендовать себя в качестве кандидата перед избирателями третьего сословия от Марселя, Мирабо открыл там на короткое время суконную лавку.

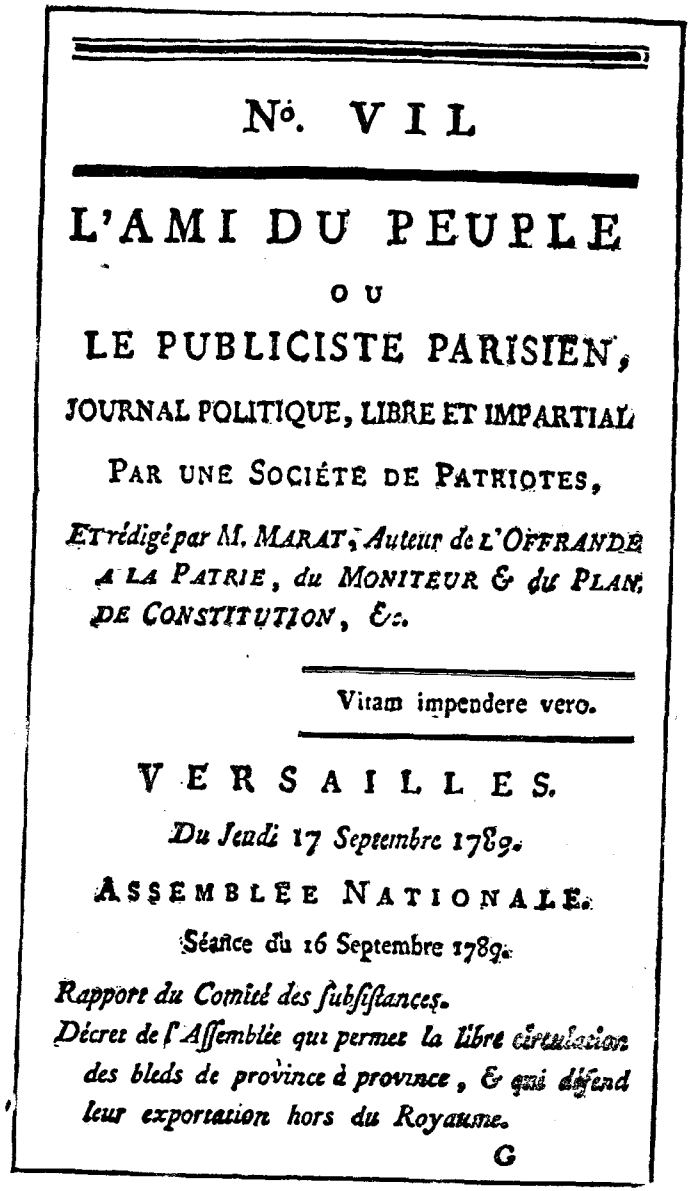
только императивный мандат. Народу, заявляет Марат, принадлежит право во всякий момент отозвать своих представителей, не выполняющих сделанных избирателями указаний, и аннулировать (уничтожить, признать лишенными силы) результаты их законодательной деятельности.

Ближайшие номера «Публициста», который с № 7 получает название «Друг Народа» («L'ami du peuple»), продолжают эту критику в более резкой форме. Например, № 7, охарактеризовав церемонную медлительность, с какою идут работы Национального Собрания, продолжает:

«Вместо этого, оно (Национальное Собрание) без всякого плана перескакивает с одного предмета на другой; вперемежку оно касается тысячи вопросов. Еще недавно оно являло из себя вид строителя, который начал строить дом с крыши; теперь оно похоже на каменщика, который без плана *начинает тесать камни... Оно теряет драгоценное время*, которое оно должно бы употребить на разработку частей законодательства, представляющих просто необходимые выводы из известных основных принципов,—напр., об уничтожении прав мертвой руки» (так называлась церковная собственность, в особенности церковное землевладение),—прав, которые не выдерживают критики естественного права. Вместо этого Собрание занимается прерогативами короны... Если бы оно было распущено каким-нибудь непредусмотримым ударом, тогда, несомненно, положение монарха укрепилось бы; напротив, у блага общественного не оказалось бы никакого правового базиса.

«Пусть не говорят, что эти опасения не имеют оснований. Слишком ясно, что одна сильная фракция, скрытая в недрах Генеральных Штатов, работает в том направлении, чтобы привести к неудаче великое дело возрождения государства. Прилагая все старания к тому, чтобы заставить забыть о вопросах, прямо ведущих к цели, и поставить на обсуждение такие, которые направлены к возвышению и укреплению власти монарха, она затягивает все дела и только ждет какого-нибудь благоприятного события, которое позволит ей сбросить маску».

После такой критики Национального Собрания, Марат в № 8 своей газеты обращается к народу и говорит ему, что

Nº. VII

L'AMI DU PEUPLE

OU

LE PUBLICISTE PARISIEN,

JOURNAL POLITIQUE, LIBRE ET IMPARTIAL

PAR UNE SOCIÉTÉ DE PATRIOTES,

Et rédigé par M. MARAT, Auteur de L'OFFRANDE A LA PATRIE, du MONITEUR & du PLAN DE CONSTITUTION, &c.

Vitam impendere vero.

VERSAILLES.

Du Jeudi 17 Septembre 1789.

ASSEMBLÉE NATIONALE.

Séance du 16 Septembre 1789.

Rapport du Comité des subsistances.

Décret de l'Assemblée qui permet la libre circulation des bleds de province à province, & qui défend leur exportation hors du Royaume.

G

Первый нумер „Друга Нар да".

смешно было бы, если бы он вообразил, что он сделал революцию. За то, что завоевано, мы обязаны благодарностью не решительности народа, а трусости врагов государства и стечению благоприятных обстоятельств. Затем он пишет:

«Вместо того, чтобы избрать своими главами людей, выделяющихся по своим принципам, вы отдаетесь на волю первого попавшегося, даруете свое доверие неопытным людям,—людям, которые получают жалованье от монарха и потому никогда не дерзнут возвысить свой голос против несправедливой власти государя. Я говорю вам, что вы обнаруживаете уже слишком мало заботливости при выборе своих представителей. В муниципальном управлении сидит слишком много людей, которые вскормлены на воззрениях высшего чиновничества и двора. Но чему, пожалуй, никогда не поверят наши потомки, так это тому факту, что в Национальном Собрании, где место только для мудрых, заседают люди, убеждения которых совсем не примерные и которые пользуются дурной репутацией в глазах общественного мнения,—люди, которые только таким способом ускользнули от закона, что они сумели достать свидетельства о своем слабоумии...

«Необдуманный народ! Предавайся радости, спеши в храмы, заставь воздух содрогаться от твоих торжественных песнопений, утоми небеса твоими благодарениями за блага, которыми ты не пользуешься. Тираны исчезли, но последствия тираннии остались. Над тобой угнетателей уже нет, но ты не менее чувствуешь позор рабства. Ты видишь только фантомы. Счастье от тебя дальше, чем когда бы то ни было раньше. Чему ты радуешься? От одного края до другого, королевство охвачено судорогами, мастерские опустели, фабрики покинуты, торговля остановилась, финансы расшатаны, армия разложилась: ты живешь среди анархии!.. И если бы еще ты был близок к концу бедствий!.. Но нет, они все более возрастают. Прекрасные летние дни пролетают с ужасающей быстротой. К тем нуждам, которые тебя мучают, холод зимы скоро присоединит новые. С уменьшением дня заработок рабочих и мастеров сократится, легионы прислуги, выброшенной за дверь, увеличат массы нуждающихся в помощи. Тех несчастных, которые терпят нужду во всем и которые обществом брошены на произвол судьбы, отчаяние подтолкнет к преступлениям, и столица превратится в вертеп воров и убийц. Какой жребий ожидает тебя! Враги свободы ведут дело к тому, чтобы ты устал от своей независимости. Они хотят проучить тебя, чтобы ты стосковался по рабству и начал жаждать спокойствия, изобилия и мира под охраною какого-нибудь повелителя».

Это была критика Национального Собрания, неслыханная для того времени. С гордостью и наивным благоговением взирали тогда революционные слои Франции на свое Национальное Собрание. Его почти боготворили. И вдруг, выступает этот откуда-то появившийся Марат, критикует его работы и осмеивает его великих риторов, на которых тогда смотрели с изумлением. К критике Марата с осуждением отнеслись даже политики, которые подальше заглядывали вперед и за красивыми фразами парламентских ораторов открывали эгоистические мотивы. Можно, говорили они, не соглашаться с действиями Национального Собрания,—однако и в таком случае следует воздержаться от слишком резких нападок на него, потому что они роняют престиж парламента в народе и ослабляют его позицию по отношению к мерам двора и находящейся с ним в союзе феодальной аристократии.

Даже «сказочная ночь 4 августа» не нашла пощады в глазах Марата. Почти вся либеральная пресса с идеологической наивностью, почти непонятной в наше время, прославляла эту ночь, как доказательство жертвенности привилегированных сословий и начало новой эры дружной общей работы. Видя, что болтовня о жертвенном подъеме и о единстве все не прекращается, Марат вмешался в дело своею статьей в № 11. Он характеризовал движущие причины «возвышенной жертвы» с такой исторической проницательностью, как будто провидел всю последующую борьбу партий за обратное отвоевание своих «привилегий».

«Если,—насмешливо писал он,—эта жертва продиктована духом чистой благотворительности, то, надо сознаться, долгонько же пришлось ждать, пока он не обнаружился. Да,

только при виде пламени своих пылающих замков, они обрели в себе необходимое величие духа для того, чтобы отречься от своей привилегии держать в оковах людей, с оружием в руках завоевавших себе свободу. Только узрев возмездие, постигающее вымогателей, живодеров и охранщиков деспотизма, они, наконец, *обрели в себе великодушие отказаться от своих* поземельных десятин и воздержаться от предъявления дальнейших требований к несчастным, которые едва могли влачить свое существование. Только услышав имена изгнанных (изгнанных из своих владений феодалов) и узнав о той судьбе, которая ждет их, они согласились оказать благодеяние: допустить уничтожение их исключительного права на охоту и соблаговолить, чтобы дикие животные впредь уже не пожирали нас...

«Да и как обстоит дело с размерами этих жертв? Или я еще должен доказывать, что они большею частью иллюзорные жертвы? Будет ли действительным, реальным уничтожение всех привилегий, которое возвещается надписью на проектированных медалях (в память событий), если закон о сеньориальных, землевладельческих и феодальных правах скажет нам только, что эти права могут быть выкуплены. Что же касается уничтожения прав мертвой руки (церковных имуществ) и других феодальных прав, которые до сих пор ложились на личность,—этих чудовищных злоупотреблений, которые прикрывались красивым именем права,—так эти права все равно должны пасть, как только будет принят основной конституционный закон, возвещающий личную свободу каждого гражданина».

Такой язык не подходил к тем ликующим настроениям, которые охватили парижскую буржуазию после взятия Бастилии. Марат получил многочисленные протестующие письма, которые однако не заставили его воздержаться от резкой критики. Он воспользовался случаем для того, чтобы еще раз изложить основания, побуждавшие его к нападкам.

«Когда я видел в Национальном Собрании граждан,—пишет он,—отдающих себя служению отечеству, я относился к ним с уважением. Когда я открывал в Национальном Собрании твердое, хотя и не опирающееся на достаточное по-

нимание намерение ступить на путь добра, я относился к нему с той бережностью, которой требует законность, и, опасаясь повредить доверию к нему народа, я адресовался со своими замечаниями непосредственно к Собранию. Когда же я видел, что оно упорно продолжает свою пагубную деятельность, я полагал, что я должен уступить голосу своей совести *и публично сообщить ему свои замечания. Все мои* колебания исчезли, когда я увидал, что в Национальном Собрании открыто задаются преступной мыслью: принести народ в жертву монарху, принести общее благо в жертву шайке честолюбцев. Я помышляю только об опасностях, угрожающих отечеству, его благо сделалось для меня высшим законом, и я вижу свою священную обязанность в том, чтобы бить в набат, так как это—единственное средство для того, чтобы предостеречь нацию, как бы она не свалилась в пропасть».

Протесты и дружеские увещания не оказывали какого-либо влияния на критику Марата. Его страстному, необузданному темпераменту необходимо было разряжаться, и, подобно раскаленной лаве, вытекающей из какого-нибудь кратера, изливался со страниц газеты Марата поток ожесточенных нападок на тех «scélérats», на тех негодяев, которые видели в революции только случай достигнуть хороших мест и материальных выгод. Марат не только не сократил своих саркастических нападок, но скорее расширил их,—распространил их на парижское городское управление, в котором при новом мэре Бальи, прежнем президенте Национального Собрания, продажность еще более возросла, чем при старом режиме. Марат неустрашимо раскрывал хищения, в частности коммерческие махинации господина Бомарше; он постоянно напоминал парижанам, что они должны очистить свой городской парламент от придворных элементов и от «государственных пиявок», которые нашли убежище в большом коммунальном совете. Так, напр., № 22 «Друг Народа» (от 30 сентября 1789 года), упомянув об угрожающем голоде и указав на бездеятельность парижского коммунального совета, говорит:

«Положение все ухудшается. Нам предстоит безнадежная зима, если не работать день и ночь для того, чтобы сна-

бдить Париж продовольственными продуктами, пока потоки дождя не сделают дороги непроезжими и пока лед не прекратит судоходства. Что в состоянии помочь нам? Необходимо вымести из городской думы подозрительных лиц, всех, кто получает от короля пенсии, прокуроров, адвокатов, академиков, заседателей в суде Шатле[1]), служащих судебной палаты и парламента[2]), далее, финансистов, биржевых игроков и спекулянтов вместе с городским бюро, представляющим их верхушку. Необходимо сократить число городских представителей до 50-ти разумных, независимых и справедливых людей».

Следствием этих нападок было то, что коммунальный совет неоднократно приглашал Марата пред свои очи, а магистрат приказал задерживать разносчиков «Друга Народа». Однако в конце концов не решились возбудить против Марата судебное преследование, так как опасались расследования судом тех хищений, о которых упоминал Марат; ограничились тем, что нескольких особенно ославленных городских представителей отстранили от их должностей.

В №№ 25 и 26 своей газеты Марат занялся финансовым планом Неккера и предположенным им высоким обложением мелких доходов.

«Как,—восклицает он,—для того чтобы обеспечить рантьерам (государственным кредиторам) платежи по старым займам, чтобы платить жалованье пенсионерам монарха, бесполезным посланникам, опасным губернаторам и командующим, наложницам, проходимцам, академикам, возлежащим на медвежьей шкуре, подкупным софистам, пронырливым шарлатанам, прихлебателям, танцорам, бывшим министрам, шпионам,—для этого бедные ремесленники, бедные рабочие, бедные поденщики, которые ничего не выиграют ни от министерских фокусов, ни от революций,—из-за этого они должны позволить обдирать себя? Как! Для того чтобы спекулянты могли продолжать свою игру, сборщики налогов—свое обирательство, для того чтобы врагам народа, эксплуататорам и тиранам сохранить их состояния,—для этой цели двадцать миллионов народа должны пойти с сумой по миру?».

[1]) Суд Шатле был судом по политическим преступлениям и по проступкам печати.

[2]) Высшее судебное учреждение Парижа (и по административным делам).

«Ах, несчастный, собери свои лохмотья, подави свой голод и, если у тебя остался еще кусок хлеба, чтобы распределить его, посмотри на своих братьев, которые гибнут от нищеты».

Дальше Марат говорит, что необходимо в первую очередь сократить государственные расходы, уменьшить высокие пенсии, уничтожить многие курьезные, но высоко оплачиваемые бесполезные придворные должности. Затем, возвращаясь к Неккеру, он продолжает:

«Он трусливо покинул народ и старался снискать благоволение изменников перед отечеством. Из страха быть вынужденным в третий раз покинуть свое место, он все больше и больше сближался со своими врагами... На этого идола я брошу свет факелов истины, и он рассыплется в прах. Маленький, суетный человек, твои лавры запятнаны и уже никогда больше не зазеленеют... Наступил конец твоему царствию; нельзя соединить славу и благополучие, никогда нельзя безнаказанно издеваться над легковерием народа. Подобно глухому шуму воды после ливня, слава твоего имени, может быть, будет находить отзвук еще некоторое время... Но тщетно будет мудрый искать в тебе государственного человека,—он откроет в тебе только авантюриста и, не будучи пророком, предскажет тебе конец Лоу».

В то же время Марат продолжал раскрывать продажность, царившую в парижском городском представительстве. Это было слишком уж много для Неккера, Бальи и Лафайета. «Друг Народа» был приостановлен, и 8 октября суд Шатле отдал приказ об аресте Марата.

Марат скрылся и искал прибежища у своих политических единомышленников, каждый раз изменяя пристанище, как только он переставал чувствовать себя в нем в безопасности. Уже через несколько недель он возобновил издание газеты из своего тайного убежища. Уже 5 ноября 1789 года появился № 29 его «Друга Народа», и, несмотря на повторные конфискации, несмотря на то, что несколько раз удавалось закрывать типографии, в которых тайно печаталась газета, последовало один за другим свыше 40 дальнейших номеров.

3. „Друг Народа“ как защитник мелких ремесленников и наемных рабочих.

Если Неккер и его приверженцы в парижской городской думе воображали, что они запугают Марата такими преследованиями, то они глубоко заблуждались относительно его характера. Принятые ими меры и то одобрение, которые они встретили среди парижской буржуазии, повели исключительно к тому результату, что он все решительнее начал искать опоры среди мелких ремесленников и рабочих. Уже раньше мы видели, каким образом интересы ремесленных мастеров, «ouvriers» (это слово в прессе того времени обозначало большею частью мелких ремесленников, которые работали сами), наемных рабочих и прислуги он противопоставлял интересам «богатых». Теперь его нападения на «accaparеurs» (спекулянтов продовольственными продуктами и скупщиков), «agiateurs» (биржевых спекулянтов), финансовых дельцов и на их представителей в Национальном Собрании и в парижском городском парламенте становятся все более энергичными и угрожающими.

В №№ 34 и 35 он выступает против только что изданного военного закона (акта о бунте), видя в нем препятствие развитию революции. Он осмеивает те «усталые души, проникнутые жаждой спокойствия», «тех государственных кровососов» (sangsures de l'état), те «чувствительные сердца», которые видят только несчастия отдельных лиц, только жертвы какого-нибудь внезапно вспыхнувшего уличного мятежа, но совсем не замечают нищеты масс, опустошения, рабства, кровавых расправ, которыми одаряли французский народ тираны Франции в течение последних столетий. В № 52 он обращается против тех интриг, которые разыгрались в Национальном Собрании вокруг вопроса об избирательном праве, против выдвинутого либералами требования не давать избирательного права мелким ремесленникам и рабочим, против низведения их до положения граждан второго разряда, против превращения в так называемых пассивных граждан (их можно избирать, но они не могут избирать).

«Таким способом представительства,—писал Марат,—страна опять отдается в руки богатых, а жребий бедноты, которую всегда давили и порабощали, никогда мирными средствами не улучшится. Это—убедительное доказательство того влияния, которое богатство оказывает на закон. Ну, что ж, законы обладают силой лишь до тех пор, пока народы согласны подчиняться. И если они сбросили ярмо дворянства, то могут сбросить и то иго, под которым их держит богатство... Беднота может обратиться к началам свободы и равенства, чтобы положить конец привилегиям и грабительству богатых: точно так же, как к этим началам обратилось третье сословие, уничтожая привилегии дворян».

В №№ 54 и 55 Марат возобновляет свои нападения на парижский муниципалитет, осуждает самовластные действия городского управления по отношению к районным комитетам, в частности по отношению к району Кордельеров, и большую часть членов городского совета называет «продажными агентами».

12 декабря 1789 года шпионы открыли убежище Марата. Отряд из 20 национальных гвардейцев, во главе с господином дю-Шардоне, вице-председателем района Сан-Никола, на рассвете вторгся к нему, захватил его бумаги и отвел его самого в следственный комитет по политическим преступлениям. Однако Марату ничего не сделали. После долгого допроса его отпустили. Газета Марата уже успела приобрести значительное количество приверженцев среди мелкой буржуазии Парижа, и раздражать их,—это по всей видимости в данный момент не входило в расчеты парижского городского управления.

Марат обзаводится несколькими ручными типографскими станками и продолжает свою журналистскую деятельность. Уже 21 декабря он выступил с резкой критикой плана организации армии, предложенного военным министром Латур дю-Пеном, который кроме национальной милиции требовал постоянного войска в 60.000 человек. Марат называет этот план разорительным для государственной кассы и указывает, что он грозит опасностью для революционного народного движения, так как это постоянное войско в 60.000 человек

во всякое время можно будет направить против народа. Он требует, чтобы эти 60.000 человек так называемых регулярных войск тоже были заменены соответствующим количеством милиции.

В других номерах Марат нападает на парижского мэра Жана Сильвана Бальи за повелительный тон его распоряжений и, кроме того, добирается до Сийеса, который потребовал в Национальном Собрании дальнейшего ограничения свободы печати.

Недолго оставался поэтому Марат на свободе. Суд Шатле издал новые приказы об его задержании. Несколько раз судейские служащие и национальные гвардейцы окружали типографию и квартиру Марата. 22 января 1790 года был вызван даже целый батальон и оцепил все улицы района Кордельеров, ведущие к типографии Марата. При таких обстоятельствах Марат признал за лучшее на время прекратить свою деятельность и скрыться из Парижа. Но уже в мае он возвратился и в № 106 своего «Друга Народа», вышедшем 18 мая 1790 года, продолжал свою страстную критику. Постоянно скрываясь от ищеек суда Шатле, парижского мэра и Лафайета, Марат иногда неделями безвыходно проводил в подвалах у своих друзей и в тому подобных потайных убежищах. Однако он продолжал свой поход в печати и по ночам, при свете сальной свечи, писал в своем прибежище свои страстные, пламенные статьи, которые отдавались в печать его добрыми друзьями, доставлявшими ему и пищу.

Невозможно во всех подробностях проследить эту журналистскую кампанию Марата. В существенном его требования сводятся к тому, чтобы власть Национального Собрания была усилена по сравнению с королевскою властью и с министерством, но чтобы в то же время само Национальное Собрание было преобразовано в простого исполнителя народной воли. Для этого необходимо, с одной стороны, предоставить равное избирательное право всем гражданам, независимо от уплачиваемых ими налогов, а с другой стороны, ввести императивный мандат, т.-е. предоставить избирателям право давать своим депутатам определенные

поручения и лишать их этого звания, если они станут действовать вопреки полученным указаниям. Для примера можно указать, что уже через несколько дней по возобновлении своей деятельности, Марат в нескольких номерах с блестящею диалектикой обрушивается на закон, принятый Национальным Собранием 22 мая 1790 года, согласно которому решение вопросов войны и мира поручается королю, т.-е. придворной камарилье. Далее, он борется против стремления совершенно устранить мелких ремесленников и мелких торговцев от службы в парижской национальной гвардии и против превращения последней в послушную «преторьянскую гвардию буржуазии» и муниципалитета, являвшегося правящим комитетом буржуазии. В больших сатирических статьях Марат подвергает критике устав о службе в национальной гвардии, который вменяет в обязанность рядовым гвардейцам беспрекословно подчиняться распоряжениям своих офицеров, если бы даже они скомандовали наступление на свой собственный народ. Марат критикует, далее, замещение офицерских должностей почти сплошь дворянами, крупными купцами, высшими чиновниками, адвокатами и нотариусами, исключительно властное положение, которое уставом предоставляется главнокомандующему национальной гвардии маркизу Лафайету, и страсть парижан к игре в солдатики, эту «вечную болезнь французов» («maladie éternelle des français»), это самооглушение военными парадами, смотрами и блестящими мундирами. Он полагает, что во всяком случае необходимо принять меры против обособления национальной гвардии от народа, против превращения ее в полицейский корпус буржуазии. В этих целях Марат требовал сокращения ее с 60 батальонов до 48, в соответствии с новым разделением Парижа на 48 секций (административных районов). Эта мера усилила бы положение батальонов из революционной секции в общем составе национальной гвардии. Он требовал также, чтобы районные командующие (командиры батальонов) национальной гвардии назначались общими собраниями граждан по отдельным районам, чтобы главнокомандующий назначался соединенным представительством от всех 48 секций и чтобы все внеслужебные про-

ступки национальных гвардейцев подлежали разбору в обычных гражданских судах.

С такой же беспощадной резкостью вел Марат борьбу за равное избирательное право для всех совершеннолетних, независимо от уплачиваемых ими налогов; такого избирательного права он требовал для выборов во все представительные учреждения, как в Национальное Собрание, так и в представительства коммунальные, районные и департаментские. Когда в июле 1790 года Национальное Собрание издало декрет, устранявший от участия в избирательных собраниях так называемых «пассивных граждан», т.-е. более трех четвертей совершеннолетних граждан, Марат назвал этот закон позором для первого года эры свободы и в № 172 «Друга Народа» (25 июля 1791 года) обратился к беднейшим парижским округам: Сен-Антуан, Сен-Марсель, Сен-Виктор, Сен-Мартен, Сен-Дени, Сен-Лоран, с призывом протестовать и в случае необходимости оказать сопротивление решению Национального Собрания. Всеобщее равное избирательное право, — писал он, — основа всех прав гражданина, и потому, с точки зрения естественного права, допустимо сопротивление указанному декрету.

Марат не оставлял без внимания и материальных интересов низших слоев народа. Уже в августе 1789 года он напоминал Национальному Собранию, что народ не насытится от его краснобайства: он хочет есть. Снова и снова обращается он к парижскому городскому управлению с настойчивым увещанием, чтобы оно позаботилось о достаточном привозе в Париж зерна и муки и таким способом удерживало хлебные цены на умеренном уровне. Газета Марата поддерживает также стремление отдельных слоев парижских рабочих добиться повышения заработной платы. А когда осенью 1790 года Национальное Собрание приступило к реформе налогов, Марат энергично выступил за уничтожение всех поголовных налогов и налогов на предметы потребления и за их замену единым прогрессивно-подоходным налогом. В № 263 (26 октября) своего «Друга Народа» он развивает даже целый налоговый план и предлагает взимать налог с холостых, лишь начиная с доходов от 1.200 ливров, а с отцов семейства—от 2.400 ливров, и, далее, допускает со ставок налога скидку до 50% для тех плательщиков налогов, которым приходится кормить большую семью.

4. Два летучих листка.

Так как Марат один составлял почти всю свою газету, то это предъявляло немалые требования к его рабочей силе. Однако при его рвении двигать вперед революцию, размеры «Друга Народа» были для него недостаточны. Кроме этой газеты, со 2 июня 1790 года он издавал еще «Junius Français» («Молодой француз»), — газету, предназначенную преимущественно для агитации среди беднейших классов парижского населения. В общем вышло 13 номеров этой газеты. Кроме того, в качестве приложений к своему «Другу Народа» он издал несколько сравнительно больших летучих листков (прокламаций). Из их числа величайшую сенсацию в Париже вызвал памфлет, появившийся 14 июля 1790 года, в годовщину взятия Бастилии: «Infernal Projet des Ennemis de la Révolution» («Адский план врагов революции»). Из революционных кругов Марат получил сведения о тайных совещаниях между Мирабо, Лафайетом и Сийесом, на которых эти три благородных представителя французского народа пришли к соглашению о свержении тогдашнего министерства и разделе важнейших постов между собою и умеренными конституционалистами. Неккера должен был заменить Мирабо, Латура дю-Пена—Лафайет, Монморена—Лианкур, Сен-При—Ларошфуко, а Сийесу предполагалось предоставить должность хранителя печати. В своем летучем листке Марат разоблачил этот план и с жгучей насмешкой характеризовал Мирабо, как «рыхлого Сарданапала», а Сийеса — как «лукавого карьериста» и «придворного льстеца».

Ярость разоблаченных не знала границ. Их приверженцы побили окна у типографщика, печатавшего «Друга Народа», нападали на разносчиков газеты и добились того, что был издан новый приказ об аресте Марата. Так как типограф-

щик Марата отказался выдать местопребывание последнего, то он был присужден к 100 ливрам штрафа.

Лафайет с особым усердием привел в движение все рычаги, чтобы захватить Марата. Однако это ему не удалось, потому что целый ряд друзей и единомышленников Марата предоставлял ему убежище. Среди этих людей были парижский адвокат Буше де-Сен-Совер, начальник дивизии национальной гвардии в Версале Лоран Лакуантр, аббат Бассал в Версале, художник Бозе, гравер Маке, мясник Лежандр и многие другие. Марат останавливался то у одного, то у другого, постоянно скрываясь от шпионов Лафайета, пока, наконец, он не нашел надежного убежища под сводами подвала одного упраздненного францисканского монастыря.

Хотя воздух подвалов расшатал его и без того неважное здоровье и хотя он получил воспаление глаз и чесотку, однако он не только не прекратил издания своей газеты, но и выпустил несколько новых летучих листков. Уже 26 июля 1790 года он ошеломил Париж новым памфлетом под заглавием: «C'en est fait de nous?» («Что же, с нами покончили?»). Он высказал подозрение, что король, который незадолго до того времени тайно уехал в Сен-Клу, задумал бежать в Компьен и что министры приглашают иностранные державы к тому, чтобы они двинули свои войска на Францию.

«Граждане всякого возраста и состояния, — говорится в прокламации, — меры, принятые Национальным Собранием, не в силах спасти вас от гибели. Вы погибли, если вы не возьметесь за оружие, если вы вновь не обретете в себе того героизма, который уже дважды спасал Францию: 14 июля и 5 октября» (день разрушения Бастилии и день, когда парижский народ овладел королем и его семьей и заставил их переселиться в Париж, где они были под постоянным наблюдением революционного народа). «Пока не ушло время, идите в Сен-Клу, захватите короля и наследника, возвратите их в стены своего города, поставьте их под стражу, чтобы при грядущих событиях они были в ваших руках, заприте под замок австриячку (Марию Антуанету) и ее свояков, чтобы лишить их возможности продолжать заговоры, схватите всех министров и их секретарей, наденьте на них цепи, овладейте главой парижского муниципалитета и городским секретарем, следите за генералами, арестуйте главнокомандующего национальной гвардии, уничтожьте артиллерийские посты на Зеленой улице (Rue verte), обеспечьте для себя оружейные магазины и пороховые погреба, созывайте совещания по районам и велите им быть в готовности...

«Вы скоро увидите, что привилегированные сословия опять поднимут свою голову, и опять начнет свирепствовать деспотизм,—жесточайший деспотизм, более злой, чем когда бы то ни было раньше. Пять или шесть сотен отрубленных голов обеспечили бы вам спокойствие, свободу и счастье. Ложная доверчивость и беззаботность расслабили вашу руку, удержали те удары, которые она готовилась нанести. За это вы поплатитесь жизнью миллиона ваших братьев. Стоит только вашим врагам на один момент одержать победу, — тогда конец вашей свободе: великими реками прольется кровь, вас без всякой жалости предадут истязаниям».

Вопль негодования был ответом так называемых благонамеренных кругов Парижа на этот выпад против придворной камарильи и министерства. 31 июня Малуэ, вождь умеренных конституционалистов, выступил в Национальном Собрании с обвинением против этой прокламации, и оно немедленно потребовало от прокурора суда Шатле возбудить преследование не только против автора, но и против типографщика, против разносчиков и распространителей газеты за оскорбление французской нации, за призыв к восстанию, за подстрекательство к кровопролитию и к насильственному изменению конституции. Даже для большинства демократических органов Марат в этом случае заходил слишком далеко. Камиль Демулен писал в своих «Французских и брабантских революциях» (№ 37):

«Господин Марат, вы сочиняете красивые истории. Пять или шесть сотен отрубленных голов?.. Вы—драматург среди журналистов. Данаиды, брамесиды—ничто по сравнению с вашими трагедиями. Вы кончаете со всеми лицами, при-

нимающими участие в пьесе, за исключением одного только суфлера. Вы совершенно забыли, что непомерно преувеличенный трагизм оставляет нас холодными... Простите, что я, при своей зеленой молодости, даю вам совет. Но в действительности вы отрываетесь от своих друзей и заставляете их порвать с вами!»

Этот листок Марата с того времени десятки раз цитировался в исторических работах, как доказательство его «холодной кровожадности». И однако в писаниях Марата нигде нет и следа «холодной» жестокости или «холодного» расчета: скорее можно говорить о чрезмерности темперамента и страстности, которая в своем вихре часто увлекает с собою самого Марата. Что же касается только что приведенного места из его прокламации, то и указание на чрезмерность темперамента было бы здесь неправильно. Оно объясняется просто его несравненным пониманием тогдашнего политического положения, правильной оценкой того сопротивления, которое тогда еще предстояло преодолеть революции, и правильной оценкой морали контр-революционных элементов. Конечно, Марат не хотел сказать, что должны пасть именно от пяти до шести сотен голов,—не больше и не меньше. В других номерах своей газеты он называет меньшие цифры, а в отдельных случаях—много большие. Как он сам заявлял в позднейшее время, он часто возвышался до весьма крупных цифр для того, чтобы произвести впечатление на умы своих читателей и окончательно рассеять в них опасную доверчивость. Марат только требовал, чтобы не останавливались перед соображениями ложной гуманности, чтобы привлекали к ответственности и гильотинировали, не считаясь с сословием и положением, придворных, министров и интриганов-роялистов, которые стремились побудить иностранных интриганов и иностранные державы вторгнуться во Францию. Со свойственной ему остротой взора он увидал глубокие, отчасти еще скрытые противоречия, разделявшие население; он понял, что революции еще предстоит переправиться через многие реки крови. И, видя все это, он сказал себе, что лучше, избрав благоприятный момент, подавить сопротивление с малыми жертвами кровью, чем дать ему созреть для борьбы,

которая впоследствии потребовала бы крови в сто, в тысячу раз больше. В революционной борьбе он видел в известном смысле борьбу за существование между двумя армиями, стоящими одна против другой; и противник немедленно использовал всякую снисходительность, всякую уступчивость, свидетельствующую о слабости. В одном из номеров (№ 121) своей газеты он метко возражает некоторым из тех чувствительных краснобаев, которые возводили на него упреки в жестокости. Он пишет:

«Хотя я не могу видеть страданий и малейшей козявки, они все же называют меня жестоким. Но если я вижу, как, чтобы теперь сохранить несколько капель крови, допускают, чтобы зато впоследствии ее проливали целыми потоками, меня охватывает глубокое негодование против наших фальшиво-гуманных понятий и против нашей глупой снисходительности к самому жестокому нашему врагу [1]). Глупцы мы за то, что так заботимся о предохранении их от ударов...

«Если некогда им опять предстоит получить перевес над нами, посмотрите тогда, как они, неся огонь и меч в своей руке, опустошат провинции, как они раздавят все, что оказывает сопротивление: тогда они попросту не-

[1]) В большинстве либеральных и консервативных исторических работ Марат изображается „кровожадным“ тигром, который находил удовольствие в кровопролитии самом по себе. Это в равной мере и неправда, и глупо. Марат неоднократно выступал против избиения и казни тех лиц, которые по невежеству принимали участие в монархических манифестациях и выступлениях. Он находил жестоким и бесполезным подвергать наказанию таких безопасных и несчастных людей. Напротив, по отношению к вождям контр-революции у него не было ни снисходительности, ни пощады. Его воззрения на этот предмет хорошо характеризуются следующим эпизодом, о котором рассказывает Поль Баррас в своих мемуарах (т. I, гл. 15-я).

„Я был,—говорит он,—свидетелем подобного происшествия на улице Сент-Оноре. Народ поймал одного господина, который был одет во все черное, напудрен и завит по манере „старого строя“. „На фонарь!“—кричали со всех сторон. „На фонарь аристократа!“ И уже его совсем хотели повесить, как Марат протолкался через толпу. „Что вы хотите сделать с несчастным аристократом? Я знаю его“,—сказал он, подхватил его и дал ему сзади пинка. „Это—достаточный урок для него“. Народ разразился рукоплесканиями, и аристократ бросился бежать изо всех сил“.

ребьют патриотов, перебьют их жен и детей, предадут огню города».

История оправдала Марата не только в том отношении, что она подтвердила его взгляды на дальнейший ход революции, но и в том, что показала правильность его суждений о зверской жестокости и кровожадности контр-революционеров.

Однако, если, подобно некоторым цеховым историкам, стоять на той точке зрения, что неотъемлемое право всякого монарха и привилегированного класса—для сохранения своего господства учинять над народом ужасающие кровопускания и массовые убийства, а в случае нужды призывать и войска иностранных наемников для подавления своих «возлюбленных сынов»; если стоять на той точке зрения, что, наоборот, всякое выступление низших классов народа против этих священных и вечных прав господствующих классов представляет постыднейший, заслуживающий самого сурового осуждения, смертный грех,—тогда Марат, конечно, во всяком случае был «кровожадным зверем».

5. „Слабоголовый" на троне Бурбонов.

События, разыгравшиеся в Нанси (см. выше), придали еще более изумительную энергию оппозиции Марата. Едва он ближе узнал о столкновении гарнизона в Нанси со своими феодальными офицерами, он немедленно стал на сторону солдат против офицерского корпуса, обманным способом удерживавшего у них жалованье. Самый резкий протест Марата вызывает постановление Национального Собрания от 29 июля 1790 года, в котором оно приветствовало предложенную от имени короля карательную экспедицию генерала Буилье против «бунтовщиков», наперед одобрило меры Буилье и предоставило ему, если он признает это целесообразным, подавить бунт силой оружия. Он слишком хорошо знал Буилье и дух, царивший в ультра-реакционном офицерском корпусе, и потому не мог не предвидеть, что последствием этого постановления будет ужасающее избиение «восставших». Как мы видели из предыдущего отдела, он уже давно подозревал короля в том, что тот завязал сно-

ных потребителей,—это представлялось им заповедью самосохранения. Поэтому они были против того, чтобы слишком сильно урезывать доходы соответствующих слоев, и не хотели, чтобы придворные круги и состоятельные иностранцы распугивались из столицы террористическими революционными мерами. Чем больше Париж превращался в центр роскоши, развлечений, искусств, приезжих иностранцев, тем лучше шли у них коммерческие операции, тем выше были их барыши.

Напротив, провинциальные крупные промышленники были лишь очень слабо заинтересованы в платежеспособности этих слоев. Покупателей они находили среди широких слоев зажиточных граждан. Если последние достигали того, что улучшалось их экономическое положение в государстве, то неизбежно повышался и сбыт этих промышленников. Они не получали никаких выгод от расточительности двора, от налоговых привилегий дворянства и высшего чиновничества. Напротив, непомерные королевские расходы, подарки и излишние пенсии разрушали государственные финансы и взваливали на промышленников и их главных покупателей постоянно растущие налоговые тягости. Далее, регламенты Кольбера относительно способов фабрикации, использования сырых материалов, упаковки и т. д. для парижских фабрикантов, производивших предметы роскоши, в несравненно меньшей мере представляли помеху расширению производства, чем для крупных промышленников северной Франции и областей по нижнему течению Роны: ведь парижская промышленность, производившая предметы роскоши, работала на ограниченный рынок, в общем огражденный от заграничной конкуренции, при чем моды определялись самим двором. Напротив, провинциальная крупная промышленность работала на совершенно различные области с разнородными потребностями и спросом, притом не только на французские области, но отчасти, иногда даже в значительной мере, и на иностранные рынки. Общие регламенты до чрезвычайности затрудняли для нее приспособление к изменчивому вкусу и потребностям, необходимое в борьбе с иностранными конкурентами на различных рынках. Поэтому уже в большинстве наказов 1789 года, составленных в указанных

рабо и Лафайет. Он с самого начала не доверял Мирабо, этому «толстому Сарданапалу». Уже в № 5 своей газеты он характеризовал Мирабо, как человека, который стремится исключительно к тому, чтобы играть политическую роль. Он много издевался над тем обстоятельством, что Мирабо, чтобы завоевать голоса третьего сословия в Марселе, для виду открыл там суконную лавку; с того времени Марат много раз, особенно в период обсуждения конституции, пользовался случаем, чтобы чувствительно пощипать Мирабо. Теперь Марат вплотную и основательно принимается за господина «Рикетти»,—как известно, Мирабо происходил из флорентийской фамилии Рикетти,—обвиняет его в подкупности и в сношениях с королевским двором и в качестве доказательства ссылается на голосование, политическую тактику и громадные денежные расходы Мирабо.

«Еще два года тому назад,—рассказывает Марат в № 290 своей газеты,—Рикетти должен был заложить у ростовщика свои штаны за шесть ливров, а теперь он утопает в роскоши и содержит трех наложниц, которых осыпает подарками».

Затем Марат делает подсчет, какие приблизительно суммы издержал Мирабо за последние месяцы на покупку разных имений, и получает очень внушительную цифру: 2.850.000 ливров. Как известно, два года спустя эти подозрения Марата в точности получили подтверждение в бумагах, найденных в Тюильри.

Если в Мирабо Марат видит бессовестного, продажного и своекорыстного, но в известных отношениях все же рассудительного и искусного политика, то Лафайет представляется ему совершенно пустым интриганом-Тартюфом, политическим арлекином. Еще до резни в Нанси Марат много раз жестоко нападал в своем «Друге Народа» и на этого «великого человека». Принимая во внимание печальную роль, которую «паяц двух миров» [1]) сыграл в нансийском деле, Марат считал полезным заняться им наособицу. В номере от 14 сентября 1790 года он сообщил, что ближайший специальный номер будет посвящен генералу Мотье (фамилия Лафайета). Однако обещанный номер не появился. По приказу Лафайета, 300 национальных гвардейцев окружили типографию, в которой тогда печаталась газета Марата, и всю ее разгромили.

[1]) Так как Лафайет принимал участие в борьбе Северной Америки против Англии за свою независимость, а потом принимал участие и в событиях французской революции, следовательно, сыграл известную роль и в Америке и в Европе, то почитатели называли его,—а в популярных книжках и теперь называют,—„героем двух миров". *И. С.*

Поход Буилье на Нанси изменил и отношения Марата к королевской власти. В сочинениях, вышедших в начале революции, Марат объявляет себя монархистом. По разным поводам он указывает, что, по всей прошлой истории Франции, для нее пригодна только монархически-конституционная государственная форма: такая демократическая монархия, при которой король является просто главой исполнительной власти, представителем государства во внешних сношениях и председателем коллегии министров, которая несет полную ответственность перед народным представительством за все свои действия; законодательство при этой форме является делом исключительно парламента, избранного всем суверенным народом, и только парламенту же принадлежит право решать, должны ли изданные им законы осуществляться исполнительной властью во всем их действительном значении.

В начале революции Марат обнаруживает некоторые симпатии даже к личности Людовика XVI. Он видит в короле монарха, правда, не особенно одаренного, слабовольного, слишком доступного воздействиям окружающих его придворных, но в общем добродушного, мягкосердечного человека, который по-своему и, насколько он способен это понять, действительно стремится к благу своего государства. Даже после дней 5 и 6 октября 1789 года «Друг Народа» упоминает о короле все еще с известной почтительностью. Так, напр., после въезда короля в Париж газета пишет: «Вчера в 7 часов вечера прибыли в столицу король и дофин (наследник). Для добрых парижан это—настоящий праздник, что их король опять среди них. Его присутствием будет изменено многое: бедный народ не будет больше умирать от голода. Но это преимущество улетучится, подобно сновидению, если мы не удержим коро-

говоров, искусно разрушать все реформаторские планы жирондистов, а когда, наконец, Ролан поставил королю своего рода ультиматум, Ролан, Клавьер и Серван 13 июня 1792 года получили отставку.

Теперь жирондисты опять перешли в оппозицию. Они не побоялись даже апеллировать к «диким страстям» народа. Парижская демонстрация 20 июня с ее глупым эпилогом-фарсом в Тюильри дело исключительно жирондистов, и даже в восстании 10 августа 1792 года Жиронда принимала выдающееся участие.

Теперь жирондистская партия заняла все министерские кресла, за исключением поста министра юстиции, который получил Дантон. Господство «добрых» граждан казалось упроченным. Однако 10 августа не только ниспровергло королевскую власть: оно в то же время положило начало господству в Париже демократического якобинства. Временные комиссары 48 парижских секций, которые руководили народным восстанием 10 августа, а также члены вновь созданного парижского Комитета Общественной Безопасности почти сплошь принадлежали к строго демократическому направлению, отчасти даже к числу так называемых ультра-революционеров. Последующие выборы коммунального совета и должностных лиц в большинстве случаев тоже дали благоприятные результаты для мелкобуржуазной демократии Парижа.

Уже в конце августа 1792 года руководящая газета жирондистов, «Французский Патриот», выходила из себя от ярости против «узурпаторов» городской думы и против ее деспотизма, а через четыре дня по открытии Конвента Жиронда в лице Керсена и там начала свои нападки на «интриганов» и «парижских убийц». Открылась 8-месячная борьба, подробнее описанная в седьмой главе и закончившаяся тем, что главным вождям Жиронды пришлось подняться на эшафот.

3. Расколы среди якобинцев.

Казалось, теперь путь свободен для проведения демократическо-якобинской политики. Однако уже надвигается новая классовая борьба. Парламентская группа, объединившая

налистов, затем против направления Мирабо—Сийеса—Дюпона, потом против направления Бальи—Лафайета—Шапелье и, наконец, против группы Барнава—Ламета. Это было совершенно естественно: в ходе политического развития одна из этих групп за другою получала решающее значение в Национальном Собрании и в такой же мере, как предыдущая, оказывалась «аристократической», т.-е. одинаково помышляла о том, чтобы обеспечить власть за состоятельной буржуазией, хотя у одной группы преимущественным вниманием пользовались интересы финансистов, кредиторов государства и землевладельцев, у другой—в большей мере интересы торговой и фабричной буржуазии или ученых профессий, занимавших видное положение.

Нападки радикальной прессы не могли отклонить буржуазию Национального Собрания и парижского городского парламента от преследования своих интересов. Из «дерзости» и «бестактности» «смутьянов, советчиков и писак» она сделала только тот вывод, что необходимо еще основательнее, чем было до того времени, охранять политические учреждения от вторжения этих элементов: только так и удастся сохранить решающее политическое положение за состоятельным гражданином, за человеком, у которого есть, что терять, и которому только и свойственно истинное чувство ответственности. Начиная с обсуждения конституции в августе 1789 года, через все производство законов первым Национальным Собранием и через постановления и приказы буржуазии парижского городского управления в равной мере, белою нитью проходит стремление отнять у неимущей массы всякую возможность оказывать свое влияние на законодательство и управление. Средством для этого служит, как старательно обдуманное ограничение активного и пассивного избирательного права, так и создание всевозможных оговорок относительно избрания или назначения важнейших должностных лиц в управлении. Необходимо во что бы то ни стало,—и здесь между всеми «добрыми» гражданами царило полное согласие,—устранить неимущие слои от участия в государственном и городском управлении и дать местным тузам надежный перевес в создаваемых новых коммунальных управлениях.

«Без денег, без поддержки, без средств, я ухожу в единственный уголок земли, где мне еще позволят мирно дышать: ухожу, преследуемый клеветническим воем, заподозренный теми общественными проходимцами, которых я разоблачал, сопровождаемый проклятиями всех врагов родины, ненавидимый всеми великими мира сего, признанный за чудовище, которое надо раздавить, гонимый всеми, облеченными саном и сидящими в министерских кабинетах».

И потом он дает еще раз обзор хода революции и причин ее слабости, превосходно обрисовывающий его воззрения. Кратко описав подъем революционного движения, он показывает затем, как зажиточные слои третьего сословия возвратились к своей прежней преданности двору и дворянству.

«А вокруг этих честолюбивых интриганов, пишет он, вокруг презренных креатур двора скоро сплотилось, в качестве опоры и телохранителей, дворянство, духовенство, офицерство, магистраты, высшие правительственные и судейские чиновники, финансисты, спекулянты, пиявки общества, краснобаи, крючкотворы и паразиты дворцов [1]),—словом, все те, у кого положение, состояние и надежды основываются на злоупотреблении правительственной властью, все, кто извлекает выгоды из ее пороков, ее начинаний и ее расточительности, все заинтересованные в сохранении злоупотреблений, ибо от этих злоупотреблений они богатеют. А вокруг них постепенно собрался более широкий круг: дельцы, ростовщики, мелкие ремесленники и рабочие, производящие предметы роскоши [2]), литераторы, ученые, артисты, которым расточительность богачей или сыновей из распутного дома дает случай к обогащению, крупные торговцы, капиталисты и те жаждующие покоя граждане, для которых свобода есть лишь устранение препятствий, мешающих их промыслам, лишь укрепление их собственности и ничем не нарушаемое наслаждение жизнью.

[1]) Имеется в виду прислуга в домах знати.

[2]) Вся картина, набросанная Маратом, свидетельствует о чрезвычайно острой наблюдательности, с какою он видел жизнь Парижа. Подобно прислуге из богатых домов, уже в 1790 году к контр-революционному движению во многих случаях примыкали и рабочие домашней промышленности, производившие предметы роскоши (большинство отраслей, производивших предметы роскоши, велось не в форме мануфактуры, а мелкими ремесленниками,—точнее, кустарями, зависимыми от торговцев): бегство богатого дворянства лишило их почти всякого заработка.

Итак, различия в отношении населения к революции рабства, чем волнений политической жизни, и те отцы семейств, которые боятся, как бы перемена в условиях не лишила их положения, занимаемого ими в современном обществе».

Итак, различия в отношении населения к революции Марат объясняет различиями интересов, а эти различные интересы в свою очередь выводит из различия экономических условий, в которых существуют отдельные слои населения, или, как он говорит, «классы». В самом деле, мы замечаем, что уже в тех статьях Марата, которые относятся к 1790—91 году, снова и снова пробивается идея классовой борьбы: пробивается несравненно яснее, чем позже у Сен-Симона или у какого бы то ни было другого утописта-социалиста. Правда, Марат—вовсе не теоретик, и потому указанная идея ни в одном из его сочинений не оформливается в определенную теорию: эта идея выступает просто как вывод из наблюдений, как резюме все более и более навязчивого впечатления, что политическая позиция, занимаемая личностью по отношению к революционному движению, в последнем счете определяется ее материальными интересами, и что, так как у различных экономических слоев во многих отношениях одинаковые или сходные интересы, то личные интересы расширяются в интересы слоя, или в классовые интересы. На этом Марат останавливается. Он нигде не приходит к тому, чтобы последовательно применять эту идею к историческим проблемам. Но и такие скромные зачатки теории классовой борьбы приводят его к ясному пониманию хода революции, которое совершенно чуждо журналистам типа Демулена, Фрерона, Гебера. Так, и в той статье от 21 сентября 1791 года, которую мы уже цитировали, Марат, поставив вопрос: «в чем же причина этого политического отступничества и этого разъединения в рядах третьего сословия?»—приходит к следующему результату:

дикальное парижское направление, которое нашло своих главных представителей в Бильо-Варенне и Колло д'Эрбуа. Скоро эти различия выступили и в Национальном Собрании, тем более, что значительная часть депутатов, избранных в департаменте Жиронды, а также в промышленных и торговых областях Нормандии и Роны и объединенных впоследствии под именем «жирондистов» и «бриссотинцев», представляла продолжателей прежних буржуазных либералов, хотя и отличалась известным налетом демократизма.

Как уже неоднократно упоминалось, Париж в революционные годы 1789—1794 не был ни центром тогдашней французской оптовой торговли, ни центром крупной фабричной промышленности. Париж был городом мелкой буржуазии. Правда, он развился в центральный денежный рынок тогдашней Франции, и финансисты уже при дореволюционном режиме играли там значительную роль, но центрами собственно крупной торговли, в особенности иностранного торгового ввоза и вывоза, были Бордо, Марсель, Тулуза, Каркасона и нормандские гавани, а собственно крупная промышленность раскинулась в Нормандии, Пикардии и в области Арденн, а также в Лионе, в области по нижнему течению Роны и, поскольку дело касается производства железа, в Руссильоне (северные Пиренеи). Парижская мануфактурная промышленность производила главным образом только предметы роскоши, и притом на тесный, ограниченный рынок, именно на собственно город и его более или менее отдаленные окрестности. Главными потребителями были двор, высшая аристократия и высшее духовенство, финансисты, высшее чиновничество и иностранцы, приезжавшие в Вавилон, расположенный на реке Сене.

Из этих различий в положении, какое занимала парижская промышленность, производившая предметы роскоши, и крупная промышленность провинции в тогдашней экономической жизни французского народа, вытекают и различия в ее отношении к революционному движению.

Парижские промышленники, которые находили сбыт в придворных сферах, среди чиновничьей и финансовой аристократии, конечно, решительно ничего не имели против расточительности двора. Сохранить за собою платежеспособ-

воречиями. Правое крыло этого большинства составляло умеренно-якобинское течение, к которому принадлежали главным образом представители зажиточных низов среднего сословия и свободных профессий. Эту группу можно назвать робеспьеристской группой коммунального совета, так как в существенном она отстаивала те же политические воззрения, как сторонники Робеспьера в Конвенте, с той только разницей, что отстаивала их с большею трезвенностью и деловитостью. Это различие, несомненно, объясняется тем, что, с одной стороны, городская коммунальная политика имела перед собою более мелкие задачи, чем поставленные перед Конвентом, а с другой стороны тем, что среди представителей этого направления в коммунальном совете было значительное количество промышленных элементов Парижа.

Собственно центр якобинства составляли в коммунальном совете представители беднейшей парижской мелкой буржуазии той эпохи: мелких ремесленников, лавочников, низших служащих, более интеллигентной части рабочих. Эту группу можно было бы назвать партией Шометта—Паша—Моморо—Любена. Ее программа—не писаная программа: таковой у нее не было, а та программа, которая намечается речами, предложениями и голосованиями представителей группы, может быть резюмирована в следующих требованиях: свобода от обложения низших ступеней доходов (прожиточного минимума, составляющего 400 ливров), напротив, решительное обложение богатых при посредстве прогрессивного подоходного и поимущественного налога, использование городских доходов для доставления дешевого хлеба, устройство больниц, учреждений для слепых, госпиталей, приютов и школ для мелких горожан, организация общественных работ (городских построек) для смягчения безработицы, самоуправление парижской коммуны, равное избирательное право для всех, имеющих жительство в Париже, независимо от уплачиваемых ими налогов. Кроме того, в речах отдельных представителей этой группы, напр., в речах Шометта, выдвигаются еще такие требования: раздел части национальных имуществ и передача их в аренду не имеющим способов к существо-

и обвиняли министра юстиции и Робеспьера в прямом покровительстве газете. Однако им не было дано удовольствия видеть Марата засаженным в тюрьму. Все, чего они достигли, свелось к тому, что Марату пришлось приостановить выпуск своей газеты до 7 июля, так как не находилось типографщика, который согласился бы печатать газету.

Как только явилась возможность, Марат возобновил издание «Друга Народа» и приглашал парижские пригороды и вооруженных федератов, стекавшихся в Париж со всех концов Франции, к низвержению существующего правительства. Особый исторический интерес представляют прежде всего №№ 667—672 его газеты, так как здесь он критически рассматривает с своей точки зрения ход революции до данного момента.

«Революция,—говорится в № 667,—обернулась против народа и превратилась в величайшее несчастие для него. С самого начала она послужила только вечным поводом для подкупов и заговоров... Уже вскоре после своего начала она сделалась для общественных чиновников постоянным средством для придирок и угнетения. Даже законодателям (депутатам) она открыла возможность делеческих операций, обманов и мошенничеств. А теперь она должна послужить богатым и спекулянтам для того, чтобы добиться неограниченных барышей и монополий, чтобы до крайности взвинтить ростовщические проценты и цены на средства существования, чтобы разорять народ системой бесстыдного грабежа и эксплоатации и, постоянно угрожая низшему классу нищетой, заставить его продавать себя...

«Изменились на государственной сцене только декорации. Актеры, гримы, интриги, разделение ведомств остались те же самые. Не изменилось ничего в ходе политического механизма. И так будет до тех пор, пока у народа не наступит прозрение, пока он не положит конец игре тех обманщиков, которые проводят его; пока он не найдет в себе достаточной решительности, чтобы наказать тех негодяев, которые одурачивают его...

«Первая и самая главная причина бессилия наших стараний достигнуть свободы лежит в существе самой свободы.

«Плебс, то-есть низшие классы нации, которым в борьбе против высших классов приходится рассчитывать только на самих себя, в момент восстания, благодаря своей массе, все опрокидывает,—но опрокидывает только затем, чтобы, в конце концов, оказаться побежденным: ведь у этих классов нет дальновидности, искусства, богатства, вооружения, вождей, нет плана действий. Так было и во французской революции. Неверно, будто вся нация восстала против тиранов: опорой и защитой деспотизма остались дворянство, духовенство, сословие юристов, финансы, капитал, ученые, литераторы. И если некоторые образованные, состоятельные, но и пронырливые люди из высших классов сначала выступили против тиранов, то это длилось недолго: они тотчас же обратились против народа, едва лишь овладели его доверием и использовали его силу для того, чтобы самим стать на место тех привилегированных сословий, которые были свергнуты ими.

«Революцию совершили только низшие классы общества: рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, словом, низший слой, та беднота, которую богатые называют канальями и которую римское бесстыдство некогда называло пролетариатом. Но, как бы там ни было, одно верно: эта масса совершила революцию на пользу только мелким землевладельцам, крючкотворам и адвокатским шайкам».

В № 669 Марат обращается к политике первого Национального Собрания, к недостаткам конституции, к партийным расколам в третьем сословии и опять приходит к тому же воззрению, что «третье сословие» нельзя рассматривать как нечто единое: оно представляет смесь различных классов с разными интересами.

«Во Франции, как и во всех других монархиях, писал он, граждане разделяются на несколько классов с различными интересами, и, может быть, эти классы обособляются друг от друга не только неравенством своего положения и собственности, но еще больше и различиями своего воспитания, своих предрассудков,

тых, вместе со своими содержанцами окончательно перешли на сторону реакции. Всякий раз, когда возникали скандалы и устраивались демонстрации протеста клерикалов и роялистов, здесь оказывались и проститутки вместе со своими альфонсами и поднимали шум и вопли против «анархистского» городского управления.

Шометт отнюдь не был строгим человеком в религиозном смысле. Свободный брак, заключенный «пред лицом солнца», без вмешательства церкви и не зарегистрированный в городских списках, в его глазах имел такую же моральную ценность, как заключенный по законам брачный союз. Для этого необходимо только, чтобы связанные свободным браком вели правильную семейную жизнь. Но он относился положительно с фанатической ненавистью к проституткам и к тем женщинам, которые, вместо того чтобы кормить детей, как-будто считают, что без них не могут обойтись все эти общественные процессии, парады, собрания и т. д. При его строго спартанском мировоззрении они представлялись ему «губительницами грядущего поколения».

Поэтому совершенно превратно было бы, как делается в большинстве исторических работ, изображать Шометта и Гебера единомышленниками. С совершенно такими же основаниями можно было бы сказать, что одно и то же политическое направление представляют такие люди, как Бриссо, Дантон, Робеспьер, Бильо-Варенн: ведь они по временам объединялись в оппозиции против роялистов. В действительности Шометт и Гебер были как бы две совершенно различных лошади, которых малоразборчивое благоволение парижского народа заложило в коммунальные оглобли. С одной стороны — несколько педантический, трудолюбивый Шометт, который добросовестно отбывает свои присутственные часы, всегда помышляет о новых учреждениях на общее благо, хочет освободить Париж от безнравственности и, в конце концов, поднимается на эшафот таким бедняком, что его сыну простым рабочим приходится отыскивать заработок. А с другой стороны — жизнерадостный, падкий до наслаждений Гебер, который, как только газета дает ему для того средства, немедленно обзаводится каретами и лакеями, по всем правилам искусства грабит военного министра или,

шаяся вокруг Дантона, по своим воззрениям и политическим интересам занимала приблизительно среднее положение между жирондистами и демократическими якобинцами. Но *одностороннее покровительство жирондистов интересам* торгового и промышленного капитала, федералистические симпатии некоторых вождей жирондистской партии, их связи с фейльянтами, высокомерные выступления Луве, Гаде и Испара, откровенно партийный режим министерства Ролана, а в первую очередь — травля, поднятая жирондистами против так называемых сентябрьских убийц, к числу которых принадлежали Дантон и Демулен, — все это толкало дантонистов к сплочению с робеспьеристским направлением, и в конце концов именно Камиль Демулен руководит атаками, предпринятыми в якобинском клубе против жирондистов.

После того, как вожди жирондистов были исключены из Конвента, дантонисты считали устраненной опасность, угрожавшую им со стороны «государственных людей». Они стремились теперь упрочить республику, т.-е. создать для нее по возможности самый широкий фундамент в слоях образованных граждан. Чего они некогда ожидали от революции, ведь уже было осуществлено. Феодально-абсолютистский режим был ниспровергнут, учреждена республика, создано городское самоуправление, утратили свое значение сословные, *служебные и корпоративные привилегии*, которые раньше закрывали для беднейших людей с высшим образованием доступ к наилучше оплачиваемым должностям. Таким образом, по воззрениям дантонистов, революция достигла своих целей, может быть, уже зашла дальше. Что же теперь остается еще делать? Дантонисты не питали никакой склонности к такому господству революционной мелкой буржуазии, как установившееся в парижской коммуне, которая в интересах мелких торговцев и рабочих налагала на состоятельных граждан высокие налоги и принудительные займы и старалась толкать Конвент вперед. Они относились к парижской коммуне тем более отрицательно, что, как они ясно видели, в части этой мелкой буржуазии пробивались всевозможные ригористские, или, как тогда говорили, «спартанские» течения, которые им, жизнерадостным жуирам, представлялись варварскими и антикультурными.

под заглавием: «La révolution Française tout en pantalonades» («Французская революция—сплошной фарс»). Говоря о ходе революции, Марат подвергает язвительной критике процессии, парады, парламентские зрелища, праздники братства и т. д.

«За исключением нескольких трагических сцен, пишет он, почти вся революция представляла нескончаемое паясничество...

«В первые четыре месяца по взятии Бастилии мы видели батальоны граждан, которые, гордясь своими мундирами и подражая, как обезьяны, настоящим войскам, каждый день выступали, чтобы заставить вновь полюбоваться на себя, и, окруженные девушками, одетыми в белое, шли в собор, чтобы освятить свои знамена, или чтобы с армейской помпой, при громе военной музыки, в процессии нести освященный хлеб.

«За три недели до первого праздника Федерации мы видели, как все обыватели столицы в праздничных одеяниях среди невообразимого хаоса вскапывают землю, везут тачки, оскорбляют аристократов сатирическими куплетами и затем пляшут под любимый припев «ça ira, ça ira».

«Но самые уродливые парады происходили в Национальном Собрании. Вот уже три года, как мы видим там многочисленные депутации, являющиеся из всех частей королевства, чтобы принести благодарность за бессмертные заслуги Собрания: за мудрость его решений, которыми оно в установленном конституцией порядке разоряет страну, за сладостные дары свободы, которых в действительности никто не отведал, за процветание государства, которое на самом деле является добычей раздоров, нищеты, голода и анархии».

Выпустив еще пять дальнейших номеров, которые обращались главным образом к федератам, прибывавшим в Париж, Марат 7 августа опять приостановил свою журналистскую деятельность. Следующий номер является просто экстренным выпуском, посвященным событиям 10 августа 1792 года,—11 августа он был расклеен по углам улиц. В нем Марат призывал парижский народ воспользоваться случаем для того, чтобы заодно исключить прогнившие элементы (т.-е. жирондистов) из муниципалитета и Национального Собрания: иначе за «славным днем 10 августа» снова наступит период реакции и кровавых преследований.

«Бойтесь реакции!—пишет Марат.—Не пощадят вас ваши враги, если им покажется, что их время пришло. А потому никакой пощады! Вы навсегда погибли, если вы не поспешите ниспровергнуть продажных членов муниципалитета и департаментского управления, всех антипатриотических судей и насквозь прогнивших депутатов Национального Собрания».

В ближайшем номере (№ 678, 13 августа 1792 года) «Друга Народа» Марат со свойственной ему суровой беспощадностью опять выступает против вождей жирондистов, в особенности против Бриссо и Кондорсе, а также против назначенного после 10 августа нового министерства, составленного преимущественно из жирондистов. В нем Ролан получил министерство внутренних дел, Клавьер—министерство финансов, Серван—военное министерство, Лебрен, секретарь Дюмурье, исполнял обязанности министра иностранных дел, Дантон получил министерство юстиции, а математик Монж, якобинец,—невлиятельное морское министерство. Марат ясно видел, что надвигается борьба между жирондистами и якобинцами. Возбудив народ против жирондистов, он надеялся оттеснить последних на слабую позицию, прежде чем дело дойдет до решительной схватки. Он считался только с парижскими отношениями и не замечал, что жирондистская партия имеет сильную опору в буржуазии французских торговых и промышленных городов.

21 августа Марат опять приостанавливает издание своей газеты на три недели. Жизнь преследуемого окончилась для Марата. Он был избран в парижский городской совет, в организованный им комитет по борьбе с контр-революцией (Comité de surveillance) и с одобрения Робеспьера выставлен кандидатом в Конвент, вопреки контр-агитации жирондистов,—сам Ролан 13 сентября выступил с длинным списком прегрешений Марата. Работа, сопряженная с этими должностями, и предвыборная агитация до такой степени захватили его, что в эти недели у него не оставалось времени для редактирования «Друга Народа».

бы режим Робеспьера сохранился, им угрожала опасность привлечения к ответственности перед революционным трибуналом. Из их числа следует в особенности назвать Жозефа Фуше (Нижняя Луара), позднейшего министра полиции при Наполеоне I, Жана-Ламбера Тальена (Сена и Уаза) и Станислава Фрерона (Париж).

Так как и остатки жирондистов, конечно, присоединились к противникам Робеспьера, то его падение было только вопросом времени. Это понимали и сами Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст. Отсюда их конвульсивные усилия удержать власть за собою и освободиться в комитетах от всех членов последних, которые оказывали противодействие. Однако суровые насилия только ускорили их падение. 10 термидора (28 июля 1794 года) под гильотиной пала голова Робеспьера, а также головы его младшего брата, Сен-Жюста, Кутона и Анрио.

Может быть, если бы гильотинированием парижских ультра-революционеров Робеспьер не сломил силы сопротивления радикальных якобинцев, господство мелкобуржуазной демократии во Франции продержалось бы несколько дольше. Однако и тогда их дни были бы сочтены: уже в начале 1794 года мы наблюдаем, как почти во всех крупнейших городах Франции усиливается против них оппозиция зажиточных буржуазных элементов и как во многих местах насильственно устраняется существовавший там в коммунах якобинский режим. И прежде всего среди формировавшегося в это время нового крестьянства, освобожденного от старых феодальных повинностей и платежей и сделавшегося состоятельным вследствие довольно широкой купли прежних дворянских и церковных земель, поднимается гнев против господства парижских «каналий», которые не только понижают хлебные цены своей продовольственной политикой, но и хотят ниспровергнуть святую религию и отнять у крестьянина его Христа, его Богоматерь и его святых.

4. Мелкобуржуазное большинство в Парижском коммунальном совете.

А тут еще и якобинское большинство в парижском коммунальном совете тоже далеко не представляло единой сплоченной партии. Оно также разлагалось классовыми противоречиями. Если бы эти полтысячи были в надлежащее время обезглавлены, то не лишились бы с того времени своих голов сто тысяч патриотов и жизни других ста тысяч не угрожала бы опасность; в наших областях не было бы такого множества доведенных до отчаяния вдов и сирот; голод и великая нужда не опустошали бы страну почти четыре года кряду; тогда «фракции» не могли бы своими интригами потрясать государство, и не мучили бы его теперь варварские орды врагов»...

Для жирондистов, занимавших господствующее положение, эти нападки заходили слишком уж далеко. 25 сентября 1792 года депутат Мерлен внес предложение учредить особую парламентскую лейб-гвардию для охраны Конвента от парижской черни. Это дало жирондистам желанную возможность сосчитаться с Маратом и Робеспьером за их агитацию против жирондистов при выборах в Конвент и выдвинуть против них обвинение в стремлении к диктатуре [1]). По соображениям о размерах и задачах настоящей работы мы не можем подробно останавливаться на этом заседании, которое к тому же обстоятельно описывается почти во всякой более крупной работе по истории французской революции. Марат защищался очень искусно и имел решительный успех у парламентских новичков Горы. Но под конец он сам испортил все впечатление, произведенное его речью. Он не сдержался от своей любви к театральным эфектам (она часто пробивается и в его газетных статьях), вынул из кармана пистолет, приложил его к виску и заявил, что разможжит себе голову, если против него будет возбуждено преследование.

Над этим инцидентом издевались не только среди его противников, но и в кружках и газетах его политических

---

[1]) В Париже жирондистам удалось провести в Конвент лишь немногих незаметных сторонников своего направления. Избраны были главным образом сторонники Робеспьера, отчасти также и дантонисты. Депутатами от Парижа в Конвент прошли: Бильо-Варенн, Бове де-Прео, Буше, Колло д'Эрбуа, Дантон, Демулен, Давид, Дюссо, Филипп Эгалите (герцог Орлеанский), Фабр д'Эглантин, Фрерон, Ланьело, Лавеконтери, Лежандр, Марат, Манюэль, Осселен, Пани, Раффрон дю-Труилье, Робер, Максимилиан Робеспьер, Огюстен Робеспьер, Сержан, Тома.

единомышленников, тем более, что, как уверяли, старый пистолет не был даже заряжен. В особенности забавлялись «разыгранной комедией» «Парижские революции» Прюдома.

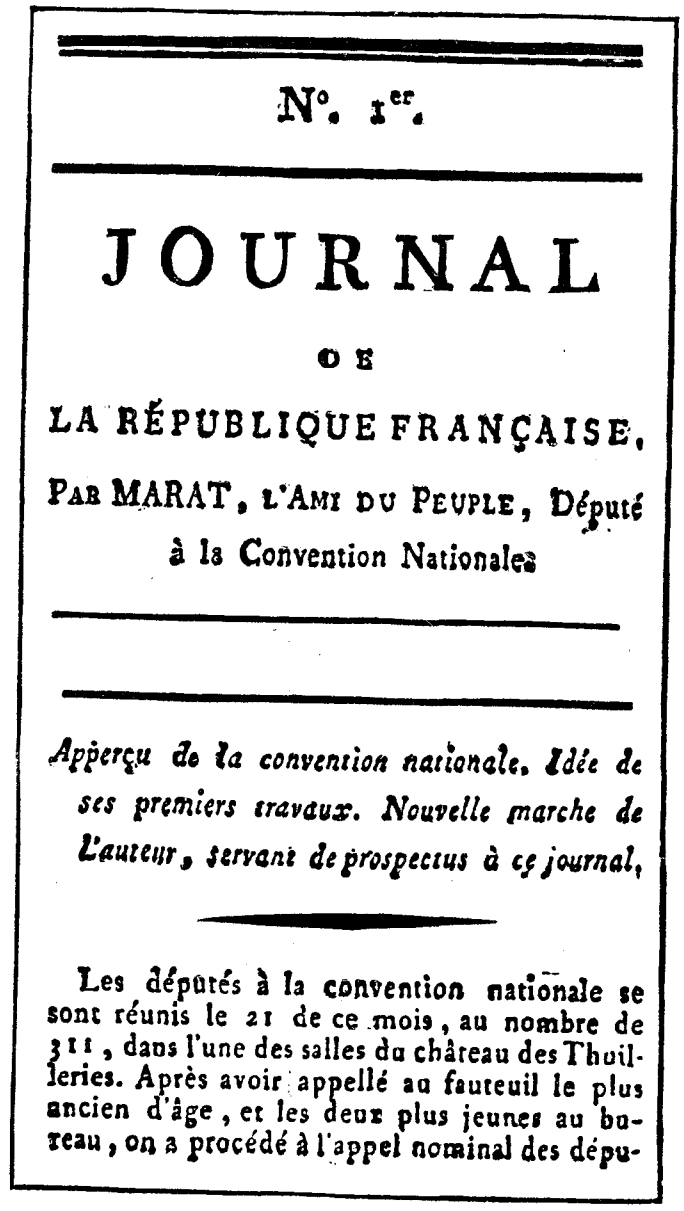
В № 4 своей новой газеты Марат дал подробный отчет о ходе этого заседания, а в № 5 полностью напечатал свою речь,—конечно, в подправленном виде.

Разумеется, этот эпизод не содействовал улучшению отношений Марата к Жиронде. Уже в № 7 Марат снова нападает на министерство Ролана, которое он называет «креатурой фракции Бриссо-Гаде, и описывает ту агитацию, которую вели в населенных зажиточных районах Парижа жирондисты, стремившиеся низвергнуть новое, якобинское, городское управление и опять заместить должности сторонниками бриссотинского направления.

После того как жирондисты потерпели неудачу со своим обвинением Марата в том, что он расчищает Робеспьеру путь к диктатуре, они попытались перенести обвинения в другую область: они изображали Марата виновником так называемых «сентябрьских убийств» и требовали, чтобы против него было начато судебное преследование. В этом случае Марат защищался много искуснее, чем 25 сентября 1792 года перед Конвентом. В № 12 своего «Журнала Французской республики» он изображает происшествия 2 и 3 сентября исключительно как взрыв народного негодования, как следствие излюбленных жирондистским революционным трибуналом оправдательных приговоров и бесконечного затягивания дел. В заключение он спрашивает жирондистов, почему же они так поздно, после такого большого промежутка после сентябрьских дней, нашли в себе возмущение против народного суда. Ведь уже 2 сентября у них была достаточная власть для того, чтобы тогда же предать виновных суду [1]).

«Вы, пишет он, называете разбойниками тех, кто перебил предателей и негодяев, посаженных в тюрьмы. Если обстоятельства действительно таковы, тогда Петиона надо признать преступником, потому что он спо-

[1]) Министерство, а также должность мера были тогда в руках жирондистов. *И. С.*

N°. 1er.

JOURNAL

DE

LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE,

PAR MARAT, L'AMI DU PEUPLE, Député à la Convention Nationale

Apperçu de la convention nationale. Idée de ses premiers travaux. Nouvelle marche de l'auteur, servant de prospectus à ce journal.

Les députés à la convention nationale se sont réunis le 21 de ce mois, au nombre de 311, dans l'une des salles du château des Thuilleries. Après avoir appellé au fauteuil le plus ancien d'âge, et les deux plus jeunes au bureau, on a procédé à l'appel nominal des dépu-

Первый нумер „Журнала Французской республики“.

койно предоставлял этим разбойникам два дня совершать свои преступления в тюрьмах Парижа. Его противная долгу службы бездеятельность оказалась бы в таком случае величайшим преступлением, и он заслуживал бы гильотины, так как он не вызвал немедленно всю находившуюся в его распоряжении вооруженную силу для того, чтобы оказать противодействие [1]).

«Несомненно, чтобы оправдаться, он будет рассказывать нам, что вооруженная сила отказалась ему подчиниться, и что весь Париж, как оно и было в действительности, принял участие в событиях. Но если все это так, в таком случае будет шарлатанством возлагать на «бандитов» ответственность за то, что сделалось слишком настоятельно необходимым; в таком случае заговорщики только потому пали под топором народа, что меч юстиции не выполнил своего дела».

Жирондисты ответили новыми обвинениями, Марат защищался новыми нападками на министерство Ролана, на генерала Дюмурье, которого жирондисты назначили главнокомандующим восточной армии, на постоянное вмешательство г-жи Ролан в правительственные дела. Этим он навлек на себя особую ненависть депутата-жирондиста Бюзо, возлюбленного г-жи Ролан.

Взаимные обвинения как со стороны Марата, так и со стороны жирондистов становились все более резкими, особенно с того времени, как 13 ноября 1792 года в Конвенте начались прения по вопросу, следует ли привлечь Людовика XVI к судебной ответственности. Во время этих прений и начавшихся 26 декабря допросов короля все яснее становилось, что жирондисты стремятся предотвратить процесс против короля, а потом, когда это сделалось невозможным,—затянуть дело, выдвигая всевозможные, совершенно несущественные вопросы, лишь косвенно связанные с делом. Они закончили тем, что вдруг вспомнили, что верховная власть принадлежит собственно народу, и только ему же принадлежит право вынести приговор Людовику XVI; по-

[1]) Меру принадлежало право в случаях нарушения спокойствия вызывать национальную гвардию.

этому, говорили они, безусловно необходимо апеллировать от Конвента к народу, т.-е. к первичным собраниям избирателей [1]). Характерно для усвоенной жирондистами тактики затягиванья, что их стараниями Конвент отклонил предложение, внесенное Маратом 11 декабря 1792 года, по оглашении обвинительного акта, составленного комиссией двадцати одного. А Марат предлагал, чтобы допрос ограничился только фактами, относящимися ко времени после принятия конституции, так как более ранние факты покрываются амнистией; он предлагал, далее, ограничить обвинение немногими определенными пунктами, чтобы не вносить в дело самых разнообразных вещей.

8. Против продовольственных спекулянтов.

Эти противоречия еще более обострялись ненавистью жирондистов, в своем большинстве настроенных в пользу федеративного государственного строя, против радикально-революционного парижского муниципалитета и против его стремления не только добиться для себя полной автономии, но и толкать Конвент вперед, по своей политической линии. Париж превратился в еще более мелкобуржуазный город, чем был к началу революции. И до 1789 года Париж не был собственно промышленным и торговым городом. Правда, перед таможенной чертой, в восточных и северо-восточных пригородах: Сент-Антуан, Сен-Марсель и Сен-Дени, обосновались крупные мануфактурные предприятия. Но они большею частью ограничивались производством предметов роскоши на широкий парижский спрос. Крупная торговля Парижа тоже не могла равняться с торговлей Марселя, Бордо и больших нормандских и фландрских портовых и промышленных городов, которые почти сплошь поддерживали оживленные торговые сношения с Англией и Голландией. Крупные финансисты, которые некогда играли значительную роль в экономической жизни Парижа, по большей части эмигрировали; не в меньшей мере сократилось и число богатых аристократов, раньше потреблявших свои доходы

[1]) К тем, которые выбирали выборщиков. *И. С.*

в Париже, а также придворных и государственных чиновников, рантье и академиков, занимавших видное положение. Благодаря этому революционная мелкая буржуазия и слой неимущих интеллигентов, усиленный пришельцами из провинции, получил еще более значительное преобладание.

Совершенно иное положение было в тех торговых и промышленных городах, которые своими представителями прислали в Париж сторонников жирондистской партии. Там власть сосредоточивалась в руках собственно промышленной крупной буржуазии. По большей части несколькими градусами еще более реакционная, чем адвокаты, делегированные ею в Конвент в качестве представителей ее интересов, она с возрастающим озлоблением смотрела на революционное возбуждение в Париже и на то увеличивающееся влияние, какое Париж оказывал на деятельность Конвента. По возможности изолировать Париж, отнять у него значение государственного центра, усилить самостоятельность департаментов, сделать их по возможности независимыми от центрального правительства, пребывающего в Париже: в этом буржуазия и ее представители скоро увидали одну из своих важнейших задач. Уже в июне 1792 года в одном адресе, присланном в Законодательное Собрание от управления департамента Эн, говорится: «Голос Парижа, это — голос лишь одной восемьдесят третьей доли всей Франции». И на четвертый день по открытии Конвента жирондист Ласурс, как мы уже говорили об этом, опять повторил слова, покрытые аплодисментами его единомышленников: «Я не хочу, чтобы Париж, руководимый интриганами, сделался для Франции тем, чем некогда был Рим для Римской империи. Влияние Парижа необходимо сократить до восемьдесят третьей доли, до той доли влияния, какой пользуется и всякий другой департамент».

Напротив, парижские революционеры видели в Париже центр всей революционной Франции и хотели не уменьшить, а напротив, усилить его влияние на судьбы Франции. В самом деле, кто вместе с Бастилией ниспроверг старый феодальный режим? Кто сделал дни 5 и 6 октября? Кто 10 августа уничтожил королевскую власть? Кто 2 и 3 сентября освободил Францию от заговорщиков? Парижский народ! А потому ему и подобает быть вождем.

В этой борьбе между Жирондой и парижской коммуной, Марат всецело стал на сторону коммуны и постоянно защищал ее в своей газете от нападок Жиронды.

Другим обстоятельством, которое приводило Марата к постоянному обострению конфликта с жирондистами, было выдвинутое им требование подчинить хлебную торговлю государственному контролю и издать для Парижа таксы цен на хлеб и муку.

Как указывалось уже в предыдущих главах, в декабре 1792 года и в два следующих месяца цены на продовольственные продукты повышались в Париже почти изо дня в день и в конце февраля достигли невероятного уровня. В собраниях парижских секций и в городском совете не замолкали жалобы на нужду, царившую среди низших слоев народа; небольшие толпы, состоявшие главным образом из женщин, уже несколько раз делали попытки разгрома пекарен. При таком положении Марат 25 февраля 1793 года, основываясь на докладе о недостатке продовольственных продуктов в Париже, накануне представленном Шометтом генеральному совету коммуны, писал в своей газете:

«Не подлежит спору, что капиталисты, маклера и монополисты, продавцы предметов роскоши, шайка крючкотворов, бюрократы и бывшие дворяне,—все они почти сплошь опоры старого строя... Так как я не вижу никакого способа изменить их разумение, то я не нахожу других средств, способных обеспечить спокойствие государству, как совершенное уничтожение этих достойных проклятия заговорщиков. Теперь они удваивают свои усилия, чтобы превосходящими всякую меру ценами ввергнуть народ в голод и нищету.

«Нация, измученная постоянными происками, все еще никак не возьмется за то, чтобы очистить свободную землю от этой преступной породы, а жизнерадостные представители нации (депутаты) прямо поощряют подобные преступления, гарантируя для них безнаказанность. В виду этого оста-

ется только дивиться, как это народ в каждом городе, доведенный до отчаяния, сам не возьмет свое право своей собственной рукой. Во всякой стране, где права народа не являются пустыми фразами, просто бумажным украшением, посредством разгрома нескольких лавок, на дверях которых повесили бы скупщиков, быстро был бы положен конец тем мошенническим манипуляциям, которые миллионы людей доводят до отчаяния и заставляют тысячи умирать от недостатка хлеба. Не пора ли, наконец, народным представителям сделать хоть что-нибудь побольше, а не предаваться пустой болтовне о тягостном положении, не принимая никаких мер к его улучшению?

«Законодательные меры помощи бесполезны. Мы никогда не видали, чтобы они приводили к результатам. Помощь дадут только революционные средства. Я не знаю никакого лучшего способа, более приспособленного к нашей расслабленности, чем следующий: комитету общественной безопасности, который составлен из патриотов, необходимо поручить расследование дела. Пусть он крупнейших хлебных спекулянтов предаст государственному суду, составленному из пяти членов, не возбуждающих никаких сомнений в своей честности, и пусть он возбудит против них перед этим судом обвинение в государственной измене.

«Знаю я, впрочем, и еще одно средство, которое привело бы к цели. Пусть состоятельные граждане объединятся, купят за границей необходимые продовольственные продукты, привезут во Францию, продадут, поскольку им самим обойдется, и таким образом заставят спекулянтов понижать цены продовольственных средств до тех пор, пока они не дойдут до подобающего уровня. Но для выполнения этого плана необходимы добродетели, каких не найдешь в нашей стране, где царствуют обманщики, которые начинают толковать о своих гражданских чувствах только для того, чтобы надуть простодушных и ободрать народ. А все же не может еще долго тянуться развал. Еще немного терпения,—и поймет, наконец, народ ту истину, что только сам он может освободить себя».

Итак, Марат не знает никаких иных средств против дороговизны, кроме запугивания торговцев: или народ сам добьется своего права, т.-е. разгромит склады и магазины, или же будет учрежден специальный суд для преследования спекулянтов.

Принимая во внимание экономические познания Марата, это предложение, свидетельствующее о растерянности, совершенно естественно. У Марата никогда не было более или менее глубокого понимания экономической жизни своего времени. Как меркантилистские, так и физиократические теории XVIII века оставались вне его кругозора. Каждый раз, касаясь экономических вопросов, он обнаруживает, что вследствие своей замечательной наблюдательности он видит внешность явлений, но не понимает их глубокой внутренней связи. Он просто повторяет все, что на этот счет толковали мелкие лавочники Парижа.

Этим объясняется и то обстоятельство, что Марат не понимал мелкобуржуазно-полукоммунистической агитации Ру, Леклера, Варле и т. д., которая началась в это время, и неоднократно выступал против нее в парижском городском совете. В конце-концов в клубе Кордельеров, в котором Марат за последние месяцы своей жизни играл главную роль, он, обвиняя Ру и Леклера, заявил, что они — люди, «подкупленные нашими врагами с той целью, чтобы нарушать общественное спокойствие», и оба были исключены из клуба.

Только что изложенная статья Марата дала жирондистам желанный случай нанести ему новый удар. В день появления № 133 газеты Марата, 25 февраля 1793 года, в Париже произошли многочисленные нападения на пекарни и лавки, торгующие продовольственными продуктами. Хотя разгромы отчасти последовали еще утром, в такое время, когда «Журнал Французской республики» еще не был вынесен из типографии, однако вину за разгромы вожди жирондистов приписали статье Марата, и потому 26 февраля потребовали возбудить против него преследование. Однако то требование не прошло, так как даже некоторые из жирондистов, напр., Бюзо, опасались, что судебное дело окон-

чится торжеством Марата. В конце концов все дело было передано для расследования в обычный суд, т.-е. отложено в дальний ящик.

Марат чувствовал себя победителем. 28 февраля (№ 136) он вновь выступил с обвинениями против Конвента, который не принимал никаких серьезных мер для борьбы с голодом. В № 137 он подверг критике систему безграничного выпуска ассигнаций, а в № 138 осудил конфискацию церковных имуществ государством, так как видел в ней меру, которая, хотя и не она вызвала существующую нужду, однако затрудняла ее смягчение: раньше в трудные времена эти церковные имущества до известной степени играли роль фонда для помощи бедным.

«Церковные имущества, говорит он, прибежище бедных. Первое Национальное Собрание, отняв у них этот источник поддержки, осудило их на голодную смерть. Что следовало сделать для того, чтобы оправдать конфискацию народных имуществ во имя суверенной власти народа? Их было бы необходимо разделить на три части. Одна часть должна была остаться у служителей религии для их вознаграждения, за счет второй части следовало бы содействовать погашению государственных долгов, а из третьей части, как я говорил уже раньше, надо было бы образовать фонд для помощи. Или же эту третью часть имуществ надо было бы разбить на мелкие участки и передать их бедным. Таким способом исполнили бы долг, налагаемый справедливостью, и в то же время создали бы многочисленных полезных граждан, заинтересованных в защите революции».

Либеральные историки часто приводят осуждение Маратом той секуляризации церковного и монастырского землевладения, которая была проведена первым Национальным Собранием, как доказательство, что он был в плену церковных воззрений. Приведенная цитата показывает, насколько неправилен этот взгляд. Конечно, при всех своих нападках на роялистское духовенство, Марат до самой смерти оставался картезианцем и всегда считал религию одним из необходимейших устоев общества. Однако к протесту против конфискации церковных имуществ его приводила не только его «религиозность», но в несравненно большей мере причины иного порядка, а именно,—то соображение, что в прошлые времена церковь делала кое-что для борьбы с бедностью и нищетой, и что с конфискацией церковных имуществ и с предназначением их на государственные цели этот источник помощи отпадает.

Наконец, 23 апреля 1789 года жирондистам удалось привлечь Марата к ответственности перед революционным трибуналом за «возбуждение к кровопролитию и убийствам». Однако 24 апреля суд оправдал его, и публика в триумфальном шествии понесла его на плечах через улицы, наполненные народом.

Этот оправдательный приговор только вызвал против него еще большую ярость среди состоятельного парижского купечества. «Парижская молодежь» (jeunesse parisienne; название «золотая молодежь», jeunesse dorée, вошло в употребление лишь значительно позже), состоящая из сыновей банкиров, крупных купцов и собственников магазинов, а также торговых служащих, учеников нотариусов и из состоятельных учащихся в высших учебных заведениях,—та молодежь, которую революционная мелкая буржуазия называла «мюскаденами» и «франтами», в мае 1793 года устроила несколько публичных собраний, на которых велась травля против Марата и раздавались возгласы: «На гильотину Марата!» Несколько раз он подвергался и прямым насилиям. Так, 10 мая несколько десятков «мюскаденов» подстерегли Марата, когда он шел из клуба Кордельеров, и били его палками и кулаками, пока не подоспели другие посетители собрания клуба и не обратили нападающих в бегство.

13 июля 1793 года Марата, к тому времени тяжело заболевшего, поразил кинжал Шарлоты Корде.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гебер и его „Отец Дюшен".

Парижский интеллигентный пролетариат.—Жак Рене Гебер – Воспитание и религия.—Антикоммунистические тенденции „Отца Дюшена."—Санкюлоты и монополии.

При Людовике XVI еще в большей мере, чем в настоящее время, Париж был центром умственной жизни Франции. Чиновники, ученые, художники, аббаты не у дел, литераторы и адвокаты—все стремились к Парижу, городу умственных интересов и развлечений, который тогда, единственный из всех городов Франции, открывал перед этими элементами арену деятельности и возможность достигнуть славы, богатства и роскоши. Однако из тех, кто искал в Париже почета и денег, лишь немногие достигали своей цели. Уже к началу революции мы находим в Париже широкий слой полупролетарских и совсем пролетарских элементов, а революция скоро привлекла новые элементы этого рода. Подхваченная революционным потоком, эта масса немедленно отдала себя служению «свободе», большинство из этих деклассированных присоединилось к «исступленным»,—к тем радикалам, которые устраивали свои сходки в парке Пале-Рояля и в находившихся там кафе. Однако среди этого интеллигентного пролетариата немало было и таких, которые, воспользовавшись первой возможностью, поступали секретарями и служащими во вновь созданные муниципалитеты или же зарабатывали средства, делаясь сотрудниками роялистских газет, роялистскими агитаторами и роялистскими клакерами [1]).

[1]) Клакерами первоначально назывались зрители, которые, получив бесплатные места, а иногда получая кроме того и постоянное содержание, должны были своими аплодисментами, вызовом автора и исполнителей и т. д. создавать успех театральной пьесе. *И. С.*

1. Парижский интеллигентный пролетариат.

С развитием революции, и среди интеллигентного пролетариата началось известное классовое расслоение. Он отделялся от «laboureurs» «journiers» и «ouvriers» (простых рабочих, поденщиков и мелких ремесленников) не только своим совершенно иным образом жизни, но и литературно-философским образованием, вольнодумством и даже своим языком. Как мы упоминали уже несколько раз, широкая масса собственно рабочего пролетариата Парижа совсем не умела читать или умела, но только с большим трудом. К тому же тогдашний диалект низших слоев народа—в известном смысле было бы вернее говорить о диалектах—настолько далеко отклонялся от литературного французского языка, что подавляющая часть рабочего пролетариата совершенно не понимала оборотов речи интеллигентного пролетариата.

И рабочий, и интеллигентный пролетариат видели в революции способ улучшить социальное положение своего слоя; однако под этим они разумели совершенно различные вещи. Для рабочих, занятых на фабриках и в мелких ремесленных производствах, улучшение их положения значило: повышение заработной платы, право создавать организации для проведения своих требований относительно заработной платы и условий труда, понижение цен на продовольственные продукты и облегчение возможности достигнуть экономической самостоятельности. Напротив, для подавляющей части образованного интеллигентного пролетариата основная проблема тогдашнего социального вопроса сводилась к тому, чтобы добиться свободного доступа до закрытых перед ним должностей в государственном и коммунальном управлении, в судах и в так называемых либеральных профессиях. А потому этот слой требовал в первую очередь уничтожения существовавших до того времени сословных привилегий и того порядка, при котором наилучше оплачиваемые должности предоставлялись только членам определенных сословий; он требовал, далее, уничтожения замещения должностей их продажею и по наследству, отмены цеховой организации

адвокатуры, настаивал на создании коммунального самоуправления, т.-е. на создании самостоятельных должностей в городском управлении, и, далее, на отмене цензуры книжной и театральной, стеснявшей литературное производство. Коротко говоря, интеллигентный пролетариат требовал конституционных гарантий, чтобы для всякого, удовлетворяющего известным требованиям относительно образовательного ценза, независимо от его происхождения, сословной принадлежности и протекции, был открыт доступ к высшим государственным должностям. Уничтожение всех привилегий,—за искючением привилегий, связанных с высшим образованием,—личная свобода, право индивидуума на использование его способностей, свобода мнений—таковы были главные боевые лозунги, с которыми эта группа выступала и в своих политических сочинениях. По ее воззрениям, у государства была только одна задача: гарантировать для каждого его личные права и свободное развитие его индивидуальных способностей, охранять ту собственность, которая приобретена собственным трудом,—феодальную земельную собственность многие политики этого направления считали узурпаторской собственностью,—и защищать от всяких покушений пользование этой собственностью. А в общем государство должно соблюдать величайшую сдержанность, не вмешиваться в социальные отношения и предоставить каждому гражданину жить, как ему нравится. Впоследствии это мировоззрение нашло своих представителей в лице дантонистов, и Камиль Демулен, известнейший журналист этой партии, в известном смысле может считаться типичным выразителем стремлений академического пролетариата.

Однако не все интеллигентные пролетарии останавливались на таком либерально-индивидуалистическом миропонимании. Отвращение к принудительным средствам, какие применяются государством, привело отдельных представителей литературной богемы Парижа,—среди них были и многие иностранцы,—почти к полному отрицанию государственной организации, ко всевозможным нигилистическим выводам. В индивидуалистическом анархизме наших дней мы можем познакомиться с этими воззрениями,—конечно, принявшими современный облик и философски разукрашенными. Для

Je suis le véritable pere Duchesne, foutre!

LA MINE EVENTEE.

OU

La Grande Colere

DU

PERE DUCHESNE.

A la découverte d'un nouveau projet de contre-révolution, annoncé pour le 25 Août.

LE plus difficile à écorcher, c'eſt la queue, dit le proverbe. Je m'étois toujours douté que la fin de la Conſtitution nous amèneroit quelque foutue

-70

Нумер 70-й „Отца Дюшена“ Гебера.

этого направления даже государство какого-нибудь Демулена, играющее чисто пассивную роль ночного сторожа, все еще представлялось слишком «принудительным учреждением». Оно полагало, что и те функции надзора, которыми единомышленники Демулена наделяли государство, необходимо мало-по-малу отнять у него и передать коммунам.

Главным теоретиком этого направления был богатый вестфальский барон Иоганн Баптист Клотс, получивший известность под именем Анахарсиса Клотса. Он пришел к требованию уничтожения всякого правительства[1]). Все функции государственного управления должны перейти к автономным свободным общинам; для выполнения задач, выходящих за пределы отдельных коммун, они могут составить братское объединение.

Третья группа беднейшей интеллигенции Парижа в позднейшее время, когда господство в Париже захватила мелкая буржуазия, примкнула к якобинскому направлению Робеспьера и нашла прибежище частью на государственных и коммунальных должностях, частью в качестве агитаторов и журналистов. Наконец, четвертая группа, наименьшая по сравнению с остальными, обнаруживала половинчато-социалистические тенденции. Но это был не пролетарский социализм, а мелкобуржуазный антикапитализм, стремления которого в существенном сводились к тому, чтобы сохранить мелкое, карликовое производство в противовес крупному производству.

1) Так, напр., в большой речи, излагавшей его принципы и произнесенной перед Конвентом 26 апреля 1793 года, он говорил: „Таким образом наша организация, получив завершение во всеобщем объединении, в один прекрасный день освободит нас, наконец, от того, что называют правительством. Законодательного собрания, в которое входят по одному или по два представителя от каждого департамента, будет вполне достаточно для того, чтобы наблюдать за немногочисленными делами управления... Законы сделаются крайне малочисленными, сумма счастья будет столь велика в каждой части страны, что общее довольство само собою будет там нести попечения о сохранении созданного порядка".

Основа упомянутого объединения,—как он говорит в дальнейшем,—личные интересы индивидуума: ибо, „чем сильнее проявляются страсти каждого индивидуума, тем прочнее будет всеобщее объединение; мы сделаем его нерасторжимым, если мы отнимем у честолюбцев возможность связываться в клики".

Париж 1790—94 годов, как мы уже неоднократно указывали, был мелкобуржуазный город. По количеству душ решительный перевес принадлежал мелкой деловой буржуазии и тому слою чиновничества, который был связан с нею и большею частью вышел из ее рядов. Пролетариат, по своему количеству и влиянию, оттеснялся совершенно на задний план мелкобуржуазной массой. Во время восстаний рабочие шли в авангарде, но идеологически они представляли исключительно свиту мелкой буржуазии. Если даже принять во внимание жалкое состояние школьного дела, все же прямо изумительным представляется тот факт, что парижские рабочие того времени не выдвинули из своей среды ни одного сколько-нибудь выдающегося человека. Даже в 1793 и 1794 годах от имени парижского рабочего пролетариата в Конвенте, в коммунальном совете и в комитетах секций говорили мелкобуржуазные дельцы, журналисты, служащие, аббаты и т. д. И политическая линия этих представителей определялась не пролетарскими, а мелкобуржуазными интересами. Конечно, в некоторых случаях, напр., в стачечном движении 1791 года и при вызванном им лишении рабочих права коалиций, интересы рабочих в известной мере сталкивались с интересами мелких мастеров, но дело не дошло до того, чтобы развилась сознательная классовая противоположность между ними.

Поэтому и то полукоммунистическое течение, которое в 1792 году обнаруживается среди якобинцев, характеризовалось мелкобуржуазными, в известном смысле можно даже сказать—ремесленными чертами. Да и как могло бы быть иначе? Коммунизм Мелье, Морелли, Мабли по существу—аграрный коммунизм. Исходный пункт для него—не противоречия, порождаемые развитием промышленности, а неравное распределение земли. Каждый раз, когда он говорит об опасностях частной собственности и пользе общности имуществ, он всегда имеет в виду земельную общину. Точно так же в тех предреволюционных коммунистических проектах, которые, не довольствуясь совершенно общими расплывчатыми соображениями о вреде различий в размерах владения,

или частной собственности (под которой обычно разумеется только земельная собственность), дают более подробные планы устройства коммунистических хозяйственных групп,—как, напр., «Социальный план» Жака Клода Шаппюи,—в основе всех хозяйственных коммун лежит общинное владение землей и полями. Проектируемые хозяйственные коммуны суть не что иное, как земледельческие артели, расширенные крестьянские хозяйства, в основу которых положено равное право на землю и в которых промышленный труд играет роль лишь побочного занятия,—совершенно так же, как в хозяйстве тогдашних французских крестьян.

Но подобные планы были неприменимы к условиям Парижа и других крупных промышленных и торговых городов. Нельзя было Париж превратить в мелкие сельско-хозяйственные коммуны и нельзя было втиснуть в такие коммуны экономическую жизнь промышленного Парижа. В то же время была необходима быстрая помощь, потому что цены продовольственных продуктов повышались ускоренным темпом, а с другой стороны, вследствие бегства платежеспособных слоев населения, спрос на утонченные продукты промышленности все сокращался. Что же следовало предпринять? Уже в № 91 своего «Друга Народа», в целях сокращения безработицы, Марат предлагал следующие меры: удлинение времени ремесленного ученичества до 6—7 лет, установление минимальной заработной платы, оказание помощи из общественных средств тем правомочным подмастерьям, которые желают сделаться самостоятельными. Таковы же были и требования тех полукоммунистических агитаторов,—Жака Ру, Леклера, Варле и т. д.,—которые в 1792 году выдвинули свои антикапиталистические идеи. Их главные пожелания можно резюмировать в следующих положениях: раздел национальных имуществ между беднейшим деревенским населением, предоставление субсидий и беспроцентных займов ремесленным подмастерьям, которые хотят основать собственное производство или ремесленные артели, борьба со спекуляцией продовольственными продуктами и с накоплением крупных промышленных и торговых капиталов, средством для чего должна послу-

LETTRE

BOUGREMENT PATRIOTIQUE

DU VÉRITABLE PÈRE DUCHÊNE,

A tous les Soldats de l'armée.

MES BONS AMIS,

Que foutu tintamare faites-vous donc par-tout? A qui diable en voulez-vous donc? Auriez-vous oublié que vous êtes français? Quel démon vous agite au moment qu'on s'occupe d'améliorer votre sort! Quand on vous foutoit des coups de bâton, vous étiez plus tranquilles, vous receviez la chiague comme des jeanfoutres; et maintenant que d'honnêtes gens travaillent à vous rendre plus heureux, à faire de vous des hommes, car on faisoit moins de cas de vous que de vos chevaux, vous faites un boucan infernal!.....Je ne vous conçois foutre pas, ou le diable m'extermine. On diroit que vous voulez foutre tout en capilotade et faire une omelette de la France. Ma foi, pendant trente ans que j'ai servi mon pays et mon Roi avec honneur, je n'ai jamais vu un pareil carillon. Mais, tonnerre de mille-dieux, si on vouloit vous accabler, vous opprimer, vous vexer, diminuer votre paye, vous assujettir à une discipline trop rigoureuse, à des corvées pénibles, avilissantes; si l'on vouloit faire revivre le plan du fameux Guibert le prussien; si l'on vouloit vous conferver les grêles de coups de sabres, les punitions arbitraires, ne pas plus faire de cas de vous qu'on en faisoit, c'est-à-dire, vous traiter comme de vils esclaves, vous fermer la porte aux honneurs, aux dignités, établir encore une ligne de démarcation insurmontable; si l'on vouloit étouffer votre voix qui s'éléveroit pour de justes réclamations,

A

Приложение для солдат к „Отцу Дюшену" Лемера.

жить соответствующая система обложения и, наконец, конфискация государством всех состояний, превосходящих определенную величину.

Антикапиталистический характер этих требований выступит с еще большею резкостью, если вглядеться в обоснование их вождями этого направления. Так, напр., Варле в одном предложении, с которым он в декабре 1792 года адресовался к Конвенту, требовал постепенного уничтожения крупных различий между состояниями, а в качестве средства для этого рекомендовал следующие меры: возбуждение промышленного соревнования, поддержка талантов, полезных для общества, лишение чести и предание презрению эгоистов, борьба с недобросовестной спекуляцией и использованием нужды неимущих. Однако, добавляет он в одном примечании, следует урезать отнюдь не все крупные состояния, а только те, которые нажиты спекуляцией и ажиотажем. В его предложении дословно говорится так: «Пусть меня поймут правильно. Я не говорю здесь о тех крупных состояниях, которые приобретены хорошей спекуляцией или смелыми начинаниями; точно так же мои соображения не касаются наших торговых отношений к заграницe: я хочу только воспрепятствовать ажиотажу, монополиям, ростовщичеству на продовольственных продуктах и постоянному увеличению частных состояний за счет того, чем владеет общество».

Несколько дальше шел Жак Ру, который нашел последователей главным образом в парижском городском округе Гравилье, населенном мелкими ремесленниками и бедными художниками. Он хотел, чтобы было безусловно воспрещено иметь состояния больше определенной величины, и чтобы был положен конец тому явлению, что крупные предприниматели привлекают к себе все рабочие силы и по собственному усмотрению диктуют мелким мастерам цены за выполняемые последними работы. Так, напр., в его программной речи, произнесенной 25 июня 1793 года перед Конвентом, говорится:

«Свобода—пустая иллюзия, если один класс людей может безнаказанно подвергать другой мукам голода. Равенство—

пустая иллюзия, если богатый, пользуясь монополией, держит в своих руках власть над жизнью и смертью своих ближних. Республика—пустая иллюзия, если контр-революция изо дня в день оказывает содействие такими ценами на продовольственные продукты, которые непосильны для трех четвертых всех граждан... Чтобы привлечь санкюлотов к революции и конституции, необходимо воспретить коммерческий разбой, который, конечно, надо отличать от чистой торговли, и понизить цену продовольственных продуктов».

Итак, надо воспрепятствовать не настоящей торговле, а коммерческому разбою, т.-е. угнетению ремесла и взвинчиванию цен крупными монополистами. Действительно, вся полукоммунистическая агитация 1792—94 годов питалась исключительно тем отчаянием, которым были охвачены мелкие мастера при виде уничтожения их экономического бытия торговым и промышленным капиталом, быстро расширявшимся при новой свободе. И у этой антикапиталистической части интеллигентного пролетариата мы тоже не находим сколько-нибудь более глубокого понимания новых условий труда, складывающихся для собственно рабочих, и таких требований, как право коалиций, т.-е. право рабочих объединяться в союзы для проведения стачек.

2. Жак Рене Гебер.

Гебер, редактор «Отца Дюшена» («Père Duchesne»), принадлежит к числу представителей либерально-анархистского направления интеллигентного пролетариата. Однако стремления Гебера нельзя сравнивать с тенденциями Анахарсиса Клотса. Гебер не был ни теоретиком, ни систематиком. Это—резонер кафе, посещавшихся богемой, человек остроумных наитий, обладавший известными формальными дарованиями журналиста, но, если оставить в стороне область изящной французской литературы, не обладавший никакими настоящими знаниями. Его анархизм—исключительно выражение той жажды индивидуальной свободы, которою характеризовались представители богемы с их враждой ко всякому государственному и общественному принуждению: высшая

свобода с их точки зрения—в том, чтобы каждому можно было существовать на свой лад без особого умственного напряжения.

Сын золотых дел мастера, Гебер родился 15 ноября 1757 года (не 1755 года, как обычно указывают) в Алансоне. Сначала Гебер посещал иезуитскую школу в своем родном городе, потом изучал медицину. Всевозможные любовные дела и отвращение ко всему связывающему побудили его оставить ученье и отправиться в Париж в поисках счастья. Повидимому, в течение шести лет он перебивался там всевозможными письменными вспомогательными работами, кажется, временно был и лакеем, пока, наконец, в 1786 году под гнетом нужды не согласился занять место билетера в парижском театре Варьете, позднейшем «Театре республики». На этом месте он оставался до 1788 года; потом его внезапно уволили,—за сокрытие выручки от проданных билетов, как утверждали его враги. Гебер опять окунулся в жизнь богемы и, когда началась революция, написал несколько небольших бледно-либеральных летучих листков. В политическом отношении они до крайности малоценны, но с известным искусством подражают тону и разговорной манере низших слоев парижского населения. Уже тогда Гебер пользовался именем «Отец Дюшен»—символическая местная фигура, которая для Парижа имела такое же значение, как в настоящее время в Германии «немецкий Михель», в Англии—имя «Джон Буль», в Ирландии—имя «Падди» (Патрик). Во всяком случае, не Гебер изобрел это имя. Оно часто встречается в летучих листках, и уже с половины 1790 года в Париже выходила газета под названием: «Lettres bougrement partiotiques du père Duchêne» («Самые простые партиотические письма отца Дюшена»). Эту газету издавал бывший почтовый чиновник Лемер; в общем ее вышло 400 номеров.

Успех газетки Лемера и хороший барыш, который она принесла издателю Шалону, побудили книготорговца Трамбле сделать попытку с изданием маленькой газеты, выдержанной в доподлинном народном тоне. Он обратился к Геберу, и Гебер, не имея никаких средств, согласился взять на себя редактирование газеты. Так возник в начале

1791 года новый «Отец Дюшен», который при цене в 50 су за месяц выходил три раза в неделю. Во главе газеты была фантастическая картинка: «Добрый отец Дюшен», парижский печник с трубкой во рту и огромной пачкой табаку в руке—безмятежный и благодушный. Однако картинка не понравилась ни Трамбле, ни Геберу,—и вот с № 12 отцу Дюшену придан более воинственный вид. За поясом у печника пистолеты, а в правой руке—топор, которым он угрожает попу. Под картинкой подпись: «Memento mori» («Помни о Смерти»), а ниже: «Je suis le véritable père Duchesne, foutre» («Я, проклятие, настоящий отец Дюшен»). Затем шло крупными буквами содержание газеты, которое сначала имело довольно скромный характер, но с течением времени становилось все шумливее. Вот пример:

«Великая радость (для отца Дюшена), что поснимают всех золотых и серебряных обезьян [1]), которых наши старые бабушки называли святыми, и переделают в монету, чтобы покрыть военные расходы и освободить нас, наконец, от язвы королей и жрецов»...

«В великом гневе отец Дюшен, что все старые причиталки отбиваются руками и ногами, чтобы сохранить свои старые святыни. Его добрый совет санкюлотам: пусть они в театрах научатся, что ценнее, чем все капуцинские проповеди... Его добрый совет всем республиканцам: они не должны признавать никакого иного богослужения, кроме служения свободе и равенству,—и пусть себе злятся все монахи и интриганы, которые опять хотят подняться кверху, чтобы обманывать и совращать народ».

«В великом гневе отец Дюшен на капитуляцию Майнца, который выдан австрийцам позорным Кюстином, насажавшим предателей по всем нашим городам, чтобы продать их таким же способом. Великая радость ему (отцу Дюшену) от того, что он видит, как генерал Мусташ [2]) будет играть с теплой рукой [3]) перед бравыми молодцами, которые идут из департаментов на празднество 10 августа».

---

[1]) Имеются в виду небольшие статуэтки Христа и святых.

[2]) Кюстина в шутку называли „генерал Мусташ“—„генерал усы“.

[3]) На парижском тарабарском жаргоне гильотинирование называли „игрою с теплой рукой“.

«Великая радость (отцу Дюшену) перед великой революцией, которая разбила позорную шайку бриссотинцев и жирондистов, слишком глубоко заглянувших в стакан [1]). Его добрый совет бравым людям Горы — пусть они наверстают потерянное время и дадут нам, чорт побери, хорошую конституцию!»

За такими заголовками следует самое содержание, так называемая «проповедь», переполненная ругательными словами и проклятиями политическая беседа о происшествиях, означенных в заголовках. Грубый способ выражений Лемера Гебер старался превзойти еще всевозможными отчаянными цинизмами, заимствованными из жаргона парижских мошенников.

Однако из этой грубости вовсе не следует, что газета проповедывала политический радикализм. По воззрениям Трамбле и Гебера, цель ее заключалась прежде всего в том, чтобы приносить прибыль, и потому она должна была приноровляться к чувствованиям и мышлению тех кругов населения, для которых она издавалась. Но в начале 1791 года только небольшая часть рабочих и мелких ремесленников, которые работали сами, слегка разбиралась в политических вопросах. Подавляющая масса без всякой мысли просто повторяла избитые либерально-конституционные фразы, предавалась умиленному почитанию «доброго, дорогого» короля, который дал народу конституцию, бегала на всякие освящения знамен и парады национальной гвардии, любовалась на белого коня Лафайета и видела своего рода полубогов в депутатах Национального Собрания, которые в действительности каждый день предавали ее интересы.

«Отец Дюшен» искусно приспособлялся к такому уровню политического образования массы,—отчасти по сознательным соображениям о читателях, отчасти потому, что и сам Гебер в то время по своему политическому пониманию стоял не выше. Как о том свидетельствует всякий номер его газеты за 1791 год, тогда у него почти совсем не было собственно политических знаний. Это был просто цыган, которого случайность бросила в область политической журналистики.

[1]) Т. е. лишивших себя жизни.

Таким образом, и его газета представляет просто стереотипный снимок с либеральных газет, перевод их рассуждений и сообщений на народный, точнее, на вульгарный язык обывательщины. Как в парижском народе того времени грубость способа выражений сочеталась с большой дозой юмора, добродушия и сентиментальности, так и в «Отце Дюшене» на-ряду с отталкивающей грубостью языка мы открываем известный благодушный юмор и сильное тяготение к чувствительному.

В первом же номере приносится длинное новогоднее поздравление Национальному Собранию, королю, королеве, Бальи и Лафайету. Но еще характернее для политического понимания Гебера тот факт, что даже в январе 1791 года, когда все демократические газеты уже давным-давно раскрыли политические интриги Лафайета, Гебер все еще не знал, как ему относиться к Лафайету, и обращается к нему со следующими увещаниями:

«Во имя твоих добродетелей, о которых говорят и ради которых тебе вручили общественную власть, я взываю к тебе; я призываю тебя очиститься от тех обвинений, которые взводят на тебя в деле господина Ротондо... Пора, чорт побери, знать нам, как к тебе относиться. Нельзя оставлять народ в волнующем неведении тому, кто виновен в этом возбуждении, ибо одно слово из твоих уст могло бы успокоить его. Если твое положение и твоя слава не в состоянии заставить тебя высказаться, то посмотри, в какое положение поставлен народ, который всегда возлагал на тебя самые дорогие свои упования».

Следовательно, в январе 1791 года, шесть месяцев спустя после бойни в Нанси, Гебер, несмотря на постоянную критику радикальных газет, все еще не понимал, как обстоит у Лафайета дело с народом. Едва ли можно представить себе более основательное свидетельство его политической незрелости.

Точно так же характерно, что в № 5 Гебер говорит об ассигнациях, но не умеет ни слова сказать об экономическом значении выпуска ассигнаций, которое задолго до того времени было основательно исследовано в «Парижских революциях» и других газетах (см. выше, глава восьмая).

В № 10 Гебер пишет радостную статью по тому поводу, что Мирабо восхвалял национальную гвардию. Значит, восхваления Мирабо, в котором талантливейшие журналисты уже давно видели человека, подкупленного двором, Гебер считает почетом для национальной гвардии; а последняя уже в то время, как писали «Французские революции», развилась в «преторьянскую гвардию буржуазии».

Захлебываясь от восторга, № 12 «Отца Дюшена» сообщает о назначении Мирабо командиром батальона национальной гвардии в парижской секции Гран-Бателье.

В № 48,—за три месяца до побега королевской семьи,—«Отец Дюшен» в следующих выражениях скорбит о болезни короля:

«Король болен, «Отец Дюшен» сообщает вам об этом с великою скорбью... Нет, дюжина дьяволов, я уже ни в чем не нахожу теперь удовольствия. Мне уже кажется, что вино прокисло, я не могу даже курить. Болен король, мой добрый король... Гром и молния! Его сердце всегда с его народом, который он любит по-свиному и который по-свиному воздает ему любовью».

И в другом месте говорится:

«Я чту конституцию, как любовник свою наложницу... Мы обязаны верностью не только вам одним, народные представители. Король, дюжина дьяволов, любит конституцию. Он с открытым сердцем принял ее; он присягнул ей; он будет соблюдать ее. Я люблю короля всем моим сердцем».

А когда умер Мирабо, «Отец Дюшен» держит надгробную речь над могилой «великого человека», прославляет его, как человека, который шел с народом, и наивно рассказывает, будто его отравили аристократы.

Так же ведется газета и дальше,—все время с неизменной простоватостью. Только после бегства короля, когда парижский народ был охвачен ужасающим негодованием против двора, «Отец Дюшен» изменяет свои суждения. Добрый, всем сердцем возлюбленный король превращается в изменника и клятвопреступника. Но уклон к радикальному течению во всяком случае не повышает политических достоинств газеты. Вся разница сводится к тому, что, как раньше вульгаризировались суждения либеральных газет,

так теперь «Отец Дюшен» вульгаризирует суждения демократических газет, но без какого бы то ни было систематического выбора, без всякого следа сколько-нибудь глубокого понимания развития революции. Так, напр., хотя газета Гебера предназначалась для мелких ремесленников и рабочих, однако она совершенно игнорирует все законодательство 1791 года, которое отнимает у рабочих право коалиции и обезоруженными отдает их на произвол предпринимателей.

3. Воспитание и религия.

Конечно, мало-по-малу Гебер глубже входит в политическую жизнь. Постоянно занятый парламентскими прениями, знакомясь с соображениями радикальной печати, он постепенно приобретает некоторое понимание разыгрывающейся политической борьбы. К тому же 10 августа 1792 года он был избран членом коммунального совета, а 22 декабря 1792 года вторым заместителем (ассистентом) парижского городского прокурора, что заставляло его заниматься всевозможными делами по управлению. Но Гебер так и не превратился в последовательного и дальновидного политика. Он всегда оставался человеком настроений и ограничивался тем, что стремился в свойственной ему простонародной манере объяснять бедным мероприятия городского управления и переводить на грубый парижский народный жаргон те взгляды на события дня, которые высказывались в демократических газетах. Впоследствии Гебер с особой старательностью следовал по стопам Марата, что он прямо признал после того, как Марат был убит Шарлотой Корде: «Да, чорт возьми,—писал он,—я извлек большую выгоду из твоих уроков. Дорогая тень, освещай мне и дальше мой путь. Клянусь тебе, я, не страшась даже кинжала и яда, буду следовать твоему примеру».

Но это вовсе не значит, что Гебер проводил политическую линию Марата. Он просто брал у Марата его политические суждения, а иногда и способ их обоснования, но никогда не понимал того миросозерцания Марата, из которого вытекали эти суждения. В особенности не в силах был он понять того взгляда Марата, что французская нация со-

стоит из различных классов с различными интересами, и что как раз различиями интересов определяется политическая позиция этих классов и их парламентского представительства. Для Гебера причина распрей заключалась, с одной стороны, в дурных качествах богатых, особенно в их жажде господствовать, а с другой стороны,—в невежестве народа.

7 июля 1792 года в Национальном Собрании была разыграна сцена всеобщего примирения или сцена ламуретовского поцелуя. Ламурет, признавший конституцию, епископ лионский, избранный депутатом от департамента Роны и Луары, в сантиментальной и напыщенной речи заявил, что все бедствия отечества происходят от внутренних распрей. Надо положить им конец, и для этого необходимо в торжественной декларации передать публичному осуждению всякий проект, задачей которого будет изменение конституции: создание двух палат, или же, напротив, учреждение республики. «Собрание,—говорится в протоколе этого заседания,—под влиянием внезапного и самопроизвольного порыва все вскочило на ноги и среди всеобщих восклицаний декретировало это предложение. Немедленно же депутаты со всех концов залы приблизились друг к другу с выражением взаимных братских симпатий и слились в эту минуту в общем чувстве любви к отечеству». Это было в то время, когда возбуждение в низах, которые чувствовали, что страну предают со всех сторон,—и внутри, и на фронте,—все более вырастало и через месяц нашло выход в выступлении, закончившемся низложением Людовика XVI. Большинство Национального Собрания готовилось сплотиться вокруг трона, на который надвигалась опасность. Извещенный особою депутацией об умилительной сцене, король прибыл сам, чтобы принять в ней участие. Он сказал: «Нация и король нераздельны. Они идут к одной и той же цели, и их соединенные усилия спасут Францию».

Раздались аплодисменты и приветствия. «Прежде чем удалиться, король еще раз изъявил, как он растроган счастливым событием, объединившим всех представителей нации. Он сказал, что первым его движением было отправиться в Собрание, и что он очень досадовал, что принужден был ждать депутации, посланной к нему. Снова раздались аплодисменты и крики: «Да здравствует нация! Да здравствует король!» Король удалился среди этих восклицаний».

Насколько плохо разбирался Гебер во внутренней связи политических событий, ясно показывает, что эту комедию он считал началом новой политической эры и полагал, что с этого момента похоронены все раздоры. Он начинает № 152 «Отца Дюшена» следующими трубными звуками:

«Великая радость отцу Дюшену, потому что он видел, как обнимались якобинцы и фейльянты и как Национальное Собрание вместе с королем, который, с красным колпаком на голове, стал во главе его, хотят защищать конституцию. В то же время его визит королю, чтобы приветствовать его за его примирение с санкюлотами».

Все серьезные радикальные газеты, и даже жирондистские, издевались над этой комедией, а в якобинском клубе жестоко смеялись над «жреческими объятиями». Но Гебер в своем простодушии все принимал всерьез и на самом деле питал надежду, что примирение между двором и якобинцами окажется прочным. В виду всего тогдашнего политического положения это было бесконечно наивнее, чем если бы в настоящее время какой-нибудь журналист высказал в своей газете твердую уверенность, что германские национал-либералы и социал-демократы впредь пойдут рука об руку [1]).

В виду особых задач нашей работы, не стоит подробно изучать политическую линию «Отца Дюшена»: собственных политических идей у Гебера не было. Заслуживают внимания только его взгляды на школу и религию, а также на отношение индивидуума к обществу, тем более, что здесь с наибольшей ясностью выражены анархистские воззрения Гебера.

Как для большинства рационалистов того времени, воспитание в глазах Гебера—универсальное средство для того, чтобы спасти от всяких общественных бедствий. Если основное зло печального состояния всех общественных отношений—в невежестве и в том, что желания сбиваются на ложный путь, то, значит, для создания лучших отношений достаточно будет воспитания, которое исправляет невежество и обуздывает желания. И Гебер, действительно, про-

[1]) Книга Кунова появилась в 1908 году, второе ее издание—в 1912 году. Через два года после того, с началом войны, эта „бесконечная наивность“ оказалась правдой по отношению к самому Кунову. *И. С.*

поведует воспитание в качестве средства против болез-ней общества.

«Только строгими законами,—пишет он,—и в совершенно исключительной мере воспитанием можно исправить пороки и насадить добрые нравы. Но немногого ждем мы от тех, кто питался молоком деспотизма и гнил в рабстве. Люди,—как деревья. Посаженные хорошим садовником, который во-время присматривает за ними, подрезает излишние ветки и попечительной рукой удаляет всех вредителей и ядовитые растения, которые могли бы отнимать у них соки,—эти деревья хорошо выглядят и приносят великолепные плоды. Но те несчастные дико растущие деревья, которые случайно попали на неплодородную почву и, предоставленные самим себе, подвергаются всяким напастям,—на них гусеницы поедают всю листву, и они погибают, не принося плодов»...

Человек таков, как его воспитали, таково же и общество. Поэтому необходимо прежде всего вложить в него добрые начала.

«Итак,—пишет Гебер,—поспешим воспитать наших детей в республиканских принципах. Природа повелевает, чтобы матери вскормили их,—и столь же необходимо, чтобы первыми словами, которые слышат они, были слова: свобода и равенство. Их бабушки, вместо того чтобы занимать их сказками о феях и ведьмах, уже с колыбели должны рассказывать им о преступлениях королей».

Но большинство якобинцев, занимавшихся тогда вопросами воспитания, хотело, чтобы из детей со спартанской суровостью воспитывали сознательных граждан, характеризующихся строгостью нравов. Напротив, Гебер, отвергавший все связывающее индивидуальность, требовал наивозможного отсутствия принуждения для ребенка,—как и для юноши и для взрослого человека. Конечно, человеком следует руководить и влиять на него в определенном направлении, но это воздействие не должно сопровождаться каким бы то ни было принуждением. Инстинкт выше всякого разума, и потому, полагает Гебер, необходимо дать самую широкую возможность для свободного развития инстинкта. Животные следуют только своему инстинкту, и, однако, у них дело обстоит лучше, чем у человека.

«Те, кто утверждает,—пишет Гебер,—будто предвечный отец создал человека по своему образу и подобию, делают ему невообразимо плохой комплимент, ибо во всем мире нет более злого животного, чем то, которое ходит на двух ногах. Человек считает себя венцом мироздания, и, однако, он состоит только из недостатков и пороков. У него—самые ловкие руки, но ими он пользуется только для того, чтобы вредить своим ближним. Он добывает металлы из недр земли и придает им форму, какая ему нравится; однако он делает из них орудия убийства, которыми убивает все, что его окружает. Он в своем самомнении воображает, что в ту кучу навоза, из которой он состоит, вложена совершенно иная душа, чем в другие кучи навоза,—хотя последние, так как они ведут себя много разумнее, во всяком случае и мыслят разумнее...

«Да, сатана побери, в самом деле, не больше ли ума у скота, чем у человека? Ведь все они, не имея необходимости в помощи других, умеют жить и делаться счастливыми. Птенцы в то время, когда скорлупки еще не отвалились от их зада, уже бегут в поле и, едва сумеют раскрывать свой клюв, уже кормятся совершенно одни. Между тем у человека требуется два или три года ухода и вскармливания капицей, пока он не дойдет до этого: он, это высокомерное чудовище, которое утверждает, что он—царь всех животных,—да он и действительно царь, потому что всех пожирает...

«Едва начав говорить, человек уже делается рабом. Вместо того чтобы предоставить ему играть и прыгать, как ему хочется и как того требует природа, юное дитя человеческое запирают в школу и угощают розгами, палками и линейкой. Он может смеяться только тайком, потому что надзиратель постоянно стоит над ним и следит, чтобы он, зевая, зубрил латинскую болтовню. Если он говорит, ему приказывают молчать, если он смеется, велят плакать, а если плачет, заставляют смеяться. Если он хочет пользоваться левой рукой, его поучают, что для ловкости надо делать правой рукой. Если юноша выдержит 12 лет такой дрессировки, в него начинают вколачивать другие нелепости и шарлатанские выдумки. Если он хочет научиться извест-

ному ремеслу, его уж наверное направят в другое. Если он хотел бы сделаться солдатом, его заставят натянуть на себя поповскую рясу. В конце концов он старается утешиться в постигшем его несчастии. Молодая девушка заставляет сильно биться его сердце. Он идет к ней. Она отвечает на его взоры. Оба хватаются за руки, тайно обнимают друг друга, между ними взаимная любовь. Они как будто царочно созданы один для другого и думают, что они могут соединиться. Но ведь существуют отцы-скряги, сварливые матери. Они противятся счастью обоих, потому что девушка недостаточно богата или молодой человек недостаточно знатен. Словом, любовную пару разделяют на всю жизнь. Молодой человек должен жениться на старой чортовой перечнице, которая годилась бы ему в бабушки, молодая девушка выходит замуж за злого старого мопса, к которому она питает отвращение и которого потом из мести обыкновенно отправляет в великое товарищество [1]). Хоть в этом-то женщины находят себе некоторое утешение.

«Вот как идут дела, чорт побери! Такова-то картина человеческой жизни. Детство проходит в слезах, юность — в желаниях, зрелый возраст—в труде и мучениях, старость—в болезнях, пока, наконец, смерть не завершает всей этой истории, — а в мертвом человеке, тысяча проклятий, не больше толку, чем в живой собаке!»

Это—образчик рационалистической философии Гебера, которая снова и снова прорывается в его писаниях. Ему совершенно чужда та идея, что общественные отношения—продукт закономерного развития, что существует историческая обусловленность форм общественной жизни. Индивидуум, «я» и отсутствие всего связывающего—мера всех вещей для Гебера. От анархистского индивидуализма Гебера далеко то воззрение, что индивидуум в известном смысле существует благодаря обществу, и потому, как полагали Марат и Шометт, должен исполнять известные обязанности по отношению к обществу. Для него каждый индивидуум, так сказать, — самоцель. Если каждый стремится к собственному счастью, то, раз каждый будет соединяться с тем,

[1]) Имеется в виду „товарищество увенчанных рогами".

с кем он хочет, из этого в конце концов сама собою получится общественная гармония; необходимо только предварительно искоренить невежество и пользующуюся невежеством жажду господствовать.

«Великое несчастие человечества,—пишет Гебер,—в невежестве. Оно—причина почти всех низостей и всех преступлений, совершающихся на земле. Оно, чорт возьми, породило все то дурное, от чего мы теперь страдаем. Деспотизм—дело невежества, и фанатизм—его высочайшее творение [1]). Ибо, дьявол побери, если бы у людей было больше здравого смысла, тогда они не дали бы провести себя всеми этими глупыми сказками мошенников и попов, тогда они не позволили бы тем проходимцам, которые титулуют себя князьями, королями и императорами, связать себя и снабдить намордниками».

И затем Гебер в самой забавной форме изображает, как он представляет себе возникновение власти жрецов и монархов.

«Первым жрецом был пролаза, несколько похитрее, чем остальные дикари, среди которых он жил. Он заметил, что, когда погода собирается перемениться, его кошка чешется, или его осел прядет ушами. Гордясь этим открытием, он использовал его для того, чтобы обманывать и надувать других, рассказывая им, что «предвечный отец» или даже дьявол шепнули ему на ухо, что скоро пойдет дождь, или наступит хорошая погода. И, как известно, всегда лиха беда лишь начать. Раз отыскав дураков, обманщик стал изобретать другие глупости, чтобы водить за нос простаков..

«Так же появился и первый царь. За тридевять земель объявился какой-нибудь дикий и жестокий разбойник, шуан в своем роде [2]); никаких заслуг у него не было, кроме того, что на голове у него была копна волос еще длиннее и еще чернее, чем у остальных дикарей, а борода была такая взлохмаченная, что он выглядел косматым волком. И он в первый раз пришел к дерзкой мысли давать за-

[1]) Имеется в виду религиозный фанатизм.

[2]) Шуанами называли восставших в Вандее крестьян.

коны своим сотоварищам, находящимся в одинаковом с ним положении, в тот самый момент, когда увидал, что можно драться обоими концами палки. Значит, чорт побери, первым скипетром, появившимся на земле, была просто-напросто та дубинка, которой воспользовался людоед для того, чтобы раздробить черепа тем, кто вздумал оспаривать у него лучшие куски добычи»...

По воззрениям Гебера, всякая религия есть не что иное, как сознательный обман со стороны жрецов. Однако, принимая во внимание, что всякий имеет право жить по своему усмотрению, Гебер предоставляет каждому веровать, во что он хочет.

«Каждому позволяется,—пишет он,—устраивать культ, как ему вздумается. Вступив в разумный возраст, он может избрать религию, которая ему больше нравится. Если он хочет быть христианином и верует, что несколько латинских фраз и немного подсоленной водицы пойдут на благо его душе и принесут спасение от грехов, которых он не совершал, в таком случае он может спокойно примачивать свой череп. Если он иудей, пусть он совершает над собой обрезание внизу и где еще хочет, хотя природа и так никому не отпустила слишком много. Если он хочет принять веру индийцев, которые не едят ни мяса, ни рыбы, так как верят, что от этого задохнутся, ну, что ж, пусть его делает это»...

Затем Гебер доказывает, что христианские жрецы исказили воззрения Христа: хотя Христос вовсе не был богом, однако он был, несомненно, весьма хорошим якобинцем и санкюлотом.

«Я не знаю ни одного лучшего якобинца, чем был Иисус,—пишет Гебер.—Он—основатель народных обществ [1]). Уже он не хотел, чтобы число членов в них было слишком велико: уже он знал, что слишком большие собрания почти всегда вырождаются и что тогда в них раньше или позже проникают такие приверженцы, как все эти Бриссо, Бюзо, Роланы. Основанный им клуб состоял всего из 12 членов,—

[1]) Имеются в виду такие революционные клубы, как клуб якобинцев и кордельеров.

сплошь бедные санкюлоты. Однако в их число протискался один фальшивый персонаж, по имени Иуда, что на еврейском языке означает то же самое, как у нас Петион. Вместе с этими двенадцатью якобинцами Иисус учил подчиняться законам и проповедывал равенство, свободу, любовь к ближнему и братство. Уже он вел постоянную войну с жрецами и финансистами, уничтожал религию иудеев,—своего рода культ крови,—учил людей попирать богатства ногами, чтить старых, прощать оскорбления и т. д. Скоро вокруг него объединились все санкюлоты. Чем больше цари и императоры преследовали его учеников, тем больше росло их число. К несчастью, среди пшеницы замешались проклятые плевелы. За одним Иудой, который продал его, скоро последовали другие в том же роде. За распятием одного, едва он успевал умереть, быстро следовали новые распятия. Род Иудин сделался папами, кардиналами, епископами, аббатами, монахами и дьяконами. Эти богом проклятые мошенники обогащаются во имя того самого божественного законодателя, который возлюбил бедность. Они грабят глупцов, рассказывая им о чистилище и аде и продавая дорогой ценой отпущения».

4. Антикоммунистические тенденции „Отца Дюшена".

Как либерально-анархический индивидуалист, Гебер—решительный противник тех мелко-буржуазных половинчато-коммунистических идей, которые вынырнули наружу в конце 1792 года и подробнее обрисованы в начале этой главы. Правда, Гебер не заходит так далеко, как Клотс, который с известным фанатизмом защищает права собственности даже крупных аристократических землевладельцев. Тем не менее в собственности Гебер видит одну из важнейших гарантий личной свободы, т.-е. отсутствие всего, связывающего личность. Нивеллировка, всеобщее «уравнение», для него не менее ненавистна, чем для Камиля Демулена, его позднейшего противника.

В ноябре и декабре 1792 года, в виду повышения цен на продовольственные продукты и надвигающейся угрозы голода, некоторые политики опять выдвинули вопрос о рав-

деле крупной земельной собственности или хотя бы части национальных имуществ. Тогда Гебер в № 81 своей газеты писал:

«Я не проповедую того, что добрые души называют аграрным законом: по вычислениям одного знаменитого специалиста в арифметике, если бы земля Франции подверглась разделу, на каждого пришлось бы ренты всего на 40 экю (40 экю—240 франков). С этим не разгуляешься. Не может существовать полного равенства состояний: если бы, предположим, у каждого гражданина было свое поле, свой луг, свой огород, свой маленький двор, то ведь тот, который умеет лучше обрабатывать свой участок и был бы прилежнее, быстро сделался бы богаче, чем его сосед.

«Итак, я не требую раздела земли. Но чего я хочу, так это, чорт возьми, одного: чтобы всех этих богачей, откормленных кровью бедноты, чтобы всех этих финансистов, которые грабили нацию, заставили расстаться со своей добычей, чтобы у этих кровопийц подрезали когти. Тогда мы будем достаточно богаты для того, чтобы покрывать расходы войны. Тогда прекратится и ростовщичество на продовольственных продуктах, металлических денег не будут более прятать, и торговля пойдет без надувательства».

А когда оказалось, что нищета в Париже все больше растет, и когда 25 февраля 1793 года в некоторых парижских округах (однако не в собственно рабочих кварталах,—напр., не в пригородах Сент-Антуан и Сен-Марсо) произошли разгромы лавок, Гебер, по методу Робеспьера и Марата, представил зачинщиков грабежей сторонниками и подкупленными агентами бриссотинцев и со свойственным ему преувеличением писал:

«Эта шайка мошенников не падает духом. Затратив новые гинеи, они состряпали новый удар. Маркизы, загримированные при помощи париков и фуражек, и графини, переодевшиеся торговками рыбой, словом, та самая банда, которая в день, когда пошабашили с Капетом (Людовиком XVI), взывала о милости,—эта самая шайка пробралась в пригороды, в торговые ряды и на рынки, чтобы подстрекнуть народ к грабежам. Они говорили народу: «на-

ложите свою руку на лавочников, заставьте торговцев отдать тот сахар и то мыло, которые у них имеются. Мы терпели слишком уж долго, пора, наконец, получить воздаяние и покончить со всем этим».

«И бедные оборванцы были достаточно глупы для того, чтобы дать совратить себя, как жена совратила Адама. Они поверили змию и вкусили яблоко. Под предводительством переодевшихся торговками рыбой, они вторглись в лавки и забрали товары по таким ценам, как им заблагорассудилось.

«Вы, несчастная рвань, или вы на весь век хотите остаться дураками для мошенников? О, милосердное небо, это—не моя вина. Я достаточно часто говорил вам, что вы должны быть бдительны. Вы, честные люди, не видящие дальше своего носа и не понимающие, что вы, прибегая к таким выступлениям, самих себя бьете в лицо. Как! Вы объявляете войну ростовщикам на продовольственных продуктах и потом обрушиваетесь на бедных мелких лавочников, которые еще больше, чем вы, страдают от этого ростовщичества, и им мстите за себя? По какому праву понижаете вы цены за товары ваших соседей? Понравилось ли бы вам, если бы лавочники стали определять вашу заработную плату?.. Не потому я так говорю, что люблю лавочников: напротив, я думаю, что большинство из них—плохие граждане и заслуживают урока. Но вас, санкюлоты, хотят направить на ложный путь: вас хотят разъединить как раз теперь, когда все вы хотите сделаться братьями. Хотят, чтобы вы взаимно поедали друг друга в то самое время, когда необходимо выступить против врага».

В №№ 220 и 221 Гебер представляет разграбление лавок делом врагов государства и утверждает, что Англия дала деньги на устройство беспорядков, так как бунт в Париже был бы ей больше всего на руку.

Движение низших слоев против ростовщической дороговизны продовольственных продуктов возникло из нужды, хотя несомненно, что агенты роялистов искусно использовали его. До какой степени не понимал его Гебер, лучше всего выяснит сопоставление с речью, которую тогда же Шометт, как прокурор Парижа, произнес в парижском ком-

мунальном совете. Он, разумеется, тоже решительнейший противник погромов. Но, полагает он, разгромы вызваны не глупостью масс и не деньгами Англии, а нуждой мелких ремесленников и рабочих. Факт тот, что заработная плата отстает от вздорожания продовольственных продуктов; а из этого, по его мнению, следует, что город Париж обязан, насколько это от него зависит, содействовать повышению заработной платы. Так, Шометт говорил между прочим:

«Революцию сделал бедный в несравненно большей мере, чем богатый, но в то время, как все вокруг него изменилось, он находится в прежнем положении. Он ничего не приобрел через революцию, кроме права жаловаться на свою нищету...

«Революция, давшая свободу богатому, принесла ему выгоды. Правда, она и бедным дала свободу и равенство. Но чтобы жить свободно, надо иметь вообще возможность существовать; а если нет разумного соответствия между той ценой, которую рабочий получает за свой труд, и ценами необходимых продовольственных продуктов, он не может существовать. Следовательно, необходимо установить разумное соотношение между той и другой ценой, или, точнее, надо создать такое соотношение, чтобы рабочему жилось лучше, чем было раньше, потому что только в таком случае он будет стоять за революцию. Единственный способ для этого—поставить его в такое положение, чтобы у него была надежда в один прекрасный день самому сделаться мелким собственником».

В качестве ближайших средств для повышения заработной платы, Шометт рекомендовал проведение законов против ростовщических операций с продовольственными продуктами, ограничение выпусков ассигнаций и организацию крупных общественных работ, которые дали бы рабочим надлежаще оплачиваемые занятия.

Стоит только сравнить взгляды Гебера с этими одновременными заявлениями Шометта, и тотчас же будет ясно, насколько последний превосходил первого по своему пониманию условий жизни парижского населения. И, действительно, отчеты о заседаниях парижской коммуны доказывают, что не только в данном случае, но вообще Шометт много правильнее оценивал сложившееся положение, что у него в первую очередь были несравненно более крупные способности администратора, чем у Гебера, который всегда оставался лишь поверхностным резонером,—оставался им и в качестве деятеля в городском управлении.

5. Санкюлоты и монополии.

Разгром лавок, который, по всей видимости, отчасти подготовлялся агитацией Ру и Варле, создал между ними и городским управлением чрезвычайно напряженные, враждебные отношения, которые в конце июня 1793 года повели к изгнанию Ру и Леклера из парижского коммунального совета. Поводом к тому послужила упомянутая выше речь Ру, произнесенная перед решеткой Конвента. 24 июня 1793 года Конвент принял конституцию, проект которой был выработан новой комиссией под руководством Эро де-Сешеля. Ру и Леклер со своей точки зрения имели бы многое возразить против этой конституции. В особенности не нравилась Жаку Ру статья 122, которая возвещала, что новая конституция гарантирует всем гражданам равенство [1]) и неприкосновенность собственности. Такая гарантия собственности в общей форме представлялась ему слишком неопределенной. Он требовал, чтобы в конституцию была внесена статья, которая подвергала бы преследованию накопление крупных состояний посредством ростовщичества и спекуляции. 25 июня во главе депутации, составленной преимущественно из делегатов округа Гравилье, он явился пред лицо Конвента и произнес там пламенную речь против спекулянтов и монополистов.

«Конституционный акт,—говорится в речи,—подлежит теперь утверждению суверена» (имеется в виду суверенный народ). «Преследовали ли вы ажиотаж? Нет. Определили ли вы, в чем заключается свобода торговли? Нет. Воспретили ли вы отнимать наличные деньги? Нет. Ну, так мы заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа.

[1]) Имелось в виду исключительно равенство перед законом.

Свобода — пустой призрак, если один класс может безнаказанно подвергать другой мукам голода. Равенство—пустой мираж, если богатый, пользуясь монополией, получает власть над жизнью и смертью тех, кто в правовом отношении должен быть равен ему...

«Или состояние мошенника в самом деле священнее, чем жизнь человека? Административные власти должны обладать правом производить реквизицию средств существования,—совершенно так же, как они могут располагать вооруженною силой. Законодатель имеет право объявлять войну, т.-е. объявлять приказание убивать людей. Почему же нет у него права воспрепятствовать тому, чтобы их эксплоатировали и подвергали мукам голода, и защищать их очаг?..

«Напрасно возражают, что ремесленник, принимая во внимание вздорожание средств существования, зарабатывает теперь больше. Несомненно, работа некоторых теперь оплачивается лучше, но существует и множество таких, работа которых с начала революции оплачивается хуже. К тому же не все граждане—ремесленники, и не у всех ремесленников есть работа. Даже среди ремесленников немало таких, у которых 8—10 человек детей, еще не способных зарабатывать себе пропитание. Что же касается женщин, так большинство их зарабатывает не более 20 су в день».

Эта речь вызвала в Конвенте бурю негодования. Ру был прогнан от решетки Конвента. Он обратился в клуб кордельеров, в котором он по смерти Марата опять начал пользоваться значительным влиянием, и достиг того, что клуб постановил отпечатать и расклеить его речь.

Ничто не могло быть более некстати для руководителей Горы и парижской коммуны, чем это осуждение одобренной монтаньярами конституции клубом кордельеров, пользовавшимся таким высоким уважением в беднейших кругах населения. При тогдашних обстоятельствах это означало публичное отречение значительной части парижского народа от монтаньяров. Такая оппозиция, полагали руководители Горы, во всяком случае, недопустима. Робеспьер и его друзья мобилизовали против Ру клуб якобинцев и с помощью этого клуба,—так как значительная часть якобинцев в то время входила и в клуб кордельеров,—добились того, что Ру был исключен из клуба кордельеров. В то же время, 26 июня, парижское городское управление под предводительством Шометта тоже начало поход против Ру. Однако на первый раз Шометт добился только половинчатого успеха. Но вот 27 июня в Париже произошли под предводительством прачек новые нападения на лавки. Тут же на следующий день, 28 июня, парижский коммунальный совет устранил Ру от редактирования официальной газеты городского управления «Bulletin de la Commune» («Бюллетень Коммуны»), которою кроме Ру заведывали Блен и Гюйо, а несколько дней спустя постановил исключить его из коммунального совета.

Гебер работал против Ру в коммунальном совете и в клубе кордельеров еще больше, чем Шометт, и в то же время изображал в своей газете требования Ру, как результат нелепых преувеличений. Так, в № 252 говорится:

«А потом эти ростовщики,—где же они в самом деле? В Париже? Нет, чорт возьми, не здесь, а в крупных торговых городах. В Париже живут только мелкие торговцы. Миллионерам Бордо и Марселя в высокой степени наплевать, если разграбят одно из судов на Сене. Их склады и корабли ломятся от товаров. Чорт побери, если бы Конвент всегда действовал так, как в настоящее время, если бы он не терпел так долго в своей среде шайки пройдох, которые всегда подбрасывали ему под ноги камни, то он, несомненно, успел бы провести многие хорошие законы для защиты слабых против сильных, бедных против богатых. И мы уже пользовались бы плодами революции... Но теперешний момент не годится для того, чтобы осыпать клеветой патриотов: теперь необходимо прежде всего вести борьбу против батальонов Кальвадоса, Финистера [1]) и Жиронды и воздерживаться от эксцессов».

В своих опасениях, как бы коммерческий мир не использовал заявлений Ру против городского управления, Гебер идет так далеко, что он даже монополистам гарантирует

[1]) Против восставших в Нормандии и Нижней Бретани.

продолжение их операций, если они обратятся в санкюлотов и станут их поддерживать.

«Монополисты Парижа!—пишет он.—Вы не можете выступить ни за какое иное партийное направление, кроме санкюлотов. Если вы отдадитесь ему, тогда вам нечего бояться. Ваше имущество будет тогда гарантировано. Патриоты не требуют от вас ничего иного, как только, чтобы вы строго воздерживались от причинения им вреда... Но еще раз проклятие и горе вам, если вы по-прежнему будете работать против республики, задерживать хлеб и устраивать разграбления».

Таким образом, коммунистические тенденции Гебера, о которых говорится во многих исторических работах, имели весьма своеобразный характер. В действительности в рассуждениях Гебера нигде нет и следа коммунистических воззрений, если только не считать проявлением этих воззрений его резонерские рассуждения о жажде стяжания финансистов; но это было тогда столь же обычно среди мелкой буржуазии Парижа, как в настоящее время ругательства мелких лавочников-антисемитов против универсальных магазинов и биржи. Тщетно было бы искать в «Отце Дюшене» даже такого понимания бытовых и экономических условий, в которых жили парижские рабочие, как обнаруживающееся в газетах Марата и Прюдома. И хотя Гебер целые годы жил пролетарием, однако его общение ограничивалось почти исключительно средою литературной богемы и актеров третьего и четвертого ранга. Его никогда не интересовал образ жизни парижских мелких ремесленников и рабочих. Он оставался для него чуждым.

Насколько Гебер был в плену либерально-рационалистических представлений, показывает также следующий факт. В ноябре 1793 года Камиль Демулен начал в своем «Старом Кордельере» борьбу против парижской коммуны и заявил, что цель революции достигнута. Гебер в «Отце Дюшене» отвечал ему не тем, что он поставил бы вопрос, чего же достигли до сих пор благодаря революции мелкие граждане и рабочие, и таким образом постарался бы показать этим слоям, что их собственные интересы требуют дальнейшего развития революции за уже достигнутую ступень. Такая

постановка вопроса и такой анализ были совершенно чужды рационализму Гебера, который не понимал ни экономического значения развертывавшейся на его глазах классовой обрьбы, ни противоречивости интересов. Вместо того чтобы собственные интересы низших слоев парижского населения, обманутых в своих надеждах на революцию, выдвинуть против воплощавшейся Камилем Демуленом усталости от революции, охватившей литераторов, художников и ученых, чувствовавших себя удовлетворенными и сытыми,—вместо этого Гебер ведет борьбу против Камиля Демулена в той же самой плоскости, как и последний: он осмеивает самовлюбленность литературной манеры Камиля Демулена и его физические особенности и обвиняет его в том, что он, состоя на службе английского правительства и эмигрантов, ведет интриганскую игру. Гебер—плоть от плоти Демулена, с той только разницей, что Демулен, как добрый либерал, уже останавливался со своими революционными стремлениями на достигнутом тогда либеральном правовом государстве, а стремление Гебера к устранению всего, связывающего личность, еще вело его в течение некоторого времени дальше конечной цели демуленовского революционизма.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Пять лет партийной борьбы.

Либеральная буржуазия у власти. – Политика промышленных интересов. — Расколы среди якобинцев. — Мелкобуржуазное большинство в парижском коммунальном сов те.—Парижская мелкая буржуазия и католическая церковь.—Класс и партия.

Исполинская борьба классов, насильственное, кровавое столкновение противоречивых интересов, в ходе которого к власти последовательно поднимались все более радикальные партийные группы, пока, наконец, в революционном движении не совершается поворот, и оно не возвращается к прежним этапам,—вот какова общая картина, получающаяся на основании изучения французской газетной литературы 1789—1794 годов.

Весь Версаль позлащался солнцем, когда 4 мая 1789 года шествие депутатов, избранных в созываемые Генеральные Штаты, направлялось к церкви св. Людовика. Зрителям, которые благоговейно взирали на шествие, казалось, что наступают новые, лучшие времена, что после столетий феодального гнета и абсолютизма начинается утро политической весны. Однако сладостные надежды на уступчивость дворянства и духовенства были обмануты. Оба привилегированных сословия соглашались отречься только от таких привилегий, которые не представляли для них никакой ценности и существовали только в старинных грамотах, но не в действительной жизни. Началась борьба из-за того, каким способом будут обсуждаться вопросы и производиться голосования в Генеральных Штатах. Привилегированные сословия и двор увидали себя вынужденными пойти на временные уступки, пока, наконец, день 14 июля 1789 года не принес решения в пользу третьего сословия.

1. Либеральная буржуазия у власти.

Политическое господство получило третье сословие, т.-е. тот его слой, который видел в себе сливки третьего сословия: состоятельные чиновники, ученые, адвокаты и деловые люди. Но эта буржуазия с самого начала приступила к своим задачам с робкой озабоченностью. В дни 12—14 июля она с трепетом наблюдала, как темная масса мелких буржуа и рабочих из пригородов и населенных беднотой частей города вливается в ее кварталы, недоверчиво заколачивала досками свои квартиры и магазины, терзаемая страхом, что толпа, сражающаяся там, на улицах, за власть «третьего» сословия, охваченная пылом борьбы, пожалуй, не станет соблюдать вбитого в нее почтительного отношения к собственности, или что победа останется за войсками, и они начнут мстить «добрым» гражданам. Если присмотреться к поведению Национального Собрания в эти июльские дни и сопоставить его с мемуарами вождей этого Собрания, то окажется, что большинство народных избранников было подавлено мучительным страхом: страхом перед мероприятиями двора и перед толпой, которая сражалась на улицах Парижа.

Во вновь составленном при городской думе комитете выборщиков картина была совершенно такая же, как в Национальном Собрании. Одним из первых распоряжений комитета был изданный 13 июля приказ, чтобы никто не появлялся вооруженный на улицах,—всякий, не включенный в списки гражданской милиции своего округа, будет обезоружен. Бальи, до того времени президент Национального Собрания и избранный первым депутатом от парижской буржуазии, ярко обрисовывает цель этого распоряжения в следующих словах:

«Приказы были направлены против черни, ибо граждане не настолько слепы, чтобы не увидать в ней почти такой же большой опасности, как в королевских войсках. Перед лицом величайшей смуты все же еще сохранялась любовь к порядку. Однако не так-то легко отнять у толпы новую власть,—так как се-

годня она должна оказать помощь в спасении свободы, то сегодня еще нельзя обойтись без ее активной силы».

То, в чем Бальи,—через два дня после того, 15 июля, призванный на хорошо оплачиваемую должность парижского мэра,—здесь признается открыто, это после взятия Бастилии, действительно, было общим чувством всех «добрых» граждан Парижа, с той только разницей, что многие из них помышляли о «черни» с еще большим презрением, чем новый глава парижской коммуны.

И вот в городском управлении, а также в новом временном коммунальном совете Парижа немедленно обнаруживается стремление не только использовать достигнутую власть в своих собственных выгодах, но и взять массы в крепкие руки. Едва новое городское управление осмотрелось, просуществовав всего три недели, как оно уже начало рьяную травлю против народа июльских дней, против демократической прессы Парижа и против народных собраний в Пале-Рояле. И в то же время оно старалось так поставить вновь созданные городские учреждения, в том числе и парижскую национальную гвардию, чтобы масса не могла оказывать на них никакого влияния и чтобы они превратились в прочные опоры крупно-буржуазного режима. Однако масса дерзновенно игнорировала стремление к порядку крупной буржуазии и ее чувство политической силы. Парижская пролетарская и полупролетарская интеллигенция, адвокатская и литературная беднота,—все они в своих периодических изданиях и на собраниях осыпали насмешками мудрые постановления отцов города. А подмастерья и рабочие,—так те еще меньше умели ценить новую свободу: часть из них немедленно использовала завоеванную большую свободу движения для того, чтобы потребовать повышения заработной платы, а когда мастера отвечали отказом, они попросту забастовали.

И такое же разочарование, как с новым городским управлением, ожидало мелкую буржуазию и беднейшую интеллигенцию с Национальным Собранием. Стремления последнего все больше сосредоточивались на том, чтобы, с одной стороны, обеспечить монарху решающее влияние на законодательство и исполнительные органы государства, а в самую первую очередь—на армию; а с другой стороны—на том, чтобы беднейшим слоям населения не давать избирательного права ни в Национальное Собрание, ни в департаментские и муниципальные управления.

Результатом было то, что противоречия, до того времени дремавшие в недрах третьего сословия, стали обнаруживаться все с большей ясностью. С известным протрезвлением все части начали открывать, что под прославленной свободой они понимали нечто совершенно иное. Это прозрение находило многократное отражение в парижской прессе. Если проследить статьи конституционно-либеральных газет, то ясно видишь, как эта пресса вносит поправки в свои прежние принципы свободы: отчасти по инстинктивно-недоверчивому отношению к так называемым «страстям толпы», отчасти потому, что она чувствует свою солидарность с так называемыми «добродетельными» гражданами, т.-е. с гражданами-собственниками. С другой стороны, демократическая пресса видит, что обстоятельства толкают ее все к более резкой оппозиции, и в борьбе против «новой буржуазной аристократии» ищет опоры в мелкой буржуазии, в неимущей интеллигенции и даже в рабочих.

Чем больше Национальному Собранию, волей-неволей, приходится от возвещения прекрасных принципов обращаться к законодательной работе, к кодификации того нового юридического состояния, которое было создано в силу революции, тем яснее сказываются буржуазные тенденции в депутатах третьего сословия. Они стремятся наладить соглашение вправо, с так называемым умеренно-конституционным дворянством и близкой к последнему по своим воззрениям частью духовенства, они хотят устранить мелкую буржуазию и интеллигентный пролетариат от участия в государственном и коммунальном управлении и односторонне использовать законодательство для упрочения политического господства крупной деловой буржуазии и ее приверженцев из кругов состоятельного высшего чиновничества и свободных профессий.

С раздражением смотрела на эти шаги мелкая буржуазия

и пролетарская интеллигенция, устраненная от вновь созданных должностей по городскому управлению. В июльские дни 1789 года, преисполненные радужных надежд, новую гражданскую свободу они представляли себе не такою. В мелкобуржуазных кругах ожидали наступления эры счастья, политического равноправия, экономического подъема. А в действительности приходится наблюдать, как крупная буржуазия,—которая притом действовала в парижской коммуне с еще большей ревностью, чем в Национальном Собрании,—пользуется политическим положением для того, чтобы обеспечить себе экономические выгоды и подчинить своим целям вновь созданные политические учреждения. Обманутые в своих надеждах, низшие слои народа сначала были охвачены изумлением и негодованием, а потом все более возрастающим раздражением, которое нашло для себя выход в собраниях, памфлетах, но прежде всего—в парижских радикальных газетах: в «Парижских Революциях» и в «Друге Народа».

В предыдущих главах можно было воспроизвести лишь немногие из этих отголосков печати. Они не в состоянии дать представление о том сильном впечатлении, которое производит чтение газет тех дней в их совокупности. Но они во всяком случае показывают, как все больше растет чувство антагонизма по отношению к той «новой буржуазной аристократии», которая заняла место дворянской аристократии, к «деспотизму новых господ», к «олигархии уполномоченных», т.-е. депутатов и гласных. Низшие слои народа, оказавшиеся устраненными от политического управления, все настойчивее добиваются участия в государственном и коммунальном управлении, ссылаясь на то, что именно они выдвинули борцов в решающие, критические дни.

На-ряду с борьбой против придворных интриг и роялистов развернулась борьба против либеральных вождей парламента и парижского коммунального совета. Скоро нападки на дворян-заговорщиков отодвинулись совершенно на задний план, и направление фронтальных атак постепенно, но неуклонно стало передвигаться влево. Главный удар парижских демократов сначала направлялся на умеренных конституционалистов, затем против направления Мирабо—Сийеса—Дюпона, потом против направления Бальи—Лафайета—Шапелье и, наконец, против группы Барнава—Ламета. Это было совершенно естественно: в ходе политического развития одна из этих групп за другою получала решающее значение в Национальном Собрании и в такой же мере, как предыдущая, оказывалась «аристократической», т.-е. одинаково помышляла о том, чтобы обеспечить власть за состоятельной буржуазией, хотя у одной группы преимущественным вниманием пользовались интересы финансистов, кредиторов государства и землевладельцев, у другой—в большей мере интересы торговой и фабричной буржуазии или ученых профессий, занимавших видное положение.

Нападки радикальной прессы не могли отклонить буржуазию Национального Собрания и парижского городского парламента от преследования своих интересов. Из «дерзости» и «бестактности» «смутьянов, советчиков и писак» она сделала только тот вывод, что необходимо еще основательнее, чем было до того времени, охранять политические учреждения от вторжения этих элементов: только так и удастся сохранить решающее политическое положение за состоятельным гражданином, за человеком, у которого есть, что терять, и которому только и свойственно истинное чувство ответственности. Начиная с обсуждения конституции в августе 1789 года, через все производство законов первым Национальным Собранием и через постановления и приказы буржуазии парижского городского управления в равной мере, белою нитью проходит стремление отнять у неимущей массы всякую возможность оказывать свое влияние на законодательство и управление. Средством для этого служит, как старательно обдуманное ограничение активного и пассивного избирательного права, так и создание всевозможных оговорок относительно избрания или назначения важнейших должностных лиц в управлении. Необходимо во что бы то ни стало,—и здесь между всеми «добрыми» гражданами царило полное согласие,—устранить неимущие слои от участия в государственном и городском управлении и дать местным тузам надежный перевес в создаваемых новых коммунальных управлениях.

Однако крупная буржуазия хотела не только управлять. В управлении она видела исключительно средство для отстаивания своих материальных интересов. Поэтому, едва лишь заняв после первых бурь 1789 года прочные позиции в Национальном Собрании и в городских парламентах, она воспользовалась властью для того, чтобы беспощадно уничтожить все помехи, препятствовавшие свободе ее промысловой деятельности, все старые статуты, касавшиеся промышленности, и все привилегии в области налоговой политики. Вместо того она создала налоговую систему (см. главу седьмую), которая подавляющую долю налоговых тягостей взваливала не на нее самое, не на состоятельных граждан, обладавших капиталами, а на сельское землевладение и на мелких промышленников — на промышленную мелкую буржуазию. А на-ряду с этой налоговой системой она сфабриковала уголовные и гражданские законы, которые всесторонне охраняли экономическую деятельность буржуазии, ограждали ее тщательно взвешенными гарантиями, беспощадно отдавали должника на расправу его кредитору, грозили драконовскими карами за нападки на собственность и барыши. И те же законы не только воспрещали для рабочих всякое объединение в профессиональные союзы, через которые они, требуя повышения заработной платы, урезывали бы предпринимательскую прибыль: под угрозою суровых наказаний они воспрещали всякое общение рабочих со своими товарищами в целях обсуждения условий работы и заработка в своей отрасли, всякое принесение коллективных жалоб на существующие в производстве непорядки, — даже всякое выражение общего мнения относительно тех или иных требований, хотя бы то была просто коллективная петиция о повышении заработной платы.

Вся законодательная деятельность первого Национального Собрания удовлетворяет исключительно одному требованию: обеспечить буржуазную собственность и свободное, ничем не нарушаемое пользование ею. Чтобы дать буржуазии эту

уверенность, крупное либеральное большинство Учредительного Национального Собрания предоставляет королю право налагать суспенсивное вето на его собственные постановления, потому же оно предоставляет королю и назначаемому им министерству широкую исполнительную власть, потому же оно страшится посягнуть на верховную власть короля над войском и на старинную феодальную организацию армии, потому же оно старается посредством всевозможных распоряжений превратить национальную гвардию в «претор'янскую гвардию буржуазии». Ради этих целей представительство состоятельной буржуазии хочет, пуская в ход всякие средства, сохранить за королем прежнее властное положение даже после того, как 20 июня 1791 года он бежал из Тюильри, и революционный народ потребовал его низложения. А когда народ добровольно не присоединился к тем примирительным соображениям и софизмам фейльянтов и их прессы, что король не ответственен перед народом, а потому народ и не может привлечь его к ответственности, и 17 июля собрался на Марсовом поле, чтобы подписать массовую петицию, требующую низложения короля, тогда ему ответили залпами национальной гвардии, направляемой Лафайетом и Бальи, либеральным мэром Парижа.

2. Политика промышленных интересов.

1 октября 1791 года, с открытием второго Национального Собрания, начинается новый акт великой драмы классовой борьбы. Открытые сторонники феодального роялизма и аристократии прошли на выборах только в единичных случаях. Их места заняли фейльянты, умеренно-либеральные представители богатой буржуазии и высшего чиновничества. Однако из 766 членов нового Национального Собрания почти треть заявила, что они принадлежат к якобинскому направлению, — разумеется, поскольку для того времени вообще можно говорить об едином определенном направлении якобинства. В действительности уже в конце 1791 года в якобинском клубе можно различить четыре течения: бриссотинское, дантонистское, робеспьеристское и ра-

дикальное парижское направление, которое нашло своих главных представителей в Бильо-Варенне и Колло д'Эрбуа. Скоро эти различия выступили и в Национальном Собрании, тем более, что значительная часть депутатов, избранных в департаменте Жиронды, а также в промышленных и торговых областях Нормандии и Роны и объединенных впоследствии под именем «жирондистов» и «бриссотинцев», представляла продолжателей прежних буржуазных либералов, хотя и отличалась известным налетом демократизма.

Как уже неоднократно упоминалось, Париж в революционные годы 1789—1794 не был ни центром тогдашней французской оптовой торговли, ни центром крупной фабричной промышленности. Париж был городом мелкой буржуазии. Правда, он развился в центральный денежный рынок тогдашней Франции, и финансисты уже при дореволюционном режиме играли там значительную роль, но центрами собственно крупной торговли, в особенности иностранного торгового ввоза и вывоза, были Бордо, Марсель, Тулуза, Каркасона и нормандские гавани, а собственно крупная промышленность раскинулась в Нормандии, Пикардии и в области Арденн, а также в Лионе, в области по нижнему течению Роны и, поскольку дело касается производства железа, в Руссильоне (северные Пиренеи). Парижская мануфактурная промышленность производила главным образом только предметы роскоши, и притом на тесный, ограниченный рынок, именно на собственно город и его более или менее отдаленные окрестности. Главными потребителями были двор, высшая аристократия и высшее духовенство, финансисты, высшее чиновничество и иностранцы, приезжавшие в Вавилон, расположенный на реке Сене.

Из этих различий в положении, какое занимала парижская промышленность, производившая предметы роскоши, и крупная промышленность провинции в тогдашней экономической жизни французского народа, вытекают и различия в ее отношении к революционному движению.

Парижские промышленники, которые находили сбыт в придворных сферах, среди чиновничьей и финансовой аристократии, конечно, решительно ничего не имели против расточительности двора. Сохранить за собою платежеспособ-

ных потребителей,—это представлялось им заповедью самосохранения. Поэтому они были против того, чтобы слишком сильно урезывать доходы соответствующих слоев, и не хотели, чтобы придворные круги и состоятельные иностранцы распугивались из столицы террористическими революционными мерами. Чем больше Париж превращался в центр роскоши, развлечений, искусств, приезжих иностранцев, тем лучше шли у них коммерческие операции, тем выше были их барыши.

Напротив, провинциальные крупные промышленники были лишь очень слабо заинтересованы в платежеспособности этих слоев. Покупателей они находили среди широких слоев зажиточных граждан. Если последние достигали того, что улучшалось их экономическое положение в государстве, то неизбежно повышался и сбыт этих промышленников. Они не получали никаких выгод от расточительности двора, от налоговых привилегий дворянства и высшего чиновничества. Напротив, непомерные королевские расходы, подарки и излишние пенсии разрушали государственные финансы и взваливали на промышленников и их главных покупателей постоянно растущие налоговые тягости. Далее, регламенты Кольбера относительно способов фабрикации, использования сырых материалов, упаковки и т. д. для парижских фабрикантов, производивших предметы роскоши, в несравненно меньшей мере представляли помеху расширению производства, чем для крупных промышленников северной Франции и областей по нижнему течению Роны: ведь парижская промышленность, производившая предметы роскоши, работала на ограниченный рынок, в общем огражденный от заграничной конкуренции, при чем моды определялись самим двором. Напротив, провинциальная крупная промышленность работала на совершенно различные области с разнородными потребностями и спросом, притом не только на французские области, но отчасти, иногда даже в значительной мере, и на иностранные рынки. Общие регламенты до чрезвычайности затрудняли для нее приспособление к изменчивому вкусу и потребностям, необходимое в борьбе с иностранными конкурентами на различных рынках. Поэтому уже в большинстве наказов 1789 года, составленных в указанных

промышленных городах, содержится настойчивое требование уничтожить регламенты Кольбера и надзор за фабриками.

Однако провинциальная промышленность стремилась не только к освобождению от этих стеснений: централизация всего правительственного механизма в Париже представлялась ей пагубной. В настоящее время многие германские торговые и промышленные города с известной завистью смотрят на «безнравственный» Берлин, отвлекающий к себе все силы. Так же смотрели тогда промышленные круги французской провинции на веселящийся Париж, который возомнил о себе, будто он может диктовать остальным областям Франции свои законы, свою мораль, свои мнения. Уже до начала революции среди конституционного деревенского дворянства, проживавшего в провинции, а также в торговых и промышленных городах, обнаруживаются в известном смысле федералистические стремления: требование самого широкого местного самоуправления, т.-е. требование, чтобы дана была возможность решительного приспособления коммунальных учреждений к особым местным потребностям.

Если принять во внимание экономическое положение торговых и промышленных кругов в провинции и учесть их недовольство той иностранной политикой, начало которой было положено союзным договором с Австрией в мае 1756 года (см. главу седьмую), то придется признать совершенно естественным то явление, что они относились к двору и придворному дворянству несравненно оппозиционнее, чем парижские промышленники из отраслей, производивших предметы роскоши. Кроме того, следует указать, что эти города послали во второе Национальное Собрание только немногих фабрикантов и купцов. Избраны были главным образом адвокаты и служащие из городских управлений, которые, как ни проникались они сознанием, что они—представители добродетельных граждан, однако в несравненно большей мере впитали в себя революционные философские идеи, чем члены самого делового среднего сословия.

Эта группа Законодательного Собрания не склонна была слишком долго ждать проведения своих требований. Члены ее чувствовали себя представителями влиятельной части нации: добрых граждан-собственников, и, согласно заявлению

Сийеса, что третье сословие—«все», требовали, чтобы правительственный механизм направлялся в их смысле. А так как у них в новом парламенте не было большинства, если даже они привлекали к себе неустойчивые элементы слева и справа, то перед ними оставался только один путь: обратиться в поисках вспомогательных сил или к демократическо-якобинским депутатам, или к фейльянтам. Однако направлять эти поиски к группе дантонистов, робеспьеристов и радикальных якобинцев представлялось бесцельным: во-первых, потому, что, если бы эти попытки увенчались успехом, это не усилило бы числа жирондистских депутатов настолько, чтобы приобрести решающее значение в парламенте, а, во-вторых, потому, что, как показала едва закончившаяся вторая избирательная кампания, жирондистское и левое крылья якобинского клуба разделялись глубокими различиями в политическом миросозерцании. Представители добрых граждан, как показывают заявления жирондистской печати, уже начали основательно бояться «диких страстей» и «грубой необузданности» черни. Таким образом, для жирондистской группы оставалась только коалиция с старыми либеральными элементами, и она, действительно, постаралась найти у них поддержку. Но радикальные элементы якобинства скоро были охвачены подозрениями, которые в особенности усилились, когда в начале декабря 1791 года граф Нарбонн получил военное министерство, жирондистские вожди начали горячую пропаганду за объявление войны Австрии и потребовали, чтобы Лафайет был назначен главнокомандующим армии. Уже в январе 1792 года в якобинском клубе Парижа жирондистское и мелкобуржуазное демократическое направления вели борьбу между собою, как открытые враги.

Сначала жирондисты имели некоторый успех со своей тактикой. 10 марта 1792 года король увидал себя вынужденным призвать жирондистское министерство, в которое вступили, как поверенные Жиронды, Ролан, Клавьер, Серван и Дюрантон, а 20 апреля Франция объявила войну австрийскому императору. Однако жирондисты не достигли желанного влияния на правительство. Двор умел, пользуясь королем, уклонявшимся от всяких серьезных деловых раз-

говоров, искусно разрушать все реформаторские планы жирондистов, а когда, наконец, Ролан поставил королю своего рода ультиматум, Ролан, Клавьер и Серван 13 июня 1792 года получили отставку.

Теперь жирондисты опять перешли в оппозицию. Они не побоялись даже апеллировать к «диким страстям» народа. Парижская демонстрация 20 июня с ее глупым эпилогом-фарсом в Тюильри—дело исключительно жирондистов, и даже в восстании 10 августа 1792 года Жиронда принимала выдающееся участие.

Теперь жирондистская партия заняла все министерские кресла, за исключением поста министра юстиции, который получил Дантон. Господство «добрых» граждан казалось упроченным. Однако 10 августа не только ниспровергло королевскую власть: оно в то же время положило начало господству в Париже демократического якобинства. Временные комиссары 48 парижских секций, которые руководили народным восстанием 10 августа, а также члены вновь созданного парижского Комитета Общественной Безопасности почти сплошь принадлежали к строго демократическому направлению, отчасти даже к числу так называемых ультра-революционеров. Последующие выборы коммунального совета и должностных лиц в большинстве случаев тоже дали благоприятные результаты для мелкобуржуазной демократии Парижа.

Уже в конце августа 1792 года руководящая газета жирондистов, «Французский Патриот», выходила из себя от ярости против «узурпаторов» городской думы и против ее деспотизма, а через четыре дня по открытии Конвента Жиронда в лице Керсена и там начала свои нападки на «интриганов» и «парижских убийц». Открылась 8-месячная борьба, подробнее описанная в седьмой главе и закончившаяся тем, что главным вождям Жиронды пришлось подняться на эшафот.

3. Расколы среди якобинцев.

Казалось, теперь путь свободен для проведения демократическо-якобинской политики. Однако уже надвигается новая классовая борьба. Парламентская группа, объединившаяся вокруг Дантона, по своим воззрениям и политическим интересам занимала приблизительно среднее положение между жирондистами и демократическими якобинцами. Но одностороннее покровительство жирондистов интересам торгового и промышленного капитала, федералистические симпатии некоторых вождей жирондистской партии, их связи с фейльянтами, высокомерные выступления Луве, Гаде и Иснара, откровенно партийный режим министерства Ролана, а в первую очередь—травля, поднятая жирондистами против так называемых сентябрьских убийц, к числу которых принадлежали Дантон и Демулен,—все это толкало дантонистов к сплочению с робеспьеристским направлением, и в конце концов именно Камиль Демулен руководит атаками, предпринятыми в якобинском клубе против жирондистов.

После того, как вожди жирондистов были исключены из Конвента, дантонисты считали устраненной опасность, угрожавшую им со стороны «государственных людей». Они стремились теперь упрочить республику, т.-е. создать для нее по возможности самый широкий фундамент в слоях образованных граждан. Чего они некогда ожидали от революции, ведь уже было осуществлено. Феодально-абсолютистский режим был ниспровергнут, учреждена республика, создано городское самоуправление, утратили свое значение сословные, служебные и корпоративные привилегии, которые раньше закрывали для беднейших людей с высшим образованием доступ к наилучше оплачиваемым должностям. Таким образом, по воззрениям дантонистов, революция достигла своих целей, может быть, уже зашла дальше. Что же теперь остается еще делать? Дантонисты не питали никакой склонности к такому господству революционной мелкой буржуазии, как установившееся в парижской коммуне, которая в интересах мелких торговцев и рабочих налагала на состоятельных граждан высокие налоги и принудительные займы и старалась толкать Конвент вперед. Они относились к парижской коммуне тем более отрицательно, что, как они ясно видели, в части этой мелкой буржуазии пробивались всевозможные ригористские, или, как тогда говорили, «спартанские» течения, которые им, жизнерадостным жуирам, представлялись варварскими и антикультурными.

Таким образом, те обвинения, с какими буржуазия выступала против парижских «анархистов», нашли глубокое сочувствие у дантонистов. С яростью взирали они на то, что делается в Париже. В конце ноября 1793 года Камиль Демулен пришел к убеждению, что теперь пора, пользуясь своим «Старым Кордельером», перейти в открытое наступление против «ультра-революционеров». Он действовал при этом в согласии не только с Дантоном, но и с Робеспьером, которому тоже не нравилась финансовая и налоговая политика парижского городского управления, но в особенности—атеистическая пропаганда последнего, так как от нее Робеспьер опасался усиления контр-революционных течений в стране, в особенности среди крестьян. Перед отпечатанием Демулен даже доставил Робеспьеру извлечения из двух первых номеров. Но когда своим содержанием газета Демулена вызвала бурю негодования в мелкобуржуазном населении Парижа и когда Демулен начал брать все более резкий тон, Робеспьер предпочел отступить. Однако, в противоположность тому, что обыкновенно утверждают, он не разом поступился Демуленом. Напротив, он предпринял отчаянные маневры, чтобы спасти Камиля Демулена от исключения из клубов кордельеров и якобинцев, что при тогдашних обстоятельствах было почти равносильно политическому изгнанию. И только тогда, когда состоялось исключение, несмотря на то, что Робеспьер в полной мере использовал все свое влияние, и когда явилась опасность, что дальнейшее отстаивание Демулена может тяжко компрометировать самого Робеспьера в глазах народных масс,—Робеспьер, уступая давлению своих ближайших сторонников, в особенности Сен-Жюста, который находился в жестокой вражде с Демуленом, отступился от Камиля Демулена и его друзей. Но еще раньше, чем (5 апреля 1794 года), дантонисты поднялись на эшафот, 24 марта пали головы вождей гебертистов, навлекших на себя ожесточенную ненависть Робеспьера и его клики.

Вместе с тем революция миновала высший пункт своей восходящей линии. Казнь вождей парижских ультра-революционеров лишила робеспьеристскую группу ее прежней сильной опоры в радикальной мелкой буржуазии Парижа.

А так как сохранившиеся у нее приверженцы в зажиточном среднем сословии не давали необходимого базиса для проведения ее политической линии, то она была вынуждена отклониться вправо и искать поддержки у элементов, которые раньше составляли свиту жирондистов и дантонистов. Но среди этих слоев населения робеспьеристы, естественно, натолкнулись на глубокое недоверие, и в то же время их попытки отступления вызвали подозрительность и сопротивление решительных элементов Горы, во главе которых стали Колло д'Эрбуа, Леонард Бурдон и Бильо-Варенн. Таким образом против Робеспьера составились три или даже собственно четыре коалиции. Во-первых, группа членов Конвента, которые раньше шли за Дантоном и не в состоянии были забыть казни их прежнего политического единомышленника; вождями ее были Франсуа Луи Бурдон (депутат от департамента Уазы), Жан Тюрио (Марна), Антуан-Шарль Гарнье (Об), Антуан Мерлен де-Тионвиль (Мозель). Во-вторых, группа радикальных якобинцев под предводительством Колло д'Эрбуа [1]) (Париж) и Бильо-Варенна (Париж). В-третьих, группа членов Конвента, питавших симпатии к казненным шометтистам и гебертистам; вождями ее были Леонард Бурдон [2]), Алексис Вадье (Арьеж), Жан-Анри Вульян (Гард), Жан-Андре Амар (Изер); наконец, в-четвертых, группа «подкупных», скомпрометированных, т.-е. членов Конвента, виновных в подкупности и в использовании своего положения для достижения личных выгод. Если

[1]) Уже раньше между Колло д'Эрбуа и Робеспьером в Комитете Общественного Спасения происходили резкие столкновения, которые кончались даже физическими действиями.

[2]) 14 марта 1794 года, когда были арестованы Гебер, Ронсен, Венсан, Моморо и т. д., Леонард Бурдон (в исторических работах его часто называют Бурдон де-ла-Кроньер) в якобинском клубе выступил с протестом против диктатуры Робеспьера. За это уже в открытом заседании 16 марта Робеспьер в следующих словах набросил подозрение на Бурдона: „Заговорщики уже сбрасывают маски и хотели бы погубить вас. Посмотрите, как они уже стали смелы! Едва соучастники их попали под меч закона, как они дерзают здесь, в вашей среде, излагать свои убийственные для свободы воззрения. Леонард Бурдон похож на тех воров, которые запускают свою руку в карманы соседей в то время как их товарищи стоят на эшафоте. Пока у меня против Леонарда Бурдона только доказательства морального свойства; однако это уже очень много, если он упал в общественном мнении".

бы режим Робеспьера сохранился, им угрожала опасность привлечения к ответственности перед революционным трибуналом. Из их числа следует в особенности назвать Жозефа Фуше (Нижняя Луара), позднейшего министра полиции при Наполеоне I, Жана-Ламбера Тальена (Сена и Уаза) и Станислава Фрерона (Париж).

Так как и остатки жирондистов, конечно, присоединились к противникам Робеспьера, то его падение было только вопросом времени. Это понимали и сами Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст. Отсюда их конвульсивные усилия удержать власть за собою и освободиться в комитетах от всех членов последних, которые оказывали противодействие. Однако суровые насилия только ускорили их падение. 10 термидора (28 июля 1794 года) под гильотиной пала голова Робеспьера, а также головы его младшего брата, Сен-Жюста, Кутона и Анрио.

Может быть, если бы гильотинированием парижских ультра-революционеров Робеспьер не сломил силы сопротивления радикальных якобинцев, господство мелкобуржуазной демократии во Франции продержалось бы несколько дольше. Однако и тогда их дни были бы сочтены: уже в начале 1794 года мы наблюдаем, как почти во всех крупнейших городах Франции усиливается против них оппозиция зажиточных буржуазных элементов и как во многих местах насильственно устраняется существовавший там в коммунах якобинский режим. И прежде всего среди формировавшегося в это время нового крестьянства, освобожденного от старых феодальных повинностей и платежей и сделавшегося состоятельным вследствие довольно широкой купли прежних дворянских и церковных земель, поднимается гнев против господства парижских «каналий», которые не только понижают хлебные цены своей продовольственной политикой, но и хотят ниспровергнуть святую религию и отнять у крестьянина его Христа, его Богоматерь и его святых.

4. Мелкобуржуазное большинство в Парижском коммунальном совете.

А тут еще и якобинское большинство в парижском коммунальном совете тоже далеко не представляло единой сплоченной партии. Оно также разлагалось классовыми противоречиями. Правое крыло этого большинства составляло умеренно-якобинское течение, к которому принадлежали главным образом представители зажиточных низов среднего сословия и свободных профессий. Эту группу можно назвать робеспьеристской группой коммунального совета, так как в существенном она отстаивала те же политические воззрения, как сторонники Робеспьера в Конвенте, с той только разницей, что отстаивала их с большею трезвенностью и деловитостью. Это различие, несомненно, объясняется тем, что, с одной стороны, городская коммунальная политика имела перед собою более мелкие задачи, чем поставленные перед Конвентом, а с другой стороны тем, что среди представителей этого направления в коммунальном совете было значительное количество промышленных элементов Парижа.

Собственно центр якобинства составляли в коммунальном совете представители беднейшей парижской мелкой буржуазии той эпохи: мелких ремесленников, лавочников, низших служащих, более интеллигентной части рабочих. Эту группу можно было бы назвать партией Шометта—Паша—Моморо—Любена. Ее программа—не писаная программа: таковой у нее не было,—а та программа, которая намечается речами, предложениями и голосованиями представителей группы, может быть резюмирована в следующих требованиях: свобода от обложения низших ступеней доходов (прожиточного минимума, составляющего 400 ливров), напротив, решительное обложение богатых при посредстве прогрессивного подоходного и поимущественного налога, использование городских доходов для доставления дешевого хлеба, устройство больниц, учреждений для слепых, госпиталей, приютов и школ для мелких горожан, организация общественных работ (городских построек) для смягчения безработицы, самоуправление парижской коммуны, равное избирательное право для всех, имеющих жительство в Париже, независимо от уплачиваемых ими налогов. Кроме того, в речах отдельных представителей этой группы, напр., в речах Шометта, выдвигаются еще такие требования: раздел части национальных имуществ и передача их в аренду не имеющим способов к существо-

ванию, наказуемость спекуляторских операций с продовольственными продуктами, борьба с «узурпацией рынков» монополистами и торговыми кликами.

Таким образом, у сторонников Ру и Леклера (см. в этом выпуске главу одиннадцатую) не было резкой противоположности с партией Шометта. Они только шли несколько дальше, чем последний, в своих антикапиталистических требованиях,—они хотели, чтобы законами о налогах и торговле было по возможности предотвращено накопление крупных капиталов и взвинчивание цен.

Левое, меньшее, крыло якобинства в парижском коммунальном совете составляло направление Гебера, которое тоже опиралось на известную часть мелкой буржуазии и рабочих; но в существенном его позиция определялась интересами и воззрениями пролетарской интеллигенции. От двух других течений оно отделялось больше всего отклонением в своих воззрениях на государство. Направление Робеспьера, а в существенных чертах и направление Шометта относило к ведению государства самые широкие социально-политические задачи и в виду таких целей требовало, чтобы государство было всемогущим и чтобы благо личности было подчинено общему благу. Напротив, гебертистское направление отстаивало тот взгляд, чтобы государственные законы насколько только возможно не ограничивали свободы индивидуума. Поэтому гебертистское направление обнаруживало слабое понимание задач коммунальной социальной политики, хотя, считаясь со своими мелкобуржуазными сторонниками, оно часто подавало свой голос за предложения Шометта. Инициатива той реформаторской социальной политики, к которой приступает парижский коммунальный совет по низвержении жирондистов, исходила почти исключительно от Шометта и его ближайших политических единомышленников. Он сам разрабатывал предложения об устройстве больниц, госпиталей, приютов для престарелых, о реформе школьного дела и помощи бедным в Париже. Он же с успехом выступил за учреждение консерватории и за открытие больших парижских библиотек по будничным дням.

Благодаря этому Шометт приобрел большую популярность среди неимущих буржуазных кругов, но тем ненавистнее становился он для состоятельных. Конечно, на устройство всех учреждений, которые Шометт предлагал коммунальному совету, требовались деньги; а так как средства столицы были совершенно исчерпаны, то каждый раз, когда коммунальный совет принимал одно из таких предложений Шометта, это знаменовало новое увеличение налоговых тягостей. Особенно сильное сопротивление встретило предложение, которое Шометт провел в заседании коммунального совета 23 ноября 1793 года: за коммунальный счет доставить работу безработным, т.-е. организовать городские общественные работы. Чтобы добыть необходимые денежные средства для этой цели, коммунальный совет по предложению Шометта постановил ввести коммунальный прогрессивно-поимущественный налог.

Но, пожалуй, в различии воззрений на нравственность характер обоих партийных течений сказывается еще рельефнее, чем в различиях их отношения к социально-политическим задачам коммуны. И здесь Гебер был сторонником правила: «laisser faire, laisser aller» (все предоставить собственному течению). В каких половых отношениях хочет жить кто-либо, полагал Гебер, это надо предоставить ему самому и его побуждениям. Напротив, шометтисты требовали «республиканских добродетелей», т.-е. солидной семейной жизни, простого образа жизни и строгости нравов. Поэтому, как парижский городской прокурор, Шометт горячо отдался «чистке Парижа»: уничтожению кабачков, где собирались проститутки, игорных притонов, домов терпимости, борьбе с распущенностью проституток на самых больших и многолюдных парижских улицах,—это явление при республике мало-по-малу выросло до таких размеров, что ничего подобного раньше никогда не наблюдалось при старом режиме. А когда все строгости не привели ни к чему, в заседании коммунального совета 13 ноября 1793 года Шометт провел воспрещение домов терпимости и открытой проституции и начал против последней беспощадную борьбу. Но он достиг только того, что с главных улиц проституция перекинулась в отдаленные углы, а проститутки, которые и без того лучших клиентов находили среди бога-

тых, вместе со своими содержанцами окончательно перешли на сторону реакции. Всякий раз, когда возникали сходбища и устраивались демонстрации протеста клерикалов и роялистов, здесь оказывались и проститутки вместе со своими альфонсами и поднимали шум и вопли против «анархистского» городского управления.

Шометт отнюдь не был строгим человеком в религиозном смысле. Свободный брак, заключенный «пред лицом солнца», без вмешательства церкви и не зарегистрированный в городских списках, в его глазах имел такую же моральную ценность, как заключенный по законам брачный союз. Для этого необходимо только, чтобы связанные свободным браком вели правильную семейную жизнь. Но он относился положительно с фанатической ненавистью к проституткам и к тем женщинам, которые, вместо того чтобы кормить детей, как-будто считают, что без них не могут обойтись все эти общественные процессии, парады, собрания и т. д. При его строго спартанском миросозерцании они представлялись ему «губительницами грядущего поколения».

Поэтому совершенно превратно было бы, как делается в большинстве исторических работ, изображать Шометта и Гебера единомышленниками. С совершенно такими же основаниями можно было бы сказать, что одно и то же политическое направление представляют такие люди, как Бриссо, Дантон, Робеспьер, Бильо-Варенн: ведь они по временам объединялись в оппозиции против роялистов. В действительности Шометт и Гебер были как бы две совершенно различных лошади, которых малоразборчивое благоволение парижского народа заложило в коммунальные оглобли. С одной стороны — несколько педантический, трудолюбивый Шометт, который добросовестно отбывает свои присутственные часы, всегда помышляет о новых учреждениях на общее благо, хочет освободить Париж от безнравственности и, в конце концов, поднимается на эшафот таким бедняком, что его сыну простым рабочим приходится отыскивать заработок. А с другой стороны — жизнерадостный, падкий до наслаждений Гебер, который, как только газета дает ему для того средства, немедленно обзаводится каретами и лакеями, по всем правилам искусства грабит военного министра или,

вернее, государственную казну, поставляя свою газету в войска, находящиеся в походе, старается расфрантиться, как аристократ-жуир, и быть повсюду, где только имеется возможность играть известную роль, но боится всякого интенсивного, напряженного умственного труда.

И поскольку анархистический рационализм Гебера оказывается близким к манчестерскому взгляду на государство, характерным для направления Гебера становится то благоволение, с каким относилась к нему известная часть финансистов. Кроме богатого барона Иоганна Баптиста Клоца (Анахарсис Клотс), к числу покровителей группы Гебера принадлежали два голландских банкира — братья де-Коки — и испанский банкир Гузман.

Конечно, эти различия проявлялись во вне лишь очень слабо. Противоречия отодвигались назад той борьбой за существование, которую парижское коммунальное управление вело против Жиронды и против дантонистской и робеспьеристской партий Конвента и которая заставляла большинство коммунального совета сплачиваться и общими силами давать отпор. Но более чем вероятно, что, если бы у партийных течений коммунального совета были время и возможность упрочиться и приступить к осуществлению своих требований, противоречия столкнулись бы здесь не менее резко, чем в Конвенте.

5. Парижская мелкая буржуазия и католическая церковь.

Несмотря на всю противоположность своего миросозерцания миросозерцанию Гебера, Клотса, Перейры и т. д. мелкобуржуазно-демократическое большинство коммунального совета часто шло на буксире за ними, т.-е. за индивидуалистически-анархическими элементами парижского революционного движения. Так было, напр., в случае с борьбой против католической церкви и с пропагандою атеизма.

Атеизм тех дней был специфическим духовным достоянием академических кругов, — не только интеллигентных пролетариев, но и многих либеральных ученых и даже многих членов духовного сословия. Напротив, в занятом промышленностью среднем сословии, а также среди мелкой

буржуазии и рабочих, если не говорить об исключениях, он никогда не пускал более или менее глубоких корней. Конечно, народ ненавидел священников, которые отказывались принести присягу конституции, и часто выкидывал с ними злые штуки; но это—исключительно потому, что в этих священниках народ видел «аристократов», партийных единомышленников дворянства и эмигрантов, которые вели борьбу против Франции, заговорщиков против так называемых народных свобод. Эта враждебность не распространялась на духовных, которые жили среди народа и ограничивались исполнением своих церковных обязанностей. И еще того меньше направлялась она против культа Пресвятой Девы, святой Вероники, святой Женевьевы (покровительницы Парижа) или против других святых, пользовавшихся особым почитанием в низших слоях народа. От невежества этих слоев отскакивали, не производя никакого действия, философские теории великих материалистов. Ход развития идей восемнадцатого века оставался для них книгой за семью замками. Они могли схватить выдвинутые революцией экономические и политические вопросы, хотя бы часто лишь очень поверхностно и грубо: здесь суровым учителем для них была их собственная жизнь и те гнет и нищета, которые они чувствовали на собственной шкуре. Но они не понимали нападок на католические догматы и философских умозрений об отношении материи и духа или о существовании Бога. И притом так было не только в деревенских частях Франции, где у крестьян все еще сохранялся самый грубый средневековый культ святых и чудес, но и в Париже, умственном центре Франции. Поэтому борьба против католической церкви неоднократно приводила вождей мелкой буржуазии Парижа к серьезным конфликтам с их сторонниками, и то равнодушие, с каким парижская мелкая буржуазия отнеслась к аресту Гебера и его единомышленников, по крайней мере отчасти, объясняется тем, что они своими атеистическими учениями восстановили против себя многих из своих собственных избирателей.

Это можно вкратце иллюстрировать немногими примерами из истории религиозной борьбы в Париже.

1 июня 1792 года, когда в Париже предстоял праздник тела Христова, всегда ознаменовываемый большой процессией, городские власти издали следующий приказ:

«В полном уважении к праву каждого человека совершать культ, признаваемый им, муниципалитет постановляет, чтобы граждан впредь не могли принуждать, как было раньше, украшать свои дома и обвешивать коврами, что национальная гвардия должна только предотвращать беспорядки при религиозных церемониях, а не участвовать в них in corpore с оружием в руках, и что, наконец, торговля, промышленность и уличное движение не должны прерываться из-за церковного торжества».

Приказ не воспрещал процессии, не возбранял отдельным национальным гвардейцам принимать в ней участие, не воспрещал гражданам украшать свои дома и закрывать свои торговые или промышленные учреждения. Все сводилось к тому, что национальная гвардия не должна как целое участвовать в процессии со своими знаменами и значками и что нельзя принуждать к закрытию лавки гражданина, который не хочет этого.

Однако приказ вызвал в Париже великое возмущение. Граждане устраивали сходки, на коммунальный совет дождем сыпались угрожающие письма, в конце концов граждане отдельных районов обратились даже к совету департамента с требованием без всяких околичностей отменить распоряжение парижского коммунального совета. Однако это была только увертюра. Когда в день праздника тела Христова процессия двинулась в путь, почти вся национальная гвардия, вопреки воспрещению начальства, присоединилась к шествию, и на всех улицах, по которым шла процессия, лавки граждан, которые не были закрыты, и неукрашенные дома подвергались разгрому, а владельцы были избиты до крови. Но особенно плохо пришлось тем, кто не падал на колени в уличную грязь перед плащаницей: нафанатизированная толпа била их смертным боем, и даже популярный в массах Лежандр лишь с трудом избежал смерти.

Еще более энергичное сопротивление встретили городские власти Парижа, когда они, согласно постановлению Конвента, решили уничтожить несколько парижских женских

монастырей и когда на святках 1792 года они воспретили совершение рождественской мессы, которая обыкновенно завершалась дикими сценами уличных бесчинств. Только одна единственная из всех 48 парижских секций согласилась с этим запрещением: все остальные были охвачены возмущением. Несколько секций, в том числе и революционный район Арсенала, отправили даже в Конвент депутации граждан с требованием отменить приказ. В действительности у городского управления не оказалось возможности настоять на своем воспрещении. Громадные полчища женщин,—по сообщениям революционной печати, во многих случаях проституток,—переходили от одной церкви к другой и заставляли священников читать мессу. Аббатов церквей св. Евстафия и Сен-Жермен, которые из страха наказания отвечали отказом, притащили насильно.

При праздновании трех святых королей (волхвов) и при торжестве в честь святой Женевьевы разыгрались бурные сцены в церквах и перед церквами. То же повторилось и на празднике тела Христова в 1793 году. Хотя процессии были разрешены только внутри церквей, однако в некоторых парижских приходах,—напр., в приходах св. Мартина и св. Магдалины,—были устроены публичные процессии, а в приходе св. Евстафия толпа женщин под предводительством дам рынка подошла к зданию комитета секций и так там бесновалась, что комитет в конце концов разрешил устраивать публичные процессии, но только без музыки. Пригороды еще меньше считались с запрещением, чем внутренние части Парижа. Почти повсюду при большом стечении мелких мастеров и рабочих публичные процессии двигались по улицам, украшенным, как и в старину, коврами, зеленью и цветами, а в некоторых местах, где инакомыслящие неодобрительно отзывались о процессии, произошли кровавые побоища.

Не все участники этих демонстраций присоединялись к ним по религиозным побуждениям. Для некоторых действительным мотивом были коммерческие соображения: религиозные торжества, прежде всего, так называемые большой и малый праздники тела Господня, доставляли крупные доходы торговцам материями и модными товарами, цветочным

магазинам и цветочницам, торговцам коврами, священными предметами, крестами, резными товарами и разными предметами «на память», и торговцы не ощущали никакой склонности отказаться от этих доходов.

В сентябре и октябре 1793 года пришли в Париж известия о крестьянском восстании в Вандее и о той низкой роли, какую играло в нем духовенство. Конечно, благодаря этому и в некоторой части мелкобуржуазных кругов Парижа в первое время произошел известный поворот.

В первых числах ноября некоторые духовные начали отказываться от своих должностей,—так, напр., епископ Гобель со своими викариями. Эти шаги встретили одобрение в секциях, и некоторые радикальные районы постановили немедленно посвятить свои храмы культу отечества и свободы. Но эти постановления в несравненно большей мере были демонстрациями против предательства духовенства, чем против католических учений. Это ясно выразилось в том, что праздник в честь Разума, устроенный 10 ноября в соборе Парижской Богоматери, вызвал сильные протесты мелкой буржуазии, а появившееся через несколько дней в «Отце Дюшене» сообщение о сожжении мощей св. Женевьевы вызвало в мелкой буржуазии и рабочих такую бурю негодования, что в различных частях города и пригородов разносчиков газеты избивали и угрожали им смертью.

Несмотря на то, парижский коммунальный совет, раздраженный обращенными к крестьянам призывами к восстанию, исходившими от священников, нарушивших присягу, продолжал свою борьбу против католической церкви. По предложению одной из 48 секций, он 17 ноября 1793 года постановил, что впредь не допускаются церковные погребения при активном участии священника, а вместо священника коммунальный комиссар должен сопровождать каждого покойника до могилы. 23 ноября коммунальный совет постановил, что все католические церкви Парижа подлежат закрытию.

Эти постановления натолкнулись на возражения многих якобинцев даже радикального направления, а Робеспьер и его политические единомышленники, которые уже давно с едва скрываемой яростью смотрели на антирелигиозные меры

коммунального совета, воспользовались этим благоприятным случаем, чтобы выступить против городского управления. Официальная газета робеспьеристского направления в Конвенте «Journal de Montagne» («Газета Горы») начала резкую полемику против статьи Ронселена, который высказался в духе Гебера за воспитание детей без религиозного обучения. В то же время Робеспьер, поддержанный Дантоном, в Конвенте и в якобинском клубе открыл энергичный поход против «атеистов», которых он обвинял в том, будто они продались врагам Франции, чтобы сделать французскую нацию ненавистной в глазах заграницы и разнуздать во Франции религиозную войну.

Сначала Гебер, Шометт и Паш сделали попытку отразить нападение Робеспьера, хотя доводы Робеспьера нашли в якобинском клубе несравненно более сочувственный прием, чем даже в Конвенте. Но после речи, произнесенной Робеспьером в Конвенте 28 ноября 1793 года, Шометт и Гебер сочли за лучшее начать отступление. Шометт произнес в коммунальном совете речь, в которой он высказался за свободу христианского богослужения и закончил признанием: «внимательные наблюдения привели меня к убеждению, что воля народа—не за атеизм». А Гебер в своей газете возвысился даже до удивительного заявления, будто он никогда не был атеистом и всегда проповедывал только евангельскую мораль. Однако Робеспьер решил до конца использовать сложившееся благоприятное положение для того, чтобы расшатать политическую позицию парижской коммуны. 6 декабря он достиг того, что Конвент издал декрет, решительно возбранявший всякия насилия и угрозы, направленные против свободы богослужения.

6. Класс и партия.

Из этих и тому подобных примеров революционной борьбы партий консервативные историки сделали тот вывод, что в революции в конце концов всегда у власти становится самая радикальная партия, так как она в то же время и наиболее энергичная; но что крайний радикализм, неспособный осуществить свои неумеренные требования, задыхается в собственной крови, и тогда из хаоса поднимается кверху диктатор, Кромвель или Бонапарт, который сильной рукой восстановляет порядок. Как ни банален, ни поверхностен такой вывод, в нем заключается некоторая доля исторической истины,—поскольку до сих пор в большинстве революций на политическую арену одна за другою выступали различные партии и оспаривали господство друг у друга.

Сначала для общей борьбы каждый раз объединяются все слои народа, заинтересованные в низвержении существующего; сосредоточение всех сил на борьбе против существующего отодвигает противоречия, разделяющие их самих, на задний план или заставляет считать их второстепенными, неважными. Но едва лишь революционные союзники побеждают и переходят к преобразованию политических учреждений, к кодификации тех требований, которые они предъявляют к праву, как они открывают,—и почти всегда первым открывает это слой, который в первую очередь достигнет власти,—что с требованиями свободы у них были связаны разные представления и что эти представления во многих случаях противоречат друг другу. Так против «новой аристократии», достигшей господства, складывается новая оппозиция, которая в свою очередь объединяет все элементы, недовольные существующим, пока, наконец, не достигнет господства эта новая оппозиционная партия и не придет к совершенно такому же опыту, как ее предшественница.

Для того, кто не понимает, какое действие оказывают в истории классовые противоречия, эта пестрая смена представляется безумной игрой человеческих страстей и грубых насильнических инстинктов. В действительности здесь перед нами—просто отдел общего хода истории, которая, как говорит Маркс в «Коммунистическом Манифесте», является исключительно «историей борьбы классов». Разница только в том, что в обычные времена борьба развертывается медленно, в более спокойных формах, а в революционные периоды развитие усваивает, напротив, более быстрый темп, и классовые противоречия идут к разрешению быстрее, с большею импульсивностью: ведь справед-

ливо часто высказываемое утверждение, что революция отнюдь не представляет противоположности эволюции. Революция—тоже эволюция, но это—сконцентрированный, ускоренный отдел развития.

Мы открываем, что в начале всякой революции понимание классовых противоречий, классовое сознание, достигает большей ясности только у тех слоев, которые непосредственно борются за господство, т.-е. у классов, которым уже принадлежит власть, или у тех, которые по условиям исторического развития в первую очередь призваны к власти. В низших классах еще не пробудилось сознание их особенного положения. И лишь после того, как революция ставит в господствующее положение различные классы один за другим и дает им возможность осуществлять свои требования, *она раскрывает, как различно то содержание*, которое до того времени связывали с одинаковыми лозунгами и формулами классы, восставшие против существующего, и как за выступившими наружу противоречиями скрывались другие классовые различия, на которые до того времени не обращали внимания.

Даже класс, который уже чувствует в себе класс, еще не представляет чего-то внутренне ограниченного, единого, а, являясь продуктом исторического развития, сам изменяется с этим развитием. Точно так же и содержание, объем и внешняя формулировка тенденций классовой борьбы не есть нечто застывшее, неподвижное, неизменное, а представляет нечто такое, что изменяется как с упрочением самого класса, так и с переменами во всей той общественной формации, среди которой класс существует. В начале развития класса его классовое сознание неизменно имеет лишь общий и инстинктивный характер. Кристаллизационным пунктом для него является исключительно то основное представление, что все другие слои пренебрегают справедливыми требованиями этого поднимающегося класса. Лишь мало-по-малу, в процессе классовой борьбы, вырабатывается сознание отдельных конкретных различий, и лишь относительно поздно класс познает исторически данные условия своего существования, как класса. Полного сознания своего антагонизма по отношению к другим классам и его специфически классового характера класс достигает лишь тогда, когда он сам добивается господства и начинает вопреки другим классам осуществлять свои требования на практике.

В своей «Нищете философии» (ответ на «Философию нищеты» Прудона) Маркс говорит:

«Экономические отношения сначала превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы общность положения, общность интересов. Таким образом, эта масса—уже класс по отношению к капиталу, но еще не класс для себя. В борьбе, которую мы охарактеризовали только в некоторых ее фазах, эта масса объединяется, конституируется как класс для себя. Интересы, которые она защищает, становятся классовыми интересами».

Этих положений часто не понимали. Рабочие являются классом сначала по отношению к капиталу, т.-е. для буржуазии, и лишь потом для себя. Что это значит? Кто ближе изучал классовую борьбу в различных революциях, тому понятно, что означает это утверждение: оно означает, что класс, достигший господства, много раньше познает свой антагонизм к новым поднимающимся классам, чем они сами. Эта более ранняя познавательная зрелость господствующего класса—факт, который можно проследить в большинстве, пожалуй, во всех революциях; во французской революции 1789—1794 годов—с наибольшею ясностью. Когда французская буржуазия, благодаря взятию Бастилии, достигла господства, она уже знала совершенно точно, какие противоречия отделяют ее от массы мелкой буржуазии и рабочих. Уже в июльские дни она приняла свои меры с той целью, чтобы смирить те слои, которые своею борьбой на улицах завоевали для нее власть. И весь последующий период законодательства показывает нам, как «новая буржуазная аристократия» в Национальном Собрании и в парижском коммунальном совете систематически возводит свои законодательные окопы против низших слоев,—а масса между тем все еще предается наивным иллюзиям и не понимает, что происходит. И точно такое же зрелище повторяется еще раз, позже, когда политического влияния достигает Жиронда. Те противоречия, которые отделяют ее

от радикальных якобинцев, она познает много раньше, чем эти последние.

Это само собою понятно после всего сказанного выше о развитии классового сознания. Поднимающийся слой еще не успел осознать своего особенного характера, он оперирует еще с совершенно расплывчатыми идеями свободы и преобразований; естественно, что различий, отделяющих его от стремлений других слоев, он не схватит с такой отчетливостью, как группа, которая в ходе своего развития достигает политической власти и ставит совершенно определенные, конкретные текущие требования.

Характер класса затушевывается благодаря тому, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», т.-е. класс ведет свою борьбу на политической арене как партия. Но условия развития и деятельности для партии и класса различны. Из характера класса вытекает, что его специфические особенности вырабатываются все с большею рельефностью и что он все резче отграничивается от других классов, как самостоятельная группа. Напротив, партии приходится стремиться к тому, чтобы приобрести политическое значение, и с этой целью по возможности увеличивать число своих сторонников, все время помышлять о завоевании новых приверженцев: только при этом условии у нее и будет возможно сильное представительство там, где решаются политические вопросы. Но каждую партию, ведущую борьбу против существующего государственного строя, это стремление само собою приводит к тому, что она старается объединить вокруг себя все элементы, недовольные этим строем, и найти общую с ними почву борьбы, не обращая внимания на классовую принадлежность союзников. Результат всегда тот, что такая партия выдвигает на первый план общие политические требования своих сторонников и что, напротив, отодвигаются назад такие социальные требования, которые способны возбудить распри между отдельными частями приверженцев.

С тех пор, как существуют классы и партии, это явление повторяется постоянно, так как оно обусловливается самым существом партии. Правда, часто говорят о классовых партиях; но класс и партия почти никогда не совпадают, а в тех исключительных случаях, когда имеется известное совпадение между ними, мы имеем перед собою не новые слои, которые стремятся к политической власти, а всегда такие группы, которые уже продолжительное время держали власть в своих руках и за это время сумели произвести округления во все стороны. Конечно, идущая кверху партия обыкновенно объявляет себя представительницей определенного слоя населения; но она—классовая партия лишь в том смысле, что она усвоивает притязания этого слоя на политическую власть, а не в том смысле, что она представляет исключительно только его интересы и исключительно в нем находит своих приверженцев. И если бы даже партия этого хотела, это не в ее силах: ведь класс, представляемый ею, как уже было сказано выше, и сам в первое время еще не представляет внутренне единого, обособленного в себе социального целого. Только в ходе классовой борьбы он превращается в единый класс, проникнутый пониманием своего исторического базиса и своего особенного характера, а своего завершения всегда достигает лишь как господствующий класс, но никогда не достигает его раньше.

Это не препятствует тому, что революционные «классовые партии» всегда видят в себе нечто единое по своей воле и стремлениям, и хотя в их собственных рядах обнаруживаются различия в понимании их отношения к другим партиям, однако эти различия они объясняют не наличностью разнообразных классовых расслоений в собственной партии, а ошибками во взглядах и недоразумениями. Это вытекает, во-первых, из инстинктивного стремления сохранить свою партию как можно более сильной в той борьбе, которую она должна вести: она добровольно, без принуждения, не хочет поступиться ничем из своих действительных или воображаемых сил. И, во-вторых, из того взгляда, который снова и снова сказывается во всех революциях последних столетий, будто у лиц, у которых имущественное положение однородное, и политические интересы оказываются одинаковыми, и потому они должны одинаково относиться к вопросам, выдвигаемым революцией. Этот взгляд часто высказывается и в настоящее время; но, тем не менее, с исторической точки зрения он ошибочен. Конечно, однородное экономически-со-

циальное положение—самый главный момент, которым определяется класс; но экономически-социальное положение не тождественно с имущественным положением, или размерами дохода. Главное сводится к тому, какое положение занимает лицо в совокупном экономическом процессе, к той связи, к той зависимости, которая устанавливается между экономическим существованием индивидуума и экономическим механизмом в целом. Мы пришли бы к нескончаемым противоречиям, если бы подошли к истории с тем взглядом, будто экономическое положение, определяемое состоятельностью, оказывает решающее влияние на классовую и партийную позицию. Тогда мы увидали бы, что зажиточные слои населения часто обнаруживают в своих выступлениях бо́льшую революционность, чем слои, находящиеся в худшем положении. Так, напр., в великой французской революции мы наблюдаем, что собственно сельское дворянство выступает за конституцию, придворное и чиновное дворянство—нет; провинциальные крупные промышленники и оптовые торговцы, хотя они часто богаче, проявляют более решительный демократизм, чем парижские промышленники, производящие предметы роскоши; прислуга несравненно враждебнее относится к свободным учреждениям, чем интеллигентные профессии; мелкий крестьянин политически мыслит совершенно иначе, чем парижский мелкий ремесленник, и, пожалуй, наиболее контр-революционные элементы парижского населения представляют купеческие сыновья, торговые служащие, сутенеры (альфонсы) и парижские проститутки. Эти различия в отношении к революционному движению, конечно, никак нельзя вывести из различий имущественного положения.

Итак, кто хочет понять теорию классовой борьбы и классовую борьбу современности, ее историческое развитие и ее тенденции, тот должен изучать историю революции и в особенности—историю той мощной классовой борьбы, которая разыгралась во Франции конца XVIII века: столкнувшиеся в ней противоречия не изжиты и в настоящее время, так что борьба современности во многих отношениях является лишь продолжением борьбы 1789—1794 годов.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Кунов характеризует важнейшие партии, последовательно поднимавшиеся к власти, начиная с правых и кончая левыми. Но политическую позицию каждой партии он рассматривает за весь период 1789—1794 годов. В виду этого первые главы предполагают некоторое знакомство с событиями позднейших годов, охватываемых книгой. Чтобы помочь читателю, мы даем краткий перечень событий в их хронологической последовательности.

1774 год. По смерти Людовика XV, королем сделался его внук Людовик XVI. Сформирование министерства было поручено графу де-Морепа. С 1776 года министр финансов Тюрго, один из виднейших представителей физиократической школы в политической экономии делает попытки обновления Франции на началах «просвещенного абсолютизма». Под натиском привилегированных сословий он был отставлен, и почти все его скромные реформаторские начинания уничтожены. Новый министр финансов, женевец Неккер, увидал необходимость привлечь к податному обложению привилегированные сословия—дворянство и духовенство. Но, хотя он еще не приступил к своим, более чем скро́мным, финансовым реформам, его планы вызвали страстную оппозицию в дворянских и придворных кругах. Тогда Неккер опубликовал свой доклад о финансовом положении. Это было открытой попыткой опереться на общественное мнение. Но как раз потому для господствующих классов он был положительно недопустим в качестве министра. Неккер получил отставку. Министерство финансов перешло к Калонну, ставленнику придворных кругов, невежественному придворному, который беспрекословно исполнял все, что у

него требовали придворные сферы. Он возвестил то утешительное воззрение, что безумная роскошь и расточительность двора не только не расшатывают финансов и всей экономической жизни, а, напротив, прямым путем ведут к процветанию промышленности и торговли. Взиманием налогов за несколько лет вперед, продажей и залогом некоторых государственных имуществ он сумел в короткое время добыть крупные суммы,—он, казалось, как волшебник, добывал средства из ничего; но и растрачены эти суммы были в самое короткое время, государственный долг за несколько лет увеличился на 1 миллиард 200 миллионов ливров, бюджетный дефицит составил 30 миллионов: колоссальные цифры для тогдашней Франции. Вплотную надвигалось государственное банкротство.

В конце концов, и Калонну пришлось признать, что без обложения привилегированных сословий нет выхода. Чтобы провести реформу с их согласия, по предложению Калонна в Версале 22 февраля 1787 года были созваны нотабли—представители привилегированных сословий от всей Франции. Из 137 человек только восемь лиц были лицами недворянского происхождения, но и это были представители привилегированной части третьего сословия, члены правящих городских патрицианских фамилий. Остальные нотабли были представителями дворянской и церковной аристократии. Началась сложная игра. Калонн всю вину за финансовую разруху возлагал на Неккера. Нотабли в свою очередь утверждали, что дело не в сословном строе Франции и не в налоговых привилегиях дворянства и духовенства, а в полной неспособности Калонна: пожертвовав Калонном, они хотели спасти свои привилегии. Двор по видимости пошел навстречу их желаниям. Калонн получил отставку, на его место был назначен архиепископ Тулузский де-Бриен, являвшийся ставленником Марии Антуанеты. Но даже и де-Бриен увидал себя вынужденным провести некоторые реформы, которые, хотя и с величайшей робостью, но все же ограничивали привилегии дворянства и духовенства. Однако уже это вызвало оппозицию нотаблей: они были непреклонны в защите привилегий. 25 мая 1787 года собрание нотаблей было распущено. Де-Бриен полагал, что

свои реформы он проведет через парламенты, которые не откажутся внести в свои регистры те эдикты, которыми проводились налоговые перемены. Однако парижский парламент отказал в регистрации. Более того: он заявил, что только Генеральные Штаты имеют право утверждать новые налоги. Хотя оппозиция парламента, как и нотаблей, диктовалась стремлением защитить интересы привилегированных сословий и была просто особым тактическим приемом этой защиты, у широких масс получалось такое представление, как будто нотабли и парламент борются против двора за интересы всей нации. Третье сословие с напряженным вниманием наблюдало за развертывающейся борьбой. К парижскому парламенту применили обычную в таких случаях меру понуждения. Он был созван на «королевское заседание», и по приказанию короля, явившегося в заседание, финансовые эдикты были занесены в парламентские регистры. Но растущее в третьем сословии возбуждение давало парламенту опору для продолжения борьбы. Парламент заявил, что вынужденная регистрация эдиктов лишена какого-либо юридического значения и не дает им законной силы. За это парламент был в полном составе сослан в Труа.

Однако финансовый развал становился все более грозным, а явное нарастание брожения в третьем сословии лишало двор той решительности, без которой невозможно применение насильственных мер. Де-Бриен постарался склонить парламент на свою сторону. Обработав несколько членов, он весь парламент возвратил из ссылки в Париж. Перед парламентом де-Бриен выступил с проектом займа, который предполагалось заключить в течение четырех лет, и обязался в течение этого же срока созвать Генеральные Штаты. Но принц Орлеанский, который в эти годы вообще вел двусмысленную игру, как будто прокладывая себе дорогу к короне, организовал в парламенте оппозицию, которая на новом «королевском заседании» отвергла все проекты де-Бриена. Вместо примирения с парламентом, несколько его членов было арестовано и посажено в тюрьму, принц Орлеанский выслан в один из его замков. Это было первым шагом к окончательному упразднению парламента и, по крайней мере, к величайшему ограничению его старинных пол-

номочий. Узнав о подготовке к государственному перевороту, парламент в свою очередь начал действовать, защищая свое привилегированное положение. В апреле 1788 года он принял ряд постановлений, которые в условиях того времени представлялись прямо революционными. Он объявил незаконными все внесудебные приказы об арестах и все внесудебные аресты. Он заявил, что основные законы Франции требуют утверждения всех новых налогов Генеральными Штатами, несменяемости судей, права парламентов отвергать эдикты, противоречащие основным законам, гарантий для каждого гражданина от произвольных арестов и т. д.

Тем не менее де-Бриен решил произвести государственный переворот. 8 мая 1788 года появились эдикты, которые отнимали у парламентов право вносить или не вносить королевские эдикты в свои регистры. Учреждалась особая верховная палата, cour plenière, которая фактически упразднняла парламент в качестве высшего государственного учреждения и составлялась из лиц по назначению двора. Число членов парламентов сильно сокращалось.

Парламенты всей Франции протестовали против этих эдиктов и наперед объявляли лишенными чести тех лиц, которые примут назначение в члены верховной палаты. Дворянство посылало ко двору депутации, которые тоже протестовали против этих эдиктов. Двенадцать членов одной такой депутации, по приказу короля, арестовали и засадили в Бастилию, но через несколько дней явилась новая дворянская депутация, уже из пятидесяти человек. Это был либеральный «бунт», вдруг охвативший всю Фран[illegible]ю, и в первую очередь—привилегированные сословия. Но он развивался в такой обстановке, которая затушевывала и скрывала его истинную подоплеку: борьбу за старинные привилегии. Так как оппозиция выступала против двора и, в поисках более широкой опоры для себя, придавала своим требованиям не узко-сословную, а обще-государственную, «общенациональную» формулировку, то и третье сословие шло за этой оппозицией. Двор не мог положиться на армию как раз потому, что все командные должности в ней были заняты дворянами.

Двор пошел на уступки. Новый королевский эдикт упразднил верховную палату, cour plenière, и возвестил, что на 1 мая 1789 года будут созваны Генеральные Штаты. Но государственные финансы не могли ждать до того времени. Де-Бриен выступил с рядом проектов, которые могло продиктовать только отчаяние перед надвинувшимся вплотную государственным банкротством. Однако, так как он ничего не устроил за время своего министерства, а только повел своими мерами к усилению и широкой организации оппозиции, от него теперь все отвернулись. В августе 1788 года он получил отставку, и на его место был опять назначен Неккер.

Готовясь к созыву Генеральных Штатов, Неккер опять встретился с противодействием парламента. Он хотел, чтобы представителей третьего сословия было вдвое больше, чем представителей дворянства и духовенства, вместе взятых, и чтобы голосования происходили по-головно, а не по-сословно. Парламент отказался зарегистрировать соответствующие эдикты. Неккер на время, оставшееся до созыва Генеральных Штатов, хотел опереться на собрание нотаблей и предполагал собрать их в ноябре 1788 года в Версале. Но и этому воспротивился парламент. Встречая сопротивление, Неккер каждый раз беспомощно отступал и оставлял вопрос нерешенным. Он лавировал между различными течениями, стараясь только ни с одним из них не довести дело до решительного разрыва и ни с каким не связать себя слишком бесповоротно. Все же ему удалось провести через парламент окончательное предписание о созыве Генеральных Штатов на 27 апреля 1789 года.

1789 год. Состав Генеральных Штатов был таков. Представителями дворянства были 242 депутата из придворных и провинциальных дворян и 28 из чиновничьей аристократии. Духовенство представляли 48 архиепископов и епископов, 35 аббатов и деканов и 208 приходских священников. Третье сословие избрало двух духовных лиц, 12 дворян, 18 членов муниципалитетов, 100 чиновников, 212 адвокатов, 16 врачей и 126 купцов и сельских хозяев.

5 мая — открытие Генеральных Штатов. 17 июня представители третьего сословия вместе с присоединившимися

к ним представителями низшего духовенства по предложению аббата Сийеса большинством 491 против 90 голосов признали себя Национальным Собранием, т.-е. представительством всей французской нации: они заявили, что новые налоги могут взиматься лишь по утверждении их Национальным Собранием, а старые—лишь до тех пор, пока Национальное Собрание не будет распущено. Неккер предлагал объявить эти постановления лишенными всякой законной силы, а если бы третье сословие стало сопротивляться, распустить Генеральные Штаты. Парижский парламент в свою очередь предлагал распустить Генеральные Штаты и обещал в будущем беспрекословно вносить в регистры все финансовые эдикты. 20 июня, найдя запертым зал своих заседаний,—а заперли его под предлогом подготовки к королевскому заседанию Генеральных Штатов,—представители третьего сословия собрались в манеже для игры в мяч и по предложению Мунье принесли клятву—не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция. 22 июня Национальное Собрание заседало в церкви св. Людовика. Здесь к нему присоединилось еще около 150 представителей духовенства.

23 июня—«королевское заседание» Генеральных Штатов. Король заявил, что постановления 17 июня недействительны и что впредь Генеральные Штаты должны собираться по-сословно. Национальное Собрание отказалось подчиниться этому предписанию. Хотя войска были вызваны, но двор в решительный момент не рискнул пустить их в дело. 27 июня король предписал и тем депутатам от дворянства и духовенства, которые еще держались отдельно, присоединиться к Национальному Собранию.

Национальное Собрание приступило к выработке основных конституционных законов. Хотя они вступали в действие лишь по утверждении королем, однако фактически Национальное Собрание сыграло роль Учредительного Собрания («Конституанты»). 6 июля была избрана комиссия для выработки проекта конституции. Но двор стягивает к Парижу войска и явным образом готовится к разгону Национального Собрания. Последнее 8 и 9 июля потребовало удаления войск. 11-го король ответил насмешливым отказом.

В тот же день Неккер получил отставку. Составлено министерство из крайних реакционеров. 12 июля началось восстание в предместьях и пригородах. Часть войск присоединилась к восставшим. 13 июля восстание разрастается. Национальное Собрание объявило свои заседания постоянными. Народ вооружается, чем попало. Командный состав открывает, что он мог бы положиться только на часть войск, и воздерживается от решительных действий. 14 июля—взятие Бастилии. 15 июля—«королевское заседание» Национального Собрания и примирение его с королем. 16-го—полное разрушение Бастилии.

14 июля избрана новая конституционная комиссия. 27 и 28 июля от ее имени внесены в Национальное Собрание два первых доклада. 1 августа—начало прений по ним, в первую очередь по вопросу, должна ли конституции предшествовать декларация прав. 4 августа, когда пришли грозные известия о крестьянском восстании, вопрос был решен в утвердительном смысле. В тот же день знаменитое ночное заседание, поднявшее вопрос об отмене целого ряда феодальных прав,—большею частью под условием «справедливого выкупа» для тех, кому они доставляли доходы. 28 августа—начало прений по проекту конституции. 2 октября конституция окончательно выработана Национальным Собранием. Она установила однопалатную систему, но предоставляла королю налагать суспенсивное вето на решения Национального Собрания, задерживающее их проведение в жизнь на срок полномочий Собрания (постановление 11 сентября). По представлении декларации прав и конституции на утверждение Людовика XVI, он сказал, что даст ответ через несколько дней. Потом он ответил, что мог бы принять статьи конституции лишь с оговорками, о декларации же прав отказывается высказаться. Уже это означало, что двор постарается уничтожить все результаты работ Национального Собрания. В то же время двор начал спешные и широкие приготовления к государственному перевороту. Предполагалось увезти короля в Мец, откуда потом двинулась бы на Париж армия под командой генерала Буилье, Национальное Собрание было бы распущено, и революция задавлена.

В начале октября—празднества в Версале, которые с одобрения Марии Антуанеты превратились в вызывающие контр-революционные демонстрации: офицеры срывают с себя трехцветные национальные кокарды, топчут их ногами и заменяют белыми,—цветом Бурбонов. 3 октября в связи с продовольственным положением, повидимому, искуственно обостренным, начало волнений в Париже и пригородах. Вмешательство вооруженной силы увеличивает возбуждение. 4-го—демонстрации разрастаются. 5-го—вооруженное мужское и в особенности женское население пригородов двинулось в Версаль. После битвы со стражей Версаля народ утром 6 октября ворвался во дворец и заставил короля вместе с семьею переселиться в Париж под надзор революционного народа.

10 октября Национальное Собрание изменило прежний титул короля на новый: «Людовик, милостию Божиею и в силу учредительного закона государства, король французов». 12 октября начинаются решительные меры парижского городского управления против революционной («бунтовщической») печати, 19 октября Национальное Собрание, объявив себя неотделимым от особы короля, тоже переселилось в Париж. В тот же день король издал прокламацию, в которой выражает благоволение за те любовь и верность, с которыми его встретил «его добрый город Париж». 22-го—воспользовавшись новыми голодными беспорядками, Национальное Собрание по инициативе парижского городского управления, в чрезвычайно спешном порядке провело военный закон, направленный против всяких сходок и угрожавший жестокими наказаниями всем нарушителям спокойствия и порядка.

22 октября Национальное Собрание приняло двухстепенную систему выборов в Собрание и предоставило избирательное право только лицам, уплачивающим прямых налогов в сумме не менее обычного 3-дневного заработка. 27-го оно лишило избирательных прав сыновей несостоятельных должников. 28-го постановило, что выборщиком может сделаться только лицо, уплачивающее прямых налогов в сумме не менее 10-кратного дневного заработка, обычного в данном месте. 28-го — для того, чтобы иметь право на избрание депутатом Национального Собрания, необходимо уплачивать прямых налогов в сумме не менее 1 марки (=245 грамм) серебра. 12 ноября постановлено всю Францию разделить в административном отношении на 83 департамента, которыми заменялись старинные провинции с сословным строем управления. 14 декабря Собрание приняло закон о городском управлении, лишавший массы городского населения какого бы то ни было влияния на ход муниципальных дел. 22 декабря принята статья об условиях, при которых предоставляются права активного гражданина (право подавать свой голос на выборах).

1790 год. 15 января Национальное Собрание декретировало, что 3-дневная заработная плата исчисляется на основе обычных заработков не в промышленности, а в земледелии, и что при определении избирательного ценза размер дневной заработной платы не должен исчисляться выше 20 су. 22-го—главные постановления «военного закона» (о подавлении беспорядков), введенного 22 октября в Париже и окрестностях, распространены на всю Францию. 25-го—Робеспьер сделал тщетную попытку заставить Национальное Собрание отказаться от налогового избирательного ценза. 30 марта конституционная комиссия Собрания издала инструкцию, согласно которой, «хотя муниципалитеты могут оценивать поденную плату ниже 20 су, но они, чтобы увеличить свое влияние, не должны понижать эту цифру до смешных размеров».

9 июня Национальное Собрание постановило устроить в Париже «праздник федерации» (объединения старинных провинций в единую нацию). 14 июля (годовщина взятия Бастилии)—праздник федерации на Марсовом поле с многочисленными вооруженными представителями из разных частей Франции. Героем дня был Лафайет.

Август—резкие столкновения солдат гарнизона в Нанси с офицерами, удерживавшими солдатское жалованье. 16 августа, заслушав ложное сообщение о событиях, Национальное Собрание постановило отправить против Нанси карательную экспедицию под начальством генерала Буилье, который учинил жестокую расправу над солдатами и населением Нанси, поддержавшим солдат. Пало до 3.000 человек.

1791 год. 2 апреля скончался Мирабо. Робеспьер развертывает агитацию в пользу всеобщего избирательного права. Его речь, произнесенная в Национальном Собрании, 20 апреля прочитана с трибуны клуба кордельеров, который постановил отпечатать ее для массового распространения. 27-го—он произнес в Национальном Собрании новую речь против ценза в связи с организацией национальной гвардии. 28 мая, в связи с подготовкой к новым выборам,—против марки серебра. Развертывается агитация за предоставление народу возможности непосредственным голосованием утверждать важнейшие законы.

В феврале все упорнее становятся слухи о приготовлениях короля к бегству. 19 февраля большое возбуждение вызвал отъезд теток короля. 28-го — толпы народа собрались, чтобы разрушить венсенскую башню, через которую, как рассказывали, король подземным ходом хотел бежать из Тюильри. Национальная гвардия Лафайета рассеяла толпы. В Тюильри для защиты двора собрались дворяне, вооруженные кинжалами и пистолетами. 28 марта Национальное Собрание декретировало, что во время его сессий король должен иметь местопребывание не далее, как в 20 лье от места заседаний Собрания, при нем же должны находиться королева и наследник.

18 апреля, под предлогом встретить Пасху в Сен-Клу, король хотел бежать из Парижа к генералу Буилье. Народ принудил его возвратиться в Тюильри. Национальная гвардия воздержалась от всякого вмешательства. Чтобы усыпить бдительность двор опубликовал ряд документов, из которых следовало, что король добровольно признал все перемены в государственном строе и убеждает эмигрантов последовать его примеру и возвратиться во Францию.

В ночь с 20 на 21 июня королевская семья бежала из Парижа. Графу д'Артуа, брату Людовика, удалось достигнуть бельгийской границы. Гувернантка королевских детей была снабжена подложным паспортом на имя русской княгини Корф, Людовик превратился в ее камердинера, Мария Антуанета и принцесса Елизавета—в ее компаньонок; кроме того, бежали сын и дочь короля. Буилье выслал навстречу кавалерийские разъезды, но так как бегство состоялось тремя днями позже предположенного дня, то разъезды, предполагая, что дело расстроилось, возвратились. Беглецы уже миновали Шалон и начинали думать, что предприятие увенчалось успехом. Но в Менегу король выглянул из берлина (старинной кареты), чтобы поторопить со сменою лошадей. Почтмейстер Друэ поразился сходством выглянувшего толстого человека с горбатым носом с портретами короля на ассигнациях. Он помчался в Варенн, чтобы, опередив беглецов, поднять там тревогу. Собрана была национальная гвардия; когда подъехали беглецы, ударили в набат, и по настроению сбежавшегося народа король должен был убедиться, что его дело проиграно. Солдаты кавалерийского отряда, расположенного в Варенне, отказались подчиниться офицерам, которые хотели притти на помощь Людовику. 22-го—получен приказ о задержании короля с семьею и о возвращении их в Париж. Буилье, узнав о происшедшем, двинулся на выручку с отрядом драгун, но было уже поздно. 21-го—в Париже был опубликован манифест, оставленный королем перед побегом. Он обрушивался на Национальное Собрание за то, что оно отняло его наследственные права, лишило владений и заставляло утверждать ненавистные ему постановления. Он заявлял, что он не хочет жить узником парижского населения, которое постоянно оскорбляет его, и не может существовать на предоставленные ему 25 милл. ливров в год. Он будет искать в другом месте свободы, которой нет для него в Париже.

25 июня, по возвращении короля в Париж, Национальное Собрание постановило, что особая стража будет наблюдать за безопасностью короля и отвечать за его неприкосновенность. Это значило, что король не отстранен, но будет содержаться под стражей: вопрос оставался в неопределенном положении. После продолжительных прений, возобновлявшихся несколько раз, Национальное Собрание 15 июля издало декрет, который, еще не говоря прямо о восстановлении короля, всю вину за события возлагал на его советников.

14 и 15 июля в Париже начались манифестации за низложение Людовика. 16-го — составляются проекты соответствующих петиций Национальному Собранию. 17-го — граждане приглашаются на Марсово поле для подписания

петиции, которая требует, чтобы Национальное Собрание отменило свой декрет от 15 июля и, «приняв в соображение, что преступление Людовика XVI доказано и что этот король уже отрекся от престола, приняло это отречение и созвало учредительную власть, чтобы приступить истинно национальным путем к суду над виновным, а особенно к организации новой исполнительной власти». Лафайет и Бальи учинили жестокое избиение петиционеров. Королевская власть была восстановлена. Начались преследования всех, кто уклонялся влево от умеренно-либеральной линии фейльянтов.

1 сентября окончательно редактированные конституционные законы были представлены на утверждение короля. В письме от 13 сентября Людовик, недвусмысленно выразив свое отрицательное отношение к конституции, согласился утвердить ее, предоставив опыту окончательное решение вопроса о государственном устройстве. 14-го—он прибыл в Национальное Собрание и принес присягу конституции, что вызвало в Собрании взрыв монархических чувств. 30 сентября первое Национальное Собрание было распущено.

1 октября открытие второго Национального Собрания (или «Легислативы», Законодательного Собрания).

9 ноября Законодательное Собрание приняло декрет, грозивший смертною казнью эмигрантам, которые не возвратятся во Францию и будут составлять против нее заговоры. 29-го — Собрание постановило, что духовные лица, отказавшиеся признать гражданское устройство духовенства, должны в недельный срок принести присягу в верности нации, закону и королю или же дать соответствующее торжественное гражданское обещание,—иначе они будут лишены жалованья и признаны за подозрительных. Король отказался утвердить оба эти декрета.

1792 год. 10 марта Законодательное Собрание приняло декрет о возбуждении преследования против министра иностранных дел Делессара, возбудившего подозрения характером переговоров с венским двором. 12-го король дал отставку кабинету явных контр-революционеров де-Мольвиля, Нарбонна, Кайе де-Жервиля и Делессара и призвал к власти жирондистское министерство Ролана—Клавьера—Дюрантона—Дюмурье.

20 апреля объявлена война Австрии, с которой Пруссия немедленно вступила в союз.

27 мая Законодательное Собрание декретировало ссылку священников, отказавшихся принести присягу, 29-го—распущение королевской гвардии, 8 июля—сформирование под Парижем военного лагеря из 20.000 человек «федератов». Король отказался утвердить декреты о священниках и военном лагере и 13 июня дал отставку министерству Ролана, а 18-го пришлось выйти в отставку и Дюмурье. 20 июня—жирондистская демонстрация, закончившаяся фарсом и не давшая никаких результатов. 7 июля в Законодательном Собрании сцена «ламуретовского поцелуя»—комедия примирения всех партий между собою и Собрания с королем. В тот же день отстранены от должности мэр Петион и прокурор парижской коммуны Манюэль, не воспрепятствовавшие демонстрации 20 июня. Законодательное Собрание попрежнему вызывало федератов в Париж для записи в армию и постановило отнести расходы по их содержанию на государственные средства. Король утвердил постановление о сформировании военного лагеря под Парижем.

Король утвердил вынужденную отставку Петиона и Манюэля, 13 июля Собрание отменило его решения, и король опять уступил.

5, 11 и 20 июля Национальное Собрание объявило, что «отечество в опасности», и приняло ряд мер для его обороны. Заседания департаментских и городских советов объявлены непрерывными. Все граждане, способные носить оружие, должны быть во всякий момент готовы к призыву. Каждый гражданин, под угрозой тюремного заключения, обязан объявить муниципалитету об имеющемся у него оружии, которое подвергается реквизиции. Движение всколыхнуло всю Францию, до самых захолустных углов. Приток федератов усилился.

В начале августа распространяются известия о поражениях, понесенных французской армией. Тогда же доходит до Парижа манифест герцога Брауншвейгского, стоявшего во главе австро-прусских армий, требовавший под угрозою жестокого мщения восстановления старого строя.

10 августа восстание секций Парижа, поддержанных федератами. Дворец Тюильри взят, король низложен и вместе с семьею заключен в Тампль. Постановлено созвать Национальный Конвент. Восстановлено жирондистское министерство (Ролан—Клавьер—Серван), в которое министром юстиции вошел и Дантон.

11-го Собрание отменило деление граждан на активных и пассивных, понизило низший возраст избирателей с 25 до 21 года, отменило налоговый ценз, как условие избрания в выборщики и в члены Конвента, понизило минимальный возраст для последних до 25 лет. 17 августа учрежден революционный трибунал.

2 сентября, под влиянием известий о новых крупных неудачах французской армии и о падении нескольких крепостей, — избиение заключенных в тюрьмах роялистов и подозреваемых. 3 сентября продолжение самосудов («сентябрьские убийства»).

20 сентября—открытие Национального Конвента. Избран жирондистский президиум. 21-го декретирована отмена королевской власти. 22-го Франция провозглашена республикой и введено новое летоисчисление: все официальные документы должны впредь помечаться первым годом республики. 25-го французская республика объявлена единой и нераздельной. 4 декабря Конвент декретировал, что всякий, кто предложил бы установить во Франции королевскую власть или иным способом ограничить права нации, подлежит смертной казни.

13 ноября начало прений в Конвенте по вопросу о предании Людовика суду. 3 декабря вопрос решен в утвердительном смысле. 4-го декретирована смертная казнь для тех, кто будет домогаться аграрного закона. 23-го—начало процесса против Людовика в Конвенте. 28-го отвергнуто предложение предоставить народу в первичных избирательных собраниях окончательно утвердить будущий приговор.

1793 год. С 13 по 20 января голосования в Конвенте по делу Людовика. Людовик признан виновным и приговорен к смертной казни. 21-го приговор приведен в исполнение.

25 февраля голодные бунты в Париже. В марте открылась измена генерала Дюмурье. Разрастается восстание в Вандее, поддерживаемое эмигрантами и Англией.

15 апреля манифестация против жирондистов. Парижские секции требуют исключения 22 жирондистских депутатов из Конвента. 4 мая Конвент, согласно требованиям парижской коммуны, проводит таксы на хлеб. 24-го «комиссия двенадцати» представила Конвенту доклад о «преступлениях» коммуны и ее «заговоре» против Конвента. Постановлено арестовать Гебера и двух других должностных лиц Коммуны. 27-го они освобождены, и комиссия двенадцати упразднена. 28-го опять восстановлена. 29-го в Лионе восстание жирондистов, к которым присоединились умеренные и роялисты, против местной монтаньярской коммуны. В ночь на 31-е—восстание секций Парижа с требованием упразднения комиссии двенадцати и изгнания из Конвента 22 депутатов-жирондистов. 2 июня это восстание повторилось в более энергичных формах. Конвент исключил из своего состава 29 жирондистских депутатов и подверг их домашнему аресту. Часть из них вскоре бежала. До двух третей департаментов выступило против Конвента. Гражданская война («федералистское движение») охватила большую часть Франции. В особенности трудно было подавление восстаний в Лионе, Марселе и Тулоне и больше всего—в Вандее.

13 июля Шарлота Корде убила Марата.

Октябрь. Процесс против Марии Антуанеты. Гильотинирована 16-го. Октябрь, ноябрь, декабрь,—процессы против жирондистов, закончившиеся смертными приговорами. 24 октября введен новый республиканский календарь, все месяцы переименованы по временам года.

18 октября совет коммуны воспретил церковные процессии. 7 ноября парижский епископ Гобель вместе с викариями сложил с себя духовное звание. Тогда же начинаются выступления Робеспьера против парижской коммуны. В декабре обострение отношений между дантонистами и робеспьеристами.

1794 год. В ночь на 13 марта арест так называемых гебертистов, через несколько дней арестованы Шометт, Гобель и Паш. 24-го казнь гебертистов.

15 марта арестован Эро де-Сешель, 30—31 марта Дан-

тон, Камиль Демулен, Делакруа и Филиппо. 2—5 апреля процесс дантонистов. 5 апреля смертный приговор приведен в исполнение. 13 апреля гильотинированы Шометт, Гобель и вдовы Гебера и Демулена.

9-го термидора 2-го года республики (27 июля 1794 года) по постановлению Конвента объявлены вне закона и арестованы Максимилиан Робеспьер и его брат, Сен-Жюст, Кутон и другие робеспьеристы. На следующий день они были гильотинированы. В общем было казнено до 100 членов Горы. Демократический период революции закончился. Открылся период термидоровской реакции и белого террора.